

Ессе Номо

Научный
междисциплинарный
журнал

2025. Выпуск 3(17)

**Материалы III Всероссийской
студенческой научной конференции
«Философия как традиция и ценность»**

Omnium libelli publicantur, nostri tamen leguntur

в память о Вячеславе Юльевиче Сухачеве

Санкт-Петербург
2025

ББК 6/8
УДК 1+9
М9

Главный редактор:

Мусс Александр Игоревич, к.филос.н., клинический психолог

Редакционный совет:

Марков Борис Васильевич, д.филос.н., профессор; Львов Александр Александрович, д.филос.н., доцент; Орлова Надежда Хаджимерзановна, д.филос.н., доцент; Шиповалова Лада Владимировна, д.филос.н., доцент; Irina Deretić, Ph.D., Professor; Bogdana Koljević Griffith, Ph.D.; Sun Chia-Ting, Ph.D.

Редакционная коллегия:

Андреев Глеб Сергеевич, к.филос.н., культуролог (ученый секретарь); Владимиров Илья Юрьевич, д.псих.н., доцент; Ларионов Игорь Юрьевич, к.филос.н., доцент; Мараев Владимир Николаевич, к.филос.н.; Микиштьев Федор Михайлович, историк; Мусс Дарья Александровна, бакалавр психологии; Перова Нина Вадимовна, Институт философии РАН; Романова Ирина Константиновна, к.филос.н., доцент; Рябова Людмила Константиновна, к.ист.н., доцент; Собка Александр Андреевич, лаборант-исследователь Междисциплинарного научного центра антропологических исследований в образовании РГПУ им. А. И. Герцена; Тебякина Елена Евгеньевна, к.филос.н.; Fleming Daniel, бакалавр психологии; Schmid Manuela, бакалавр психологии; Летягин Павел Игоревич, младший научный сотрудник института физиологии им. И. П. Павлова РАН

М9

Ессе Номо. Научный междисциплинарный журнал [Электронное издание].

2025. Выпуск 3(17). Материалы III Всероссийской студенческой научной конференции «Философия как традиция и ценность». Отв. ред. А.А. Собка, М.С. Жарова, Н.П. Макарова, Р.Б. Радвильов, Ю.М. Соловьев, К.А. Мирзоев, Д.Б. Юшенкова, Д.Д. Афанасьев К.Е. Лёвочкин, М.С. Неаполитанский, Д.В. Снисаревская, А.С. Кириллова. – СПб., 2025. – 700 с.
Режим доступа: <https://eh-journal.com/welcome/russian/archive/>

В третьем выпуске 2025 года представлены материалы III Всероссийской студенческой научной конференции «Философия как традиция и ценность», состоявшейся 4-5 апреля 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете.

Научный междисциплинарный электронный журнал «Ессе Номо» основан группой исследователей — философов, психологов, историков и культурологов — с целью создания площадки для диалога между специалистами разных наук, общий объект исследования которых — человек. Издание адресовано специалистам в области философии, философской и культурной антропологии, психологии и истории, а также всем интересующимся актуальными проблемами современной науки.

Научное издание.

Тексты печатаются в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка: А.А.Собка

ISSN 2713-0940

ББК 6/8
УДК 1+9

© Коллектив авторов, 2025
© логотип Мусс А.И., Мусс Д.А., 2025

Содержание

I. Секция «История философии как история заимствований: традиции, плагиаты и множественные открытия»

Азаров Артемий Алексеевич. Учения о схематизме чистого рассудка И. Канта и И.Г. Фихте: к историко-философской состоятельности сюжета	16
Афанасьев Михаил Вячеславович. Понятие вины в правовой философии С.И. Гессена и К. Шмитта	21
Бакетов Матвей Николаевич. Фома Аквинский и Георг Кантор: существование бесконечности и бесконечность существующего	25
Вахрушев Михаил Артемович. Этика Лоренцо Валлы: возрождение философии или вырождение нравов	29
Джафаров Саид Сахаддин оглы. Структурный платонизм Альбера Лотмана, или об одной генеалогии «проблематического» в философии Жюль Делёза	33
Драгомирецкая Анастасия Станиславна. Рождение плагиата в античности: Псевдо-Архит «Десять общих понятий» и «Категории» Аристотеля	37
Дьяченко Алексей Дмитриевич. Определение как отрицание и принцип бытия в философии Николая Кузанского и Бенедикта Спинозы	41
Евлампиев Фёдор Игоревич. Артур Шопенгауэр и Анри Бергсон о практической направленности интеллектуального познания	45
Ежов Иван Дмитриевич. Для всех и ни для кого: омнибусы глазами Б. Паскаля и С. Кьеркегора	48
Зеннина Юлия Викторовна. Становление понятия «история» (Geschichte) в средневековый период в германской традиции	52
Зимин Валерий Владимирович. Философский персонаж французской мысли: М. Бланшо	56
Зубарев Роман Дмитриевич. Структура суждения в теории суждения Франца Brentano и Готлоба Frege: сравнительный анализ	60
Карулин Андрей Алексеевич. Концепт «Gemeinwesen» как инструмент критики капитализма: от Карла Маркса до Жака Каматта	64
Квита Евгений Алексеевич. Идея бессмертия души в журнале Н.И. Новикова «Вечерняя заря» и пари Паскаля: сходства и различия	68
Конькова Мария Сергеевна. «Путь пчелы»: античная зоология в философии Ф. Бэкона	72
Кочеров Андрей Алексеевич. Апокалипсис как катарсис: философские размышления о перерождении и возрождении	76
Крысанов Александр Олегович. «Ныне стоящее» и «ныне длящееся»: nunc stans «Волшебной горы» и «Мира как воли и представления»	80
Кузьмичев Всеволод Сергеевич. Философия и другое мышление: философская традиция в свете не-философии М. Хайдеггера и Ф. Ларюэля	84
Лисицына Ирина Андреевна. Философия и поэзия Ингеборг Бахман: в поисках истины за пределами рационализма	88
Львов Егор Александрович. «Invenio» Аврелия Августина в работах Мартина Бубера и Мартина Хайдеггера	92
Макарова Галия Михайловна. Понятие сущего и сущности у Аристотеля и Фомы Аквинского	95
Медведко Михаил Евгеньевич. Философские диалоги: В.С. Соловьев и Ф.В.Й. Шеллинг в контексте русской интеллектуальной традиции	99
Наумовец Полина Александровна. Реконструкция и интерпретация: комментарий в неоплатонической герменевтике	103
Рочева Анна Сергеевна. Трёхчастная душа: сходства и различия второй топики Зигмунда Фрейда и платоновской теории души	107
Сеничкинов Кирилл Андреевич. Опыт предела и невозможность высказывания: влияние сюрреализма на французскую мысль XX века	111
Старцева Арина. Кантианские основания в метафизике П. Стросона	115
Стрелков Максим Владиславович. Делёзианское заимствование как философская операция	119
Хмелевской Даниил Олегович. От традиции эпоса к априорному знанию: поиск философии в проэзии «О природе» Парменида	124

Чернова Полина Сергеевна. Р. Барт: концепция «Смерти автора» и ее влияние на интерпретацию текста и искусства	128
Чурип Георгий Андреевич. Предвосхищая Гуссерля: феноменологические изыскания В. Соловьева, Ч.С. Пирса и А. Бергсона	132
Юшенкова Дарья Борисовна. На стороне барокко: Ж. Лакан, Б. Грасиан и структуры остроумия	136

II. Секция «Восток на Западе и Запад на Востоке: проблема оксидентализма и ориентализма в кросскультурных исследованиях»

Афанасьев Данил Денисович. Мифологические сюжеты в трактатах «Мэн-цзы» и «Мо-цзы»: применение концепции «от мифа к логосу» Ф.Х. Кессиди в рамках исследования древнекитайской философской традиции	140
Дудников Павел Сергеевич. Особенности поклонения «демоническим» божествам в даосизме (на примере культа «Царствующих над нечистью»)	144
Жарова Мария Сергеевна. Применение концепции мести Э. Фромма в рамках исследования причин популярности темы мести в южнокорейском кинематографе	148
Имхасина Асия Хамудовна. Проблема ориентализма в западном кинематографе: образ Арабского Востока	152
Казымова Лейла Аллахверди гызы. Поиск уникального в универсальном: китайская «Новая волна»	156
Копырин Тимур Владиславович. Швабский даос: деконструкция метафизики как осмысление Дао в философии Мартина Хайдеггера	161
Королева Юлия Сергеевна. Искусство как зеркало культуры: кросскультурная перспектива визуальных практик	165
Крюк Артемий Денисович. Диалог Запада и Востока: параллели буддизма и пифагореизма	169
Лавелин Вадим Дмитриевич. Влияние западной экзистенциалистской философии на японскую философскую мысль на примере творчества Нисиды Китаро	173
Ланцова Алёна Сергеевна. Учение о демоне у Плотина и концепция трёх гун в индуизме: сходства и отличия	177
Мельниченко Станислав Александрович. Космотехника Юк Хуэя и хайдеггеровская философия техники: кросскультурный диалог между Востоком и Западом	181
Наговицын Иван Дмитриевич. Китайская популярная музыка как пример синтеза национальной традиции с мировым культурным мейнстримом	185
Пригарина Ирина Алексеевна. Игра с культурными кодами: художественное исследование бинарности Восток-Запад в творчестве Сюй Чжэня	189
Пузанова София Юрьевна. Дуальная идентичность Русской Духовной миссии в Китае: диалектика ориентализма и «самоориентализации» (разбор на примере первой половины XX века)	193
Рожкова Мария Дмитриевна. Стил «европейщина» и его место в китайской культуре	197
Серба Мария Алексеевна. Религиозные обряды и традиции индуизма в гравюрах Бернара Пикара (1673–1733) из собрания Научной библиотеки Российской академии художеств	201
Шемонаев Егор Александрович. Перцепция западной мифологии в современной массовой культуре Восточной Азии	205
Юе Гуйтин. Западное влияние на китайский фарфор в Республиканский период (1912–1949)	209

III. Секция «Аксиология русской культуры: трансформация традиции и традиция трансформации»

Борзова Екатерина Викторовна. Политика «русского стили» в ювелирном искусстве XIX века	214
Володинская Ангелина Игоревна. Реверсивная герменевтика: когда диалог невозможен	217
Вольская Николь Александровна. Отражение культурного кода: философия русской души в фильмах Петра Луцика	221
Головенко Зинаида Вадимовна. Дискурс Российского этнографического музея: идентичность, история, традиция	224
Зайцева Дарья Сергеевна. Память и ностальгия о советской повседневности 1960–1980-х годов в цифровом пространстве	228

Зинин Богдан Валерьевич. Старообрядчество в оценке русских народников второй половины XIX в.	232
Иванова Екатерина Андреевна. Герои-праведники в произведениях Ивана Шмелева как отражение образа «русского человека» в творчестве писателя-эмигранта	236
Ким Максим Шисуневич. «Не токмо почитати, но протолковати»: к проблеме чтения в Древней Руси	240
Лёвочкин Константин Егорович. «Что значит взрослеть?» Взгляд на проблему М. Мамардашвили	244
Литвинова Дана Александровна. Возрождение традиционной веры мари как причина популяризации неомифологизма и этнофутуризма в живописи художников республики Марий Эл	248
Ломоносова Алена Михайловна. Идеи Н.М. Карамзина в контексте спора западников и славянофилов	252
Лукина Алина Александровна. Игрушка народных промыслов СССР: ценностный аспект	256
Пышкин Иван Дмитриевич. «Doomer's aesthetic» как форма социальной рефлексии молодого поколения России	260
Тихомиров Иван Денисович. Место анекдота в постсоветской культуре	264
Якимова Анастасия Сергеевна. Концепт солидарности в учении В.С. Соловьева: история и современное прочтение	267

IV. Секция «Реконструкция повседневности и аргумент к морали: жизнь в чрезвычайном положении»

Гасенко Вадим Вадимович. Патология неприятия: мир несвободы как перевёрнутая реальность	271
Заднепровская Ариана Олеговна. Виновы ли: к вопросу о принятии коллективной ответственности	274
Козлова Анна Викторовна, Королев Роман Юрьевич. Власть чрезвычайного: кейс Е. Блиновской	278
Король Елена Александровна. Трансформация понятия «чрезвычайное положение» от полемики между К. Шмиттом и В. Бенямином до биополитического дискурса	283
Кочнева Мария Андреевна. Поэтический терроризм Хаким Бея как стратегия разрушения повседневности	287
Мирзоев Карен Авакович. Возвышенный исторический опыт и примирение: возможен ли неконсервативный способ пережить коллективную травму?	290
Очкалов Максим Романович. Человеческая ситуация в «Симплициссимусе» Г.Я.К. Гриммельсгаузена: опыт трикстера эпохи «великих перемен»	294
Репина Анастасия Владиславовна. Тенденция к забвению: механизмы подавления памяти о травматических событиях	298
Сташевски Марк. Кризисная антропология: «homo in discrimine»	302
Степная Кристина Артемовна. Агамбенский Пульчинелла в рамках концепции чрезвычайного положения К. Шмитта	305
Федяев Родион Витальевич. Греческая трагедия как недостаточное средство восприятия реальности ужаса	309
Шалупенко Марина Михайловна. Вынужденная миграция как фактор нарушения повседневности	313

V. Секция «Катализация заботы в цифровой среде: от тамагочи до селф-треккинга»

Будаев Даниил Артемьевич. Игра в заботу: ювенализация и терапевтические аспекты инди-игр	317
Булавина Беата Вячеславовна. В поисках потерянного времени: событийность заботы перед лицом виртуального	321
Бычкова Анна Сергеевна. Самодеятельность как форма существования советской культуры	324
Гринь Софья Дмитриевна. Влияние цифровых технологий на модификацию заботы в озабоченность в контексте «Истории сексуальности» Мишеля Фуко	328
Дакин Павел Николаевич. Искусственный интеллект и голосовые помощники: обладает ли «техника» словом? (Н <i>τέχνη λόγον ἔχον</i>)	332
Ермишкина Ирина Дмитриевна. Императив заботы как инструмент капиталистической эксплуатации в цифровой среде	336
Макарова Надежда Павловна. «Позаботься о цифровом посмертии!»	340

Мурзин Александр Александрович. Цифро-завода: формирование новых идентичностей через цифровые интерфейсы	344
Передия Анна Викторовна. Аксиоматика программного и социального в онлайн-общении: субъект как пользователь	348
Посохова Мария Александровна. Виртуальные питомцы и коммерциализация заботы: как компании используют формулу привязанности тамагочи	352
Спирidonov Богдан Константинович. Метафизика маски в цифровой среде	356
Ястребова Ульяна Викторовна. Дигитальная религиозность: как смартфоны трансформируют христианские практики	360

VI. Секция «Философские гибриды: диалог континентальной и аналитической традиций в XXI веке»

Ананьева Аполлинария Ивановна. Как возможна социальная эпистемология за пределами континентальной традиции?	364
Гилев Данила Ильич. Концепция идеологии в социальной философии Салли Хаслангер	367
Гич Дмитрий Владимирович. Решение М. Блэком парадокса анализа	371
Диль Игорь Владимирович. Концептуальное у М. Хайдеггера и Дж. Макдауэлла	374
Житнев Никита Владиславович. Между поэтом и юристом: сантехническая добродетель философа	378
Зорин Егор Юрьевич. Аналитическая философия и её мифы: инференциалистская семантика Роберта Брэндона сквозь призму философии мифологии	382
Каюткин Денис Юрьевич. О новом начале философии музыки	385
Кошутин Кирилл Юрьевич. Право, мораль и судебское усмотрение: философский анализ дискуссии Г. Харта и Р. Дворкина	388
Кузнецов Фёдор Николаевич. Что значит для трансцендентализма множественность минимального?	391
Лукшин Денис Александрович. Аналитическая феноменология: на границе аналитической и континентальной традиций	395
Половинкина Елена Александровна. Феноменологический подход в рамках аналитической философии сознания: от заимствований к синтезу	399
Ратникова Елена Сергеевна. Институциональная теория Дж. Дики на стыке континентальной и аналитической философии	404
Рафиков Амир Тимурович. Феноменология и «Миф о Данном»	408
Собка Александр Андреевич. Философия Николаса Решера: понятие процесса между американским прагматизмом и континентальным идеализмом	411
Холодный Егор Андреевич. Гибридные теории в метазитке как место встречи аналитической и континентальной философии	416

VII. Секция «Эстетика повторения: от скольжения к залипанию»

Гущин Евгений Васильевич. Повторение в кино: основные причины пересмотра фильмов	420
Долинская Анна Андреевна. Носферату, симфония повторения: плагиат, ремейк и акторы в смерти	424
Доманова Софья Алексеевна. Метафизика за кулисами театра А. Арто: концепт не-повторения	428
Инсарова Екатерина Владимировна. Экранная культура в пространстве музея: модель Б. Гройса	431
Карташова Анна Александровна. «Сыграй это ещё раз, Сэм!»: многократное возвращение к произведениям искусства через призму эстетической теории И. Канта	434
Кривоногов Лев Валерьевич. Образ-время и образ-движение: цветовая символика в фильме И. Бергмана «Шёпоты и крики»	437
Кубышкин Роман Вячеславович. Эстетика реального в современную эпоху	441
Лебедев Данила Александрович. Пересмотр кино как философский акт: эпистемическая реконфигурация и темпоральность	444

Мальков Кирилл Андреевич. Молодежные контркультуры XX века с точки зрения учения Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском началах	448
Матвеева Мария Алексеевна. Искусство вовлечения на примере сериала «Твин Пикс»: от феномена скольжения к практике залипания	452
Мержеевская Арина Дмитриевна. Рекурсивность ужаса: темпоральные аспекты эстетического опыта в хоррор-кинематографе	456
Мурашова Анастасия Александровна. Ностальгия в кинематографе: эффективность использования прошлого в создании нового зрительского опыта	460
Панов Сергей Эдуардович. Феноменология кинообъекта: о воображении и репрезентации в киноопыте	464
Ромашенко Семен Тимофеевич. Шаблоны и вариации: ритмизованная эстетика интернет-мемов	468
Руфина Дарья Геннадьевна. Повторение и трансформация в эстетике TikTok как механизмы актуализации экзистенциального опыта	471
Сабрекова Анастасия Дмитриевна. Пересматривание: рефлексия над фильмом или над самим собой?	475
Сарманов Ни, Мужиченко Алла Сергеевна. Итеративное повествование в литературе и кинематографе: материальный фактор в производстве опыта времени	478
Стругова Екатерина Александровна. «Довольно!»: эстетический анализ скуки и отвращения в кино	482
Тивикова Мария Юрьевна. Пересматривание фильмов как форма эскапизма и эстетики повторения	486
Троенко Алиса Алексеевна. Феномен «Гарри Поттера»: хонтологические основания возвращения к Хогвартсу	490
Хисматова Дания Газизовна. Повторение как источник новизны в эстетическом восприятии песен мюзиклов	494
Шелковникова Елизавета Александровна. Эстетика повторяющихся ритуалов: как мы теряем и находим себя в повседневности?	498
Шукина Александра Валентиновна. Трикстер и гиперреальность в кинематографе XXI века: «Джокер» Тодда Филлипса	502

VIII. Секция «Анатомия Санкт-Петербурга: философия городского пространства, архитектуры и эстетической атмосферы»

Блатова Екатерина Владиславовна. Кружки на карте: взаимосвязь городского пространства Санкт-Петербурга с профессиональными и идеологическими взглядами организаторов литературных объединений на рубеже XIX–XX вв.	507
Босенко Михаил Эдуардович, Гулина Вероника Денисовна, Бардукова Дарья Дмитриевна Соседские онлайн-сообщества и восприятие жителями Санкт-Петербурга городского пространства: перспективы исследования	511
Гаврилин Евгений Михайлович. От «не-места» к «месту»: фланирование как практика присвоения городского пространства	516
Глушкова Анастасия Игоревна. «Remote Петербург»: атмосферы архитектурно-городского пространства в эстетико-философской трактовке Т. Гриффери и Э. Де Стефано	520
Дмитриенко Ирина Евгеньевна. Концептуальность пространства Лахта Центра	525
Маматов Ленмар Шамильевич. Санкт-Петербург как форма многообразия городского пространства и архитектуры: синтез эстетической атмосферы через призму урбанистики, сенсорики и климатологии	529
Мусс Дарья Александровна. Пространства кладбищ Санкт-Петербурга как «места встречи» и «места уединения»	533
Паршина Лада Витальевна. Санкт-Петербург как большой собор: возвышенный образ северной столицы посредством феноменологического свидетельства	537
Радивилов Роман Борисович. Атмосферные явления Санкт-Петербурга	541
Сивков Максим Николаевич. Новое поколение «петербургского» текста: песни А.Я. Розенбаума о Санкт-Петербурге	545

IX. Секция «Earth studies: геофилософия, история наук о Земле и социология окружающей среды»

Абрамычев Михаил Михайлович. Сопротивление природы в научном познании	549
Головин Роман Евгеньевич. От блуждания к аномалиям и тайникам: геокэшинг и рандонавтика как практики интенсивной географии	553
Жаркова Дарья Владимировна. «Построен кратчайший маршрут»: алгоритмы и интерфейсы в гео-приложениях	557
Закураева Елизавета Дмитриевна. Антропоцен как новая эстетическая эпоха: изменение восприятия и формы в современном искусстве	561
Иванова Александра Максимовна. Природа и война: интерсекции	566
Косьяненко Никита Евгеньевич. Книга с живыми листами: возраст Земли в стихах русских поэтов XIX века	569
Ламской Кир. Гладкие и рифлёные пространства в контексте центр-периферийного закона географии	573
Неаполитанский Максимилиан Сергеевич. Различие взгляда на Землю со стороны И. Канта и Ф.В.Й. Шеллинга как одна из предпосылок появления геофилософии	576
Семухин Семен Константинович. Дом как точка на координатах геофилософии: раскрытие Земли через строительство на примере хижин М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна	579
Фрицлер Лидия Сергеевна. Как мы сочувствуем ложке: онтология театра предмета	583
Чадова Елизавета Владимировна. «Большая» и «малая» земля в художественных текстах Элен Сиксу: от глобального к локальному	587
Шадрина Софья Алексеевна. Геофилософия шаманизма: природа Сибири в лоне шаманизма	590

X. Секция «Политика объяснения: место философских программ в современных научных исследованиях»

Аристова Марина Олеговна. Философские аспекты теории биоэкономики Джорджеску-Регена: диалектика энтропии	594
Боброва Владислава Юрьевна. Необъяснимый искусственный интеллект: проблема или закрытый ящик?	597
Валеева Надежда Борисовна. Бесконечный эксперимент: политики экспериментов в образовании	601
Гамахария Паата Джейранович. Эволюционная теория с точки зрения философии науки Томаса Куна и Имре Лакатоса	604
Гурьянов Алексей Владимирович. Антиномии современного образования: от «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля к «Логике смысла» Ж. Делёза	609
Игнатьева Ксения Вадимовна. Нейромарксизм как скрытая идеология искусственного интеллекта	613
Катор Тимофей Эдуардович. Повседневность в журнале «Крокодил»: от репрезентации к конструированию	617
Кириллова Анастасия Сергеевна. Исторический срез: определение темпоральности в социальных исследованиях	622
Красюкова Юлия Андреевна. Философское переосмысление теоретических оснований культурсоциологии как ответ на вызов времени	625
Моретц Филипп. Василиск Роко: настоящее под шантажом у будущего. Почему прогнозы будущего несут опасность для нашего общества	628
Липатов Антон Алексеевич. Морфология И.В. Гёте как прото-феноменология: тонкий метод между рационализмом и эмпиризмом, интуицией и дискурсивностью в научной теории и практике	632
Листопадов Матвей Викторович. Океан взаимных несоизмеримостей: портрет науки в эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда	637
Махова Софья Артёмовна. Баланс интересов как метод цивилистического исследования	641
Семовских Яша Станиславовна. Установочный метод ЦИТа: STS в советской научной организации труда	646
Соловьев Юрий Максимович. Рефлексия на стыке теоретического знания и практики: проблема клише	650
Черноножкин Семен Александрович. Эпистемология сложных систем: как спасти науку от самоуничтожения с помощью наследия Грегори Бейтсона	655

XI. Секция «Верность в малом: «умаление» как религиозный опыт и практика»

Бекренёва Виктория Андреевна. Образ Христа в русской живописи конца XIX – первой четверти XX вв.	659
Зоренко Полина Александровна. Мистический опыт С. Франка и С. Вейль: родственность социокультурного контекста	663
Корнеев Кирилл Евгеньевич. Влияние традиционных христианских ценностей на русскую литературу XX века	668
Кропотов Роман Сергеевич. Умаление как восхождение (на примере сочинений Плотина и Евагрия)	672
Салахов Аркадий Борисович. Отношение академических богословов конца XIX – начала XX вв. к Ф. Шлейермахеру	676
Свириденко Антон Алексеевич. «О душе» Тертуллиана: полемика христианской антропологии с языческим рационализмом	681
Снисаревская Далила Владиславовна. Миряне в буддийском медиа-пространстве (на примере публичной страницы Дацана Гунзчойнэй)	685
Ухатюк Юрий Игоревич. Добродетель послушания в прусском гражданском этосе в XIX в.	689
Ченцова Дарья Александровна. Ислам как “lived religion”: индивидуальный опыт, «отречение себя» и «переизобретение» традиции	693
Шестаков Михаил Алексеевич. Понятие кенозиса в немецкой протестантской теологии XVI – XIX вв.: М. Лютер, Г. Гегель, рационализм	697

Contents

I. Section «The History of Philosophy as a History of Borrowing: Traditions, Plagiarism, and Multiple Discoveries»

Azarov Artemii. The Doctrines of the Schematism of Pure Reason by I. Kant and J.G. Fichte: Towards the Historical and Philosophical Validity of the Plot	19
Afanasyev Mikhail. The Concept of Guilt in Philosophy of Right of S. I. Gessen and K. Schmitt	23
Baketov Matvey. Thomas Aquinas and Georg Kantor: The Existence of Infinity and the Infinity of Existing	28
Vakhrushev Mikhail. The Ethics of Lorenzo Valla: The Revival of Philosophy or the Degeneration of Morals	31
Jafarov Said. Albert Lotman's Structural Platonism, or on One Genealogy of the "Problematic" in the Philosophy of Gilles Deleuze	36
Dragomiretskaya Anastasia. The Birth of Plagiarism in Antiquity: Pseudo-Archytus "On the Ten Categories" and Aristotle's "Categories"	40
Dyachenko Alexey. Definition as Negation and the Principle of Being in the Philosophy of Nicolaus of Cusa and Benedict Spinoza	43
Evlampiev Fedor. Arthur Schopenhauer and Henri Bergson on Practical Orientation of Intellect	47
Ezhov Ivan. For All and None: Omnibuses through the Eyes of B. Pascal and S. Kierkegaard	51
Zenina Iuliia. The Development of the Concept of "History" (Geschichte) in the Medieval Period in the Germanic Tradition	55
Zimin Valeriy. The Philosophical Person of French Thought: M. Blanchot	59
Zubarev Roman. The Structure of Judgment in the Theory of Judgment by Franz Brentano and Gottlob Frege: A Comparative Analysis	63
Karulin Andrey. The Gemeinwesen Concept as a Instrument for Criticizing Capitalism: From Karl Marx to Jacques Camatt	66
Kvita Evgeny. The Idea of the Immortality of the Soul in Periodical «Vechernyaya Zarya» Edited by N.I. Novikov and the Pascal's Wager: Similarities and Differences	70
Konkova Maria. "The Way of the Bee": Ancient Zoology in the Philosophy of F. Bacon	75
Kocherov Andrei. The Apocalypse as Catharsis: Philosophical Reflections on Rebirth and Renewal	79
Krysanov Alexander. "Now Standing" and "Now Lasting": The Nunc Stans of "The Magic Mountain" and "The World as Will and Representation"	83
Kuzmichev Vsevolod. Philosophy and Another Thinking: The Philosophical Tradition in the Light of the Non-Philosophies of M. Heidegger and F. Laruelle	87
Lisitsyna Irina. Philosophy and Poetry of Ingeborg Bachmann: In Search of Truth Beyond Rationalism	91
Lvov Yegor. "Invenio" of Aurelius Augustine in the Works of Martin Buber and Martin Heidegger	94
Makarova Galiya. The Concept of Being and Essence in Aristotle and Thomas Aquinas	98
Medvedko Mikhail. Philosophical Dialogues: V.S. Solovyov and F.V.J. Shelling in the Context of the Russian Intellectual Tradition	101
Naumovets Polina. Reconstruction and Interpretation: Commentary in Neoplatonic Hermeneutics	105
Rocheva Anna. A Tripartite Soul: Similarities and Differences of Sigmund Freud's Second Topography and Plato's Theory of Soul	109
Senichenkov Kirill. The Experience of the Limit and the Impossibility of Utterance: The Influence of Surrealism on French Thought of the Twentieth Century	114
Startseva Arina. Kantian Foundations in P. Strawson's Metaphysics	117
Strelkov Maxim. Deleuzian Borrowing as a Philosophical Operation	122
Khmelevskoi Daniil. From the Tradition of the Epic to A Priori Knowledge: The Search for Philosophy in the Proem "On Nature" by Parmenides	126
Chernova Polina. R. Barthes: The Concept of the "Death of the Author" and Its Impact on the Interpretation of Text and Art	130
Churin George. Anticipating Husserl: The Phenomenological Explorations of V. Soloviev, C.S. Peirce and A. Bergson	134
Yushenkova Daria. On the Side of the Baroque: J. Lacan, B. Gracian and the Structures of Wit	138

II. Section «East in the West and West in the East: The Problem of Occidentalism and Orientalism in Cross-Cultural Research»

Afanasiev Danil. Mythological Subjects in the Treatises “Meng-tzu” and “Mo-tzu”: Application of the Concept “From Myth to Logos” by P. Cassidy in the Framework of the Study of the Ancient Chinese Philosophical Tradition	143
Dudnikov Pavel. The Worship of “Demonic” Deities in Daoism (The Case of “Demon Kings” Cult)	146
Zharova Mariya. The Application of E. Fromm’s Concept of Revenge in the Framework of the Study of the Reasons for the Popularity of the Theme of Revenge in South Korean Cinema	150
Imkhasina Asiya. The Problem of Orientalism in Western Cinematography: The Image of the Arab East	154
Kazymova Leila. The Search for the Unique in the Universal: China’s “New Wave”	159
Kopyrin Timur. Swabian Taoist: Deconstruction of Metaphysics as an Understanding of Tao in Martin Heidegger’s Philosophy	164
Koroleva Yulia. Art as a Reflection of Culture: A Cross-Cultural Exploration of Visual Practices	167
Kriuk Artemiy. Dialogue Between East and West: Parallels Between Buddhism and Pythagoreanism	172
Lavelin Vadim. The Impact of Western Existentialist Philosophy on Japanese Philosophical Thought on the Case of the Work of Nishida Kitaro	176
Lantsova Alena. Plotinus’ Doctrine of the Daimon and the Concept of the Three Gunas in Hinduism: Similarities and Differences	179
Melnichenko Stanislav. Cosmotekhnics of Yuk Hui and Heidegger’s Philosophy of Technology: A Cross-Cultural Dialogue Between East and West	183
Nagovitsyn Ivan. Chinese Popular Music as an Example of the Synthesis of National Tradition with the World Cultural Mainstream	188
Prigarina Irina. Playing with Cultural Codes: An Artistic Study of the East-West Binary in Xu Zhen’s Artworks	192
Puzanova Sofia. The Dual Identity of the Russian Spiritual Mission in China: Dialectics of Orientalism and Self-Orientalization in the First Half of the 20th Century	196
Rozhkova Mariia. The “European Style” and Its Place in Chinese Culture	200
Serba Maria. Religious Rites and Traditions of Hinduism in Engravings by Bernard Picard (1673-1733) from the Collection of the Scientific Library of the Russian Academy of Arts	204
Shemonaev Egor. Perception of Western Mythology in Contemporary East Asian Popular Culture	208
Yue Guiting. Western Influence on Chinese Porcelain During the Republican Period (1912–1949)	212

III. Section «Axiology of Russian Culture: Transformation of Tradition and Tradition of Transformation»

Borzova Ekaterina. The Politics of “Russian Style” in Jewelry Art of the 19th Century	216
Volodinskaia Angelina. Reverse Hermeneutics: When Dialogue Is Impossible	219
Volskaya Nikol. Reflections of a Cultural Code: The Philosophy of the Russian Soul in the Films of Petr Lutsik	223
Golovenko Zinaida. The Russian Museum of Ethnography Discourse: Identity, History, Tradition	226
Zaitseva Darya. Memory and Nostalgia of the Soviet Everyday Life of the 1960s–1980s in the Digital Space	231
Zinin Bogdan. The Old Believers in the Assessment of the Russian Narodniks of the Second Half of the 19th Century	235
Ivanova Ekaterina. Righteous Heroes in the Works of Ivan Shmelev as a Reflection of the Image of the “Russian man” in the Work of the Emigrant Writer	239
Kim Maksim. “Not Only to Read, but to Interpret”: To the Problem of Reading in Ancient Russia	243
Levochkin Konstantin. “What Does it Mean to Grow Up?” A Look at the Problem from M. Mamardashvili’s Perspective	246
Litvinova Dana. The Revival of the Traditional Mari Faith as the Cause for the Popularization of Neo-Mythologism and Ethnofuturism in the Paintings of Artists of the Mari El Republic	251
Lomonosova Alena. Ideas of N.M. Karamzin in the Context of the Controversy Between the Westerners and the Slavophiles	254
Lukina Alina. A Toy of Folk Crafts of the USSR: The Value Aspect	258
Pyshkin Ivan. “Doomer’s aesthetic” as a Form of Social Reflection of the Young Generation of Russia	263

Tikhomirov Ivan. Anecdote in Post-Soviet Culture	266
Yakimova Anastasia. The Concept of Solidarity in the Teachings of V. Solovyov: History and Modern Interpretation	270

IV. Section «Reconstruction of Everyday Life and an Argument to Morality: Life in a State of Emergency»

Gasenko Vadim. The Pathology of Non-Acceptance: The World of Unfreedom as an Inverted Reality	273
Zadneprovskaya Ariana. Are They Guilty: The Issue of Accepting Collective Responsibility	276
Kozlova Anna, Korolev Roman. The Domination of the Emergency: The Case of E. Blinovskaya	281
Korol Elena. Transformation of the Concept of “State of Emergency” from the Polemics Between C. Schmitt and W. Benjamin to the Biopolitical Discourse	286
Kochneva Maria. Hakim Bey’s Poetic Terrorism as a Strategy for Destroying Everyday Life	289
Mirzoev Karen. Sublime Historical Experience and Reconciliation: Is There a Non-Conservative Way to Face a Collective Trauma?	292
Ochkalov Maxim. The Human Condition in H. J. C. Grimmelshausen’s <i>Simplicissimus</i> : The Experience of the Trickster of the Age of “Great Change”	297
Repina Anastasia. Tendency to Forget: Mechanisms of Suppression of Memory of Traumatic Events	301
Stashevski Mark. Crisis Anthropology: “Homo in Discrimine”	304
Stepnaia Kristina. Agamben’s <i>Pulcinella</i> in the Framework of K. Schmitt’s Concept of the State of Emergency	308
Fediaev Rodion. Greek Tragedy as an Insufficient Means of Perceiving the Reality of Horror	311
Shalupenka Maryna. Forced Migration as a Factor in Disrupting Everyday Life	315

V. Section «Catalyzing Care in a Digital Environment: From Tamagotchi to Self-Tracking»

Budaev Daniil. Playing Care: Juvenalization and Therapeutic Aspects of Indie Games	320
Bulavina Beata. In Search of Wasted Time: The Eventfulness of Care in the Face of the Digital	323
Bychkova Anna. Amateur Practices as a Form of Soviet Culture	326
Grin Sophia. The Influence of Digital Technologies on the Modification of Caring into Concern in the Context of Michel Foucault’s “History of Sexuality”	331
Dakin Pavel. Artificial Intelligence and Voice Assistants: Does “Technique” Have a Word? (Η τέχνη λόγον ἐχον)	335
Ermishkina Irina. The Imperative of Caring as a Tool of Capitalist Exploitation in the Digital Environment	339
Makarova Nadezhda. “Take Care of the Digital Afterlife!”	343
Murzin Alexander. Digital-Care: Forming New Identities Through Digital Interfaces	346
Perednya Anna. Axiomatics of the Programmatic and the Social in Networked Communication: The Subject as a User	350
Posokhova Mariia. Virtual Pets and Commodification of Caring: How Companies Use the Tamagotchi Formula of Attachment	354
Spiridonov Bogdan. The Metaphysics of Masks in the Digital Environment	358
Iastrebova Uliana. Religiosity in the Digital Age: How Smartphones are Changing Christian Practices	362

VI. Section «Philosophical Hybrids: Dialogue between Continental and Analytical Traditions in the 21st Century»

Ananeva Apollinariia. How Is Social Epistemology Possible Outside the Continental Tradition?	366
Gilev Danila. The Concept of Ideology in Sally Haslanger’s Social Philosophy	370
Gich Dmitrii. M. Black’s Solution to the Paradox of Analysis	373
Dill Igor. Conceptual in M. Heidegger and J. McDowell	376
Zhitenev Nikita. Between a Poet and a Lawyer: The Plumbing Virtue of a Philosopher	380

Zorin Egor. Analytic Philosophy and Its Myths: Robert Brandom's Inferentialist Semantics Through the Lens of the Philosophy of Mythology	384
Kayutkin Denis. A New Beginning in the Philosophy of Music	387
Koshutin Kirill. Law, Morality, and Judicial Discretion: A Philosophical Analysis of the Hart-Dworkin Debate	390
Kuznetsov Fedor. What Does the Plurality of the Minimal Mean for Transcendentalism?	393
Lukshin Denis. Analytical Phenomenology: On the Edge of Analytical and Continental Traditions	398
Polovinkina Elena. Phenomenological Approach Within the Framework of the Analytical Philosophy of Consciousness: From Borrowings to Synthesis	402
Ratnikova Elena. The Institutional Theory of J. Dickie Is at the Intersection of Continental and Analytical Philosophy	407
Rafikov Amir. Phenomenology and "Myth of the Given"	410
Sobka Aleksandr. The Philosophy of Nicholas Rescher: The Notion of Process Between American Pragmatism and Continental Idealism	414
Kholodnyy Egor. Hybrid Theories in Metaethics as a Meeting Place for Analytical and Continental Philosophy	418

VII. Section «The Aesthetics of Repetition: From Sliding to Sticking»

Gushchin Evgeny. Repetition in Cinema: The Main Reasons for Rewatching Films	423
Dolinskaya Anna. Nosferatu, a Symphony of Reprise: Plagiarism, Remake and Actors in Death	427
Domanova Sofia. Metaphysics Behind the Scenes of the Artaud Theatre: The Concept of Non-Repetition	430
Insarova Ekaterina. Screen Culture in the Museum Space: B. Groys Model	433
Kartashova Anna. "Play It Again, Sam!": Repeated Return to Works of Art Through the Prism of I. Kant's Aesthetic Theory	436
Krivosnogov Lev. Time-Image and Movement-Image: Color Symbolism in I. Bergman's "Cries and Whispers"	439
Kubyshkin Roman. Aesthetics of the Real in the Modern Era	443
Lebedev Danila. Redefining Cinema as a Philosophical Act: Epistemic Reconfiguration and Temporality	446
Malkov Kirill. Youth Countercultures of the Twentieth Century from the Point of View of F. Nietzsche's Teachings on Apollonian and Dionysian Principles	451
Matveeva Mariia. The Art of Engagement on the Example of the TV Series Twin Peaks: From the Phenomenon of Sliding to the Practice of Sticking	455
Merzheevskaya Arina. Recursion of Horror: Temporal Aspects of the Aesthetic Experience in Horror Cinema	458
Murashova Anastasia. Nostalgia in Cinema: The Effectiveness of Using the Past to Create a New Audience Experience	463
Panov Segei. Phenomenology of the Film Object: On Imagination and Representation in the Film Experience	467
Romashchenko Semen. Patterns and Variations: The Rhythmic Aesthetics of Internet Memes	470
Rufina Daria. Repetition and Transformation in TikTok Aesthetics as Mechanisms for Actualizing Existential Experience	474
Sabrekova Anastasiya. Rewatching: Reflection of the Film or of Yourself?	477
Sarmanov Ni, Muzhichenko Alla. Iterative Narration in Literature and Cinema: The Material Aspect in Creating of the Experience of Time	481
Strugova Ekaterina. "Enough!": An Aesthetic Analysis of Boredom and Disgust in Cinema	484
Tivikova Maria. Rewatching Films as a Form of Escapism and the Aesthetics of Repetition	489
Tromenko Alisa. The "Harry Potter" Phenomenon: The Ontological Grounds for Returning to Hogwarts	492
Khismatova Daniya. Repetition as a Source of Novelty in the Aesthetic Appreciation of Songs from Musicals	497
Shelkovnikova Elizaveta. Aesthetics of Repetitive Rituals: How We Lose and Find Ourselves in the Everyday?	500
Shchukina Alexandra. Trickster and Hyperreality in the Cinema of the XXI Century: "The Joker" by Todd Phillips	505

VIII. Section «Anatomy of Saint Petersburg: Philosophy of Urban Space, Architecture and Aesthetic Atmosphere»

Blatova Ekaterina. Circles on the Map: The Relationship Between the Urban Space of St. Petersburg and the Professional and Ideological Views of the Organizers of Literary Associations at the Turn of the 19th and 20th Centuries	509
Bosenko Mikhail, Gulina Veronika, Bardukova Daria. Online Neighboring Communities and Perception of Urban Space by St. Petersburg Residents: Research Prospects	514
Gavrilin Evgeny. From “Non-Place” to “Place”: Flânerie as a Practice of Appropriating Urban Space	518
Glushkova Anastasiia. “Remote Petersburg”: The Atmospheres of Architectural and Urban Space in the Aesthetic and Philosophical Interpretation of T. Griffèro and E. De Stefano	523
Dmitrienko Irina. Conceptuality of the Lakhta Center’s Space	527
Mamatov Lenmar. Saint Petersburg as a Form of Diversity of Urban Space and Architecture: Synthesis of Aesthetic Atmosphere through the Prism of Urbanism, Sensorics and Climatology	532
Muss Daria. Spaces of Cemeteries in Saint Petersburg as “Meeting Places” and “Retreat”	535
Parshina Lada. Saint Petersburg as a Grand Cathedral: The Sublime Image of the Northern Capital Through Phenomenological Witness	539
Radvilov Roman. Atmospheric Phenomena of Saint Petersburg	543
Sivkov Maxim. A New Generation of “Petersburg” Text: A.Y. Rosenbaum Songs About Saint Petersburg	548

IX. Section «Earth studies: Geophilosophy, History of Earth Sciences and Environmental Sociology»

Abramychev Mikhail. Resistance of Nature in Scientific Knowledge	552
Golovin Roman. From Wandering to Anomalies and Hiding Places: Geocaching and Randonautica as Practices of Intensive Geography	555
Zharkova Daria. “The Shortest Route Has Been Calculated”: Algorithms and Interfaces in Geospatial Applications	559
Zakuraeva Elizaveta. The Anthropocene as a New Aesthetic Epoch: Changing Perception and Form in Contemporary Art	564
Ivanova Aleksandra. Nature and War: Intersections	568
Kosyanenko Nikita. The Book with Living Leaves: The Age of the Earth in the Poems of Russian Poets of the 19th Century	571
Lamskoy Kir. Smooth and Striated Spaces in the Context of the Center-Periphery Model of Geography	575
Neapolitanskiy Maximilian. The Difference in the Perception of the Earth by Kant and Schelling as a Prerequisite for the Emergence of Geophilosophy	578
Semukhin Semyon. The House as a Point on the Coordinates of Geophilosophy: Revealing the Earth through Construction on the Example of M. Heidegger’s and L. Wittgenstein’s Huts	581
Fritsler Lidiya. How We Sympathise with the Spoon: An Ontology of Object Theatre	586
Chadova Elizaveta. “Minor” and “Major” Land in the Fiction of Hélène Cixous: From the Global to the Local	589
Shadrina Sofia. Geophilosophy of Shamanism: The Nature of Siberia in the Womb of Shamanism	592

X. Section «The Politics of Explanation: The Place of Philosophical Programs in Contemporary Scientific Research»

Aristova Marina. Philosophical Aspects of Georgescu-Roegen’s Theory of Bioeconomics: Dialectic of Entropy	596
Bobrova Vladislava. Unexplainable Artificial Intelligence: A Problem or a Black Box?	599
Valeeva Nadezhda. Perpetual Experiment: The Politics of Experimentation in Education	603
Gamakhariya Paata. Evolutionary Theory from the Point of View of the Philosophy of Science of Thomas Kuhn and Imre Lakatos	607
Guryanov Alexey. Antinomies of Modern Education: From Hegel’s “Science of Logic” to Deleuze’s “Logic of Sense”	611

Ignateva Ksenia. Neuromarxism as a Hidden Ideology of Artificial Intelligence (AI)	616
Cator Timofey. Everyday Life in the “Crocodile” Magazine: From Representation to Construction	620
Kirillova Anastasia. Une «Coupe» de L’histoire: Defining Temporality in Social Research	624
Krasiukova Iuliia. Philosophical Reinterpretation of Theoretical Foundations as a Response to a Challenge of the Time	627
Moretz Philip. Roko’s Basilisk: Today is Blackmailed by Tomorrow. Why Scenarios About Our Future are Dangerous for our Society	631
Lipatov Anton. J. W. Goethe’s Morphology as Proto-Phenomenology: A Delicate Method Between Rationalism and Empiricism, Intuition and Discursiveness in Scientific Theory and Practice	635
Listapadau Matsvei. Ocean of Mutually Incompatible Alternatives: A Portrait of Science in P. Feyerabend’s Epistemological Anarchism	640
Makhova Sofia. Balance of Interests as a Method of Civilistic Research	644
Semovskikh Yasha. CIT’s Set-up Method: STS in the Soviet Scientific Organization of Labor	648
Soloviov Yury. Reflection at the Intersection of Theoretical Knowledge and Practice: The Problem of Clichés	653
Chernonozhkin Semen. Epistemology of Complex Systems: How to Prevent Science from Self-Destruction Using the Legacy of Gregory Bateson	658

XI. Section «Faithfulness in Little: “Diminishment” as a Religious Experience and Practice»

Bekrenyova Victoria. The Image of Christ in Russian Painting at the End of the 19th–First Quarter of the 20th Centuries	662
Zorenko Polina. The Mystical Experience of S. Frank and S. Weil: The Relatedness of the Socio-Cultural Context	666
Korneev Kirill. The Influence of Traditional Christian Values on the Russian Literature of the 20th Century	671
Kropotov Roman. Diminution as Ascent (Based on the Works of Plotinus and Evagrius)	675
Salakhov Arkadii. The Attitude of Academic Theologians of the Late 19th and Early 20th Centuries to F. Schleiermacher	679
Sviridenko Anton. Tertullian’s “A Treatise on the Soul”: The Polemics of Christian Anthropology with Pagan Rationalism	684
Snisarevskaya Dalila. Laity in the Buddhist Media Space (The Case of the Public Page of Datsan Gunzechoinei)	688
Ukhatuk Yuri. The Virtue of Obedience in the Prussian Civic Ethos in the 19th Century	692
Chentsova Daria. Hesychasm as a “Lived Religion”: Individual Experience, “Denial of Self” and “Reinvention” of Tradition	695
Shestakov Mikhail. The Concept of Kenosis in German Protestant Theology of the 16th – 19th Centuries: Luther, Hegel and the Rationalists	700

Учения о схематизме чистого рассудка И. Канта и И.Г. Фихте: к историко-философской состоятельности сюжета

Азаров А.А.

В докладе представлен обзор аналитической реконструкции учений о трансцендентальном схематизме И. Канта и И.Г. Фихте с преимущественным интересом к герменевтической правомерности сопоставления идей и тематических пересечений между двумя философами. Демонстрируются две противостоящие друг другу интерпретации кантовского учения о схематизме (А. Филоненко и М. Хайдеггер), на материале которых ключевые положения этого учения выявляются в общем поле истолкования. Осуществлённая реконструкция тематизирует понятие схематической материи (Stoff) и позволяет расширить горизонт прочтения философии Фихте.

Ключевые слова: И. Г. Фихте, И. Кант, воображение, схематизм, апперцепция.

Система Наукоучения И.Г. Фихте имеет объемный комплекс разнообразных пересечений с критической философией И. Канта, и современное состояние фихтеведения свидетельствует о том, что можно назвать герметичным набором докс. Так, учение о схематизме пересматривается И.Г. Фихте в лекциях 1813 г., решается проблема взаимосвязи воображения и единства апперцепции – тема, остающаяся вне поля внимания. Нижеследующая реконструкция демонстрирует развитие кантовского учения о схематизме в Наукоучении, расширяет горизонты истолкования и выявляет пункты сопоставления.

Известно, что И. Кант в вопросе субсумации категорий указывает на трансцендентальное временное определение, согласно которому понятия приобретают объективную значимость посредством схем как условий для этих правил [1]. Схемы суть продукт трансцендентальной способности воображения, выполняющей функцию связывания единичных представлений с понятиями вообще [1]. Способность воображения характеризуется неоднозначно: схемы выполняют посредствующую роль благодаря интеллектуальному и чувственному характеру, и тем не менее выступают основанием а priori опыта. Именно это «скрытое в глубине человеческой души искусство» заинтересовало И.Г. Фихте, который уделил учению о силе воображения объёмные разделы [6].

Задачей теоретической части Наукоучения является объяснение единства противоположных актов абсолютного Я. Дедукция представления [2] строится вокруг проблемы, которая разрешается на почве способности воображения. Синтез противоположности Я и не-Я осуществляется силой воображения, определяемой как «...состояние, в котором объединяются между собою совершенно противоположные направления...» [2]. Попробуем обозначить свойства способности воображения в следующем порядке:

- синтетическое усмотрение единства над антитетическими действиями Я и проецирование реальности вещи [2];
- способность воображения сущностно тождественна рефлексивности [2];
- продукт способности воображения не есть онтологический (временной) синтез, он носит допредметный характер [2].

Вышеприведённые характеристики подготавливают истолкование чистого рассудка в проблеме соотношения силы воображения и единства апперцепции: воображение обуславливает взаимосвязь полагания и противопоставления, составляющее определение единства апперцепции, но носит формальные определения и содержательно не обусловлено. Нашим герменевтическим тезисом будет выдвижение модели «полагание/противопоставление», потребность преодоления которой И.Г. Фихте пересмотрел в лекциях 1813 г.

Модель «понимание/полагание» методически удерживает единство образной сущности и бытийной сущности [3]. Пересмотру подвергается субсумация схем, которая располагается в разрыве между образом и бытием, вследствие чего схематизм чистого рассудка должен в первую очередь обеспечивать единство Я [3]. Закон схематизма связывает образные определения рассудка с объективным созерцанием посредством того, что рассудку принадлежит каждый образ, полагаемый им в объективность согласно принципам созерцательных форм. Содержательное наполнение схем как законов в объективном бытии образа обеспечивается тем, что И.Г. Фихте называет схематической материей (Stoff): «Это бытие созерцательной формы, объективное, есть схематическая материя» [3].

Следует особо подчеркнуть характерное отличие философии И.Г. Фихте в разработке априорного основания знания, открытии поля опыта абсолютного Я как генетического принципа тетических определений [5]. Приведём особенности фихтевского учения о схематизме:

- сила воображения = тождество схематизма чистого рассудка и рефлексивности в абсолютном понятии принципа Я [3, 4];
- схемы есть довременные синтетические принципы единства образа и образного бытия [3];
- схематизм составляет образ принципиального бытия рассудка, сохраняя при этом кантовское определение рассудка как способность устанавливать правила [1].

В отличие от кантовского способа И.Г. Фихте определяет схемы не согласно категориям, а в соответствии с методологической моделью “полагание/понимание”. Таковы схемы принципа, силы, субстанции, становления и бытия.

Проблема субсумации решается И.Г. Фихте в пользу его *cogito*. Сохраняется положение о том, что абсолютное Я включает в себя корреляцию схем и объектов, но схематизм состоит в формальном единении актов рассудка и его абсолютного синтеза с до-временными законами образовывания (схематическая материя суть содержание воображения).

Таким образом, мы продемонстрировали герменевтическую правомерность сопоставления учений о схематизме посредством текстологической обоснованности и сюжетообразующего потенциала. К числу последнего относятся дальнейшее сопоставление конкретных схем Наукоучения и критической философии, а также возможность тематизации эгологии И. Фихте в совместном поле прочтения с феноменологией Э. Гуссерля.

Список используемых источников:

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
2. Фихте И.Г. Сочинения: В 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. 687 с.

3. Фихте И.Г. Система учения о нравах согласно принципам наукоучения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 619 с.
4. Gueroult M. L'évolution et la Structure de la Doctrine de la Science chez Fichte. T. 1. Paris: Les Belles Lettres, 1930.
5. Hyppolite J. Figure de la pensee philosophique, T. 2. Paris: Presses universitaires de France, 1971.
6. Philonenko A. Etudes kantienues. Paris: J. Vrin, 1981.

The Doctrines of the Schematism of Pure Reason by I. Kant and J. G. Fichte: Towards the Historical and Philosophical Validity of the Plot

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Azarov Artemii

Master's student, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences,
Southern Federal University

Correspondence to: artemiy.aaa@mail.ru

The paper presents an overview of the analytical reconstruction of the doctrine of transcendental schematism by I. Kant and J.G. Fichte with a primary interest in the hermeneutical legitimacy of the comparison ideas and thematic intersections between the two philosophers. Two opposing interpretations of Kant's doctrine of schematism (A. Filonenko and M. Heidegger) are demonstrated, based on which the key provisions of this doctrine are revealed in the general field of interpretation. The reconstruction carried out thematizes the concept of schematic matter (Stoff) and makes it possible to expand the horizon of reading Fichte's philosophy.

Keywords: J.G. Fichte, I. Kant, imagination, schematism, apperception.

References:

1. Kant, I. (1994). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Mysl'. (In Russ.)
2. Fichte, J. G. (1993). *Sochineniia v dvukh tomakh. T. 1* [Works in two volumes. V. 1]. Mifril. (In Russ.)
3. Fichte, J. G. (2006). *Sistema ucheniia o npravakh soglasno printsipam naukoucheniia* [The system of the doctrine of morals according to the principles of Science of Knowledge]. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)

4. Gueroult, M. (1930). *L'évolution et la Structure de la Doctrine de la Science chez Fichte. Vol. 1.* Paris: Les Belles Lettres.
5. Hyppolite, J. (1971). *Figure de la pensée philosophique. Vol. 1.* Paris: Presses universitaires de France.
6. Philonenko, A. (1981). *Etudes kantiennees.* Paris: J. Vrin.

Понятие вины в правовой философии С.И. Гессена и К. Шмитта

Афанасьев М.В.

В данной работе сравнивается два подхода к пониманию вины. К. Шмитт с его практически-механистической концепцией права смотрел на вину как на намерение, идущее вразрез с правовой нормой. С. И. Гессен с трансцендентальным либеральным взглядом на право, понимал вину прежде всего как субъективное сознание неправомерности деяния. При различных подходах к осмыслению права, наблюдаются точки сближения между этими воззрениями.

Ключевые слова: философия права, вина, С. И. Гессен, К. Шмитт, компаративистика.

Сравнение работ столь непохожих как в биографическом, так и в теоретическом планах философов, как С. И. Гессен и К. Шмитт, возможно благодаря общему полю – философии права, и общей проблеме – кризису начала XX века, из которого каждый по-своему искал выхода [3; 6, с. 17–19]. Если для Шмитта право – есть инструмент, отвечающей конкретной задаче и формируемый прежде всего корпорацией [6], то для Гессена – это некая

Афанасьев Михаил Вячеславович, студент магистратуры, Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени И. Канта
адрес для корреспонденции: afanasjev.m1@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.В.Афанасьев

трансцендентальная сущность [2, с. 32], столь же цель–задание, сколь и средство его воплощения. Следствиями этого будут, формально-механистический и герметический и идеалистический, апологетический подходы, соответственно. Сближение здесь можно произвести, если развести их работы по семантическим уровням: тогда первый работает с механикой права как таковой, данной; а второй – пытается обрисовать общую рамку, проблематизируя явление права и устанавливая его назначение. Однако, это не единственное общее.

В магистерской диссертации «О вине и видах вины. Терминологическое исследование», 1910 г., К. Шмитт производит различие понятий вины и её типов – «умысла» (Vorsatz) и «неосторожности» (Fahrlässigkeit) [4, с. 74]. Последние он определяет как «разновидности злой воли» [4, с. 94] и пишет, что они являются условиями вины, а не её типами, как это принято считать. В противном случае «каждый, кто действовал бы с умыслом, действовал бы преступно» [4, с. 105]. Сама же вина состоит в «достижении цели, не соответствующей целям права», которые в свою очередь определяет государство [4, с. 55–58]. При этом он выносит всякое субъективное ощущение вины за рамки своего анализа [4, с. 28]. Это воззрение на вину прослеживается и в более поздних работах [5].

В свою очередь С. И. Гессен статье «Философия наказания» также подробно касается вопроса вины и анализирует её связь с наказанием. В отличие от Шмитта Гессен утверждает, что кроме восстановления справедливости и ретрибуции, оно также должно служить исправлению преступника. Поэтому вина для него – в правовой перспективе – есть субъективное осознание индивидом неприемлемости содеянного, которая т. о. является основанием для наказания [1]. Здесь ярко выражен моральный аспект. Право у Гессена устанавливает процедуру, в то время как мораль определяет то, чему служит право, как инструмент.

Их позиции можно сближить. Оба рассматривают вину как основание для наказания, но для Гессена это субъективное ощущение вины, для Шмитта фактическое расхождение намерений с законом. Оба полагают, что типы вины являются обстоятельствами, которые должны определять тяжесть наказания; то же можно сказать и в отношении «вины характера» индивида. Для обоих очень важную роль играет проблема каузальности.

Можно сделать выводы о том, что шмиттовский анализ правовой проблематики понятия вины более направлен на определение концептуальной структуры – что в феноменальном, что в реальном планах. В то время как Гессен рисует более общую картину, менее убедительную вследствие этого. Также интересно заметить, что Шмитт, резко критиковавший неокантианскую

философию, и Гессен, плоть от её плоти, оказываются значительно ближе в своих построениях, чем может показаться на первый взгляд.

Список используемых источников:

1. Гессен С. И. Философия наказания. Логос. М.: Тип. Т-ва А. А. Левенсон, 1912–1913. Кн. 1 и 2. С. 183–232.
2. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в практическую философию. М.: Школа–Пресс, 1995. 448 с.
3. Гессен С. И. Проблемы правового социализма (Эволюция либерализма) // Современные записки. Париж, 1924. Т. XXII. С. 257–292.
4. Schmitt C. Über Schuld und Schuldarten. Eine terminologische Untersuchung. Berlin, 2017. 268 p.
5. Schmitt C. Politische Theologie II. Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie. 5-e Aufl. Berlin, 2008. 101 p.
6. Schmitt C. Römischer Katholizismus und politische Form. München, 1925. 65 p.

The Concept of Guilt in Philosophy of Right of S. I. Gessen and K. Schmitt

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Afanasyev Mikhail

Master's student, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Correspondence to: afanasjev.ml@gmail.com

This work compares two approaches to the understanding of guilt. K. Schmitt with his practical–mechanistic conception of law looked at guilt as an intention contrary to the legal norm. S. I. Gessen, with his transcendental liberal view of parvo, understood guilt primarily as subjective consciousness of the ineligibility of an act. With different approaches to the conceptualisation of law, there are points of convergence between these views.

Keywords: philosophy of law, guilt, S. I. Hessen, C. Schmitt, comparativism.

References:

1. Hessen, S. (1912–1913). *Filosofiya nakazaniya* [Philosophy of Punishment]. (Vols. 1–2, pp. 183–232). Moscow: Logos. A. A. Levenson Printing House. (in Russ.)

2. Hessen, S. (1995). *Osnovy pedagogiki: Vvedenie v prakticheskuyu filosofiyu* [Fundamentals of pedagogy: Introduction to practical philosophy]. Moscow: Shkola-Press. (in Russ.)
3. Hessen, S. (1924). Problemy pravovogo sotsializma (Evolutsiya liberalizma) [Problems of legal socialism (The evolution of liberalism)]. *Sovremennye zapiski*, 22, 257–292. (in Russ.)
4. Schmitt, C. (2017). *Über Schuld und Schuldarten: Eine terminologische Untersuchung* [On guilt and types of guilt: A terminological investigation]. Berlin: Duncker & Humblot.
5. Schmitt, C. (2008). *Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie* (5th ed.). [Political Theology II: The Legend of the Completion of Every Political Theology]. Berlin: Duncker & Humblot.
6. Schmitt, C. (1925). *Römischer Katholizismus und politische Form* [Roman Catholicism and Political Form]. Munich: Theatiner-Verlag.

Фома Аквинский и Георг Кантор: существование бесконечности и бесконечность существующего

Бакетов М.Н.

Вопросы о возможности познания и существования бесконечности волновали философов с древних времён и приобрели особую актуальность после создания теории множеств. В докладе исследуется влияние Фомы Аквинского на творчество Георга Кантора, а также осуществляется попытка описать идеи «ангельского доктора» о существовании бесконечного в терминах философии Г. Кантора.

Ключевые слова: бесконечность, потенциальность, теория множеств, Г. Кантор, Фома Аквинский.

Создатель теории множеств Георг Кантор не ограничивал сферу своих интересов математическими вопросами. Он применял рассуждения о бесконечных множествах к философским и теологическим концепциям. Однако результаты этих применений, по его словам, «противоречили глубоко почитавшейся мною традиции» [1, с. 287]. Пытаясь согласовать свою теорию с общепринятыми католическими представлениями, Г. Кантор не только вел переписку с богословами своего времени, но и обращался к литературе

Бакетов Матвей Николаевич, студент бакалавриата, Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени И. Канта
адрес для корреспонденции: bak.mat@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.Н.Бакетов

схоластической философии. В данном тексте будут исследованы отношения Г. Кантора и выдающегося представителя схоластики Фомы Аквинского. Центром внимания станут некоторые общие черты в концепциях бесконечности, которые сам Г. Кантор не заметил. Также будут проанализированы достоверность мнений Г. Кантора и современных исследователей относительно взглядов Фомы Аквинского, указаны ошибки, возникающие при описании позиции Аквината в канторовских терминах, и предложено подходящее объяснение учения Аквината о бесконечности, в соотношении его с позицией Г. Кантора.

В работе «О различных точках зрения на актуальное бесконечное» Г. Кантор выделяет три вида актуально бесконечного: абсолютная бесконечность, существующая в Боге; актуальная бесконечность, присутствующая в творении; актуальная бесконечность в человеческом познании [1, с. 265]. Г. Кантор утверждает, что все три вида бесконечного действительно существуют, Аристотель, как считается, отрицал все виды актуальной бесконечности, а католическое богословие обычно акцентирует внимание на существовании бесконечного лишь в Боге.

Г. Кантор в своих работах в основном сосредоточивается на позиции Фомы Аквинского о невозможности существования бесконечных чисел, подразумевая также несогласие с его учением о бесконечном в тварном. В немногочисленных русскоязычных исследованиях по этой теме также уделяется внимание вопросу существования бесконечных чисел. Позицию Фомы Аквинского исследователи часто приравнивают к позиции, озвученной в учении Аристотеля о бесконечном в мире и в человеческом познании, отмечая, что «его позиция, по сути, не отличается от аристотелевской» [2, с. 25]. В англоязычной литературе, напротив, иногда предпринимаются попытки противопоставить взгляды Аквината и Философа и доказать, что учение Г. Кантора о трансфинитном «согласуется с богословием св. Фомы» [3, с. 52]. Причинами такой разной оценки, по моему мнению, служит несогласованность терминологии Г. Кантора с понятиями схоластической философии и разные метафизические позиции относительно существования и потенциальности. Эти причины особенно ярко проявляются, когда нужно определить, какую позицию занимал Фома Аквинский относительно существования бесконечности в сотворенной природе.

Исследователь совершает ошибку, когда приравнивает понятие потенциального Г. Кантора к понятию потенциального св. Фомы. В результате он неверно понимает позицию Аквината относительно потенциальности бесконечного в тварном мире. По Г. Кантору, потенциальное бесконечное имеет смысл только как понятие отношения, как вспомогательное представление нашего мышления [1, с. 265]. Это бесконечность, которая

возникает из-за способности нашего мышления представить себе прибавление к ранее мысленному. Фома Аквинский, в отличие от Г. Кантора, не рассматривает потенциальное как ментальное или чисто логическое [4, с. 90]. Для него потенциальность, например, материи относительно формы является реальной, и именно эта реальная бесконечная потенциальность позволяет человеческому разуму мыслить логическую бесконечность [5, с. 185].

Таким образом, если устранить омонимию в использовании слова «потенциальность», точка зрения Г. Кантора становится очень близка позиции Аквината. Потенциальное бесконечное в терминах Г. Кантора или логически бесконечное в терминах св. Фомы – это лишь вспомогательное понятие, которое «всегда указывает на некое основополагающее трансфинитное [актуальное бесконечное в терминах Г. Кантора и потенциальное бесконечное в терминах св. Фомы], без которого оно не может ни существовать, ни быть мыслимым» [1, с. 280].

Итак, несмотря на расхождения во взглядах Г. Кантора и Фомы Аквинского по вопросу существования бесконечных чисел и способности человека к познанию бесконечного, Г. Кантор, как и Фома Аквинский, отличает бесконечность, приписываемую Богу, от бесконечности, приписываемой тварям. А также считает, что в тварном бытии есть бесконечности, существующие реально, вне человеческого ума. Позиция, согласно которой Аквинату приписывают мнение о том, что актуальная бесконечность присутствует только в Боге, нуждается в пояснении, чтобы опираться не на ложное сходство слов, а на смысл философских построений.

Список используемых источников:

1. Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. 430 с.
2. Катасонов В. Н. Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. М.: Мартис, 1999. 207 с.
3. Wertz W. Why St. Thomas Aquinas Is Not an Aristotelian // *Fidelio*. 1993. № 2 (1). P. 49-59.
4. Sweeney L. Bonaventure and Aquinas on the Divine Being as Infinite // *Southwestern Journal of Philosophy*. 1974. № 5 (2). P. 71-91.
5. Tomarchio J. Aquinas's Concept of Infinity // *Journal of the History of Philosophy*. 2002. № 40 (2). P. 163-187.

Thomas Aquinas and Georg Cantor: The Existence of Infinity and the Infinity of Existing

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Baketov Matvey

Undergraduate student, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences,
Immanuel Kant Baltic Federal University

Correspondence to: bak.mat@yandex.ru

Questions about the possibility of knowledge and the existence of infinity have worried philosophers since ancient times and became particularly relevant after the creation of set theory. The report examines the influence of Thomas Aquinas on the work of Georg Cantor, and also attempts to describe the ideas of the "angel doctor" about the existence of the infinite in terms of Cantor's philosophy.

Keywords: infinity, potentiality, set theory, G. Cantor, Thomas Aquinas.

References:

1. Cantor, G. (1985). *Trudi po teorii mnojestv* [Works on set theory]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
2. Katasonov, V. (1999). *Borovshiisya s beskonechnim. Filosofsko-religioznie aspekti genezisa teorii mnojestv G. Kantora* [Struggling with the infinite. Philosophical and religious aspects of the genesis of G. Cantor's set theory]. Moscow: Martis (in Russ.)
3. Wertz, W. (1993). Why St. Thomas Aquinas Is Not an Aristotelian. *Fidelio*, 2(1), 49-59.
4. Sweeney, L. (1974). Bonaventure and Aquinas on the Divine Being as Infinite. *Southwestern Journal of Philosophy*, 5(2), 71-91.
5. Tomarchio, J. (2002). Aquinas's Concept of Infinity. *Journal of the History of Philosophy*, 40(2), 163-187.

Этика Лоренцо Валлы: возрождение философии или вырождение нравов

Вахрушев М.А.

Гуманизм и гуманисты являются большой проблемой для истории философии, поскольку в их трактатах содержится множество вещей, которые при главенствующем на данный момент взгляде на эпоху можно рассматривать как "несостыковки" либо "ошибки". Также трудно определить сам групповой статус гуманистов. Для более адекватного и продуктивного взгляда на эпоху и деятелей гуманизма необходимо изменить угол обзора и пересмотреть то, что же является основой их мировоззрения и нового образа мысли, пришедшего на смену "темному средневековью".

Ключевые слова: гуманисты, гуманизм, Л. Валла, история философии.

Эпоха Возрождения и гуманизма являются большой проблемой как для обывателя, так и для научного сообщества: образы фресок и представления о настроениях эпохи постоянно витают в воздухе, однако находятся лишь на периферии сознания. Отсюда и все неточности и непонимание связанные с гуманизмом и его деятелями, так как ни первое, ни второе по каким-то причинам до сих пор не попадают под точные определения. Так, например,

Вахрушев Михаил Артемович, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: wachruscha@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.А.Вахрушев

Алексей Лосев и вовсе заявляет, что «...в истории не существует термина более затасканного и более расплывчатого, чем “гуманизм”» [1]. При этом именно гуманизму мы обязаны новому образу мысли пришедшему на смену «темному средневековью».

Примером личности, рассматривая которую, возможно, удастся понять эпоху гуманизма, а также форму, способ и специфику философствования в Возрождении, является Лоренцо Валла. Этого деятеля часто приводят в качестве образцового гуманиста, однако сами его трактаты полны противоречий и не складываются друг с другом в единую и ясную картину. Таким образом, на примере его работ мы сможем лучше понять, как замысел автора, так и дух гуманизма и Ренессанса.

Основной работой Валлы часто считается его трактат «Об истинном и ложном благе» [2]. Этот этический трактат представляет собой диалог с тремя основными монологами: стоика, эпикурейца и христианина. Все они, поочередно дополняя или опровергая друг друга, описывают и аргументируют свои этические воззрения и изучают что же есть благо. Также в их диалог постоянно вырывается окружающая их действительность, которая не только сопутствует разговору, но и направляет его. Надо заметить, что, хотя автор трактата и известен, как знаток античности и классической латыни, персонажи стоика и эпикурейца излагают не соответствующие им учения в их ортодоксальном виде, а странные и даже вульгарные мысли: так, эпикуреец защищает безудержные удовольствия вместо эпикурейской атараксии, а стоик ругает природу, к которой все стоики от Хрисиппа до Марка Аврелия проявляли исключительное уважение. Более того, сама структура диалога вызывает вопросы: несмотря на то, что в предисловии сказано, что автор преследует цель сокрушить стоиков, при более внимательном изучении видно, что монолог эпикурейца аргументированнее и длиннее прочих, и кажется, будто бы основное внимание приковано не к опровержению философа портика, а к защите получения удовольствий у эпикурейца, а часть посвященная христианству – лишь вуаль для прикрытия истинных целей автора. Как было подмечено еще М. С. Корелиным: есть полные основания полагать, что последняя книга трактата является лишь некоторой ширмой, за которой Валла прятал свои истинные этические взгляды «...проповедь аскетизма в IX главе третьей книги этого трактата представляет собою не этическое учение, а лицемерную уловку, посредством которой он примеряет вопиющее противоречие между проповедью Бекаделли и рассуждениями Никколи» [3].

Однако основной идеей представленных тезисов является предложение о пересмотре понимания и определения эпохи гуманизма и самого статуса гуманистов. Автор полагает, что все «недочеты», «несостыковки» и сложности

в понимании и классификации должны привести нас к тотальному пересмотру всей парадигмы гуманизма в целом: для этого во многом, на авторский взгляд, необходимо пересмотреть соотношение формы и содержания диалогов того времени, изучить то, что в действительности лежит в их основе и не группировать, и не характеризовать гуманистов по их взглядам, а выявить общие принципы и методы философствования: «Сейчас это положение в науке о Возрождении таково, что особенности любого, даже третьестепенного, гуманиста и его место в гуманизме изучены довольно хорошо; что касается неповторимых особенностей и места гуманизма в истории мировой культуры, то здесь ясности пока не много». Но, может быть, «действительный предмет беседы» гуманистов состоит как раз в «театральном реквизите»? И больше всего идут к делу «не идущие к делу отступления?» [4].

Список используемых источников:

1. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Москва: Мысль, 1978. 623 с.
2. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Мысль, 1989. 463 с.
3. Корелин М. С. Этический трактат Лоренцо Валлы «Об удовольствии и об истинном благе». // Вопросы философии и психологии. 1895. № 4(30). С. 519-557.
4. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и мышления. Москва: Наука, 1978. 198 с.

The Ethics of Lorenzo Valla: The Revival of Philosophy or the Degeneration of Morals

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Vakhrushev Mikhail

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: wachruscha@gmail.com

Humanism and humanists present a significant problem for the history of philosophy, as their treatises contain many things that, from the currently prevailing view of the era, can be regarded as 'inconsistencies' or 'errors'. It is also difficult to determine the group status of humanists themselves. For a more adequate and productive perspective on the era and the figures of humanism, it is necessary to change the angle of view and reconsider what constitutes the foundation of their worldview and the new way of thinking that emerged to replace the 'dark Middle Ages'.

Keywords: humanists, humanism, L. Valla, history of philosophy.

References:

1. Losev, A. (1978). *Estetika Vozrozhdenia* [Renaissance aesthetics]. Moscow: Mysl'. (in Russ.)
2. Valla, L. (1989). *Ob istinnom i lozhnom blage* [On pleasure]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
3. Korelin, M. (1895). Eticheskiy traktat Lorentso Vally "Ob udovolstvii i ob istinnom blage" [Ethical treatise by Lorenzo Valla "On pleasure and the true good"]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 5(30), 519-557. (in Russ.)
4. Batkin, L. (1978). *Ital'yanskiye gumanisty: stil' zhizni i myshleniya* [Italian humanists: style of life and thinking]. Moscow: Nauka. (in Russ.)

Структурный платонизм Альбера Лотмана, или об одной генеалогии «проблематического» в философии Жилия Делеза

Джафаров С.С.

В докладе предпринимается попытка раскрыть одну из рецепций французской философии математики в мысли Жилия Делеза. Для этого исследуются малоизученные в отечественной среде работы французского философа математики Альбера Лотмана и его структурный платонизм, оказавший сильное влияние на идеи Ж. Делеза. В ходе анализа реконструируется лотмановский структурный платонизм, его диалектика с диалектическими проблемами-Идеями и диалектическими понятиями, позволяющая показать генеалогию «проблематического» в философии Жилия Делеза.

Ключевые слова: Ж. Делез, А. Лотман, структурный платонизм, диалектика, диалектические проблемы-Идеи.

Интерес к наследию Жилия Делеза, конечно, не прекращается. Он имел разные окраски [3, с. 2]. Тем не менее, есть как минимум одна, которая остается

Джафаров Саид Сахаддин оглы, студент бакалавриата, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
адрес для корреспонденции: s.aliyev2002@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© С.С.Джафаров

малоизученной в отечественном восприятии мысли французского автора – это философия математики. Я попытаюсь сделать набросок в ключе возвращения «Делеза к родным пенатам» [3, с. 2], обращаясь к философско-математическим референсам французского философа. Главным героем для этого послужит малоизвестный и не переведенный на русский язык французский математик первой половины 20 века – Альбер Лотман. Перед тем, как перейти к абрису математической философии А. Лотмана, я бы хотел рассказать в двух предложениях о его биографии, чтобы было ясно, о ком будет идти речь.

Альбер Лотман – человек трагической судьбы. Родившись 8 февраля 1908 года в Париже, он прожил 36 лет, скончавшись в 1944 году 1 августа в Бордо. Он был французским евреем и во время Второй мировой войны он дважды попал в плен. В первый раз в 1940 и году ему удалось сбежать, и после он примкнул к Сопротивлению. Во второй раз, будучи преданным, он был расстрелян [5, с. xviii-xix]. За годы своей жизни он успел написать четыре работы, две из которых являются диссертациями.

В своей философии математики А. Лотман хотел показать неискоренимый метафизический импульс математики, необходимую связь последней с метафизикой, или, выражаясь терминологией самого А. Лотмана, диалектикой. Эту связь французский философ производит при помощи определенно истолкованного платонизма – я назову его структурным – и особого прочтения Мартина Хайдеггера – связи философии А. Лотмана с мыслью М. Хайдеггера посвящена потрясающая статья Джеймса Бахо «Теория диалектических идей: Лотман – Хайдеггер – Делёз», на которую мы в том числе будем опираться [1, с. 109-154].

Структурный платонизм или «платонизм-структурализм» [3, с. 4] представляется А. Лотманом в виде того, что а) Диалектика – это реальность, а математика некоторым образом связана с реальностью б) это связь обеспечивается диалектическими проблемами-Идеями и диалектическими понятиями [1, с. 127]. Так понятию математику А. Лотман будет называть «эффективной математикой» или «эффективной теорией» [5, с. 204-205]. Дело в том, что из-за проблем-Идей и диалектических понятий, дисциплины математики могут быть практически применимы друг к другу, вследствие чего появляется новая теория, то есть решение диалектической проблемы-Идеи. Подобное применение для Альбера Лотмана указывает на то, что математика движима реальностью, провоцирующая выход математических дисциплин за свои рамки [5, с. 223-224].

В чем же проявляется структурность платонизма А. Лотмана? Все заключается в том, как А. Лотман понимает Идеи, а именно «под идеями мы понимаем не модели, чьи математические сущности были бы просто копиями, а, в истинно платоновском смысле этого слова, структурные схемы, в

соответствии с которыми эффективные теории организованы» [5, с. 199]. Прояснить такое понимание поможет работа Андрея Родина «Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля», благодаря чему можно будет также увидеть в этом платонизме Евклида и Прокла, ведь именно у Евклида имеется различие на теорему и проблему, на которую будет указывать и Прокл в своих комментариях к «Началам» [4, с. 164-173].

Альбер Лотман своей теорией диалектики и диалектическими проблемами-Идеями «по большому счету оказывается основоположником целой традиции французской эпистемологии, к которой обращался Жиль Делёз на протяжении чуть ли не всего творчества, но главным образом в своем *opus magnum*, „Различии и повторении“» [3, с. 4]. Под французской эпистемологией понимается традиция, «которая ставит во главу угла проблему, проблематику и проблемное поле как понятия, преодолевающие и снимающие привычную субъект-объектную оппозицию» [3, с. 4].

Таким образом, прояснение платонизма А. Лотмана позволит указать на одну из генеалогических линий теории идей Ж. Делеза. Безусловно, она ей не исчерпывается, так как имеет место, например, еще когеновское прочтение Канта, в котором Идеи играют немаловажную роль [2, с. 78]. Тем не менее, наша попытка экспликации лотмановской философии математики может послужить началом для преодоления этой лакуны в отечественной апроприации идей Жилия Делеза.

Список используемых источников:

1. Бахо Д. Теория диалектических идей: Лотман – Хайдеггер – Делёз // Логос. 2020. Т.30. №4(57). 2020. С. 109-154.
2. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
3. Морозов А. Подводное течение идеализма проблем // Логос. 2020. Т.30. №4(57). С. 1-12.
4. Родин А. Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003. 211 с.
5. Lautman, Alber. *Mathematics, Ideas and the Physical Real*. New York: Continuum, 2011, 310 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Мартынова Светлана Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека РГПУ им Герцена.

Albert Lotman's Structural Platonism, or on One Genealogy of the “Problematic” in the Philosophy of Gilles Deleuze

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Jafarov Said

Undergraduate student, Institute of Human Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia Herzen University

Correspondence to: s.aliyev2002@gmail.com

This report attempts to explain one of the receptions of French philosophy of mathematics in thought of Gilles Deleuze. Explanation requires a review of understudied in native researches French philosopher of mathematics Alber Lautman's works and his structural platonism which strongly influenced Deleuze's ideas. In the course of analysis Lautman's structural platonism, his dialectic with dialectical problems-Ideas and dialectical notions are reconstructed. This allows to examine the genealogy of “problematic” in Gilles Deleuze's philosophy.

Keywords: G. Deleuze, A. Lautman, structural platonism, dialectic, dialectical problems-Ideas.

References:

1. Baho, D. (2020). Teoriya dialekticheskikh idej: Lotman – Hajdegger – Delyoz [Deleuze's theory of dialectical ideas: the influence of Lautman and Heidegger]. *Logos*, 30 №4(57), 109-154. (in Russ.)
2. Deleuze, G. (2011). *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow: Akademicheskij Proekt. (in Russ.)
3. Lautman, A. *Mathematics, Ideas and the Physical Real*. New York: Continuum, 2011, 310. (in Eng.)
4. Morozov, A. (2020). Podvodnoe techenie idealizma problem [The underground current of the idealism of problems]. *Logos*, V.30. №4(57), 1-12. (in Russ.)
5. Rodin, A. (2003). *Matematika Evklida v svete filosofii Platona i Aristotelya* [Euclid's mathematics in the light of the philosophy of Plato and Aristotle]. Moscow: Nauka, 211. (in Russ.)

Рождение плагиата в античности: Псевдо-Архит «Десять общих понятий» и «Категории» Аристотеля

Драгомирецкая А.С.

В докладе исследуется феномен античного плагиата на примере трактата Псевдо-Архита «Десять общих понятий» и его возможной связи с «Категориями» Аристотеля. Рассматривается природа пифагорейских псевдоэпиграфов, причины их появления и влияние на интеллектуальную традицию античности.

Ключевые слова: античный плагиат, пифагорейские псевдоэпиграфы, Псевдо-Архит, Аристотель.

Интерес к пифагореизму в античности был велик. Однако из-за отсутствия оригинальных текстов ранних пифагорейцев в эллинистический период им стали приписывать различные сочинения, которые в современной исследовательской литературе получили название «пифагорейские псевдоэпиграфы». Этот эллинистический «подлог» обнаружился далеко не сразу. Многие античные авторы и мыслители вплоть до начала XIX века верили, что перед ними оригинальные пифагорейские тексты. Только

Драгомирецкая Анастасия Станиславна, студент бакалавриата, Институт философии, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

адрес для корреспонденции: sueddy.work@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.С.Драгомирецкая

критическое рассмотрение и филологический анализ позволили обнаружить подделку.

Самыми известными пифагорейскими псевдоэпиграфами являются трактат Псевдо-Тимея Локрского «О природе космоса и души», трактат Оккела «О природе мира», письмо Лисия Гиппарху с предупреждением злой участи для каждого, кто раскроет тайны пифагорейского учения, а также трактат Псевдо-Архита «Десять общих понятий». Эти сочинения были написаны в разное время и причин их происхождения можно назвать несколько. Одной из них является необходимость восполнить библиотечные фонды утраченными, а точнее сказать, никогда не существовавшими сочинениями ранних пифагорейцев, другой – упражнения учеников риторических школ, которые должны были составить текст, по стилю и диалекту напоминавший сочинения известных мыслителей.

Это могло быть также и злым умыслом каких-нибудь больших поклонников пифагорейской философии, известной им только по устным пересказам, и считавших, что Платон и Аристотель все позаимствовали у Пифагора. Такие настроения явно выражены, например, в сочинении Нумения из Апамеи «О неверности Академии Платону» во II веке н.э.

Трактат Псевдо-Архита «Десять общих понятий» выбран для настоящего исследования по причине его явной отсылки к известному сочинению Аристотеля «Категории». Хотя прямых обвинений Аристотеля в плагиате в античности не встречается, в отличие от таковых в адрес Платона, этот трактат Псевдо-Архита, появившийся примерно в I веке до н.э., стал ярким образцом риторического упражнения и вероятно мог убедить некоторых поздних авторов в своей оригинальности. Но несмотря на внешнюю схожесть и общую структуру, трактат Псевдо-Архита «Десять общих понятий» и «Категории» Аристотеля различаются по содержанию и философскому подходу. Оба текста исследуют природу категорий, но если Аристотель строит свою систему как средство логического анализа высказываний, то Псевдо-Архит стремится вписать её в пифагорейско-платоническую традицию.

Изучение этого примечательного сюжета истории античной философии открывает перед нами пути распространения идей, в данном случае перед нами очевидная заинтересованность идеями Аристотеля. И даже если считать это сочинение намеренным подлогом, за которым стоит желание его очернить и возвести все идеи к представителям пифагореизма, то все-таки Аристотель был выбран не случайно, очевидно в силу величия его фигуры и содержания философии. Кроме того, изучение феномена античного плагиата интересно и актуально само по себе из-за растущего в наше время увлечения копированием и приписыванием чужих мыслей кому-либо, и способствует лучшему пониманию этого механизма. По сути дела, перед нами проблема определения

авторства, которая в античной традиции выявляется путем тщательного филологического анализа текстов, для которого в настоящий момент коллективом исследователей ВШЭ разработаны специальные цифровые алгоритмы [1].

Новизна настоящего исследования состоит в том, что данная тема довольно редко становится предметом внимания современных отечественных антиковедов. Вероятно, это связано с тем, что исследователям не интересно работать с вторичными текстами, хотя с моей точки зрения изучение пифагорейских псевдоэпиграфов может внести определенный вклад в историю философии и пополнить наши знания путей передачи и заимствования идей.

Рассмотрение этих трактатов показывает, что античный плагиат нельзя сводить к простому заимствованию. Возможно, мы имеем здесь дело с одним из вариантов интеллектуальной полемики, который позволяет поставить под сомнение авторство аристотелевской логики и представить её как продолжение пифагорейской традиции. Подобные практики играли не последнюю роль в борьбе за философское наследие в античности, и подробное изучение даёт возможность понять, как формировались интеллектуальные традиции.

Список используемых источников:

1. Алиева О. В. Pseudoplatonica: блеск и нищета стилометрии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8, № 3. С. 35–56.
2. Афонасин Е. В., Афонасина А. С., Щетников А. И. Пифагорейская традиция. Санкт-Петербург: РХГА, 2013. 747 с.
3. Huffman C. A. A History of Pythagoreanism. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 530 p.
4. Szlezák Th. A. Pseudo-Archytas über die Kategorien. Texte zur griechischen Aristoteles-Exegese. Berlin: Walter de Gruyter, 1972. 224 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Афонасина Анна Сергеевна, доцент ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», заместитель директора Высшей школы философии, истории и социальных наук, кандидат философских наук.

The Birth of Plagiarism in Antiquity: Pseudo-Archytus “On the Ten Categories” and Aristotle’s “Categories”

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Dragomiretskaya Anastasia

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University

Correspondence to: sueddy.work@gmail.com

The paper investigates the phenomenon of ancient plagiarism on the example of Pseudo-Archytus treatise “On the Ten Categories” and its possible connection with Aristotle’s “Categories”. The nature of Pythagorean pseudepigraphs, the reasons for their appearance and their influence on the intellectual tradition of antiquity are considered.

Keywords: ancient plagiarism, pythagorean pseudepigrapha, Pseudo-Archytus, Aristotle.

References:

1. Alieva, O. (2024). Pseudoplatonica: Blesk i nishcheta stilometrii [Pseudoplatonica: The brilliance and misery of stylometry]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, 8(3), 35–56. (in Russ.)
2. Afonasin, E., Afonasina, A., & Schetnikov, A. (2013). *Pifagoreiskaya traditsiya* [The Pythagorean tradition]. RHGA. (in Russ.)
3. Huffman, C. (2014). *A history of Pythagoreanism*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Szlezák, T. (1972). *Pseudo-Archytas über die Kategorien: Texte zur griechischen Aristoteles-Exegese* [Pseudo-Archytas on the categories: Texts on Greek Aristotle exegesis]. Berlin: Walter de Gruyter. (in Ger.)

Определение как отрицание и принцип бытия в философии Николая Кузанского и Бенедикта Спинозы

Дьяченко А.Д.

В статье анализируется взаимосвязь между философскими системами Николая Кузанского и Бенедикта Спинозы. Акцент в исследовании делается на значении определения в трудах рассматриваемых мыслителей. Такая артикуляция позволяет нам расширить проблемное поле для изучения трудов Николая Кузанского и Бенедикта Спинозы.

Ключевые слова: Николай Кузанский, Спиноза, определение, принцип бытия, «О неинном».

Идея бесконечности занимает центральное положение в онтологии как Николая Кузанского, так и Бенедикта Спинозы. Стоит отметить, что в рамках настоящего доклада невозможно всеобъемлюще исследовать аспекты бесконечности, через призму которых мыслители рассматривают данную философскую проблему, поэтому мы сосредоточимся на сопоставлении

Дьяченко Алексей Дмитриевич, студент магистратуры, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

адрес для корреспонденции: leha.dia4encko@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.Д.Дьяченко

смысловых коннотаций понимания сущности вещи в трудах упомянутых нами мыслителей.

Для начала обратимся к поздней онтологии Николая Кузанского, представленной в небольшом трактате «О неинном» [3, с. 183–249]. Данный трактат стал результатом своего рода поисков наиболее удачного именованного Бога, предпринятых Кузанцем в течение жизни. Кузанец начинает рассуждение с вопроса: «Что в первую очередь позволяет нам знать?» – он получает следующий ответ: «Определение» [3, с. 186]. Соглашаясь с этим ответом и определяя конкретную вещь лишь посредством сущности самой вещи (то есть отрицая какие-либо признаки, при помощи которых можно определить вещь: небо есть не что иное как небо), Кузанец утверждает проблему: «Но в таком случае, если определение определяет всё, определяет ли оно самого себя?» [3, с. 186]. Здесь порождается нечто, что не может быть определено ничем иным, кроме себя самого – «неинное». По ходу трактата Кузанец раскрывает смысловое наполнение неинного, однако мы остановимся на значении последнего: «Поскольку всё существующее есть не что иное, как оно само, постольку оно во всяком случае не получает этого от чего-либо иного; следовательно, оно получает от неинного. Итак, сущее пребывает и познаётся в своём существовании только при помощи неинного...» [3, с. 190]. Таким образом, неинное представляет собой принцип бытия, через который определяется и существует всё иное (сущее), и этот принцип не определяет ничто иное, кроме него самого. Здесь важно отметить, что принцип сущностного определения у Кузанца возникает на почве отрицания, то есть эта вещь является ничем иным, как этой вещью – по Кузанцу, определение вещи следует из отрицания каких-либо иных качеств, которые могут быть предписаны даже этой вещи, ведь они, хоть и определяют вещь, но в то же время являются «чем-то иным», а потому определяют вещь, отрицая её, вещь становится «о-пределена» наличием других вещей. Неинное же рассматривается «прежде всякого полагания и отрицания» [3, с. 191], оно не является всем сущим, но не является ничем из сущего и в то же время задаёт существование всему сущему.

Схожее значение мы можем встретить в онтологии Бенедикта Спинозы, однако смысловые оттенки, которые Спиноза придаёт принципу бытия, отличаются. Широко известно выражение Спинозы: «*Determinatio negation est*» [1, с. 567]. В этом выражении мы можем уловить общие с Кузанцем коннотации определения как феномена. Спиноза рассуждает следующим образом: ограничение (*determinatio*) не принадлежит данной вещи, оно есть небытие данной вещи, иными словами, вещь определяется тем, чем она не является [1, с. 568]. В это же время в «Этике» мы встречаем следующее определение Бога: «Под Богом я разумею существо абсолютно

бесконечное...» [2, с. 195] – и далее следует объяснение: «...к сущности же того, что абсолютно бесконечно, относится всё, что только выражает сущность и не заключает в себе никакого отрицания» [2, с. 195–196]. Таким образом, Бог (он же субстанция, или природа в онтологии Спинозы) – прежде отрицания, поскольку полагает всё существующее, является как бы самим существованием, здесь проявляется сходство со значением, которое Николай Кузанский приписывает неинному.

Подводя итог, стоит заметить, что данная взаимосвязь не может быть полноценно исследована в рамках настоящего доклада, в связи с чем мы акцентировали внимание лишь на одном из многочисленных аспектов идей Николай Кузанского и Бенедикта Спинозы. Тем не менее акцент, артикулированный в настоящем докладе, помог нам выявить проблематику, к которой лишь вскользь обращаются отечественные и зарубежные исследователи.

Список используемых источников:

1. Спиноза Б. Избранные произведения в 2 томах. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. 726 с.
2. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика. М.: Мир книги, 2007. 480 с.
3. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1980. 471 с.

Definition as Negation and the Principle of Being in the Philosophy of Nicolaus of Cusa and Benedict Spinoza

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Dyachenko Alexey

Master's student, Institute of Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia

Correspondence to: leha.dia4encko@mail.ru

The article analyses the relationship between the philosophical systems of Nicholas of Cusa and Benedict Spinoza. The emphasis in the study is placed on the meaning of definition in the works of the considered thinkers. Such articulation allows us to expand the problem field for the study of the works of Nicolaus Kuzansky and Benedict Spinoza.

Keywords: Nicolaus Kuzansky, Spinoza, definition, principle of being, "On the Unknown".

References:

1. Spinoza, B. (1957). *Izbrannye proizvedeniya v 2 tomakh* [Selected works in two volumes]. (Vol. 2). Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.)
2. Spinoza, B. (2007). *Kratkiy traktat o Boge, cheloveke i ego schast'e; Traktat ob usovershenstvovanii razuma; Etika* [Short treatise on God, man, and his well-being; Treatise on the emendation of the intellect; Ethics]. Moscow: Mir Knigi. (in Russ.)
3. Nicholas of Cusa. (1980). *Sochineniya v 2 tomakh* [Works in two volumes] (Vol. 2). Moscow: Mysl. (in Russ.)

Артур Шопенгауэр и Анри Бергсон о практической направленности интеллектуального познания

Евлампиев Ф.И.

Одним из главных достижений Артура Шопенгауэра стало исследование природы познания и определение границ интеллекта. Бергсон был одним из немногих неклассических философов, которые продолжили его работу в этом направлении.

Ключевые слова: практика, интеллект, наука, Анри Бергсон, Артур Шопенгауэр.

Артур Шопенгауэр занимает особое место в истории философии, являясь первым представителем неклассической традиции, характерной чертой которой является радикальное переосмысление самых фундаментальных понятий философии. Прежде всего, ему подверглось место разума в познании. В отличие от представителей немецкой классической школы, Шопенгауэр отказывает разуму в способности познавать абсолютное, указывая (и этим во многом повторяя тезисы эмпиризма), что он представляет собой лишь абстракцию данных чувств, которым, в свою очередь, мир дан только как представление, подчинённое закону основания, а отнюдь не сам по себе (т.е.

как воля). Чувственность же, в свою очередь, представляет собой познание материи, сущность которой Шопенгауэр сводит к причинно-следственным связям. Поэтому, он делает вывод, что познание разума имеет исключительно практическую природу, оно направлено на достижение целей воли, а отнюдь не на чистое познание, над которым не должен властвовать интерес. Соответственно, и науки, будучи основаны на разуме, истинного знания не дают, являясь только систематическим представлением абстрактных «выжимок» чувственности. Путь же к истине лежит через то, что он именует «незаинтересованным созерцанием», которое требует преодоления воления и связанного с ним практического интереса. Сферой человеческого существования, где это происходит, являются искусство и философия. Таким образом, именно по практической ориентированности проходит линия раздела этих двух способов отношения человека к миру и двух форм познания – истинной, дающей нам мир как он есть, и ложной, искажающей знание о нём для целей практики.

Как мы сказали вначале, Шопенгауэр является одним из родоначальников неклассической философии, и поэтому неудивительно, что элементы его идей встречаются и у более поздних представителей этой традиции. Однако именно у Анри Бергсона мы встречаем наиболее заметные параллели с Шопенгауэром в исследовании места интеллекта в познании. В «Материи и памяти», центральной работе Бергсона, мы можем увидеть прямое повторение концепции Шопенгауэра о существовании двух сторон мира – в себе и для себя, – а также исключительно практическом смысле интеллектуального познания, высшей ступенью которого являются науки. По мнению Бергсона, мир сам по себе представляет собой движущуюся слитность, постоянно изменяющуюся, становящуюся, из-за чего нам было бы трудно ориентироваться в ней, если бы у нас не было интеллекта. Он занимается тем, что вносит в реальность неподвижность, устойчивость, а также сводит её бесконечное многообразие к небольшому числу абстрактных понятий, которыми проще оперировать, но которые, очевидно, отражают реальность лишь условно, схематично. Науки для Бергсона, точно так же, как и для Шопенгауэра, имеют своей целью исключительно разработку способов наиболее эффективного практического влияния на реальность, а совсем не её чистое познание.

Эта связь между Шопенгауэром и Бергсоном интересна прежде всего потому, что никто из мыслителей неклассической традиции, создававших свои труды между ними, этой тематикой столь подробно не занимался: все они уделяли основное внимание переосмыслению Абсолюта самого по себе. Бергсон же не просто взял шопенгауэровское исследование принципов работы

интеллекта, но дополнил его, а также привёл доказательство истинности этого взгляда, исходящее из непосредственного опыта.

Список используемых источников:

1. Шопенгауэр А. О четверояком корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии. М.: Наука. 1993. 672 с.
2. Бергсон А. Материя и память. Собр. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб. 1992. 336 с.
3. Фишер К. Артур Шопенгауэр. СПб.: Издательство Лань. 1999. 608 с.

Arthur Schopenhauer and Henri Bergson on Practical Orientation of Intellect

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Evlampiev Fedor

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: fedorevlampiev@mail.ru

One of the main achievements of Arthur Schopenhauer was the study of the nature of cognition and the definition of the boundaries of intelligence. Bergson was one of the few non-classical philosophers who continued his work in this direction.

Keywords: practice, intellect, science, Henri Bergson, Arthur Schopenhauer.

References:

1. Schopenhauer, A. (1993). *O tschetveroyakom korne... Mir kak volja i predstavlenie. T. 1. Kritika kantivskoy filosofii* [On the fourfold root... World as will and representation Vol. 1. Critique of Kant's Philosophy]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
2. Bergson, H. (1992). *Materiya I pamyat. Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Matter and Memory. Collected works in 4 volumes]. (Vol. 1). Moscow: Moskovskiy Klub. (in Russ.)
3. Fischer, K. (1999). *Artur Shopenauer* [Arthur Schopenhauer]. Saint Petersburg: Lan (in Russ.)

Для всех и ни для кого: омнибусы глазами Б. Паскаля и С. Кьеркегора

Ежов И.Д.

В работе проводится сравнительный анализ между этическими взглядами Б. Паскаля и С. Кьеркегора в контексте их отношения к такой исторической реалии, как омнибусы. Делается вывод, что философы расходились в оценке эмпирического познания и его роли в этико-религиозном развитии человека, что и выразилось в различном восприятии феномена омнибусов.

Ключевые слова: Б. Паскаль, С. Кьеркегор, омнибусы, этика, сравнительный анализ.

В 1840 году в Копенгагене было запущено движение омнибусов [3, с. 142]. Две аллюзии на этот факт можно обнаружить в книге С. Кьеркегора «Страх и трепет» – один раз в предисловии, где автор открещивается от притязаний на «систему» [3, с. 23], другой раз – в описании образа рыцаря веры («Он радуется всему, что видит: толпам людей, новым омнибусам...» [3, с. 50]). Хотя омнибусы не стали отдельной темой рассуждений Кьеркегора, но из указанных мест ясно, что он давал им определенную оценку с точки зрения своей этической концепции. Примечательно здесь то, что инициатором

Ежов Иван Дмитриевич, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: i.ejoff@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© И.Д.Ежов

первого омнибусного движения в Париже в 1662 году был не кто иной, как Б. Паскаль [5, с. 277] – мыслитель, чья конгениальность Кьеркегору давно замечена историками философии.

Данная работа – попытка внести вклад в уже существующую традицию сравнительного анализа между Паскалем и Кьеркегором ([1], [6]) на основе нестандартного сочетания герменевтики и компаративистики: рассмотреть омнибусы как историческую реалию, значимую для обоих философов, и реконструировать их отношение к ней, чтобы на данном фоне прояснить некоторые различия в их мировоззренческих установках. Такой подход оправдан тем, что детали исторического и биографического контекста особо важны для понимания обоих авторов. Исследование имеет не только историко-философскую, но и жизненную актуальность, так как демонстрирует два способа восприятия философом урбанизации и массовизации общества, продолжающихся по сей день.

Обосновывается тезис, что Паскаль и Кьеркегор по-разному оценивали роль внешней деятельности и чувственного опыта в духовном становлении человека, и именно это несовпадение выразилось в их разном отношении к омнибусам.

Паскаль по-своему доверял эмпирическому методу, что выдавало в нем естествоиспытателя XVII века. Он считал возможным побудить людей «к поискам Бога» [4, с. 80] с помощью примеров добродетельной жизни. «Логика сердца», по Паскалю, тоже имеет свой род «доказательства», хоть и отличный от математического [4, с. 104]. В качестве такового выступает непосредственная очевидность чувства. При этом доводы рассудка в учении Паскаля не устраняются, а играют подготовительную роль. Сначала собеседник убеждается в выгоды «порядочной» жизни или веры в Бога («пари»), а уже затем приходит к непосредственному внутреннему созерцанию божественной истины, свободному от внешнего интереса. Добродетельные поступки – наиболее прямой путь к обретению Бога, поскольку для Паскаля любовь и милосердие имеют привилегированный смысл непосредственного откровения Христа. В отличие от обманчивой эвристики языка, милосердие – не иносказание и не образ, а истина как таковая [4, с. 150].

Кьеркегор, вопреки ярлыку «индивидуалиста», также придавал социальному служению и труду высокий этико-религиозный смысл. Но для Кьеркегора обособление «Я» от мира, самососредоточение экзистенции – обязательная диалектическая фаза на пути к «общечеловеческому» [2, с. 409]. Проекты наподобие омнибусов будут лишены этического значения для людей, не совершивших «выбор себя в абсолютном смысле». Но этот выбор имеет характер свободного и беспредпосылочного «прыжка»; вынудить или

даже просто подтолкнуть к нему человека с помощью нравоучений или наглядных примеров невозможно.

Проект «карет по пять су» Паскаля был актом милосердия сразу в двух смыслах: это нововведение призвано было облегчить участь незажиточных парижан и сгладить сословное неравенство, а вырученные с него средства предназначались для поддержки голодающих в Блуа [5, с. 277]. Но проект скоро потерпел крах и был доведен до абсурда. К середине XIX века омнибус из символа всеобщего благоденствия превратился в символ обезличенной городской цивилизации. Блага стали доступны «для всех» ценой утраты внутреннего человеческого содержания этих «всех». Неудивительно, что изобретение Паскаля спустя двести лет встретило такую ироническую реакцию у его датского духовного собрата.

Выражаясь анахронично, Паскаль полагался на четкое соответствие означающего (поступков и явлений) означаемому (их моральному и религиозному смыслу). Для Кьеркегора же любой вещественный факт сам по себе – лишь «фантом объективности» до тех пор, пока он не просвещен светом экзистенции. Но в том и проблема, что такое просветление не оставляет отпечатков на лице этика и «рыцаря веры».

Список используемых источников:

1. Landhildehus S. Kierkegaard and Pascal as Kindred Spirits in the Fight against Christendom. // Kierkegaard and the Renaissance and Modern traditions. Vol. 1: Philosophy. Farn.: Ashgate Publishing Company, 2009, pp. 129–146.
2. Кьеркегор С. Или – или. М.: АСТ, 2023. 512 с.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2022. 154 с.
4. Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.
5. Тарасов Б. Н. Паскаль. М.: Молодая гвардия, 2006. 340 с.
6. Цыпина Л. В. Отступники разума: Паскаль, Кьеркегор и диалектический парадокс человеческого существования // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2016. №2. С. 63-72.

For All and None: Omnibuses through the Eyes of B. Pascal and S. Kierkegaard

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ezhov Ivan

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: i.ejoff@yandex.ru

The work provides a comparative analysis between the ethical views of B. Pascal and S. Kierkegaard in the context of their relationship to such historical realities as omnibuses. It is concluded that philosophers differed in their assessment of empirical knowledge and its role in the ethical and religious development of the human, which resulted in a different perception of the phenomenon of omnibuses.

Keywords: B. Pascal, S. Kierkegaard, omnibuses, ethics, comparative analysis.

References:

1. Landhildehus, S. (2009). Kierkegaard and Pascal as Kindred Spirits in the Fight against Christendom. *Kierkegaard and the Renaissance and Modern traditions*, 1, 129–146.
2. Kierkegaard, S. (2023). *Ili – ili* [Either – or]. AST. (in Russ.)
3. Kierkegaard, S. (2022). *Strah i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow: Akademicheskij proekt. (in Russ.)
4. Pascal, B. (1995). *Mysli* [Thoughts]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovych. (in Russ.)
5. Tarasov, B. (2006). *Paskal'* [Pascal]. Moscow: Molodaja gvardija. (in Russ.)
6. Tsypina, L. (2016). Otstupniki razuma: Paskal', K'erkegor I dialekticheskij paradoks tchelovecheskogo sush'estvovaniya [Reason's Backsliders: Pascal, Kierkegaard, and dialectical paradox of human existence]. *Vestnik SPbGU*, 2, 63-72. (in Russ.)

Становление понятия «история» (Geschichte) в средневековый период в германской традиции

Зенина Ю.В.

Исследование посвящено анализу процесса зарождения и трансформации понимания «истории» в германской традиции в средневековый период. Дискутируемыми являются варианты того, что понималось под «историей». Сложившаяся ситуация усложняется в средневековый период разнообразным содержанием и языковыми нюансами латинской «historia» и германской «giskiht».

Ключевые слова: Historie, Geschichte, немецкая философия, история, история философии.

Историческая проблематика является одной из актуальных в современных социально-гуманитарных исследованиях, а вопрос о том, «что такое история?» продолжает активно обсуждаться [1, с. 50]. Значение «истории» менялось и меняется в зависимости от интеллектуальных традиций; социально-экономического и культурного контекста той или иной эпохи. В германской традиции становление «истории» имело особенность: существование двух слов для обозначения «истории» – Historie и Geschichte, которые переводятся

Зенина Юлия Викторовна, аспирант, Институт философии и права,
Сибирское отделение Российской академии наук
адрес для корреспонденции: y.zenina@g.nsu.ru
Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025
© Ю.В.Зенина

на разные языки как «история». Современная многозначность «истории» не всегда учитывается исследователями, что существенно осложняет и понимание «истории», и ведение дискуссий. Следовательно, возникает необходимость в этимологическом и содержательном анализе, который объяснит отличия *Geschichte* от *Historie* в германской традиции.

Как справедливо отмечает Мереминский С. Г., ранние средневековые тексты сохранились не полностью, и то, «что мы знаем, или не знаем их авторов, определяется случайными факторами сохранности источников» [2, с. 86]. Учитывая, что интеллектуальными центрами VIII – IX вв. становятся монастырские школы, поэтому и первое упоминание *diu giskiht* встречается в письменных источниках этого периода [3, р. 182]. В германских глоссах *giskiht* задокументировано и переведено как *casus*, а не в значении *historia*, *res gesta* или *acta annales*. В сохранившихся фрагментах глосс *giskiht* употреблялось только (и редко) для обозначения «мгновенного, случайного события» или «результат какого-то события» [4, р. 629].

Следующее упоминание об использовании «*diu giskiht*» встречается в X – XI вв. Примером является перевод сочинения Боэция «Утешение философией» («*Consolatio Philosophiae*»), который выполнил бенедиктинский монах Ноткер Немецкий в IX в. В одном из отрывков Ноткер использует «*geskiht*» для описания «случайного, слепого события и противопоставляет его осмысленному» [Ibid]. Однако, слово «*geskiht*» в немецкой литературе XI – XII вв. практически не встречается, так как «*giskiht*» не использовалось для краткого описания события. В первых произведениях на германском языке начала XII в «Имперской хронике» и «Анналиде» не встречается ни слово «*giskiht*», ни слово, которое могло бы занять место «*historia*» [6, р. 630]. Возможно, среди латинских писателей в германоязычном мире нет исторической озабоченности в современном смысле, и различия между «*giskiht*» и «*historia*» не были принципиально важными. В университетах и богословских трудах «*historia*» обозначает историю именно в том объеме, в каком в ней нуждаются в тот период.

К середине XII в. постепенно распространялась не только поэзия и литература, но и употребление средневенхненемецкого «*geskiht*» в значениях: одномоментного, случайного события; дела, действия, ситуация поступков. Исследователи отмечают, что Готфрид фон Страсбург фактически был первым, кто использовал «*geschiht*» как «цепь событий, будущее, историю жизни» [Ibid]. Однако, он использовал и «*historia*» в германоязычных текстах которое было распространено в средневековой латинской литературе.

В поисках универсального значения «истории» для всех дисциплин, нет необходимости исследовать эту проблему применительно к Средневековью. Те же, кто придерживается противоположной точки зрения, не могут не

задавать средневековым источникам новые вопросы, и тогда перед ними вырисовывается более сложная картина.

Отметим, что проведенное исследование показывает, что в истории мысли неизбежно происходит изменение содержания тех или иных понятий и не следует судить об их «правильности» либо «неправильности» с точки зрения современности. Противоречия в понимании «истории» и последующей связи «истории» с историзмом, историчностью и историцизмом упускаются именно средневековый период. Именно продолжение реконструкция понимания *Geschichte* в последующие эпохи откроет другой взгляд на «история» в европейской философской традиции, которая была заложена именно в Средневековье.

Список используемых источников:

1. Барбашина Э. В. Концепции философии истории в современной философии // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. №1. С.52–56.
2. Мереминский С. Г. Средневековая анналистика: особая форма историописания или историографический конструкт? // Люди и тексты. Исторический альманах. 2018. №11. С.82–110.
3. Klein, Hans-Wilhelm. Lateinisches und Romanisches in den Reichenauer Glossen // Nachrichten der Giessener Hochschulgesellschaft. 1965. Vol.32. S.181–200.
4. Rupp P., Köhler O. Historia-Geschichte («Geschichte im Wort») // Saeculum. 1951. Vol.2. S. 627–638.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла доктор философских наук, профессор Барбашина Эвелина Владимировна.

The Development of the Concept of “History” (Geschichte) in the Medieval Period in the Germanic Tradition

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zenina Iuliia

Postgraduate student, Institute of Philosophy
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Correspondence to: y.zenina@g.nsu.ru

The study reveals the process of origin and transformation of the understanding of «history» in the Germanic tradition in the medieval period. The understanding of «history» are debated. The situation is complicated in the medieval period by the diverse content and linguistic nuances of Latin «historia» and Germanic «giskiht».

Keywords: Historie, Geschichte, german philosophy, history, history of philosophy.

References:

1. Barbashina, E. (2000). Konceptii filosofii istorii v sovremennoj filosofii [Barbashina E. V. Concepts of the Philosophy of History in Contemporary Philosophy]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1, 52–56. (in Russ.)
2. Mereminskij, S. (2018). Srednevekovaya annalistika: osobaya forma istoriopisaniya ili istoriograficheskij konstrukt? [Medieval Annals: a special form of historiography or a historiographical construct?]. *Lyudi i teksty. Istoricheskij almanah*, 11, 82–110. (in Russ.)
3. Klein, H.-W. (1965). Latineshes und Romanishes in den Raykhenauer Glossen [Latin and Romanic in the Reichenau Glosses]. *Nakhriken der Giessener Hochschulgesellschaft*, 32, 181–200. (in Ger.)
4. Rupp, P., & Köhler, O. (1951). Historia-Geshikhte («Geshikhte im Vort») [History-Geschichte ("History in the Word")]. *Saeculum*, 2, 627–638. (in Ger.)

Философский персонаж французской мысли: М. Бланио

Зимин В.В.

В тексте осуществлена попытка реализации историко-философского анализа, предложенного Ж. Делезом, на предмет внутренне присутствующих «концептуальных персонажей». Так, были рассмотрены идеи некоторых французских философов, в которых заметно активное присутствие творчества М. Бланио в качестве такого внутреннего «персонажа» мысли.

Ключевые слова: М. Бланио, персонаж, французская философия, язык.

Каждое философское пространство-время обладает уникальным обликом, который складывается из присущих этой сборке элементов. Ж. Делёз утверждал, что философское творчество для своего движения нуждается в «концептуальных персонажах», под которыми понимается «условие возможности» самой мысли, «элемент трансцендентального опыта» [1, 11], который активизирует потенциальные пересечения и встречи мыслительных точек в линии концептов. Каждый персонаж призван «манифестировать территории» [1, 90], то есть конституировать распределение сил мысли, посредством которых осуществляется «картография» концептов. Благодаря

Зимин Валерий Владимирович, студент бакалавриата, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет
адрес для корреспонденции: dgesymain@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© В.В.Зимин

сочетанию персонажей и «плана имманенции», мышления и аффектов становится возможной отличительность каждой «философской территории». Попытаемся выявить один из «источников» французской мысли второй половины XX в. с помощью описанной установки конструирующего присутствия персонажа.

Однако, откуда такой ракурс на внутреннее устройство философии? Здесь мы и вступаем в пространство М. Бланшо. Его слово, хоть и рождено «сущностным одиночеством» [2, 18] самого письма, все же наполнено всегда внешними и отсутствующими голосами. В его прозе неотступно заявляет о себе эхо бесплотных персонажей. Иными словами, внимание к сокрытым «спутникам» как констативам письма может быть взято из мысли М. Бланшо.

Итак, каково содержание этого «персонажа М. Бланшо» в системе французской мысли; какие места актуализируются для философии, приобретают свою материальность из разрыва, открываемого М. Бланшо, в его тени? Он не является мыслителем, с которым вступают в диалог, заимствуют идеи и т.д., поскольку, при фактическом обилии цитат на его тексты, буквального интеллектуального взаимодействия не возникает: его слово теряет свою актуальность в философском дискурсе. С сингулярностями, которые возникают в его творчестве, обращаются, как с эхом, – они служат пугающей встречей с отзвуком собственного голоса.

Прежде, что за источник дал жизнь мысли самого М. Бланшо? Ведь в качестве персонажа он может также транслировать нечто, быть проводником, находясь всегда на границах. Здесь мы подходим к экзистенциальному ужасу М. Хайдеггера, а именно к тому, что «в светлой ночи ужасающего Ничто впервые происходит простейшее раскрытие сущего как такового» [3, 35]. М. Бланшо несет в своем творчестве мысль об этом «интимнейшем» разрыве за-ступания в Ничто, которое, хоть и «ничтожит», но дает возможность письма, которое только и возможно на этой границе, благодаря «сущностной нехватке» [2, 257].

Это «остранение» пространства письма – встреча с ночью, за которой открывает свою сокрытую актуальность «другая ночь», заставляющая «слиться с внешним» [2. 166]. «Опыт внеположенного», как и «ничтожение», впервые открывают язык, в котором нет места субъекту.

Так Ж. Деррида, предоставляя в своих текстах голос «персонажу» (или, в этом случае, своему «призраку») М. Бланшо, открывает смысл источника как «отложенный эффект оборота» [4, 318], устанавливающий значимость отсутствующего начала лишь в степени того, какой «эффект» оно произвело. Таким же образом возникает значимость внеположенного призрака, дающего начало, но всегда отсутствующего: «Не существует Dasein призрака, но Dasein

не существует без странного знакомства (Unheimlichkeit) с каким-то призраком» [5, 149].

Точка М. Бланшо на уровне, где он является элементом своего философского пространства-времени – это точка пограничного опыта, разрыва, играющая ту функцию, которую играет всякий разрыв в дискурсивных практиках. Это снова «место без места», давшее исток проекту «археологии» М. Фуко, позволившее «вынести мысль», «осмыслить прерывность (порог, разрыв, купюра, мутация, преобразование)» [6, 39]. И этот проект реализуется принятием в свой «план имманенции» источника – персонажа М. Бланшо: дискурсивные практики открываются, когда мыслятся в процессуальности «рассеивания», «распыления» и «децентрации» [6, 363].

Выход к миру на уровень его «извне», обретение «нейтральности» слова, возникшего в прорыве к бессубъектному, оставаясь фактически внутримирным сущим; тематика источника, который полон опустошения, осушения, но который не перестает давать начало – это и есть интенция М. Бланшо, которая актуализирует его фигуру как персонажа в корпусах французских философов. Важно, что этот перечень не обретает законченную форму идей, а продолжает существовать в качестве «места пересечений», чистых возможностей для письма и слова; в этом модусе предлагается говорить о М. Бланшо как о «персонаже» французской мысли.

Список используемых источников:

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 2018. 288 с.
2. Бланшо М. Пространство литературы. М.: Логос, 2002. 288 с.
3. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проект, 2007. 303 с.
4. Деррида Ж. Поля философии М.: Академический Проект, 2012. 376 с.
5. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, 2006. 256 с.
6. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2024. 416 с.

The Philosophical Person of French Thought: M. Blanchot

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zimin Valeriy

Undergraduate student, Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University
Correspondence to: dgecyman@gmail.com

The report presents the results of a comparative study of the structure of judgment in the teachings of the Austrian philosopher, creator of the theory of descriptive psychology Franz Brentano and the Jena logician, creator of the first axiomatic propositional logical system Gottlob Frege. The report identifies common components in the structure of judgment in the teachings of both philosophers. The method of substantiating the universal validity of Franz Brentano's non-antipsychological theory of judgment is explained.

Keywords: M. Blanchot, person, French philosophy, language.

References:

1. Deleuze, G., & Guattari, F. (2018). *Chto takoe phlosophia* [What Is Philosophy?]. Saint-Petersburg: Aletheya. (in Russ.)
2. Blanchot, M. (2002). *Prostranstvo literatury* [Literature Space]. Moscow: Logos. (in Russ.)
3. Heidegger M. (2007). *Chto takoe metaphisika?* [What is metaphysics?]. Moscow: Akademicheskij proekt. (in Russ.)
4. Derrida, J. (2012). *Polya filosofii* [Fields of Philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt. (in Russ.)
5. Derrida, J. (2006). *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internacional* [The ghosts of Marx. The State of Duty, the Work of Sorrow, and the New International]. Moscow: Logos-altera. (in Russ.)
6. Foucault, M. (2024). *Arheologiya znaniya* [The archeology of knowledge]. Saint-Petersburg: IC «Gumanitarnaya Akademiya». (in Russ.)

Структура суждения в теории суждения Франца Brentano и Готлоба Frege: сравнительный анализ

Зубарев Р.Д.

В докладе представлены результаты сравнительного исследования структуры суждения в учениях австрийского философа, создателя теории дескриптивной психологии Франца Brentano и йенского логика, создателя первой аксиоматической пропозициональной логической системы Готлоба Frege. В докладе выявляются общие компоненты в структуре суждения в учениях обоих философов. Объясняется способ обоснования общезначимости не-антипсихологистской теории суждения Франца Brentano.

Ключевые слова: суждение, логика, Г. Frege, Ф. Brentano.

Теория суждения – область в логической теории, где и были совершены революционные преобразования в понимании логики как науки на рубеже XIX и XX веков. А именно, отказ от кантианского представления о суждениях как разнородных логических функциях рассудка, несводимых друг к другу,

Зубарев Роман Дмитриевич, студент бакалавриата, Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени И. Канта
адрес для корреспонденции: zubarev_roma@bk.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Р.Д.Зубарев

совершённый Готлобом Фреге в «Begriffsschrift», и совершённый им там же переход к пониманию суждения как акта принятия содержания, в котором (содержании) уже совершается разделение на логическое (формальное) и нелогическое (предметное) содержание суждения. Введённая Фреге трёхчастная структура суждения как предложения, его смысла (то есть мысли, которую оно выражает) и значения (то есть истинностного значения: истина/ложь) позволила построить ему на основе этой теории суждения первую в мире аксиоматизированную систему логики суждений. В дальнейшем логические наработки Фреге легли в основу создания современной теории классической символической логики. При этом для теории суждения Фреге принципиальную роль играло представление об объективности бытия мысли, её самостоятельности от человеческой психики, следствием чего и стала возможность выделения двух отдельных реально существующих объектов, к которым осуществляется референция всех суждений – Истины и Лжи. Такой тезис – основа антипсихологизма в философии логики.

Но в истории философии логики была и другая традиция, опередившая Фреге в пересмотре взглядов на многообразие и несводимость суждений друг к другу. Имя её зачинателя – Франц Brentano. Он на 5 лет раньше Фреге [1, с. 53] в своей работе «Психология с эмпирической точки зрения» представил взгляд на суждение как на однородный психический акт, надстраивающийся над актом представления, суть которого – утвердить или отбросить существование предмета, явленного нам в акте представления. Эта теория впоследствии получила название «идиогенической» в работах ученика Brentano – Франца Хиллебранда. Сам Хиллебранд так передаёт суть этой теории: «Поскольку суть его [Brentano] теории состоит в том, что в суждении он усматривает особый род (*idion genos*) психических феноменов, тогда как все остальные теории суждений усматривают здесь только некоторое сопоставление психических элементов разных родов (*allo genos*), мы можем определить первую как идиогеническую, а все остальные как аллогенические» [2, с. 23].

Автору доклада кажется, что схематично теорию Brentano можно изобразить следующим образом:

- классификация психических феноменов (психология);
- теория суждения (собственно логическая часть теории):
 - 1) тезис об однородности суждения как акта мысли;
 - 2) тезис о вариативном характере отношения мысли к предмету представления в суждении (принятии или отбрасывании существования);
 - 3) тезис о двухуровневой структуре представления;
 - 4) тезис о редуцируемости всех видов суждения к экзистенциальным.

5) Классификация суждений:

- теория предмета (онтология);
- теория истины (онтология и эпистемология).

В таком случае возникает проблема психологизма и объяснения природы общезначимости логических законов. Сами ученики Brentano – Твардовский, Мейнонг и Гуссерль – предъявляли ему обвинение в том, что психологическое понимание акта суждения как принятия или отбрасывания интенционального предмета представления не позволяет строго различить понимание истины как психологического процесса её поиска от истины как гипостазированного в чём-то результата, безразличного к субъекту и процессу, то есть не проходит проверку на интерсубъективность.

Brentano отвечал на такую критику так, что предлагаемый им метод психологического исследования, получивший название дескриптивного, в отличие от генетического метода традиционной психологии, занимается прежде всего не ответом на вопрос «почему?», но ответом на вопрос «что?». Через обращение к анализу психических феноменов, являющихся первой и единственной непосредственной очевидностью для нас, достигается и общезначимость психологии, а вслед за ней – логики.

Подводя итоги, можно сказать, что учение Brentano предвосхищает многие аспекты взглядов Frege.

В числе таких схожестей можно назвать:

- понимание суждения как акта утверждения или отбрасывания содержания (в случае с Frege – только принятия);
- отказ от признания значимости языковой формы выражения суждений для определения реальной логической формы суждения.

С другой стороны, сфокусированность Brentano исключительно на проблемах силлогистики, поиск «истинного» вида суждения, его категорическое неприятие непсихологических содержаний и любых попыток математизации логики, а также абсолютное неприятие квантификации сделали теорию Brentano неудовлетворительной для решения более глубоких проблем, стоявших перед логикой на рубеже XIX и XX века.

Список используемых источников:

1. Чернукутов Ю.Ю. Ф. Brentano: опыт реформирования силлогистики // Логико-философские штудии. 2010. №8. С. 46-53.
2. Львовско-Варшавская школа. Антология / Под ред. Неретиной С.С. М.: Голос, 2015. 654 с.

The Structure of Judgment in the Theory of Judgment by Franz Brentano and Gottlob Frege: A Comparative Analysis

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zubarev Roman

Undergraduate student, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences,
Immanuel Kant Baltic Federal University

Correspondence to: zubarev_roma@bk.ru

The report presents the results of a comparative study of the structure of judgment in the teachings of the Austrian philosopher, creator of the theory of descriptive psychology Franz Brentano and the Jena logician, creator of the first axiomatic propositional logical system Gottlob Frege. The report identifies common components in the structure of judgment in the teachings of both philosophers. The method of substantiating the universal validity of Franz Brentano's non-antipsychological theory of judgment is explained.

Keywords: judgment, logic, G. Frege, F. Brentano.

References:

1. Chernoskutov, Y. (2010). F. Brentano: Opyt Reformirovania suzhdeniya [F. Brentano: the experience of syllogistic reform]. *Logical and philosophical studies*, 8, 46-53. (in Russ.)
2. Neretina, S. (Ed.). (2015). *L'vovsko-Varshavskaya shkola. Antologiya* [Lviv-Warsaw School. Anthology]. Moscow: Golos. (in Russ.)

Концепт «Gemeinwesen» как инструмент критики капитализма: от Карла Маркса до Жака Каматта

Карулин А.А.

В данной работе рассматривается один из ключевых концептов марксистской теории—концепт "Gemeinwesen". За основу анализа автор берет как марксистскую интерпретацию "Gemeinwesen", так и менее известную теорию французского мыслителя Жак Каматта. В компаративистском ключе автор исследует теоретическую и практическую значимость данного концепта, его использование при анализе капитализма, а также сопоставляет позиции как Маркса, так и Каматта, определяя феноменологическую значимость концепта в контексте его практического преломления в реальности.

Ключевые слова: марксизм, Gemeinwesen, Ж. Каматт, критика капитализма.

При анализе современного общества, особенно в рассмотрении ее классовой структуры, применяются такие категории, как прекариат, пролетариат, средний класс, люмпен-пролетариат, богатый/бедный и др. Во всех вышеназванных бинарных оппозициях воспроизводится логика различия – мы относим человека к разным сообществам и отмечаем, что смысл данных

оппозиций состоит в постоянном антагонизме между ними. Но есть ли нечто общее, что соединяло бы человека с другим человеком на внеклассовых позициях? Несмотря на то, что в марксизме движущей силой является классовый антагонизм, в теории Маркса выделяется крайне важный концепт, благодаря которому формируется альтернативный подход к анализу капиталистического общества и способов его преодоления – концепт *Gemeinwesen* или «родовой сущности человека». Именно ей посвящается ключевая работа Маркса «Экономико-философские рукописи 1844 г. [2, с. 126]. Семантически *Gemeinwesen* по мнению профессора Питера Кричли имеет многостороннее значение: и как «политический институт», и как «универсалистская природа человека»: «это слово [*Gemeinwesen*] (прим. автора)... убедительно подтверждает идею Маркса о целостном человеке, который преодолел дихотомию между общественным и частным «я» [5, р.12]. Таким образом, общий посыл данного концепта состоит в неразрывной связи человека с коллективом. Тем не менее, с появлением капиталистических структур: меновая стоимость, конкуренция, разделение труда, товар, стоимость–основы сущности *Gemeinwesen* были нарушены и апроприированы капиталистической формой производства; государство–как абстрактная сущность–произвело отчуждение «родовой сущности человека» от него самого и диссоциировало его на множество идентичностей в виде пролетария, буржуа, потребителя, офис-менеджера, что свою завершенность обретает в разнообразном количестве аффинити-групп, репрезентационных сообществах.

Как показала история левых движений, особенно XX века, недостаточно захватить власть в государстве и заменить капиталистический строй на социалистический – коммунизм не утвердился каким-либо волюнтаристским или магическим способом. Напротив, коммунизм Маркса вызревает именно из утверждения *Gemeinwesen*, когда человек обратно присваивает отчужденную родовую сущность. В данном контексте интересна фигура французского мыслителя Жака Каматта, который большую часть своей жизни отдал изучению марксистских текстов. Стоит отметить, что Жак Каматт был менее заметен, чем его современники – Жиль Делез или Мишель Фуко, поэтому его работы и идеи не так известны в академическом пространстве.

Каматт за основу своих размышлений использует марксовский концепт *Gemeinwesen* и находит в нем теоретическую возможность помыслить альтернативу капитализму. Но не через политическую революцию и «диктатуру пролетариата» [1], а через «уход» человечества из сообщества капитала. Для Каматта Маркс проделал очень важную работу: произвел аналитику капитализма, объяснил логику развития капитала и наметил пути борьбы, но он не давал «готовых рецептов» и схем, следуя которым как по

шаблону возможно будет деконструировать капиталистическую формацию. Поэтому Маркс и его концепт *Gemeinwesen*—это трамплин для перехода к альтернативе капитализму. Каматт выражает тотальное сомнение в способности противостоять капитализму изнутри него, так как капитал «создал и формирует «материальное сообщество» и человеческое сообщество» [3]. Он методологически понимает теорию коммунизма в стиле «раннего» Маркса – не как конкретную политическую практику, а как этическую и антиполитическую революцию [4]. В таком случае на основе *Gemeinwesen* Каматт в практическом плане подходит к теории и практике анархо-примитивизма. В последнем же Каматт находит раскрытие потенциала «естественного сообщества», эмпирическими примерами которого являются кооперативные сообщества, анархистские коммуны, общества солидарности и пр. Таким образом, концепт *Gemeinwesen* Маркса обретает новую интерпретацию в размышлениях Жака Каматта.

Список используемых источников:

1. Ленин В. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. 5-е издание. М.: Издательство политической литературы, 1969. 433 с.
2. Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 г. М.: АСТ, 2024. 213 с.
3. Antagonism D. The Despotism of Capital // libcom.org. URL: <https://libcom.org/article/despotism-capital> (Accessed: 31 January 2025).
4. Camatte J. The Wandering of Humanity // Marxist.org. URL: <https://clck.ru/3EsvGu> (Accessed: 31 January 2025).
5. Critchley P. Marx's *Gemeinwesen*: Communism as Moral Community // Reason, Freedom and Modernity. 2001. Vol. 8. URL: <https://mmu.academia.edu/PeterCritchley/Books> (Accessed: 31 January 2025).

The *Gemeinwesen* Concept as a Instrument for Criticizing Capitalism: From Karl Marx to Jacques Camatt

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Karulin Andrey

Postgraduate student, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Correspondence to: andreykarulin2020@gmail.com

This paper examines one of the key concepts of Marxist theory—the concept of "Gemeinwesen". The author takes as the basis of the analysis both the Marxist interpretation of "Gemeinwesen" and the lesser-known theory of the French thinker Jacques Camatta. In a comparative perspective, the author explores the theoretical and practical significance of this concept, its use in the analysis of capitalism, and compares the positions of both Marx and Camatt, defining the phenomenological significance of the concept in the context of its practical interpretation in reality.

Keywords: Marxism, Gemeinwesen, J. Camatt, criticism of capitalism.

References:

1. Lenin, V. (1969). *Gosudarstvo i revolyuciya* [State and revolution] // Polnoe sobranie sochinenij. T. 33. 5-e izdanie. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (in Russ.)
2. Marx, K. (2024). *Ekonomicheski-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophical manuscripts, 1844]. Moskva: AST. (in Russ.)
3. Antagonism, D. (2025). *The Despotism of Capital*. libcom.org. Retrieved January 31, 2025, from <https://libcom.org/article/despotism-capital>.
4. Camatte, J. (1973). The Wandering of Humanity. *Marxists Internet Archive*. Retrieved January 31, 2025, from <https://clck.ru/3EsvGu>.
5. Critchley, P. (2001). Marx's Gemeinwesen: Communism as Moral Community. In Critchley, P. (ed.), *Reason, Freedom and Modernity* (Vol. 8). Retrieved January 31, 2025, from <https://mmu.academia.edu/PeterCritchley/Books>

Идея бессмертия души в журнале Н.И. Новикова «Вечерняя заря» и пари Паскаля: сходства и различия

Квита Е.А.

В докладе предлагается сравнительный историко-философский анализ идей Н.И. Новикова касательно бессмертия души и пари Б. Паскаля. Автором сделана попытка представить возможное заимствование способа рассуждения русским просветителем у французского религиозного философа и обнаружить соответствующие отсылки. В качестве примера будет взято периодическое издание «Вечерняя заря», редактором которого был Н.И. Новиков.

Ключевые слова: бессмертие души, пари Б. Паскаля, Н.И. Новиков, журнал «Вечерняя заря».

Б. Паскаль (1623-1662) – французский философ, математик, механик, литератор и теолог. Б. Паскаль известен своей антропологией, согласно которой человек является тростинкой по сравнению с величием вселенной, однако в то же время человек есть разумное существо, разум возвеличивает

человека над природой. Одним из наиболее интересных мест в мысли Б. Паскаля является его пари, обосновывающее необходимость и пользу веры в Бога. Суть пари заключается в следующем: если Бог есть, и мы в Него веруем, то нам обещана вечная награда за веру, если мы не верим и меняем веру на временные греховные наслаждения, то нас ожидают вечные муки в следующей жизни. Если Бог не существует, и мы верим в Него, соблюдая заповеди нашей веры, то мы лишаемся получить некоторые наслаждения этой жизни, которая носит временный характер, если мы не верим, то также не следует никаких последствий. Из суждений Паскаля следует, что вера в Бога сопровождается гораздо меньшими рисками для человеческой души, поскольку нас ожидают вечные наслаждения в случае, если Бог есть и мы являемся верующими людьми, в то же время мы ничего не утратим, если в этой жизни не предадимся страстям [2].

Н.И. Новиков (1744 -1818) – русский просветитель, журналист и масон. В эпоху правления Екатерины II он организовал издательство при Императорском Московском университете, где выпускал масонские журналы «Покоящийся трудолюбец», «Трутень», «Утренний свет», «Вечерняя заря» и другие [4]. В журнале «Вечерняя заря» рассматриваются различные вопросы религиозного толка, одним из которых является вопрос о бессмертии души. В первом выпуске журнала «Вечерняя заря» есть ряд положений, которые нацелены на доказательство бессмертия души. Одно из доказательств имеет некоторые сходства с пари Б. Паскаля: автор статьи берёт допущение, согласно которому будущая жизнь сомнительна. В этом случае «поступать так будто бы оной не было, есть пагубное заблуждение; такая погрешность влечёт за собою бедственные следствия» [1, с.23]. Если будущей жизни действительно не существует, то такая погрешность не имеет никаких отрицательных последствий. В таком случае не произойдёт «никаких нелепостей». В отрывке из статьи делается следующий вывод: «Добродетель всегда восторжествует над пороком» [1, с. 24].

Стоит отметить, что способ рассуждения касательно бессмертия души, вечной жизни и веры носит практически ориентированный оттенок, как у Б. Паскаля. Отличие между рассуждениями Б. Паскаля и автора статьи в журнале «Вечерняя заря» в том, что Б. Паскаль обосновывает веру в Бога и её рациональность в целом, а в последнем случае рассматривается вопрос о вере в бессмертие души и вечной жизни. Сходство состоит в способе рассуждения, разъясняющем, почему вера в Бога (или в бессмертие души) более разумна, чем отсутствие таковой и негативные последствия в этой жизни, вызванные неверием.

Многие мысли о Боге, душе и религии Н.И. Новиков и другие последующие русские философы перенимали у Б.Паскаля и применяли их в контексте

христианской апологетики и обоснования рациональности веры. В вышеприведённом случае автор рассматривает один из методов, который был заимствован Н.И. Новиковым у французского философа с просветительской целью [3].

Список используемых источников:

1. Вечерняя заря / Под ред. Новикова Н.И. Ч.1, 1782. С. 23-24.
2. Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.
3. Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. С. 291-299.
4. Усова С. Е. Н.И. Новиков, его жизнь и общественная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1892. 94 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Шлейтере Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

The Idea of the Immortality of the Soul in Periodical «Vechernyaya Zarya» Edited by N.I. Novikov and the Pascal's Wager: Similarities and Differences

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kvita Evgeny

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Correspondence to: evgenykvita@mail.ru

The presentation offers a comparative historical and philosophical analysis of N.I. Novikov's ideas on the immortality of the soul and B. Pascal's wager. The author attempts to present a possible borrowing of the method of reasoning by the Russian enlightener from the French religious philosopher and to find the corresponding references. The periodical "Vechernyaya zarya", edited by N.I. Novikov, will be taken as an example.

Keywords: the immortality of the soul, Pascal's wager, N.I. Novikov, the periodical "Vechernyaya zarya".

References:

1. Novikov, N. (1782). *Vechernyaya zarya. Ch. 1* [Evening dawn. Part 1], 23-24. (in Russ.)
2. Pascal, B. (1995). *Mysli* [Thoughts]. Shabashnikov's publishing house. (in Russ.)
3. Streltsova, G. (1994). *Pascal i evropejskaya kultura* [Pascal and the European culture]. Respublika, 291-299. (in Russ.)
4. Usova, S. (1892). *N.I. Novikov, ego zhizn' i obshchestvennaya deyatelnost* [N.I. Novikov, his life and social activity]. Obshchestvennaya pol'za. (in Russ.)

«Путь пчелы»: античная зоология в философии Ф. Бэкона

Конькова М.С.

Как научные представления и рассказы про животных влияют на стиль и смысл философских рассуждений? В данной работе предлагается рассмотреть взгляд на методологическую проблему Ф. Беконом, описанную им в зоологических метафорах, а также интерпретацию данных метафор в иных аспектах.

Ключевые слова: античная зоология, методология, метафоры, заимствования.

Размышления Фрэнсиса Бэкона часто сопровождаются историческими примерами, метафорами и поэтическими строками. Фрагментарность его работ часто рассматривается как признак неспособности к системному изложению, а добавление к ним «идолов» [1, с. 318], «татарских луков» [1, с. 325] и строчек Вергилия [2, с. 284] – как необязательное украшение или педагогический приём, способствующий упрощению и лучшему запоминанию. Однако некоторые исследователи предлагают рассматривать подобную манеру философского письма Фрэнсиса Бэкона как намеренное

Конькова Мария Сергеевна, студент бакалавриата, Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени И. Канта
адрес для корреспонденции: konkovamaria1@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.С.Конькова

составление текста в виде огромной головоломки, чтобы достойный читатель сам «навёл порядок в хаосе фрагментов» и «предоставил необходимые связи» [3, с. 10]. Цель данного доклада – навести порядок в разрозненных зоологических примерах, используемых Фрэнсисом Бэконом в своих рассуждениях, и найти их античные истоки, разгадав головоломку заимствований. Это исследование поможет уточнить отношение Фрэнсиса Бэкона к античному наследию и восполнит редко затрагиваемую тему об использовании зоологических знаний в философских трудах.

Изучив сочинения античных авторов, которых Фрэнсис Бэкон упоминает в своих рассуждениях о натурфилософии (Аристотель, Цицерон, Сенека, Плиний Старший), докладчик выделяет три вида применения зоологических знаний в контексте философского повествования. Знание о природе того или иного животного, помимо непосредственно натурфилософских вопросов, может использоваться для: создания морально-политической метафоры, создания методологической метафоры, математико-теологических спекуляций.

Если рассмотрение морально-политических метафор не представляет большого интереса, так как и у Фрэнсиса Бэкона, и у античных авторов они построены на стандартном перечне животных с выделением стандартных свойств (например: муравей, трутень, улей соответствуют трудолюбивому человеку, лентяю и государству соответственно), то попытка выяснить происхождение методологической метафоры представляет больший интерес.

В работе «Новый Органон» Ф. Бэкон приводит следующее сравнение: «Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно паукам, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению» [2, ст. 58]. Ф. Бэкон, часто упоминающий работы Сенеки, в данном случае не ссылается на письмо LXXXIV «Нравственных писем», в котором нет муравья и паука, но правильный способ исследования сравнивается с поведением пчелы [4, с. 291]. Сравнение хорошего исследователя с пчелой, существующее уже у Сенеки и продолжающееся существовать как в средневековой, так и в традиции Возрождения (стоит вспомнить хотя бы происхождение названия византийского сборника «Пчела»), дополняется сравнением плохих исследователей с муравьем и пауком.

Установить, опирался ли Ф. Бэкон на античных авторов при создании метафор муравья-«эмпирика» и паука-«рационалиста», кажется, сложнее. Если с муравьем есть подсказка Ф. Бэкона в виде ссылки на «Муравейник искусств» Франсуа Рабле [1, с. 330], то поиск того, кто вдохновил Ф. Бэкона на сравнение человека, не опирающегося на опыт, с пауком, не снабжён

подсказкой. Несмотря на положительную оценку Ф. Бэконом работы Аристотеля «История животных» [1, ст. 114], в его рассуждениях нет прямой ссылки на содержание этого произведения и нет комментария спора Аристотеля с Демокритом, откуда паук берёт свою паутину: «Пауки могут прясть паутину сейчас же по рождении, беря ее не изнутри, как если бы это было выделение, что говорит Демокрит, но от своего тела, наподобие коры, или как животные, мечущие волосы, каков дикобраз» [5, с. 376].

Из-за того, что Ф. Бэкон не оставил подробных комментариев к «Истории животных», нельзя с достоверностью определить и его отношение к идеям Аристотеля о божественности различных животных, которые в основном были основаны на математической гармонии того или иного вида [6, с.394], но, исходя из отсутствия подобных размышлений в творчестве Ф. Бэкона и непринятия им «математических умствований», [2, с. 301] стоит предположить, что его оценка подобных измышлений была бы негативной.

Подводя итог, отметим, что Ф. Бэкон в своих работах использует вполне традиционные образы животных для создания морально-политических метафор; без прямой ссылки на методологическую метафору Сенеки (пчелы как хорошего исследователя), дополняет её отсутствующей у античных авторов метафорой (муравья и в особенности паука как неправильных исследователей): факты зоологии в традиционных вопросах натурфилософии, но без математико-теологического измерения.

Список используемых источников:

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 582 с.
3. Weeks S. V. Francis Bacon's doctrine of idols: a diagnosis of "universal madness". // The British Journal for the History of Science. 2019; №52(1). P. 1-39.
4. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Издательство АСТ, 2018. 640 с.
5. Аристотель. История животных. М.: Издательский центр РГГУ, 1996. 528 с.
6. Lehoux D. Why does Aristotle think bees are divine? Proportion, triplicity and order in the natural world. // The British Journal for the History of Science. 2019. №52(3). P. 383-403.

“The Way of the Bee”: Ancient Zoology in the Philosophy of F. Bacon

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Konkova Maria

Undergraduate student, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences,
Immanuel Kant Baltic Federal University

Correspondence to: konkovamaria1@mail.ru

How do scientific representations and animal stories influence the style and meaning of philosophical thought? This article examines F. Bacon's view of the methodological problem described by him in zoological metaphors and the interpretation of these metaphors from other perspectives.

Keywords: ancient zoology, methodology, metaphors, borrowings.

References:

1. Bacon, F. (1971). *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Works in two volumes Vol. 1.]. Mysl. (in Russ.)
2. Bacon, F. (1971). *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Works in two volumes Vol. 2.]. Mysl. (in Russ.)
3. Weeks, S.V. (2019). Francis Bacon's doctrine of idols: a diagnosis of “universal madness”. *The British Journal for the History of Science*, 52(1), 1-39.
4. Seneca, L.A. (2018). *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral Letters to Lucilius]. AST Publishing House. (in Russ.)
5. Aristotle (1996). *Istoriya zhivotnykh* [History of animals]. Publishing Center of the RGGU. (in Russ.)
6. Lehoux, D. (2019). Why does Aristotle think bees are divine? Proportion, triplicity and order in the natural world. *The British Journal for the History of Science*, 52(3), 383-403.

Апокалипсис как катарсис: философские размышления о перерождении и возрождении

Кочеров А.А.

XXI век сопровождается проблемой глобального потепления, экологическими катастрофами, мировыми эпидемиями, локальными вооруженными конфликтами и угрозой третьей мировой войны, что возвращает человечество к идее «апокалипсиса». Изначально, в обществе прошлого, где религия имела одно из основных мест в жизни, апокалипсис описывается как финальная битва между добром и злом, судом над человечеством, воспринимаемым как синоним «конца света» или «катастрофы планетарного масштаба», однако с развитием общества данное восприятие меняется, и в современной философской науке понимание апокалипсиса трактуется как возможность очищения или перерождения (катарсис). Цель данного доклада заключается в том, чтобы рассмотреть эволюцию концепции апокалипсиса для понимания общественного будущего.

Ключевые слова: апокалипсис, катарсис, философия откровения, восприятие, эсхатология.

Кочеров Андрей Алексеевич, студент бакалавриата, Исторический факультет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
адрес для корреспонденции: kocherov.a.andrey@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Кочеров

Апокалипсис как концепция охватывает множество представлений о конце света. В своей базе она исходит из христианской эсхатологии. Она описывает финальную битву между добром и злом, суд над человечеством и последующее возрождение и перерождение. Слово «апокалипсис» имеет греческие корни и означает «откровение» или «пророчество». Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова – последняя книга Нового Завета, в которой описываются события, предшествующие Второму пришествию Иисуса Христа на землю, сопровождающиеся многочисленными катаклизмами и чудесами (огонь с неба, воскрешение мертвых, явление ангелов), поэтому слово «апокалипсис» часто употребляют как синоним «конца света» или «катастрофы планетарного масштаба».

Если обратиться к Отцам Церкви, то наиболее видными будут эсхатологические труды за авторством Аврелия Августина и Климента Александрийского. Климент трактовали апокалипсис не только как разрушение, но и возможность обновления и спасения [1]. Августин в своём труде «Град Божий» [4] описывает человечество как находящееся в постоянной борьбе между небесными и земными градами. Он пишет, что конец света связан с возвращением Христа и окончательным судом, который приведет к вознаграждению праведных и наказанию грешников. Климент же акцентирует внимание на раскрытии истины, где каждый имеет возможность на спасение, подчёркивая надежду на божественное милосердие.

Катарсис, происходящий от греческого слова «*καθάρσις*», означает «очищение». Аристотель в своей «Поэтике» описывает катарсис как очищение души через эмоциональные переживания, что способствует восстановлению душевного равновесия и моральной добродетели. Это освобождение от старых форм жизни и мышления позволяет людям избавиться от негативных установок и травм, что особенно актуально в условиях кризисов.

Две мировые войны XX века, а также последующие кризисы показали нам необходимость переосмысления моральных ценностей и нашего места в мире. Мартин Хайдеггер [3, с. 160] и Мишель Фуко возвели кризисы в статус катализаторов для изменений и перерождения сознания. Хайдеггер отмечает, что настоящая угроза человечества исходит из самого его существа и именно осознание этого может привести к переосмыслению нашего существования.

Экзистенциализм апокалипсиса подчеркнул важность личной ответственности и поиска смысла в условиях неопределенности. Именно экзистенциалисты утвердили, что жизнь не имеет предопределенного смысла, человек должен его создавать.

В XXI веке становится важным акцент на экологической и социальной составляющей стороне апокалипсиса. И теперь он действительно «очищает». Апокалипсис наполняется содержанием глобального потепления,

экологических катастроф, мировых эпидемий и угрозой третьей мировой войны.

Ответом на социальные и экологические кризисы стало движение за устойчивое развитие, включающее в себя идеи баланса экономического роста, социального равенства и защиту окружающей среды. Катарсис становится инвайроментальной парадигмой [2]. Здесь мы неизменно возвращаемся к идеям русских космистов, глобальному соразвитию человека и природы, а также трансгуманистической концепции бытия.

Философское осмысление апокалиптических сценариев становится ключевым инструментом для понимания человеческой сущности и его будущего, ведь что, если не смерть и конечность жизни, порождают желание действовать. Оно позволяет нам не только осознать риски, но и выявить возможности, которые могут возникнуть в условиях постоянного кризиса. Подобные размышления вдохновляют и побуждают на действия, направленные на изменение существующих структур и создание новых форм взаимодействия, которые учитывают разнообразие человеческих потребностей и опыта предыдущих поколений.

Важно продолжать исследовать, как апокалипсис может стать не только концом, но и началом нового – будущего, в котором человечество сможет осознанно и ответственно взаимодействовать само с собой и остальным окружающим миром.

Список используемых источников:

1. Буланов С.Л. Концепция апокатастасиса в восточной патристике: от Климента Александрийского до V Вселенского собора // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. №2.
2. Мустафин А.А. Новая инвайронментальная парадигма в контексте современного экологического кризиса // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. №21.
3. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2009.
4. Толстенко А.М. Августин и Иоанн Скот Эриугена: тема божественного предопределения в контексте постижения бытия как слова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. №2 (Философия).

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Шаяхметова Линара Айратовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук ПГГПУ.

The Apocalypse as Catharsis: Philosophical Reflections on Rebirth and Renewal

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kocherov Andrei

Undergraduate student, Faculty of History, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Correspondence to: kocherov.a.andrey@yandex.ru

The 21st century is accompanied by the problem of global warming, environmental disasters, global epidemics, local armed conflicts and the threat of World War III, which brings humanity back to the idea of the “apocalypse”. Initially, in the society of the past, where religion had one of the main places in life, the apocalypse was described as the final battle between good and evil, the judgment of mankind, perceived as synonymous with the “end of the world” or “catastrophe of a planetary scale”, but with the development of society, this perception is changing, and in modern philosophical science, the understanding of the apocalypse is interpreted as an opportunity for purification or rebirth (catharsis). The purpose of this report is to examine the evolution of the concept of the apocalypse in order to understand the social future.

Keywords: apocalypse, catharsis, philosophy of revelation, perception, eschatology.

References:

1. Bulanov, S. (2020). Koncepciya apokatastasisa v vostochnoj patristike: ot Klimenta Aleksandrijskogo do V Vselenskogo sobora [The Concept of Apocatastasis in Eastern Patristics: from Clement of Alexandria to the Fifth Ecumenical Council]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, 2, 102-133. (in Russ.)
2. Mustafin, A. (2012). Novaya invajronmental'naya paradigma v kontekste sovremennogo e'kologicheskogo krizisa [A new environmental paradigm in the context of the current environmental crisis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 21, 15-19. (in Russ.)
3. Safranski, R. (2009). *Khajdegger: germanskij master i ego vremya* [Heidegger: the German Master and his time]. Molodaya gvardiya. (in Russ.)
4. Tolstenko, A. (2009). Avgustin i Ioann Skot E'riugena: tema bozhestvennogo predopredeleniya v kontekste postizheniya by'tiya kak slova [Augustine and John Scotus Eriugena: The theme of divine predestination in the context of understanding Genesis as a word]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2 (Filosofiya), 30-39. (in Russ.)

«Ныне стоящее» и «ныне длящееся»: nunc stans «Волшебной горы» и «Мира как воли и представления»

Крысанов А.О.

Работа посвящена понятию nunc stans в философии Артура Шопенгауэра и его интерпретации Томасом Манном. Nunc stans рассматривается как преимущественно эстетический феномен, в основе исследования – онтология произведения искусства Х.-Г. Гадамера и понятие игры.

Ключевые слова: Т. Манн, А. Шопенгауэр, игра, море, nunc stans.

В центре этого доклада – проблема наследования nunc stans-а – концепта, описывающего особенное отношение человека и времени в качестве усмотрения в последнем не последовательности состояний, а скорее обратного – вечности. Это наследование – виток спирали интерпретаций, объединяющий Томаса Манна и Артура Шопенгауэра – двух важнейших мыслителей немецкой культуры XX и XIX вв., и, как это свойственно жизни предания, имеющий своей чертой не только сохранение, неизменную передачу, но также

Крысанов Александр Олегович, студент бакалавриата, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

адрес для корреспонденции: aokrysanov_2@edu.hse.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.О.Крысанов

смещение, ведущее к образованию пускай и основанного на старом, но все же нового единства.

Знакомство с шопенгауэровской философией – одно из самых ярких событий молодости Манна. Чтение «Мира как воли и представления» он сравнивает с «первой любовью, первой искрой полового влечения» [3, с. 216], а саму шопенгауэровскую философскую «поэму» – с пьянящим «метафизическим волшебным напитком» [3, с. 216]. Конечно, «чувственная» интерпретация Шопенгауэра Манном далека от ученической.

Переводу шопенгауэровской философии в образ, понятия – в эстетическую идею, сделанному Манном, посвящено немало научных и философских работ. Обычно они сосредоточены вокруг раннего и позднего периода творчества: «Будденброков» и эссе «Шопенгауэр» 1938 года. «Волшебная гора» в большинстве случаев остается в слепой зоне; наиболее непосредственно относящейся к заявленной здесь теме можно считать эссе «Мир как Воля и Представление: философские романы Томаса Манна» Фрица Кауфмана. В нем как уделено место самой «Волшебной горе», так и эксплицирован выбранный мной сюжет: но такое обращение к теме рецепции *nunc stans*-а скорее находится на уровне упоминания, ссылки на общность между двумя авторами [5, с. 294]. Попробую отнестись к *nunc stans*-у более критически.

«Неподвижное теперь» [2, с. 287] возникает у Манна как то, что рождается из опыта моря: «Бродил ли он по берегу моря, этот "доктор", которому впервые пришла подобная мысль, и ощутил ли на губах лёгкую горечь вечности?» [2, с. 287]. Обратимся к описанию моря: ему характерно двойное движение, выраженное то наступающими, то отступающими волнами. Акцентирование такой характеристики даёт основание для обращения к саморепрезентации, обновляющейся «в бесконечных повторениях» [1, с. 149], гадамеровскому понятию игры. Такая связь необходимо заставляет думать о *nunc stans*-е как во многом эстетическом феномене.

В нераздельной связи с эстетикой «неподвижное теперь» понимал и Шопенгауэр. *Nunc stans* достигается через захваченность прекрасным и атакованность возвышенным. Увиденное свободно от закона достаточного основания единичное показывает себя как отсылающее напрямую к идее, высвечивает то, неясным преломлением чего оно обычно является, то есть неподвижной, в смысле статичности вечной идеи. Идея статична: движение Шопенгауэром однозначно соотносится с последовательностью. Важно обратить внимание, что созерцание за пределами достаточного основания – незаинтересованное созерцание, то есть оторванное не только, например, от мысли о причине, но и от логики целей, желаний, мотивов и индивидуальных волений [4, с. 293].

Теперь, кратко реконструировав *nunc stans* Шопенгауэра, вернусь к Манну. Статично ли его «неподвижное теперь»? Очевидно, нет. Игра предполагает движение, но как в движении преодолеть его членимость? Манн отвечает: перестав различать части. Для наблюдающего за морем смешивается порядок волн. Еще очевиднее это становится, когда созерцающий из зрителя становится игроком и начинает разыгрывать море. Недостаточно смотреть, необходимо его повторить, вышагивая и теряя порядок шагов: «движение от точки к точке – уже не движение, тут властвует тождество...» [2, с. 286]. Так *nunc stans* как способ переживания вечности получает у Манна, в отличие от шопенгауэровской пассивной, зрительской созерцательности, активный оттенок участия игрока. Эти два момента *nunc stans*-а – подвижность (в смысле перемещения с потерянной последовательностью), возможность игрового участия в вечности – оказываются для Манна ключевыми. Из них в дальнейшем вырастает и плетение (*Weben*) сновидения, как возможность смешения времени, слияния горизонтов двух несовместимых ситуаций, и природный агон, состязание с природой в качестве разыгрывания себя против неё, переворачивания предлагаемой и утверждения собственной игровой динамики, возвышения в результате игры, ведущего к истине.

Nunc stans перестало быть «ныне стоящим», «неподвижным теперь»; чтобы высветить особенность манновской аппликации, обновлению понятия через применения его к описанию опыта взаимодействия с морем, можно сказать *nunc ambulans* или *nunc ludens*, равно как и оставить *stans*, через оттенки значения которого – стоящее и длящееся – история содержания концепта обретаёт голос во всей своей динамике и двойственности.

Список используемых источников:

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
2. Манн Т. Волшебная гора (окончание). Собрание сочинений. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 542 с.
3. Манн Т. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе. М.: Культурная революция, 2009. 364 с.
4. Шопенгауэр А. О четверояком корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии. М.: Наука, 1993. 672 с.
5. Kaufmann F. The World as Will and Representation: Thomas Mann's Philosophical Novels. Part II. Philosophy and Phenomenological Research, 1944. Vol. 4, No. 3. P. 287-316.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Лагутина Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

“Now Standing” and “Now Lasting”: The Nunc Stans of “The Magic Mountain” and “The World as Will and Representation”

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Krysanov Alexander

Undergraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies,
National Research University Higher School of Economics
Correspondence to: aokrysanov_2@edu.hse.ru

The paper is devoted to the concept of nunc stans in the philosophy of Arthur Schopenhauer and its interpretation by Thomas Mann. Nunc stans is considered as a predominantly aesthetic phenomenon; based on H.G. Gadamer's ontology of the work of art and the concept of play.

Keywords: T. Mann, A. Schopenhauer, play, sea, nunc stans.

References:

1. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovi filos. germeneytiki* [Truth and Method: fundamentals of philosophical hermeneutics]. Progress. (In Russ.)
2. Mann, T. (1959) *Volshebnaia gora (okonchanie)*. [The Magic mountain (ending)]. In *Sobranie sochineniy* (Vol. 4). Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russ)
3. Mann, T. (2009) *Aristokratiia dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse*. [The aristocracy of the spirit. Collection of writings, articles and essays]. Kul'turnaya revoliutsiya. (In Russ)
4. Schopenhauer, A. (1993) *O chetveroyakom korne... Mir kak voli i predstavlenie. T. 1. Kritika kantovskoy filosofii* [On the Fourfold Root...The world as Will and Representation. (Vol. 1). Critique of the Kantian philosophy]. Nauka. (In Russ)
5. Kaufmann, F. (1944) The World as Will and Representation: Thomas Mann's Philosophical Novels (Part II). *Philosophy and Phenomenological Research*, 4(3), 287-316.

Философия и другое мышление: философская традиция в свете не-философий М. Хайдеггера и Ф. Ларюэля

Кузьмичев В.С.

В данном докладе ставится вопрос о единстве философской традиции, выявленном из не-философского опыта постижения сущности философии. В качестве основания нашего вопрошания были выбраны фигуры М. Хайдеггера и Ф. Ларюэля, для которых вопрос о сущности философии является основанием их собственных проектов не-философского мышления.

Ключевые слова: Хайдеггер, Ларюэль, традиция, не-философия, трансформация.

Всякий вопрос о философской традиции предполагает прояснение сущности философии как единого целого наличного многообразия идей и концепций, обнаруживаемых в истории одноименной мыслительной практики. Осмысление философии из нее самой длится, в явном виде, со времен Аристотеля, однако есть ли нечто конститутивное, что она не способна осмыслить в полагаемых самим этим фактором границах? Для ответа на этот

Кузьмичев Всеволод Сергеевич, студент магистратуры, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: st077303@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© В.С.Кузьмичев

вопрос, мы обратимся к подходам позднего М. Хайдеггера и Ф. Ларюэля, которые, развиваясь из иного, нежели философский, опыта мышления, ведут не к отрицанию философии, но первому раскрытию ее сущности и пониманию традиции в ее концептуальном и историческом единстве, в свете определяющих инстанций – бытия как события и Реального–Одного.

«Поворот» 1930-ых гг. отмечен для Хайдеггера осознанием приверженности метафизики (философии) вопросу о сущем как сущем, то есть бытии сущего как его сущности (Seiendheit) – постоянном присутствии (Anwesenheit). Ведомая онтологическим различием, предполагающим взаимосвязанность сущего и его бытия в качестве взаимно-обосновывающих, метафизика не способна задать основной вопрос: «каким образом существует бытие?» [1, с. 111]. Бытие «начинает» начало (Anfang) метафизического мышления, первое начало, проявившееся в древней Греции (где мышление было оставлено бытием, а потому забыто), в то же время, помысленное без оглядки на сущее, оно есть условие понимания философии: «Взгляд в существо бытия как историчного сущствия позволяет испытать предшествующую философию как историю первого начала в совершении сущствия бытия» [2, с. 20]. Мышление из бытия как события есть единовременное освоение традиции в воспоминающем продумавании (Andenken) и восхождение грядущего, готовящегося в его предвосхищающем продумавании (Vordenken), другого начала: «Мышление бытия как событие – это начальное (anfängliche) мышление, которое в качестве размежевания с первым началом готовит другое начало» [1, с. 53]. Событие как бытие – это разрешающая инстанция, исторично совершающееся определение конфигурации бытия и сущего в философии, где они со-принадлежат друг другу [3]. Итак, у Хайдеггера традиция философии предстает как первое начало, которое, увиденное из события, есть конституированное оставленностью бытием отношением бытия и сущего образованием, где бытие никогда не мыслится изначально, как исток всех возможных отношений присутствия и сущего, помысленных философией.

Ларюэль также видит в способе действия философии как таковой, «философском Решении», отвержение разрешающей инстанции – Реального, испытанного в качестве Одного, нераздельного, данного–без–выдачи, радикально имманентного опыта, прожитого (vécu). Увиденная из Одного, философия в целом есть утверждающее свою самодостаточность разделение изначально Реального, смещение него как единящего термина с полагаемой решением двойственностью: «Структурное правило философского решения... – это Единство противоположностей, их расширение друг на друга – с некоторым смещением в одну, то в другую сторону – Одного и Диады» [4, с. 6–7]. Реальное как Одно, безразличное ко всем разделениям, односторонне

определяет разнообразие конкретных философских решений, которое, будучи сведенным к побуждающему к размышлению материалу, используется для разворачивания обобщенной формы мышления: «Речь идет о новой практике философии, более универсальной, чем философия, поскольку она освобождается от некоторых ее постулатов – в частности, от постулата соответствия Реальному, конвертируемости с Реальным» [5, с. 3]. Так, проект Ларюэля направлен на продуктивное преобразование философии вне полагаемых ею самой границ, ее трансформацию в не-философию. Открывая не соотносящийся с философским действованием исток, не-философия постигает, с помощью последнего, собственное начало – Реальное как Одно, мышление в соответствии с которым и есть ее задача.

Подходы Хайдеггера и Ларюэля суть «еретическая попытка пересмотреть статус философии, ставя себя вне нее в качестве не-философии» [6, с. 141], не порывающей с первой, но возводящей ее к собственному существу, образы мышления, обнаруживающие исток философии вне нее. Обоих мыслителей направляет фундаментальный опыт, неразрывно связанный с философией и направляющий ее в будущее. Их жест определяет традицию философии (мышление взаимоотношения бытия сущего и сущего и Одного и Диადы) как то, что не может быть просто превзойдено и отброшено, но конструктивно осмыслено в другом, преображающем и расширяющем, мышлении. Хайдеггер и Ларюэль показывают, что «истина» философии – не замыкание на себе, а приурочивание другого начала, в котором мы всегда уже пребывали, но не были способны помыслить.

Список используемых источников:

1. Хайдеггер М. К философии (О событии). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 640 с.
2. Herrmann F.–W. v. Wege ins Ereignis. Zu Heideggers «Beiträgen zur Philosophie». Fr. a/M.: Vittorio Klosterman, 1994. 409 S.
3. Хайдеггер М. Тожество и различие. М.: Гнозис, 1997. 64 с.
4. Laruelle F. Philosophy and Non-Philosophy. Minneapolis: Univocal Publishing, 2013. 248 p.
5. Laruelle F. Principles of non-philosophy. New York: Bloomsbury Academic, 2013. 315 p.
6. Raynova, Y. B. «L'âge de la non-philosophie»: Martin Heidegger et François Laruelle // Labyrinth: An International Journal for Philosophy, Value Theory and Sociocultural Hermeneutics, Vol. 20 (1), 2018. P. 108-142.

Philosophy and Another Thinking: The Philosophical Tradition in the Light of the Non-Philosophies of M. Heidegger and F. Laruelle

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kuzmichev Vsevolod

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st077303@student.spbu.ru

This paper the question asked is that of the unity of the philosophical tradition as revealed from the non-philosophical experience of grasping the essence of philosophy. The figures of M. Heidegger and F. Laruelle, for whom the question of the essence of philosophy is the foundation of their own projects of non-philosophical thinking, are chosen as the basis of our questioning.

Keywords: Heidegger, Laruelle, tradition, non-philosophy, transformation.

References:

1. Heidegger, M. (2020). *K filosofii (O sobytii)* [Towards philosophy (About the event)]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. (In Russ.)
2. Herrmann, F. V. (1994). *Wege ins Ereignis. Zu Heideggers «Beiträgen zur Philosophie»* [Ways into the event. About Heidegger's "Contributions to Philosophy"]. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman
3. Heidegger, M. (1997). *Tozhdeatvo i razlichie* [Identity and Difference]. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
4. Laruelle, F. (2013). *Philosophy and Non-Philosophy*. Minneapolis: Univocal Publishing.
5. Laruelle, F. (2013). *Principles of non-philosophy*. New York: Bloomsbury Academic.
6. Raynova, Yvanka B. (2018). "L'âge de la non-philosophie": Martin Heidegger et François Laruelle ["The age of non-philosophy": Martin Heidegger and François Laruelle] *Labyrinth: An International Journal for Philosophy, Value Theory and Sociocultural Hermeneutics* 20 (1), 108-142.

Философия и поэзия Ингеборг Бахман: в поисках истины за пределами рационализма

Лисицына И.А.

В статье рассматривается влияние философских идей Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера на формирование творческого стиля Ингеборг Бахман, одной из ключевых фигур немецкой литературы XX века. Исследуются экзистенциальные мотивы, проблема границ языка и значимость молчания как философской и литературной категории. Особое внимание уделяется переосмыслению Бахман рационалистических подходов и её стремлению показать несостоятельность научной философии в объяснении иррационального опыта.

Ключевые слова: Ингеборг Бахман, критика рационализма, экзистенциализм, иррациональное.

Ингеборг Бахман вошла в историю как один из самых выдающихся немецких писателей XX в. Основной аспект её творчества приходится на 1950–е годы – послевоенную эпоху, когда мир начинал заново жить.

Лисицына Ирина Андреевна, студент магистратуры, Высшая школа
медиакommunikаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого

адрес для корреспонденции: iraliscyna@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© И.А.Лисицына

В 1945–1947 Бахман исследует науку философии, психологию, филологию и германистику в университетах Инсбрука, Граца, и Вены. Особое влияние на творчество поэтессы оказали философы Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер – в 1950 г. проходит защита диссертации «*The Critical Reception of the Existential Philosophy of Martin Heidegger*». В своём труде Бахман предлагает переосмыслить идеи Мартина Хайдеггера, поставив под сомнение тезис «прислушиваться к языку» при постижении истины [3, с. 18]. Позже, материалы упомянутых философов станут фундаментом в создании уникального стиля изложения писательницы.

В творчестве Бахман можно прочитать идеи экзистенциализма. Опровергая взгляды Хайдеггера (что вполне в духе Венского кружка), Бахман утверждает, что рационализм нельзя победить рациональными методами. Особое внимание Ингеборг Бахман уделяет научной философии и приходит к выводу о её невозможности рассматривать иррациональное. Система, выстроенная из различных логически-связанных механизмов, не способна решать те задачи, которые решают искусство, литература и мифология.

Скепсис в отношении Хайдеггера обоснован и отсутствием, по мнению Бахман, возможности рассматривать отдельно мысль и действие. В свою очередь, Витгенштейн становится противоположной фигурой, предлагая идею согласованности и неразрывности слов, мыслей и действий.

Любопытно, что в литературоведческом поле Витгенштейн рассматривался как «философ писателей, поэтов и драматургов». Отражение его идей в творчестве Бахман – тому подтверждение. В качестве примера исследователи приводят стихотворение «Слова», где Бахман, выходя за рамки привычного понимания философии Витгенштейна, актуализирует проблему взаимодействий человека, мира и языка. Отрицая истинность идей научной философии и презирая рамки, создаваемые логикой и рационализмом, Бахман перестаёт видеть живое в слове, которое приобретает одно точное определение.

Тезисы, изложенные Людвигом Витгенштейном, выступают одной из ключевых форм жизненного знания Бахман. Нельзя не отметить, что в научном дискурсе присутствует мнение – оно довольно распространённое, о схожести судеб Витгенштейна и Бахман. Соглашаясь с предложениями о том, что «О чём невозможно сказать словами, о том следует молчать», Бахман не только интегрирует философскую логику Витгенштейна, но и переосмысливает его тезисы о взаимодействии языка и действительности [1, с. 145]. Продолжая мысли Витгенштейна, Бахман утверждает, что весь мир и происходящие в нём события нельзя объяснить наукой.

Отдельное место в концепции познания языка у Ингеборг Бахман занимает молчание. Молчание не допускает ложь; оно не даёт выразить отчаяние, страхи и переживания.

Понятие языка и границ – неотделимы. Язык, как утверждает Бахман, является инструментом выражения собственных идей и мыслей о мире. Особую роль в её жизни сыграла и музыка – как способ выйти за границы классического литературного повествования. Здесь можно увидеть параллель и с творчеством О. Мандельштама, который также утверждал о необходимости синтеза поэтики и музыки [2, с. 142].

Ингеборг Бахман по праву занимает место среди выдающихся немецких писателей XX века. Её творческий путь, сформированный благодаря идеям Л. Витгенштейна и М. Хайдегера, привёл к созданию неповторимого стиля, где экзистенциальные идеи сочетаются с глубоким анализом языка и его границ. Бахман смогла критически переосмыслить философские концепции своего времени, утверждая, что рационализм не способен постичь иррациональное, а искусство и литература играют ключевую роль в понимании человеческого опыта.

Через свою поэзию и прозу она стремилась показать, что язык не может полностью выразить глубину человеческих переживаний, а молчание порой может сказать больше, чем слова. Ингеборг Бахман превратила свои философские и литературные изыскания в инструмент для исследования сложных взаимодействий между человеком, миром и языком. Её работы продолжают вдохновлять и удивлять исследователей, показывая, что поиск истины всегда требует выхода за пределы традиционных рамок логики и рациональности.

Список используемых источников:

1. Коваль О. А., Крюкова Е. Б. Образ языка Людвиг Витгенштейна и язык образов Ингеборг Бахман // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 51. С. 145–161.
2. Моросеева Д. Д. Поэтика мотива границы в прозе Ингеборг Бахман // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. №1. С. 142–146.
3. Соколова Е. В. Ингеборг Бахман и ее роман «Малина». Социальные и гуманитарные науки // Отечественная и зарубежная литература. 2023 №7. С. 9–26.

Philosophy and Poetry of Ingeborg Bachmann: In Search of Truth Beyond Rationalism

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lisitsyna Irina

Master's student, Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Correspondence to: iraliscyna@gmail.com

The article examines the influence of the philosophical ideas of L. Wittgenstein and M. Heidegger on the formation of the creative style of Ingeborg Bachmann, one of the key figures in German literature of the 20th century. Existential motives, the problem of the boundaries of language and the significance of silence as a philosophical and literary category are explored. Particular attention is paid to Bachmann's rethinking of rationalistic approaches and her desire to show the inconsistency of scientific philosophy in explaining irrational experience.

Keywords: Ingeborg Bachmann, critique of rationalism, existentialism, irrational.

References:

1. Koval, O. & Kryukova, E. (2016). Obraz yazyka Lyudviga Vitgenshtejna i yazyk obrazov Ingeborg Bahman [The image of Ludwig Wittgenstein's language and the language of Ingeborg Bachmann's images]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 51, 145–161. (in Russ.)
2. Moroseeva, D. (2016). Poetika motiva granitsy v proze Ingeborg Bahman [Poetics of the border motif in Ingeborg Bachmann's prose]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 1, 142–146. (in Russ.)
3. Sokolova, E. (2023). Ingeborg Bahman i ee roman "Malina". Sotsialnye i gumanitarnye nauki [Ingeborg Bachmann and her novel "Malina". Social and humanitarian sciences]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*, 7, 9–26. (in Russ.)

«Invenio» Аврелия Августина в работах Мартина Бубера и Мартина Хайдеггера

Львов Е.А.

В данной работе рассматривается категория «Invenio», введённая Аврелием Августином, определяемая как онтологическое наткновение на вещь, отличную от Я. Исследовано осмысление этой категории в работах Мартина Бубера и Мартина Хайдеггера.

Ключевые слова: invenio, А. Августин, М. Бубер, М. Хайдеггер, онтология.

Аврелий Августин в «Исповеди» с первых страниц имплицитно вводит категорию, которая открывается через внутреннюю форму слова. Эта категория – «invenio» [1, с. 5]. Этот глагол переводится как «находить-наткнуться». Впервые он использован в следующем контексте: «quaerentes enim inveniunt eum» [ibid.], то есть речь идёт о поиске и «нахождении» Бога. Августин пишет о «нахождении» Бога как о на-ткновении на Него, то есть онтология «нахождения» Бога предполагает случайность и необусловленность волей человека. «Нахождение» становится как бы обнаружением (или вынаруживанием), то есть случайным выводением из сокрытости, нечаянным выводением наружу. Посредством invenio вынаруживается важнейшая

Львов Егор Александрович, студент бакалавриата, Философский факультет,
Государственный академический университет гуманитарных наук
адрес для корреспонденции: egorlvov265@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.А.Львов

онтолого-метафизическая категория – Бог, следовательно, предельное познание (насколько вообще возможно таковое познание) происходит посредством на-тконвения, не обусловленного нашей свободной волей.

Мартин Бубер в книге «Я и Ты» пишет о том, что вторая часть основного слова Я-Ты не может быть познана опытно: Ты существует только в моменте диалога [2, с. 9]. Человек уже имеет в себе имманентную категорию Ты – «чувство Ты». Это чувство неподвластно свободной воле человека и его сознательным желаниям: на место Ты – в пространство диалогичности – может попадать любая вещь, когда с ней завязывается отношение. Отношение – это важнейшая онтологическая категория Мартина Бубера; это взаимопроникновение в единстве основного слова Я-Ты, основанное на чувстве личности (персоны) [2, с. 88], исключённое из опытного, вещного познания и составляющее подлинную реальность. То есть у Мартина Бубера «чувство Ты» с присущим ему отношением является категорией *invenio*. Натконвение возможно только благодаря имманентности «чувства Ты», и натконвение возможно только на Ты. Более того, Мартин Бубер пишет, что Бог – это вечный Ты [2, с. 111], то есть выведение Бога из сокрытости возможно только благодаря *invenio*. Эта концепция, безусловно, является продолжением линии Августина.

Мартин Хайдеггер в книге «Парменид» пишет о том, что истина как *αληθεια* пребывает во внутреннем неустрашимом противоречии, противоположности самой себе, так как, имея природу несокрытости, принадлежит к пространству сокрытия [4, с. 48]. Неизбежно возникает вопрос, как возможно познать истину в таком случае. В первом приближении Хайдеггер говорит о том, что истина познаётся агонально, а мышление истинного без ложного невозможно, то есть истина познаётся в борьбе с сокрытостью, но эта сокрытость – не ложность. Агоном является «отступление перед бытием», то есть онтологический шаг назад перед сокрытым для выведения его из сокрытости [4, с. 19]. Более подробные пояснения о механике выведения из сокрытости как приведения к несокрытому Хайдеггер дал в «Лекциях по метафизике»: главный способ онтологического шага назад – экзистенциальный страх [3, с. 30]. В экзистенциальном страхе человеку открывается ничто, но познать ничто он не может – человек лишь встречается с ним. Ничто – это не-сущее, как и бытие – это не-сущее [3, с. 47]. Экзистенциальный страх, безусловно, не контролируется нами, и мы не можем его ощутить по своему желанию. Следовательно, встреча с ничто (равно – встреча с бытием) – это *invenio*. Хайдеггер также продолжает традицию Августина, говоря, что предельное познание (хотя в его случае познание как не более чем фиксирование) – это натконвение.

Таким образом, Хайдеггер и Бубер, используя разные слова для обозначения одного и того же, находятся в дискурсе категории *invenio*, введение которой было связано с Аврелием Августином.

Список используемых источников:

1. Аврелий Августин. Исповедь. М.: Азбука-Классика, 2012. 320 с.
2. Бубер М. Я и Ты. М.: АСТ, 2003. 200 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Философские технологии, 2015. 600 с.
4. Хайдеггер М. Парменид. Владимир: Владимир Даль, 2018. 280 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Гусева Анна Андреевна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук ИФ РАН.

“Invenio” of Aurelius Augustine in the Works of Martin Buber and Martin Heidegger

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lvov Yegor

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, State Academic University for Humanities

Correspondence to: egorlvov265@gmail.com

The paper examines the category of “Invenio” introduced by Aurelius Augustine, defined as an ontological encounter with a thing other than the Self. The understanding of this category in the works of Martin Buber and Martin Heidegger is investigated.

Keywords: invenio, A. Augustine, M. Buber, M. Heidegger, ontology.

References:

1. Augustine, A. (2012). *Ispoved'* [Confessions]. Azbuka-Klassika. (in Russ.)
2. Buber, M. (2003). *Ya i Ty* [I and Thou]. AST. (in Russ.)
3. Heidegger, M. (2015). *Bytie i vremya* [Being and Time]. Filosofskie tekhnologii. (in Russ.)
4. Heidegger, M. (2018). *Parmenid* [Parmenides]. Vladimir Dal'. (in Russ.)

Понятие сущего и сущности у Аристотеля и Фомы Аквинского

Макарова Г.М.

В работе представлена попытка проследить изменение понимания сущего и сущности в переходе от античности (Аристотель) к средним векам (Фома Аквинский). В частности, показать преемственность понимания некоторых аспектов бытия.

Ключевые слова: Аристотель, сущее, сущность, Фома Аквинский.

Аристотель и Фома Аквинский – философы, чей вклад невозможно переоценить. Поэтому цель данной работы – проследить, как аристотелевское понимание сущего и сущности было акцептировано и творчески переосмыслено в схоластике на примере магистерской диссертации Фомы Аквинского «О сущности и сущем».

Актуальность работы заключается в том, чтобы показать философские истоки богословской мысли эпохи средневековья (а именно схоластики). Как заметил С.С. Аверинцев [1, с.936], Фома Аквинский, как представитель ордена Св. Доминика, чьим девизом была «истина», избирает в качестве основы для культуры «здорового рассудка» философию Аристотеля, так как для Фомы

Макарова Галия Михайловна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: makarovagaliya00@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Г.М.Макарова

была важна планомерная отработка католической доктрины в формах здравого смысла.

Для Аристотеля в понимании сущего оказывается важным дать определение, так как то, как всякое отдельное сущее «есть» в космосе, так оно есть в нашей мысли, и так оно должно быть артикулировано в речи [5, с. 295-296].

Главное для Аристотеля в познании сущего есть знание единичного сущего в его оформленности. Такое оформленное знание о сущем Аристотель называет «сутью бытия» сущего или «определением», которое и будет выражать сущность этого сущего, то есть станет логосом (ο) сущности сущего [3, с. 191].

Задачей Аристотеля является систематизация знания о сущем, он исследует сущность сущего и показывает, что «сущность» можно понимать в трех смыслах, а именно:

1. Сущность как οὐσία. Сущее здесь рассматривается как замкнутое на самом себе. Оно мыслится как нечто, что имеет материю и форму. Причём οὐσία в этом смысле предполагает как единичное сущее, так и общее.

2. Сущность как ὑποκείμενον. Сущее в данном смысле полагается как нечто единичное, занимающее определенное место в космосе.

3. Сущность как суть бытия. У сущего, понятого в этом смысле, предполагается наличие его определения.

Как было замечено выше, парадигма античной мысли – тождество «быть-мыслить-говорить». С приходом в философско-богословский дискурс идеи трансцендентного Бога тождество разрушается [4, с. 6-7] и происходит видоизменение понимания сущности и сущего.

Сущее (ens), согласно Фоме Аквинскому, есть то, что подразделяется на 10 родов [2, гл. 1, 5], и в этом смысле оно есть то, что выражает сущность вещи [2, гл. 1, 20], которая будет концептуализировать нечто общее всем вещам, то есть станет определением или «чтойностью» сущего. Это первое смысловое содержание «сущности», «сущность» как определение вещи.

Затем он добавляет: «ο сущности (essentia) же мы говорим – поскольку благодаря ей и в ней сущее (ens) имеет свое бытие (esse)» [2, гл. 1, 50]. «Сущность» в этом смысле понимается как форма, определённости вещи, постигаемая умом, которая приобретает свое существование через Божественный акт.

Третье смысловое содержание «сущности»: сущность как природа [6, с.13].

Фома, как и Аристотель, согласен с тем, что сущее может быть понято как то, о чём сказываются 10 категорий и как то, о чём можно сказать, истинно оно или ложно. Также оба мыслителя схожи в том, что сущее находит своё выражение через сущность.

Однако они существенно различаются в возможности их тождественности, а именно: сущее, согласно Фоме, в аспекте своего существования никогда не может быть приравнено к своей сущности, так как сущность – в уме Бога. Тогда как, согласно Аристотелю, сущее (и его существование) и сущность есть нечто тождественное, так как сущность всегда находится «в вещах», что соответствует античной мысли: быть = быть чем-то. Христианство, привнесшее в философию идею трансцендентного Бога, оказало решающее влияние на разотождествление указанного равенства.

Кроме того, сущность обоими мыслителями понимается как определение, то есть, с одной стороны, как наше высказывание о сущем через его индивидуальные характеристики, а, с другой стороны, как некоторое интеллектуальное усмотрение идеи сущности сущего, его формы.

Причем Фома в случае дискурсивного понимания определения сущего вновь являет себя приверженцем христианской мысли как отличной от античной, когда заявляет, что определение может включать в себя материю, но добавляет: неозначенную в родо-видовом случае, и означенную в случае индивид-вид. Так, Фома удастся индивидуализировать сущее в аспекте сущности, так как спасение индивидуально.

Таким образом, с одной стороны, понимание сущего в схоластике остаётся античным (как то, о чем сказываются 10 категорий и что предполагает наличие сущности), с другой стороны, становится отличным (сущее понимается через означенную и неозначенную материю).

Список используемых источников:

1. Аверинцев С.С. Фома Аквинский // Философия. Энциклопедический словарь. Enciclopedia, 2004. С. 936-937.
2. Аквинский Ф. О сущем и сущности. [электронный ресурс] URL: <https://lib.ru/HRISTIAN/AKWINSKI/ens.txt> (Дата обращения: 05.12.2024)
3. Аристотель. Метафизика. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
4. Боэций. Утешение философией и другие трактаты: Комментарий к Порфирию. М.: Наука, 1990. 416 с.
5. Лебедев А.В. Парменид. О природе. Фрагменты ранних греческих философов. В 2 ч. Ч.1. М.: Наука, 1989. 576 с.
6. Федчук Д.А. Сущность и существование в философии Фомы Аквинского: Автореф. дис.на соиск.уч.степ.канд.фил.наук. Спб, 2003. 28 с.

The Concept of Being and Essence in Aristotle and Thomas Aquinas

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Makarova Galiya

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: makarovagaliya00@mail.ru

The article reveals an attempt to interpret Greek philosophy (Aristotle) of being and essence in the perspective of the medieval philosophy (Thomas Aquinas). In particular, to demonstrate that certain aspects of being were accepted without changes.

Keywords: Aristotle, being, essence, Thomas Aquinas.

References:

1. Averincev, S. (2004). *Foma Akvinskii* [Thomas Aquinas]. *Filosofiya. Enciklopedicheskii slovar*. Enciclopaedia, 936-937. (in Russ.)
2. Akvinskii, F. *O suschem i suschnosti*. URL: <https://lib.ru/HRISTIAN/AKWINSKII/ens.txt> (Accessed: 5 December 2024). (in Russ.)
3. Aristotle (1976). *Metaphizica. Sochineniya v 4 t. T. 1* [Metaphysica. Collected works in 4 v. Vol. 1]. Misl. (in Russ.)
4. Boethius (1990). *Uteshenie filosofiei i drugie traktati: Kommentarii k Porfiriyu* [Consolation by Philosophy and Other Treatises: A Commentary on Porphyry]. Nauka. (in Russ.)
5. Lebedev, A. (1989). *Parmenides. O prirode. Fragmenti rannih grecheskih filosofov. V. 2 ch. Ch. I* [Parmenides. On nature. Fragments of early Greek philosophers. In 2 p. P. 1]. Nauka. (in Russ.)
6. Fedchuk, D. (2003). *Suschnost i suschestvovanie v filosofii Fomi Akvinskogo. Avtoref. dis.na soisk.uch.step.kand.fil.nauk*. [Essence and existence in Thomas Aquinas' philosophy]. Spb. (in Russ.)

Философские диалоги: В.С. Соловьев и Ф.В.Й. Шеллинг в контексте русской интеллектуальной традиции

Медведко М.Е.

Между философией В. С. Соловьева и Ф. В. Й. Шеллинга можно найти много общего. Однако было ли сходство идей двух великих философов определено влиянием одного на другого или основной причиной стали общие устремления, ценности?

Ключевые слова: Всеединство, эстетика, критика рациональности.

Исследователи творчества В. С. Соловьева не раз обращали внимание на влияние европейской философской традиции, особенно немецкой классической философии. Этому посвящено множество работ, в которых мнения авторов не всегда сходятся на одной позиции. Например, никто не отрицает, что при написании «Оправдание добра» Соловьев прекрасно знал произведения И. Канта, Ф. Шеллинга и А. Шопенгауэра. Однако роль каждого из философов в формировании собственного мировидения Соловьева воспринимается неоднозначно. В нашем сообщении будет обращено внимание

Медведко Михаил Евгеньевич, студент магистратуры, Философский факультет,
Томский государственный университет

адрес для корреспонденции: tomskmme86@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.Е.Медведко

на роль Ф. Шеллинга в творчестве В. С. Соловьева. Действительно ли оно стало одним из ключевых ориентиров при формировании этических воззрений В. С. Соловьева?

В философии В. С. Соловьева исследователи обнаруживают ряд общих с Ф. Шеллингом идей. Ключевые среди них следующие: всеединство, воплощение абсолюта через красоту, связь философии и искусства в процессе данного воплощения, одухотворенность природы, интуитивное познание (критика ограниченности рационального познания), учение об Эросе.

Суть всеединства Ф. Шеллинга хорошо сформулировал П. П. Гайденко: «Задолго до мюнхенских лекций, в работе «Философия и религия» (1804) Шеллинг подразумевал под всеединством весь абсолютный мир со всеми ступенями существ, вселенную в ее полном и совершенном единстве. Еще раньше, в философии тождества единство вселенной предстало у Шеллинга как совершенное и непрерывное единство духа и природы, как божественное художественное произведение» [1, с. 71]. В творчестве В. С. Соловьева указанному единству дается более подробная характеристика, ему отводится ключевая роль во всей философской системе. Всеединство тесно связано с идеей соборности, которая в свою очередь необъяснима без идеи Бога.

Другая, не менее важная точка соприкосновения взглядов – это эстетика. И Ф. Шеллинг, и В. С. Соловьев принимают кантовскую триаду добра, истины и красоты и воплощение абсолюта происходит именно через эти три ипостаси. В.С. Соловьев отдельно замечает, что красота, несмотря свою «автономность» не мыслима без двух других элементов, как и они не способны полностью реализоваться без нее. Также сходство воззрений мыслителей состоит в указании на значимость и неразрывность искусства и философии, которые мыслятся как два подхода к пониманию единого, или абсолюта. Отличие их взглядов состоит в том, что у В. С. Соловьева искусство играло более активную, созидающую роль. [2, с. 46–47].

Однако наиболее значимой идеей Ф. Шеллинга, на которую откликнулась русская интеллигенция и В.С. Соловьев в их числе, была критика рациональности, ее первостепенной важности в процессе познания мира. Ф. Шеллинг говорит, что кроме разума у человека еще есть чувство и эта идея особенно важна для В.С. Соловьева, т.к. его этика строилась на стыде, жалости и благоговении – трех основаниях нравственности. На стремление человека жить не только разумом, но и чувством указывали русские мыслители и до появления Ф. Шеллинга. Например, в творчестве А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина

Можно задаться вопросом, почему идеи Ф. Шеллинга были так хорошо приняты в России? По каким причинам общение с русской интеллигенцией повлияло на самого Ф. Шеллинга? Возможно, более детальное рассмотрение

не только социального контекста творчества Ф. Шеллинга [3], но и условий российского общества того времени позволит разграничить влияние философских представлений Ф. Шеллинга от идей, возникших на основе собственной российской культуры.

Без сомнения, произведения Ф. Шеллинга повлияли на становление философии В. С. Соловьева, но послужило скорее формой, в которую можно вложить собственную мысль.

Список используемых источников:

1. Гайденок П.П. Гностические мотивы в учениях Шеллинга и Вл. Соловьева // Vittorio: Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. 2005. С. 68–92.
2. Петрык Я.Ю. Некоторые положения эстетики Ф. Шеллинга и В. С. Соловьева (филиация идей) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. № 7–8 (39). 2014. С. 37–47.
3. Резвых П.В. Ф.В.И. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами// Новое литературное обозрение. 2008. (№3). С. 141–185.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Чешев Владислав Васильевич, доктор философских наук, профессор каф. философии и методологии науки.

Philosophical Dialogues: V. S. Solovyov and F. V. J. Shelling in the Context of the Russian Intellectual Tradition

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Medvedko Mikhail

Master's student, Faculty of Philosophy, Tomsk State University

Correspondence to: tomskmm86@mail.ru

There are many similarities between the philosophy of V.S. Solovyov and F.V.J. Schelling. However, was the similarity of the ideas of the two great philosophers determined by the influence of one on the other, or was the main reason common aspirations and values?

Keywords: All–Unity, aesthetics, criticism of rationality.

References:

1. Gaydenko, P. (2005). Gnostichecksie motivy v ucheniyakh Shellinga i Vl. Solov'eva [Gnostic Motifs in the Teachings of Schelling and V. Solovyov] // *Vittorio: Mezhdunarodnyy nauchnyy sbornik, posvyashchennyy 75-letiyu Vittorio Strady*. Moscow: Tri kvadrata. 68–92. (in Russ.)
2. Petryk, Y. (2014). Nekotorye polozheniya estetiki F. Shellinga i V. S. Solov'eva (filiatsiya idey) [Some Aspects of F. Schelling's and V. S. Solovyov's Aesthetics (Filiation of Ideas)] // *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*. No. 7–8 (39). 37–47. (in Russ.)
3. Rezvykh, P. (2008) F.V.Y. Shelling v dialoge s rossiyskimi intellektualami [F.W.J. Schelling in Dialogue with Russian Intellectuals] // *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 3. 141–185. (in Russ.)

Реконструкция и интерпретация: комментарий в неоплатонической герменевтике

Наумовец П.А.

В докладе рассматривается соотношение реконструкции и интерпретации в неоплатонической традиции истолкования текстов. Анализируется способ встраивания комментария в смысловое пространство изначального текста, а также сопутствующее ему расширение смыслового горизонта.

Ключевые слова: реконструкция, интерпретация, символ, неоплатонизм, герменевтика.

Комментарий как герменевтический феномен предполагает встраивание в осваиваемое им пространство первичного текста: реконструкция мысли осуществляет своеобразное повторение топоса, определяющего конфигурацию связанных с ним смыслообразующих аспектов. Истолкование раскрывает потенцию текста к подвижности: вскрытие новых символических кодов «переворачивает» структуру текста, вскрывает более глубокие слои его символической почвы, обнажает коренные связи, определяющие горизонт расширения смысла. Надстраивание интерпретации, таким образом, скорее не перекрывает, а проясняет первичные слои палимпсеста значений. Подобное

Наумовец Полина Александровна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: st095005@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© П.А.Наумовец

противоречие оборачивается трудностями не столько при определении степени дистанционности вторичного «слоя» от первичного, сколько при определении направления, в котором осуществляется данное смысловое движение: от текста или к его истоку.

Классическим примером описанного выше парадокса является неоплатоническая линия истолкования текстов. Как правило, объектом исследования для данной традиции становятся диалоги Платона, специфика которых заключается в особенно плотной «пригнанности» различных измерений понимания друг к другу и в чрезвычайной многослойности языковой ткани: софистическое ускользание смысла сопряжено здесь с драматической двойственностью знания и незнания, с постоянной этимологической игрой, которая нередко имеет иронический характер. Комментаторы-неоплатоники обращают внимание на структурные «лазейки», на промежутки, в которых диалогически выстроенная мысль останавливается, указывая на возможность снятия самой себя в герменевтическом расширении. Текст и комментарий сращиваются в единое целое – линия их разграничения подвижна, за счет чего рождается новое пространство разворачивания мысли. В качестве примера подобного процесса можно привести пространственно-числовые аспекты «Комментария к Тимею» Прокла Диадоха, в котором филологический анализ использования порядкового числительного после ряда количественных объясняется способами выражения отсутствия и присутствия: «...δεκτικὸν γὰρ εἰς δύο τρεῖς • τὸν δὲ ἀλόντα –δεκνύει γὰρ ἀδυνάτῳ ἤν– διὰ τοῦ τέταρτος ἐσήμηνε...». [3, с.15]. Следует иметь в виду, что в своем комментарии Прокл проводит параллель между количеством слушателей и иерархией демиургических сил: триада слушателей как бы воспринимает речи Отца дел. Ввиду того, что в разработанной Платином неоплатонической космологии тем, что отсутствует по отношению к сущему, является Единое, которому не предсказывается даже бытие, в рамках надстроенного смысла появляется новый зазор для расширения: отсутствует не только четвертый слушатель, но и Первоначало, определяющее воспринимающую триаду. Комментарий входит в пространство диалога, включая в себя все возможные смыслы, предполагаемые толкуемым и толкующим текстами.

Язык представляет собой открытое пространство циркуляции значений, в котором происходит обращение мысли даже после ее фиксации. Например, в одном из своих писем Ямвлих Халкидский косвенно обращается к этимологии слова «истина» из платоновского «Кратила». Он доводит до предела иронические этимологии, порожденные фонетическим сходством: если у Платона ἀλήθεια представлена как композит, основанный на словосочетании «θεία ἀλή (божественное помешательство), то у Ямвлиха эта ирония еще более очевидна: он выводит ἀλήθεια из ἀλῶμαι (блуждать) [2,с.271], что в целом

указывает скорее на отдаление от истины, чем на приближение к ней. Однако Ямвлих описывает это как движение вокруг божества, то есть некоторое приближение к нему. Есть основания предполагать, что таким образом он, как и Платон, акцентирует внимание на относительности языкового пространства, на его текучести, предполагающей расширение семантики и отклонение от наиболее очевидных значений слов.

Таким образом, структура неоплатонического комментария к тексту образуется за счет сращивания с подвижным пространством интерпретируемого текста. Подобная модель наглядно демонстрирует не только способ функционирования смысла в комментарии, но и некоторые аспекты проблемы герменевтического круга в целом. Исследование проблемы в данном историческом контексте позволяет наглядно выявить смыслообразующие модели, значительно повлиявшие на герменевтические стратегии европейской философии и литературоведения, а также в значительной степени прояснить феномен интертекстуальности, выход которого на поверхность дискурсов во многом определяет развитие современной мысли.

Список используемых источников:

1. Прокл Д. Комментарий к «Тимею». М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2012. 375с.
2. Ямвлих. Письма // Ямвлих. Собрание творений: В 4 т. Т4. СПб.: Квадривиум, 2020. С. 271-272.
3. Diehl E. Procli Diadochi in Platonis Timaeum commentaria. Leipzig: Teubner, 1903. 538p.

Reconstruction and Interpretation: Commentary in Neoplatonic Hermeneutics

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Naumovets Polina

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st095005@student.spbu.ru

This is a research on the relation between reconstruction and interpretation within neoplatonic tradition of exegesis. Another subject of analysis is the way commentary

incorporates into the semantic field of an original text as well as the way the horizon of meanings expands.

Keywords: reconstruction, interpretation, symbol, neoplatonism, hermeneutics.

References:

1. Proclus, D. (2012). *Kommentariy k "Timeyu"* [Commentary on Thimaeus]. Greko-latinskij kabinet Y.A. Shichalina. (in Russ.)
2. Iamblichus (2020). *Pisma* [Letters]. Kvadrivium. (in Russ.)
3. Diehl, E. (1903). *Procli Diadochi in Platonis Timaeum commentaria*. Leipzig: Teubner.

Трёхчастная душа: сходства и различия второй топики Зигмунда Фрейда и платоновской теории души

Рочева А.С.

Работа рассматривает возможную связь теории трёхчастной души из диалога «Государство» Платона и второй топики Зигмунда Фрейда, также состоящей из трех инстанций. Полное согласование этих теорий не представляется возможным, но ряд существенных сходств между ними предполагает возможность влияния Платона на понимание психики Зигмундом Фрейдом.

Ключевые слова: З. Фрейд, Платон, вторая топка, теория души.

То, что у истоков психоанализа, помимо прочего, стояла древнегреческая культура, никого не удивит: Эдипов комплекс – одна из наиболее известных идей Зигмунда Фрейда – очевидно, связан с античным мифом и трагедией Софокла. Несомненно, Фрейд был знаком и с текстами Платона, чьё имя он неоднократно упоминал в своих работах (в первую очередь, сравнивая важную

Рочева Анна Сергеевна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: anronech@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.С.Рочева

роль сексуальности в психоаналитической теории со всеобъемлющим платоновским эросом).

Вопрос о возможной связи теории трёхчастной души Платона из диалога «Государство» и второй топики Фрейда, также состоящей из трёх инстанций, уже неоднократно поднимался различными авторами. В частности, об этом писали американский антиковед Чарльз Кан, французский философ Ивон Брес и американский философ и психоаналитик Джонатан Лир. Тем не менее, вопрос остаётся актуальным в силу того, что теория Платона допускает возможность различных интерпретаций, и, соответственно, различные «стыковки» со второй топикой.

Самым очевидным сходством обладают вождедеющее начало души и Оно – эти части психики выстроены вокруг телесных удовольствий. Оно, как и *erithymetikon*, «совершенно аморально» [2, с. 388]; ему «не знакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль» [1, с. 346]; оно сравнивается с «хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений» [1, с. 345]. Судя по всему, истинные свойства. Оно и *erithymetikon* практически идентичны – их различия состоят в первую очередь в их отношениях с другими частями психики.

На первый взгляд, Я можно сопоставить с *logistikon*: и то, и другое является воплощением человека во внешнем мире; тем, с чем человек себя ассоциирует в первую очередь. Сходство разумного начала и Я особенно заметно в следующей цитате: «Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно – неукротимые страсти» [1, с. 347]. Тем не менее, политические метафоры для этих двух инстанций существенно различаются. Фрейд сопоставляет Я с конституционным монархом, который формально обладает законодательной властью, но «всё же сильно поразмыслит, прежде чем наложить своё вето на предложение парламента» [2, с. 389], а также с угодливым и лживым государственным деятелем, пытающимся «остаться в милости у общественного мнения» [2, с. 390], решая конфликт Оно и реальности. Платон же сравнивает разумное начало души со справедливой, последовательной, рассудительной и всё упорядочивающей аристократией.

Отождествить яростный дух (*thymoeides*) и Сверх-Я не представляется возможным, хотя между ними и есть отдельные сходства. Обе инстанции находятся на стороне морали, и обе способны как бы извне судить действия и мысли человека; тем не менее, это сходство достаточно условно и имеет значение исключительно в контексте сравнения теорий целиком. Фундаментально эти два начала не представляется возможным описать в схожих терминах, так как Сверх-Я – это, в первую очередь, «репрезентация нашего отношения к родителям» [2, с. 371] и наследие Эдипова комплекса. Также *thymoeides* сложно соотнести со Сверх-Я в силу того, что отношения между ним и разумным началом фактически противоположны отношениям

Сверх-Я и Я. «Я подчиняется категорическому императиву своего Сверх-Я» [2, с. 382], тогда как в душе справедливого человека разумное начало повелевает яростным духом. Независимость Сверх-Я от Я является достаточно важным аспектом, чтобы не иметь возможности отождествить с ним яростный дух.

Также нельзя не отметить некоторое сходство упорядоченной души и цели терапевтической практики психоанализа. Фрейд пишет, что её цель – «укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле восприятия и перестроить его организацию так, чтобы оно могло освоить новые части Оно» [1, с. 349]. Так, психику, в которой Я более укреплено и самостоятельно, вполне можно сравнить с «образцовой» душой в представлении Платона, в которой главенствует разумное начало. Кроме того, представляет интерес сходство метафоры Я как наездника, используемой Фрейдом, и платоновской метафоры души как колесницы в диалоге «Федр».

Несмотря на невозможность полного согласования этих двух теорий, ряд совпадений в них наряду с осведомленностью Фрейда об идеях Платона позволяет предполагать, что вторая топика могла испытать влияние платоновской теории души – однозначно об этом заявить невозможно, так как Фрейд в контексте топика никогда не ссылался на Платона.

Список используемых источников:

1. Фрейд З. Тридцать первая лекция. Разделение психической личности // Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 334–348.
2. Фрейд З. «Я» и «Оно» // «Я» и «Оно». Труды разных лет. Книга I. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 351–392.

A Tripartite Soul: Similarities and Differences of Sigmund Freud's Second Topography and Plato's Theory of Soul

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Rocheva Anna

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: anronech@gmail.com

The study examines a possible connection between theory of the tripartite soul from Plato's dialogue "The Republic" and Sigmund Freud's second topography, which also consists of three entities. A complete reconciliation of these theories is not possible, but a number of significant similarities between them suggest the possibility of Plato's influence on Sigmund Freud's understanding of the psyche.

Keywords: S. Freud, Plato, second topography, theory of soul.

References:

1. Freud, S. (1989). *Vvedeniye v psikhoanaliz* [Introductory Lectures on Psycho-Analysis]. Nauka. (in Russ.)
2. Freud, S. (1991). "Ya" i "Ono" [The Ego and the Id]. Merani, 351–392. (in Russ.)

Опыт предела и невозможность высказывания: влияние сюрреализма на французскую мысль XX века

Сениченков К.А.

В данном докладе анализируется влияние идей французского сюрреализма на творчество Ж. Батая и М. Бланио. Основной сравнительный акцент ставится на критическое переосмысление авторами установок сюрреализма. В качестве основных понятий, которые позволяют рассмотреть сопряженность мысли Ж. Батая и М. Бланио с сюрреализмом предлагается использовать понятия «опыта предела» и «невозможности высказывания», в качестве общей концептуальной рамки – идею «размывания» антропоцена, как основного теоретического мотива.

Ключевые слова: сюрреализм, автоматическое письмо, опыт предела, Ж. Батай, М. Бланио.

Французский сюрреализм является одним из влиятельнейших течений в искусстве первой половины XX века – как в теоретическом, так и в практическом плане. Теоретические установки сюрреализма,

Сениченков Кирилл Андреевич, студент магистратуры, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: st078657@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.А.Сениченков

переосмысленные в послевоенные годы, во многом сказались на развитии французских течений современной философии. Цель данного исследования – проанализировать критические рецепции идей сюрреализма в творчестве Ж. Батая и М. Бланшо, как современников данного течения.

В период руководства журналом «Документы» Ж. Батай вступил в острую полемику с Андре Бретоном, идейным «вождем» сюрреализма. Батай посвятил анализу феномена сюрреализма несколько критических статей, когда как Андре Бретон выделил своему оппоненту отдельное место на страницах «Второго Манифеста Сюрреализма» – программного документа движения. Ограниченность претензий движения, которую Батай называет «икарийским полетом мысли» [5, с. 40] заключается в стремлении сюрреализма преодолеть и разрешить всякие противоречия человеческой жизни в акте освобожденного творчества. Для Андре Бретона поэт способен «объяснить все» [1, с. 342], преодолеть различия между реальностью и фантазией в пространстве радикального эстезиса сюрреалистического метода. Батай во многом мыслит в «критической сопряженности» с сюрреализмом: если сюрреалисты полагают собственный концепт «чудесного» как основной элемент преобразования реальности через творчество, то интерес Батая направлен в ровно противоположное русло – Батай акцентирует свое исследовательское внимание на самых «низких» феноменах человеческой жизни. Основной мотив, который Батай «наследует» у сюрреалистов – это попытка помыслить человека как существо предела, которое разворачивается в ситуации абсолютного предельного опыта, где все факты и феномены человеческой жизни «разрывают» человека как сущность. Критическая рецепция идей сюрреализма в раннем творчестве Батая станет одной из основ его «гетерологии» и «внутреннего опыта» [3, с. 127].

История взаимоотношений Батая с сюрреализмом не ограничивается сугубо критическим аспектом: в послевоенные годы Батай вступит в «союз» с сюрреалистами, посвятит ряд лекций и статей проблемам «отсутствия мифа» и «сюрреалистической религии» [4, с. 48] – проблематике, которая волновала в данный период как поздний сюрреализм, так и самого Батая.

Вместе с Ж. Батаем, в уже односторонний диалог с сюрреализмом вступает и М. Бланшо. Бланшо, будучи литературным критиком, не мог обойти сюрреализм стороной – его осмыслению посвящен ряд работ, изданных в сборнике «Доля огня». В «размышлениях о сюрреализме» Бланшо выявляет внутренние противоречия сюрреализма: метод автоматического письма претендует на преодоление языка и интенционального сознания, но выражает, в конечном итоге «связь с самим собой...связь со своим существованием без какого-либо посредничества» [6, с. 86]. Более того: сюрреализм претендует на полное преодоление литературы, но совершает попытку преодоления

посредством себя самой, сохраняя живой интерес к чисто-формальной стороне творчества. В рецепции Бланшо сюрреализм является сотканным из противоречий симптомом жизни предвоенной Франции, который, с одной стороны, открыл новые горизонты для осмысления литературы, а с другой – подчинил свои открытия идее «преодоления в снятии» бытийных противоречий и политической программе французского коммунизма.

Необходимо отметить, что позиция М. Бланшо в отношении письма сходна с идеями сюрреализма – Бланшо радикализирует сюрреалистическую идею о преодолении литературы, смещает ее в пространство уже не преодоления литературы, но «невозможности» самого высказывания. В эссе «литература и право на смерть» Бланшо развивает идею высказывания в творчестве, как акта «полного отсутствия» говорящего. Если сюрреализм настаивает на «высказывании невозможного», то Бланшо воспринимает литературу в качестве «предельного опыта ничто» [2, с. 332].

Батай и Бланшо не просто критикуют сюрреализм как некое идейно «несостоятельное» течение – авторы скорее пытаются развить сюрреализм, преодолевая его в критике. Если Бланшо подходит к сюрреализму с позиции отстранённого литературного критика, то Батай всецело находится в сюрреалистической мысли и даже методе – «История глаза», например, написана методом «автоматического письма». Идеи вышеупомянутых авторов, Батай в особенности, становятся «радикально иным» самому сюрреализму, основная интуиция, которая движет Бланшо и Батаем в их столкновении с сюрреалистской мыслью, это идея «размывания» регионов антропоцена – человека, морали, речи, письма. Интуиции французской философской мысли первой половины XX в. во многом определяют тот вектор, внутри которого будет развиваться философия постмодернизма. Французская мысль воспримет сюрреализм как «национальный миф» – влиятельное течение, подвергнутое острой философской критике его современниками.

Список используемых источников:

1. Антология французского сюрреализма. 20-ые годы. М.: ГИТИС. 1994. 392 с.
2. Евстропов М. Н. Опыты приближения к «иному»: Батай, Левинас, Бланшо. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 346 с.
3. Фокин С. Л. Философ вне-себя. Жорж Батай. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2002. 320 с.
4. Bataille G. The absence of Myth Writings on surrealism. London: Verso, 1994. 225 p.
5. Bataille G. Visions of Excess Selected Writings, 1927–1939. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1986. 267 p.
6. Blanchot M. The Work of Fire. Minnesota: Stanford University Press. 1995. 350 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Цыпина Лада Витальевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии.

The Experience of the Limit and the Impossibility of Utterance: The Influence of Surrealism on French Thought of the Twentieth Century

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Senichenkov Kirill

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st078657@student.spbu.ru

This report analyzes the influence of the ideas of French surrealism on the works of J. Bataille and M. Blanchot. The main comparative emphasis is placed on the authors' critical rethinking of the surrealist principles. As the main concepts that allow us to consider the connection between the thoughts of G. Bataille and M. Blanchot with surrealism, it is proposed to use the concepts of "experience of the limit" and "impossibility of statement", as a general conceptual framework – the idea of "erosion" of the Anthropocene, as the main theoretical motive.

Keywords: surrealism, automatic writing, experience of the limit, G. Bataille, M. Blanchot.

References:

1. Isaeva, S. Galtsova, E. (1994). *Antologiya frantsuzskogo syurrealizma. 20-yye gody* [Anthology of French surrealism. The 1920s]. Moscow: GITIS. (In Russ.)
2. Evstropov, M. (2012). *Opyty priblizheniya k "inomu": Batay, Levinas, Blansho* [Experiences of approaching the "other": Bataille, Levinas, Blanchot]. Tomsk: Tomsk University Press. (In Russ.)
3. Fokin, S. (2002). *Filosof vne-sebya. Zhorzh Batay* [Philosopher out-of-himself]. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. (In Russ.)
4. Bataille, G. (1994). *The absence of Myth Writings on surrealism*. London: Verso.
5. Bataille, G. (1986). *Visions of Excess Selected Writings, 1927–1939*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
6. Blanchot, M. (1995). *The Work of Fire*. Minnesota: Stanford University Press.

Кантианские основания в метафизике П. Стросона

Старцева А.

Доклад посвящен анализу влияния кантовской философии на метафизические разработки британского философа Питера Стросона. В частности, рассматривается, как элементы философии Иммануила Канта – прежде всего его подход к синтетическим априорным суждениям и понятиям, которые предваряют опыт, – нашли отклик в работах Стросона.

Ключевые слова: П. Стросон, И. Кант, дескриптивная метафизика, суждения.

Основными представителями аналитической философии 20 века принято считать: Б. Рассела, Л. Витгенштейна, У.В.О. Куайна. Однако эта часть является лишь одним из этапов развития аналитической философии. В 1959 году Питер Стросон опубликовал свою книгу «Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики». Дескриптивная метафизика Стросона стала первой явной и продуманной реабилитацией метафизики в рамках аналитической традиции. Работа Стросона показывает, что в аналитической традиции есть также оригинальные и нетрадиционные ходы мысли. Идея Стросона о дескриптивной метафизики делает попытку позитивно совместить

Старцева Арина, аспирант, Московский педагогический государственный университет

адрес для корреспонденции: arinastartseva7@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.Старцева

важнейшие онтологические вопросы с конструктивным методом логико-лингвистических исследований. Главная проблематика, рассматриваемая Питером Стросоном в его труде о дескриптивной метафизике, связана с его стремлением отличить дескриптивную метафизику от ревизионистской и проанализировать структуру нашего мышления и языка, которая лежит в основе понимания реальности. Таким образом Стросон в своих трудах, старается дать описание структур и понятий, которые фундаментальны для нашего понимания мира. Главная цель Стросона состоит в том, чтобы показать, что наше обыденное мышление о мире уже содержит фундаментальные категории, которые структурируют наше понимание реальности – например, понятие индивидов (объектов), пространства и времени, причинности и других. Он подчеркивает, что мы не можем мыслить или говорить о мире без этих категорий, и эти структуры являются устойчивыми и общими для всех людей.

Построение метафизики Стросона отсылает к более ранним исследованиям, как и в той парадигме, которой находился Стросон так и к более ранним, например к философии Канта.

Проблема деления суждений на аналитические и синтетические является одной из ключевых в аналитической философии, начиная с Канта. Данный вопрос имеет значительные последствия для теории познания, семантики и эпистемологии [3, с. 115]. Разделение суждений на аналитические и синтетические, предложенное Кантом, долгое время считалось общепринятым, пока не подверглось критике со стороны Уилларда Ван Ормана Куайна в его знаменитой работе «Две догмы эмпиризма». В ответ на критику Куайна британские аналитики Пол Грайс и Питер Стросон выступили в защиту данной дихотомии, обосновывая её значимость не только в философии, но и в повседневной языковой практике.

Кант определял аналитические суждения как: «Аналитические суждения высказывают в предикате только то, что уже мыслилось в понятии субъекта, хотя и не столь ясно и не с таким же сознанием» [1, с. 80] тогда как синтетические суждения добавляют новое знание, расширяя содержание понятия. Куайн, в свою очередь, поставил под сомнение это деление: «Как известно, трудности, которые Куайн вменяет такому понятию «аналитичности», сводятся к двум тезисам: 1) это определение нуждается в пояснениях, но снабдить его ими невозможно; 2) не существует суждений, истинность которых не зависит от фактов. Известен и его вывод: дихотомии аналитического-синтетического нет» [3, с. 115]. Таким образом, утверждая, что понятие аналитичности невозможно строго определить без логического круга, так как оно опирается на синонимию, которая, в свою очередь, определяется через аналитичность.

В своей работе Стросон предлагает более гибкий подход. Он соглашается с Куайном в том, что понятие аналитичности не имеет строгого формального определения, но утверждает, что оно оправдано практическим использованием в языке. Он различает два типа суждений: те, истинность которых зависит от знания, и те, истинность которых зависит от понимания. В первом случае речь идёт о синтетических суждениях, во втором – об аналитических.

Основной аргумент Стросона заключается в том, что аналитические суждения относятся к языковым конвенциям, а синтетические – к фактическому положению дел в мире. Например, суждение «все холостяки – неженатые мужчины» является аналитическим, так как его истинность определяется соглашением о значении слов, тогда как суждение «все лебеди белые» является синтетическим, поскольку его истинность или ложность зависит от эмпирических данных.

При этом Стросон утверждает, что истинность любых суждений – даже аналитических – в конечном счёте связана с опытом. Однако аналитические суждения оказываются более устойчивыми к пересмотру: их можно опровергнуть только изменением значения слов, тогда как синтетические суждения могут быть опровергнуты эмпирическими фактами. Для Стросона важен треугольник «сознание-предмет-представление» [2, с. 89-112] именно в него он будет вписывать кантовские идеи и свои интерпретации.

Список используемых источников:

1. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.:Мысль, 1965. Т.4. 592 с.
2. Стросон П. Ф. Индивиды. Очерк дескриптивной метафизики. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 328 с.
3. Чалый В. А. Питер Стросон об аналитическом, синтетическом и априорном // РАЦИО.ru. 2010. № 3. С. 114–123.

Kantian Foundations in P. Strawson's Metaphysics

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Startseva Arina

Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University

Correspondence to: arinastartseva7@gmail.com

The paper is devoted to analyzing the influence of Kantian philosophy on the metaphysical developments of British philosopher Peter Strawson. In particular,

it considers how elements of Immanuel Kant's philosophy—primarily his approach to synthetic, a priori and analytic judgments that precede experience – resonated in Strawson's work, namely in his project of descriptive metaphysics

Keywords: P. Strawson, I. Kant, descriptive metaphysics, judgment, cognition.

References:

1. Kant, I. (1965). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Sobranie sochinenij, Tom 4. Moscow: Mysl', 592. (in Russ.)
2. Strawson, P. (2009). *Individy. Ocherk deskriptivnoj metafiziki* [Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics]. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University Press, 328. (in Russ.)
3. Chaly, V. (2010). Peter Strawson on the analytic, synthetic, and a priori. *RATIO.ru*, 3, 114–123. (in Russ.)

Делёзианское заимствование как философская операция

Стрелков М.В.

В докладе рассматривается проблема делёзианского заимствования как процесса работы философской мысли и предпринимается попытка его реконструкции на примере Номадологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Используя делёзианского концептуального персонажа в сцепке с тройкой Разум–Воображение–Рассудок, автор тезисов приходит к объяснению процесса формирования Номадологии через философию Г. В. Лейбница и, на основе рассмотренного материала, предлагает свою реконструкцию делёзианского заимствования: как трёхчастного процесса, состоящего из 1) встречи с мыслью; 2) её повторением; 3) осуществлением различения с обнаружением имманентных мысли отношений. Делёзианское заимствование предстаёт как операция философского вовлечения не-своего и одновременнойковки нового концепта.

Ключевые слова: Делёзианство, заимствование, концептуальный персонаж, номадология, философская операция.

Делёзианство в своём новаторстве всегда опиралось на существующую философскую традицию: основная доля трудов Делёза посвящена истории философии. До сих пор остаётся неизученной та процедура, которая позволила Делёзу совершить переход от чужой работы к собственной философии как концептотворчеству: вовлечение заимствования в философскую мысль. Цель данного исследования – раскрыть основные черты делезианского заимствования как философской операции.

Делёз, достигший в рамках своего дискурса плодотворного смешения классицизма (как опоры на философских предшественников) и концептуализма (как творчества новых концептов), опирался на особого рода заимствование, которое связывал с внедрением в философскую деятельность концептуальных персонажей или масок философского театра. Выдвинутая Фуко метафора сценического действия-становления, творящего философию здесь и сейчас путём интерферирования изначально разнонаправленных векторов-персонажей в нечто оригинальное освещает лишь результат операции заимствования, но не процесс [4, с. 470].

Объясняя роль концептуальных персонажей, Делёз приводит следующую сцепленную тройку: Разум-Воображение-Рассудок, которая завязана на Вкусе как тройственной способности к предопределению «будущих» планов, персонажей и концептов из поля уже данного нам «прошлого» – речь про вынесение на свет, оживление и переигровку существующего историко-философского багажа [2, с. 89-97]. В «Письме к суровому критику» Делёз описывает создание нового концепта как зачатие и порождение с фигурой автора (концептуального персонажа) монстра, который, несмотря на изменённую природу, все же сохраняет преемственность от самого автора [5, р. 6]. Аллегорическое описание процесса заимствования, однако, не даёт нам устойчивого представления о нём.

Этой недосказанностью Делёз говорит о том, что подобное представление можно получить лишь путём самостоятельного совершения реконструкции заимствования как философской операции, для чего мною был подобран наиболее показательный материал – Номадология (одна из серий совместного с Гваттари труда «Тысяча плато»), при первом же рассмотрении пестрящая своей «заимствованной» природой: от названия (отсылка-анаграмма к лейбницевской Монадологии) до самой структуры текста (тезисная аксиоматика барочного рационализма). Обращаясь к Лейбницу, Делёз конструирует свою Номадологию сквозь изобретение первого – дифференциальное исчисление. Как указывает сам Делёз, для Лейбница оно является лишь символической системой – условностью по отношению к математике, но не действительности: концепты лейбницевского дифференциального исчисления являются нонсенсом с точки зрения

математической реальности, но если они не сводимы к этой реальности, то сводимы к другой, и тогда должны быть сведены к существующему. Система Лейбница, как её видит Делёз, это символика существующего, созданная для рассмотрения математики и создания их союза [3, с. 60–61].

В Номадологию Делёз привносит именно это внутреннее отношение с той лишь разницей, что реальное теперь рассматривается не со стороны математики, но со стороны политической теории: машины войны, гладкие поверхности и номады не призваны описывать реальность политического (как не имеющие здесь смысла концепты), но должны играть роль символического рассмотрения (идеи и абстракции) политической теории со стороны самой действительности – союз этой теории и существующего [1, с. 711]. Так Лейбниц играет свою роль.

Сначала Делёз обращается к историко-философской традиции (Лейбниц как персонаж), затем повторяет её, множа и создавая рабочий стол для проведения операции (сцепка дифференциальное исчисление-математика) – как план, и, наконец, переходит к обнаружению её внутренних отношений как реальных означающих, тем самым возвращаясь к основанию этой мысли с изнанки (обнаружение скрытого третьего – действительности – в отношениях ранее выявленной сцепки, которое возвращает к первоначальному единству мысли). Здесь и прослеживается работа тройной сцепки Разума–Воображения–Рассудка – план–персонаж и концепт как родившийся в итоге монстр.

В соответствии с полученным материалом мной была проведена реконструкция делезианского заимствования как философской операции, состоящей из трёх шагов: 1) встреча с мыслью как обращение к фигуре тождества ($A=A$); 2) повторение (умножение) – обнуление/закавычивание выражений фигуры тождества ($\langle A \rangle = \langle A \rangle$); 3) переворот (возврат к изнанке мысли) – различение и обнажение внутренних отношений мысли – выявление и закавычивание самого отношения ($\langle \Rightarrow \rangle$).

Реконструированное делезианское заимствование предстаёт виртуализацией обезличенных наработок, завязанной на извлечении концепта из себя как из другого, иными словами, философским вовлечением внутренних отношений, возникших в ходе мышления о не-своём, в оборот этого мышления – операцией по реконструкции самого хода мысли с единовременной ковкой концепта, что и предопределяет новизну не-заимствованного.

Список используемых источников:

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель. 2010. 895 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
3. Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. 376 с.

4. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. Делез Ж. Логика. М.: Академический Проект. 2011. С. 438–470.
5. Deleuze G. *Negotiations*, 1972–1990 New York: Columbia University Press. 1995. 221 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Цыпина Лада Витальевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии.

Deleuzian Borrowing as a Philosophical Operation

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Strelkov Maxim

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: st120526@student.spbu.ru

The report considers the problem of Deleuzian borrowing as a process of philosophical thought's work and attempts to reconstruct it using the example of Nomadology by J. Deleuze and F. Guattari. Using the Deleuzian conceptual character in conjunction with the Reason–Imagination–Understanding triplet, the author of the theses comes to an explanation of the process of Nomadology formation through the philosophy of G. W. Leibniz and, based on the material examined, offers his own reconstruction of Deleuzian borrowing: as a three-part process consisting of 1) an encounter with thought; 2) its repetition; 3) the implementation of distinction with the discovery of relations immanent to thought. Deleuzian borrowing appears as an operation of philosophical involvement of something not-one's own and the simultaneous forging of a new concept.

Keywords: Deleuzianism, borrowing, conceptual character, nomadology, philosophical operation.

References:

1. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010). *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Moscow: Astrel. (in Russ.)
2. Deleuze, G. & Guattari F. (2009). *Chto takoe filosofiya?* [What Is Philosophy?]. Moscow: Akademicheskij Proekt. (in Russ.)

3. Deleuze, G. (2015). *Lekcii o Lejbnice. 1980, 1986/87* [Lectures on Leibniz 1980, 1986/87]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russ.)
4. Foucault, M. & Delez G. (2011). *Theatrum philosophicum. Logika smysla* [Theatrum philosophicum. Logic of Sense]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 438–470. (in Russ.)
5. Deleuze, G. (1995). *Negotiations, 1972–1990*. New York: Columbia University Press.

От традиции эпоса к априорному знанию: поиск философии в проэзии «О природе» Парменида

Хмелевской Д.О.

В докладе поднимается вопрос о философском значении проэзии к поэме Парменида "О природе". Предоставляется обзор интерпретаций проэзии таких учёных как Е.В. Афонасина, А. Мурелатоса, А. Коксона и Г. Грейнджера.

Ключевые слова: Парменид, проэзий, бытие, мышление.

Несмотря на фрагментарность сочинений ранней греческой мысли, что предполагает некоторую "незавершённость" философского высказывания, тем не менее к наследию древних философов продолжают обращаться. Примером неугасающей актуальности ранних мыслителей выступает сочинение Парменида "О природе", которое анализируют и подвергают критике со времён высокой классики античного мира до современной философии в лице М. Хайдеггера. Академические же исследования, посвящённые поэме Парменида, также свидетельствуют об актуальности наследия античного мыслителя, например, докторская диссертация отечественного историка философии И.В. Берестова "Аргументация Парменида против

Хмелевской Даниил Олегович, аспирант, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет
адрес для корреспонденции: danielhmex@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.О.Хмелевской

множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций" [1].

Однако не все фрагменты поэмы Парменида отличаются содержательными философскими рассуждениями, прежде всего это касается богатого на поэтические образы проэмия. Известные зарубежные антиковеды как Ф.М. Корнфорд и Дж. Барнс не останавливались на аллегорической интерпретации вступления к поэме Парменида, поскольку в проэмии нет никакого философского содержания [2, с. 122] и [3, с. 30]. Кроме того, существует и буквальный подход к началу поэмы, при котором избегают аллегорического прочтения, ведь поэт мог действительно верить в открытие тайн бытия через путешествие, отмечает Е.В. Афонасин [4, с.9]. Тем не менее, вступительная часть поэмы—часть целого произведения и, вполне вероятно, богатое образами вступление сочинёно мыслителем для конкретных целей. Иными словами, возникает проблема неопределённости значения проэмия для всей философской поэмы. Задачей представляемого доклада выступает попытка отметить, на основании существующих интерпретаций, философское содержание вступления к поэме.

Во вступлении к поэме Парменида "О природе" повествуется о путешествии юноши с дочерью Гелиоса к вратам Дня и Ночи, где безымянное божество открывает юноше истинное знание. Для начала нужно описать отличия и сходства поэзии Парменида и древнегреческого стихосложения его времени. Параллели с эпосом Гомера отмечал А. Мурелатос, однако лексическая и синтаксическая особенность поэзии Парменида – присвоение старой формы мышления из эпической традиции и помещение в неё новой, но уже философской мысли. Согласно А. Коксону использование образов и лексики из гомеровского эпоса может быть продиктовано желанием Парменида сделать смысл понятным для аудитории [5, с. 18]. В то же время аллегоризм проэмия способствуют к интерпретации приключений юноши как путешествия убеждения [5, с. 16]. В свою очередь, акцент на мифологическом содержании проэмия позволяет вычитать "зрительный" жанр мифа в произведении, где главный герой, после путешествия к миру мёртвых и обретения там знания, кардинально меняет свой взгляд на мир смертных. Подобный подход позволяет переосмыслить путь колесницы в проэмии: юноша с Гелиадами передвигается от поэтически описанного зримого мира к миру мёртвых. Между тем путь колесницы в проэмии можно воспринимать как перемещение от *a posteriori* к *a priori*, демифологизацию философского знания от поэтических образов [6, с. 1-20].

Таким образом, аллегоричность проэмия предоставляет широкие возможности для его интерпретации, описанные нами подходы это подтверждают. Безусловно, философская аргументация во вступлении поэмы

отсутствует, по крайней мере, в современном представлении, однако те символы и образы могут служить подсказкой для определения парменидовской критики, а также образом направления разума к истинному познанию.

Список используемых источников:

1. Берестов И. В. Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, 2023. 409 с.
2. Cornford F. M. D. Plato and Parmenides. Routledge, 2014. 270 p.
3. Barnes J. The Presocratic Philosophers. Routledge, 1982. 703 p.
4. Афонасин Е. В. Поэма Парменида: Перевод и комментарий. Н.: Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ, 2021. 99 с.
5. Coxon A. H. Fragments of Parmenides. Parmenides Publishing, 2009. 509 p.
6. Granger H. The Proem of Parmenides' Poem // Ancient Philosophy 2008. №28(1). P. 1-20.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечественной и зарубежной философии БФУ им. Канта Андрей Владимирович Тихонов.

From the Tradition of the Epic to A Priori Knowledge: The Search for Philosophy in the Proem “On Nature” by Parmenides

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Khmelevskoi Daniil

Postgraduate student, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences,
Southern Federal University
Correspondence to: danielhmex@gmail.com

The report raises the question of the philosophical significance of the proem to the poem "On Nature" by Parmenides. An overview of the interpretations of the proemium by such scientists as E.V. Afonasin, A. Murelatos, A. Coxon and G. Granger is provided.

Keywords: Parmenides, proem, being, thinking.

References:

1. Berestov, I. V. (2023). *Argumentaciya Parmenida protiv mnozhestvennosti sushchego v svete drevnegrecheskih i sovremennyh konceptualizacij* [Parmenides' Argument against the Plurality of Beings in the light of Ancient Greek and modern conceptualizations] : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filosofskih nauk. (in Russ.)
2. Cornford, F. M. D. (2014). *Plato and Parmenides*. Routledge.
3. Barnes, J. (1982). *The Presocratic Philosophers*. Routledge.
4. Afonasin, E. V. (2021). *Poema Parmenida: Perevod i kommentarij* [The Poem of Parmenides: Translation and Commentary]. N.: Centr izucheniya drevnej filosofii i klassicheskoy tradicii NGU. (in Russ.)
5. Coxon, A. H. (2009). *Fragments of Parmenides*. Parmenides Publishing.
6. Granger, H. (2008). The Proem of Parmenides' Poem. *Ancient Philosophy*, 28(1), 1-20.

Р. Барт: концепция «Смерти автора» и её влияние на интерпретацию текста и искусства

Чернова П.С.

В докладе предпринимается попытка рассмотреть концепцию «Смерти автора», предложенную Р. Бартом, и её влияние на интерпретацию смыслов в контексте философско-литературной теории. Проведённый анализ позволяет рассмотреть последствия этой концепции для литературной критики и культурных практик, а также её влияние на современные исследования в области гуманитарных наук, включая литературу, кино и медиаискусство.

Ключевые слова: Смерть автора, читатель, постмодернизм, сценарист, интерпретация.

В контексте постмодернистского подхода к литературе и культуре возникает необходимость в переосмыслении роли автора в процессе конструирования смысла текста. Концепция «Смерти автора», предложенная Р. Бартом, ставит под сомнение устоявшиеся представления о том, что автор является первоисточником значения литературного произведения [1, с. 386]. Это порождает важный вопрос: если автор не оказывает влияния на

интерпретацию своего текста, какова тогда его функция творческом процессе и как это влияет на восприятие читателя? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проследить, как данная концепция соотносится с современными теоретическими подходами к интерпретации и как она воздействует на понимание культурных и социальных контекстов.

Важно уточнить, что современное общество переживает интенсивные изменения в сфере культурной идентичности и восприятия искусства. В условиях глобализации и цифровизации, когда доступ к текстам стал более демократичным, а читательские практики значительно разнообразились, возникает необходимость в переосмыслении взаимодействия между автором и читателем, что особенно важно в контексте постколониальных и феминистских исследований [2]. В эпоху, когда культурные нарративы становятся всё более многослойными и контекстуализированными, отказ от единой авторской интерпретации позволяет учитывать различные точки зрения и социальные контексты, обогащая анализ литературных и художественных произведений.

В докладе анализируется идея о потере автором тотального контроля над восприятием зрителя с целью выявления влияния на современные подходы к интерпретации творчества, а также его философского обоснования в контексте создания новых смыслов.

Концепция Р. Барта часто воспринимается как симптом упадка духовности и кризиса культурной парадигмы, однако не всё так односторонне. Влияние «смерти автора» можно увидеть в некоторых работах М. Фуко, в развитии деконструктивистского подхода Ж. Деррида, и, конечно, в создании Reader-Response Theory (теория читательского отклика). Данная идея имеет значительное количество сторонников, рассматривающих её как критику различных форм тоталитаризма. В то же время она ставит под сомнение важную категорию ответственности в искусстве. Литература утрачивает свою силу как средство выражения, когда за текстом не стоит конкретный автор, отстаивающий свою индивидуальную точку зрения на человека и мир, а лишь безликий и беспринципный производитель, обладающий необходимыми навыками и приёмами [3]. Однако, несмотря на предостережения, выдвигаемые в рамках концепции Р. Барта, полностью устранить присутствие автора из результатов его творческой деятельности представляется крайне затруднительным, если не невозможным. Однако, история искусства имеет достаточно примеров, показывающие нам подобный опыт. Всё большую популярность начинают обретать проекты, похожие на “The Obliteration Room” Яёи Кусамы, где зрители, взаимодействуя с произведением искусства, добавляют к нему свои элементы, преобразовывая чистое полотно «автора» в новый творческий шедевр. Примеров переосмысления авторитета «одного»

над «множеством», можно проследить и в музыке: DJ Shadow в своём альбоме “Endtroducing...” использует сэмплы из различных жанров и эпох, создавая нечто совершенно новое. В этом случае нельзя выделить конкретного автора, т.к. каждая композиция имеет своего создателя, что иллюстрирует, как новые смыслы могут создаваться через переработку существующих значений.

Доклад наглядно показывает, что поддержка и развитие концепции «смерти автора» приведёт к более демократическому взгляду на культурные практики, где роль интерпретатора получит новое значение и ценность, что поспособствует формированию открытого и динамичного пространства для дискуссий, в котором разнообразие мнений и точек зрения станет основой для понимания сложного и многослойного мира текстов и знаков. Тема однозначно требует дальнейшего исследования, т.к. доклад пытается обратить внимание на столь интересный и актуальный феномен.

Список используемых источников:

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Береснева Н. И., Кокарева Е. А. Эволюция идеи «Смерть автора» // Филологические заметки, 2012. №10 (1). С. 9-16.
3. Cahill M. Reader-response criticism and the allegorizing reader // Theological Studies, 1996. № 57 (1). P. 89–97.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Григоренко Екатерина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета.

R. Barthes: The Concept of the “Death of the Author” and Its Impact on the Interpretation of Text and Art

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Chernova Polina

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Siberian Federal University
Correspondence to: chernova.polina2003@yandex.ru

The paper attempts to examine the concept of “Death of the Author” proposed by R. Barthes and its influence on the interpretation of meanings in the context of philosophical and literary theory. The analysis allows us to consider

the consequences of this concept for literary criticism and cultural practices, as well as its influence on contemporary research in the humanities, including literature, cinema and media arts.

Keywords: death of the author, reader, postmodernism, scriptor, interpretation.

References:

1. Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: semiotika, poehtika* [Selected works: semiotics, poetics]. Progress. (in Russ.)
2. Beresneva, N., Kokareva E. (2012). Evolyutsiya idei "Smert' avtora". [Evolution of the idea of "Death of the Author"]. *Filologicheskie zametki*, 10(1), 9-16.
3. Cahill, M. (1996). Reader-response criticism and the allegorizing reader. *Theological Studies*, 57 (1), 89-97.

Предвосхищая Гуссерля: феноменологические изыскания В. Соловьева, Ч.С. Пирса и А. Бергсона

Чурин Г.А.

В докладе предпринимается попытка рассмотреть альтернативный гуссерлевской феноменологии проект по исследованию данностей сознания на примере работ Вл. Соловьева, Ч.С. Пирса и А. Бергсона. Особое место отводится исследованию значимости кантианских и гегельянских рецепций в трудах перечисленной когорты мыслителей, что во многом отразилось на их философских системах.

Ключевые слова: данности сознания, Вл. Соловьев, фанероскопия, А. Бергсон, интуитивизм.

На рубеже XIX и XX веков сразу несколько мыслителей, разделенных между собою культурными и религиозными особенностями, предприняли попытку систематизировать сведения о данностях сознания, что во многом дало толчок развитию феноменологии как парадигмальному явлению своего века. В первую очередь речь пойдет об эпистемологическом проспекте, на перекрестье которого расположились такие разнородные мыслители, как Вл. Соловьев, Ч.С. Пирс и А. Бергсон. Каждый из них ещё только лишь

Чурин Георгий Андреевич, студент бакалавриата, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: ropatan228@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Г.А.Чурин

предвосхищал знамения будущей «строгой науки» Гуссерля, когда выступал с критикой картезианской очевидности, а также пытался дать ответ на вопрос о том, как возможно определить содержание сознания и чем оно является. Бергсон, Соловьев, Пирс, задействуя в качестве инструмента оружие критики, предложили три схожих в своем ядре проекта: «теоретической философии», «фанероскопии» и «интуитивизма», соответственно.

Владимир Соловьёв, пытаясь отыскать ответ на уже упомянутый нами вопрос, почти что в духе Гуссерля, но еще задолго до него, отвечает, что существующее для сознания суть не что иное, как *reel*. Но это *reel* возникает лишь вследствие опосредования разумом данностей сознания, за счет чего можно утверждать, что теоретическая философия концентрируется лишь на априорном материале мышления. Соловьёв усматривает коррелят между своими мыслями и мыслями своих предшественников – Декарта, в частности. По его мнению, Декарт совершает категориальную ошибку, определяя очевидность на уровне эмпирического субъекта и психологии, что деформирует акты сознания: они приобретают релятивный и, уже в качестве следствия, контингентный характер. Следовательно, содержание сознания стоит препоручить не конкретному индивидууму, а более совершенной в эпистемологическом и онтологическом планах сущности, которую мы для облегчения дискурсивных механизмов назовем «трансцендентальным субъектом».

Ч.С. Пирс, дабы отстоять историческую автономность своего проекта от гуссерлевского и штурмповского, в 1904-905 гг. использовал понятие «фанероскопии» вместо уже витавшего в то время в воздухе термина «феноменология». В схожем с Вл. Соловьевм ключе Пирс провозглашает реальным для сознания нечто наличествующее *hic et nunc*, к чему имеется непосредственный доступ – фанерон. Фанерон, заявляет Пирс, выступает аналогом «идеи» британских эмпириков лишь с той разницей, что фанерон является не репрезентантой, т.е. копией, реальности, а содержанием сознания. Фанерон открывается нам в трех своих модусах-категориях: качественности, действительности (факте) и законе (уме или мысли). В своём пределе фанероскопия, убеждает нас Пирс, «выявляет небольшую группу наиболее ярко выраженных (*broad*) категорий фанеронов; дает описание каждой из них в основных чертах; показывает, что, хотя они настолько сложным образом перемешаны друг с другом, что ни один не может быть обособлен, их качества несоизмеримы; затем доказывает, что означенные категории фанеронов могут быть объединены в один небольшой перечень; и, наконец, приступает к выполнению утомительной и весьма трудоемкой задачи по выведению всех подразделов данных категорий» [3. с. 6].

Из всего многообразного наследия творчества Бергсона нас в первую очередь будет интересовать его «Опыт о непосредственных данностях сознания» и «Введение в метафизику». Бергсон делает ставку на длительность и витальность актов сознания, каждый из которых раз за разом не отражает действительность, предлагая её некоторый идеальный образец, а само состояние сознания, для которого всякая данность не может быть натурализована и математически просчитана [1. с. 27-45].

Резюмируя краткий обзор доктрин трех перечисленных мыслителей, я хотел бы в своём докладе выдвинуть гипотезу, согласно которой феноменология должна была бы предстать в качестве одной из сущностных черт парадигмальной ветви философии конца XIX и начала XX столетия, возникшей вследствие переоценки кантовской и гегелевской философии (в случае с Бергсоном стоит говорить скорее о кантианских рецепциях, т.к. с творчеством Гегеля он был не знаком).

Список используемых источников:

1. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 399 с.
2. Соловьёв Вл. С. Чтения о богочеловечестве. М.: Академический Проект, 2011. 293 с.
3. Пирс. Ч.С. Начала прагматизма. Том 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000. 352 с.

Anticipating Husserl: The Phenomenological Explorations of V. Soloviev, C. S. Peirce and A. Bergson

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Churin George

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Correspondence to: popatan228@yandex.ru

The paper attempts to examine an alternative project to Husserl's phenomenology in the study of the givenness of consciousness on the example of the works of V. Soloviev, C.S. Peirce, and A. Bergson. A special place is given to the study of the significance of Kantian and Hegelian receptions in the works of the above-mentioned cohort of thinkers, which largely affected their philosophical systems.

Keywords: givens of consciousness, V. Solovyov, phaneroscopy, A. Bergson, intuitionism.

References:

1. Bergson, A. (2010). *Izbrannoe: Soznanie i zhizn* [Selected works: Consciousness and Life]. Rossiyskaya politicheskaya encyclopedia. (in Russ.)
2. Solovyov, V. (2011). *Chtenya o bogochelovechestve* [Readings on God-manhood]. Akademicheskii Proekt. (in Russ.)
3. Peirce, C.S. (2000). *Nachala pragmatizma. Tom 2. Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [The beginnings of pragmatism. Volume 2. Logical foundations of the theory of signs]. Aleteya. (in Russ.)

На стороне барокко: Ж. Лакан, Б. Грасиан и структуры остроумия

Юшенкова Д.Б.

Работа призвана указать на ряд совпадений между размышлениями Бальтасара Грасиана об искусстве изощрённого ума и лакановским психоаналитическим описанием структур остроумия. Делается вывод о схожем для обоих мыслителей обращении к категории иносказательного как обходному способу выражения истины.

Ключевые слова: Ж. Лакан, Б. Грасиан, остроумие, барокко, бессознательное.

На семинаре, посвящённом остроумию, Лакан совершает краткий экскурс в историю использования этого понятия различными национальными традициями, намеренно оставляя в стороне испанскую, потому что «она настолько важна, что нам поневоле придётся впоследствии постоянно к ней обращаться» [1, с. 22]. Однако Лакан так и не возвращается к тематике испанской словесности, в связи с чем мы постараемся собственными усилиями проследить, как тексты одного из виднейших представителей испанского барокко – Бальтасара Грасиана – могут пролить свет на проблему выражения

Юшенкова Дарья Борисовна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: d.yushenkova@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.Б.Юшенкова

и помочь придать ясность тем механизмам бессознательного, которые выявляет в остроумии психоанализ. Установить соответствие между этими мыслителями интересно ещё и потому, что, несмотря на нескрываемое почтение, которое Лакан питал к барокко и к Грасиану в частности, в информационном поле существует довольно мало работ на данную тему [2].

«Моё место, скорее всего, на стороне барокко» [3, с. 128] – так сказал Лакан на одном из своих семинаров, и это позиционирование связано в том числе и с родственными для барокко и психоанализа способами выражения смысла через иносказание. Согласно Грасиану, «мастерство остроумия состоит в изящном сочетании, в гармоническом сопоставлении двух или трёх далёких понятий, связанных единым актом разума» [4, с. 175]. С этим определением согласился бы и Лакан. Он, следуя Фрейду, называет остроумие одной из ярчайших форм демонстрации отношения бессознательного с означающим [1, с. 10]. Дело в том, что свойственные остроумию сочленение разнородных образов и замена в означающей цепочке одного означающего на другие способны вызвать к жизни смысл, который, со слов Лакана, не может быть дан никак иначе, кроме как метафорически [1, с. 14]. Это связано с тем, что смысл возникает там, где есть указание на метонимический, всегда отсутствующий, но подразумеваемый объект желания. Бессознательное становится видно лишь тогда, когда мы смотрим немного в сторону, и острота речи как раз является тем элементом, который указывает на что-то, что позволяет разглядеть то, чего там нет [1, с. 24].

Подобный ход мысли характерен и для Грасиана. Он говорит, что тактика благоразумных людей – это ускользание, так как «легко подстрелить птицу, летящую по прямой; труднее – ту, что кружит» [5, с. 47]. Иносказание здесь, как и у Лакана, выступает ключом к истине: Грасиан пишет, что сведения, которые приходится завоевывать, несут в себе больше смысла и ценности, чем те, что даются очевидным способом [4, с. 208]. В итоге истина являет себя в ходе манипуляций с языком и использования неожиданных словесных комбинаций и реорганизаций.

Но важно не только это: суть остроумия ещё и в том, чтобы суметь произвести впечатление на собеседника, отдать дань характерному для барокко искусству манеры [5, с. 44], то есть действовать, тщательно изучая людей вокруг. Так же и для Лакана определяющей оказывается инстанция Другого, который выступает носителем лингвистического кода и тем местом, откуда субъект вводится в язык. Именно Другой задаёт правила функционирования цепочки означающих, а потому он оказывается в состоянии заметить её деавтоматизацию и тем самым санкционировать остроту в качестве таковой [1, с. 27].

Конечно, при сопоставлении данных мыслителей важно учитывать разделяющую их трёхсотлетнюю пропасть и разные культурно-исторические контексты, внутри которых они существовали. Тем не менее прослеживаются неоспоримые сходства между барочной словесностью и психоанализом, изощрённостью и изворотливостью речи XVII века и тенденцией к реинтерпретации означающих, возникшей в XX веке. Возможно, именно из-за этой интеллектуальной близости с барокко Лакан однажды сказал, что рядом с Бальтасаром Грасианом «господа Ницше и Ларошфуко выглядят жалко» [6, с. 222], ведь именно Грасиан разделял настолько привычный психоанализу интерес к ускользающим значениям и обходным путям выражения смысла.

Список используемых источников:

1. Лакан Ж. Семинары. Кн. 5: Образования бессознательного. М.: Гнозис, Логос, 2002. 608 с.
2. Iriarte I. De Gracián a Lacan // *Celehis*. 2014. №27. P. 49-66.
3. Лакан Ж. Семинары. Кн. 20: Ещё. М.: Гнозис, Логос, 2011. 176 с.
4. Грасиан Б. Остроумие или искусство изощрённого ума // *Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение*. М.: Искусство, 1977. С. 169-465.
5. Грасиан Б. Карманный оракул. М.: РИПОЛ классик, 2020. 334 с.
6. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2009. 432 с.

On the Side of the Baroque: J. Lacan, B. Gracian and the Structures of Wit

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Yushenkova Daria

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: d.yushenkova@gmail.com

The paper aims to point out a number of similarities between Baltasar Gracian's meditations on the art of the sophisticated mind and Lacan's psychoanalytic description of the structures of wit. It is concluded that both thinkers have a similar appeal to the category of allegorical as a roundabout way of expressing the truth.

Keywords: J. Lacan, B. Gracian, wit, Baroque, unconscious.

References:

1. Lacan, J. (2002). *Seminary. Kn. 5: Obrazovaniya bessoznatel'nogo* [Seminars. Book 5: The formations of the unconscious]. Gnozis, Logos. (in Russ.)
2. Iriarte, I. (2014). De Gracián a Lacan. *Celehis*, 27, 49-66.
3. Lacan J. (2011). *Seminary. Kn. 20: Yeshcho* [Seminars. Book 20: Encore]. Gnozis, Logos. (in Russ.)
4. Gracian, B. (1977). *Ostroumiye ili iskusstvo izoshchronnogo uma* [Wit or the art of a sophisticated mind]. Iskusstvo, 169-465. (in Russ.)
5. Gracian, B. (2020). *Karmannyi orakul* [The Pocket Oracle]. Ripol klassik. (in Russ.)
6. Lacan, J. (2009). *Seminary. Kn. 1: Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza* [Seminars. Book 1: Freud's Papers on technique of psychoanalysis]. Gnozis, Logos. (in Russ.)

Мифологические сюжеты в трактатах «Мэн-цзы» и «Мо-цзы»: применение концепции «от мифа к логосу» Ф.Х. Кессиди в рамках исследования древнекитайской философской традиции

Афанасьев Д.Д.

В работе исследуется процесс десакрализации и демифологизации древнекитайской интеллектуальной культуры в рамках подхода Ф.Х. Кессиди, который ранее разрабатывался на материале западной (античной) философской традиции. Для этого анализируется сама концепция «от мифа к логосу», перечисляются особенности мифологических сюжетов древнего Китая, пути их рационализации и интерпретации в ранней поэзии и философии, а также выявляются примеры использования архаических сюжетов как эвристического аргумента в «Мэн-цзы» и «Мо-цзы». В заключении делается вывод о роли обозначенной концепции в рамках диалога культур Востока и Запада.

Ключевые слова: мифология, Восток-Запад, древний Китай.

Проблемное поле настоящего исследования охватывает вопрос применимости концепции Ф. Х. Кессиди (1920-2009), разработанной на материале ранней философии Эллады, к ментальной культуре дальневосточного региона. Тексты «Мэн-цзы» и «Мо-цзы» были выбраны ввиду их значимости для китайской культуры и репрезентативности представленных мифологем. С целью выявления особенностей рецепции архаических компонентов в древнекитайской мысли и их последующей реинтерпретации в обозначенных трактатах осуществляются следующие шаги.

Во-первых, анализируется концепция «от мифа к логосу». Её суть сводится к тому, что изначальный мифологический субстрат в процессе постепенного отмирания коллективного творческого субъекта и становления субъекта индивидуального проходит несколько этапов. От коллективного творчества эпохи первобытного мифологического синкретизма, отличающегося эмоциональной окрашенностью, стихийностью своего развития, отсутствием субъект-объектной дихотомии и подчеркнутой алогичностью, в процессе исторического развития общества его духовный ансамбль постепенно смещается к творчеству поэтическому. Ранняя поэзия продолжает использовать мифологические сюжеты, но прибегает к их произвольной компиляции и использованию авторских тропов как способу художественного выражения мысли. На третьем этапе появляется первая философская рефлексия, во многом исходящая из мифологической космологии, но представляющая данные концепты уже в демистифицированном, рационализированном виде [1, с. 122-162]. При этом сам Кессиди замечает, что описанный им метод хоть и раскрывается через греческую философию, теоретически может быть применим и к восточным традициям [1, с. 57]. Актуальность, новизна работы и дальнейшие ее этапы исходят из этого положения.

Во-вторых, освещаются основные особенности мифов китайской архаики (шэньхуа 神話). К ним можно отнести то, что китайская мифология, в отличие от античных мифов, не существовала в качестве самостоятельного культурного феномена, а, скорее, включала в себя различные идеологические и повествовательные формы, которые возникали в соответствии с историческими и культурными тенденциями конкретной исторической эпохи [2, р. 1-22].

Помимо этого, в синологии (например, в работах Юаня Кэ (1916-2001)) часто отмечается фрагментарность и отсутствие систематического изложения мифологических представлений, многозначность отдельных иероглифов, омонимия и скудость грамматических показателей, а также так называемая «эвгемерическая тенденция», характерная для конфуцианской историографической традиции [3, с. 57].

В-третьих, исходя из данной методологии, в ранних повествовательных и поэтических произведениях (Ши цзин 詩經 и Шу цзин 書經) анализируются имеющие мифологическую природу [4, с. 102]. категории, которые впоследствии стали элементами художественного и философского дискурса: мана-дэ (德), небо-тянь (天), «небесное веление» (тянь мин 天命), образы «совершенномудрых государей древности» (шэн жэнь 圣人). Эти термины пережили существенный семантический дрейф, пройдя путь от религиозно-мифологических концептов до понятий социально-этического и философского толка [5, с. 65].

В-четвертых, исходя из предположения отечественного востоковеда Л.С. Васильева (1930-2016) о том, что всякая философская традиция формируется путем изживания мифологического наследия через внефеноменальный Абсолют, поиск некоторой «надмирной» Первопричины и что для Китая таковым стал секуляризованный ритуал ли (禮) [5, с. 82], на материале текстов «Мэн-цзы» (孟子) и «Мо-цзы» (墨子) демонстрируется процесс рационализации и интерпретации в морализаторском духе обозначенных выше категорий. Так, в повествованиях о легендарных и полулегендарных правителях Юе Сяском (大禹), Вэнь-ване (文王), У-ване (武王) и других четко видна социально-политическая доктрина конфуцианства и моизма, выражающаяся в меритократии и нравственно ориентированной картине мира [6, с. 243].

Таким образом, концепция Ф.Х. Кессиди была последовательно применена к китайской философской традиции и в целом оказалась удобной интерпретационной моделью. Отличия в её реализации сводятся к тому, что вся интеллектуальная культура Поднебесной носит подчеркнuto социально-политический и этически направленный характер. Тем менее, опыт подобных кросс-культурных исследований открывает путь методологического диалога востоковедных и философских штудий.

Список используемых источников:

1. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетеия, 2003. 247 с.
2. Liu Yuqing. A New Model in the Study of Chinese Mythology // Journal of Chinese humanities. 2017, №3. P. 1–22.
3. Васильев Л. С. Проблемы Генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). М.: Наука, 1989. 203 с.
4. Торчинов Е. А. Пути Востока и Запада: Познание запредельного. СПб.: RUGRAM_Пальмира, 2021. 409 с.
5. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература, 2001. 327 с.
6. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1987. 209 с.

Mythological Subjects in the Treatises “Meng-tzu” and “Mo-tzu”: Application of the Concept “From Myth to Logos” by P. Cassidy in the Framework of the Study of the Ancient Chinese Philosophical Tradition

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Afanasiev Danil

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st098316@student.spbu.ru

The paper explores the process of desacralisation and demythologisation of ancient Chinese intellectual culture within the framework of P. Cassidy's approach, which was previously developed on the material of the Western (antique) philosophical tradition. For this purpose, the very concept “from myth to logos” is analysed, the peculiarities of mythological plots of ancient China, the ways of their rationalisation and interpretation in early poetry and philosophy are listed, and examples of the use of archaic plots as a heuristic argument in “Meng-tzu” and “Mo-tzu” are identified. The conclusion is drawn on the role of the designated concept within the dialogue of Eastern and Western cultures.

Keywords: mythology, East-West, ancient China.

References:

1. Kessidi, P. (2001). *Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoj filosofii* [From Myth to Logos: The Emergence of Greek Philosophy]. Saint Petersburg: Aletheia. (in Russ.)
2. Liu, Yuqing. (2017). A New Model in the Study of Chinese Mythology. *Journal of Chinese humanities*, 3, 1–22.
3. Vasil'ev, L. (1989). *Problemy Genezisa kitajskoj mysli (formirovanie osnov mirovozzreniya i mentaliteta)* [Problems of the Genesis of Chinese Thought (formation of the foundations of worldview and mentality)]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
4. Torchinov, E. (2021). *Puti Vostoka i Zapada: Poznanie zapredel'nogo* [Ways of East and West: Cognition of the Beyond]. Saint Petersburg: RUGRAM_Palmira. (in Russ.)
5. Vasil'ev, L. (2001). *Kul'ty, religii, tradicii v Kitae* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russ.)
6. Yuan', Keh. (1987). *Mify drevnego Kitaya* [Myths of ancient China]. Moscow: Nauka. (in Russ.)

Особенности поклонения «демоническим» божествам в даосизме (на примере культа «Царствующих над нечистью»)

Дудников П.С.

Доклад посвящен такому феномену религий Китая, как поклонение божествам, имеющих демоническую природу или возглавляющих полчища нечисти. В качестве примера рассмотрено даосское учение о «Царствующих над нечистью» (мо-ван), культ которых был распространён в средневековом Китае. Мо-ваны, как считалось, посылают на подвижников наваждения, но в то же время оберегают достойных даосов и входят в структуру «небесной бюрократии».

Ключевые слова: Китай, даосизм, демонология, Линбао.

Вопрос об особенностях китайской демонологии уже рассматривался в отечественной [1] и зарубежной синологии.

По замечанию С. В. Филонова, преисподняя в даосских верованиях представлялась разветвлённой административной структурой, которая выступала и в качестве судилища над душами умерших, и в качестве места

Дудников Павел Сергеевич, студент магистратуры, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: pashvod@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© П.С.Дудников

отправления наказаний [2, с. 121]. «Призраки» (гуй 鬼), «демоны» (мо 魔) и другие обитатели мира мёртвых оказывались в данной системе представлений зловредными, но вполне лояльными служителями небесной администрации. Даолог К. Скиппер указывал на культы божеств, легенды о земной жизни которых включали в себя эпизод насильственной смерти, что обуславливало принадлежность этих божеств к «демонам» [3, р. 40].

Показательным примером трактовки образа демона в религиях Китая может послужить учение о «Царствующих над нечистью» (мо-ван 魔王) в даосизме школы Линбао. Данное религиозное движение зародилось в начале V века и сыграло значительную роль в складывании космологического учения даосизма, а также его литургических практик. Исследователи подмечают двусмысленность положения «Царствующих над нечистью» в линбаоском пантеоне, поскольку не вполне ясно, причисляли ли средневековые даосы этих персонажей к нечисти. По мнению даолога С. Бокенкампа, мо-ваны считались «демонами, которые были обращены в даосское учение» [4, р. 383]. Согласно линбаоскому учению, Царствующие над нечистью могут насыщать на неокрепших духом даосов наваждения, «испытывая» (ши 試) тем самым их. Но даосы с нерушимой верой могут заслужить покровительство Царствующего над нечистью – он начнет их «оберегать и выдвигать» (бао цзюй 保舉) перед высшими небесами [5, с. 189]. «Царствующие над нечистью», тем самым, выступали в роли могущественных покровителей даоса. Имели широкое хождение «песни» от лица мо-ванов, которые составляли существенную часть влиятельной линбаоской книги «Ду жэнь цзин» 度人經. Эти песни предназначались для ритуального чтения, которое было направлено на актуализацию чудотворной мощи Царствующих над нечистью.

В линбаоских текстах подчеркивается соблюдение мо-ванами субординации по отношению к небесному правлению. Регулярными оказываются сюжеты о «приказаниях нечистой силе» (чжи мо 制魔), то есть мо-ванам, со стороны высших божеств. Тем самым, можно сказать, что «Царствующие над нечистью» считались звеном бюрократической цепи Иного мира.

Даосские ритуальные своды XII–XIII веков (например, «Шанцин Линбао да фа» 上清靈寶大法) указывают на то, что, в средневековом Китае, с «Царствующими над нечистью» был связан целый ряд религиозных практик, которые были направлены не на их изгнание, а на призывание и задабривание. Так, из строк приписываемых мо-ванам песен изготавливались амулеты-талисманы (фу 符), которые наделялись терапевтическими функциями. Были распространены молитвенные призывания «Царствующих над нечистью» в ходе церемонии «огораживания алтаря» (цзинь тань 禁壇) от нечистой силы. При этом форма подачи прошения мо-ванам полностью повторяла таковые

в случае почитаемых божеств. Наконец, декламация песен «Царствующих над нечистью» составляла часть влиятельного заупокойного ритуала «Спасения [посредством] переплавки» (лянь ду 練度) и была направлена на избавление души умершего от препятствий, которые сулили в ходе вознесения через полные опасностей «Три мира» (сань цзе 三界), властителями которых и считались мо-ваны, к высшим небесным сферам.

Список используемых источников:

1. Сторожук А. Г., Корнильева Т. И., Завидовская Е. А. Духи и божества китайской преисподней. Святые и демоны в верованиях Востока. СПб: КАРО, 2023. 550 с.
2. Филонов С. В. Образы инфернального мира в ранней даосской религиозной традиции: некоторые проблемы и оценки (по материалам кодекса «Цзю чжэнь мин кэ») // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. №2(15). С. 114–126.
3. Schipper K. The Taoist Body. Berkeley: University of California Press, 1993. 273 p.
4. Bokenkamp S. Early Daoist Scriptures. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999. 502 p.
5. Белая И. В., Дудников П. С. О 32 небесах, граде Сюань-ду и Подземном узилище: космология даосской школы Линбао (по материалам «Ду жэнь цзин с четырьмя комментариями») // Вопросы философии. 2024. №11. С. 185–201.

The Worship of “Demonic” Deities in Daoism (The Case of “Demon Kings” Cult)

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Dudnikov Pavel

Master's student, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: pashvod@gmail.com

The paper examines such a feature of Chinese religions as the worship of deities of demonic nature or leading hordes of demons. One example is the Daoist doctrine of the “demon kings” (mowang), whose cult was popular in medieval China. Mowans were believed to tempt disciples of the Dao, but also to protect worthy Daoists and to be part of the structure of the “celestial bureaucracy”.

Keywords: China, Daoism, Demonology, Lingbao.

References:

1. Storozhuk, G. Kornil'eva, T. Zavidovskaya, E. (2023). *Duhi i bozhestva kitajskoj preispodnej. Svyatye i demony v verovaniyah Vostoka* [Spirits and Divinities of Chinese Netherworld. Saints and Demons in the Cults of the Orient]. Saint Petersburg: KARO. (in Russ.)
2. Filonov, S. (2018). Obrazy infernal'nogo mira v rannej daosskoj religioznoj tradicii: nekotorye problemy i ocenki (po materialam kodeksa “Jiu zhen ming ke”) [Images of the Netherworld in Early Taoist Religious Tradition: Some Issues and Estimations (Based on the Taoist Code Jiu zhen ming ke)]. *Social and Human Sciences in the Far East*, 2(15), 114–126. (in Russ.)
3. Schipper, K. (1993). *The Taoist Body*. Berkeley: University of California Press.
4. Bokenkamp, S. (1999). *Early Daoist Scriptures*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
5. Belaya, I. Dudnikov, P. (2024). O 32 nebesah, grade Xuandu i Podzemnom uzilishche: kosmologiya daosskoj shkoly Lingbao (po materialam “Duren jing s chetyr'mya kommentariyami”) [On the 32 Heavens, the Metropolis of Xuandu, and the Earth-Prisons: Cosmology of the Daoist Lingbao School (Based on “Duren jing with four commentaries”)]. *Issues of philosophy*, 11, 185–201. (in Russ.)

Применение концепции мести Э. Фромма в рамках исследования причин популярности темы мести в южнокорейском кинематографе

Жарова М.С.

В докладе рассматривается возможность применения концепции мести Эриха Фромма в рамках исследования причин популярности темы мести в южнокорейском кинематографе. Делается вывод о том, что выбранная концепция позволяет достичь целей исследования, но считать эти результаты исчерпывающими не представляется возможным.

Ключевые слова: месть, южнокорейский кинематограф, Э. Фромм.

Сегодня кинематограф оказывается одним из самых точных отражений действительности. Авторы фильмов стремятся привлечь внимание зрителей на существующие проблемы и призвать их к рефлексии. Кинематограф Южной Кореи здесь не является исключением. Во многих южнокорейских фильмах ключевой темой оказывается месть. Почему же корейские режиссеры пытаются осмыслить этот феномен в своих работах? И почему исследование мести в киноискусстве находит такой отклик у зрителей?

Жарова Мария Сергеевна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: mariezharova23@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.С.Жарова

Ключом к ответам на эти вопросы может стать концепция мести, предложенная Э. Фроммом. В монографии «Анатомия человеческой деструктивности» он пишет: «Агрессивность из мести – это ответная реакция индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или кому-нибудь из членов его группы» [1, с. 237]. В другой работе «Душа человека» автор отмечает, что «индивидуальная и национальная месть часто покоится на нарциссизме и потребности залечить рану посредством уничтожения злодея» [2, с. 64]. На мой взгляд, именно такое понимание мести мы наблюдаем в большинстве южнокорейских кинокартин.

Обращаясь к истории Южной Кореи, мы обнаруживаем, что с момента зарождения корейской государственности она была вынуждена «лабиринтировать» между гораздо более сильными соседями. Великий Китай с древних времен оказывал политическое и культурное влияние на Корею: зачастую корейское государство было вынуждено платить дань, отправлять рекрутов и невольников; долгое время в Корее пользовались китайской письменностью, пока в XV веке в эпоху Чосон не была изобретена корейская система письма – хангыль. Япония в своих регулярных попытках осуществить экспансию на материк неоднократно атаковала Корейский полуостров и кульминацией этого стала начавшаяся в 1910 году японская оккупация Кореи, в ходе которой корейский народ претерпел немало лишений и страданий. По итогам Второй мировой войны японская оккупация была снята, однако в скором времени на долю истерзанной страны выпала гражданская война, а затем годы правления диктаторов и создания экономики с нуля. Под влиянием всех этих событий в сердцах корейцев закономерно зарождалось чувство национальной обиды, стремление выбраться из-под гнёта, восстать против несправедливости и наконец занять лидирующую позицию. Именно с таким состоянием Фромм связывает возникновение желания отомстить. «Слабак и калека не имеют другой возможности восстановить разрушенное самоуважение, кроме как отомстить в соответствии с *lex talionis* (глаз за глаз, зуб за зуб)» [2, с. 23].

В то же время противоположную реакцию на ущемление мы видим в активном экономическом росте и прогрессе в различных отраслях Южной Кореи, которая теперь считается одним из «восточноазиатских тигров». По Фромму, это свойственно продуктивно живущим людям, чья способность творить проявляется сильнее, чем потребность мстить [2, с. 23].

Однако стремительное экономическое развитие не решает всех проблем общества, и, наоборот, способствует увеличению социального расслоения. Существенными проблемами современного корейского общества являются социальное неравенство, коррупция и бюрократический произвол. Чувство униженности простых людей порождает в них желание восстановить собственное достоинство, что, согласно предложенному Фроммом определению мести, и является причиной совершения мести в той или иной форме. В масштабах общества это трансформируется в стремление

восстановить социальную справедливость в целом. Однако даже в ситуации борьбы против системы объектами возмездия становятся конкретные лица, которых жертвы считают виновниками своих бед. Соответственно, мотив личной мести не теряет своей актуальности, и в связи с этим весьма плодотворно исследуется в кинематографе.

Таким образом, концепция мести Э. Фромма помогает объяснить популярность темы мести в южнокорейском кинематографе. Однако эти выводы нельзя считать исчерпывающими, поскольку Фромм сформулировал понимание мести в том числе и на основе психоаналитического материала, который был получен преимущественно в работе с европейцами, а значит предложенная Фроммом концепция мести не может быть в полной мере универсальной. Кроме того, именно на примере Южной Кореи мы видим, что в рамках одной национальной общности люди могут быть склонны к разным способам восстановления самоуважения: мести и творческой активности. Соответственно, феномен популярности мести в современной культуре Южной Кореи требует дальнейшего исследования.

Список используемых источников:

1. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. 447 с.
2. Фромм Э. *Душа человека*. М.: Республика, 1992. 430 с.
3. Елеусиз Р.-М. «Трилогия о мести» – античный триптих с азиатским колоритом. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.98mag.kz/kultura/trilogiya-o-mesti-antichnyj-triptih-s-aziatskim-koloritom/> (Дата обращения: 20.02.2025).

The Application of E. Fromm's Concept of Revenge in the Framework of the Study of the Reasons for the Popularity of the Theme of Revenge in South Korean Cinema

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zharova Mariya

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: mariezharova23@gmail.com

The report examines the possibility of applying Erich Fromm's concept of revenge as part of a study of the reasons for the popularity of the theme of revenge in South

Korean cinema. It is concluded that the chosen concept makes it possible to achieve the goals of the study, but it is not possible to consider these results exhaustive.

Keywords: revenge, South Korean cinema, E. Fromm.

References:

1. Fromm, E. (1994). *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow: Respublika. (in Russ.)
2. Fromm, E. (1992). *Dusha cheloveka* [The Heart of Man]. Moscow: Respublika. (in Russ.)
3. Eleusis, R.-M. «Trilogiya o mesti» – antichnyj triptih s aziatskim koloritom [«The Revenge Trilogy», an antique triptych with an Asian flavor]. URL: <https://www.98mag.kz/kultura/trilogiya-o-mesti-antichnyj-triptih-s-aziatskim-koloritom/> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)

Проблема ориентализма в западном кинематографе: образ Арабского Востока

Имхасина А.Х.

В данном докладе рассматривается образ человека Арабского Востока в фильмах западных режиссеров. Описание клишированного представления об «арабском человеке», а также появление кинокартин, высмеивающих подобный стереотипный образ, показывают актуальность проблемы ориентализма в современном мире.

Ключевые слова: ориентализм, Э. Саид, Арабский Восток, кинематограф.

Интерес к культуре Другого был свойственен Европе на протяжении всей ее истории и выражался в различных формах (от походных заметок греко-персидских войн до романтических произведений XIX века, пропитанных восточными экзотическими мотивами). В связи с этим интересом возникает проблема репрезентации Востока в западной традиции, о которой пишет американский филолог Э. Саид (1935–2003).

Согласно его работе «Ориентализм» (1978), западному обществу свойственен «стиль доминирования, реструктурирования и власти над востоком» [1, с. 21]. В этом Саид видит проблему – западное (европейское

Имхасина Асия Хамудовна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: st120658@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.Х.Имхасина

и американское) общество воспринимает Восток как своего потенциального соперника, «ленивого, коварного, деспотичного», который нуждается в «попечении взрослого – рациональной, объективной, энергичной и деятельной западной цивилизации» [2, с. 28].

Ориентализм в западной культуре проявляется в различных ее сферах, от литературы до повседневной моды [3, с. 26]. Однако с ростом популярности кинематографа в XX–XXI веках видение Востока Западом начинает транслироваться и через массовое кино – уже в 1924 году в свет выходит фильм «Крик из Аравии» режиссера Р. Джонса [4].

На сегодняшний день существует множество фильмов, в которых встречается клишированный образ «восточного человека», сконструированный в предыдущих эпохах: особенно резкие черты в кино характерны для представителя Ближнего Востока [4]. В связи с нехваткой исследований на тему ориентализма в кинематографе и конструирования образа в особенности Арабского Востока в западных фильмах, цель моего доклада – рассмотреть, как европейские и американские режиссеры в своих работах демонстрируют «арабского человека», и показать актуальность проблемы деления мира на «Запад» и «Восток».

Просмотрев ряд фильмов западных европейских и американских режиссеров, в которой главной темой был арабский мир, я заметила следующие черты, присущие героям-арабам: алчность, хитрость, вспыльчивость, глупость. Окружающие «арабов» пейзажи предстают загадочными, пустынными, неопрятными, а в хозяйстве обязательно имеется домашний скот. При этом главный герой – типичный представитель населения Запада, который противопоставит агрессивному Востоку. Эти образы показываются широкому кругу зрителей – преимущественно американских и европейских – и неизбежно запоминаются людьми, что ведет к формированию определенных клише в представлении западного человека о восточном.

Несмотря на то, что выход в свет работ Саида «привел к радикальному пересмотру исследовательских подходов» [5], в современном мире набор образов восточного человека остается схожим с описанием Востока в период колониальной экспансии. В связи с глобализацией и информатизацией общества клишированные представления о восточном человеке, в особенности в кино, получают быстрое и массовое распространение. Это ведет к недопониманию и неприятию чужой – чуждой западному человеку – культуры.

Характерной чертой современного кинематографа является то, что фильмы о «другой культуре», ориентированные на западного зрителя, доступны к просмотру и самим «другим». Это приводит к критике ориенталистского кино, в особенности самими представителями Востока, а также к созданию картин, высмеивающих стереотипное мышление об арабах. К таким фильмам относят «Не шутите с Зоханом!» (2008), «Горячие головы» (1991), «Диктатор» (2012).

Таким образом, в западной киноиндустрии ориенталистские взгляды продолжают оставаться актуальными, несмотря на их осуждение и открытое противостояние через фильмы, высмеивающие односторонние представления о Востоке. Этот доклад является призывом к пересмотру устоявшейся схемы мышления о «Другом», особенно в контексте создания кинокартин. В этом процессе важно обращаться к самим представителям «Другой» культуры, погружаться в нее, а не отчуждать и противопоставлять ее своей.

Список используемых источников:

1. Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
2. Говорунов А. В., Кузьменко О. П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2(11). С. 26–43.
3. Э. Ж. Ориентализм в европейской моде. Восток приходит к Западу // Вестник культурологии. 2018. №4(87). С. 25–28.
4. Икко А. Лазурная болезнь – Ориентализм в кино. [Электронный ресурс]. URL: <https://seance.ru/articles/dreams-of-west/> (Дата обращения: 07.01.2025).
5. Башарова Г. Ф. «Теория ориентализма» Э. Саида: подход к осмыслению проблемы Восток – Запад. [Электронный ресурс]. URL: https://idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_basharova.htm (Дата обращения: 25.01.2025).

The Problem of Orientalism in Western Cinematography: The Image of the Arab East

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Imkhasina Asiia

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: st120658@student.spbu.ru

This report discusses the image of the man of the Arab East in the films of Western directors. The description of the cliched idea of the “Arab man”, as well as the appearance of films ridiculing such a stereotypical image, show the relevance of the problem of Orientalism in the modern world.

Keywords: orientalism, E. Said, Arab East, cinematography.

References:

1. Said, E. (2021). *Orientalism* [Orientalism]. Moscow: Muzej sovremennogo iskusstva Garazh. (in Russ.)

2. Govorunov, A., Kuz'menko, O. (2013). Orientalizm i pravo govorit' za drugogo [Orientalism and a Right to speak for an Other]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury*, 2(11), 26–43. (in Russ.)
3. E. Zh. (2018). Orientalizm v evropejskoj mode. Vostok prihodit k Zapadu [Orientalism in European fashion. East comes to the West]. *Vestnik kul'turologii*, 4(87), 25–28. (in Russ.)
4. Ikko, A. (2022). Lazurnaya bolezni' – Orientalizm v kino [The Azure disease – Orientalism in cinema]. URL: <https://seance.ru/articles/dreams-of-west/> (Accessed on: 07.01.2025). (in Russ.)
5. Basharova, G. «Teoriya orientalizma» E. Saida: podhod k osmysleniyu problemy Vostok – Zapad [The Theory of Orientalism by E. Said: an approach to understanding the East–West problem]. URL: https://idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_basharova.htm (Accessed on: 25.01.2025). (in Russ.)

Поиск уникального в универсальном: китайская «Новая волна»

Казымова Л.А.

Исследование посвящено анализу культурных изменений в Китае второй половины XX века и их влиянию на развитие музыкального искусства, в котором особое внимание уделяется творчеству композиторов «Новой волны». На историческом материале рассмотрено, как именно менялись стандарты и формы музыкального самовыражения представителей китайской культуры после окончания Культурной революции. В призме биографического метода исследованы вопросы о том, как представители «Новой волны», многие из которых здравствуют и поныне, формируют новую музыкальную идентичность, которая отражает специфику китайской культуры и одновременно вписывается в мировой музыкальный контекст; как они отвечают на вызовы глобализации, подвергая переосмыслению традиционные музыкальные формы.

Ключевые слова: Новая волна, китайское музыкальное искусство, Культурная революция.

Казымова Лейла Аллахверди гызы, аспирант, кафедра философии им. А.Ф. Шишкина, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации

адрес для корреспонденции: leilakazym@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Л.А.Казымова

В условиях активизации взаимодействия России с западными культурами исследование взаимного влияния условного «Запада» и условного «Востока» на примере трансформаций музыкального искусства Китая второй половины XX – первой четверти XXI вв. видится не только актуальным, но и перспективным с точки зрения раскрытия специфики взаимодействия универсального и уникального в ходе становления новых культурных форм. Таким образом цель данного исследования – проанализировать гетерогенную природу музыкального мышления композиторов «Новой волны», в чьем творчестве прослеживается попытка синтеза «Востока» и «Запада».

Напомним, что Культурная революция (1966-1976), инициированная Мао Цзэдуном (毛泽东), оказала разрушительное действие на многие традиционные культурные практики Китая. Официальная идеология того времени придавала первостепенное значение политической пропаганде, что практически полностью исключало возможность создания музыкальных произведений, не соответствующих партийной линии. Основатель КНР заявлял: «Разве не абсурдно, что многие коммунисты с энтузиазмом продвигают феодальное и капиталистическое искусство, но не социалистическое?» [1, с. 11]. В итоге многие музыканты стали жертвами репрессий, а их творчество постарались вычеркнуть из памяти поколений.

К последней четверти XX в. опустошение, вызванное Культурной революцией, создало очевидный культурный вакуум и поставило перед обществом новые задачи – в том числе, задачу пересмотреть собственную музыкальную идентичность. Важный этап развития музыкальной жизни Китая начался в 1978 г., когда вновь открыли свои двери музыкальные учебные заведения. Именно в этот период начали свою деятельность китайские композиторы, которых впоследствии назвали представителями «Новой волны» (新潮).

Стоит отметить, что к моменту открытия консерваторий некоторые китайские музыканты уже были знакомы с западной культурой благодаря непрерывным педагогическим традициям раннего музыкального образования [2, с. 68], стажировкам и заграничным поездкам. Молодые композиторы Тань Дунь (谭盾), Го Вэньцзин (郭文景), Сюй Чанцзюнь (徐昌俊) и др., [2, 5], стремившиеся к более подробному знакомству с западноевропейской классической музыкой, «впервые подняли вопрос: почему в Китае до сих пор не появились сочинения, получившие международное признание?» [3, с. 62]. В качестве своеобразного ответа на этот вопрос они создали уникальный стиль, «провозгласивший возврат к ценностям древней китайской культуры наряду с освоением современных западных тенденций и техник» [4, с. 24]. Соединив в своём творчестве «авангардные устремления и обращение к национальным корням» [4, с. 145], представители «Новой волны» сделали свой стиль не только хорошо узнаваемым с точки зрения его принадлежности

китайской культуре, но и вывели современную китайскую музыку на международный уровень. Сюй Чанцзюнь, описывая стилистические особенности «Новой волны», отмечал: «изящество и художественное очарование древней китайской музыки переплетается с современной западной, и таким способом отражает сложные взаимоотношения между Китаем и остальным миром» [5, с. 71].

Поскольку одной из главных черт творчества композиторов «Новой волны» в исследовательской литературе принято считать осознанное желание использовать западные музыкальные техники, имеет смысл проследить, как именно выработанный ими синтетический музыкальный язык объединил элементы китайской и западной традиций. Исследователи отмечают, что на эстетику их сочинений оказали влияние произведения европейских композиторов в жанре неофольклоризма, минимализма и др. Следовательно, «сплетение нитей» восточной и западной культур в контексте музыкального искусства, их непрекращающийся диалог способствовал более глубокому «взаимодействию традиционных и западных норм в организации социально-экономической сферы жизни в Китае» [6, с. 157]. Однако не менее важным ключом к пониманию мирового успеха созданных ими произведений является их стремление к свободе самовыражения, основанное на трагическом переживании перипетий судьбы китайской культуры, определивших их творческий путь и нашедших отражение в их сочинениях.

Творчество композиторов «Новой волны» сегодня играет важную роль в развитии музыкальной эстетики Китая. При этом их произведения не только реконструируют существующие традиции, но и создают новые формы, отражающие сложное взаимодействие локального и глобального. Данное исследование способствует выявлению конкретных значений влияния личной истории и культурных контекстов в интерпретации традиций, а также способствует уточнению роли музыкальной культуры в диалоге между Западом и Востоком. Дальнейшее развитие исследований по данному направлению позволит уточнить причины успеха китайской культурной экспансии как одной из продуктивных стратегий освоения инокультурного пространства.

Список используемых источников:

1. Mao Z. Two instructions concerning literature and art. Peking: Foreign Languages Press, 1967. 12 p.
2. Ян Ц. Новая волна в китайской музыкальной культуре // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2023. №3(86). С. 135–146.
3. Янь Ц., Юнусова В. Н. Китайская «Новая волна» и творчество Сюй Чанцзюня // Журнал Общества теории музыки. 2018. №4(24). С. 60–73.

4. Юнусова В. Н. Современная китайская опера (конца XX – начала XXI веков) и «Первый император» Тань Дуня // Журнал Общества теории музыки. 2021. №1(33). С. 23–32.
5. Чупрова И. А. Традиции московской пианистической школы в межкультурном диалоге России и Китая // Вопросы культурологии. 2016. №8(140). С. 67–71.
6. Сухомлинова В. В. Интерпретация культуры в философии Ду Вэймина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. №3(33). С. 151–160.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии им. А.Ф. Шишкина Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации.

The Search for the Unique in the Universal: China's "New Wave"

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kazymova Leila

Postgraduate student, Department of Philosophy named after A.F. Shishkin, State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Correspondence to: leilakazym@gmail.com

The study is devoted to the analysis of cultural changes in China in the second half of the 20th century and their impact on the development of musical art. It focuses on the work of "New Wave" composers. Based on historical material, it examines how exactly the standards and forms of musical self-expression of representatives of Chinese culture changed after the end of the Cultural Revolution. Using the biographical method, the study explores how representatives of the "New Wave", many of whom are still alive today, form a new musical identity that reflects the specifics of Chinese culture and at the same time fits into the global musical context. It also examines how they respond to the challenges of globalization by rethinking traditional musical forms.

Keywords: New Wave, Chinese musical art, Cultural Revolution.

References:

1. Mao, Z. (1967). *Two instructions concerning literature and art*. Peking: Foreign Languages Press.
2. Yang, Q. (2023). Novaya volna v kitayskoy muzykalnoy kulture [New Wave in Chinese musical culture]. *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*, 3(86), 135–146. (in Russ.)
3. Yan, Q., Yunusova, V. (2018). Kitayskaya «Novaya volna» i tvorchestvo Syuy Chantszyunya [Chinese «New Wave» and the work of Xu Changjun]. *Journal of the Society for Music Theory*, 4(24), 60–73. (in Russ.)
4. Yunusova, V. (2021). Sovremennaya kitayskaya opera (kontsa XX – nachala XXI vekov) i «Pervyy imperator» Tan' Dunya [Modern Chinese opera (late XX – early XXI centuries) and «The First Emperor» by Tan Dun]. *Journal of the Society for Music Theory*, 1(33), 23–32. (in Russ.)
5. Chuprova, I. (2016). Traditsii moskovskoy pianisticheskoy shkoly v mezhekulturnom dialoge Rossii i Kitaya [Traditions of the Moscow piano school in the intercultural dialogue between Russia and China]. *Questions of cultural studies*, 8(140), 67–71. (in Russ.)
6. Sukhomlinova, V. (2019). Interpretatsiya kultury v filosofii Du Veimina [Interpretation of culture in the philosophy of Du Weiming]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 3(33), 151–160. (in Russ.)

Швабский даос: деконструкция метафизики как осмысление Дао в философии Мартина Хайдеггера

Копырин Т.В.

В докладе рассматривается вопрос влияния даосизма на мышление Мартина Хайдеггера на раннем этапе его творчества и его проявления в ряде работ. Оценивается возможность заимствования концептов Хайдеггером из немецкого перевода трактата «Дао Дэ Цзин» Рихарда Вильгельма. Анализируется проект деконструкции западной метафизики с точки зрения возможности влияния даосской мысли на хайдеггерианскую методологию.

Ключевые слова: даосизм, Мартин Хайдеггер, метафизика, китайская философия.

Вопрос о влиянии даосизма на мышление Мартина Хайдеггера изучается достаточно давно. Стоит отметить Graham Parkes как ключевую фигуру в разработке данной проблематики и редактора сборника «Heidegger and Asian Thought» 1987 года [1]. Важный вклад в исследование темы внесли монографии Reinhard May 1989 года и Eric S. Nelson 2024 года [2, 3].

Копырин Тимур Владиславович, студент специалитета, Медицинский институт имени профессора А.П. Зильбера, Петрозаводский государственный университет
адрес для корреспонденции: tv.kopyr@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Т.В.Копырин

Современные исследования подтверждают факт знакомства Хайдеггера с даосской философией задолго до написания его ключевых работ, включая «Бытие и время». Так, Parkes в предисловии к переводу монографии Reinhard May на английский язык говорит о 1922 году [2, с. 7]. Наиболее раннее время предлагает Eric S. Nelson, датируя возникновение интереса Хайдеггера к даосизму 1919 годом [3, с. 3]. Это поддерживает также то, что тексты, упоминаемые как даосские источники Хайдеггера, были переведены на немецкий язык еще в начале века: перевод «Дао Дэ Цзин» Рихарда Вильгельма датируется 1911 годом, перевод «Чжуан-цзы» Мартина Бубера – 1910 годом [2, с. 54].

«Ранний» Хайдеггер, называя в «Бытии и времени» первоочередным вопрос о смысле бытия (*der Sinn des Seins*), настаивает, что рассмотрение его в рамках Dasein-аналитики выступает скорее вынужденной мерой, и сам этот метод есть не что иное, как часть более широкого проекта [4, с. 5]. Это означает, что общий план его мысли был сформирован еще до «раннего» периода – и, вероятно, не без участия китайской философии.

Мы рассмотрим текст перевода на немецкий язык трактата «Дао Дэ Цзин» Рихарда Вильгельма. Свой выбор слов для перевода даосских терминов «Дао» и «Дэ» – «Sinn» и «Leben», Вильгельм комментирует в предисловии книги, упоминая возможные варианты прочтения первого как «Gott», «Weg», «Vernunft», «Wort» [5, с. 21]. При этом важно помнить, что Вильгельм не имел глубоких знаний в китайском языке и проявлял интерес к даосским текстам скорее как христианин, изучающий иную культуру.

На выбор Вильгельма повлиял отрывок из «Фауста» Гете, где главный герой переводит понятие «логос» в первом стихе Евангелия от Иоанна как «Sinn». Именно это слово выбрал Вильгельм для передачи смысла термина «Дао» – а значит, имплицитно был согласен с мыслью, что Дао, логос и Sinn – если не одинаковые субстанционально, то, по меньшей мере, близкие понятия. Вполне вероятно, что в дальнейшем хайдеггерианский вопрос о смысле бытия следует в том числе из мнения Вильгельма.

Примечательным решением стало введение понятий «Sein» и «Nichtsein», под которыми перевод скрывает «Дэ» и «Дао» соответственно. Упоминание этих терминов встречается, например, в переложении текста 40 главы: «Das Sein entsteht im Nichtsein» [5, с. 83]. Диалектика Дао и Дэ в ее изложении Вильгельмом как «Nichtsein» и «Sein», вероятно, заинтересовала Хайдеггера схватыванием смысла бытия как Ничто и повлияла на разработку в дальнейшем проекта «Seinsgeschichte».

Дихотомия безымянного Дао («Sinn» как «Nichtsein») и именуемого его воплощения Дэ могла в дальнейшем сыграть роль в анализе истории западной философии в работе «Основные понятия метафизики», которая писалась уже в период доказанного активного проявления Хайдеггером интереса к даосизму. Так, приступая к анализу метафизики, Хайдеггер дает трактовку

понятию «фюсис» как скрытому, всеобъемлющему «владычеству сущего в целом», которое можно представить как рост, развитие вещей согласно тайным законам. Попыткой обнаружения этих законов выступает «логос» – открытие «фюсис», состояние сказанности о нем, то есть именованная вещей, их понимания [6, с. 58-61].

Хайдеггер, как и Вильгельм, скорее склонен формально ассоциировать китайское понятие Дао с логосом. Однако апофатический характер описания Дао скорее роднит его с понятием «фюсис», раскрываемым в свою очередь через «логос», понимаемый как вид действия «фюсис» и в то же время как раскрытие, явление «фюсис».

Поскольку отмеченное нами сходство Дао-фюсис и Дэ-логос затрагивает немаловажные концепты в хайдеггерианском проекте деконструкции европейской метафизики, требует уточнения, имело ли место именно смысловое влияние даосских понятий. В том случае, если анализ истории западной мысли ведется Хайдеггером через китайские концепты, требуется пересмотр самого предлагаемого проекта как сугубо западного. В противном случае вероятно рассмотрение «предустановленной гармонии» прочтения греческих мыслителей Хайдеггером и понятий китайской философии.

Список используемых источников:

1. Parkes G. (Ed.). Heidegger and Asian Thought. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. 296 p.
2. May R. Heidegger's Hidden Sources: East-Asian Influences on His Work. London: Routledge, 1996. 142 p.
3. Nelson E.S. Heidegger and Dao: Things, Nothingness, Freedom. London: Bloomsbury Academic, 2024. 265 p.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
5. Wilhelm R. Lao-tse: Tao te King: Das Buch des alten Meisters vom Sinn und Leben. Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1911. 157 p.
6. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

Swabian Taoist: Deconstruction of Metaphysics as an Understanding of Tao in Martin Heidegger's Philosophy

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kopyrin Timur

Specialist student, Institute of Medicine, Petrozavodsk State University

Correspondence to: tv.kopyr@gmail.com

The report examines the influence of Taoism on Martin Heidegger's thinking at an early stage of his work and its manifestation in a number of works. The possibility of Heidegger borrowing concepts from the German translation of Richard Wilhelm's treatise "Tao Te King" is evaluated. The project of deconstruction of Western metaphysics is analyzed from the point of view of the possibility of the influence of Taoist thought on Heideggerian methodology.

Keywords: Taoism, Martin Heidegger, metaphysics, Chinese philosophy.

References:

1. Parkes, G. (Ed.). (1987). *Heidegger and Asian Thought*. Honolulu: University of Hawaii Press.
2. May, R. (1996). *Heidegger's Hidden Sources: East-Asian Influences on His Work*. London: Routledge.
3. Nelson, E.S. (2024). *Heidegger and Dao: Things, Nothingness, Freedom*. London: Bloomsbury Academic.
4. Heidegger, M. (2015). *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: Akademicheskii Proekt. (in Russ.)
5. Wilhelm, R. (1911). *Lao-tse: Tao te King: Das Buch des alten Meisters vom Sinn und Leben* [Laozi: Tao Te Ching: The Book of the Old Master on Meaning and Life]. Jena: Eugen Diederichs Verlag. (in German)
6. Heidegger, M. (2013). *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Basic concepts of metaphysics]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

Искусство как зеркало культуры: кросскультурная перспектива визуальных практик

Королева Ю.С.

Исследование рассматривает перспективу в искусстве как отражение различий в мировоззрении Востока и Запада. Через сравнение линейной и рассеянной перспективы раскрываются особенности восприятия пространства и мышления, а также их проявления в традиционном искусстве и цифровой среде. Работа поднимает вопрос о возможности подлинного понимания «иного» искусства в условиях культурных различий.

Ключевые слова: перспектива, искусство, восприятие пространства, кросскультурные исследования, психология восприятия.

Искусство в гуманитарной сфере издавна рассматривается не только как метод взаимодействия с реальностью, но и как отражение мировоззрения. Современная психология всё чаще обращается к культурному анализу не только для выявления специфических для определённых культур механизмов, но и для понимания личности человека в целом. Такие кросскультурные исследования позволяют выявить не столько различия,

Королева Юлия Сергеевна, студент специалитета, Факультет психологии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: uliakoroleva2000@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Ю.С.Королева

сколько сходства психических процессов. В этом контексте искусство становится ключом к изучению влияния культуры на личность человека.

Эрвин Панофский в работе *Perspective as Symbolic Form* утверждал, что линейная перспектива в западном искусстве эпохи Возрождения стала не только техническим приёмом, но и символом рационального, индивидуалистического мировоззрения [1]. В азиатском искусстве, напротив, преобладает «рассеянная перспектива», отражающая холистическое восприятие мира. Эти различия не ограничиваются искусством: они проявляются и в современных цифровых средах, что указывает на актуальность данного вопроса до сих пор, даже когда традиционное искусство «Востока» и «Запада» давно существует как стилистический конгломерат. Людвиг Витгенштейн отмечал, что границы языка определяют границы мира [2]. Аналогично, способы визуального представления информации формируют границы восприятия, создавая разные системы репрезентации реальности.

Линейная перспектива, обретшая популярность в эпоху Возрождения, предполагает фиксированную точку зрения и строгую пространственную структуру. Панофский связывал её с таким мировоззрением, в котором человек становится центром мироздания, а пространство – объектом рационального осмысления [1]. Это соотносится с культурно-специфическими стилями мышления. Для индивидуалистических культур характерно рациональное мышление, что подтверждается эмпирически: в таких обществах, как США, внимание сосредоточено на отдельных объектах, а не на их взаимосвязях с окружающей средой и контекстом [3]. Это также проявляется в цифровой среде: западные веб-сайты отличаются чёткой структурой, логической последовательностью и минимальным визуальным контекстом [4].

В отличие от западного искусства, в азиатском используется «рассеянная перспектива», или перспектива «птичьего полёта», где отсутствует единая точка схода, а пространство организуется многопланово. Такой стиль изображений можно наблюдать в китайской, японской и индийской традиционной живописи. Этот приём создаёт эффект плавного перехода между элементами, подчёркивая их взаимосвязь. Данный взгляд на изображение отражает даосские и буддийские представления о текучести мира, где человек не отделён от природы, а является её частью [5]. Ричард Нисбет отмечал, что в коллективистских культурах, таких как Китай и Япония, преобладает холистическое восприятие, где внимание уделяется контексту и отношениям между объектами, а не отдельным элементам. Это проявляется и в современном цифровом дизайне: азиатские веб-сайты отличаются высокой контекстуальностью, обилием символов и косвенной передачей смыслов [4].

Безусловно, культурные традиции редко бывают столь однозначными, и внутри каждой культуры существует множество вариаций и исключений. Искусство, будь то традиционное или цифровое, всегда было не просто отражением реальности, но и инструментом её осмысления и преобразования. Оно создаёт мосты между культурами, но одновременно подчёркивает их уникальность, становясь своеобразным «языком», который говорит о том, что невозможно выразить словами. В этом смысле культурные взаимодействия – это не просто обмен формами и стилями, но и диалог мировоззрений, где каждая сторона предлагает свой способ видения мира. Однако важно помнить, что любая попытка классифицировать или противопоставить культуры рискует упустить их динамичность и текучесть. Культуры не статичны – они постоянно трансформируются, смешиваются и переосмысливаются, особенно в эпоху глобализации.

Список используемых источников:

1. Panofsky E. Perspective as symbolic form. Princeton University Press, 2020. 200 p.
2. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. Oxford World's Classics, 2023. 208 p.
3. Nisbett R. The Geography of Thought: How Asians and Westerners think differently. Simon and Schuster, 2010. 243 p.
4. Singh N., Zhao H., Hu X. Cultural adaptation on the web: A study of American companies' domestic and Chinese websites //Journal of Global Information Management. 2003. Vol. 11. №3. p. 63–80.
5. Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation //College student development and academic life. Routledge, 2014. P. 264–293.

Art as a Reflection of Culture: A Cross-Cultural Exploration of Visual Practices

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Koroleva Yulia

Specialist student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: uliakoroleva2000@yandex.ru

The study examines perspective in art as a reflection of differing worldviews in the East and West. By comparing linear and scattered perspectives, it explores the nuances of spatial perception and thinking, as well as their manifestations in traditional art and digital environments. The work raises the question

of the possibility of truly understanding “other” art within the context of cultural differences.

Keywords: perspective, art, spatial perception, cross-cultural studies, perceptual psychology.

References:

1. Panofsky, E. (2020). *Perspective as symbolic form*. Princeton University Press.
2. Wittgenstein, L. (2023). *Tractatus logico-philosophicus*. Oxford World's Classics.
3. Nisbett, R. (2010). *The Geography of Thought: How Asians and Westerners think differently*. Simon and Schuster.
4. Singh, N., Zhao, H., Hu, X. (2003). Cultural adaptation on the web: A study of American companies' domestic and Chinese websites. *Journal of Global Information Management*, 11(3), 63-80.
5. Markus, H., Kitayama, S. (2014). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *College student development and academic life*. Routledge, 264–293.

Диалог Запада и Востока: параллели буддизма и пифагореизма

Крюк А.Д.

Сравнение культур Востока и Запада – это крайне актуальная задача философского дискурса последних столетий. В связи с перманентным процессом глобализации и развития диалога различных культур особенно важно увидеть, как могли и могут взаимно обогащаться и взаимодействовать философские учения Востока и Запада. В данной работе делается акцент именно на сравнении двух влиятельных традиций: пифагореизма и буддизма.

Ключевые слова: компаративистская философия, буддизм, Пифагор, пифагореизм.

Взаимосвязь и культурно-ценностный диалог Западной и Восточной традиции – это одна из значительных проблем современного философского дискурса. Часто исследователи, рассматривая развитие мировой мысли и вклад в нее каждой отдельной культуры, останавливаются лишь на анализе наиболее «близких» к своей культурной принадлежности философских систем либо же рассматривают «иностранцы» системы через призму собственного

Крюк Артемий Денисович, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: languagepakc@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.Д.Крюк

культурного мировосприятия. Данный подход имеет существенные недостатки. Фундаментально, человеческое сознание, вне зависимости от культурной среды, основано на проблематизации всего того, что предстает в поле его непосредственного опыта. Поэтому в философских традициях различных наций, народностей можно почерпнуть «мыслительный материал» для осмысления экзистенциальных вопросов бытия человека в мире. В XX веке стала активно развиваться компаративистская философия, которая в первую очередь связана с французским философом П. Массон-Урселем и его работой «Сравнительная философия» (1923), а также с индийским философом П.Т. Раджу и его трудом «Введение в сравнительную философию» (1962). Их исследования позволили пролить свет на взаимосвязи и параллели между различными учениями Запада и Востока.

В контексте данного дискурса анализ индо-греческих параллелей – одна из основных тем исследования. В связи с этим интересно обозначить аналогии между философскими воззрениями двух довольно обособленных друг от друга традиций: пифагореизма и буддизма. Вопрос о взаимовлиянии и взаимообогащении древнегреческой и индийской философии – это один из дискуссионных вопросов данной проблематики. До сих пор не доказано наличие непосредственных контактов между Пифагором и Буддой-Шакьямуни, между пифагорейским союзом и буддийской сангхой. А.С. Колесников отмечает, что заимствование или прямая связь греческой и индийской мысли – это спорный факт, учитывая, что в обеих цивилизациях философия как явление «зародилась» примерно к 6 в. до н.э. [1, с. 54]. Однако с точек зрения некоторых учёных, идеи двух учений имеют точки соприкосновения.

Так, Пифагорейское учение о метемпсихозе, которое, как указывает Л.Я. Жмудь, было заимствовано у орфиков [2, с. 200-201], заключалось в том, что душа человека постоянно проходит естественный цикл перерождений из одного тела в другое. Однако отдельного единого учения о душе в пифагореизме не было, и единственным полным пониманием ее отметил лишь пифагореец Алкмеон. Из учения о метемпсихозе вытекали катарсические практики, предназначавшиеся для самоочищения и самосовершенствования человеком его души и ума. Данная концепция схожа с учением о 4 благородных истинах в буддизме. Как указывает Е.А. Торчинов [3, с. 32-33], буддистское понимание кармы, как любых результативных действий, определяющих характер последующих перерождений – это закон сансарического бытия живых существ. Цель буддистских практик – избавление от сансарического существования и выход в неопишемое состояние «нирваны». Несмотря на то, что учение о «перерождении» содержательно различно в обеих системах, видно, что в обоих случаях делается попытка описать жизнь человека как естественный циклический

процесс перехода, перевоплощения, а также осмыслить смерть как порог перед новой жизнью в другом теле.

Также, интересны этические мотивы, связанные с общинной организацией обеих философских «школ». Пифагорейский союз в Кротоне, согласно сведениям Диогена Лаэртского [4, с. 425-426], имел определенный свод правил, символов, которые заучивались и истолковывались членами пифагорейских гетерий. Как отмечает Г.В. Драч [5, с. 193-194], «математические» и «акусматические» символы составлялись с целью самоочищения, саморазвития пифагорейцев, устройства гармонии в их душе. С другой стороны, одним из трех основных текстов буддизма является Виная, в которой изложены основные правила буддистской общины – сангхи. Следование ее предписаниям в миру и выполнение общих методов самотренировки, медитации – все это, как пишет Лысенко В.Г. [6, с. 125], являлось важными чертами членства в общине. Практики сосредоточения, медитации и пр. являлись средствами достижения высшей цели буддизма – архатства. Видно, что такая общинная форма организации последователей этих двух учений была важной составляющей практической части философских систем, благодаря которой члены союзов коллективно усваивали знания своих учителей и занимались самосовершенствованием и гармонизацией своего существования.

Подводя итог, мы можем указать на весомые параллели между философией Пифагора и Будды. Разумеется, содержания этих двух учений разнятся в силу культурных, исторических, географических предпосылок и контекстов. Однако также заметна некая фундаментальная схожесть, общие места, топосы мысли, которые роднят древнегреческую и индийскую мудрость.

Список используемых источников:

1. Колесников А.С. Философская компаративистика: Восток – Запад: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 390 с.
2. Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 445 с.
3. Торчинов Е.А. Введение в буддизм. М.: Изд-во АСТ, 2024. 512 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Изд-во АСТ, 2020. 800 с.
5. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003. 318 с.
6. Лысенко В.Г. Ранний буддизм: религия и философия. Учебное пособие. М.: ИФРАН, 2003. 246 с.

Dialogue Between East and West: Parallels Between Buddhism and Pythagoreanism

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kriuk Artemiy

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: languagepakc@mail.ru

The comparison of Eastern and Western cultures has become an increasingly relevant issue in the philosophical discourse of the past centuries. In the context of ongoing globalization and the development of intercultural dialogue, it is particularly important to explore how the philosophical teachings of the East and West have both enriched and interacted with one another. This study specifically focuses on comparing two influential traditions: Pythagoreanism and Buddhism.

Keywords: comparative philosophy, buddhism, Pythagoras, pythagorenism.

References:

1. Kolesnikov, A. (2004). *Filosofskaya komparativistika: Vostok–Zapad: Uchebnoye posobie* [Comparative philosophy: West–East: Educational aid]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (in Russ.)
2. Zhmud, L. (2012). *Pifagor i rannie pifagorejcy* [Pythagorean and early pythagoreans]. Moscow: Russian Fund of Support of Education and Science. (in Russ.)
3. Torchinov, E. (2024). *Vvedenie v buddizm* [Introduction to Buddhism]. Moscow: AST. (in Russ.)
4. Diogenes Laertius. (2020). *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov* [Lives and Opinions of eminent philosophers]. Moscow: AST. (in Russ.)
5. Drach, G. (2003). *Rozhdenie antichnoj filosofii i nachalo antropologicheskoy problematiki* [The Birth of Ancient Philosophy and the Emergence of Anthropological Issues]. Moscow: Gardariki. (in Russ.)
6. Lysenko, V. (2003). *Rannij buddizm: religiya i filosofiya. Uchebnoye posobie* [Early buddhism: religion and philosophy. Educational aid]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (in Russ.)

Влияние западной экзистенциалистской философии на японскую философскую мысль на примере творчества Нисиды Китаро

Лавелин В.Д.

Статья посвящена рассмотрению влияния западной философской мысли на японскую на примере творчества Нисиды Китаро. Особое внимание уделено специфике интерпретации западных философских учений в Японии.

Ключевые слова: японская философская мысль, Нисида Китаро, экзистенциализм, логика басё, функциональность, контекст.

Интерпретация концептов западной философской мысли в Японии была необходима: поступающие на территорию Японии западноевропейские технологические и научные инновации не могли не оказать влияния на социальный и экономический строй страны. Модернизация социального уклада вслед за техническим и экономическим прогрессом в кратчайший исторический срок была необходима. С одной стороны оказался традиционный японский жизненный уклад, с другой – требование отказа от культурного достояния прошлого вслед за модернизацией.

Лавелин Вадим Дмитриевич, студент магистратуры, Факультет Евразии и Востока, Челябинский государственный университет

адрес для корреспонденции: lavelin701@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© В.Д.Лавелин

Западноевропейская экзистенциалистская философия была интерпретирована и поставлена на службу сохранения, с учетом современных на тот момент условий, японской культуры. Более предметно данный механизм влияния западной философии в Японии обозначается принципом: «Западные технологии, японский дух».

Плацдармом для восприятия западных философских учений является синкретичность японского мышления – онтологическая основа японской культуры, проявляющаяся в утилитарности японской философской мысли. Для японского сознания важны не столько идеи, концепты, бытующие в культуре, сколько их актуальность и функциональность, обусловленные контекстом времени, очерчивающим перед японским обществом ряд конкретных проблем. Поэтому в японском сознании могут сосуществовать противоположные друг другу идеи, актуализирующиеся в подходящем контексте.

Рассмотрим влияние западной философии на японскую философскую мысль на примере экзистенциализма Нисиды Китаро.

Экзистенциализм в общем смысле – философское учение о существовании. Его ключевая категория – экзистенция (сущность) – выражается в уникальной проявленности, существовании человека в бытии. Основные положения экзистенциалистских учений западноевропейской философии: уникальность существования отдельного человека; проблемы, связанные с конфликтами индивида и окружающего его мира; свобода воли; внутренний выбор личности. Экзистенциальные учения формируются в период кризиса европейской культуры. В Японии экзистенциализм распространился в период насильственного открытия страны, которое продемонстрировало её отставание от остального мира. Японское прочтение экзистенциалистских учений западной философской мысли отличается: отсутствием бинарности мышления; постановкой сущностно важных проблем исходя из потребностей и интересов общества, а не индивида.

Функциональная значимость экзистенциалистской философии Нисиды Китаро усматривается в концепте «логика басё». Концепт оперирует следующими категориями: «басё бытия» – ограничение существования феноменов бытия в материальном мире, детерминированное материей; «басё относительной пустоты» – лежащее в основе «басё бытия» иррациональное идеальное пространство существования феноменов бытия человека и мира; «басё абсолютной пустоты» – пространство сосуществования взаимоисключающих элементов бытия, достижимое посредством перехода человека от «я» к «я», не имеющее «я».

«Логика басё» актуализирует необходимость онтологического присутствия в сознании японца взаимоисключающих элементов бытия, не допуская разрешения этого противоречия гегелевским синтезом. Удержание в сознании антагонизма феноменов бытия допускает отождествление своего «я»,

отреченного от себя, со всем миром в его уникальной, чистой, неслитой специфике.

Данный концепт Нисида Китаро изложил в труде «От деяния к видению» (1927). В работе интерпретируются вопросы западноевропейской экзистенциальной философии, указывающие на существование противоречивости бытия человека.

Таким образом, влияние западной философии на японскую философскую мысль прослеживается в следующем. Совокупность проблем японского общества служит пространством интерпретации западных философских концептов. На примере концепта «логика басё» можно заключить, что, осмысляя западные философские экзистенциалистские концепты, японская философская мысль включает их в качестве нового элемента в систему синкретического мышления. Западные экзистенциалистские учения служат инструментом достижения сущностно необходимого японскому обществу прогресса, исходя из временного контекста. Наличие «многоукладности», небинарность мышления и превалирование общественных интересов над индивидуальными в переосмысленных японцами экзистенциальных учениях Запада говорят о включенности этих концептов в синкретическую японскую культуру. В удержании противоположных элементов бытия усматривается попытка снятия социально-экономического противоречия между японским традиционным сословным укладом и формирующимися вслед за развитием производства новыми классами японского общества. Решение проблемы состоит в объединении человека с обществом в процессе нивелирования его интересов в целях общественной гармонизации в концепте «я» лишенного «я» в «басе абсолютной пустоты».

Список используемых источников:

1. Безруков И. В. Нисида Китаро: сравнительный анализ японской и западной философии : автореферат диссертации кандидата философских наук : 09.00.03 Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 2010. 24 с.
2. Козловский Ю. Б. Философия экзистенциализма в современной Японии. М.: Наука, 1975. 183 с.
3. Nishida Kitaro. Last writings: Nothingness and the religious worldview. Honolulu: The University press of Hawaii, 1987. 149 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Смирнов Максим Георгиевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии Челябинского Государственного университета.

The Impact of Western Existentialist Philosophy on Japanese Philosophical Thought on the Case of the Work of Nishida Kitaro

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lavelin Vadim

Master's student, Faculty of Eurasia and Oriental studies, Chelyabinsk State University

Correspondence to: lavelin701@gmail.com

The article is devoted to the consideration of the influence of western philosophical thought on japanese by the example of the work of Nishida Kitaro. Special attention is paid to the specifics of the interpretation of western philosophical teachings in Japan.

Keywords: Japanese philosophical thought, Nishida Kitaro, existentialism, basho logic, functionality, context.

References:

1. Bezrukov, I. (2010) *Nisida Kitaro: sravnitel'nyj analiz yaponskoj i zapadnoj filosofii* [Nishida Kitaro: A Comparative Analysis of Japanese and Western Philosophy] Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press. (in Russ.)
2. Kozlovskij, Y. (1975) *Filosofiya ekzistencializma v sovremennoj Yaponii* [The Philosophy of Existentialism in Modern Japan]. Moscow: Nauka. (in Russ)
3. Nishida Kitaro (1987) *Last writings: Nothingness and the religious worldview*. Honolulu: The University press of Hawaii.

Учение о демоне у Плотина и концепция трёх гун в индуизме: сходства и отличия

Ланцова А.С.

В рамках сравнительного изучения философских традиций Востока и Запада в тезисах предлагается сопоставление учения о демоне Плотина и теории трёх гун школы Санкхьи. Автор обнаруживает сходство обеих концепций в том, как в них решается вопрос о соотношении свободы воли и предопределения в жизни человека. Отличия заключаются в описании способа осуществления свободы воли: в неоплатонизме это представлено как смена демона в момент перевоплощения, а в индуизме – как постепенное изменение характера гун в течение жизни.

Ключевые слова: неоплатонизм, учение о демоне, санкхья, гуны.

Западная философская мысль и религиозно-философские системы Востока зачастую подвергаются сравнительному анализу с целью выявления возможных параллелей. Один из вопросов в рамках таких сравнительных исследований – сопоставление философии платонизма и неоплатонизма с философскими системами индуизма [1, с. 227]. Сопоставление элементов древнеиндийской мысли и неоплатонизма зачастую затрагивает темы

Ланцова Алёна Сергеевна, студент бакалавриата, Факультет культуры и искусства, Самарский государственный социально-педагогический университет
адрес для корреспонденции: lantsova.alena11@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.С.Ланцова

бессмертия души и реинкарнации [2, с. 134], однако недостаточно изученным аспектом сравнительной философии остается учение о демоне в работах основателя неоплатонизма Плотина и его возможные аналогии в индуизме. Цель данного доклада – рассмотреть основные точки соприкосновения и расхождения в учении Плотина о демоне и индуистской концепции трёх гун.

В рамках переосмысления платоновской концепции о преджизненном выборе души своего земного воплощения Плотин ввел понятие демона (или гения). Согласно мыслителю, демон представляет собой внутреннее руководящее начало, влияющее на форму будущего воплощения, поведение и поступки [3, с. 653]. При этом демон не имеет полной власти: человек самостоятельно выбирает, подчиняться ли демону полностью, частично или не подчиняться вовсе. Несмотря на то, что демон в основном рассматривается в контексте человеческого существования, Плотин составляет иерархию демонов, в связи с чем можно утверждать, что демоны имеются не только у людей (собственные демоны есть у звёзд, животных, растений, Мировой души и всей вселенной). Уровень будущего существования зависит от уровня и качества нынешнего воплощения: если человек возвышается духовно, то в следующем воплощении получает более высокого демона [3, с. 211].

Это учение перекликается с концепцией трёх гун, зародившейся в третьей даршане индуизма – Санкхье. Основным принципом и целью учения Санкхьи является четкое отделение духа (Пуруша) от материи (Пракрити) и обретение свободного от объективной реальности бытия. Именно из этого вытекает теория трёх гун, которые отражают материальную природу Пракрити. Гуны – это фундаментальные качества, своеобразные направляющие энергии (гуна благости и гармонии Саттва, гуна страсти и раздражения Раджас и гуна невежества, инертности Тамас), поддерживающие круговорот существования и порождающие своим взаимодействием различные объекты и тела [1, с. 104]. Действиям гун подвержен не только человек, но и вся вселенная [4, с. 450]. При этом именно от вида гун (добра, страсти и мрака) зависит качество и уровень будущего воплощения, что также близко платиновскому учению о демоне. В философии Санкхьи также присутствует идея неподчинения, преодоления гун, которое при этом не мешает их испытывать, что имеет параллель в учении Плотина о демоне.

Необходимо отметить и отличия между двумя доктринами. Согласно Плотину, каждый покидает своего демона, когда при перевоплощении появляется право выбирать нового [5, с. 654]. В философии Санкхьи преобладающая гуна меняется на протяжении всей жизни, их набор остаётся неизменным, но при этом внутреннее влияние гун можно преодолеть. Фундаментальной идеей философии данной школы является возвышение над материальной природой и достижение духовного уровня, поэтому

освобождение от гун возможно, но только посредством специальных практик и религиозного служения [6, с. 332].

Проведенное сравнение открывает новое поле для дальнейшего выявления параллелей в философии двух разных культур, в частности, в вопросе о соотношении свободы воли и детерминизма в человеческой жизни.

Список используемых источников:

1. Бхактиведанта Свами Прабхупада А. Ч. Шримад Бхагаватам. Шестая песнь – часть первая [Электронный ресурс] / Prabhupada.info. URL: <https://prabhupada.info/books/sb/sb6.1.pdf> (дата обращения: 12.01.2025)
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. М.: АСТ, 2000. 960 с.
3. Плотин Космогония. М.: Ваклер, 1995. 304 с.
4. Радхакришнан С. Индийская философия. М.: МИФ, 1993. 623 с.
5. Хрущёва П. В. Платонизм и индийская философия: поиск параллелей // Платоновские исследования. 2014. №1(1). С. 226–238.
6. Шейнман-Топштейн С. Я. Восточные влияния в платоновских текстах // Античность как тип культуры. 1988. С. 133–145.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Ирина Борисовна Казакова, доктор филологических наук, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета.

Plotinus' Doctrine of the Daimon and the Concept of the Three Gunas in Hinduism: Similarities and Differences

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lantsova Alena

Undergraduate student, Faculty of Culture and Arts, Samara State University of Social Sciences and Education

Correspondence to: lantsova.alena11@gmail.com

Within the framework of comparative study of philosophical traditions of the East and the West, the thesis offers a comparison of Plotinus' doctrine of the daimon and the theory of the three gunas of the Sankhya. The author finds similarities between the two concepts in the way they address the question of the correlation

between free will and predestination in human life. The differences lie in the description of the way in which free will is exercised: in Neoplatonism it is represented as a change of daimon at the moment of reincarnation, while in Hinduism it is represented as a gradual change of the nature of the gunas during life.

Keywords: neoplatonism, doctrine of the daimon, sankhya, gunas.

References:

1. Bhaktivedanta, A. *Shrimad Bhagavatam. Shestaya pesn' – chast' pervaya* [Srimad Bhagavatam. The six song – part one]. Prabhupada.info.
2. Losev, A. (2000). *Istoriya antichnoj estetiki: pozdnij ellinizm* [History of ancient aesthetics: Late Hellenism]. Moscow: AST. (in Russ.)
3. Plotin, (1995). *Kosmogoniya* [Cosmogony]. Moscow: Vakler. (in Russ.)
4. Radhakrishnan, S. (1993). *Indijskaya filosofiya* [Indian philosophy]. Moscow: MIF. (in Russ.)
5. Khrushcheva, P. Platonizm i indijskaya filosofiya: poisk paralelej [Platonism and Indian philosophy: the search for parallels]. *Platonovskie issledovaniya*, 1 (1), 226–238. (in Russ.)
6. Sheinman-Topstein, C. (1988). Vostochnye vliyaniya v platonovskih tekstah [Eastern influences in Platonic texts]. *Antichnost' kak tip kul'tury*, 133–145. (in Russ.)

Космотехника Юк Хуэя и хайдеггеровская философия техники: кросскультурный диалог между Востоком и Западом

Мельниченко С.А.

В докладе рассматривается сопоставление идей Мартина Хайдеггера о технике с концепцией «космотехники» Юка Хуэя. Основное внимание уделяется культурным предпосылкам понимания технологии в западной и китайской традициях, а также обсуждается вопрос о возможном диалоге или конфликте цивилизаций при формировании «универсального» технонаучного пути.

Ключевые слова: техника, космотехника, М. Хайдеггер, Юк Хуэй, кросскультурный диалог.

Современный мир столкнулся с усилением влияния технауки, вызывая необходимость переосмыслить понятие техники за пределами одной культурной парадигмы. В своем эссе «Вопрос о технике в Китае: Эссе о космотехнике» Юк Хуэй подчеркивает, что каждая цивилизация обладает собственной космологической базой, из которой вырастают уникальные

Мельниченко Станислав Александрович, студент бакалавриата, Философский факультет, Казанский федеральный университет

адрес для корреспонденции: melnichenko.02@List.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© С.А.Мельниченко

технологические пути [1, с. 15]. Принятие универсальной, преимущественно западно-центричной модели развития техники может приводить к нивелированию культурного многообразия и формированию единой технократии, не учитывающей иные способы соотнесения человека и природы.

Анализируя суть техники в западной истории бытия, Мартин Хайдеггер указывает на проблему «постава» (Gestell), при котором мир раскрывается как ресурс и подвергается воздействию со стороны человека [2, с. 228-234]. Он полагает, что техника в новоевропейской метафизике не является нейтральным набором инструментов, а представляет собой способ обнаружения бытия, приводящий к «забвению» его подлинной сути. Хайдеггер тем самым демонстрирует историческую обусловленность техники: западная модель складывалась под влиянием рационалистической и механистической традиции.

На этом фоне Юк Хуэй вводит концепт «космотехники», согласно которому техника не может быть одинаковой во всех культурах. Если в западном дискурсе технология зачастую рассматривается как средство контроля и преобразования, то в китайской традиции, по мнению Хуэя, возможно более гармоничное отношение, предполагающее согласованность с космосом [1, с. 34] (включая представление о дао и принципах ритуально-этического порядка) [1, с. 106]. Такая постановка вопроса выводит тему техники в сферу не только онтологии, но и морали: то, какие ценности и космологические предпосылки принимает общество, влияет на то, как оно развивает цифровые решения, инфраструктуру и научные программы.

Особенно ярко эта разница может проявляться при рассмотрении современной цифровой модернизации. В ряде западных моделей технология ассоциируется с алгоритмическим управлением, оптимизацией и коммерческой выгодой. Хуэй же указывает, что в Китае исторически существовали иные представления об организации общества и соотношении неба, земли и человека, которые могут влиять на подход к цифровой трансформации [2, с. 51]. С его точки зрения, если техника в китайской традиции мыслится через призму космического порядка, то и цифровые инструменты могут ориентироваться на иные ценностно-нормативные принципы, нежели утилитарно-прагматические, доминирующие в глобальном техном мире. При этом «космотехника» не означает возвращения к архаике: речь идет о проекте переосмысления техники в условиях современной глобализации, исходя из локальных космологий.

Сопоставляя хайдеггеровскую идею «вопроса о технике» и «космотехнику» Юк Хуэя, можно сделать вывод, что оба автора критикуют сведение техники к нейтральному инструментарию. Хайдеггер проблематизирует западную линию развития как путь забвения бытия и подчинения природы, тогда как Хуэй подчеркивает множественность технологических траекторий,

укорененных в разных космологиях. В перспективе это ставит вопрос о том, как избежать «универсального техноцентризма», не впадая при этом в обратную крайность оксидентализма (где Запад представляется набором негативных клише). Кросскультурный диалог в сфере техники предполагает возможность учесть уникальные онтологические и моральные основания разных цивилизаций, чтобы совместно переосмыслить глобальную технологическую динамику. Таким образом, критика техноуниверсализма становится не просто темой западной философии, но и проектом, в котором восточные модели (китайская космология и этика) могут предлагать альтернативные принципы, указывая на необходимость гармонического согласования человека с миром.

Список используемых источников:

1. Юк Хуэй. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 320 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Юринов Владимир Юрьевич, кандидат философских наук, доцент Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) Федерального Университета.

Cosmotechnics of Yuk Hui and Heidegger's Philosophy of Technology: A Cross-Cultural Dialogue

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Melnichenko Stanislav

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Kazan Federal University
Correspondence to: melnichenko.02@List.ru

This presentation examines the comparison between Martin Heidegger's ideas on technology and Yuk Hui's concept of "cosmotechnics". It focuses on the cultural foundations of technology in Western and Chinese traditions, while also addressing whether a genuine dialogue or a civilizational conflict may arise in the quest for a "universal" techno-scientific trajectory.

Keywords: technology, cosmotechnics, M. Heidegger, Yuk Hui, cross-cultural dialogue.

References:

1. Hui, Y. (2023). *Vopros o tekhnike v Kitae. Esse o kosmotechnike* [The Question Concerning Technology in China: An Essay in Cosmotechnics]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russ.)
2. Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika. (in Russ.)

Китайская популярная музыка как пример синтеза национальной традиции с мировым культурным мейнстримом

Наговицын И.Д.

Работа посвящена взаимодействию западной и китайской музыкальных культур на протяжении последнего столетия. В ходе работы анализируются история традиционной музыки Китая, основные течения в популярной музыке последнего столетия, а также взгляды на её развитие некоторых китайских и российских учёных-музыковедов.

Ключевые слова: китайская поп-музыка, шидайцю, сибэйфэн, Ли Цзиньхуэй.

В условиях глобализации в мировой культуре и доминирующей роли западной (американской, западноевропейской) массовой культуры на рубеже XIX-XX веков для национальных культур стран мира: а) открылась беспрецедентная возможность для синтеза, выведения новых художественных форм; б) появилась опасность утери идентичности, упадка национальных видов искусства.

Наговицын Иван Дмитриевич, студент бакалавриата, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: st098098@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© И.Д.Наговицын

Цель данного исследования – изучить процесс становления массовой культуры в Китае на примере популярной музыки и выяснить, удалось ли китайской культуре сохранить национальную идентичность и транслировать её посредством музыкальных произведений.

Реакция Китая на развернувшийся в новейшей мировой культуре процесс интересна для изучения, поскольку, во-первых, история его традиционных искусства и культуры насчитывает несколько тысяч лет, а в силу особенностей национального самосознания (этических концепций конфуцианства) это культурное достояние сохраняется с особой бережностью и, в некоторой степени, консерватизмом; во-вторых, до середины XIX века Китай был фактически закрыт для постоянных культурных и экономических связей с западными странами – таким образом, процесс проникновения западной массовой культуры в Китай можно охарактеризовать как довольно резкое столкновение двух традиций, чьё взаимовлияние до этого было минимальным.

Появление и «ассимиляция» поп-музыки в Китае – наиболее показательный в этом контексте процесс, поскольку музыка – та часть традиционной китайской культуры, основные этические и технические концепции которой начали разрабатываться ещё в доимперский период. Конфуцианство развивало технические и этические аспекты учения о музыке, постепенно формируя концепцию «совершенной музыки» – «яюэ». Впоследствии этические установки яюэ, а также её технические аспекты: такие как традиционный набор инструментов в оркестре сохранялись в китайской музыке и до начала контактов с европейскими державами, и долгое время после.

Спустя некоторое время после «открытия» Китая и его знакомства с западным музыкальным наследием, начали предприниматься попытки его синтеза с китайской музыкальной традицией. В китайской музыкальной мысли начала XX века можно выделить два крупных течения. Первое своей целью видело возрождение, традиционной музыки с опорой на европейский композиторский опыт и теоретические наработки. Важную роль здесь сыграли работы композитора и теоретика Ван Гуанци (1892-1936 гг.). В своём труде «Китайские и западные основы композиции» он занимается сравнением двух музыкальных культур, чем возрождает интерес молодых китайских композиторов к принципам музыки «яюэ». Другой вехой в развитии китайской музыки начала XX века было зарождение массовой музыки «синь иньюэ». На это направление всестороннее расширение контактов с Западом также оказало большое влияние: реформы в школьном образовании по западному образцу, начавшиеся в первые годы XX века, привели к появлению жанра «школьной песни», из которой впоследствии вышли другие направления массовой музыки. А активное знакомство с приходящей из Америки и Европы популярной музыкой вдохновляло молодых композиторов на поиск новых форм выражения национальных музыкальных идей.

В середине десятилетия в Шанхае, центре культурного диалога Китая со странами Запада, сформировался музыкальный стиль, сочетающий элементы китайской оперы и традиционные инструменты формами американского джаза. Стиль получил название «шидайцю»–«песни эпохи». Основоположителем стиля считается композитор Ли Цзиньхуэй (1891-1967 гг.). Музыка «шидайцю» стала широко использоваться в китайском кинематографе и оказала формообразующее влияние на последующие течения в китайской поп-музыке. Первой композицией в этом направлении считается «Морось» Ли Цзиньхуэя. «Шидайцю» – показательный пример интенсивной национализации поп-музыки в Китае.

Помимо «шидайцю» исследователи выделяют другие модели развития китайской популярной музыки: «модель северо-западного ветра (сибэйфэн) и «шинуазри» («чжунгофэн») [1, с. 71]. Сибэйфэн – направление, развитое в 80-е годы рок-музыкантом Цуй Цзянем. Его отличительная черта состоит в сочетании рок-звучания и декламационной манеры исполнения, характерной для китайских народных песен.

«Шинуазри» – стиль, развившийся в поп-музыке в начале XXI века, и для него характерно сознательное обращение к древности. Наиболее влиятельным музыкантом в этом стиле считается Чжоу Цзелунь. Исследователь Чен И. при рассмотрении композиций Чжоу Цзелуня вывел систему «три древних и три новых элемента»: древние словари, древняя культура и древний инструментарий – новая мелодия, новые формы, новые концепции [2, с. 23]. С 2004 по 2008 год Чжоу Цзелунь объявлялся самым продаваемым исполнителем в Китае, другие последователи стиля также были популярны, отсюда справедливо считать эту формулу характеризующей китайский музыкальный мейнстрим начала века.

Анализ основных течений в поп-музыке Китая последнего столетия позволяет утверждать, что черты традиционной национальной культуры в тех или иных формах продолжают широко использоваться в ней, что свидетельствует о сохранении её самобытности.

Список используемых источников:

1. Забулионите А. К. И., Цзян Т. Шинуазри как направление в китайской поп-музыке и как понятие в музыковедении // Восток и Запад: исследования китайской музыкальной культуры. 2021. С. 67–76.
2. Чен И. Анализ элементов национальной музыки в китайской популярной музыке // Northern Music. 2017. №37(18). 255 с.

Chinese Popular Music as an Example of the Synthesis of National Tradition with the World Cultural Mainstream

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Nagovitsyn Ivan

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st098098@student.spbu.ru

The work is dedicated to the interaction of Western and Chinese musical cultures throughout the last hundred years. The work analyzes the history of traditional Chinese music, the main trends in its popular music, as well as the views of some Chinese and Russian musicologists on its development.

Keywords: chinese pop-music, shidaiqu, xibefeng, Li Jinhui.

References:

1. Zabullionyte, A., Jiang, T. (2021). Shinuazri kak napravlenie v kitayskoy pop-muzyke i kak ponyatie v muzykoznanii [Shinoiserie as a trend in Chinese pop music and as a concept in musicology]. *East and West: Studies of Chinese musical culture*, 67–76. (in Russ.)
2. Chen, Y. (2017). Analiz ehlementov natsional'noj muzyki v kitajskoj populyarnoj muzyke [Analysis of elements of national music in Chinese popular music]. *Northern Music*, (37)18. (in Russ.)

Игра с культурными кодами: художественное исследование бинарности Восток-Запад в творчестве Сюй Чжэня

Пригарина И.А.

В своем творчестве Сюй Чжэнь исследует бинарность Восток-Запад, используя стратегии культурной апроприации и гибридизации. Его работы объединяют элементы китайского и западного искусства, создавая новые смысловые связи и переосмысливая традиционные культурные коды. Данное исследование анализирует, как художник деконструирует национальную идентичность и проблематизирует восприятие искусства в условиях глобализации.

Ключевые слова: Сюй Чжэнь, бинарность Восток-Запад, культурная апроприация, гибридизация, национальная идентичность.

В условиях глобализации, когда культурные практики свободно перетекают через географические и медиальные границы, конструирование идентичности все чаще осуществляется на пересечении локальных традиций и наднациональных импульсов. Тем не менее бинарная оппозиция «Восток-

Пригарина Ирина Алексеевна, аспирант, Институт философии,

Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: irinaprigarina.sun@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,

принят к публикации 22.02.2025

© И.А.Пригарина

Запад», укорененная в колониальной эпистемологии, по-прежнему задает аналитическую рамку художественного дискурса, репродуцируя образ «экзотичного Другого» и подчиняя множественность культурных форм нормативной логике западного канона. В этом контексте современное китайское искусство оказывается в парадоксальной ситуации: с одной стороны, оно стремится к сохранению и артикуляции культурной аутентичности, с другой – вынуждено адаптироваться к институциональным и эстетическим требованиям глобального арт-рынка. Особый интерес представляет художественная практика Сюй Чжэня (Xu Zhen), одного из наиболее влиятельных представителей китайского концептуального искусства, чьи произведения не столько опровергают оппозицию «Восток-Запад», сколько иронически переосмысливают ее механизмы репрезентации. Используемые художником эстетические стратегии – апроприация, ирония, симуляция и гибридизация – превращают культурные коды в подвижные формы, утрачивающие привязку к константной идентичности.

Одним из значимых проектов Сюй Чжэня является серия “Eternity”, объединяющая классические западные и восточные скульптуры. Тем самым создаются гибридные формы и разрушаются границы между различными художественными традициями. Например, в произведении “Eternity-Northern Qi Dynasty painted Bodhisattva, Belvedere Torso” сочетаются буддийская скульптура периода Северная Ци и античная греческая скульптура. Эти композиции ставят под вопрос колониальные представления о западном искусстве как универсальном эталоне и переосмысливают культурные иерархии. Подобное соединение разнородных элементов можно рассматривать в контексте идей постмодернизма и глобализации, где культурные формы свободно циркулируют и трансформируются под влиянием новых контекстов. Переопределение и рекомбинация культурных «генов» различных цивилизаций наблюдается и в иных работах серии, как, например, в “Six Dynasties Period Painted Earthenware Dragon, Sleeping Muse” [1, p. 31].

Важным аспектом творчества Сюй Чжэня является его обращение к проблеме коммерциализации искусства и культурной продукции. В проекте “ShanghART Supermarket” художник воссоздает китайский супермаркет, наполненный пустыми упаковками. Эта инсталляция – репрезентация логики симулякров, описанной Ж. Бодрийяром, в которой знаки утрачивают связь с референтом и вступают в игру чистой репрезентации. Здесь Сюй Чжэнь демонстрирует, как глобализация превращает локальные культурные коды в пустые оболочки, готовые к потреблению. Этот проект – метафора самого искусства, где оригинальность уступает место репликам, а «китайскость» становится брендом.

В проекте “European Thousand-Arms Classical Sculpture” античные статуи (например, Венера Милосская, Афина и др.) расположены друг за другом так, как будто обретают множественные руки, как у буддийских божеств

(Гуанинь). Эта многосоставная композиция не только смешивает культурные иконы, «вызывает иллюзию сверхсубъективности» [2], но и создает «третье пространство» (Хоми Баба), где сакральное и секулярное, европейское и азиатское теряют жесткие границы. В данной работе Сюй Чжэнь не предлагает синтеза – он показывает, что в глобальном мире идентичность становится конструктором из «чужих» элементов. Произведение “Alien 2” продолжает эту линию, объединяя античный римский мотив Спящего Гермафродита с китайской скульптурой музыканта эпохи Западной Хань, подрывая бинарные схемы культурной классификации и утверждая пластичность идентичности как конституирующего элемента современности.

Особое место в творчестве Сюй Чжэня занимает серия “Light Source”, где художник воссоздает не оригинальные произведения, а их фотографии с эффектом вспышки, что подчеркивает опосредованный характер современного культурного обмена. «Информационный поток между Востоком и Западом действительно текуч, – отмечает художник. – Все связано через интернет» [3, р. 369]. Этот проект становится визуальной метафорой глобальной культурной сети, где оригиналы и копии, традиции и инновации переплетаются в едином потоке.

Таким образом, художественная практика Сюй Чжэня не стремится к устранению оппозиции «Восток-Запад» путем поиска универалистского синтеза. Напротив, его проекты демонстрируют, что современное искусство способно функционировать как поле критической рефлексии над самими условиями культурного производства. Ироничная симуляция, компилятивная техника и намеренная реконтекстуализация «чужих» форм позволяют художнику вскрыть механизмы формирования идентичности в постглобальном мире, где жесткие границы принадлежности размываются, а культурные знаки свободно циркулируют и переназначаются. Его произведения не предлагают рецепта примирения, но открывают пространство для культурного диалога, в котором игра с символами и формами оказывается не способом бегства от реальности, а методом ее критического осмысления.

Список используемых источников:

1. Punj R. A Conversation with Xu Zhen. Information Age // Sculpture 37. №3. April 2018. P. 26–31.
2. Ran Dian: “Xu Zhen: Eternity Vs. Evolution” at the National Gallery of Australia, Canberra [Electronic resource]. URL: <http://www.randian.art/article-xu-zhen-eternity-vs-evolution-at-the-national-gallery-of-australia-canberra/> (Accessed: 07.02.2025).
3. Bier A. Fall of the Artist Individual, Rise of the Art Corporation. On tour with Xu Zhen // ZOO MAGAZINE. 2016. №50. P. 360–369.

Playing with Cultural Codes: An Artistic Study of the East-West Binary in Xu Zhen's Artworks

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Prigarina Irina

Postgraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: irinaprigarina.sun@gmail.com

Xu Zhen explores the East-West binary in his work through strategies of cultural appropriation and hybridization. His artworks merge elements of Chinese and Western art, creating new semantic connections and reinterpreting traditional cultural codes. This study examines how the artist dismantles national identity and challenges the perception of art in the context of globalization.

Keywords: Xu Zhen, East-West binary, cultural appropriation, hybridization, national identity.

References:

1. Punj, R. (2018). A Conversation with Xu Zhen. *Information Age. Sculpture* 37, 3, 26–31.
2. Ran Dian: “Xu Zhen: Eternity Vs. Evolution” at the National Gallery of Australia, Canberra. URL: <http://www.randian.art/article-xu-zhen-eternity-vs-evolution-at-the-national-gallery-of-australia-canberra/> (Accessed: 07.02.2025).
3. Bier, A. (2016). Fall of the Artist Individual, Rise of the Art Corporation. On tour with Xu Zhen. *ZOO MAGAZINE*, 50, 360–369.

Дуальная идентичность Русской Духовной миссии в Китае: диалектика ориентализма и «самоориентализации» (разбор на примере первой половины XX века)

Пузанова С.Ю.

Исследование анализирует деятельность Русской Духовной Миссии в Китае через призму теории ориентализма Эдварда Саида, раскрывая её двойственность как носителя колониального дискурса и агента культурной гибридизации. Введённый концепт «самоориентализации» демонстрирует стратегию ассимиляции китайских элементов для легитимации, однако сохранение бинарности «Запад–Восток» (на примере Китайской Православной Церкви) подчёркивает ограниченность транскulturации. Работа расширяет рамки ориентализма, включая «полупериферийную» роль России в диалоге культур.

Ключевые слова: ориентализм, гибридизация, русская духовная миссия, транскulturация.

Деятельность Русской Духовной Миссии в Китае являлась феноменом, отражающим столкновение западных и восточных культурных парадигм. Её идентичность формировалась в условиях противоречия между стремлением сохранить канонические традиции и необходимостью адаптации к китайскому социокультурному контексту. Этот процесс осложнялся политическими переменами: после революции 1917 года миссия, лишившись поддержки Российской империи, была вынуждена перейти от миссионерской деятельности к обеспечению нужд беженцев [1, с. 25]. Данная трансформация иллюстрирует ключевую проблему оксидентализма и ориентализма – конфликт между восприятием «Запада» как носителя универсальных ценностей и необходимостью адаптации к локальной специфике.

Актуальность исследования связана с переосмыслением теории Эдварда Саида об ориентализме в контексте гибридных культурных практик. Саид, анализируя западный дискурс о Востоке, подчеркивал, что ориентализм – это не просто академическая традиция, но инструмент власти, конструирующий Восток как «Другого» через стереотипы отсталости, экзотики и подчиненности. Русская Духовная Миссия в Китае, с одной стороны, воспроизводила эти стереотипы, позиционируя христианство как высшую форму духовности, а с другой – сама стала объектом культурного конструирования. Например, переводы богослужебных текстов на китайский язык, начатые ещё в конце XIX века, сохраняли ориенталистские шаблоны: транскрипция имён (напр., «Иисус Христос» как «Yīyēsūsi Hēlīsītūōsī») подчёркивала культурную дистанцию, что соответствовало сайдовскому тезису о «текстуальной обусловленности» Востока, где язык становится барьером, а не мостом. Однако параллельно Церковь интегрировала элементы китайской иконографии, такие как изображения святых в традиционных одеждах, что демонстрировало попытку синтеза идентичностей. Этот процесс отражает ключевую проблему ориентализма: как институт, изначально воспроизводивший колониальный дискурс, трансформируется в агента гибридной идентичности.

Актуальность исследования связана с переосмыслением теории Эдварда Саида об ориентализме в контексте гибридных культурных практик. РПЦ в Китае не только воспроизводила стереотипы «западного превосходства» [2, с. 21], но и сама стала объектом культурного конструирования. Например, переводы богослужебных текстов на китайский язык, начатые ещё в конце XIX века, сохраняли ориенталистские шаблоны: транскрипция имён подчёркивала культурную дистанцию. Однако параллельно Церковь интегрировала элементы китайской иконографии, такие как изображения святых в традиционных одеждах, что демонстрировало попытку синтеза идентичностей. Тот процесс отражает ключевую проблему ориентализма: как институт, изначально воспроизводивший «колониальный» дискурс, трансформируется в агента гибридной идентичности.

Научная новизна работы заключается во введении концепта «самоориентализации» – стратегии, при которой институт добровольно ассимилирует элементы локальной культуры для легитимации своего присутствия. Анализ архивных документов Российской Духовной Миссии в Пекине показывает, что после 1917 года РПЦ сосредоточилась на поддержке русской диаспоры через создание школ, больниц и приютов, практически прекратив проповедь среди китайцев. Это привело к её маргинализации, но одновременно позволило сохранить внутреннюю автономию. Здесь проявляется диалектика саидовского ориентализма: отказ от активной миссии можно трактовать как признание невозможности преодоления культурных барьеров, сконструированных самим колониальным дискурсом. Подобная двойственность отражает суть ориентализма как системы, где даже попытки диалога остаются в рамках иерархии, установленной Западом.

Кульминацией «самоориентализации» стало создание автономной Китайской Православной Церкви в 1957 году. Однако, её структура копировала русские каноны, а богослужение на китайском языке оставалось формальностью [3, с. 139], что свидетельствует о сохранении ориенталистского подхода. Этот парадокс раскрывает ограниченность гибридизации: Русская Духовная Миссия так и не смогла преодолеть бинарность «Запад–Восток», оставшись «мостом» между мирами, который немногие решились пересечь.

Изучение Русской Духовной миссии в Китае позволяет расширить рамки теории Саида, включив в неё анализ не только западных, но и «полупериферийных» акторов, таких как Россия, чья роль в культурном, историческом, политическом диалоге остается амбивалентной.

Список используемых источников:

1. Поздняев Д. Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд-во Свято-Владимир. братства, 1998. 276 с.
2. Саид Э. Ориентализм. М: Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
3. Хмыров Д. В. Русская церковная эмиграция в Китае в историческом и политическом контексте (1917-1945) // Вестник РХГА. 2013. №14. С. 23–33.

The Dual Identity of the Russian Spiritual Mission in China: Dialectics of Orientalism and Self-Orientalization in the First Half of the 20th Century

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Puzanova Sofia

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st098252@student.spbu.ru

This report examines the dual identity of the Russian Spiritual Mission in China during the first half of the 20th century, analyzing its role as both a perpetuator of Orientalist discourse and an agent of cultural hybridity. Through the lens of Edward Said's Orientalism, the work explores the Mission's adoption of "self-orientalization" – a strategy of assimilating local elements to legitimize its presence, while retaining colonial binaries. The analysis highlights the paradoxical outcomes of transculturation, exemplified by the establishment of the Chinese Orthodox Church (1957), which mirrored Russian norms despite superficial localization. The research expands Orientalist theory by integrating Russia's "semi-peripheral" position in East-West cultural dynamics.

Keywords: orientalism, hybridization, Russian Spiritual Mission, transculturation.

References:

1. Pozdnyaev, D. (1998). *Pravoslavie v Kitae (1900–1997)* [Orthodoxy in China (1900–1997)]. Moscow: Svyato-Vladimir Brotherhood Publishing House. (in Russ.)
2. Said, E. (2021). *Orientalism* [Orientalism]. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art. (in Russ.)
3. Khmyrov, D. (2013). Russkaya tserkovnaya emigratsiya v Kitae v istoricheskom i politicheskom kontekste (1917–1945) [Russian church emigration in China in historical and political context (1917–1945)]. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 14, 23–33. (in Russ.)

Стиль «европейщина» и его место в китайской культуре

Рожкова М.Д.

Доклад посвящен исследованию стиля «европейщина» как феномена китайской культуры, возникшего в результате взаимодействия Востока и Запада. Рассматриваются ключевые пути проникновения элементов западного искусства в китайскую живопись и архитектуру, а также роль миссионеров и торговых компаний в этом процессе. Особое внимание уделяется стилевым трансформациям в росписях фарфора, формированию нового архитектурного облика и взаимодействию китайских мастеров с западными художниками.

Ключевые слова: китайская культура, западное искусство, интеграция, стиль «европейщина».

Издревле культурный взаимообмен играет ключевую роль в развитии человечества, поскольку является мощным механизмом передачи знаний, идей, технологий и ценностей между различными народами и странами. Так, формирование стиля «европейщина» является ярким примером налаживания как культурных, так и экономических связей Китая и Европы.

Рожкова Мария Дмитриевна, студент бакалавриата, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: malinoviysadd@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.Д.Рожкова

Однако проблематика связана с тем, что в отечественном Китаеведении недостаточно полно освещены и систематизированы сведения о влиянии Запада на китайскую культуру. На закате эпохи Мин (1368–1644) и в эпоху Цин (1644–1911) происходит первое активное вовлечение Китая в продолжающийся до сих пор процесс разностороннего сближения Востока и Запада. Этот период китайской истории отмечен деятельностью европейских миссионеров, ставших первопроходцами на пути масштабного включения западной культуры в культуру Китая. Джузеппе Кастильоне, известный также под псевдонимом Лан Шинин, – один из наиболее ярких представителей китайско-европейского стиля в живописи [1, с. 285].

Освоение принципов искусства Европы, вызванное расцветом международной торговли, привело к потоку стилевых изменений в традиционной китайской культуре. Начатая миссионерами деятельность по развитию контактов между Европой и Китаем была продолжена Ост-Индской компанией, которая приобрела особую значимость к XVIII веку. Большое количество фарфора, как в традиционной росписи, так и с элементами западной тематики, сосудов, адаптированных под европейский быт, транспортировалось при помощи кораблей в европейские страны. Как отмечает Э. П. Стужина, «начиная с третьего десятилетия XVIII века экспорт становится регулярным: трюм и палуба каждого корабля, покидающего Гуанчжоу, были загружены ящиками фарфора до отказа» [2, с. 218]. Производство экспортного фарфора становится одной из основополагающих причин развития стиля под названием «европейщина» [3, с. 145]. В XVIII веке данный вид керамических изделий потеснил традиционную продукцию и занял лидирующую позицию на рынке. При росписи фарфора художники начинают изображать несвойственные для китайской культуры элементы [4, с. 26]. Влияние европейского стиля прослеживается и в архитектуре. При правлении императора Цяньлуна в Пекине был возведен дворцово-парковый комплекс в западной манере в Юаньминъюане, получивший название «Китайского Версаля» [5, с. 201].

Актуальность исследования обусловлена все возрастающей потребностью пристального изучения глобализационных процессов. Учитывая тот факт, что Китай издревле позиционировал себя как Срединное государство, центр мира со своими традиционными устоями и принципами, для которого иноземные проявления были чужды, складывание европейского стиля становится настоящим феноменом. Благодаря изучению «европейщины» появляется возможность проследить первые проявления взаимовлияния китайской и европейской культур.

Цель доклада заключается в исследовании возникновения стиля «европейщина» и определении его значимости для Срединного государства. Результаты исследования позволили сделать выводы о том, что деятельность прибывших в Поднебесную миссионеров, а также представителей Ост-

Индской компании играла ключевую роль в формировании и развитии «европейского» направления искусства Китая. Цинские правители Поднебесной, а в особенности Цяньлун, предпринимали усилия для изменения искусства и создания противовеса старой системе художественных ценностей. Не последнюю роль в возникновении стиля «европейщина» сыграли личные качества западных представителей, обладавших гибким интеллектом, обаянием и высоким уровнем европейского образования. Среди каналов, через которые происходило проникновение элементов западной культуры, можно выделить книги с иллюстрациями, содержащими религиозные сюжеты, а также копии произведений французской, голландской и испанской живописи XVII–XVIII веков. Распространение происходило и за счет действующих при императорском дворе европейских художников, архитекторов и граверов. Европейское искусство оказало ощутимое влияние на стилевые трансформации в росписях фарфора и эмалей, в элементах архитектуры, во внешнем убранстве дворцов и садов, а также в предметах интерьера. Однако в период XVII–XVIII веков глубокого проникновения нового «европейского» стиля в жизнь народных масс не произошло, так как конфуцианская идеология строго регламентировала область искусства, навязывая канонизированные схемы и проповедуя антагонизм ко всему чуждому и новому.

Список используемых источников:

1. Вестфален Э. Х., Кречетова М. Н. Китайский фарфор: история развития. Л.: Коммунист, 1947. 56 с.
2. Кузьменко Л. И. Китайский фарфор XVII–XVIII веков: альбом. М.: Государственный музей Востока, 2009. 197 с.
3. Неглинская М. А. Китайский стиль цинского двора (1644–1911) и европейский предмодернизм. М.: Спутник+, 2018. 431 с.
4. Стужина Э. П. Китайское ремесло XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1970. 264 с.
5. Yang Xin, Barnhart R. M., Nie Chongzheng. Three thousand years of Chinese painting. London: Yale univ. press; Beijing: Foreign lang. press, cop., 1997. 402 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Полина Антоновна Комаровская, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета.

The “European Style” and Its Place in Chinese Culture

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Rozhkova Maria

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: malinoviysadd@mail.ru

The paper is dedicated to the study of the “European style” as a phenomenon of Chinese culture that emerged as a result of the interaction between East and West. The key pathways through which elements of Western art were introduced into Chinese painting and architecture are examined, as well as the role of missionaries and trading companies in this process. Special attention is paid to stylistic transformations in porcelain painting, the formation of a new architectural appearance, and the interaction of Chinese masters with Western artists.

Keywords: Chinese culture, western art, integration, “European Style”.

References:

1. Westfalen, E., Krechetova, M. (1947). *Kitajskij farfor: istoriya razvitiya* [Chinese porcelain: history of development]. Leningrad: Kommunist. (in Russ.)
2. Kuz'menko, L. (2009). *Kitajskij farfor XVII–XVIII vekov: Al'bom* [Chinese porcelain of the 17th–18th centuries: Album]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka. (in Russ.)
3. Neglinskaya, M. (2018). *Kitajskij stil' tsinskogo dvora (1644–1911) i evropejskij predmodernizm* [The Chinese style of the Qing court (1644–1911) and European pre-modernism]. Moscow: Sputnik+. (in Russ.)
4. Stuzhina, E. (1970). *Kitajskoe remeslo XVI–XVIII vv.* [Chinese craftsmanship of the 16th–18th centuries]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
5. Yang, X., Barnhart, R. M., Nie, C. (1997). *Three thousand years of Chinese painting*. Yale University Press; Beijing: Foreign Languages Press.

Религиозные обряды и традиции индуизма в гравюрах Бернара Пикара (1673–1733) из собрания Научной библиотеки Российской академии художеств

Серба М.А.

Доклад посвящен исследованию восприятия европейцами начала XVIII века религиозных обрядов и традиций индуизма на основе гравированных иллюстраций французского рисовальщика Бернара Пикара (1673–1733) к многотомному изданию «Религиозные обряды и обычаи всех народов мира с историческими пояснениями и некоторыми любопытными рассуждениями» (Amsterdam, 1723–1737), а именно его второй части первого тома, посвященного религиозным практикам Ост-Индии. В работе предпринимается попытка определения истоков визуальных образов индуистских богов и их адаптация под европейское понимание восточных религий.

Ключевые слова: ориентализм, индуизм, Бернар Пикар, европейская гравюра, Ост-Индия.

Серба Мария Алексеевна, студент бакалавриата, Факультет теории и истории искусств, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина
адрес для корреспонденции: serba_2003@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.А.Серба

Согласно идее Э.В. Саида, Западу для формирования своей идентичности было необходимо существование «иного», «другого», что и повлекло за собой искусственное конструирование представлений о Востоке (Orient) [1, с. 16]. Так, благодаря образовавшемуся контрасту, этот придуманный дикий восточный человек помог определить европейцам собственный образ и даже миссию – путём просветления нести, как им казалось, универсальные ценности в тот полуреальный малообразованный мир.

Начало проповеднических путешествий породило жанр миссионерских отчётов, это были не только доклады перед правительством, но и источники, описывающие культуру и быт других стран. Именно такие отчёты и легли в основу знаменитого многотомного издания «Религиозные обряды и обычаи всех народов мира с историческими пояснениями и некоторыми любопытными рассуждениями» (Амстердам, 1723–1737) [2], которое практически в полном комплекте (отсутствует лишь четвёртый том) хранится в собрании Научной библиотеки Российской академии художеств [3, с. 17–18]. Автором и текста, и гравированных изображений выступил французский рисовальщик Бернар Пикар (1673–1733), работавший в технике офорта (гравюры на меди). С начала XVIII века он активно сотрудничал с Жаном-Фредериком Бернаром (1683–1744), успешным книготорговцем и издателем, бывшим приверженцем религиозной терпимости.

Для создания настолько обширного и многогранного труда Пикар активно собирал и изучал множество мемуаров, писем и миссионерских отчётов. Если изучение религий, распространённых на Западе, не вызывало никаких затруднений, то разнообразные восточные верования стали основной проблемой для автора. Так, в основу большинства гравюр легли уже готовые голландские иллюстрации XVII века, посвящённые десяти аватарам (земным воплощениям) индуистского Бога Вишну, основанных как и на текстах пуран (дословно с санскр. «древняя былина») и древнеиндийском эпосе «Махабхарата» [4], так и на индийской миниатюре.

По выражению Линна Ханта, «религиозные обряды ...» хоть и были «книгой, изменившей Европу» [5], все же они и сами являлись продуктом фундаментальных культурных процессов запущенных в Европе после религиозных войн. Помимо своевременного внедрения в общество, уже наполненного идеями о многогранности мира и религиозной терпимости, авторы книги стали и непреднамеренными распространителями ориенталистских взглядов на верования Востока, которые мыслились сквозь призму знакомых им христианских традиций. Если идейно главы, отведённые индуизму, не воспринимались как описания ересей, то сами гравированные изображения были построены на контрасте с европейскими религиями, что как раз и создавало образ того самого «другого».

В докладе рассмотрены гравюры Бернара Пикара из «Религиозных обрядов...», посвящённые не только индуистским ритуалам и традициям, но и многочисленным божествам, и сакральному пространству. При анализе работ особое внимание было уделено проблеме ориентализма: как европейский художник XVIII века путём соприкосновения с самым сокровенным – религией осознаёт сложноустроенность мира, и как он сам создаёт образ «другого», сравнивая и сливая его со своим духовным опытом.

Художники-ориенталисты, обращавшиеся в своём творчестве к теме загадочного и экзотического Востока, в большинстве случаев не посещали мест, которым посвящали полотна, поэтому им приходилось работать с уже готовым материалом: музейными произведениями, письмами или воспоминаниями путешественников. Одним из основных источников визуальных образов для живописца были и книжные издания, отражающие культуру и быт восточного человека. Подобное исследование ориенталисткой живописи и графики XVII–XVIII веков способно расширить наши представления об европейском искусстве и последующих XVIII–XIX веков, его принципах и особенностях, а также выявить ряд важных социокультурных процессов, получивших своё развитие в этот период.

Список используемых источников:

1. Саид Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 636 с.
2. Picart B. Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde avec une explication historique, et quelques dissertations curieuses. T. 1. Part 2. Amsterdam: Jean Frédéric Bernard, 1723. 150 p.
3. Гриша Е.А. Личная коллекция книг И.И. Шувалова. СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. 160 с.
4. Angel Ph. Eine niederländische Handschrift aus dem 17. Jahrhundert über die zehn Avatāras des Viṣṇu. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2007. 291 s.
5. Hunt L. The Book That Changed Europe: Picart & Bernard's Religious Ceremonies of the World. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2010. 383 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Абинякин Владимир Александрович, преподаватель кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургской Академии художеств.

Religious Rites and Traditions of Hinduism in Engravings by Bernard Picard (1673-1733) from the Collection of the Scientific Library of the Russian Academy of Arts

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Serba Maria

Undergraduate student, Faculty of Theory and History of Arts, Saint-Petersburg
Academy of Arts

Correspondence to: serba_2003@mail.ru

The paper is devoted to the study of the early 18th century European perception of religious rites and traditions of Hinduism on the basis of engraved illustrations by the French draughtsman Bernard Picard (1673-1733) to the multi-volume edition of 'Religious Rites and Customs of All Nations of the World with Historical Explanations and Some Curious Reasonings' (Amsterdam, 1723-1737), namely the second part of the first volume, devoted to religious practices of the East Indies. The work attempts to identify the origins of the visual images of Hindu gods and to adapt them to the European understanding of Eastern religions.

Keywords: orientalism, Hinduism, Bernard Piccard, European engraving, East Indies.

References:

1. Said, E. (2006). *Orientalizm: zapadnaya kontseptsiya vostoka* [Orientalism: Western Concepts of the East]. Moscow: Russkiy mir. (in Russ.)
2. Picart, B. (1723). *Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde avec une explication historique, et quelques dissertations curieuses*. Amsterdam: Jean Frédéric Bernard.
3. Grisha, E. (2022). *Lichnaya kollektsiya knig I.I. Shuvalova* [Personal collection of books of I.I. Shuvalov]. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. (in Russ.)
4. Angel, Ph. (2007). *Eine niederländische Handschrift aus dem 17. Jahrhundert über die zehn Avatāras des Viṣṇu*. Verlag der Franckeschen Stiftungen.
5. Hunt, L. (2010). *The Book That Changed Europe: Picart & Bernard's Religious Ceremonies of the World*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

Перцепция западной мифологии в современной массовой культуре Восточной Азии

Шемонаев Е.А.

В докладе анализируется восприятие и трансформация западной мифологии в современной массовой культуре Восточной Азии с философской и культурологической точек зрения. Исследование выявляет механизмы культурной гибридизации, демонстрируя, как западные мифологические образы адаптируются и переосмысливаются в локальных контекстах, способствуя формированию новых культурных особенностей. Работа подчеркивает роль мифа как универсального инструмента культурного обмена в условиях глобализации.

Ключевые слова: мифология, нарратив, синкретизм, трансформация.

Настоящее исследование посвящено анализу перцепции, заимствованию элементов западной мифологии в современной массовой культуре стран Восточной Азии, прежде всего Японии и Китае, а также их трансформаций. Предметом выступает жанр фэнтези, функционирующий как репрезентативный и транснациональный компонент между различными культурами

Шемонаев Егор Александрович, Институт философии человека,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
адрес для корреспонденции: egorshemonaev@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.А.Шемонаев

Основная цель работы – определить, каким образом западные мифологемы (например, толкиновские архетипы и сюжеты, греко-римские образы) трансформируются и адаптируются в восточноазиатском контексте с опорой на локальные философско-религиозные традиции (синтоизм, конфуцианство, даосизм, буддизм). В контексте данного исследования также представляется необходимым затронуть несколько вопросов: какие особенные функции есть в восточноазиатском фэнтези в отличие от западноевропейского, какова аксиологическая логика интеграции западных мифов в восточные формы массовой культуры.

Исследование опирается на концепты оксидентализма, где западная мифология рассматривается с восточноазиатской точки зрения, как экзотическая и реконструированная. В то же время постколониальный подход позволяет рассматривать культуру массового фэнтези как функциональный набор инструментов сохранения национальной идентичности и продвижения непосредственно национальной культуры [1].

Китайское фэнтези («*xianxia*» и «*wuxia*») демонстрирует критическое отношение к западной рациональности, противопоставляя ей традиционные воззрения. Главным образом, это происходит из специфики отношения к мифологическому. Если в Европе имело место сакрализация культурных героев и исторических персонажей, то в Азии процесс был иным: божества местных культов становились культурными героями, а потом и почитаемыми историческими персонажами [2]. Таким образом, в восточноазиатской культуре нет разрыва между фольклорно-мифологической традицией и современностью и отношение у данных народов к «магическому» отличается от западного рационального.

Глокализация позволяет интерпретировать механизм слияния глобальных культурных шаблонов (например, разработанной системы скандинавской мифологии) с локальными мифологически-фольклорными системами. Японский медиапродукт демонстрирует высокую степень локализации западных сюжетов.

Современная Япония сочетает гипертрадицию (традиционные синтоистские и буддистские воззрения) и технологическое развитие (цифровые технологии, киберпанк, неомифология). Официальная культурная политика «Cool Japan» направлена на экспорт японского символического капитала через массовую культуру, включая аниме, мангу и видеоигры [3]. Однако такая стратегия нередко сталкивается с критикой из-за клишированной образов и поверхностного отношения к фундаментальным основам конкретно японской культуры.

По Дж. Р. Р. Толкину, фэнтези выполняет функции утешения и эскапизма. Восточноазиатский жанр фэнтези меняет эти принципы. В даосском контексте миф работает как метафора баланса (инь-ян), а не дуализма добра и зла. Конфуцианство подчеркивает заложенную в традицию стран данного региона

долг, иерархию и коллективную ответственность. Буддизм приносит концепции кармы и реинкарнации как непрерывного поиска освобождения [4]. Синтоизм в свою очередь сакрализует природу и размывает границу сверхъестественного и обыденного.

Например, в манге «Берсерк» Кэнтаро Миуры прослеживается прямое влияние европейского средневековья, христианской символики и скандинавских мифов. Главный герой, Гатс, напоминает архетипического воина из европейского эпоса, однако его путь наполнен нарративами, близкими японской культуре: неоднозначность добра и зла, отсутствие богатворца, размытие грани реального и магического [2]. В серии аниме «Fate» персонажи, основанные на ключевых для Европы исторических и мифологических персонажах (как, например, Гильгамеш и Жанна д'Арк) действуют в контексте, где восточное понимание судьбы и кармы играют ключевую роль.

В данном контексте интересен жанр «isekai» (в переводе с яп. – «попадание в другой мир»). Он использует европейские мифологические сюжеты и образы как сцену для обсуждения непосредственно японских ценностей: трудолюбия, уважения к иерархии, технологического прогресса. С другой стороны, жанр фэнтези становится возможностью для обсуждения острых социокультурных проблем: социальной несправедливости, неустроенности молодежи в современном рынке, общественный буллинг и затворничество.

Таким образом, постепенно формируются синкретичные образы и сюжеты, в которых западные архетипы встраиваются в восточноазиатские культурные модели. Проблема культурного заимствования остается острой: где проходит грань между творческой адаптацией и культурной апроприацией? В заключение следует отметить, что мифология классического западного фэнтези не разрушается, но переосмысливается в медиасреде Восточной Азии: как эстетическая форма, как философская проблема и как нарративный инструмент. Жанр фэнтези становится пространством межкультурного диалога, где локальное и глобальное трансформируются и вступают в напряженное, но продуктивное взаимодействие.

Список используемых источников:

1. Духовная культура Китая: энциклопедия / Б. Л. Рифтин. Том 2. М.: Восточная литература, 2007. 869 с.
2. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2025. 352 с.
3. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Издательство Русский мир, 2006. 640 с.
4. McGray D. Japan's Gross National Cool // Foreign Policy. 2002. №130. p. 44.

Perception of Western Mythology in Contemporary East Asian Popular Culture

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Shemonaev Egor

Master's student, Institute of Human Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia

Correspondence to: egorshemonaev@yandex.ru

The report analyzes the perception and transformation of Western mythology in modern mass culture of East Asia from philosophical and cultural points of view. The study reveals the mechanisms of cultural hybridization, demonstrating how Western mythological images are adapted and reinterpreted in local contexts, contributing to the formation of new cultural characteristics. The work emphasizes the role of myth as a universal tool for cultural exchange in the context of globalization.

Keywords: mythology, narrative, syncretism, transformation.

References:

1. Riftin, B. (Ed.). (2007). *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia] Vol. 2. Moscow: Vostochnaia literatura. (in Russ.)
2. Campbell, J. (2018). *Tsyachelikiy geroi* [The Hero with a Thousand Faces]. Saint Petersburg: Piter. (in Russ.)
3. Said, E. (2006). *Orientalizm: zapadnaya kontsepsiya vostoka* [Orientalism: Western Concepts of the East]. Moscow: Russkiy mir. (in Russ.)
4. McGray, D. (2002). Japan's gross national cool. *Foreign policy*, (130), 44.

Западное влияние на китайский фарфор в Республиканский период (1912–1949)

Юе Г.

Республиканский период (1912-1949 гг.) был бурным и важным временем в истории Китая, периодом, когда китайский фарфор претерпел значительные изменения, унаследовав традиционное мастерство и подвергшись влиянию западной культуры. В настоящей статье ставится задача изучить влияние Запада на китайский фарфор и то, как это влияние способствовало двойной трансформации декоративного мастерства китайского фарфора.

Ключевые слова: республиканский период, китайский фарфор, западное влияние, модернизация, культурный обмен.

В республиканский период (1912-1949 гг.) китайское общество пережило радикальные политические изменения и культурные потрясения. Западные механические технологии и художественные стили проникали в Китай по различным каналам, что привело к изменениям в традиционном китайском процессе производства фарфора. Хотя эти изменения способствовали повышению эффективности, они также вызвали озабоченность по поводу

Юе Гуйтин, аспирант, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: yueguiting@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Г.Юе

сохранения традиционных методов. Несмотря на многочисленные проблемы, с которыми столкнулась китайская фарфоровая промышленность в республиканский период, многие традиционные навыки и технологии были сохранены и переданы последующим поколениям.

Республиканский период стал важным этапом социальных преобразований в Китае, и приток западной культуры оказал глубокое влияние на традиционную китайскую керамику. С точки зрения декоративного искусства, западные техники росписи и концепции дизайна были внедрены в декорирование фарфора, что сделало его более разнообразным и сложным. Именно в этот период появились такие инновационные виды, как цзиндэчжэньский фарфор «цяньцзян цай» (浅绛彩) и «синьфэньцай» (新粉彩), также известный как новый пастельный фарфор. Благодаря уникальной технологии низкотемпературной глазури и стилю росписи, основанному преимущественно на живописи интеллектуалов-литераторов (вэньжэньхуа, 文人画), фарфор «цяньцзян цай» успешно сочетал сдержанное настроение традиционной живописи литераторов и декоративность фарфорового искусства, что стало важной инновацией в методах декорирования фарфора [3, с. 41]. «Синьфэньцай» – важное новшество в фарфоровом искусстве республиканского периода, основанное на традиционной пастели (фэньцай, 粉彩) и представляющее собой ее художественное и техническое развитие и усовершенствование. Он не только сохраняет традиционные характеристики пастельного фарфора, но и включает в себя современные художественные элементы, отражая саму инновацию и развитие фарфорового искусства в республиканский период с точки зрения соотношения традиций и современности [1, с. 42].

Западная эстетика также побудила китайских художников-керамистов к более свободному и индивидуальному самовыражению в своих работах. Это изменение отразилось не только в форме изделий, но и в выборе цветов и тем. Китайская фарфоровая живопись с изображениями модных женщин является зародившейся в этом контексте художественной формой; в ней западные техники росписи и традиционные китайские сюжеты соединяются, образуя уникальный художественный стиль.

Хотя республиканский период некоторые ученые называют периодом «упадка», на самом деле это был период расцвета китайского керамического искусства [2, с. 1]. В этот период фарфоровая промышленность в Цзиндэчжэне была модернизирована и реформирована, что не только повысило эффективность производства, но и способствовало инновациям в керамическом искусстве.

В технологическом плане художники-керамисты республиканского периода пытались объединить западные механические технологии производства с традиционными ручными ремеслами, что позволило достичь прорыва

в мастерстве. Сине-белый фарфор (цинхуа, 青花) получил дальнейшее развитие в республиканский период, отличаясь большим разнообразием видов декора.

Республиканский период стал важным этапом в культурном обмене между Китаем и Западом. Благодаря экспорту фарфора, китайский фарфор не только распространился в европейских странах, но и оказал обратное влияние на их местную культуру. В процессе освоения инокультурных элементов в декоре фарфора постепенно сформировался художественный стиль, объединяющий китайскую и западную культуры. Этот культурный обмен не только обогатил коннотации китайского фарфора, но и способствовал взаимопониманию и интеграции китайской и западной культур [3, с. 146].

Влияние Запада на китайский фарфор в республиканский период позволяет извлечь ценные уроки для развития современного керамического искусства. Оно демонстрирует важность открытого и толерантного отношения к культуре для художественных инноваций, подчеркивает ключевую роль межкультурного обмена в развитии искусства и указывает на необходимость поиска баланса между сохранением уникальности национальной культуры и освоением сущности иностранных культур в условиях глобализации.

Республиканский период стал важным поворотным пунктом в развитии китайского керамического искусства. Влияние Запада на китайский фарфор в этот период было многогранным, охватывая эстетические концепции, стили дизайна и культурные обмены. Импорт западной культуры не только принес новые концепции дизайна и технические средства, но и вдохновил творчество китайских художников-керамистов. Благодаря усвоению западных эстетических концепций и технических методов, китайское керамическое искусство в период Китайской Республики достигло самообновления и развития, сформировав уникальный художественный стиль.

Хотя китайское керамическое искусство в республиканский период столкнулось с множеством проблем, именно эти проблемы побудили художников к непрерывным поискам и новаторству. Таким образом, китайское керамическое искусство республиканского периода – это не только важная глава в истории китайской керамики, но и важное свидетельство культурного обмена между Китаем и Западом.

Список используемых источников:

1. Чэнь Ханьюй. Двойная трансформация – наследование и инновации ремесла декорирования фарфора Китайской Республики // Кит. керамическая промышленность. 2024. Т. 31, № 5. С. 39–46.
2. Ван Юй. Исследование росписи фарфора светлыми вермильоновыми красками и новыми пастельными красками в Цзиндэчжэне, Китайская Республика: дис. канд. искусствоведения: 17.00.04 / Ю. Ван; Харбинский педагогический ун-т. Харбин, 2019. 215 с.

3. Чистякова Э.Э. Влияние восточной эстетики на европейскую художественную культуру XVIII-XX вв. // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга / Рос. акад. наук, Ин-т вост. Рукописей. СПб.: Изд-во А. Голода, 2011. С. 143–154.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Николаева Жанна Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии СПбГУ.

Western Influence on Chinese Porcelain During the Republican Period (1912-1949)

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Yue Guiting

Postgraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: yueguiting@gmail.com

The Republican period (1912-1949) was a tumultuous and important time in Chinese history, a period in which Chinese porcelain underwent remarkable changes based on the inheritance of traditional craftsmanship and the influence of Western culture. The aim of this paper is to explore the Western influence on Chinese porcelain and how this influence contributed to the dual transformation of the decorative craftsmanship of Chinese porcelain.

Keywords: republican period, Chinese porcelain, Western influence, modernisation, cultural exchange.

References:

1. Chen, H. (2024). Dvoynaya transformatsiya – nasledovanie i innovatsii remesla dekoririvaniya farfora Kitayskoy Respubliki [Dual transformation: Inheritance and innovation in the craft of porcelain decoration in the Republic of China]. *Kitayskaya keramicheskaya promyshlennost* [Chinese Ceramic Industry], 31(5), 39–46. (in Chin.)
2. Wang, Y. (2019). Issledovanie rospisi farfora svetlymi vermilionovymi kraskami i novymi pastelnyimi kraskami v Tszindechzhene, Kitayskaya Respublika [Research on porcelain painting with light vermilion and new pastel paints in Jingdezhen, Republic of China] (Publication No. 10.27064/d.cnki.ghasu.2019.000003) [Doctoral

- dissertation, Harbin Pedagogical University]. Institutional Repository of Harbin Pedagogical University. (in Chin.)
3. Chistyakova, E. E. (2011). Vliyanie vostochnoy estetiki na evropeyskuyu khudozhestvennuyu kulturu XVIII-XX vv [The influence of Eastern aesthetics on European art culture of the 18th–20th centuries]. *Chetvertye vostokovednye chteniya pamyati O. O. Rozenberga: Sbornik докладов i statey* [The fourth Oriental studies readings in memory of O. O. Rosenberg: Proceedings and articles], 143–154. A. Golod Publishing House. (in Russ.)

Политика «русского стиля» в ювелирном искусстве XIX века

Борзова Е.В.

Возникший как часть общеевропейского стиля «историзм» в декоративно-прикладном искусстве, к середине XIX века «русский стиль» совпадает с тенденцией государственной политики по отстаиванию национальной самобытности страны. В 1880-е годы ювелирное искусство превращается в один из инструментов воздействия на разные слои населения.

Ключевые слова: Русский стиль, ювелирное искусство, теория официальной народности, пропаганда.

В истории ювелирной отрасли существует несколько этапов, существенно повлиявших на ее дальнейшее развитие. Один из них – первая треть XIX века. В докладе рассматривается проблема соотношения искусства и политики; анализируется их взаимовлияние. На примере столового серебра удастся доказать, как стиль произведений становится одним из инструментов пропаганды.

В Европе стиль ампира постепенно уступает место обращению к культурному наследию прошлого. Стилистически данный период

Борзова Екатерина Викторовна, молодой научный сотрудник, Научно-фондовый отдел, ГМЗ «Царское Село»

адрес для корреспонденции: art.press@bk.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Е.В.Борзова

характеризуется эклектичностью композиций. Отечественные производители в качестве источника вдохновения выбирают искусство допетровской Руси.

Помимо художественной независимости это обстоятельство во многом обусловлено государственной политикой. Николай I, понимая экономическое отставание страны от западных конкурентов, объявил курс на модернизацию и стимулирование внутреннего рынка. Это позволило многим мастерам-одиночкам открыть фабрики и выполнять крупные заказы. Изначально крестьянские образы, древнерусские узоры и отжившие формы изделий являлись способом демонстрации таланта ювелиров, но вскоре они были подхвачены славянофилами-консерваторами. Оценивая изделия словами «Это русское! Это наше родное!» [1, с. 12], они искусственно причисляли предметы к руслу патриотической пропаганды. Их речи стали особо востребованы к 1851 году, времени проведения Первой Всемирной Выставки в Лондоне. В условиях обострения конфликта на Востоке и усиления антироссийских настроений среди руководства европейских держав, было важно показать самобытность культуры и ее независимость от иностранного влияния. Главным ювелирным предметом стала ваза «Дмитрий Донской на Куликовом поле» фабрики «Сазиков», прославляющая единство страны. Тем не менее, иностранная публика оценивала в первую очередь именно художественные достоинства работ, а отечественная знать по-прежнему отдавала предпочтение зарубежным ювелирам.

Изменения наступают лишь в 1860-е годы. Великие реформы, воспринятые публикой как символ либеральных перемен, способствовали искреннему патриотическому подъему. Чернильные приборы «Овчинникова», канделябры «Сазикова», сервизы «Губкина» пользовались неизменным спросом и символизировали «успех в развитии стиля национального» [2, с. 3]. Именно этот период времени можно считать наивысшим расцветом отечественных ювелиров. Александр III, придерживающийся традиционалистических взглядов, пытался способствовать дальнейшему развитию и укреплению "русского вкуса" в культуре. Но, несмотря на меры государственной поддержки [3, с. 377], данное направление постепенно теряет популярность и все чаще подвергается критике. Фирмы продолжают работать в освоенных ими границах без попыток использовать новые образы или технологии.

«Русский стиль» с художественной точки зрения оказывается замкнутой системой, не способной к развитию, что недопустимо в условиях открытого рынка. Выбор покупателей все чаще склоняется в пользу легких, оригинальных форм американских фабрик, нежели монументальных натуралистических отечественных аналогов. К концу столетия попытки административного регулирования эстетики в ювелирной отрасли постепенно прекращаются, а определяющим фактором становится вкус самого мастера.

Таким образом, на примере анализа золотосеребряного дела в России XIX века можно наблюдать крах стремлений государства регулировать искусство.

Список используемых источников:

1. Глинка С. Н. Мысли по случаю выставки в Москве изделий русской отечественной промышленности. М.: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1831. 21 с.
2. Московские ведомости. 1867. 4 авг., № 170. М.
3. Юдин М. О. Русский стиль в изделиях фирмы Овчинникова, представленных на художественно-промышленных выставках 1860–80-х годов // Искусствознание. 2013. №1–2. С. 358–383.

The Politics of “Russian Style” in Jewelry Art of the 19th Century

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Borzova Ekaterina

Young teacher, Scientific department, State Museum-Reserve "Tsarskoe Selo"

Correspondence to: art.press@bk.ru

Having emerged as a part of the pan-european style of “historicism” in decorative and applied arts, by the middle of the 19th century the “Russian style” coincided with the trend of state policy to uphold the national identity of the country. In the 1880s, jewelry became one of the tools for influencing different segments of the population.

Keywords: Russian style, jewelry art, theory of official nationality, outreach.

References:

1. Glinka, S. (1831). *Mysli po sluchayu vystavki v Moskve izdelij russkoj otechestvennoj promyshlennosti* [Thoughts at the exhibition in Moscow of products of Russian domestic industry]. Moscow: Tipografiya Lazarevyh instituta vostochnyh yazykov. (in Russ.)
2. *Moskovskie vedomosti*. (1867, August 4). No. 170. [Moscow Gazette]. Moscow. (in Russ.)
3. Yudin, M. (2013). Russkij stil' v izdeliyah firmy Ovchinnikova, predstavlenykh na hudozhestvenno-promyshlennykh vystavkakh 1860–80-h godov [Russian style in products of the Ovchinnikov company, presented at art and industrial exhibitions of the 1860–80s]. *Iskusstvoznaniye*, 1/2, 358–383. (in Russ.)

Реверсивная герменевтика: когда диалог невозможен

Володинская А.И.

В докладе предпринимается попытка осмысления методологии реверсивной герменевтики в качестве способа культурного взаимодействия. На примере русской мысли автор рассматривает механизмы взаимовлияния философских идей в процессе формирования единого культурного пространства. Таким образом, согласно подходу реверсивной герменевтики, философская идея, в том числе национальная, конструируется путем совместного творческого процесса между автором и создателями последующих интерпретаций и дополнений.

Ключевые слова: герменевтика, русская идея, культурный диалог, “другой”.

На сегодняшний день диалог, как способ культурного взаимодействия, является методологически устаревшим [1, с. 10]. Опираясь на способы инкорпорации и конституирования извне (constituted outside), интеллектуальная коммуникация характеризуется транзитивностью и потому требует пересмотра внутренних механизмов. Одним из следствий культурного

Володинская Ангелина Игоревна, студент бакалавриата, Школа социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

адрес для корреспонденции: Aivolodinskaya@edu.hse.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.И.Володинская

диалога, как метода, становится особое «маргинальное» положение русской мысли, а также процесс ее перцепции и последующей адаптации западными интеллектуалами. Таким образом, цель данного доклада состоит в поиске такого способа интеллектуального взаимодействия, который был позволил выйти за рамки «черно-белой» логики и отказаться от практики антагонизации Другому.

Реверсивная герменевтика, в качестве историко-философской методологической рамки, предполагает запечатление во времени неизбежного столкновения идей и в результате – возникновения нового философского концепта. Таким образом, реконструкция философской мысли в другом культурном контексте приводит к возникновению новых дискурсов, дополняющих или изменяющих первоначальное значение идеи через призму настоящего момента. Методически реверсивное движение основывается на подходе рецептивного перепрочтения [1, с. 13]. Так, при анализе текста или философской традиции исследователь не только преследует цель установить контекст и преодолеть временную дистанцию, но также стремится идентифицировать “свое” в Другом. Таким образом, путем актуализации знания в новом, постороннем пространстве происходит зарождение и конструирование иной философской идеи. Иными словами, представляя собой самоидентификацию через Другого – в контексте Другого, методология реверсивного движения направлена на выявление единой логики культурного развития.

Как отмечал Х.-Г. Гадамер, процедурно философская герменевтика не подразумевает отказа от субъективности в пользу слияния с чужим “Я” [2]. Напротив, понимание, как цель интерпретатора, возможно именно в момент сопоставления чужого опыта с собственным, при условии сохранения дистанции между толкователем и текстом.

Примером герменевтического подхода в культурном взаимодействии может служить концептуализация русской мысли. Обращаясь к русской идее, Владимир Сергеевич Соловьев сформулировал понятие всеединства – взаимосвязанности научного, философского и религиозного мышления [3]. В дальнейшем, С.М. Климова и М.А. Майданский отмечали, что особенность русской идеи заключена в ее онтологическом пограничном расположении [1, с. 8]. Вопрос о специфике русской мысли также затрагивали такие историки философии как В.В. Зеньковский и А.Ф. Лосев. При описании русской философии Василий Васильевич Зеньковский отмечал, с одной стороны, влияние многих западноевропейских философов, например, Лейбница, Фихте и Шеллинга, с другой – особую природу усвоения и переосмысления европейских концепций русскими авторами в собственном культурном пространстве [4]. Алексей Федорович Лосев, в свою очередь, в работах по античной эстетике [5] и диалектике [6] обозначал сходства между русской и античной философией, отмечая что традиции последней во многом стали

объектом рефлексии и вместе с тем фундаментом русской мысли. В дополнение, на примерах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого возможно отследить, как в процессе восприятия и усвоения отдельных идей в другом культурном пространстве, те приобретают новые философские характеристики [1, с. 9]. Таким образом, философская идея оказывается результатом взаимного творческого процесса между автором и последующими интерпретаторами.

Подводя итог, в условиях противостояния гегемонных дискурсов практика реверсивной герменевтики способствует не только переосмыслению некоторых философских идей с ощущением причастности к ним, но и в целом выходу за рамки системы противостояния “своих” и “чужих”. Так, именно осознание сопричастности позволяет уйти от вменения исключяющей коллективной ответственности в пользу поиска собственных ошибок и участия в деконструировании реальности.

Список используемых источников:

1. Климова С. М., Майданский М. А. Реверсивность идей в философии: в поисках новой герменевтики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №3(113). С. 6-14.
2. Gadamer H.-G. Truth and method. New York: Continuum. Edited by Joel Weinsheimer & Donald G. Marshall. 1989. 637 p.
3. Соловьев, В. С. Оправдание добра: Нравств. философия. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1897. XXXII, 681 с.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М: Высшая шк., 1963. 624 с.
6. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М, 1927; Мюнхен. с. 96.

Reverse Hermeneutics: When Dialogue Is Impossible

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Volodinskaia Angelina

Undergraduate student, School of Social Sciences and Oriental Studies, National Research University Higher School of Economics
Correspondence to: Aivolodinskaya@edu.hse.ru

This work attempts to reflect the methodology of reverse hermeneutics as a way of cultural interaction. Using the example of Russian thought, the author examines

the mechanisms of mutual influence of philosophical ideas in the process of forming a single cultural space. Thus, according to the approach of reverse hermeneutics, a philosophical idea, including a national one, is constructed through a joint creative process between the author and the creators of subsequent interpretations and additions.

Keywords: hermeneutics, Russian idea, cultural dialogue, "the other".

References:

1. Klimova, S. & Maidansky, M. (2023). Reversivnost' idei v filosofii: v poiskakh novoi germenevtiki [Reversibility of ideas in philosophy: In search of a new hermeneutics]. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 3(113), 6-14. (in Russ.)
2. Gadamer, H. (1989). *Truth and method*. New York: Continuum. J. Weinsheimer & D. G. Marshall, Eds.
3. Solovyov, V. (1897). *Opravdanie dobra: Nравств. filosofiya* [Justification of the good: Moral philosophy]. Moscow: Tip. M. Stasyulevicha. (in Russ.)
4. Zenkovsky, V. (2001). *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Raritet. (in Russ.)
5. Losev, A. (1963). *Istoriya antichnoi estetiki (rannyaya klassika)* [History of ancient aesthetics (early classical period)]. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ.)
6. Losev, A. (1927). *Dialektika khudozhestvennoi formy* [Dialectics of artistic form]. Munich. (in Russ.)

Отражение культурного кода: философия русской души в фильмах Петра Луцика

Вольская Н.А.

В данной работе исследуется влияние философии русской души на кинематограф периода перестройки, с акцентом на творчество режиссёра Петра Луцика. Его фильмы, такие как «Окраина» и «Дюба-дюба», отражают социальные реалии 1990-х годов, поднимая темы борьбы, утраты индивидуальности и внутреннего конфликта. Луцик создает произведения, которые служат зеркалом для зрителей, побуждая их задуматься о собственном месте в изменяющемся обществе.

Ключевые слова: нуар, кинематограф, Петр Луцик, культурный код.

Философия русской души – это не просто догмат, а глубокая концепция, которая тесно переплетена с культурой народа. Важно отметить, что на протяжении истории наше государство подвергалось значительному влиянию как внешних, так и внутренних конфликтов, что кардинально изменило отношение обывателя к различным формам искусства. Кинематограф, как один из важнейших культурных составляющих, не стал исключением. Падение занавеса, символизировавшее конец эпохи жесткой

Вольская Николь Александровна, студент бакалавриата, Институт искусств,
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
адрес для корреспонденции: nikolantonova803@gmail.com
Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Н.А.Вольская

цензуры, открыло новые горизонты для отечественных режиссёров. Теперь их творческая свобода значительно возросла, и они могли создавать фильмы, которые не были бы ограничены рамками подпольных организаций, как это было ранее. Это дало возможность выйти на «мировую арену», так как интерес к «русскому» кино значительно возрос, и зрители стали более открытыми к новым темам и сюжетам [1 с. 24].

Если раньше тематика фильмов определялась управляющими органами, то теперь режиссёры получили возможность говорить о «наболевшем», выражая мысли и чувства народа. Одним из самых ярких представителей «перестроечного кино» стал Петр Луцик – известный отечественный режиссёр и сценарист, который создал множество работ, отражающих культурный код русского человека. Несмотря на то, что популярность классического нуара в кино снизилась, социальные проблемы 90-х вдохнули новую жизнь в это направление, предоставив новые варианты интерпретаций.

Фильмы Луцика, такие как «Окраина» и «Дюба-дюба», представляют собой не только художественные произведения, но и социальные комментарии, отражающие реалии времени. Фильм «Окраина» можно рассматривать как ода раннему традиционному советскому кино с его агитационными сюжетами о межклассовой борьбе, в то время как «Дюба-дюба» представляет собой классическое «перестроечное» кино, в котором главный герой сталкивается с противостоянием общества и всего мира. Сценарии этих фильмов были написаны в 1990–е годы, когда социальное неравенство и беспредел нового правительства достигли своего пика. Отсутствие государственной защиты и исчезновение социальных гарантий резко усилили контраст между богатыми и бедными, что стало основой для выражения негодования обывателя по отношению к невообразимому капитализму и его представителям.

В новой предложенной системе человек теряет свою индивидуальность, становясь, по сути, неотличимым от животного, чья главная цель – удовлетворение инстинктов ценой собственного существования. Надежда на мирную революцию представляется призрачной, так как большинство людей удовлетворено существующим порядком. Современные мечты сосредоточены на потреблении, а не на созидании, что делает любое сопротивление системе почти невозможным. Человек превращается в функцию, теряя свободу.

Обычный русский человек оказывается в состоянии постоянной борьбы – с властью, с войной, с сверстниками, с эпатажной любовью и с отсутствием справедливости во всех аспектах жизни. В «Окраине» борьба главных героев – мужиков-богатырей – за свободу и за «свою» территорию, а в «Дюба-дюба» главный герой-студент сражается за свои чувства и за ту же свободу. Луцик не романизирует своих героев и не создает иллюзий о том, что они могут изменить свою судьбу. По всей видимости, они все обречены – родились не в то время и не в том месте. Холодными мазками режиссёр рисует гнетущую

атмосферу перестроечного быта, где царят разруха, война, голод и «маленькие люди» в пиджаках – символы 1990–х [2, с. 46].

В этом контексте важно подчеркнуть, что фильмы Луцика не только отражают социальные реалии, но и служат зеркалом для самих зрителей, заставляя их задуматься о собственном месте в этом хаосе. Они вызывают глубокие эмоции, побуждая зрителей сопереживать героям, которые, несмотря на все трудности, продолжают искать смысл жизни. Таким образом, кинематограф становится не просто развлекательным искусством, а важным инструментом для осмысления и анализа сложных процессов, происходящих в обществе, и служит катализатором для обсуждения актуальных проблем, с которыми сталкивается каждый человек.

Список используемых источников:

1. Зайцева Л. А. Российский кинематограф 90-х. М.: ВГИК, 2018. 230 с.
2. Малиукова Л. 90-е. Кино, которое мы потеряли. М.: Зебра Е, 2007. 272 с.

Reflections of a Cultural Code: The Philosophy of the Russian Soul in the Films of Petr Lutsik

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Volskaya Nikol

Undergraduate student, Institute of Art, The Kosygin State University of Russia
Correspondence to: nikolantonova803@gmail.com

This work examines the influence of the philosophy of the Russian soul on the cinema of the Perestroika period, with an emphasis on the work of director Peter Lutsik. His films such as "The Outskirts" and "Duba Duba" reflect the social realities of the 1990s, raising themes of struggle, loss of identity and internal conflict. Lutsik creates works that serve as a mirror for viewers, encouraging them to reflect on their own place in a changing society.

Keywords: noir, cinema, Petr Lutsik, cultural code.

References:

1. Zaitseva, L. (2018). *Rossiiskii kinematograf 90–kh v poiskakh zritelya* [Russian cinema of the 90s in search of an audience]. Moscow: VGIK. (in Russ.)
2. Maliukova, L. (2007). *90–е. Kino, kotoroe my poteriali* [The 90s. The cinema we lost]. Moscow: Zebra E. (in Russ.)

Дискурс Российского этнографического музея: идентичность, история, традиция

Головенко З.В.

Данное исследование сосредоточено на изучении дискурсивных практик в Российском этнографическом музее, сопоставляя посетительские представления, собранные в ходе полевого исследования методом включенного наблюдения и полу-структурированных интервью, и медиумы музейной деятельности. В результатах приведены стратегии посетительского восприятия музейного пространства.

Ключевые слова: visitor studies, музейная антропология, Российский этнографический музей, дискурс традиции, коллективная память.

Музей, соединяющий в себе исследовательский проект и образовательную деятельность, открыт для широкого круга посетителей, вызывая исследовательский интерес в разных дисциплинах. Понимание музейного посетителя как активного участника производства смыслов открывает антропологическую перспективу музейных исследований [2].

Спецификой работы этнографического музея традиционно считается сохранение предметов прошлого. Этнографический музей становится местом

Головенко Зинаида Вадимовна, студент бакалавриата, Факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: zinacannel@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© З.В.Головенко

рефлексии, обращая внимание на вещи, значение которых в повседневности затерто, самоочевидно, нивелировано. В Новой музеологии музейные репрезентации осмысляются не через историю, а через память. Авторитет музея как владельца прошлого непосредственно связан с пониманием музея как творца коллективной памяти. В XX веке мандат музея на историческую истинность подвергается сомнению, проводится различие между исторической и культурной памятью. Культурная память, основанная на символических средствах, а не буквальных нарративах экспозиции, воспроизводится посетителями, становясь смежной с дискурсом идентичности [3, с. 55].

В процессе коммуникации с посетителем музей выступает пространством обоюдной интерпретации, что в данном исследовании фиксируется как дискурсивный конфликт столкновения музейного и посетительского дискурса. Так, исследование посетителей было конституировано двумя специфическими событиями: Школа музейной медиации и выставка Культура движения. Принято говорить о РЭМе как классическом музее, но, возможно, данный проект, в том числе внесший в музейную деятельность новую практику – медиации, это начало трансформации. Культура движения – выставка, задуманная как проект о современной двигательной активности, сочетала не только современные формы экспонирования – медиат, аудио сопровождение, экспонаты, которые можно трогать, но и современный экспозиционный ряд (в конфигурации с классическим собранием Этнографического музея, что безусловно в таком виде транслирует вполне строгий нарратив преемственности, артикулированный куратором Георгием Никичем), собранный антропологами в Санкт-Петербурге, в Республике Дагестан (город Избербаш), в Республике Коми (село Ижма).

Музей как машина интерпретаций создает их в формате коммуникации с посетителем. В этом смысле, экскурсовод олицетворяет музей, говорит за него, но, конечно, дискурсивные практики музея не ограничиваются экскурсиями. Помимо рассмотренных виртуальных ресурсов музея (группа ВКонтакте, Телеграм-канал, сайт), музей предлагает различные способы передачи информации. В то же время посетители обращаются к музею в различных формах: вопросы к сотрудникам, книги отзывов, комментарии в социальных сетях и на картах в интернете. Как сосуществуют и где сталкиваются музей и посетительские представления, и какое место для посетителей РЭМа в музейном дискурсе занимает дискурс традиционной культуры – ключевой вопрос данного исследования. В этом контексте производство, восприятие и воспроизводство сложно различимые когнитивно-дискурсивные стратегии, так как в данном исследовании ключевым методом выступает дискурс-анализ, в первую очередь будут анализироваться высказывания информантов, а не когнитивные аспекты восприятия информации музея.

Дискурс-анализ – основной метод в социально-конструктивистских исследованиях, предлагающий критический подход к самоочевидному знанию, и как следствие понимание знания через его производство и поддержание социальными процессами. Таким образом, содержание и структура дискурсов создает символическую реальность. Под дискурсом понимается и совокупность письменных и устных текстов, производимых в различных дискурсивных практиках [1, с. 123]. В рамках этнографического подхода методом включенного наблюдения описано взаимодействие посетителей с музейным пространством. Осуществлялось ведение полевых записей и дневника наблюдения с 13.09.2024. Для сбора данных у посетителей использовался метод полу-структурированного интервью, а в качестве основного метода анализа использовался критический дискурс-анализ Нормана Фэркло. В результатах исследования рассмотрены посетительские стратегии восприятия музейной экспозиции с представлением цитатного ряда.

Список используемых источников:

1. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. 123 p.
2. Гринько И. А. Новое музейное мышление: антропологический подход // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История. 2023. №3. С. 247–265.
3. Завадский А. И., Склез В. М., Суверина Е. В. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М.: Новое литературное обозрение. 2019. 400 с.

The Russian Museum of Ethnography Discourse: Identity, History, Tradition

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Golovenko Zinaida

Undergraduate student, Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: zinacannel@gmail.com

This study focuses on the study of discursive practices in the Russian Ethnographic Museum, comparing visitor perceptions collected during field research using the method of included observation and semi-structured interviews, and mediums of museum activity. The results provide strategies for the visitor's perception of the museum space.

Keywords: visitor studies, museum anthropology, Russian Ethnographic Museum, discourse of tradition, collective memory.

References:

1. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.
2. Grinko, I. (2023). Novoe muzeinoe myshlenie: antropologicheskii podkhod [New museum thinking: An anthropological approach]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya*, 3, 247–265. (in Russ.)
3. Zavadsky, A., Sklez, V., & Suverina, E. (2019). *Politika affekta: muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [The politics of affect: Museum as a space of public history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

Память и ностальгия о советской повседневности 1960–1980-х годов в цифровом пространстве

Зайцева Д.С.

В докладе рассматриваются особенности позднесоветской повседневности, сделавшие возможным воспроизведение памяти о ней в виде ностальгических воспоминаний. Делается акцент на том, что процессы легитимации частной жизни, формирования альтернативных сообществ внутри «пространств внаходимости» не только преобразовали повседневность рассматриваемого периода, но и способствовали развитию феномена постсоветской ностальгии.

Ключевые слова: советская повседневность, пространства внаходимости, ностальгия, мемориальные исследования.

Сегодня эстетика советского образа жизни и ретрообразы становятся объектами культурного потребления. Феномен роста интереса к советскому прошлому изучается отечественными учеными. Они отмечают противоречивые тенденции в трансляции советской культуры – от ретропии и мифологизации советского опыта до полной деконструкции и попыток нового осмысления [1, с. 257]. Исследователи также отмечают, что ностальгия

Зайцева Дарья Сергеевна, студент магистратуры, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: st087519@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.С.Зайцева

по советскому может быть ответом на коллективную травму из-за распада Советского Союза или свидетельствовать о психологических проблемах и даже экзистенциальном кризисе современности [2, с. 20–21]. Большинство работ о феномене ностальгии концентрируются на особенностях современной культуры России, для которой симптоматичным является обращение к советскому прошлому. Мы же хотим остановиться на прояснении того, почему позднесоветская повседневность выступает в качестве объекта рефлексии и собирает вокруг себя память сообщества.

Особенностью авторского подхода к теме является обращение к советской повседневности (на основе анализа концепций А.В. Юрчака и С. Бойм) с учетом практик трансляции памяти о ней в цифровом пространстве. Анализ памяти о повседневности в контексте ее способности снимать противоречия прошлого является малоизученной областью отечественных мемориальных исследований.

Итак, целью является определение особенностей повседневности 1960–1980-х годов, которые делают ее объектом ностальгических воспоминаний.

Обращаясь к повседневной жизни позднесоветского общества, отметим, что в 1960-е гг. была легитимирована частная жизнь внутри советской реальности, что было обусловлено трансформациями в экономике, социальной сфере, внешней политике и идеологической программе времен «оттепели». Открытие частной жизни предполагало альтернативный способ существования советского человека, в котором он не чувствовал себя одиноким, но при этом имел возможности для проявления индивидуальности: важной формой взаимодействия становятся коллективы, близкие человеку по интересам и целям. С. Бойм констатирует формирование советской ментальности, в которой дружеское-коллективное и авторитарное слились воедино [3, с. 276]. Именно она стала важной чертой советского в современном восприятии того периода.

Тот же процесс открытия частной жизни, позволяющий объяснить положительные воспоминания о советской повседневности, А.В. Юрчак описывает с помощью принципа вневходимости. «Пространства вневходимости» позволяли человеку ощущать себя нормальным советским субъектом при удовлетворении интересов и желаний, которые по смыслу отличались от официальных идеологических требований [4, с. 567–568]. При этом в советском обществе прослеживались идеологические несоответствия: разрыв между революционными высказываниями первых лет советской власти, актуальность которых не подвергалась сомнению, и установками поозднесоветского общества, а также расхождения между утопическими заявлениями о скором достижении коммунизма и реальными условиями жизни. Данные противоречия часто оказываются сняты в воспоминаниях о 1960–1980-х, поскольку «пространства вневходимости», внутри которых

протекала повседневная жизнь, были в особом положении, в параллельной реальности – одновременно и внутри, и вне советской системы.

В качестве эмпирического материала мы обращаемся к публикациям сайта «Страна СССР: все о Советском Союзе» (<https://strana-sssr.net/>), разделу «Штрихи к портрету времени», в котором собраны статьи, отражающие основные события каждого года (1955–1991). При сравнении статей разных авторов видно, что память о повседневности второй половины 20 века является основой для выстраивания воспоминаний об иных аспектах прошлого. Эмоциональная связь с описанным актуализирует воспоминания для автора и вызывает ответную реакцию у читателей, которые узнают фон описываемых событий, участниками которых они могли и не являться. Благодаря собственному опыту или воображению и рефлексии о повседневном взаимодействии внутри советской системы они могут соотнести себя не только с чужими воспоминаниями, но и с описанными историческими событиями.

Следовательно, существование в рамках альтернативных коллективов, досуговые практики, времяпрепровождение с целью улучшения бытовых условий внутри советской повседневности нередко становятся в центре процесса формирования ностальгических воспоминаний. Объясняется это тем, что в условиях гипернормализованной советской системы с ее «пространствами внеаходимости», аккумулирующими личные интересы и стремления людей, повседневность 1960–1980-х гг. парадоксальным образом превращается в точку слома привычного и рутинного (коллективного, неиндивидуального, идеологизированного) при сохранении ценностей и идеалов советского общества. Это повлияло на то, что советское прошлое в современном мире стало объектом ностальгии.

Список используемых источников:

1. Шапинская Е.Н. Символика ретропии в (пост)современной массовой культуре: новая жизнь советского мифа // Вестник культурологии. 2023. №2(105). С. 245–258.
2. Киселева А.И., Сковцова М.Л. Ностальгия по советскому: диалог прошлого и настоящего // Культура и цивилизация. 2023. Том 13, №5А-6А. С. 16-25.
3. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.
4. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Memory and Nostalgia of the Soviet Everyday Life of the 1960s–1980s in the Digital Space

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zaitseva Darya

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st087519@student.spbu.ru

The report examines the features of late Soviet everyday life, which made it possible to reproduce the memory of it in the form of nostalgic memories. The emphasis is placed on the fact that the processes of legitimizing private life and the formation of alternative communities within the “spaces of non-attendance” not only transformed the daily life of the period under review, but also contributed to the development of the phenomenon of post-Soviet nostalgia.

Keywords: Soviet everyday life, spaces of non-attendance, nostalgia, memory studies.

References:

1. Shapinskaya, E. (2023). Simvolika retrotopii v (post)sovremennoj massovoj kul'ture: novaja zhizn' sovetskogo mifa [The symbolism of retrotopia in (post)modern popular culture: a new life of the Soviet myth]. *Herald of Culturology*, 2(105), 245–258. (in Russ.)
2. Kiseleva, A., Skvortsova, M. (2023). Nostal'gija po sovetskomu: dialog proshlogo i nastojashhego [Nostalgia for the Soviet: a dialogue between the past and the present]. *Culture and Civilization*, 13, 5A-6A. 16-25. (in Russ.)
3. Boym, S. (2002). *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common places: the mythology of everyday life]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye. (in Russ.)
4. Yurchak, A. (2014) *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye. (in Russ.)

Старообрядчество в оценке русских народников второй половины XIX в.

Зинин Б.В.

В настоящей работе будут представлены оценки старообрядчества – одной из наиболее интересных и недостаточно изученных областей русской народной культуры. В качестве «оценщиков» данного религиозного феномена выступают некоторые русские народники второй половины XIX в. Мы попытаемся определить, положительно или отрицательно русские народники характеризовали староверов, выясним, какие особенности старообрядцев симпатизировали революционерам. Полученные результаты помогут расширить понимание старообрядческой культуры и ее роли в обществе.

Ключевые слова: народничество, старообрядчество, история России, культура России.

Старообрядчество – масштабное религиозное течение, возникшее в результате раскола Русской православной церкви, которое безусловно является важным элементом русской культуры. Стоит отметить, что проблема, связанная с определением роли старообрядцев в обществе Российского государства,

Зинин Богдан Валерьевич, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: zbv100200@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Б.В.Зинин

а затем и Российской империи, существовала и до XIX в. Однако во второй половине XIX в. интерес к исследованию старообрядчества и его природы значительно возрос, в основном со стороны представителей различных народнических течений. Обратимся к некоторым из них, как и более, так и менее известным, с целью проследить их точку зрения, касающуюся староверов.

Прежде всего хотелось бы упомянуть Александра Степановича Пругавина – народника, который активно занимался исследованием старообрядчества. Большую часть своей жизни Пругавин провел в ссылках и в 1877 г. был отправлен в Архангельск. С этого момента начинается его активная деятельность по изучению жизни и быта староверов. Александр Степанович удосуживается лично познакомиться со всеми покровителями и обитателями близлежащих старообрядческих поселений. После теплого общения и сближения со староверами, народник отмечал их грамотность и высокое умственное развитие, обращал внимание на сохранившуюся с XVII в. тенденцию к активной мыслительной деятельности [1, с. 96]. Также Александр Пругавин выступал в роли ярого апологета староверов в ходе «конфликта» между архангельскими чиновниками и староверами Амбурского скита. Он доказывал, что данный скит совершенно не представляет никакой опасности для архангельской администрации [2, с. 24].

В рамках данной темы необходимо упомянуть достаточно малоизвестного народника, которого можно отнести к тем, кто идеализировал староверов, так же, как и Пругавин. Речь об Иване Гавриловиче Прыжове, который в 1871 году был лишен всех прав и приговорен к 12 годам каторги с последующим вечным проживанием в Сибири. Однако до 1871 г. Прыжов написал работу под названием «Нищие на Святой Руси». В ней народник-публицист описывает течение под названием «странники», которое может относиться к беспоповскому согласию. Иван Прыжов выделяет ее главный догмат, который заключается в бегстве от антихристовлаждения и удалении от семейства, а также в странствовании по пустыням и лесам [3, с. 39]. Также в этой книге народник формулирует значение старообрядчества как хранителя древнерусской культуры и образно сравнивает фольклор, который успешно сохранили староверы, с мамонтами. Самих же староверов Прыжов относит к преемникам Киевской Руси. Также Иван Гаврилович отмечает, что старообрядцы сохранили древнее благочестие. Это связано с тем, что староверы были людьми, которые активно подают милостыню.

Стоит учитывать, что многие народники, которые идеализировали староверов, видели в них некую «революционную» силу, высокий потенциал для борьбы с самодержавием. Кроме того, «идеалисты» обращали внимание на успешную экономическую активность «религиозных неконформистов». Именно поэтому главным адресатом в итоге неудавшегося «Хождения в народ» был раскол.

Однако с такой позицией был в корне не согласен весьма известный Г. В. Плеханов. Георгий Валентинович, в отличие от народников, идеализирующих староверов, не видел в расколе никакого потенциала к протесту, никакой сознательности [4, с. 213]. С точки зрения Плеханова, это было связано, в первую очередь, с тем, что государство ухудшало условия общественной когнитивной деятельности народа. Эти условия порождали удивительную слабость общественного самосознания. Можно сказать, что Плеханов наделяет старообрядчество некими пассивными характеристиками.

Таким образом, в русском народничестве второй половины XIX в. господствовала идеалистическая тенденция оценки старообрядчества как религиозно-общественного феномена. После смены курса, а затем и потери интересов к адептам старого обряда со стороны радикальных представителей народничества, применяя зачастую полевые исследования, его начали исследовать легальные народники, которые также позитивно отзывались о староверах, выделяя их огромный культурный и экономический потенциал. Тем не менее, существовали и народники (например, вышеупомянутый Г. В. Плеханов), которые скептически оценивали староверов, их способности и возможности.

Список используемых источников:

1. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки из новейшей истории раскола. Москва: Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904. 281 с.
2. Кузнецова Н. Ю. Старообрядчество на окраинах Российской империи в последней трети XIX в.: Амбурский скит в исследовании революционера-народника А.С. Пругавина // CARELICA. Петрозаводск. 2019. №2(22). С. 17-28.
3. Прыжов И. Г. Нищие на святой Руси: материалы для истории общественного и народного быта в России. М., 1862. 139 с.
4. Маджаров А. С. Доктрина раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова и ее историографические источники (Н.Ф. Каптерев, А.П. Шапов, Н.И. Костомаров) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, №3. С. 207-219.

The Old Believers in the Assessment of the Russian Narodniks of the Second Half of the 19th Century

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zinin Bogdan

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: zbv100200@gmail.com

This paper will present assessments of the Old Believers, one of the most interesting and insufficiently studied areas of Russian folk culture. Some Russian populists of the second half of the 19th century will act as "evaluators" of this religious phenomenon. We will try to determine whether the Russian Narodniks characterized the Old Believers positively or negatively, and find out which features of the Old Believers sympathized with the revolutionaries. The results obtained will help to expand the understanding of the Old Believer culture and its role in society.

Keywords: Narodism, Old Believers, history of Russia, culture of Russia.

References:

1. Prugavin, A. (1904). *Staroobryadchestvo vo vtoroy polovine XIX veka: Ocherki iz noveyshey istorii raskola* [Old Believers in the second half of the 19th century: Essays on the recent history of the schism]. Moscow: Otdelenie tipografii tovarishhestva I.D. Sytina. (in Russ.)
2. Kuznetsova, N. (2019). Staroobryadchestvo na okrainakh Rossiyskoy imperii v posledney treti XIX v.: Ambruskiy skit v issledovanii revolyutsionera-narodnika A.S. Prugavina [Old Believers on the outskirts of the Russian Empire in the last third of the 19th century: The Ambur hermitage in the study of the revolutionary populist A.S. Prugavin]. *Carelica*, 2(22), 17–28. (in Russ.)
3. Pryzhov, I. (1862). *Nishchie na svyatoj Rusi: Materialy dlya istorii obshchestvennogo i narodnogo byta v Rossii* [Beggars in Holy Rus: Materials for the history of social and folk life in Russia]. Moscow. (in Russ.)
4. Madzharov, A. (2020). Doktrina raskola Russkoy pravoslavnoy tserkvi G.V. Plekhanova i yeye istoriograficheskiye istochniki (N.F. Kaptev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov) [The doctrine of the schism of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its historiographical sources (N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 16(3), 207–219. (in Russ.)

Герои-праведники в произведениях Ивана Шмелева как отражение образа «русского человека» в творчестве писателя-эмигранта

Иванова Е.А.

В статье исследуются образы праведников в произведениях Ивана Шмелева как отражение «русского человека» в контексте эмиграции и утраты Родины. Проводится анализ раскрытия типов мирских праведников, отражающих не только православные ценности, но и общечеловеческие идеалы самопожертвования и духовного возрождения. Особое внимание уделено трансформации образа праведного героя, который становится символом потерянной православной России.

Ключевые слова: православная литература, литература эмиграции, И. Шмелев, образ героя-праведника.

Творчество Ивана Шмелева тесно связано с контекстом его биографии: рожденный до революции в семье с патриархальным православным укладом, писатель отходит от православной веры в юности и постепенно возвращается обратно на протяжении всей жизни, о чем свидетельствуют образы,

Иванова Екатерина Андреевна, студент бакалавриата, Школа гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
адрес для корреспонденции: eaivanova_22@edu.hse.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.А.Иванова

проникнутые христианской философией. Наиболее явно православные мотивы начинают проявляться в поздних произведениях Шмелева, написанных в эмиграции после Первой мировой войны и революции, так как в них писатель выражает ностальгическую идею «истинной» утраченной России.

Важным аспектом творчества Шмелева является раскрытие образа русского православного народа. Образ мирского праведника зарождается еще до полноценного возвращения писателя к православной вере. Первая героиня такого плана – праведница-подвижница появляется в одноименной главе книги «Солнце мертвых». Таня – бедная женщина, с приходом большевиков потерявшая работу и мужа. Чтобы прокормить детей, ей приходится ходить «за горы» и менять вино на хлеб. Она преодолевает сильнейший горный ветер и на стертых ногах приносит детям спасение от голодной смерти. Такой тип праведничества можно описать как соблюдение не столько христианской, сколько общечеловеческой добродетели – помощи ближнему.

Несмотря на то, что прямой религиозной морали в книге не дается, в фигуре Тани можно увидеть библейские аллюзии. Образы хлеба и вина отсылают читателя к причастию телом и кровью Христа, что подсвечивает тему самопожертвования. Подобно Спасителю, пострадавшему за детей Божиих – человеческий род, Таня готова отдать свою жизнь за дочерей и сына. Аналогично Христу, несущему свой крест, Таня несет на себе бутылки с вином, из-за которых ее могут избить, «насмеяться» над ней, «выпить её всю» [1, с. 112] и даже убить как спекулянтку, современную разбойницу.

Далее в качестве образа мирского праведника выступает героиня романа «Няня из Москвы» Дарья Степановна. Данный роман можно считать первым в «ностальгической» серии его произведений, нацеленных на изображение потерянной во время революций и гражданской войны России и обращение к истокам отечественной христианской веры.

Для Шмелева такая фигура русской женщины становится спасительным светом родины в эмигрантской среде потерянных, разочарованных в России людей. Дарья Степановна видит главный порок русской интеллигенции в маловерии. Именно отход от Бога в ее видении привел к революциям и всем последующим кровавым событиям: «Бога у вас нет, – говорю, – и покою нету. Худо у нас в доме» [2, с. 56]. Фигура русской няни основана на пушкинских образах Арины Родионовны и няни Татьяны Лариной. На контрасте с этим материнским образом русской души особенно ярко выделяется то, как героиня не вписывается в устройство западного мира: «одна-одинешенька, в чужом месте, в американском, на двадцатом этаже, сказать по-ихнему не умею» [2, с. 72]. Через ее тревоги и тоску по дому Шмелев отображает боль, которую в сердце ощущал каждый русский эмигрант того времени.

Фундаментальный образ старшего друга-наставника далее отображается в фигуре Горкина в книгах «Богомолье» и «Лето Господне». Как отмечает

А. М. Любомудров, этого персонажа отличают вера и «историческая реальность» [3, с. 134].

Горкин становится резонером идей автора. Герой собственным примером смирения, трудолюбия и религиозности олицетворяет русский народ в своем идеальном воплощении. Горкин для Шмелева, как и Дарья Степановна, – олицетворение утраченной православной России, истоки русской души, к которым людям нужно вернуться, чтобы прекратить кровопролитие. Он становится проводником Вани в мир христианских молитв и таинств, рассказывая ребенку о стояниях, сокрушении, епитимье и других религиозных тонкостях. В. А. Сотков определяет отношения героев как «старца и послушника» [4, с. 59]. Их взаимодействие можно переосмыслить как православную интерпретацию Данте и Вергилия, старик также становится спутником маленькой чистой души, которой помогает преодолевать духовные трудности. Через Горкина в диалогии раскрывается мотив духовного пути к Богу.

Проследив трансформацию образа житейского праведника в произведениях Шмелева, можно заметить, как образ получает свое развитие, из трагического, сломленного исторической действительностью героя эволюционирует в близкий к святости образ русского человека, олицетворяющий потерянную христианскую веру покинутой Шмелевым родины.

Список используемых источников:

1. Шмелев И. С. Солнце мертвых // Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. М.: Русская книга, 1998. С. 93–275.
2. Шмелев И. С. Няня из Москвы // Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. М.: Русская книга, 1999. С. 11–191.
3. Любомудров А. М. Иван Шмелев между светской и церковной традициями // Христианство и русская литература: сб. статей. СПб.: Наука, 2006. С. 391–429.
4. Сотков В. А. Специфика образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева (на материале диалогии «Лето Господне» и «Богомолье») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №8-1. С. 56–61.

Righteous Heroes in the Works of Ivan Shmelev as a Reflection of the Image of the “Russian man” in the Work of the Emigrant Writer

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ivanova Ekaterina

Undergraduate student, School of Arts and Humanities, National Research University Higher School of Economics

Correspondence to: eaivanova_22@edu.hse.ru

The article examines the images of the righteous in the works of Ivan Shmelev as a reflection of the “Russian man” in the context of emigration and the loss of his Homeland. The article analyzes the disclosure of the types of sea saints, reflecting not only Orthodox values, but also universal ideals of self-sacrifice and spiritual rebirth. Special attention is paid to the transformation of the image of the righteous hero, which becomes a symbol of the lost Orthodox Russia.

Keywords: Orthodox literature, literature of emigration, I. Shmelev, the image of the righteous hero.

References:

1. Shmelev, I. (1998). Sun of the dead. In *Collected works in 5 volumes* (1st ed., Vol. 3) (pp. 93–275). Moscow: Russkaya kniga. (in Russ.)
2. Shmelev, I. (1999). Nanny from Moscow. In *Collected works in 5 volumes* (1st ed., Vol. 4) (pp. 11–191). Moscow: Russkaya kniga. (in Russ.)
3. Lyubomudrov, A. (2006). Ivan Shmelev between secular and church traditions. In *Christianity and Russian literature: A collection of articles* (pp. 391–429). Saint Petersburg: Nauka. (in Russ.)
4. Sotkov, V. (2016). The specificity of the righteous hero's image in the works of I. S. Shmelev (based on the duology *Leto Gospodne* and *Bogomol'e*). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 8(1), 56–61. (in Russ.)

«Не токмо почитати, но протолковати»: к проблеме чтения в Древней Руси

Ким М.Ш.

Настоящее исследование посвящено истории чтения в Древней Руси, которая раскрывается через эпизоды из жизни Авраамия Смоленского, Климента Смолятича и Кирилла Туровского. Рассматривая проблему чтения через призму культуральной истории, акцент делается на ценностном восприятии читательской деятельности, а также на том «как» и «для чего» читали древнерусские люди. Анализ источников показал, что в XII – XIII вв. на Руси сложилась конфликтная интеллектуальная ситуация между «аскетической» и «гуманистической» традициями, выразившаяся, в частности, в особенностях практик чтения.

Ключевые слова: история чтения, чтение в Древней Руси, Авраамий Смоленский, Климент Смолятич, Кирилл Туровский.

Исследования чтения имеют долгую историю, опирающуюся на достижения филологии и истории. Основными вопросами, которые стояли перед исследователями, были «кто читал?», «что читали?», «сколько читали?». Однако в последние десятилетия в рамках культуральной истории вопрос

Ким Максим Шисуневич, студент магистратуры, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: maximkim322@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© М.Ш.Ким

о чтении был поставлен иначе: «зачем читали?», «как читали?», «как менялось чтение?». История чтения в России лишь начинает изучаться, но обделенным вниманием остается средневековый период, без понимания которого сложно представить динамику русской культуры и эволюцию трансляции знаний в России.

В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть эпизод из истории чтения XII – XIII вв., на основе анализа жития Авраамия Смоленского, «Послания пресвитеру Фоме» Климента Смолятича и «Притчи о человеческой душе и теле» Кирилла Туровского. В данных памятниках прослеживается общая проблема – вопрос о том, как читать.

В житии Авраамия Смоленского [1] он выражается в конфликте между святым и обществом. С одной стороны, как пишет агиограф, Авраамий «пленил душу и разум» народа, люди шли к нему за чтением, способностью толковать. С другой стороны, его обвиняли в ереси, чтении глубинных книг, совращении в свое учение. Святой был оправдан, однако волна обвинений говорит о том, что он вышел за рамки культурной нормы.

Автор жития акцентирует наше внимание на том, что святой не просто прочитывает тексты, но вдумывается в них. Эта мысль повторяется в другом месте: «...он мог не только читать, но также толковать книги...». Выделение способности толковать, как представляется, указывает на то, что это не было обыденным явлением для того времени. Способность толковать указывает также на то, что для Авраамия текст переставал быть исключительно пространством молитвенного, аскетического опыта, но стал пространством творческого, богословско-философского осмысления.

Такое отношение к толкованию, по нашему мнению, проистекает из положения, которое занимала экзегетика на Руси. Вопрос о существовании оригинальной древнерусской экзегетики остается дискуссионным, однако большинство исследователей склоняется к ее отсутствию. С. Ю. Темчин, указывая на то, что Русь восприняла «аскетическую» традицию из Византии, а не «гуманистическую», делает вывод, что «даже догматическое богословие должно было представляться потенциально опасной областью» [2, с. 257]. «Аскетическая» же традиция делала ставку больше на проповеди, распространение вероучения, чем на обсуждение и изучение текстов, что характерно для «гуманистической» традиции.

Конфликт моделей чтения прослеживается в «Послании пресвитеру Фоме» [3] митрополита Климента Смолятича. Между митрополитом и пресвитером завязалась полемика – первый отстаивает «тонкое понимание Писания», то есть иносказательное, духовное понимание Писания посредством аллегорезы, а второй обвиняет митрополита в тщеславии и философствовании.

В своем послании Климент Смолятич противопоставляет две модели чтения – буквальное и иносказательное: «Или что мне, брат, до Иакова и двух жен его, Лии и Рахили, если о них просто так читать, а не доискиваться духовного

смысла!». Именно такой способ чтения, иносказательный, представлялся Фоме и, видимо, большей части общества, «философским», а значит ложным, неправильным.

К изменению подхода к чтению призывает Кирилл Туровский в своей «Притче» [4]. Он, обращаясь к читателю, наставляет к прилежному чтению, отмечая важность понимания смысла Писания. Однако святой на этом не останавливается и уточняет: «Давайте не просто проговорим, языком написанное произнося, но, с рассуждением вчитавшись...». Для него было явным противопоставление чтения формального и осмысленного, причем первое, видимо, доминировало в ту эпоху.

«Философы и книжники» в XII в. рассматривали текст уже не только как духовную практику, но и как пространство интеллектуальной деятельности, что требовало углубленного чтения, поиска смыслов, которые открывались через разные взаимодействия с текстом, а также расширение репертуара читаемого. Недоверие к такой модели чтения, к толкованию основывается на доминировавшей на Руси «аскетической» традиции [5, с. 73-74, 77], которая не требовала широкого круга текстов, а само чтение воспринималось как духовная практика, молитва, ввиду чего характеризовалась интенсивностью и медленным темпом чтения. Ценностные основания традиций отразились, в частности, в формах воспроизведения норм и практик – в том, как и для чего читали.

Список используемых источников:

1. Житие Авраамия Смоленского // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4949> (Дата обращения: 22.01.2025).
2. Темчин С. Ю. Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике // Kraków: Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne, 2010. Т. V. 306 с.
3. Послание Климента Смолятича // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4935> (Дата обращения: 22.01.2025).
4. Слова и поучения Кирилла Туровского // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4936> (Дата обращения: 22.01.2025).
5. Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.

“Not Only to Read, but to Interpret”: To the Problem of Reading in Ancient Russia

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kim Maksim

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: maximkim322@gmail.com

This study is devoted to the history of reading in Ancient Russia, which is revealed through episodes from the life of Abraham of Smolensk, Kliment Smolyatich and Kirill of Turov. Considering the problem of reading through the prism of cultural history, emphasis is placed on value perception of the readers' activities, as well as on "how" and "why" ancient Russian people read. Analysis of sources showed that in XII-XIII centuries in Russia there was a conflict intellectual situation between "ascetic" and "humanistic" traditions, expressed in particular in the characteristics of reading practice.

Keywords: history of reading, reading in Ancient Russia, Abraham of Smolensk, Kliment Smolyatich, Kirill of Turov.

References:

1. Zhitie Avraamiya Smolenskogo [Hagiography of Abraham of Smolensk]. Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4949> (Accessed on: 22.01.2025). (in Russ.)
2. Temchin, S. (2010). *Issledovaniya po kirillo-mefodievistike i paleoslavistike* [Researches on Cyrillo-Methodian studies and Paleoslavistics]. Kraków: Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne. T. V. (in Russ.)
3. Poslanie Klimenta Smolyaticha [Epistle of Kliment Smolyatich]. Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4935> (Accessed on: 22.01.2025). (in Russ.)
4. Slova i poucheniya Kirilla Turovskogo [Homilies and sermons of Kirill of Turov]. Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4936> (Accessed on: 22.01.2025). (in Russ.)
5. Zhivov, V. (2002). *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. [Search in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russ.)

«Что значит взрослеть?» Взгляд на проблему М. Мамардашвили

Лёвочкин К.Е.

В докладе будет рассмотрена важность уникального человеческого жизненного опыта, как основы взросления и выработки собственного личностного основания. Также будут рассмотрены причины того, почему мы не взрослеем, и что нужно делать, чтобы выйти из «детского» восприятия мира, как становление зависит от нашего отношения к окружающим и миру? Будут приведены этапы, подводящие к взрослению и одновременно к становлению, так как М.К. Мамардашвили считает эти понятия взаимосвязанными. Для подготовки доклада использовались различные тексты философа, где он использует эти термины или раскрывает проблематику этих вопросов, что позволило выявить, что темой взросления связывается обширная часть философской системы М.К. Мамардашвили.

Ключевые слова: взросление, опыт, метафизика, М. Мамардашвили, философская антропология.

Лёвочкин Константин Егорович, студент бакалавриата, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: kl9966226@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.Е.Лёвочкин

Тема взросления и становления рассматривалась разными философами на протяжении многих периодов истории. В современном мире её актуальность высока. Люди сталкиваются с вопросами взросления на разных этапах своей жизни. Проблематика данной темы заключается в неоднозначности определения понятия «взросление» в целом, определение его условий, временных и возрастных рамок. В докладе рассматривается взгляд выдающегося советского философа М.К. Мамардашвили на эту проблему. Важно уточнить, что тема «взросления» пронизывает многие аспекты философии М.К. Мамардашвили. Поэтому целью данного доклада является выявление того, как в беседах, выступлениях и статьях Мамардашвили, посвящённых иногда другим темам, выделяется аспект «взросления» человека. Поставленный вопрос в названии доклада, несмотря на важность и актуальность, остаётся довольно малоисследованным, поэтому стоит подробнее его рассмотреть, ведь он не только связывает различные аспекты философии М.К. Мамардашвили, но и является способом взглянуть на свои поступки, ценности с иной стороны.

В докладе будет отмечена важность личного, «нетипичного» опыта [1, с. 207], как основы взросления и выработки собственного личностного основания «...туго натянутой струны духа и характера», приходящего с ним [2, с. 172] Отдельно будет рассмотрены причины, по которым мы не взрослеем, как это зависит от нашего отношения к миру и окружающим. Так же в докладе приведены этапы, подводящие нас к взрослению. По мнению М.К. Мамардашвили взросление и становление одно и то же, поэтому для подготовки доклада использовались различные тексты философа, где он использует эти термины или уточняет проблематику этих вопросов. Это позволило выявить то, что темой взросления связывается обширная часть философской системы М.К. Мамардашвили.

Взросление, по М.К. Мамардашвили, заключается, в том числе, и в утверждении своих ценностей и следовании им через поступки. Стоит отметить, что философ в своих размышлениях о взрослении трансформирует уже сложившуюся традицию разговора об этических поступках человека. М.К. Мамардашвили обращает внимание, что идеальное содержание добра, вежливости и других добродетелей, которые могут быть взяты индивидом за ценности, проявляется только из утверждения их в реальном мире. Таким образом он рассматривает ещё и физичность метафизики, которую он рассматривал на примерах взаимоотношений людей в «Вильнюсских лекциях по социальной философии» [3, с. 269]. В этом и проявляется трансформация традиции. Метафизика, этика, аксиология – все они связываются темой взросления и становления человека, как личности и индивида, со своим уникальным опытом и содержанием, что показывает важность данной проблематики в трудах М.К. Мамардашвили. Таким образом, можно выявить и традицию трансформации (переход из детского состояния и мировоззрения

ко взрослому) и трансформацию традиции (где обычно идеальный мир утверждал реальный) в работах философа.

В исследовании было выявлено как в различных трудах М.К. Мамардашвили, часто посвящённых философской антропологии, этике, аксиологии, социальной философии выделяется аспект «взросления» человека. Это подтверждает, что темой и проблемой взросления связывается обширная часть философской системы М.К. Мамардашвили.

Список используемых источников:

1. Мамардашвили, Мераб. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Издательство Логос, 2004, 272 с.
2. Мамардашвили М. Как я понимаю философию... Сост. И предисл. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
3. Аронсон О. В. Неуместное бытие // Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018. С. 265–277.

“What Does It Mean to Grow Up?” A Look at the Problem from M. Mamardashvili’s Perspective

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Levochkin Konstantin

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: k19966226@gmail.com

The report will examine the importance of a unique human life experience as the basis for growing up and developing one's own personal foundation. We will also consider the reasons why we do not grow up, and what needs to be done to get out of the "childish" perception of the world, how does becoming depend on our attitude to others and the world? The stages leading to adulthood and at the same time to becoming will be given, since M.K. Mamardashvili considers these concepts to be interrelated. To prepare the report, various texts of the philosopher were used, where he uses these terms or reveals the problems of these issues, which revealed that the theme of growing up is associated with an extensive part of the philosophical system of M.K. Mamardashvili.

Keywords: adulting, experience, metaphysics, M. Mamardashvili, philosophical anthropology.

References:

1. Mamardashvili, M. (2004). *Soznanie i tsivilizatsiya. Teksty i besedy* [Consciousness and civilization: Texts and conversations]. Moscow: Logos. (in Russ).
2. Mamardashvili, M. (1990). *Kak ya ponimayu filosofiyu...* [How I understand philosophy...] (Yu. P. Senokosov, Ed.). Moscow: Progress. (in Russ).
3. Aronson, O. (2018). *Neumestnoe bytie* [Inappropriate being]. In M. Mamardashvili, *Vilnyusskie lektzii po sotsial'noy filosofii (Opyt fizicheskoy metafiziki)* [Vilnius lectures on social philosophy (An experiment in physical metaphysics)]. pp 265-277. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili. (in Russ).

Возрождение традиционной веры мари как причина популяризации неомифологизма и этнофутуризма в живописи художников республики Марий Эл

Литвинова Д.А.

О появлении и развитии в живописи художников республики Марий Эл таких художественных направлений, как неомифологизм и этнофутуризм существует ряд исследований. Однако об основной причине популяризации этих явлений, кроющихся в возникновении в конце 1990-х гг. неоязычества, сказано крайне мало. В исследовании прослеживается связь между возникновением и популяризацией неоязыческой веры и развитием неомифологизма и этнофутуризма в живописи марийских художников.

Ключевые слова: этнофутуризм, неомифологизм, искусство, язычество, марийцы.

Уже долгое время тема развития национальной культуры не теряет своей актуальности: проводятся различные тематические развлекательные и научные мероприятия, национальной теме уделяется внимание и в художественной среде. Хотя в последние годы были выпущены различные

Литвинова Дана Александровна, студент бакалавриата, Факультет теории и истории искусств, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина
адрес для корреспонденции: danality_d@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.А.Литвинова

литературные труды, посвященные отражению марийской мифологии и фольклора мари в профессиональном художественном искусстве в постсоветский период, в них недостаточно глубоко рассматриваются события общественно-культурной жизни мари. Помочь устранить пробелы может изучение исследования искусствоведа С.М. Червонной «Все наши Боги с нами и за нас» [1].

В 1990-е гг. в марийском изобразительном искусстве стали набирать популярность такие художественные направления как неомифологизм и этнофутуризм. Несмотря на то, что этнофутуризм зародился в Эстонии, «со временем к движению присоединились деятели культуры из числа других финно-угорских народов, в том числе и марийского» [2, с. 1]. Основным исследователем неомифологического и этнофутуристического художественных направлений в марийской живописи является Э.М. Колчева, ей выпущен труд «Реки вселенной. Неомифологизм в творчестве марийских художников» [3], а также монография «Этнофутуризм как явление культуры» [2]. Существуют также отдельные тематические статьи разных авторов, в том числе изучающих живопись других финно-угорских народов, при этом проводятся параллели между искусством разных этносов. Однако зачастую такие статьи изучают особенности рассматриваемых художественных направлений, их характерные черты, творчество отдельных художников, при этом причины их развития и популяризации рассматриваются достаточно обобщенно, без упора на исторические события республики Марий Эл 1990-х гг. Лишь некоторые авторы упоминают в своих трудах исследование С.М. Червонной «Все наши Боги с нами и за нас», при этом, не делая упор на явление, разобранный автором, и, возможно, ставшее основной причиной возникновения и растущей популярности как неомифологизма, так и этнофутуризма, в профессиональном изобразительном искусстве республики.

В исследовании С.М. Червонной рассматривается возрождение традиционной марийской языческой веры в 1990-е гг. в республике Марий Эл. У истоков этого явления стоял писатель-романист, сказочник Александр Юзыкайн. В силу своей профессии он уделял первостепенное внимание фольклорной части мифологии, превращая информацию о древних божествах в небольшие новеллы с тщательными описаниями привычек богов, их родственных связей и пр. «Само становление религии шло как часть творческого художественного процесса обновления» [1, с. 213]. Несмотря на то, что основой возрожденной веры стали исторические документы, этнографические очерки, воспоминания сохранившихся верующих, многое было утеряно или частично переписано А. Юзыкайном, и возрождение языческой веры, чуждой современному, далекому от пантеистического мировоззрения человеку, превратило ее в неоязычество, лишь опирающееся на остатки древних верований. По мнению С.М. Червонной, «современное профессиональное искусство чутко реагирует на формирование в конце 20

века неоязычества, которое, с одной стороны <...> является общенациональной (для каждого этноса в отдельности) и супернациональной (для всей финно-угорской общности) религией» [1, с. 218]. Языческая мифология и символика крайне важны для марийского народа, также это добавляет определенную долю национального своеобразия, экзотической таинственности и художественным образам в живописи, где отражается особое мировоззрение марийского художника и восприятие им мира. Это дает богатейший материал для развития неомифологического и этнофутуристического направлений в живописи художников республики Марий Эл, выражающих определенные ценностные ориентиры и мировоззрение как отдельных творцов, так и всего марийского народа.

Таким образом, на основе обширного набора этнографических, религиозных и исторических исследований развивается не только неоязыческий культ, но и в целом творческий процесс в профессиональном искусстве республики в постсоветский период. В условиях нестабильной политической обстановки страны, смены культурных ориентиров, пробуждения национального самосознания происходит культурный подъем в жизни республики Марий Эл, нашедший свое отражение в том числе и в живописи художников республики в виде таких художественных течений, как неомифологизм и этнофутуризм, а процесс возрождения неоязычества становится одним из главных факторов их развития. Хотя эти течения – явления достаточно изученные, во многих исследованиях не прослеживается причинно-следственная связь между их популяризацией и развитием неоязыческой веры в конце 1990-х гг. Это определенно заслуживает отдельного глубокого изучения, что, возможно, будет осуществлено исследователями в будущем.

Список используемых источников:

1. Червонная С. М. Все наши боги с нами и за нас. Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве народов России. М: Институт этнологии и антропологии РАН. 1999. 298 с.
2. Колчева Э. М. Этнофутуризм как явление культуры: монография. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. 164 с.
3. Колчева Э. М. Реки Вселенной: неомифологизм в творчестве марийских художников. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2010. 69 с.

The Revival of the Traditional Mari Faith as the Cause for the Popularization of Neo-Mythologism and Ethnofuturism in the Paintings of Artists of the Mari El Republic

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Litvinova Dana

Undergraduate student, Faculty of Theory and History of Art, Saint Petersburg Repin Academy of Arts

Correspondence to: danalitiv_d@mail.ru

There are several studies about the emergence and development such artistic movements as neo-mythologism and ethnofuturism in the painting of artists from the Republic of Mari El. However, a little has been said about the main reason for the popularization of these phenomena, which lies in the emergence of neo-paganism in the late 1990s. The study traces the connection between the emergence and popularization of neo-pagan faith and the development of neo-mythologism and ethnofuturism in the painting of Mari artists.

Keywords: ethnofuturism, neo-mythologism, art, paganism, mari.

References:

1. Chervonnaya, S. (1999). *Vse nashi bogi s nami I za nas. Etnicheskaya identichnost I etnicheskaya mobilizatsiya v sovremennov iskusstve narodov Rossii* [All our gods are with us and for us. Ethnic identity and ethnic mobilization in the modern art of the nations of Russia]. Moscow: Institute of ethnology and anthropology RAS. (in Russ.)
2. Kolcheva, E. (2008). *Etnofuturizm kak yavlenie kultury* [Ethnofuturism as the cultural phenomenon]. Yoshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet. (in Russ.)
3. Kolcheva, E. (2010). *Reki Vselennoj: neomifologizm v tvorchestve marijskih khudozhnikov* [Rivers of the Universe: neomythologism in the art of mari artists]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo. (in Russ.)

Идеи Н.М. Карамзина в контексте спора западников и славянофилов

Ломоносова А.М.

Н.М. Карамзин – один из основателей отечественной историографии. Среди его работ есть исследования, связанные с идейным дискурсом западников и славянофилов. В основном, он рассматривается в «Записке о древней и новой России».

Ключевые слова: история, культура, Н. Карамзин, западники, славянофилы.

Спор западников и славянофилов на протяжении многих лет вызывал большой интерес среди творческих личностей и общественных деятелей. Не обошел вниманием и Н.М. Карамзина. Рассмотрим подробнее, как именно данный дискурс фигурирует в его творчестве.

Западники и славянофилы по-разному относились к реформе образования. Как считали славянофилы, просвещение должно быть традиционным, консервативным, поддерживаемым Церковью. А с точки зрения западничества, образование для всех народов едино, и писатель предлагал перенимать преподавательский опыт у иностранцев. Также он считал, что просвещение должно быть доступно для всего народа, а не только

Ломоносова Алена Михайловна, студент бакалавриата, Лингвистический факультет, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
адрес для корреспонденции: alena.lomonosova05@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.М.Ломоносова

для привилегированных сословий. Без всего этого, считал Н.М. Карамзин, развитие российской науки представляется невозможным, и данное утверждение, в конце концов, было подтверждено на практике [1].

В отношении развития исторической науки воззрения западников и славянофилов также разнились. Славянофилы считали, что у России уникальный путь развития, и она по своей природе самобытна, поэтому уделяли особое внимание историческим связям между народами. Западники больше обращались к европейским научным школам, чтобы исследовать геополитические и социальные вопросы развития России. В то же время, как полагал сам Н.М. Карамзин, русская история является частью общеевропейской истории, но всё-таки он указывал на приоритетное положение России по отношению к странам Запада. Он подчеркивал: «Россия не Англия, и даже не царство Польское; имеет свою государственную судьбу, великую (и) уважительную» [2]. Карамзин подчеркивал важность исторических связей, а также ценность изучения прошлого с точки зрения его влияния на современность. Он считал, что понимание российского наследия важно для формирования идентичности и концепции государства. «Народная память», – писал историк, – «всегда соединена с историей» [3].

Примечателен спор западников и славянофилов и в контексте развития русского литературного языка. Славянофилы считали, что слова должны черпаться из двух источников: священных книг и народной поэзии. В то же время, будучи западниками, Н.М. Карамзин и его окружение стремились обогатить русский язык европейскими заимствованиями и оборотами либо создавать по аналогии с ними русские слова. Некоторые неологизмы (например, «аудитория», «достопримечательность», «ответственность», «человечность») с тех пор прочно закрепились в нашей речи вплоть до современности.

Таким образом, Н. И. Карамзин весьма ценил европейскую культуру и придерживался скорее западнической тенденции. Он видел будущее России в культурном обогащении через освоение европейского опыта, но при этом настаивал на сохранении самобытности и национальных ценностей. Он следовал данному движению, чтобы культурно обогатить Россию, и, возможно, чтобы издать свои значимые и памятные работы, такие как «Записка о древней и новой России», «Письма русского путешественника», «Рыцарь нашего времени», «История государства Российского» и многие другие. Его творчество стало важным этапом в формировании русской культуры, оказав значительное влияние на последующие поколения писателей и мыслителей.

Список используемых источников:

1. Асонов Н. В. Н. М. Карамзин в контексте идеологического противоборства «Западников» и «Самобытников» // Цивилизационный выбор. 2015. №6. С. 76–83.
2. Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды Н.М. Карамзина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, №2. С. 300–312.
3. Н.М. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Чуприков Петр Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры физиологии и безопасности жизнедеятельности человека факультета физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности НГПУ им. К. Минина.

Ideas of N. M. Karamzin in the Context of the Controversy Between the Westerners and the Slavophiles

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lomonosova Alena

Undergraduate student, Faculty of Linguistics, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Correspondence to: alena.lomonosova05@mail.ru

The article offers an overview of N.M. Kazamzin's views in relation to the ideological discourse between Westerners and Slavophiles. These interpretations take place, for example, in his work "Note on Ancient and New Russia". While researching European innovations, the writer reconsiders the approach to the reform of education, the development of historical science and the enrichment of the Russian language.

Keywords: history, culture, N. Karamzin, Westerners, Slavophiles.

References:

1. Asonov, N. (2015). N.M. Karamzin v kontekste ideologicheskogo protivoborstva «Zapadnikov» i «Samobytnikov» [N.M. Karamzin in the context of ideological confrontation between “Westerners” and “Samobytniki”]. *Civilisational Choice*, 6, 76–83. (in Russ.)
2. Shaposhnikov, L. (2020). Filosofsko-pedagogicheskie vzglyady N.M. Karamzina [Philosophical and pedagogical views of N.M. Karamzin]. *Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*, 36(2), 300–312. (in Russ.)
3. Karamzin, N. (1991) *Zapiska o drevnej i novej Rossii v ee politicheskoe i grazhdanskoe otnosheniyakh* [Note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. Moscow: Nauka, 127 p. (in Russ.)

Игрушка народных промыслов СССР: ценностный аспект

Лукина А.А.

В докладе рассматривается аксиологическая составляющая игрушки народных промыслов СССР. Делается акцент на художественной значимости игрушки как элемента эстетического воспитания ребёнка, анализируется влияние материала игрушки на творческое развитие детей, подчеркивается важность игрушки как транслятора культурных ценностей.

Ключевые слова: материальная культура детства, игрушки, культурные ценности, эстетическое образование, творчество.

Тема детства в последние несколько десятилетий стала прочно входить в культурологический научный дискурс. Так российский культуролог Э.А. Куруленко актуализирует термин «культура детства», подразумевая «определённый стабильный этап процесса жизнедеятельности постоянно изменяющегося (по сути, в каждом поколении) общества и процесса развития культуры», который «характеризует не только каждого индивида, в нём находящегося, но большую социальную группу, слой с присущими возрасту видами деятельности, ценностями, представлениями о мире и о

Лукина Алина Александровна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: alinalukina732@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Лукина

себе» [1, с. 126-127]. Актуализация детства в научном дискурсе обусловлена выдвиганием на первый план ценностного аспекта детства в российской действительности. Безусловно, в современном российском обществе дети, как социальная категория, и детство, как этап жизненного пути, имеют особую важность.

В русской культуре во многом на трансформацию ценности детства повлияла советская действительность: достаточно вспомнить организацию пионерских лагерей и детского досуга, творческих конкурсов и фестивалей, развитие детской публицистики, кинематографа и анимации. Мы, в свою очередь, предлагаем обратиться к такой сфере, как материальная культура детства.

В культурологическом дискурсе материальная культура детства только начинает разрабатываться. Лишь совсем недавно игрушки и материальная культура детства вышли на первый план серьёзных научных изысканий [2, с. 10]. Одним из значимых трудов за последние пять лет является сборник «Дизайн детства: Игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней», изданный в 2018 году под редакцией М. Брендоу-Фаллер. Однако в отечественной культурологии тема игрушки, в частности игрушки народных промыслов, на данный момент раскрыта недостаточно.

В связи с неразработанностью данной темы в российской культурологии представляется значимым проанализировать игрушку народных промыслов, как объект материальной культуры советского детства и выявить её основные аксиологические аспекты. В настоящем исследовании мы затронем советский период, поэтому одним из ресурсных первоисточников по этой теме выступает крупный журнал «Декоративное искусство СССР».

Прежде всего игрушка как основной предмет, с которым взаимодействует ребенок, выступает одним из ключевых факторов эстетического воспитания. «Используя многое лучшее из искусства “для взрослых”, игрушка соединяет в себе выразительные средства разных видов искусства, приспособляя их к уровню понимания ребёнка» [3, с. 14], – пишет В. Сахарова.

Также стоит отметить, что производство игрушки в СССР носило как фабричный, так и кустарный характер. Во многом это отразилось на том, какие ценности транслировались данной игрушкой. Так, игрушки фабричного производства транслировали идеологические ценности, в то время как игрушки народных промыслов делали акцент на натуральности и близости с природой.

Особое значение также имеет материал, из которого создавалась игрушка. Используя природные и качественные материалы, такие как глина, дерево, кожа, шерсть, папье-маше и др., ремесленники стимулировали творческое развитие их обладателей. Практически полное отсутствие химического и механического в данных игрушках позволяет получить удовольствие от физического контакта с ними. Выполненная из дерева, любая форма

утрачивает слишком резкие, режущие углы, химический холод металла; когда ребёнок обо что-нибудь ударяет такой игрушкой, то дерево не вибрирует и не скрежещет, а звучит глухо и вместе с тем четко; «этот материал уютный и поэтичный, переживаемый ребёнком как продолжение контакта с деревьями, столом или полом» [4, с. 123], – отмечает крупный французский философ Ролан Барт.

Таким образом, было выявлено, что игрушка выступает элементом эстетического воспитания, обеспечивает восприимчивость и усвоение ребёнком культурных ценностей, а уникальность техники производства и натуральность материалов игрушек народных промыслов способствовали развитию у детей созидательного начала.

Наибольший потенциал для дальнейшего исследования игрушки видится нам в изучении её как транслятора культурных ценностей. Представляется значимым проследить трансформацию ценностного аспекта с советского периода, где игрушки транслировали идеологические ценности или ценности народных промыслов, до наших дней.

Список используемых источников:

1. Куруленко Э. А. О культуре детства // Вестник СамГУ. 2012. №5. С. 126–130.
2. Дизайн детства: Игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней / Под ред. М. Брендоу-Фаллер. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 488 с.
3. Сахарова В. Жизнь игрушки // Декоративное искусство СССР. 1962. №5. С. 14–19.
4. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Кравченко Елизавета Юрьевна, кандидат культурологии, ассистент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института Философии СПбГУ.

A Toy of Folk Crafts of the USSR: The Value Aspect

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lukina Alina

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: alinalukina732@gmail.com

The report examines the axiological component of the toys of folk crafts of the USSR. Emphasis is placed on the artistic significance of the toy as an element of the aesthetic education of the child, the influence of the material of the toy on the creative development of children is analyzed, the importance of the toy as a transmitter of cultural values is emphasized.

Keywords: material culture of childhood, toys, cultural values, aesthetic education, creativity.

References:

1. Kurulenko, E. (2012). O kul'ture detstva [About the culture of childhood]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5, 126–130. (in Russ.)
2. Brendou-Faller, M. (Ed.). (2021). *Dizajn detstva: Igrushki i material'naya kul'tura detstva s 1700 goda do nashih dnei* [Designing Childhood: Toys and the Material Culture of Childhood from 1700 to the Present]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
3. Saharova, V. (1962). Zhizn' igrushki [Life of a Toy]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 5, 14–19. (in Russ.)
4. Barthes, R. (2008). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskij proekt. (in Russ.)

«Doomer's aesthetic» как форма социальной рефлексии молодого поколения России

Пышкин И.Д.

В 2018–2020 гг. в российском сегменте сети Интернет (далее – Рунет) стала набирать популярность так называемая «doomer's aesthetic» или «эстетика думер». Основанная на распространённом в англоязычных имиджбордах интернет-меме «Wojak», она приобрела характерные атрибуты российской провинциальной действительности и превратилась в настоящую форму молодёжной интернет-эстетики. В своей работе автор ставит задачу проанализировать «doomer's aesthetic» как форму социальной рефлексии молодого поколения России.

Ключевые слова: философия повседневности, интернет-эстетика, российская молодёжь.

Прежде всего, стоит более подробно рассмотреть историю эстетической интернет-субкультуры. В её основе лежит интернет-мем «Wojak», то есть чёрно-белое изображение мужчины без определённых черт лица, которое появилось в англоязычных имиджбордах в 2011 году. Интернет-мем быстро стал олицетворением чувства одиночества, сожаления и грусти, а также

Пышкин Иван Дмитриевич, студент бакалавриата, Богословско-пастырский факультет, Санкт-Петербургская духовная академия

адрес для корреспонденции: pyskinivan223@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© И.Д.Пышкин

кризиса экзистенциальной идентичности молодёжи, которая вступает в постоянно меняющийся мир без твёрдых аксиологических оснований и смысла жизни. Вскоре после появления «Wojak» в Рунете мужчина стал изображаться в чёрном спортивном костюме, шапке и с мешками под глазами. Фоном для интернет-мема стали фотографии панельных пятиэтажек и девятиэтажек, составляющие основную массу спальных районов российских столичных и провинциальных городов.

«Эстетика думер», помимо узнаваемого концептуального образа, быстро стала ассоциироваться с рядом музыкальных композиций в жанре русского рока и неофолка. Так, частыми спутниками картинок, видеороликов и интернет-мемов в стиле «эстетики думер» стали песни советской группы «Кино», белорусской группы «Молчат дома» и российской группы «Сова». Сложившийся образ стал быстро распространяться и очень полюбился российской молодёжи. На просторах «Tik Tok», «VK клипов» и «YouTube» появились аккаунты, где все творческие материалы пользователей были выполнены в стиле «эстетики думер» [1, с. 40]. Спустя некоторое время ностальгический характер этих материалов стал дополняться социальной проблематикой. Особенно распространёнными темами стали:

- 1) отсутствие видимых перспектив (скорее нежелание их);
- 2) отсутствие ценностных ориентиров;
- 3) неблагоустроенность некоторых городов и регионов;
- 4) рост психического неблагополучия среди молодёжи.

Конечно, сложно сделать статистический срез по количеству людей, увлекающихся и/или увлекавшихся «эстетикой думер», однако многие исследователи рассматривают различные формы интернет-культуры (интернет-мемы, интернет-эстетику и т.д.) как «диагностирующие единицы проблем в современном обществе» [1, с. 40]. Именно поэтому я хотел бы посмотреть на «эстетику думер» как на форму рефлексии части молодёжного сообщества на тему своих корней, идентичности и трудностей с социальным самоопределением.

По моему мнению, тёмные фотографии спальных районов вызывают у молодёжи чувство ностальгии по аналогии с пожилыми людьми, которые смотрят на фотографии времён Советского Союза. После анализа интернет-ресурсов обнаруживается тенденция, что часто в подписях к интернет-мемам и видеороликам по этой теме можно увидеть фразу «люблю и ненавижу». Это можно связать с тем, что счастливые детские воспоминания сталкиваются с отвержением окружающей действительности в условиях экономически сложных 2000-х годов, а восприятие эстетических переживаний пессимистично коррелирует с низкими темпами преобразования городов. Впрочем, несправедливо будет забыть и о не менее частых подписях «не променяю ни на что», что может свидетельствовать о сформировавшемся здоровом стремлении части молодёжного сообщества к преобразовательной и

созидательной общественной деятельности, а также к глубокому созерцанию культурно-эстетической уникальности российской повседневности.

Не менее актуальной, на мой взгляд, проблемой, которую передаёт «эстетика думер», является кризис идентичности и социальной неопределённости, который тесно связан с ростом психического неблагополучия среди молодёжи. Многие исследователи по сей день выделяют высокий уровень общественной стигматизации психиатрической помощи в нашей стране [2, с. 6]. Стрессогенность жизни человека в современном мире и кризис института семьи способствует развитию психических расстройств у поколения, переступившего порог совершеннолетия [3, с. 767]. Сочетание роста психического неблагополучия с высоким уровнем общественной стигматизации психиатрии и неприятием проблем с ментальным здоровьем со стороны близких родственников и педагогов вызывает чувство безысходности молодёжи, что отражается в депрессивном характере «эстетики думер».

Подводя итог, мы можем смело обозначить «doomer's aesthetic», или «эстетику думер», как форму социальной рефлексии молодого поколения России, где любовь к российской повседневности противоречиво сочетается с социальными вызовами нашего общества. Эмоциональная напряжённость этого парадокса находит своё отражение в современном интернет-пространстве и приобретает форму культурного кода части молодёжного сообщества, в том числе через «эстетику думер». Таким образом, открываются перспективы изучения рассматриваемой эстетики в рамках междисциплинарных исследований культурологов, философов и психологов.

Список используемых источников:

1. Борисенко В. А., Мкртчян Т. Ю. Мем как диагностирующая единица ключевых проблем современного общества // Гуманитарные и социальные науки. 2022. №5. С. 36–41.
2. Ястребов В. С., Митихин В. Г., Солохина Т. А., Шевченко Л. С., Творогова Н. А. Актуальные проблемы стационарной психиатрической помощи в России // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2013. № 113(10). С. 4–10.
3. Ягубова Л. А. Семейные конфликты и их влияние на ребёнка // Мировая наука. 2019. №5(26). С. 765–769.

“Doomer’s Aesthetic” as a Form of Social Reflection of the Young Generation of Russia

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Pyshkin Ivan

Undergraduate student, Theological-Pastoral Faculty, Saint-Petersburg Theological Academy

Correspondence to: pyskinivan223@gmail.com

In 2018–2020, the so-called “doomer’s aesthetic” or “aesthetics of doomer” began to gain popularity in the Russian segment of the Internet (hereinafter – Runet). Based on the Internet meme “Wojak”, which is widespread in English-language imageboards, it has acquired characteristic attributes of Russian provincial reality and turned into a real form of youth Internet aesthetics. In his work, the author aims to analyze “doomer’s aesthetic” as a form of social reflection of the young generation of Russia.

Keywords: philosophy of everyday life, Internet aesthetics, Russian youths.

References:

1. Borisenko, V., Mkrtychyan, T. (2022). Mem kak diagnostiruyshaya edinica kluchevih problem sovremennogo obshestva [Meme as a diagnostic unit of key problems of modern society]. *Humanities and Social Sciences*, 5, 36–41. (in Russ.)
2. Yastrebov, V., Mitikhin, V., Solokhina, T., Shevchenko, L., Tworogova, N. (2013). Aktualnye problemy stacionarnoi psichiatricheskoi pomochi v Russii [Actual problems of inpatient psychiatric care in Russia]. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 113(10), 4–10. (in Russ.)
3. Yagubova, L. (2019). Semeinye konflikti i ih vlianie na rebenka [Family conflicts and their impact on the child]. *World Science*, 5(26), 765–769. (in Russ.)

Место анекдота в постсоветской культуре

Тихомиров И.Д.

В статье рассматривается роль и значение анекдота в советской и постсоветской культуре. Определяются функции современного анекдота.

Ключевые слова: постсоветская культура, юмор, анекдот.

Первая «шутка про бар», известная человечеству, датируется примерно двумя тысячами лет до нашей эры. Правда, мы бы назвали ее не шуткой, а скорее анекдотом.

Шутка (по крайней мере, в русском языке) – короткое, меткое замечание, как правило, напрямую связанное с предшествующим разговором. Анекдот же встречается в несколько иных речевых ситуациях – с разговором он может быть связан косвенно или не связан вообще. В некоторых случаях общение вообще может переходить в режим «разговора на анекдотах».

Чем для нас важен этот жанр, в чем его особенности и почему анекдот так плотно вплетен в ткань постсоветской культуры, что даже куда более современные юмористические формы не способны изжить его до конца?

Еще Анри Бергсон в эссе «Смех» отмечал социальную природу комического [1, с. 14]. Особенно остро это чувствуется в случае анекдота –

Тихомиров Иван Денисович, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: 9215544711ti@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© И.Д.Тихомиров

перформативный жанр не может полноценно существовать без исполнителя и слушателей. Рассказывание анекдота в компании других людей помимо намерения рассмешить или удивить их, может выполнять и другие, не всегда осознанные задачи. Прежде всего, анекдот служит своеобразным тестом для определения «своих» и «чужих». Так, возьмем, например, известный анекдот про маму и гвозди:

«Собирает мама сына в школу. Кладет ему в рюкзак колбасу, хлеб и гвозди. Сын говорит:

- Мама, а зачем это?
- Ну как же? Берешь хлеб, кладешь на него колбасу и ешь.
- А гвозди?
- Так вот же они.»

Из-за своего абсурдного юмора он является отличным маркером публики. Рассказавший этот анекдот и получивший положительную реакцию (вообразим на секунду, что еще остались люди, не слышавшие его) получает примерное представление о том, в какую компанию он попал. Эту же особенность, но в значительно более острой форме мы можем наблюдать на анекдотах политического характера. Это, кстати, объясняет их значительную потерю популярности в постсоветскую эпоху (по сравнению, например, с анекдотами про животных) – с приходом демократии аккуратное «прощупывание почвы» стало не нужным.

На примере того же политического анекдота лучше всего видна и вторая особенность жанра. Как отмечает Вадим Михайлин в книге «Бобёр, выдыхай!» [2, с. 18], анекдот обладает уникальной способностью к деконструкции любого пафоса, чего бы он ни касался. Так, например, анекдот про Брежнева и Крупскую:

«Идет однажды Надежда Константиновна Крупская по улице, а навстречу ей Леонид Ильич Брежнев и внимания на нее не обращает.

– Леонид Ильич, вы меня не узнали? Я – Крупская! Я стояла у истоков нашей Революции!

– Как-же, узнал, узнал, и мужа вашего Крупского тоже отлично помню!»

Может, мы бы и не назвали его в полном смысле слова смешным (хотя и здесь есть кантовское «напряженное ожидание, обращающееся в ничто»), но с деконструкцией официального пафоса он справляется отлично. Официальное, сакральное сталкивается с профанным и бытовым и на этом стыке возникает советский анекдот.

Однако, в современную, постсоветскую эпоху положение анекдота значительно изменилось. Функцию определения «своих» и «чужих» во многом взяли на себя мемы – произнеся подходящую фразу из общеизвестного видео, можно сориентироваться в том, насколько сходны (или различны) культурные бэкграунды собеседников.

Деконструкция пафоса же перестала быть актуальной в постсоветском пространстве. Отсутствие государственной идеологии лишило политический анекдот смысла. Единственная область, с которой до сих пор «заигрывает» анекдот – религия, поскольку она свою сакральность не потеряет никогда.

Анекдоты в современности – своеобразное интеллектуальное развлечение, область экспериментов, нежели живая часть актуальной культуры. Их можно коллекционировать, собирать, переделывать, «травить» в компании таких же любителей юмористического антиквариата. Однако анекдоты редко можно вписать в современный социокультурный контекст.

Список используемых источников:

1. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 128 с.
2. Михайлин В. Ю. Бобер, Выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 232 с.

Anecdote in Post-Soviet Culture

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Tikhomirov Ivan

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: 9215544711ti@gmail.com

The article examines the role and significance of an anecdote in Soviet and post-Soviet culture. The functions of a modern anecdote are determined.

Keywords: post-soviet culture, humor, anecdote.

References:

1. Bergson, H. (1992). *Smekh* [Laughter]. Moscow: Iskusstvo. (in. Russ.)
2. Mikhailin, V. (2022). *Bober, Vydykhay! Zametky o sovietskom anecdote i ob istochnikakh anecoticheskoi traditsii* [Beaver, Exhale! Notes on the Soviet joke and on the origins of the anecdotal tradition]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

Концепт солидарности в учении В. Соловьева: история и современное прочтение

Якимова А.С.

В статье автор анализирует важность единства народа как принципа «всеединства», построенного на взаимной помощи и сплоченности посредством формирования общих ценностей, целей и задач. Акцент делается на том, что солидарность представляет собой необходимое разделение с окружающими их забот, проблем, болезней, скорби и т.д. на основе общей любви к Богу.

Ключевые слова: всеединство, солидарность, В. Соловьев, сплоченность, человечество.

Поиск общественного идеала в отечественной философии производился большим количеством русских мыслителей, которые через призму анализа общественной реальности приходили к следующему выводу: социум представляет целое, элементы которого находятся в тесной взаимосвязи и при этом каждый в отдельности обладает своей свободой. К числу таких мыслителей, чьи стремления отыскать целостность общественных отношений выражаются в качестве утверждения идеи солидарности, относится русский

Якимова Анастасия Сергеевна, студент бакалавриата, Философский факультет,
Воронежский государственный университет

адрес для корреспонденции: akimovanasta03@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.С.Якимова

философ В.С. Соловьев. Для него нравственность выражает общественные отношения и, как следствие, выступает формирующим фактором общества и человека, чье взаимодействие приводит к историческому прогрессу и развитию. Отсюда рождается центральная идея философской концепции В.С. Соловьева – идея о наличии у человечества общей цели развития, раскрывающейся через понятие «богочеловечество», что представляет собой объединение человека с богом (стремление к внутреннему единству с богом через отрицания в себе эгоистической воли). «Чтобы достичь объединения с Богом, человечество само должно объединиться. И для этого, в первую очередь, должны объединиться христиане, то есть христианство должно стать единым» – пишет В.С. Соловьев. Иными словами, необходимо объединение всего общества с церковью как принципа, организующего всю Вселенную [1, с. 552].

Философия В.С. Соловьева рассматривает концепт солидарности через взаимопонимание, которое возникает между различными индивидами в обществе. В этом ключе мы можем говорить о трех столпах его учения – стыд, жалость и благоговение. Это основные чувства человека, благодаря которым появляется возможность выстраивать нравственные отношения относительно того, «что ниже человека, что равно ему и что выше его». Господство над материальной чувственностью, солидарность с живыми существами и внутреннее добровольное подчинение сверхчеловеческому началу – вот вечные незыблемые основы нравственной жизни человечества» [2, с. 135]. Все остальные добродетели являются производными от первых трех. Стыд показывает, как человек воспринимает материальный мир с точки зрения этических отношений. Жалость заставляет индивида ощущать страдания другого, т.е. образ Другого в этом ключе предстает перед нами как копия меня самого. Отсюда В.С. Соловьев, выводит следующий принцип (золотое правило морали) – «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой самим», т.е. чувство жалости раскрывается перед нами как солидарность с другими. Благоговение есть стремление к идеалу и самосовершенствование личности. Человек, который всячески стремится привнести в свою жизнь больше нравственных начал, способствует развитию общества. Однако В.С. Соловьев отмечает, что «степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру, без чего общественная среда никаких прав на единичного человека не имеет» [2, с. 393], т.е. как личность развивает общество, так и общество должно способствовать развитию личности, а для этого оно также должно быть гуманным и нравственно направленным. Смысл человеческой жизни состоит в том, чтобы служить добру и приумножать его своими действиями; он полностью определяется человеком и материализуется в его морально-нравственных поступках.

В современном контексте концепция солидарности В.С. Соловьева может быть интерпретирована через призму различных философских и социальных движений. С процессом становления смарт-электронной культуры человечество получило новые способы ведения диалога посредством социальных сетей, мессенджеров, сайтов и многих других виртуальных площадок. Теперь ставится вопрос о солидарности как о феномене, который, будучи встроенным в структуру Всемирной Паутины, формирует абсолютно новое пространство взаимодействия социальных агентов. Также, с точки зрения психологических исследований, солидарность выступает важным компонентом в развитии таких качеств, как сострадание, эмпатия, взаимопонимание и т.д. При этом для осмысления феномена солидарности многие политические, экономические, религиозные вопросы требуют нового взгляда не только локальных групп, но и мировых, что развивает культуру и позволяет осуществлять диалог уже на международном уровне.

Подводя итог статьи, хочется отметить, что достижение социального порядка и умение его поддерживать – тема, которая интересует не одно поколение философов, социологов и политологов. В условиях социальной трансформации и ускоренного развития глобализации идея солидарности становится актуальной, поскольку она закладывает основу для создания более гуманных и справедливых обществ, в которых акцент делается на учетывании мнения и интересов всех, а не только отдельно взятых индивидов.

Список используемых источников:

1. Соловьёв В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 548–556.
2. Соловьёв В.С. Оправдание добра. // Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. С. 47–549.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Гаршин Николай Александрович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета.

The Concept of Solidarity in the Teachings of V. Solovyov: History and Modern Interpretation

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Yakimova Anastasia

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Voronezh State University

Correspondence to: akimovanasta03@mail.ru

In the article, the author analyzes the importance of the unity of the people as the principle of “all-unity”, built on mutual assistance and cohesion through the formation of common values, goals and objectives. The emphasis is on the fact that solidarity is a necessary separation from others of their worries, problems, illnesses, sorrows, etc. based on a common love for God.

Keywords: unity, solidarity, V.S. Solovyov, cohesion, humanity.

References:

1. Solovyov, V. (1988). Pervyj shag k polozhitel'noj ehstetike [The first step towards positive aesthetics]. In *Collected works in 2 volumes* (Vol. 2) (pp. 548–556). Moscow: Mysl'. (in Russ.)
2. Solovyov, V. (1988). Opravdanie dobra [Justification of goodness]. In *Collected works in 2 volumes* (Vol. 1) (pp. 47–549). Moscow: Mysl'. (in Russ.)

Патология неприятия: мир несвободы как перевёрнутая реальность

Гасенко В.В.

Работа посвящена проблеме субкультурных взаимоотношений лиц, лишённых свободы. Рассматривается мир перевёрнутых ценностей и возможность возвращения из этого мира (на примере СВО).

Ключевые слова: тюрьма, десоциализация, наказание, преступление, делинквентное поведение.

Отвергнутые обществом создают свой замкнутый мир. Тем самым они в свою очередь отвергают тех, кто отверг их. Они создают свои правила и свои ценности. В рамках групповой деятельности у заключённых формируется чувство оппозиции государству, общественным институтам и общепринятой культуре. Внешняя среда начинает восприниматься как враждебная, чужая. Такое восприятие окружающего мира корректируется с большим трудом. Над ними постоянно довлечет чувство, что люди менее достойные пользуются большими благами. Человек – существо социальное, которое стремится принадлежать к престижной для него группе. Если человек выбирает для себя в силу различных причин преступное поведение, то он со временем всё дальше

Гасенко Вадим Вадимович, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: vadimgasenko@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© В.В.Гасенко

оказывается от формальных связей – семейных, профессиональных, общественных – и главных позитивных ценностей общества. Изоляция человека при отбывании наказания в виде лишения свободы приводит иногда к полной десоциализации.

В неформальной среде существует свой процесс теневого нормотворчества, как в официальной организации существуют документы и определённые нормы нравственности. В основе неформального кодекса поведения лежат выработанные многолетним опытом противоправной деятельности антиобщественные традиции и обычаи.

Как правило, соответствующая социальная группа требует от своих членов неукоснительного следования неформальным правилам, которые существенно отличаются от принятых норм взаимоотношения между людьми. Среди людей, принимающих эту систему, существует достаточно строгая иерархия.

Вопросы «преступления и наказания» изучают не только профессиональные юристы, работники системы исполнения наказаний и полиция, но и историки, филологи, писатели. В философии эту проблему рассматривал Мишель Фуко в своих работах «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы». Так, Фуко считает, что «для осуждённого наказание есть механика знаков, интересов и длительности. Но виновный – лишь одна из мишеней наказания. Ведь наказание направлено главным образом на других, на всех потенциально виновных» [5, с. 133]. Как же наказание влияет на самого осужденного и есть ли путь возвращения из мира перевёрнутых ценностей в мир здорового общества, какова «эффективность» тюрьмы, если общество чаще всего не находит в себе силы принять вернувшегося из мест лишения свободы и у освободившегося не остаётся выбора? В условиях современной России появился опыт заключения осуждёнными контрактов с Министерством обороны, в результате выполнения которых бывшие отверженные возвращаются с государственными наградами, с ранениями и отношение общества к ним изменяется. В равной степени изменяется и их отношение к обществу и к своему месту в нём. Таким образом, в докладе рассматривается трансформация поведения от неприятия и отрицания окружающего мира до самоутверждения в этом мире и получения общественного признания с точки зрения философии.

Список используемых источников:

1. Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 204 с.
2. Ефимова Е. С. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. М.: О.Г.И., 2004. 398 с.
3. Солоницын П. С. Концепция талиона и порядок отбывания уголовного наказания: пенитенциарные идеи Э. Ю. Соловьёва // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 3. С. 72-76.

4. Туленков Д. Ю. Шторм З. У вас нет других нас. Москва: Яуза-каталог, 2024. 224 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. Москва: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 416 с.
6. Шабрин П. В. ВЕРА: Литературно-художественное издание. М.: Пан пресс, 2024. 168 с.

The Pathology of Non-Acceptance: The World of Unfreedom as an Inverted Reality

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Gasenko Vadim

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: vadimgasenko@yandex.ru

The work is devoted to the problem of subcultural relationships of persons deprived of freedom. It considers the world of inverted values and the possibility of returning from this world (on the example of the Special military operation).

Keywords: prison, desocialisation, punishment, crime, delinquent behaviour.

References:

1. Anisimkov, V. (2003). *Rossia v zerkale ugovolnykh traditsij tyurmy* [Russia in the mirror of criminal traditions of prison]. Saint-Petersburg: Yuridicheskij centr Press. (in Russ.)
2. Efimova, E. (2004). *Sovremennaya tyurma: Byt, tradicii i folklor* [Modern Prison: Life, Traditions and Folklore]. Moscow: O.G.I. (in Russ.)
3. Solonitsyn, P. (2022). *Konceptsiya taliona i poryadok otbyvaniya ugovolnogo nakazaniya: penitentsiarnye idei E. Yu. Solovyova* [The concept of talion and the order of serving criminal punishment: penitentiary ideas of E. Yu. Solovyov]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 3, 72-76. (in Russ.)
4. Tulenkov, D. (2024). *Shtorm Z. U vas net drugikh nas* [Storm Z. You don't have the other us]. Moscow: Yauza-katalog. (in Russ.)
5. Foucault, M. (2020). *Nadzirat i nakazyvat: Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh». (in Russ.)
6. Shabrin, P. (2024). *VERA: Literaturno-khudozhestvennoe izdanie* [FAITH: Literary and Artistic Edition.]. Moscow: Pan press. (in Russ.)

Виновны ли: к вопросу о принятии коллективной ответственности

Заднепровская А.О.

Дискуссия о возможности принятия коллективной ответственности является наследием тоталитарной эпохи XX столетия. Несмотря на распространенную точку зрения о том, что население не может отвечать за действия власти, опираясь на факт того, что тоталитарный режим держится на самих гражданах, их поддержке, делается вывод о необходимости принятия коллективной ответственности за преступный режим государства. Это является единственным способом предотвращения повторения тоталитарного режима в будущем.

Ключевые слова: коллективная ответственность, тоталитаризм, массовый человек, идеология, демократизация.

В настоящей работе предпринята попытка оценки возможности принятия коллективной ответственности всем населением за допущение тоталитарного политического режима, в рамках которого государство совершало преступления против граждан. Необходимость принятия коллективной ответственности обуславливается тем, что население, соглашаясь

Заднепровская Ариана Олеговна, студент бакалавриата, Юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ

адрес для корреспонденции: zadneprovskayaariana@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.О.Заднепровская

с действиями власти, само способствует становлению тоталитаризма. Хуан Линц подчеркивает, что для тоталитаризма характерна высокая мобильность населения [1, с. 40]. Чем гражданин активнее, тем большие привилегии он получает (вид активности абсолютно не важен, это может быть абсолютно аморальная, преступная деятельность, которая поддерживается государством – пример Адольфа Эйхмана). Именно поэтому Х. Арендт отмечала, что тоталитаризм держался не на идеологах, а на обыкновенных исполнителях [2, с. 120]. В данном контексте стоит упомянуть философское определение «человека массы», который послушно выполняет все указания со стороны государства, не задумываясь о целях и последствиях своих поступков. Как указала Х. Арендт в названии своей работы: зло банально. И объективно оценивая эту ситуацию, нельзя выделить, кто именно из граждан виноват в том, что делает государство, а именно в уничтожении своих же граждан. Каждый человек был подвержен этому губительному влиянию идеологии и стал «массой», отличие между гражданами заключается в том, что кто-то лично совершал преступления, а кто-то не принимал в этом участия, при этом не пытаясь противостоять произволу. Это является одним из оснований признания коллективной ответственности всеми гражданами.

Население должно признать именно ответственность, а не вину. Вине достаточно быть принятой отдельной личностью, а ответственность принимается обществом в целом [3, с. 108]. Ее недостаточно принять – ее необходимо проработать, для недопущения повторения преступного режима. Сам вопрос принятия коллективной ответственности, даже за преступления перед международным сообществом, не говоря о преступлениях перед гражданами, является дискуссионным. При работе с трудным прошлым появились две противоположные позиции: народ виноват в преступлениях своего режима (Ю. Хабермас [4, с. 224]) или население страны не может нести ответственность за действия власти (Э. Нольте [5, с. 359], К. Хиндельбрандт [6, с. 46]).

Анализируется опыт принятия коллективной ответственности разными странами, делается вывод об успешности работы над трудным советским, аргентинским и испанским прошлым и незавершенной политике памяти в Польше и Литве. Этапы проработки трудного прошлого отличаются в разных государствах. В любом случае, первым этапом должен быть поиск правды о преступлениях режима, несмотря на то, что после краха преступного режима следует политика замалчивания, затягивание которой способно вернуть преступный режим (Польша, Литва, Камбоджа). Следующей стадией является открытая работа с трудным прошлым, сопровождающаяся реабилитацией жертв, пострадавших от режима, осуждением «палачей» и дальнейшей консолидацией общества на основе осознания общей памяти и «жертвами», и «палачами» (Аргентина, РФ), так как это является единственным способом предотвратить повторное становление тоталитарного режима.

Делается вывод о том, что идеология, которая является основой большинства тоталитарных режимов, зачастую мешает полноценному процессу принятия коллективной ответственности, так как многие граждане, веря в возможность реализации утопии, не считают этот режим преступным. Однако только в случае принятия ответственности произойдет недопущение в будущем преступлений государства, оправданных нереализуемой идеей, и осознание того, что жизнь человека выше величия государства.

Список используемых источников:

1. Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. 2018. № 4(120). С. 16–62.
2. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Скрипториум, 2021. 217 с.
3. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Альпина Паблишер, 2022. 220 с.
4. Habermas J. The New Conservatism. Cultural Criticism and the Historian's Debate. Cambridge: Polity Press, 1989. 315 p.
5. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
6. Рулинский В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских наук. 2013. № 1. С. 46–56.

Are They Guilty: The Issue of Accepting Collective Responsibility

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zadneprovskaya Ariana

Undergraduate student, Law Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation

Correspondence to: zadneprovskayaariana@yandex.ru

The debate about the possibility of taking collective responsibility is a legacy of the totalitarian era of the 20th century. Despite the widespread view that the population cannot be responsible for the actions of the authorities, based on the fact that the totalitarian regime rests on the citizens themselves, their support, it is concluded that it is necessary to take collective responsibility for the criminal regime of the state. This is the only way to prevent a repeat of the totalitarian regime in the future.

Keywords: collective responsibility, totalitarianism, mass man, ideology, democratization.

References:

1. Lints, H. (2018). Totalitarnye i avtoritarnye rezhimy [Totalitarian and authoritarian regimes]. *An inviolable supply*, 4(120), 16–62. (in Russ.)
2. Arendt, H. (2021). *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime* [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow: Scriptorium. (in Russ.)
3. Jaspers, K. (2022). *Vopros o vinovnosti. O politicheskoy otvetstvennosti Germanii* [The question of guilt. On Germany's political responsibility] Moscow: Alpina Publisher. (in Russ.)
4. Habermas, J. (1989). *The New Conservatism. Cultural Criticism and the Historian's Debate*. Cambridge: Polity Press.
5. Nolte, E. (2001). *Fashizm v ego epokhe* [Fascism in its era]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (in Russ.)
6. Rulinskiy, V. (2013). "Spor istorikov" v Germanii: problema otvetstvennosti za natsistskie prestupleniya [The "Dispute of historians" in Germany: the problem of responsibility for Nazi crimes]. *Vestnik slavyanskikh nauk*, 1, 46–56. (in Russ.)

Власть чрезвычайного: кейс Е. Блиновской

Козлова А.В., Королёв Р.Ю.

Данная статья на примере кейса Елены Блиновской рассматривает, как инфобизнесмены используют нестабильность в мире, вызванную чрезвычайным положением, для продвижения своего продукта. В работе показано, как магическое мышление становится способом избежать осознания невозможности контролировать окружающую реальность при её нестабильности и высоком влиянии на жизнь личности.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, магическое мышление, Елена Блиновская, манифестирование.

Covid-19 – чрезвычайная ситуация, которая повлияла на жизнь всех россиян и имела одним из своих последствий возникновение высокого интереса к продуктам, популяризирующим магическое мышление – веру в то, «что человек может влиять на различные события и окружающую действительность с помощью собственных мыслей, определенных символических действий, ритуалов, слов (даже если логические,

Козлова Анна Викторовна, Королёв Роман Юрьевич, студенты бакалавриата, Факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
адреса для корреспонденции: annakozlova2356@gmail.com, benediktovichd@gmail.com
Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025
© А.В.Козлова, Р.Ю.Королёв

правдоподобные основания для этого отсутствуют)» [1]. В свете сохраняющегося высокого уровня спроса на эзотерические услуги в российском обществе данная работа приобретает особую актуальность, позволяя проследить, какие механизмы используют инфобизнесмены для продвижения соответствующих продуктов в условиях неопределенности.

В своей статье мы рассматриваем деятельность Елены Блиновской как человека, занимающегося продажей популярных курсов по манифестированию (акту использования таких методов, как визуализация (мысленное представление чего-либо) и аффирмация (повторение позитивных фраз), чтобы помочь представить себе достижение чего-либо, полагая, что так можно повысить вероятность того, что это произойдет) [4], а также рассматриваем, как критические ситуации (в частности COVID-19) влияют на снижение уровня критики по отношению к информации, и, как следствие, росту магического мышления.

Задачи работы:

- 1) Собрать статистику по популярности «Марафона желаний».
- 2) Определить корреляцию между возникновением критической ситуации и увеличением числа людей, прибегающих к услугам Блиновской.
- 3) Выделить, при помощи каких средств Елена Блиновская убеждала людей в эффективности своего продукта.
- 4) Определить причину роста популярности «Марафона желаний» в чрезвычайной ситуации.

Популярность запроса «марафон желаний» – самого знаменитого продукта в данной сфере – прослеживалась на протяжении 2020-2021 года, а после пандемии вернулась к низкому уровню с одним пиком в апреле 2023 (в это время была арестована Е. Блиновская – автор данного информационного продукта, интересом к этой новости объясняется рост числа запросов) [3].

Пандемия породила «инфекционный синдром», который «в социальном проявлении выражается в постоянном страхе, нетерпимости и агрессии, ярком проявлении стигматизации, обесценивании того, что считалось важным буквально вчера» [2]. Выявилась крайне высокая зависимость человека от внешней среды, на которую он не способен повлиять.

В этом контексте магическое мышление – инструмент создания иллюзии безопасности, полного контроля над происходящим в мире. Лаура Д'Олимпико, доцент философии образования в британском Университете Бирмингема, пишет о том, что люди, использующие этот инструмент, «не учитывают роль удачи, случайности, привилегий и обстоятельств в объяснении того, почему одни вещи происходят, а другие – нет», то есть не принимают во внимание факторы внешнего мира, неподвластные человеку. [5]

Образ решающего фактора воли в жизни личности является основой для привлечения новых покупателей «марафона желаний». Для доказательства эффективности манифестаций Блиновская отсылалась к опыту человеческого

успеха – в первую очередь к собственному, а также к историям своих учеников. Именно позитивные результаты отдельных личностей являются главными источниками появления доверия к продаваемому продукту. Исследование Д'Олимпии показывает, что и для переубеждения человека в силе манифестации примеры неудачного опыта людей также крайне эффективны, они работают лучше, чем аргументы, о её нерациональности или негативные мнения экспертов о ней.

Аудитория Блиновской склонна к магическому мышлению, иллюстрацией этого является факт роста интереса к Марафону желаний в январях 2020-2022 годов, доказательством чего служит рост числа соответствующих запросов в Google. И если пик 2020 года можно связать с выходом одноимённого фильма, то два последующих не объясняются ничем, кроме особенного отношения к январю в культуре стран СНГ, когда люди с Нового Года начинают новую жизнь.

И Блиновская широко использовала особенности магического мышления: при формулировании желания нужно соблюдать особые ритуалы (например, составлять карты желаний или запускать в небо купленные у блогера специальные воздушные шары). Здесь же можно увидеть обращение к «божественной сущности» – Вселенной, которая, услышав желание, выбирает лучший способ его достижения личностью, а потому не всегда воплощает именно то, что загадал человек, чтобы обеспечить ему более благоприятные условия жизни. Такой приём крайне осложняет оспаривание эффективности манифестации, так как даже прямые примеры её несостоятельности могут парадоксальным образом стать подтверждением полезности данного инструмента.

Подытоживая, чрезвычайная ситуация подводит людей к мысли о невозможности контролировать свою жизнь. Они же, пытаясь сохранить контроль, прибегают к услугам инфобизнесменов, которые успешно продают курсы об «успешном успехе» благодаря силе мысли.

Список используемых источников:

1. Магическое мышление: бегство от одиночества и тревоги [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/ma/therapy/news/962013400.html> (Дата обращения: 5.02.2025).
2. Гареева И. А. Социальные изменения в условиях пандемии COVID-19 // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4(97). С. 99-109.
3. Марафон желаний // Google trends [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&geo=RU&q=%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%BE%D0%BD%20%D0%B6%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9> (Дата обращения: 05.02.2025).
4. Manifesting // Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0>

%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/manifesting (Дата обращения: 05.02.2025).

5. D'Olimpio, L. What's Wrong with Wishful Thinking? «Manifesting» as an Epistemic Vice // Wiley Online Library. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/edth.12653> (Дата обращения: 05.02.2025).

The Domination of the Emergency: The Case of E. Blinovskaya

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kozlova Anna, Korolev Roman

Undergraduate students, Faculty of international relations and political studies,
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Correspondence to: annakozlova2356@gmail.com, benediktovichd@gmail.com

This article examines how information businessmen use the instability in the world caused by the state of emergency to promote their product basing on the example of Elena Blinovskaya's case. The article shows how magical thinking becomes a way to avoid realizing the impossibility of controlling the surrounding reality, with its instability and high impact on the life of a person.

Keywords: COVID-19 pandemic, magical thinking, Elena Blinovskaya, manifestation.

References:

1. Magicheskoe myshlenie: begstvo ot odinochestva i trevogi [Magical thinking: escaping loneliness and anxiety]. URL: <https://www.hse.ru/ma/therapy/news/962013400.html> (Accessed on: 5.02.2025). (in Russ.)
2. Gareeva, I. (2021). Sotsial'nye izmeneniya v usloviyakh pandemii COVID-19 [Social changes in the conditions of the pandemic COVID-19]. *Power and management in the East of Russia*, 4(97), 99-109. (in Russ.)
3. Marafon zhelanij [Marathon of Wishes]. Google trends. URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&geo=RU&q=%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%BE%D0%BD%20%D0%B6%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9> (Accessed on: 05.02.2025).
4. Manifesting. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B>

8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/manifesting (Accessed on: 05.02.2025).

5. D'Olimpio, L. (2024). What's Wrong with Wishful Thinking? "Manifesting" as an Epistemic Vice. *Educational Theory*. 75(2), 260–270.

Трансформация понятия «чрезвычайное положение» от полемики между К. Шмиттом и В. Беньямином до биополитического дискурса

Король Е.А.

В данном докладе производится сравнительный анализ развития представлений о понятии «чрезвычайного положения» от его генезиса в полемике между К. Шмиттом и В. Беньямином, до актуальных рецепций в работах Дж. Агамбена и группы «Тиккун». Основной акцент делается на трансформации представлений о «чрезвычайном положении» от сугубо теоретического понятия до попытки его актуализации в качестве инструмента биополитики и сопротивления ей.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, биополитика, мессианство, право, суверенность.

Понятие «чрезвычайного положения» – концептуальный инструмент политического дискурса, значительно повлиявших на становление современной политической философии. Цель данного исследования – проанализировать развитие представлений о «чрезвычайном положении»

Король Елена Александровна, студент бакалавриата, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: keikeikeikuroo@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Е.А.Король

от полемики между К. Шмиттом и В. Беньямином до современной рецепции в биополитическом развороте.

Введение в политический дискурс понятия «чрезвычайное положение» относят к теоретическим работам К. Шмитта. Оно содержит в себе, во-первых, возможность включения и исключения из политических процессов, утверждение власти закона как общности, способной отделить «своих» на основе формальных признаков или общих интересов и «чужих» – на несоответствии признакам, во-вторых, на базе этого построение реагирования на политические ситуации, которые складываются в кризисах или столкновениях с группами «других», которое тоже может включать в себя практики исключения из правового поля, что воспринимается как секулярное чудо [1, с. 57], как раз установления «чрезвычайного положения» как пространства отсутствия прав, пусть и в качестве крайней меры [1, с. 16], и в-третьих, постоянного подтверждения субъектности власти, утверждение суверенности на основании возможности введения «чрезвычайного положения» [1, с. 15].

Другой разворот «чрезвычайного положения» предлагает В. Беньямин – в «Происхождении немецкой барочной драмы», «К критике насилия» и в «Тезисах о философии истории», где от суверена как источника и субъекта права можно отказаться [2, с. 90], власть и насилие становятся малоразличимы и часто взаимозаменяемы [2, с. 70] и насилие остаётся только в качестве средства, не то чтобы без цели, а с одним только желанием воспроизводить себя. «Чрезвычайное положение» у Беньямина приходится скорее правилом, которое складывается из своеволия суверена, заводящего подчинённые ему политические пространства в такие лакуны, в которых права уже не хватает [2, с. 241], само основание нехватки права лежит во власти как насилия [3, с. 56]. И даже несмотря на благовидную ссылку Беньямина на Шмитта, сложно не видеть не то что концептуальное различие у чрезвычайных положений, но скорее вызов – в усмотрении проблематики суверенности и «чрезвычайного положения»: «на сцене немецкой барочной драмы, он открыл истинное лицо суверена – театральной барочной куклы, капризной и своенравной, но не способной ни на какие решения» [4, с. 49]. В противовес этому в Тезисах кратко объявляется другая возможность чрезвычайного положения, не в смысле положенного сувереном, а в смысле противодействия положенному, действительного «чрезвычайного положения» [2, с. 242], которое можно понять как захват насильственных, а потому и властных инструментов, разворот их против включения и исключения, против довлеющего, возможность разрыва, нахождение на сломе систем, где чрезвычайность представляется как редкий шанс для революции, для последнего прыжка.

Дж. Агамбен во многом солидаризируется с Беньямином, поскольку «чрезвычайное положение» как пространство бесправия для него действительно кажется скорее уже установленным как правило, повсеместно

используемым любыми властными структурами [5, с. 92], но не может отказаться от мысли о суверене [4, с. 61], за которым стоит фигура бога, и потому остается на границе представлений, где «чрезвычайное положение» используется только как инструмент постоянного и повсеместного запугивания и подавления и теряет окно возможности для использования незаконного насилия, разрушающего право.

И потому странным представляется ссылка на Дж. Агамбена философским объединением Тиккун, которое говорит в мистических интуициях и терминах (о чем говорит даже название) по поводу «чрезвычайного положения», что не очень свойственно Агамбену, тогда как для них оно – и есть этот шанс на революцию, то самое слабое звено власти. Они предлагают вести войну с бесправным лагерным режимом власти путём стимулирования системы контроля активными «противоправными» действиями [6, с. 45], что, видимо, путём накаливания и акселерации, парализует силы власти и уничтожит все возможности доминирования над не-совсем-суверенами в понимании коллективного суверенитета обезличенной власти.

Понятие «чрезвычайное положение» оформилось философски в негласной полемике между К. Шмитом и В. Беньямином, и если в их исследованиях понятие рассматривалось в политической и мессианской размерностях, что и в дальнейшем определило две линии использования – в рамках мессианского разворота в пространстве попыток исправления мира в ожидании прихода спасения (Тиккун) и в рамках политического разворота, где положение и без того является инструментом божественного провидения в руках наместников (Агамбен).

Список используемых источников:

1. Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
2. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сборник статей. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
3. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. 288 с.
4. Чубаров И. Беньямин Шмитту не товарищ, или ошибка Агамбена // Логос. 2012. №5(89). С. 45–68.
5. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 256 с.
6. Тиккун. Тезисы о Воображаемой партии. М.: Гилея, 2022. 78 с.

Transformation of the Concept of “State of Emergency” from the Polemics Between C. Schmitt and W. Benjamin to the Biopolitical Discourse

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Korol Elena

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: keikeikeikuroo@gmail.com

This report provides a comparative analysis of the development of ideas about the concept of “state of emergency” from its genesis in the controversy between K. Schmitt and W. Benjamin, to current receptions in the works of J. Agamben and the Tikkun group. The main focus is on the transformation of ideas about the “state of emergency” from a purely theoretical concept to an attempt to actualize it as a tool of biopolitics and resistance to it.

Keywords: state of exception, biopolitics, messianism, law, sovereignty.

References:

1. Schmitt, K. (2000). *Politicheskaya teologiya. Sbornik* [Political Theology. Collection.]. Moscow: KANON-Press-TS. (in Russ.)
2. Benjamin, W. (2012). *Ucheniye o podobii. Mediaesteticheskiye proizvedeniya. Sbornik statej* [The Doctrine of Similarity. Media-aesthetic works. Collection of articles]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. (in Russ.)
3. Benjamin, W. (2002). *Proiskhozhdeniye nemetskoy barochnoy dramy* [The Origins of German Baroque Drama]. Moscow: Agraf. (in Russ.)
4. Chubarov, I. (2012). Ben'yamin Shmittu ne tovarishch, ili oshibka Agambena [Benjamin is not Schmitt's friend, or Agamben's mistake]. *Logos*, 5(89), 45–68. (in Russ.)
5. Agamben, G. (2011). *Homo sacer. Chrezvychaynoye polozheniye* [Homo sacer. State of exception]. Moscow: Yevropa. (in Russ.)
6. Tikkun. (2022). *Tezisy o Voobrazhayemoy partii* [Theses on the Imaginary Party]. Moscow: Gileya. (in Russ.)

Поэтический терроризм Хаким Бея как стратегия разрушения повседневности

Кочнева М.А.

В данной работе рассматривается поэтический терроризм Хаким Бея в качестве одной из возможных стратегий сопротивления повседневности и анализируется его сущность с позиции онтологического анархизма. Поэтический терроризм представляется способом намеренного создания чрезвычайного положения с целью изменения жизни зрителя через ситуацию эстетического шока.

Ключевые слова: поэтический терроризм, онтологический анархизм, культура повседневности, временные автономные зоны, Хаким Бей.

Концепция «поэтического терроризма» была сформулирована теоретиком онтологического анархизма Хаким Беем (Питером Ламборном Уилсоном) вместе с более известной идеей Временных Автономных Зон как возможный способ преодоления устоявшегося порядка повседневности. Задача данного исследования — проанализировать продуктивность методов борьбы, предложенных в рамках концепции «поэтического терроризма».

Кочнева Мария Андреевна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: maryko.756324@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.А.Кочнева

Впервые Хаким Бей употребляет это понятие в своей работе «Дацзыбао онтологического анархизма». Что же «онтологического» в анархизме Бей? Хаос постулируется им как онтологический принцип, как субстанция, лежащая в основе бытия, как нечто, существовавшее изначально: «извечная необтесанная глыба [...] хаос предшествует всем принципам порядка и энтропии» [1, с. 19] Но хаос забыт, заслонен понятиями о добре и зле, о законе и послушании; хаос заслонен цивилизацией. Но есть и его пророки, проповедники, «агенты хаоса» [1, с. 21], несущие в мир свидетельства о нем; они способны противостоять несчастьям, привнесенным установлением иллюзорного порядка, создавая «подлинное пространство сопротивления тотальности» [1, с. 11]. Они несут за собой саботаж, преступления против повседневности, организуют анклавов свободы в трещинах, разломах монолитов тотальных институтов, пространств изоляции. Подобный подход позволяет Хаким Бей обосновать возможность преступлений не против другого или себя, но против устоявшихся структур власти. Хаос, понятый в качестве первоначала, создает своеобразную натурфилософию, основой которой является спонтанный характер природы, случайность как всеобщий принцип существования.

Так что же такое поэтический терроризм? Это одна из радикальных стратегий, позволяющих агентам хаоса разрушать порядок повседневности через создание ситуации эстетического шока. Целью поэтического терроризма является глубинное изменение чьей-то жизни: «Поэтический террорист ведет себя как мошенник, чья конечная цель не деньги, а ПЕРЕМЕНА» [1, с. 25]. Бей предлагает множество возможных «террористических» актов, часть из которых граничит с преступлением: танцы в коридорах банков, мемориальными таблички на месте, где вас посетило откровение, забастовки с абсурдными целями, почтовое хулиганство (отправка анонимных писем на случайные адреса) и т.д. Для того, чтобы поэтический терроризм был эффективным, ему необходимо быть отделенным от традиционных структур потребления искусства, он должен быть внезапным, неожиданным, спонтанным – только так возможно достигнуть необходимого воздействия. Он должен быть обращен не на других художников, а на тех, кто еще не понял, что происходящее – это искусство.

Таким образом, можно выделить следующие структурные элементы акта, который может быть признан поэтическим терроризмом:

1. намеренное помещение зрителя в ситуацию эстетического шока;
2. отделенность от привычных способов взаимодействия с искусством;
3. нацеленность на коренное изменение жизни зрителя.

Подобная стратегия действий – метод целенаправленного создания чрезвычайного положения, разрушения привычных паттернов поведения окружающих, сталкивающихся с радикальным искусством. Поэтический терроризм действительно позволяет разрушить привычный порядок вещей,

и достигает он этого с помощью особого эстетического воздействия на публику. Поэтический терроризм действительно является продуктивной стратегией, применение которой особо актуально, в частности, в сфере современного акционизма, анализ которого возможен сквозь призму теоретических установок онтологического анархизма.

Список используемых источников:

1. Бей Х. Временные автономные зоны. М.: Chaoss press, 2023. 256 с.
2. Мартынов М.Ю. Poetic Terrorism и проблема сообщества // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. №1. С. 77-79.

Hakim Bey's Poetic Terrorism as a Strategy for Destroying Everyday Life

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kochneva Maria

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: maryko.756324@gmail.com

This work examines the poetic terrorism of Hakim Bey as one of the possible strategies of resistance to everyday life and analyzes its essence from the perspective of ontological anarchism. Poetic terrorism seems to be a way of intentionally creating a state of emergency in order to change the viewer's life through a situation of aesthetic shock.

Keywords: poetic terrorism, ontological anarchism, culture of everyday life, temporary autonomous zones, Hakim Bay.

References:

1. Bey, H. (2023). *Vremennyye avtonomnyye zony* [Temporary autonomous zones]. Moscow: Chaoss Press. (in Russ.)
2. Martynov, M. (2019). Poetic Terrorism i problema soobshchestva [Poetic terrorism and the problem of community]. *Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture and Society*, 1, 77-79. (in Russ.)

Возвышенный исторический опыт и примирение: возможен ли неконсервативный способ пережить коллективную травму?

Мирзоев К.А.

В докладе предпринимается попытка понять, почему для Анкерсмита Холокост не может быть представлен как коллективная травма. Ответ на этот вопрос позволяет как проблематизировать некоторую ограниченность концептуального аппарата Анкерсмита, так и определить особенную моральную проблематику реконструкции посттравматической идентичности.

Ключевые слова: травма, Холокост, исторический опыт.

Исследование травматического опыта достаточно давно перестало быть привилегией психологов. Так, появление «травматической истории», связанное с фигурами Доменика Ла Капра и Франка Анкерсмита, стало одним из ключевых факторов, определяющих современную историческую науку. До сих пор многие историки предпочитают очерчивать область своего интереса понятиями идентичности, памяти и нарративов.

Мирзоев Карен Авакович, студент магистратуры, Исследовательский центр
«Res Publica», Европейский университет в Санкт-Петербурге
адрес для корреспонденции: karen.mirzoev@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.А.Мирзоев

Под травматическим опытом Анкерсмит понимает ситуацию, когда память о событии оказывается слишком болезненной, чтобы оставаться мыслимой сознательно. Он выделяет два типа травматического опыта: в первом случае этот опыт удаётся сместить в бессознательное, совместив его с существующей идентичностью; во втором случае травма оказывается такого масштаба, что ей приходится примиряться не с сознательной частью идентичности, а со всей идентичностью – это разрушение прежней идентичности и образование новой, примирившейся с утратой [1, с. 440-443]. Для большей наглядности Анкерсмит вводит различие между реакционером (травма-1) и консерватором (травма-2). Реакционер стремится вернуться к прежнему укладу жизни, консерватор же таких иллюзий не испытывает – для него желание знать становится способом справиться с болью утраты прежней идентичности [1, с. 447]. Травма-2 является, согласно Анкерсмицу, возвышенным историческим опытом, то есть «внезапным осознанием нашей прежней идентичности как идентичности того человека, каким мы были до сих пор, но никогда не понимали, что были» [1, с. 477].

Анкерсмит представляет формирование западного исторического самосознания как последовательность травм второго типа, однако Холокост неожиданно выпадает из этой последовательности. Происходит это по двум причинам: во-первых, нацисты были побеждены, а реакционеры и консерваторы – представители проигравших; во-вторых, если всё же победа над нацистами сопровождалась травматическим историческим опытом, то это значит, что послевоенная идентичность основана на консервативном примирении с нацистским наследием, что противоречит базовым моральным принципам.

Цель данных тезисов – попытка посмотреть на Холокост как на травму-2, избежав при этом консервативного примирения.

Анкерсмит достаточно большую часть работы посвящает Гегелю, концептуальный аппарат которого позволяет ему описать переход от прежней идентичности к новой в результате травмы-2. Однако понятие примирения Анкерсмит наделяет исключительно моральным смыслом, что уже Гегелю противоречит [3, с. 418]. Гегелевское примирение – это попытка преодолеть ограниченность моральной позиции, разрывающей с несоответствующей представлением о должном действительностью. Примирение – это в принципе попытка преодолеть дихотомию сущего и должного, представив эти понятия в виде определённого единства. Это единство не имеет никаких религиозных тавтологий, гласящих, что мир таков, каким он должен быть, и всё к лучшему в лучшем из миров. Холокост, соответственно, возможно представить как коллективную травму, не пожертвовав базовыми моральными принципами как минимум по одной причине – примирение здесь будет означать не то, что мы смирились с господством нацистского образа жизни, а то, что мы живём в мире, где Холокост имел место быть, притом не как чистая и необходимая

случайность. Послевоенная идентичность в таком случае будет связана не с замещением желания быть желанием знать, а со старым добрым вопросом о том, как возможно писать стихи после Освенцима.

Ролан Барт ввёл важное для теории фотографии различие между *studium* (полем культурных интересов) и *punctum* (неожиданным его нарушением) [2, с. 168]. Для Барта *punctum* всегда связан со смертью и в случае достаточно старых фотографий можно сказать, что *punctum* можно найти в каждой из них. Исследовательница культурной памяти Марианна Хирш, приводя внушительное количество фотографий, видит в них не легко считываемое общее представление о Холокосте, а эти неуловимые истории – именно их она понимает под постпамятью. Соответственно, постпамять – это не передача культурного наследия от одного поколения к другому, а запоздалое понимание или аффилиативное единство переживания [4, с. 162].

Это показывает, что гегелевское примирение с Холокостом, действительно, произошло – пусть даже в виде жуткого ощущения при взгляде на старые фотографии.

Список используемых источников:

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
4. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2020. 428 с.

Sublime Historical Experience and Reconciliation: Is There a Non-Conservative Way to Face a Collective Trauma?

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Mirzoev Karen

Master's student, Res Publica Research Center, European University
at Saint-Petersburg

Correspondence to: karen.mirzoev@mail.ru

The paper attempts to understand why, for Ankersmith, the Holocaust cannot be represented as a collective trauma. The answer to this question allows us both

to problematize some of the limitations of Ankersmith's conceptual apparatus and to identify the particular moral problematic of reconstructing post-traumatic identity.

Keywords: trauma, Holocaust, historical experience.

References:

1. Ankersmit, F. (2007). *Vozvyshennyj istoricheskij opyt* [Sublime Historical experience]. Moscow: Evropa. (in Russ.)
2. Barthes, R. (2011). *Camera lucida. Kommentarij k fotografii* [Camera Lucida: Reflections on Photography]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russ.)
3. Hegel, G. (1974). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow: Mysl'. (in Russ.)
4. Hirsch, M. (2020). *Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Holokosta* [The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.)

Человеческая ситуация в «Симплициссимусе» Г.Я.К. Гриммельсгаузена: опыт трикстера эпохи «великих перемен»

Очкалов М.Р.

В докладе рассматривается опыт философских и исторических обобщений Ганса Якоба Кристоффеля Гриммельсгаузена, отражённый и сатирически интерпретированный в его романе "Симплициссимус". Анализируется ситуация человеческого существования на примере главного героя Симплициссимуса в эпоху Тридцатилетней войны, повлёкшей за собой фундаментальные социальные, культурные, экономические и политические перемены. Актуальность и полезность доклада заключается в опыте переживания эпохи перемен, которая сейчас происходит, и в том, как стать самим собой в условиях активно изменяющейся общественной реальности.

Ключевые слова: Г.Я.К. Гриммельсгаузен, Симплициссимус, трикстер, человеческая ситуация, эпоха великих перемен.

Очкалов Максим Романович, студент бакалавриата, независимый исследователь,
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
в городе Севастополе

адрес для корреспонденции: ochkalov222@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.Р.Очкалов

«Не дай Бог вам жить в эпоху перемен» – афоризм, приписываемый Конфуцию, отражает менталитет китайской цивилизации по отношению к глобальным переменам. Бесконечная борьба и единство противоположностей меняет мир и людей, живущих в нём. Люди по-разному переживают эту переменчивость: одни трагически, другие авантюрно видят в этом возможности. Интересен опыт Ганса Якоба Кристоффеля Гриммельсгаузена (1622-1676 гг.), который участвовал, пережил и осмыслил ужаснейшую для его страны «Тридцатилетнюю войну» (1618-1648 гг.), сатирически отразив её опыт в своём плутовском, отчасти автобиографическом романе «Симплициссимус».

Состояние войны для человеческого общества также естественно, как и состояние мира. Война – «отец» всех начинаний и их конец одновременно, в широком смысле борьба, причина становления по Гераклиту. Европейская цивилизация, исторически тяготеющая к прогрессу, переживала несколько системных кризисов, в ходе которых старые социальные и политические институты уступали место новым. Тридцатилетняя война в этом контексте затянувшийся кризис, который привёл к экономическому, политическому, нравственному упадку [2, с. 8]. Её бремя более всего легло на население Германии и Богемии, мест активнейших боёв. Современник Тридцатилетней войны Томас Гоббс с оглядкой на эти события создал концепцию «войны всех против всех». Афоризм Тита Плавта «человек человеку волк» также отражает условия человеческого существования того времени.

Симплициссимус – лицедействующий простак. Он был крестьянином, солдатом, доктором, нищим и отшельником. Исторической причиной тому была неустойчивость социального положения населения, вынужденного покидать родные места, становясь наёмниками или их жертвами. Культурный образ Симплициссимуса – трикстер. Он прошёл полное становления этого архетипа в разных формах: дурак, шут, плут [5, с. 97]. Для архетипа характерны переходы в разные состояния, вплоть до звериных форм. Безумец-Юпитер сравнил Симплициссимуса с Меркурием (Гермесом) – мифологическим трикстером античности [5, с. 99]. Но в отличие от классического трикстера, который получает наслаждение от своего плутовства, Симплициссимус страдает: «Я мяч преходящего счастья, образ изменчивости и зеркало непостоянства жизни человеческой» [1, с. 447].

Этот тонко осознанный приём отражает дух времени (Zeitgeist) Раннего Нового времени. Ключевой символ эпохи – колесо фортуны заменило божий промысел. Симплициссимус стремился перевести свой онтический опыт пребывания в разрываемой войной реальности в онтологически божественный, но не смог: «Прощай, мир! / Спаси тебя бог, о мир!» [1, с. 390-394]. В конце он выбрал путь отшельника. В аскезе своего детства он выучил и старался жить по этическим установкам наставника, но не понимал их [1, с.

48]. Прodelав путь длинной в жизнь, дурак стал мудрецом. Затем, поняв упадочность мира, стал анахоретом. Цикл был завершён.

Соразмерно потрясениям эсхатологические настроения достигли пика, особенно в народной культуре. На это накладывались последствия войны. Стоял вопрос выживания населения в военной и послевоенной разрухе. Гриммельсгаузен стал живым свидетелем тотального упадка. Безнравственность он предлагает преодолеть смехом, на примере своего героя (себя). Он был грешником, но имел мужество посмеяться над самим собой: «Любезный читатель, я отважился посвятить себя подобной профессии, дабы хоть немного соделать добро» [1, с. 399]. Он предпочитает «дружески укоренить» современников тем, чем сам грешил, а не «обличать и казнить генерально». Однако исследователи по-разному оценивают степень принадлежности «Симплисиссимуса» к «роману воспитания» [3, с. 17; 5, с. 91]. Я полагаю, что Гриммельсгаузен ясно обозначил характер романа в заглавии: «Мне по душе добро творить, со смехом правду говорить». Смех у него – общественная терапия; утверждение добра, преодолевающее зло; зеркало, исправляющее недостатки миропорядка.

Культура сохраняет связанные между собой смыслы, и миф имеет свойство повторяться [4, с. 89-92]. На полях Первой мировой войны в разное время и в разных местах воевали Э.М. Ремарк, Э. Юнгер, Я. Гашек. Их осмысления этой катастрофы кардинально различены. Гашек осмеивал её аспекты. Бравый солдат Швейк – иная, более жизнеутверждающая форма Симплисиссимуса, на иной опустошающей непонятной войне. Образ и эпоха различны – архетип один. Смыслы смеха и войны пересеклись. Верно словами Заратустры говорил Фридрих Ницше в отношении познания, жизни и смеха: «Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеётся над всякой трагедией сцены и жизни».

Список используемых источников:

1. Гриммельсгаузен, Г. Я. К. Симплисиссимус. М.: Художественная литература, 1976. 558 с.
2. Морозов А. А. Затейливый Симплисиссимус и его литературная судьба // Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплисиссимус. М.: Художественная литература, 1976. С. 5-20.
3. Киржаева В. П. Бахтин и Гриммельсхаузен: страница из бахтинской истории смеховой литературы // E-Scio. №2(27). 2018. С. 14-23.
4. Карасев Л. В. Философия смеха. М.: Российский гуманитарный университет, 1996. 224 с.
5. Кузнецов А. С. Симплисиссимус Г. Гриммельсгаузена как персонификация трикстера // Новый филологический вестник. 2015. №3(34). С. 90–106.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Андрей Владимирович Ставицкий, кандидат философских наук.

The Human Condition in H. J. C. Grimmelshausen's *Simplicissimus*: The Experience of the Trickster of the Age of “Great Change”

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ochkalov Maxim

Undergraduate student, Independent Researcher, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol

Correspondence to: ochkalov222@mail.ru

The report deals with the experience of religious-philosophical and historical generalisations of Hans Jakob Christoffel Grimmelshausen, reflected and satirically interpreted in his novel 'Simplicissimus'. The situation of human existence (human condition) is analysed on the example of the protagonist Simplicissemus in the conditions of the Thirty Years' War, which entailed fundamental social, cultural, economic and political changes. The relevance and usefulness of the report lies in the experience of experiencing the age of great changes that is now underway and how to become yourself in the conditions of actively changing social reality.

Keywords: H. J. C. Grimmelshausen, Simplicissimus, trickster, human condition, age of great changes.

References:

1. Grimmelshausen, H. J. C. (1976). *Simplicissimus* [Simplicissimus]. Khudozhestvennaya Literatura. (in Russ.)
2. Morozov, A. (1976). Zatejlivyj Simplicissimus i ego literaturnaya sudba [Intricate Simplicissimus and his literary fate]. *Grimmelshausen, H. J. C. Simplicissimus. Khudozhestvennaya Literatura*, 5-20. (in Russ.)
3. Kirzhaeva, V. (2018). Bahtin i Grimmelshausen: stranica iz bahtinskoj istorii smekhovoj literatury [Bakhtin and Grimmelshausen: a page from Bakhtin's History of Laughter Literature]. *E-Scio*, 2(27), 14-23. (in Russ.)
4. Karasev, L. (1996). *Philosophiya smeha* [Philosophy of laughter]. Russian State University for the Humanities. (in Russ.)
5. Kuznetsov, A. (2015). Simplicissimus H. Grimmel'sgauzena kak personifikaciya trikster [Simplicissimus of H. Grimmelshausen as Personification of the Trickster]. *New Philological Bulletin of the Russian State University for the Humanities*, 3(34), 90-106. (in Russ.)

Тенденция к забвению: механизмы подавления памяти о травматических событиях

Репина А.В.

В докладе рассматривается сложная природа памяти как хранилища индивидуального опыта и её критическая роль в формировании идентичности. Подавление воспоминаний о травматических событиях воспринимается как двойственный механизм: с одной стороны, он защищает психику, позволяя избежать повторного переживания страха, а с другой – искажает восприятие реальности и ведёт к психопатологическим состояниям. Анализ идей П. Рикёра, З. Фрейда и Б. Колка приводит к выводу – подавленные воспоминания сохраняются в бессознательном и продолжают оказывать влияние на повседневную жизнь, что обостряет необходимость в проработке травматического опыта и его интеграции в сознательную психическую структуру человека.

Ключевые слова: память, механизмы подавления, травматические события, травма.

В современных реалиях мы наблюдаем неоспоримое возрастание числа индивидов, находящихся под воздействием травматических событий.

Репина Анастасия Владиславовна, студент бакалавриата, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: st118044@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.В.Репина

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, порядка 70% человечества сталкивается с событиями травмирующего характера, оказывающими разрушительное влияние на психическую целостность личности [2]. Такое статистическое соотношение создаёт необходимость глубокого анализа механизмов подавления памяти, возникающих в ответ на травматические воздействия, потому вполне справедливо утверждать, что исследование тенденции к забвению в наши дни становится особенно актуальным.

Цель данного исследования заключается в анализе механизмов подавления памяти о травматических событиях и оценке их влияния на повседневные процессы жизнедеятельности индивида и его психофизическое состояние.

Память как хранилище индивидуального опыта играет ключевую роль в формировании идентичности; именно через осознание своих подавленных воспоминаний, согласно П. Рикёру, человек может обрести целостное представление о себе [3]. В этом контексте подавление памяти о травматических событиях можно рассматривать как сложный процесс, в котором взаимодействуют когнитивные, эмоциональные и социальные факторы: это явление, подобно тени, скрывает от нашего сознания те аспекты бытия, которые могут угрожать целостности психики и нарушать гармонию внутреннего мира.

Данное положение находит подтверждение у З. Фрейда, который в своей работе «Психопатология обыденной жизни» полагает, что подавление является защитным механизмом психики, который используется как способ отгородить себя от болезненных или пугающих воспоминаний. Он утверждает следующее: «даже у здоровых, не подверженных психозу людей, можно в изобилии найти указания на то, что воспоминания о тягостных впечатлениях и представления о тягостных мыслях наталкиваются на какое-то препятствие» [4, с. 74]. Таким образом, когда индивид сталкивается с событиями, вызывающими сильную тревогу, страх или боль, его психика инстинктивно стремится избежать этих эмоций, перемещая соответствующие воспоминания в бессознательное.

Однако З. Фрейд подчеркивает, что подавленные воспоминания не исчезают; у них есть способность влиять на наши действия и эмоции, даже если мы не осознаем их наличия [4]. Следовательно, подобного рода «сокрытие» травмирующих воспоминаний может исказить восприятие реальности и провоцировать различные психические расстройства; это свидетельствует о том, что механизмы подавления оказывают неблагоприятное влияние на психоэмоциональное состояние человека в повседневной жизни, включая его интеграцию в рутинные активности.

Удивительно, что память о травматических событиях фиксируется не только в сознании, но и в теле. Так, Б. Колк подчеркивает, что «травма – это не просто произошедшее в какой-то момент прошлого событие, но ещё и отпечаток,

оставленный этими переживаниями на разуме, мозге и всем теле» [1, с. 11]. Данное заключение свидетельствует о том, что подавление эмоций и воспоминаний о травматических событиях является лишь временной мерой, «откладывающей» страдания на более поздний срок.

Следовательно, механизмы подавления памяти оказывают негативное воздействие на существование индивида, функционируя подобно бомбе замедленного действия: игнорирование травматических событий в долгосрочной перспективе может вызывать резкие эмоциональные колебания и соматические расстройства, что, в свою очередь, способно существенно ухудшить повседневную жизнь индивида и затруднить процесс его адаптации к окружающим условиям.

Таким образом, проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, что механизмы подавления памяти могут быть как защитными, так и деструктивными. С одной стороны, они служат средством самосохранения, позволяя индивидам избежать повторного переживания страха и боли. С другой стороны, чрезмерное подавление может привести к искажению восприятия реальности, и, как следствие, – способствовать возникновению различных психопатологических состояний. Возникает парадокс: стремление к забвению, будучи естественным инстинктом, может обернуться против самого индивида, порождая новые формы страдания.

Такой подход открывает новые перспективы для изучения тенденции к забвению и подчеркивает двойственную природу механизмов подавления памяти о травматических событиях. Более продуктивная постановка проблемы должна учитывать данное противоречие, предлагая подходы, которые будут ориентированы на проработку травматического опыта и его адаптацию в повседневную жизнь индивида.

Список используемых источников:

1. Ван дер Колк Б. Тело помнит всё: какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают её преодолеть. М.: Эксмо, 2021. 464 с.
2. Всемирная организация здравоохранения. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder>. (Дата обращения: 13.01.2025).
3. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
4. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. СПб.: Азбука-классика, 2006. 192 с.

Tendency to Forget: Mechanisms of Suppression of Memory of Traumatic Events

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Repina Anastasia

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st118044@student.spbu.ru

The report examines the complex nature of memory as a repository of individual experience and its critical role in identity formation. Suppression of memories of traumatic events is perceived as a dual mechanism: on the one hand, it protects the psyche, allowing you to avoid reliving fear, and on the other, it distorts the perception of reality and leads to psychopathological conditions. An analysis of the ideas of P. Ricoeur, Z. Freud and B. Kolka leads to the conclusion that repressed memories persist in the unconscious and continue to influence daily life, which exacerbates the need to study the traumatic experience and integrate it into the conscious mental structure of a person.

Keywords: memory, suppression mechanisms, traumatic events, trauma.

References:

1. Van der Kolk, B. (2021). *Telo pomnit vsyo: kakuyu rol' psikhologicheskaya travma igrayet v zhizni cheloveka i kakie tekhniki pomogayut yeyo preodolet'* [The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma]. Moscow: Eksmo. (in Russ.)
2. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroystvo (PTSR) [Post-traumatic stress disorder (PTSD)]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder>. (Accessed on: 05.02.2025). (in Russ.)
3. Ricoeur, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabytiye* [Memory, history, forgetting]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury. (in Russ.)
4. Freud, S. (2006). *Psikhopatologiya obydennoy zhizni* [Psychopathology of Everyday Life]. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika. (in Russ.)

Кризисная антропология: «homo in discrimine»

Сташевски М.

Человек, переносящий определенные кризисные ситуации вынужден определенным образом реагировать не только на них, но и в последующем выстраивать себя после их завершения. В докладе предлагается рассмотреть, как человек способен переносить преломления действительности, адаптироваться к ним и возвращаться к рутинности с изменениями и памятью о прошедшем событии.

Ключевые слова: философская антропология, незавершённость человека, кризисные ситуации, повседневность.

Говоря о том, что кризисное событие растворяется в человеке, мы не можем исключать неизгладимый вклад, которое оно оставляет внутри него. Если мы полагаем некое взаимодействие человека и чрезвычайного события как протекающий процесс, откликающийся в устройстве человека, то возникает проблема определения направленности движения такого события. То есть восприятие разрушения устоявшегося порядка должно каким-то образом взаимодействовать с человеком не в одностороннем порядке. Проблема заключается в неопределённости этого процесса, если мы полагаем изменение

Сташевски Марк, студент бакалавриата, Философский факультет,
Казанский федеральный университет

адрес для корреспонденции: OperatorasLST@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.Сташевски

в человеке, то необходимо объяснить саму их возможность. С одной стороны, мы имеем стабильность человеческого тела, а именно устройство остаётся относительно неизменным, как и способы его взаимодействия с миром [1, с. 41]. Повреждения, нанесённые человеку через разрушение повседневности его существования, не приносят гибели человеку. Способность восстанавливаться и сохранять память о событии вытягивает нас из положения преломления. Следовательно, мы не можем говорить о том, что каждый кризис переносится человеком настолько чувствительно, что изменяется сама его природа. Однако, с другой стороны, человек стабилен в своей неопределённости – мы не способны как некоторые животные реагировать на воздействие окружающей среды меняясь физически, но наша неопределённость позволяет переносить кризис. То есть всякое негативное воздействие извне понимается как временно действующее событие, к которому, исходя из фиксированных, ограниченных возможностей нашего тела, необходимо подобрать меру, которая позволит преодолеть или хотя бы пережить это влияние. Такой подход к кризису демонстрирует механизмы восприятия на себя разрушительных событий и последующий переход к стабилизации, но, как мы отметили ранее, кризис растворяется в человеке. Мы ответили, как он переносится, но не сказали, что позволяет рефлексировать его. Здесь следует понимать, что любая переломная ситуация так или иначе ощущается человеком и рефлексировается, но в данном случае полагается, что след, оставляемый кризисом, в последующем имеет своё проявление в повседневности, то есть событие не поддаётся забвению, а переносится. Вероятно, такая способность заключается в идее о незавершённости человека., а скорее даже великой незавершённости [2, с. 21]. Она означает, что мы не признаём себя, как нечто законченное. Такое высказывание предполагает возможность развития человека до неизвестного нам состояния, преодоления всяких невзгод и вообще процветание. Некоторым образом? признавая себя человеком незавершённым, мы утверждаем, что не имеем ничего собственного [2, с. 20], а значит можем прикасаться к всему иному, не рискуя разрушить самих себя. Это позволяет интерпретировать кризисные ситуации как нечто случающееся, во многом связанное с стихийностью. Безусловно, в преломлении действительности мы обнаруживаем роль человека, но само событие настолько превосходит нас, что мы как будто не причастны к протеканию, а лишь действуем внутри него. Помимо этого, мы переносим опыт кризиса в повседневность, как нечто иное, что требуется помнить. Мы ответили на то, как происходит перенос, но какие у него последствия? Память о повреждениях, нанесенных человеку, транслируется в повседневность создавая образ «кризисного человека» – увековечивание в человеке произошедшего события. Он должен разделять повседневность (при этом находясь в ней) и кризисное событие, демонстрируя разделение и поведение человека. Обращаясь к этому образу, можем наблюдать не только

преломление, но и изменение самого человека относительно ситуации, в которой он находится. Кризисный человек – присутствующий «другой», от которого можно узнать невысказанное нами, не рискуя выпасть из повседневности.

Список используемых источников:

1. Zapffe P. W. *On the Tragic*. New York: Peter Lang, 2024. 582 с.
2. Де Кастрэ Э. В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем, 2017. 381 с.

Crisis Anthropology: “Homo in Discrimine”

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Stashevski Mark

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Kazan Federal University
Correspondence to: OperatorasLST@gmail.com

A human experiencing certain crisis situations is forced to react in a certain way not only to them, but also to subsequently rebuild himself after their end. This paper considers how a human is able to endure refractions of reality, adapt to them and return to routine with changes and memory of the past event.

Keywords: philosophical anthropology, the incompleteness of humanity, crisis situations, mundanity.

References:

1. Zapffe, P. W. (2024). *On the Tragic*. New York: Peter Lang.
2. De Castro, E. (2017). *Kannybalskiye metafiziki* [Cannibal Metaphysics]. Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)

Агамбеновский Пульчинелла в рамках концепции чрезвычайного положения К. Шмитта

Степная К.А.

Концепция чрезвычайного положения, разработанная в XX веке К. Шмиттом, сохраняет свою популярность и сейчас. Итальянский учёный Дж. Агамбен предостерегает о возможности становления чрезвычайного положения доминирующей управленческой парадигмой современной политики. Существует ли возможность избежать становления диктатора государства, в котором не существует реальных прав и свобод, а человеческая личность стала частью тоталитарного «дисциплинарного общества»? В этом теоретическом исследовании рассматривается появление метафоричного персонажа Пульчинелла в сфере политического как способ разоблачения несправедливости чрезвычайного положения и снижения легитимности этого положения.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, диктатура, биополитика, суверенитет, шутовство, Пульчинелла.

Степная Кристина Артёмовна, студент бакалавриата, Факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

адрес для корреспонденции: kstepnaya-23@edu.ranepa.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.А.Степная

Современность всё больше уходит в режим чрезвычайного положения, которое затормаживает функционирование общепринятых норм и правил, что приводит к захвату суверенитета человеком или группой лиц, располагающих данной им властью в своих интересах. Особую значимость феномен чрезвычайного положения приобретает в 20 веке благодаря К. Шмитту и его проекту «политической теологии».

Актуальность темы сохраняется и сейчас. Например, итальянский философ Дж. Агамбен в работе «Чрезвычайное положение» пишет о возможности становления чрезвычайного положения доминирующей управленческой парадигмой современной политики [1]. Это ставит под угрозу понятия индивидуальной свободы, гражданского участия и демократии. Вместе с этим размывается Аристотелевское понятие *homo politicos* как добродетельного гражданина и почти исчезает возможность построения республики.

В более поздних работах Дж. Агамбена появляется гротескный персонаж Пульчинелла, рассматриваемый учёным как метафоричная фигура, шут, совершающий «иной подсчёт реального, избегая необходимости совершить окончательный выбор и удерживая себя между трагическим и комическим ощущением мира» [2]. Пульчинелла как бы балансирует между разными мирами, а потому не является полностью существом реального мира, что даёт ему возможность принимать любой образ, говорить правду, используя сатирические приёмы. Таким образом, Дж. Агамбен использует героя итальянской комедии как некий символ сущности человека, находящегося за пределами закона. Кроме того, Пульчинелла, в качестве архитипичного примера шута, имеет выход и на другую концепцию Шмитта – «политический романтизм».

Целью доклада является рассмотрение сущности образа Пульчинеллы в концепции чрезвычайного положения. Является ли он сувереном или только его модусом? Неизбежно ли вырождение демократии в «пульчинелловский» популизм? И насколько комичный образ способствует продлению/преодолению суверенного положения?

Итак, К. Шмитт описал понятие диктатуры как исключительное состояние, отменяющее норму, что в государственно-правовом отношении может воспрепятствовать нормальному функционированию правового государства, которое понимается философом двояко: и как государство, допускающее вмешательство в сферу гражданских интересов в соответствии с законами, и как государство, запрещающее нарушение прав и свобод в соответствии с установленной конституцией.

Продолжая свои размышления в «Политической теологии», К. Шмитт рассматривает понятие чрезвычайного положения и исключительного случая. Исключительный случай – особое явление, прецедент, не предусмотренный существующим правом и требующий незамедлительных решений. В возникшей ситуации сувереном будет тот, кто примет решение, что поставит

его над существующим правов порядком, а значит, и над конституцией. «Суверен создаёт и гарантирует ситуацию как целое в его тотальности». Порядок без права, но с сохранением «действительной нормальности» [6, с. 21].

По мнению Дж. Агамбена, в настоящее время постоянно расширяется «чрезвычайность», которая становится перманентным условием существования людей. Происходит даже распространение суверенной власти на межличностные отношения и биологический уровень существования [5]. Дж. Агамбен размышляет над понятиями «*homo sacer*» и «голая жизнь», развивая концепцию биополитики М. Фуко, представленную в работе «Надзирать и наказывать» [6], где человек в государстве предстаёт не как активный гражданин, а «послушное тело», которое, подобно механизму, строго следует всем изданным приказам [4, с. 176]. Наряду с этим появляется понятие биовласти, формирующей новый субъект управления – население. Главной задачей биовласти является оптимизация, унификация жизни широких масс.

Таким образом, в современном политическом дискурсе шутовской персонаж, как символ абсурда и парадокса, приобретает всё большие основания своей легитимности. В режиме контроля и ухода от реальности, существует возможность применения элементов иронии и сатиры как эффективных инструментов критики механизмов биополитики, что позволит обозначить нерациональные и противоречащие идеалам свободы и справедливости аспекты управления, а также сатирические мотивы в риторике некоторых политиков могут вызвать общественные дискуссии, критику существующего строя, что способно привести к качественным изменениям общества [3].

Список используемых источников:

1. Агамбен Дж. *Номо Сасер. Чрезвычайное положение*. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. Агамбен Дж. *Пульчинелла, или Развлечение для детей*. Москва: Носорог, 2021. 144 с.
3. Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. М.: Художественная литература, 1965. 545 с.
4. Кобылин И. И. *Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти* // *Философия и общество*. 2011. №3. С. 171-184.
5. Павкин Л. М. *Теория чрезвычайного положения: К. Шмитт и Д. Агамбен* // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2012. №4. С. 19-23.
6. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem. 1999. 500 с.

Agamben's Pulcinella in the Framework of K. Schmitt's Concept of the State of Emergency

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Stepnaia Kristina

Undergraduate student, Faculty of International Relations and Political Studies,
Russian Academy of National Economy and Public Administration

Correspondence to: kstepnaya-23@edu.ranepa.ru

The concept of the state of emergency, developed in the 20th century by K. Schmitt, remains popular today. Italian scientist G. Agamben warns about the possibility of a state of emergency becoming the dominant management paradigm of modern politics. Is there a way to avoid becoming the dictate of a state in which there are no real rights and freedoms, and the human person has become part of a totalitarian «disciplinary society»? This theoretical study examines the emergence of the metaphorical character Pulcinella in the political sphere as a way to expose the injustice of the state of emergency and reduce the legitimacy of this provision.

Keywords: state of emergency, dictatorship, biopolitics, sovereignty, buffoonery, Pulcinella.

References:

1. Agamben, G. (2011). *Homo Sacer. Chrezvichaynoe polozhezie* [Homo Sacer. State of Emergency]. Moscow: Evropa. (in Russ.)
2. Agamben, G. (2021). *Pulcinella, ili Razvlechenie dlya detey* [Pulcinella, or Entertainment for children]. Moscow: Nosorog. (in Russ.)
3. Bakhtin, M. (1965). *Tvorchestvo F. Rable i narodnaya cultura Srednevekovyya* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: KHudozhestvennaya literature. (in Russ.)
4. Kobylin, I. (2011). Istok i singulyarnost: G. Agamben i M. Fuko o rozhdenii biovlasti [The source and the singularity: G. Agamben and M. Foucault on the birth of bio-power]. *Philosophy and Society*, 3, 171-184. (in Russ.)
5. Pavkin, L. (2012). Teoria chrezvichaynogo polozhenia: K. Schmitt i G. Agamben [Theory of the state of emergency: K. Schmitt and G. Agamben] *North Caucasian Law Bulletin*, 4, 19-23 (in Russ.)
6. Foucault, M. (1999). *Nadzirat i nakazivat. Rozhdenie tyurmi* [To supervise and punish. The Birth of prison] Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)

Греческая трагедия как недостаточное средство восприятия реальности ужаса

Федяев Р.В.

Описание греческой трагедии, произведённое Фридрихом Ницше, представляет её как средство восприятия той части реальности, которая связывается с феноменом ужасного. Однако эффективность трагедии в данном акте не может считаться достаточной; эта проблема будет продемонстрирована на примере войны и её ужасов.

Ключевые слова: Ф. Ницше, греческая трагедия, ужасы войны, нигилизм, реальность.

Ницшеанский взгляд на трагедию можно считать уникальным, его описание древнегреческой культуры происходит через призму особой структуры, заданной двумя принципами: дионисийским и аполлоническим. Говоря о них кратко, отметим, что суть первого заключается в растворении индивида в бытии и деиндивидуализации, а второго – в формальной красоте и гармонии [3, с. 59-61]. Слиянием этих двух принципов является трагедия, которая призвана помочь древнему греку переносить ужасы и тяготы мира. Она призвана растворить индивида в пучине природно-исторических событий

Федяев Родион Витальевич, студент магистратуры, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
адрес для корреспонденции: stickmanrf@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Р.В.Федяев

(в этом заключается её дионисийский эффект), аполоническая часть придаёт трагедии форму искусства.

Однако действенность и эффективность трагедии как средства восприятия ужаса и тяжести бытия можно поставить под вопрос. В качестве примера возьмём войну, поскольку в ней «накал» ужаса может достигать такой степени, которая может переходить в безумие.

Среди греческой трагедии тематике войны прямо посвящено не так много пьес, дошедшей до нас является трагедия «Персы», написанная Эсхилом. Обратим внимание на то, как описаны ужасы войны: «... Мечутся трупы любимых наших, пеной белой одеты!» [5, с. 89], «... Так много в Персии теперь безмужних жён, матерей бездетных!» [5, с. 94], «Моря видно не было из-за обломков, из-за опрокинутых судов и бездыханных тел, и трупами покрыты были отмели и берег сплошь» [5, с. 98]. Описание несчастья производится в весьма общей форме, что правильно для трагедии, поскольку она должна быть анти-индивидуальной, оставаясь в рамках пафоса общего.

Одним из наиболее известных военных преступлений в истории является инцидент «Нанкинской резни», в ходе которой было убито около двухсот тысяч мирных жителей (оценки колеблются). Нанкин был сдан китайской армией практически без боя, после ввода японских войск в город было устроено состязание по количеству убитых местных жителей. Город был повергнут в хаос, в ходе которого жестоко уничтожалось мирное население. Подобное обильное насилие сопровождалось фоторепортажем, в связи с чем данные преступления были запечатлены в своём практически первозданном виде. Греческая трагедия не описывала подобные события в таком виде, но, можно сказать, весь ужас войны как раз и заключается в этом.

Ницше считал, что путём к нигилизму является непринятие реальности [4, с. 571-572], трагедия являлась средством её восприятия, тем самым греки должны были отвращаться от нигилизма. Однако трагедия не описывала реальные страдания; которые привязываются к страдающему субъекту как индивиду и представляют собой субъективный феноменальный опыт. Реальность означает «вещественность», а вещественность ужаса заключена в том, как индивид переносит какие-то явления, в этом, можно сказать, заключается истинный вид ужаса. Таким образом, можно заключить, что трагедия не даёт адекватное представление о реальности. Сама реальность может быть невыносима, сократическое отстранение от неё, критикуемое Ницше, может иметь более глубокий смысл, чем влечение к рациональному и «анти-жизненному». Пещера из мифа о пещере может показаться спасительной, если будет защищать от описанных выше событий: «Однако, неверно, что тени закрывают нас в тюрьму. Они держат нас в стороне от ужаса. Они сохраняют жизнь. Жизнь, если существует, то только на дне пещеры» [6, р. 46]. Тени, отбрасываемые предметами в пещере, создают лишь плоскую фигуру, не дающую никакого содержания кроме того, что дано в её форме.

Описываемые в трагедиях явления сродни этим теням, они дают формальный образ страданий.

Однако можно обратить внимание на иной аспект трагедии – то, как аполлоническое начало в ней придаёт смысл страданиям. Сам Ницше утверждал, что не сами страдания тяжелы для человека, но их возможная бессмысленность [2, с. 524]. Наделение смыслом страданий является выходом из потенциального нигилизма, но как это помогает нам столкнуться с реальностью? Ницше разделяет понятие нигилизма на два вида: активный и пассивный, первый отличается от второго утверждением воли к власти индивида, второй является упадничеством, анти-жизненностью [1, с. 46-47]. Данное разделение поможет нам лучше понять трагедию, а именно то, как она позволяет столкнуться нам с реальностью. Можно заключить, что трагедия не помогала избежать нигилизма вообще, но защититься от его пассивной формы.

Список используемых источников:

1. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883-1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста). М.: Культурная революция. 2016. 824 с.
2. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 407-472.
3. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47-158.
4. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 556-630.
5. Эсхил. Персы // Трагедии. М.: Художественная литература. 1971. С. 83-125.
6. Kain P. J. Nietzsche, Truth, and the Horror of Existence // History of Philosophy Quarterly Vol. 23, No. 1 (Jan. 2006). P. 41-58.

Greek Tragedy as an Insufficient Means of Perceiving the Reality of Horror

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Fediaev Rodion

Master's student, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Correspondence to: stickmanrf@gmail.com

Friedrich Nietzsche's description of Greek tragedy presents it as a means of perceiving that part of reality that is associated with the phenomenon of the terrible. However, the effectiveness of the tragedy in this act cannot be considered sufficient; This problem will be demonstrated by the example of war and its horrors.

Keywords: F. Nietzsche, Greek tragedy, horrors of war, nihilism, reality.

References:

1. Nietzsche, F. (2016). *Volya k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej (chernoviki i nabroski iz naslediya Fridrikha Nicshe 1883-1888 godov v redakcii Ehlizabet Fyorster-Nicshe i Petera Gasta)* [The Will to Power. An Experience of Revaluation of All Values (Drafts and Sketches from the Legacy of Friedrich Nietzsche 1883-1888, edited by Elisabeth Förster-Nietzsche and Peter Gast)]. Moscow: Kulturnaya revoliutsia. (in Russ.)
2. Nietzsche, F. (1990). Collected Works. *K genealogii morali* [On the Genealogy of Morals]. (1st ed., Vol. 2). Rus. Ed. Moscow: Mysl. 407-472. (in Russ.)
3. Nietzsche, F. (1990). Collected Works. *Rozhdenie tragedii, ili ehllinstvo i pessimism* [The Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism]. (1st ed., Vol. 1). Rus. Ed. Moscow: Mysl. 47-158. (in Russ.)
4. Nietzsche, F. (1990). Collected Works. *Sumerki idolov, ili kak filosofstvuyut molotom* [Twilight of idols, or how they philosophize with a hammer]. (1st ed., Vol. 2). Rus. Ed. Moscow: Mysl. 556-630. (in Russ.)
5. Aeschylus (1971). *Persy. Tragedii* [Perseus. Tragedies]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 83-125. (in Russ.)
6. Kain, P. J. (2006). Nietzsche, Truth, and the Horror of Existence. *History of Philosophy Quarterly*, 1 (23), 41-58.

Вынужденная миграция как фактор нарушения повседневности

Шалупенко М.М.

В докладе рассматривается процесс вынужденной миграции в современном мире с точки зрения фактора, нарушающего повседневность человека. Исследуется опыт западного общества по принятию вынужденных мигрантов. Предлагаются возможные направления для адаптации вынужденных мигрантов с целью снижения социокультурных рисков.

Ключевые слова: вынужденная миграция, повседневность, адаптация, глобализация.

Человек нуждается в стабильности, спокойствии и гармонии, однако зачастую всё это недоступно ввиду ряда проблем: экономических, социальных, экологических, политических и иных. Одной из таких проблем или даже вызовом для общества является вынужденная миграция. Вынужденная миграция в современном мире имеет большие масштабы и наблюдается тенденция к её росту. Поэтому исследование миграции как фактора, который нарушает нашу повседневность, является актуальной темой для изучения

Шалупенко Марина Михайловна, аспирант, Кафедра философии, истории и методологии образования, Республиканский институт высшей школы
адрес для корреспонденции: mschalupenko@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.М.Шалупенко

в рамках психологии, социологии, демографии, политологии и, конечно, социальной философии и антропологии.

Как известно, наибольшая миграционная волна современности произошла в 2015-2016 гг., когда из стран Ближнего Востока и Африки в Западную Европу массово двинулись беженцы, что привело к ряду негативных последствий. «Новые граждане» стали образовывать замкнутые этнические районы, со своими законами и традициями, что пошатнуло безопасность проживания, как для местных жителей, так и для самих мигрантов [1, с. 56]. Социокультурные последствия привели к тому, что мигранты стали образовывать «город в городе». Тотальная исламизация – как правило, это распространение радикального ислама – привела к отчуждению мигрантов от местных жителей. Образ «другого», укоренившийся в сознании самих мигрантов, отделил их от европейского общества [1, с. 57].

Всё это является нарушением привычной жизни как принимающего общества, так и самих мигрантов.

Как пишет Касавин И.Т.: «Чужак же, не имеющий статуса члена искомой группы, лишен тем самым и исходного пункта ориентации. Он ощущает себя аутсайдером, находящимся на периферии социального пространства» [2].

Недостаточно предоставить жильё, социальные выплаты и т.д., важна разумная социокультурная политика адаптации мигрантов. Как показал опыт, т.н. политика «Multikulti», проводимая Германией и канцлером А. Меркель, в частности, так же потерпела крах и показала свою несостоятельность.

Дом – это наша большая раковина, которая защищает нас от угроз, обладает языковой и культурной общностью. Человек, утративший своё место, свой дом испытывает упадок культурных ценностей, теряет интерес к будущему. Процесс глобализации, который мы сейчас переживаем, означает обширный процесс унификации на всех уровнях: культурном, правовом, социальном, политическом; по завершению этого процесса бежать в поисках убежища будет некуда. Идея глобализации заключается в том, чтобы лишить нас понятия Родины и уникальности «места» [3, с. 26-27]. По сути, процесс глобализации также нарушает нашу повседневность, заменяя имеющееся паттерны.

Во избежание социокультурной отчуждённости мигрантов рекомендуется проводить языковые курсы, информационные встречи с мигрантами, имеющими положительный опыт адаптации, профориентационные курсы и т.д. Помимо прочего, адекватная социокультурная политика должна проводиться и среди местного населения. Такой подход позволит избежать формирования в обществе позиций «свой-чужой» [4, с.155].

Таким образом, вынужденная миграция – неизбежное явление в современном меняющемся мире. Задача современной науки – исследовать

этот феномен в динамике, своевременно создавая условия для максимально комфортной адаптации вынужденных мигрантов, а также минимизируя антимигрантские настроения в принимающем обществе. Важно понимать, что миграция может нести не только негативные последствия, но и положительные: среди прочих, мигранты могут стать трудовым ресурсом, решить демографические проблемы и иное. И от того, насколько успешно будет проведена миграционная стратегия, и будет зависеть безопасность повседневности.

Список используемых источников:

1. Гаджимурадова Г.И., Вукчевич Н. Миграционная политика ЕС: политика гуманизма vs угроза национальной безопасности // Наука. Культура. Общество. 2023. № 4 (29). С. 54-64.
2. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон +, Канон + ОИ «Реабилитация», 2004. 430 с.
3. Григорьева М.А. Тихая повседневность пространства: освоение мира, территориальное упорядочивание и концепция привязанности к «месту» // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 2 (42). С. 20-30.
4. Шлапек Е.А., Кондратьева С.В. Миграция как вызов национальной безопасности: проблемы адаптации просителей убежища (опыт г. Торнио, Финляндия) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 150-157.

Forced Migration as a Factor in Disrupting Everyday Life

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Shalupenko Maryna

Postgraduate student, Faculty of Philosophy, History and Methodology of Education, National Institute for Higher Education
Correspondence to: mschalupenko@gmail.com

The report examines the process of forced migration in the modern world from the point of view of a factor that disrupts a person's daily life. The experience of Western society in accepting forced migrants is studied. Possible directions for the adaptation of forced migrants in order to reduce socio-cultural risks are proposed.

Keywords: forced migration, everyday life, adaptation, globalization.

References:

1. Gadzhimuradova, G.I, Vukcevic, N. (2023). Migratsionnaya politika ES: politika gumanizma vs ugroza natsionalnoj bezopasnosti [EU Migration policy: Policy of humanism vs threat to national security]. *Science. Culture. Society*, 4 (29), 54-64. (in Russ.)
2. Kasavin, I.T., Schavelev, S.P. (2004). *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life]. Kanon +, Kanon + OI «Reabilitatsiya». (in Russ.)
3. Grigorieva, M.A. (2024). Tsihaya povsednevnost' prostranstva osvoeniya mira, territorial'noe uporyadochivanie i kontseptsiya privyazannosti k «mestu» [The quiet everyday life of the space: world exploration, territorial ordering and the concept of attachment to a «place»]. *Science. Culture. Society*, 2 (42), 20-30. (in Russ.)
4. Shlapenko E., Kondrateva S. (2021). Migratsiya kak vyzov natsionalnoj bezopasnosti: problemy adaptatsii prositeley ubezhischa (opyt g. Tornio, Finlyandiya) [Migration as a National Challenge: Problems of Asylum Seekers' Adaptation (A Case of Tornio, Finland)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 466, 150-157. (in Russ.)

Игра в заботу: ювенализация и терапевтические аспекты инди-игр

Будаев Д.А.

В инди-играх последнего десятилетия все больше актуализируется проблематика существования в коллективе, бережного отношения к своим потребностям и своему психологическому здоровью. По-видимому, это часть глобального процесса, размывающего границы между категорией молодости и зрелости. Возможно, мы наблюдаем становление нового типа игр, оказавшегося под сильным влиянием японских JRPG.

Ключевые слова: кидалты, видеоигры, Отаку, ювенилизация, инди-игры.

Во второй половине 2010 гг. среди западных видеоигр начинают массово появляться проекты, цель которых – передать опыт не захватывающего, драматического приключения, но безопасного, нетравматического социума. Смысл подобных видеоигр заключается в поиске, защите и рефлексии собственной социальной идентичности. Социально-антропологические предпосылки появления подобного рода игр, их генеалогия и характерные темы пока не отрефлексированы.

Будаев Даниил Артемьевич, аспирант, Факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
адрес для корреспонденции: daniilbudaev@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.А.Будаев

По-видимому, непосредственной аудиторией подобного рода проектов являются кидалты, для которых указанный тип игр является «терапевтическим» средством. Кидалты, юные взрослые, новые взрослые и т.п. – обилие подобного рода определений говорит нам о том, что общепринятый термин для этой социальной группы еще не выработан научным сообществом. Однако в большинстве случаев речь идет о социальном явлении, в связи с которым взрослые люди в районе 30 лет (в разных определениях – от 20 до 40 лет) сохраняют черты характера 17-18-летних подростков [1, с. 30-31]. Процесс формирования взрослой идентичности растягивается. По этой причине для кидалтов характерны следующие особенности:

- Нарциссизм. В современных реалиях эта особенность личности до определенного момента может быть весьма эффективным способом участвовать в карьерной борьбе, справляться с требованиями и тревогами современной жизни [3, р. 93];
- Повышенное внимание к собственным потребностям. В результате отсутствия общественных, домашних обязанностей (обязательных для традиционного общества), «мораторий на социализацию» ведет к тому, что у человека остается больше времени на изучение собственного эго [3, р. 37];
- Внешняя манифестация индивидуальности. Данный процесс напрямую стимулируется производителями массовой культуры, иначе это можно обозначить потребительским поведением [1, с. 33];
- Тревожность. Если для «человека экономического» движущим фактором был стыд, для «психологического человека» таковым является чувство тревожности [3, р. 93].

Однако решающим фактором в становлении кидалта являются технологии. «Технологическая трансформация досуга» привела к тому, что технологии сделали наши сообщества обширнее, но локальней [3, р. 72].

Видимо, именно по этой причине схожее с описываемым нами явлением впервые наиболее ярко проявляется в Японии. Феномен начала 1980 гг. получает обозначение Отаку. Отаку – взрослый человек, сохранивший подростковое увлечение популярной культурой, воспринимающийся обществом как носитель девиантного поведения [2, р. 3-4]. Здесь необходимо обратить внимание на жанр японского RPG (JRPG), формировавшийся в 1980-1990 гг. Поэтика JRPG была во многом сходна с поэтикой *bildungsroman* (нем.), поэтикой романа воспитания [4, р. 107]. Характерные особенности JRPG:

- Юный герой. Средний возраст главного героя составляет 15 лет [4, р. 108];
- Кризис идентичности главного героя. Сюжетно это обозначается как троп амнезии или отсутствие родителей [4, р. 114];

- Линейное повествование. Данный способ повествования напоминает визуальную новеллу. Движущим ядром геймплея JRPG становится чтение текста [4, p. 107];
- Дружба, упорство и победа. Три эти понятия становятся главными ценностями в игре [4, p. 108].

Суммируя вышесказанное, главное для JRPG – дать игроку почувствовать рост своего персонажа. Все вышеперечисленные вещи мы находим в интересующей нас группе западных видеоигр второй половины 2010 гг. Для иллюстрации описываемого нами процесса лучше всего подходят такие проекты как *Undertale* (2015), *Night in The Woods* (2017), *Omori* (2020). Для всех них крайне важны три темы:

- Становление идентичности. В центре повествования находится тема роста, персонажи всех трех игр – в юном возрасте (что отражает как психологию кидалтов, так и поэтику JRPG).
- Ценность социальной коммуникации. Для кидалта крайне актуальна проблема существования внутри традиционных институтов: семья, религия, работа – это зоны социальной напряженности, поэтому важной проблематикой становится не противопоставление себя сообществу, но включение себя в него [3, p. 38].
- Психологическое благополучие. В развитых странах внешняя угроза здоровью практически устранена; основным центром опасности становятся словесные оскорбления, невербальные санкции [3, p. 196].

Таким образом, игра из инструмента развлечения постепенно становится инструментом «терапии». Для игровой индустрии предыдущих десятилетий все эти три темы, как по отдельности, так и в совокупности, никогда не являлись ведущими. Причины подобных сдвигов в интерактивных медиа крайне интересны, однако нуждаются в дальнейшем изучении.

Список используемых источников:

1. Темнова Л. В., Тезина Е. И. Кидалтинг как социальный феномен // Теория и практика общественного развития. 2018. №12(130). С. 30-34.
2. Azuma H. *Otaku: Japan's Database Animals*. London: Univ Of Minnesota Press, 2009. 200 p.
3. Cote J. *Arrested adulthood: the changing nature of maturity and identity*. New York: NYU Press, 2000. 224 p.
4. Hutcheson R. *Japanese Culture Through Videogames*. New York: Routledge, 2019. 303 p.

Playing Care: Juvenalization and Therapeutic Aspects of Indie Games

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Budaev Daniil

Postgraduate student, Faculty of Philosophy, Cultural Studies and Art, Pushkin Leningrad State University

Correspondence to: daniilbudaev@gmail.com

In the indie games of the last decade, the problem of existence in a collective, of careful attitude to one's needs and one's psychological health is becoming more and more actualized. This seems to be part of a global process that is blurring the boundaries between the categories of youth and maturity. Perhaps we are witnessing the emergence of a new type of game, strongly influenced by Japanese JRPGs.

Keywords: kidults, video games, Otaku, juvenilization, indie games.

References:

1. Temnova, L., Tezina, E. (2018). Kidalting kak social'nyj fenomen [Kidulting as a social phenomenon]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 12, 30-34. (in Russ.)
2. Azuma, H. (2009). *Otaku: Japan's Database Animals*. Univ Of Minnesota Press.
3. Cote, J. (2000). *Arrested adulthood: the changing nature of maturity and identity*. NYU Press.
4. Hutcheson, R. (2019). *Japanese Culture Through Videogames*. New York: Routledge.

В поисках потерянного времени: событийность заботы перед лицом виртуального

Булавина Б.В.

Появление интернета как публичного медиума заботы способствовало расширению понимания человеческой субъектности. Понимание человека как экстенсивного субъекта заботы немыслимо без измерения темпоральности. Цель исследования – рассмотреть, как символическое тело субъекта задается тем видом времени, которое представлено в виртуальном измерении.

Ключевые слова: забота, время, событие, символическое тело.

Забота есть исходная структурная целостность человеческого бытия. В «Бытии и времени» М. Хайдеггера именно она является экзистенциальным смыслом человеческого Dasein [1, с. 41]. Человек есть существо, заботящееся о своей жизни, об ее обустройстве. Забота не мыслима вне темпоральности, хода времени, изменений, с которыми приходится считаться. Забота в своей изначальной сути есть забота о времени, времени ушедшем, уходящем и приходящем. Главным медиумом заботы нашего века выступает интернет. Он не только сам может быть представлен в виде публичного института

Булавина Беата Вячеславовна, студент бакалавриата, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: beatabulavina@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Б.В.Булавина

заботы, системы, запрограммированной на то, чтобы предугадывать и удовлетворять потребности-желания, но также является местом встречи огромного числа разобщенных и многополярных человеческих забот. И в качестве такового world wide web задается специфическим отношением к темпоральности. С одной стороны, мы имеем дело с механистическим временем, два атрибута которого календарь и график. На сверхскоростях в вихре виртуального пространства происходит постоянная смена контента, информации, новостей, мод. Неумолимо за одним следует другое, все высчитываемо и контролируемо. Кажется, что человек должен идти в ногу с таким положением дел, вооружившись будильниками и программами с напоминаниями, стремясь все успеть и ни к чему надолго не привязываясь.

Но в реальности, для простого обывателя интернет и диджитальное пространство в целом оборачиваются гигантской черной дырой, из которой не так-то просто вылезти обратно на поверхность. Обыгрывая название эпопеи Марселя Пруста, возможно назвать время не утраченным (ведь утрата есть всегда личный отпечаток переживаний), но потерянным, неожиданно выпавшим из кармана и навсегда канувшим в Лету. Кажется, что механизмы виртуальной заботы не подкрепляют целостность человеческого бытия, а пошатывают и отчуждают ее от самой себя.

В. В. Биbihин в своей работе «Пора-бытие» рассматривает два аспекта времени: время-пространство, стандартизированное и просчитываемое, и время-событие, уникальная и неповторимая собранность в настоящем [2, с. 84]. В первом случае время лишь под-ручно, оно лишено своего внутреннего значения, оборачивается цифрами статистического учета. Время-событие же ставит вопрос об истинности: того, что ты есть, что делаешь и что способен делать. Новые технические средства уже позволили нам переосмыслить человеческую субъектность. Все больше речь идет о расширении понимания того, что есть индивидуальность и идентичность. Человек представлен не лишь как некий материальный объект с физическо-биологическими характеристиками. Он является символическим телом заботы. Фотографии, документы, вкусы, переписки, счета, собственность составляют ядро нашего Я для себя и других [3, с. 7]. Расширенный субъект, вписанный в глобальные рамки институтов заботы, нуждается в расширенном, комплексном понимании времени.

Есть ли возможность разрешить парадоксальность интернет-времени, которое своим ускорением позволяет успевать все меньше? Может ли интернет нести в себе время-событие или же он полностью лишен этого измерения? Способна ли хайдеггеровская забота-целостность структурировать символические тела во всем их многообразии? Доклад призван наметить ответы на эти и другие вопросы и предложить некоторые мысли по этому поводу.

Список используемых источников:

1. Хайдеггер М. Бытие и Время. М.: Академический проект. 2011. 435 с.
2. Биbihин В. В. Пора. СПб.: Даль. 2015. 365 с.
3. Гройс Б. Философия заботы. М.: Новое литературное обозрение. 2024. 119 с.

In Search of Wasted Time: The Eventfulness of Care in the Face of the Digital

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Bulavina Beata

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Correspondence to: beatabulavina@mail.ru

The rise of the Internet as a public medium of care has contributed to an expanded understanding of human subjectivity. Understanding a person as an extensive subject of care is inconceivable without the dimension of temporality. The purpose of my research is to examine how the symbolic body of a subject is defined by the kind of time that is represented in the digital space.

Keywords: care, time, occasion, symbolic body.

References:

1. Heidegger, M. (2011). *Bitije i vreme* [Being and time]. Akademicheskij project. (in Russ.)
2. Bibihin, V. (2015). *Pora* [Pore]. Dal'. (in Russ.)
3. Groys, B. (2024). *Filosofia zaboty* [Philosophy of Care]. Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

Самодеятельность как форма существования советской культуры

Бычкова А.С.

Советское наследие богато свидетельствами культуры непрофессионалов: начиная от кружков юных (изобретателей, математиков, журналистов и т.д.) и других клубов, заканчивая многочисленными выпусками журналов и теле- /радиопередач, посвященных возможностям человека-непрофессионала сделать что-то самостоятельно. Доклад будет сконцентрирован на особенностях фигуры «любителя» в культуре.

Ключевые слова: любитель, культура непрофессионалов, советское, самодеятельность.

Один из самых популярных вопросов в современном гуманитарном дискурсе, как в России, так и за её пределами, является вопрос о том, можно ли противопоставить капитализму нечто, помимо конца света. Этот вопрос возникает в постмарксизме (например, у Фр. Джеймисона) – после исчезновения альтернативных проектов будущего и утопий, а также после некоторого упадка многих коллективных практик, широко распространенных в 1960-е. Если открыть почти любую работу, посвященную современному

Бычкова Анна Сергеевна, студент бакалавриата, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: annaann560@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.С.Бычкова

состоянию культуры, то можно заметить, актуальные практики, конструирующие идентичность человека так или иначе связаны с личностным ростом и постоянным улучшением – «становлением лучшей версией себя». К данным работам можно отнести труды Е. Иллуз, Хана Бён-Чхоля и др. При этом «улучшение себя» обязательно сопровождается свидетельством, чаще всего официальным – это не просто желание собственного развития, это апелляция к институциональным идеалам.

Следствием этого является постоянное расширение бюрократии, о чем пишет в работе «Утопия правил» Д. Гребер. Если же обратиться к ключевым работам теоретиков «слева» 1960-х, а также к раннесоветским проектам и манифестам, то можно заметить, что как ситуационисты, так и деятели пролеткульта настаивали на принципе непосредственного участия, на важности спонтанности и значительно расширяли само культурное поле. Другими словами, многие эмансипаторные практики существовали в реальности того, что в процессе культурного творчества язык, связывающий акторов, еще предстоит найти. Таким образом, противопоставить капитализму, который апеллирует к «профессионалу» как статической категории можно позицию любителя, важная часть бытия которого – это становление и высокая вариативность.

«Любительство» как явление, которое мы можем отнести к Советскому Союзу, двоякого рода: любительство официальной и неофициальной культуры. Практики самиздата и подпольной работы будут любительскими уже в силу того, что профессиональная деятельность требовала бы большого объема пространства, техники и материальных средств, которыми неофициальная культура не располагала. Однако наш доклад посвящен «любительству» другого рода, примерами которого является художественная самодеятельность, клубы по интересам, выпуски журналов теле- и радиопередач, посвященных вопросам того, как самостоятельно можно нечто смастерить или организовать. Стоит заметить, что официальное отношение к проявлениям самодеятельности или любительства весьма амбивалентное: во-первых, самодеятельность рассматривалась в СССР одновременно как общественная деятельность и как художественная; во-вторых, самодеятельность и любительство как позитивные категории легко сменяются негативными: «дилетантизмом», «волюнтаризмом», «самовольность» [1, с. 62]. Уже исходя из приведенных выше примеров культуры «непрофессионалов», можно заметить, что её практики, с одной стороны, актуализируют творческую спонтанность (художественная самодеятельность, народные театры и хореографические коллективы), с другой – отвечают потребностям просвещения.

Непрофессиональная культура и необходимость самодеятельности получают теоретическое обоснование. Прежде всего, со стороны новых театральных деятелей [2] в 1920-е, однако самодеятельность как явление

интересует и более широкий круг исследователей. И те, и другие подчеркивают её особую синтетическую роль: в случае театра возможно действие, преобразующее роли как зрителя, так и актера; с философской же точки зрения, самодеятельность выступает как новая эпистемическая программа [3, с. 107]. Самодеятельность позволяет учитывать активность субъекта, а также его единство с действием. Не менее интересной предстает практическая реализация идеалов самодеятельности, практики которой будут рассмотрены в докладе [4].

Наконец, самодеятельность как особое пространство для реализации личности находит широкий отклик в культуре, особенно в кинематографе. Например, в фильме «Берегись автомобиля» (1966) показана деятельность любительского театра и передана дискуссия о соотношении профессиональных и непрофессиональных театров. Помимо того, что изображение народного театра в кино помогает углубить структуру действия, оно также создает некоторую альтернативу для функционирования типажей супергероев в социалистической культуре – одаривает их пластичной идентичностью.

Список используемых источников:

1. Васильева З. Самодеятельность: В поисках советской модерности // НЛО. 2014. №4. С. 54-63.
2. Керженцев П. М. Творческий театр. М.: Гос. изд-во, 1923. 234 с.
3. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. №4. С. 101-108.
4. Илюшина-Андрусенко Л. С. Классический танец в любительской хореографии // Искусство и образование. 2017. №3. С. 101-111.

Amateur Practices as a Form of Soviet Culture

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Bychkova Anna

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Correspondence to: annaann560@gmail.com

The Soviet legacy is rich in evidence of the culture of amateurs and enthusiasts: from clubs for “young” – inventors, mathematicians, journalists, etc. to numerous publications and television/radio programs dedicated to the possibilities

for non-professionals to make something themselves. The report will focus on the characteristics of the “amateur-enthusiast” figure in culture.

Keywords: amateur-enthusiast, culture of non-professionals, Soviet, amateur creativity.

References:

1. Vasileva, Z. (2014). Samodeyatelnost: V poiskakh sovetskoy modernosti. [Amateur practices: In search of Soviet modernity]. *NLO*, 4, 54-63. (in Russ.)
2. Kerzhentsev, P. (1923). *Tvorcheskiy teatr*. [Creative theater]. Gos. izd-vo. (in Russ.)
3. Rubinshteyn, S. (1986). Printsip tvorcheskoy samodeyatel'nosti (k filosofskim osnova modernoy pedagogiki). [Principle of creative amateur practices (to the philosophical foundations of modern pedagogy)]. *Voprosy psikhologii*, 4, 101-108. (in Russ.)
4. Ilyushina-Andrusenko, L. (2017). Klassicheskiy tanets v lyubitelskoy khoreografii. [Classical dance in amateur choreography]. *Iskusstvo i obrazovanie*, 3, 101-111. (in Russ.)

Влияние дигитальных технологий на модификацию заботы в озабоченность в контексте «Истории сексуальности» Мишеля Фуко

Гринь С.Д.

Современный мир имеет тенденцию квантификации жизни в связи с информатизацией и цифровизацией общества, последствием которой является создание дигитальных технологий, осуществляющих вывод определенных видов человеческой деятельности в количественные показатели и последующее конституирование человека с ними. Такая смена парадигмы сильно влияет на самовосприятие человека и восприятие общества. В данном докладе будет рассмотрено, как под давлением дигитальных технологий модифицируется понятие заботы в озабоченность в контексте «Истории сексуальности» Мишеля Фуко.

Ключевые слова: квантификация жизни, цифровое конституирование, забота, озабоченность, селф-трекинг.

В современном мире человек все чаще сталкивается с квантификацией своей жизни. Ранее данный термин принадлежал в большей степени точным

Гринь Софья Дмитриевна, студент бакалавриата, Философский факультет,
Государственный академический университет гуманитарных наук
адрес для корреспонденции: sophiagrין2255@gmail.com
Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© С.Д.Гринь

и филологическим направлением – там, где существует язык, будь то естественный или искусственный. Сейчас происходит существенное изменение, связанное с тем, что квантификация появилась и в социально-гуманитарных науках в качестве наглядного количественного показателя качественных явлений: «Увеличение количества качественной современной информации требует ее структуризации, типологизации и унификации» [3, с. 111]. Подобный тип маркирования информации переносится и на индивидуальность человека. Наглядным примером будет тенденция ассоциирования себя с количественными показателями селф-трекинга в дигитальных технологиях, например, как человека, прошедшего десять тысяч шагов за день. Главной проблемой исследования выступает следующий вопрос: почему современный человек конституирует себя цифровым показателем и как это влияет на его мировосприятие. Ранее многие авторы обращались к исследованию понятия квантификации жизни – его определения, проявления и последствий, оказывающий влияние на человека – однако попыток высказывания развернутых объяснений данного явления обнаружено не было. Актуальность работы заключается в выявлении определённой корреляции с изменением заботы о себе с возникновением и распространением дигитальных технологий.

Во-первых, для начала необходимо выяснить, почему селф-трекинг можно считать примером заботы. Селф-трекинг определяется как «практика мониторинга, учёта и анализа данных о своём образе жизни с целью самопознания и улучшения физического или психического здоровья» [1]. Почему с появлением цифровых технологий человек стал конституировать себя цифровыми показателями? Дело в том, что дигитальные устройства ведут постоянную статистику параметров физического состояния тела и подводят ее под строго унифицированные параметры, фиксирующие количественное наличие показателей, что удобно для восприятия человека. Однако есть риск игнорирования сложных качеств явлений, измерить которые в количественном, постоянном и автоматическом формате не представляется возможным: «Качественный характер шагов приобретает количественное измерение, которое начинает доминировать в восприятии владельцев носимых фитнес устройств» [2, с. 174]. Происходит ассоциирование себя с числовыми показателями. Носитель устройства соотносит себя не со своими ощущениями, эмоциями и чувствами, а со статистикой количественных показателей физических характеристик.

Так, изначальное намерение заботы о себе становится заботой о показателях, которые конституируют человека, дают ему информацию о нем же. Возникает цифровой двойник пользователя – в нем нет эмоциональных и моральных качеств, есть только количественные физические показатели. Отслеживать нефизические параметры возможно только самостоятельным ведением

дневника, не являющимся постоянным измерением и не выдающим полную статистику.

В представлении Мишеля Фуко забота о себе, своем теле и здоровье порождает строгую мораль, уравнивающую амбивалентность удовольствий. Это искусство существования, предполагающего развитие практики упражнения для надежного самоконтроля и получения чистого наслаждения самим собой [4]. В описываемой реальности Мишеля Фуко нет какого-то определенного зла, которое необходимо избегать – есть допустимая мера, подходящая для здоровья.

Какие изменения произошли в современном мире с возникновением дигитальных устройств? Количественное, постоянное измерение физических качеств, выявление статистики, оценивающей их. Имеется понятное измерение количественных показателей телесности человека, причем измерение постоянное – требующее, по интерпретации Мишеля Фуко, такое же постоянное соответствие морали для обеспечения баланса в здоровье и удовольствии, и, важно заметить, что, как и соответствие всем доступным физическим показателям (без задействования сложных систем диагностики), так и всевозможным моральным. Постоянно измеряются все показатели – значит, такое должно быть и в духовной сфере. Это превращает заботу в озабоченность, выражающуюся в постоянном желании быть «идеальным» во всех сферах жизнедеятельности.

Таким образом, конституирование людей количественными показателями происходит из-за понятности, унифицированной объективности и наглядной простоты цифровых значений, описывающих физическую сущность человека с помощью дигитальных устройств и, как следствие, создания цифрового двойника, имеющего данные пользователя. Вслед за этим меняется восприятие человека себя ввиду видимости и постоянного оценивания, измерения показателей и для выполнения этих показателей всеобъемлющая строгость наблюдения переносится в этическое измерение из-за большого перечня и постоянности выдаваемого количественного результата. Возникают возможность быть идеальным во всех показателях и необходимость отвечать этому в духовной сфере – так забота становится озабоченностью.

Список используемых источников:

1. Панов А. И., Модянова Т. В. Квантификация в социально-гуманитарных науках // Социально-гуманитарные знания. 2016. №2. С. 110-117.
2. Большая российская энциклопедия: Селф-трекинг [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/self-treking-d05292> (Дата обращения: 20.02.2025).
3. Ним Е. Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. №38. С. 172-192.
4. Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти. М.: Ad Marginem, 2025. 416 с.

The Influence of Digital Technologies on the Modification of Caring into Concern in the Context of Michel Foucault's "History of Sexuality"

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Grin Sophia

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, State Academic University for the Humanities

Correspondence to: sophiagrinn2255@gmail.com

The modern world has a tendency to quantify life in connection with informatization and digitalization of society, the consequence of which is the creation of digital technologies that bring certain types of human activity into quantitative indicators and the subsequent constitution of a person with them. This paradigm shift strongly affects a person's self-perception and the perception of society. This report will examine how, under the pressure of digital technology, the concept of caring is being modified into concern in the context of Michel Foucault's "The History of Sexuality".

Keywords: quantification of life, digital constitution, caring, concern, self-tracking.

References:

1. Panov, A., Modyanova, T. (2016). Kvantifikatsiya v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh [Quantification in social sciences and humanities]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2, 110-117. (in Russ.)
2. Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya: Self-treking [Self-tracking]. URL: <https://bigenc.ru/c/self-treking-d05292> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)
3. Nim, E. (2018). Self-treking kak praktika kvantifikatsii telesnosti: kontseptual'nye kontury [Self-tracking as a practice of bodily quantification: Conceptual frameworks]. *Antropologicheskii Forum*, 38, 172-192. (in Russ.)
4. Foucault, M. (2025). *Istoriya seksual'nosti. Tom 4: Priznaniya ploti* [The history of sexuality. Vol. 4: The confession of the flesh]. Ad Marginem. (in Russ.)

Искусственный интеллект и голосовые помощники: обладает ли «техника» словом? (*Ἡ τέχνη λόγον ἔχον*)

Дакин П.Н.

В докладе рассматривается вопрос обладания «техники» словом. Автор рассматривает возможность новейших технологий в области компьютерных наук коммуницировать с человеком в сущностной сфере λόγος'а, где совершаются речение и сказывание, посредством которых человек и «машина» конституируют себя в бытии. В данном докладе разрабатывается один из актуальных способов осмысления и становления новой концепции коммуникации живого и искусственного.

Ключевые слова: ИИ, логос, техника, слово, речь.

Коммуникация для человека остается крайне проблематизированной в современную эпоху. Межсубъектное общение tête-à-tête изживает себя.

Дакин Павел Николаевич, студент бакалавриата, Факультет морского приборостроения, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

адрес для корреспонденции: pdakkin@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© П.Н.Дакин

Искусственный интеллект и различные голосовые помощники активно входят в повседневную жизнь человека в качестве «собеседников», все чаще вытесняя «живое общение» за рамки необходимого для человека.

Исходя из современных реалий, важно поставить вопрос об основаниях для существования коммуникативной связи вида «человек-машина». Именно здесь разворачивается проблема возможности речения *ratio digital*, новейшего «носителя слова».

Важнейшим основанием для раскрытия *λόγος*'а является сущее, что совершает акт инициации сущностной сферы, в которой восходит *λόγος*. Человек способен войти в эту сферу как субъект акта высказывания, поскольку способен стать той инстанцией, которая обладает возможностью дать указание на раскрытие *λόγος*'а.

С искусственным интеллектом, как воплощением современной техники, вопрос обстоит иначе. Началом «общения» между человеком и любым искусственным интеллектом служит некоторое человеческое повеление, обращение к «слову техники». Обращение – единственное основание для возможности техники «высказаться». В связи с этим кажется неоднозначным вопрос: в состоянии ли техника стать иной инстанцией, что приоткроет сферу *λόγος*'а, вхождение в которую стоит в зависимости от властного повеления человека? Здесь следует перевести наше вопрошание в иную плоскость: способна ли техника войти в сущностную сферу *λόγος*'а «задним числом», то есть опосредованно через ответное высказывание на обращенное человеком Слово?

Человек как инстанция, санкционирующая раскрытие *λόγος*'а, предоставляет технике «слово». И это «предоставленное слово» имеет способность к открытию в *λόγος*'е лишь посредством санкционирующего субъекта речи. Опосредованное этой санкцией «речение» не оказывается, в прямом смысле, вхождением в *λόγος*, а лишь касается его в точке, границе, где человек обратился к технике. В этом смысле, только человек способен обладать Словом, вызывая к раскрытию сферы *λόγος*'а и бытуя там уже не как субъект речи, а как акт чистого высказывания и инстанция зова, преодолевающая границы этой сферы.

Лакан в своих семинарах, уточняя бытийную сферу желания, где субъект ищет встречи с объектом, артикулирует основополагающий принцип субъектно-объектных отношений. Человек входит в эту сферу как «желающий, то есть как человек в полном смысле этого слова, как говорящее существо» [1, с. 130]. Для того чтобы установить прочную связь с объектом в этой структуре, человек вынужден отказаться от своего «слова», стать тем субъектом, который «сам, как субъект речи, стерт» [1, с. 130].

Человек сказывается как бытийствующий субъект, исключаяющий себя из акта речи, становясь чистым означающим собственного присутствия. Он не несет в себе некоторый *λόγος*, он растворяется в нем, пре-бывает в становлении

Словом. Мартин Хайдеггер в курсе лекций «Парменид и Гераклит» предоставляет нам «формулу» человека в начальном мышлении древних греков. Человек предстает как «τό ζῶον λόγον ἔχον» [2, с. 151]: живое [существо], обладающее словом.

Здесь высвечивается именно та онтологическая пропасть, которая разрывает возможность истинного, «живого общения» между человеком и техникой. Сформулированное в рамках понятийного аппарата Хайдеггера условие, при котором $\eta\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta\ \lambda\acute{o}\gamma\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\chi\omicron\nu$, невыполнимо. Техника не обладает словом, но конституирует свое бытие на границе сущностной сферы $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ 'а через разрешающее слово субъекта. Техника вступает с человеком в коммуникативную связь как $\eta\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta\ \alpha\text{-}\lambda\acute{o}\gamma\omicron\nu$. Бес-словесная техника одновременно отрицает свою возможность обладания словом, но обозначает свой $\tau\acute{o}\lambda\omicron\varsigma$ в качестве «зеркала» для субъекта-инстанции санкции.

Таким образом, в данном «диа-логе» человека с машиной, раскрываются два $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ 'а: человек, как растворяющийся в Слове субъект акта речи, и человек, как инстанция, разрешающая «слово» техники.

В таком «общении», будь то печатное слово, направленное искусственному интеллекту, или речь, обращенная к голосовому помощнику, человек взывает к самому себе, как вопрошающей инстанции, расщепляя себя как субъекта. С указанного ракурса видно, что коммуникация с ИИ имеет под собой тоже онтологическое основание, что и «общение» с домашним животным или «с самим собой».

Диалог как сущностное постижение и выражение $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ 'а между человеком и ИИ не представляется нам возможным, но как таковая коммуникативная связь с ratio digital открывает возможность для уточнения $\tau\acute{o}\lambda\omicron\varsigma$ 'а человека в пространстве повседневности, оформленной «по последнему слову техники».

Список используемых источников:

1. Лакан Ж. Желание и его интерпретация. М.: Логос, Гнозис, 2021. 560 с.
2. Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009. 384 с.

Artificial Intelligence and Voice Assistants: Does “Technique” Have a Word? (Η τέχνη λόγον έχον)

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Dakin Pavel

Undergraduate student, Faculty of Marine Instrumentation, Saint-Petersburg State Marine Technical University

Correspondence to: pdakkin@gmail.com

The report explores the question of “technique’s” possession by the word. The author examines the possibility of the latest technologies in computer science to communicate with humans in the essential sphere of λόγος, where speech and saying are performed, through which a person and a “machine” constitute themselves in being. This report develops one of the most relevant ways to comprehend and becoming a new concept of communication between the living and the artificial.

Keywords: AI, logos, technique, word, speech.

References:

1. Lacan, J. (2021). *ZHelanie i ego interpretaciya* [Desire and its Interpretation]. Logos, Gnozis. (in Russ.)
2. Heidegger, M. (2009). *Parmenid* [Parmenides]. Vladimir Dal'. (in Russ.)

Императив заботы как инструмент капиталистической эксплуатации в цифровой среде

Ермишкина И.Д.

В докладе исследуется коммерциализация заботы в капиталистическом обществе, где она становится инструментом манипуляции потребностями через маркетинг и рекламу. На основе теорий эмоционального капитализма анализируется роль рыночных механизмов в создании искусственных желаний и стимулировании потребления, подчеркивается важность осознанного отношения к этим процессам.

Ключевые слова: капиталистическая эксплуатация, забота, потребитель, маркетинговые манипуляции.

Забота, которая изначально воспринималась как ключевая социальная функция, обеспечивающая поддержку и благополучие индивидов и сообществ, в условиях капиталистической системы утратила свой первичный социальный характер. В рамках рыночных отношений произошла коммерциализация заботы, что выражается в ее трансформации из акта социальной солидарности в инструмент, используемый для достижения экономической выгоды.

Ермишкина Ирина Дмитриевна, студент бакалавриата, Институт общественных наук, Оренбургский государственный университет

адрес для корреспонденции: irinadzegiskina@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© И.Д.Ермишкина

Анализ этой проблемы позволит глубже понять, как формируются новые формы потребления через манипуляцию базовой человеческой потребностью – заботой. Например, изучение маркетинговых стратегий, связанных с заботой, показывает, как эмоциональные аспекты человеческой жизни становятся объектом рыночного контроля, создавая у потребителя иллюзию удовлетворения через приобретение товаров или услуг. Существующие исследования феномена современного капитализма уделяют значительное внимание его различным аспектам, однако в российской научной среде маркетинговые манипуляции, основанные на концепции заботы о потребителе, изучены недостаточно. Эта тема особенно актуальна в контексте скрытого характера воздействия, которое часто остается незамеченным и мало обсуждается.

В докладе следует рассмотреть работу Мартейна Конингса [1], который утверждает, что капитализм основан не только на рациональном расчёте, но и на эмоциональных инвестициях, доверии и ожиданиях будущего. Это указывает на трансформацию рынков, всё больше зависящих от управления эмоциональными ресурсами.

В свете современных исследований, посвященных коммерциализации эмоциональной сферы, значительный вклад в эту область вносит Ева Иллуз. Она вводит термин «эмоциональный капитализм» [2], описывая его как систему, манипулирующую эмоциями для усиления зависимости от товаров и услуг. Этот подход переосмысляет эмоции не только как субъективный опыт, но и как стратегический ресурс, формирующий устойчивые потребительские связи.

Кроме того, Александр Сувалко анализирует эмоциональный капитализм через призму «общества переживания» Герхарда Шульце, который утверждает, что «мы являемся нашей собственной публикой, но не знаем, что происходит в нас самих» [3, с. 11]. Согласно Шульце, для интерпретации наших эмоций существуют профессионалы: журналисты, писатели, режиссеры. Однако, важно отметить, что наряду с этими фигурами, в рамках эмоционального капитализма взаимодействие с эмоциями осуществляется и другими участниками, такими как производители. Они не только интерпретируют, но и коммерциализируют эмоции, создавая продукты, которые продаются конечным потребителям.

В контексте современного общества, где экономика все больше ориентируется на психологические аспекты человеческой жизни, становится очевидным, что капитализм не только адаптируется к настроениям населения, но и активно их формирует. Как отмечает Марк Фишер: «В несравненно большей степени, чем все прежние социальные системы, капитализм одновременно питается настроениями населения и воспроизводит их. Без бредовых состояний и доверия капитализм не смог бы работать» [4, с. 69]. Это подчеркивает, что манипуляция эмоциональными состояниями потребителей

становится основной мотивации к приобретению, заменяя объективную необходимость. Потребление превращается в способ заполнения внутренней пустоты и получения кратковременного удовольствия, что требует от системы постоянного создания новых желаний из-за ограниченности дофаминовых рецепторов. В этой связи маркетинг и реклама выступают инструментами капитализма, направленными на искусственное создание потребностей и поддержание потребительской активности через формирование иллюзии недостатка или дефицита. К слову, социальные сети, предлагая персонализированный контент, используют риторику заботы, но их главная цель – максимизация прибыли за счет удержания внимания и монетизации.

Таким образом, капитализм сводит заботу о себе к потреблению: курортам, медитациям, здоровому питанию, косметике – утверждая, что это спасет от вызванной им же депрессии. Реклама упрощает заботу, связывая её с владением товарами, навязывает стандарты красоты и убеждает, что только определённые продукты обеспечивают здоровье.

Доклад демонстрирует, что в условиях цифрового капитализма рынки трансформируют заботу, превращая её в товар и лишая её первоначального смысла. Коммерциализация приводит к отчуждению, изменяя характер человеческих отношений и подчиняя их логике прибыли. Осознание этого процесса критично для предотвращения подмены подлинной заботы рыночными симулякрами, при которых потребление становится инструментом самоподдержки. Необходимо спрашивать себя: мы покупаем вещи, потому что желаем достичь определенного статуса или же нам искренне хочется проявить заботу к себе и потратиться на то, что нам действительно интересно? Осознанное отношение к цифровым технологиям в условиях капитализма и критический взгляд на их роль в нашей жизни помогут нам уменьшить влияние капиталистических механизмов, эксплуатирующих концепцию заботы.

Список используемых источников:

1. Konings M. The Emotional Logic of Capitalism: What Progressives Have Missed. Stanford, CA: Stanford University Press, 2015. 172 p.
2. Illouz E. Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism. London: Polity Press, 2007. 134 p.
3. Сувалко А. С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств: препринт WP20/2013/05/ А. С. Сувалко. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2013. 48 с.
4. Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Недорезов Вадим Георгиевич, кандидат философских наук,

доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета.

The Imperative of Caring as a Tool of Capitalist Exploitation in the Digital Environment

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ermishkina Irina

Undergraduate student, Institute of Social Sciences, Orenburg State University
Correspondence to: irinadzegiskina@gmail.com

The report examines the commercialization of care in a capitalist society, where it becomes a tool for manipulating needs through marketing and advertising. Based on the theories of emotional capitalism, the role of market mechanisms in creating artificial desires and stimulating consumption is analyzed, and the importance of a conscious attitude to these processes is emphasized.

Keywords: capitalist exploitation, caring, consumer, marketing manipulation.

References:

1. Konings, M. (2015). *The Emotional Logic of Capitalism: What Progressives Have Missed*. Stanford, CA: Stanford University Press.
2. Illouz, E. (2007). *Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism*. London: Polity Press.
3. Suvalko, A. (2013). *EHmotsional'nyj kapitalizm: kommertsializatsiya chuvstv* [Emotional Capitalism: the commercialization of feelings]. Izdat. dom Vyssh. shk. ehkonomiki. (in Russ.)
4. Fisher, M. (2010). *Kapitalisticheskii realizm* [Capitalist realism]. Ultrakultura 2.0. (in Russ.)

«Позаботься о цифровом посмертии!»

Макарова Н.П.

Цифровое посмертие, дигитальная смерть, практики цифрового воскрешения, забота о цифровом наследии – в настоящее время данные понятия становятся частью профессионального академического дискурса, знаменуя собой пересмотр фундаментальной оппозиции живое-мертвое. Цель исследования – определить линии трансформации отношения к умершим, нынешним цифровыми личностями умерших, а также описать механизм формирования и трансляции императивов заботы о смерти в дигитальной среде на базе сервисов цифровой индустрии загробной жизни. Анализ позволяет сформировать основы для переосмысления общепринятых форм обращения живых с умершими в дигитальной среде.

Ключевые слова: забота, цифровое посмертие, цифровая реальность, цифровая личность, цифровая имитация.

В октябре 2024 года Всероссийский центр изучения общественного мнения представил результаты опроса россиян о доверии искусственному интеллекту (ИИ), дифференцируя их в зависимости от сфер деятельности ИИ: «Рейтинг доверия ИИ по сферам применения возглавляют виртуальные помощники (умные колонки, часы, чат-боты и пр.) (44%), творчество (42%)

Макарова Надежда Павловна, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: np99np99@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Н.П.Макарова

и робототехника (40%). Эти сферы воспринимаются как относительно безопасные и понятные для большинства людей. Интернет вещей (умные домашние устройства, фитнес-трекеры и т. д.) уже стал частью повседневной жизни многих россиян» [1]. Представление о чат-боте ставится в один ряд с умными девайсами и умными домами. Однако данное обозначение не в полной мере отражает современный уровень развития технологий искусственного интеллекта и не позволяет учитывать актуальные разнообразные разработки в сфере ИИ.

«Женщина обвинила искусственный интеллект чат-бота в суициде ее 14-летнего сына» [2], «В швейцарской часовне установили голограмму Иисуса Христа на базе ИИ» [3] или «В Японии похоронили собак-роботов Aibo» [4] – подобные заголовки исключают приравнивание чат-ботов к простым повседневным девайсам и позволяют проблематизировать один из аспектов использования искусственного интеллекта. Данным аспектом является цифровая смерть / цифровое посмертие / цифровое бессмертие / цифровое воскрешение. Ускоренное развитие технологий ИИ, разрыв между практическим внедрением и теоретическим осмыслением их применения требует учета все новых социокультурных и этических аспектов актуальных практик. Одним из значимых вопросов среди них является неоднозначность статуса цифровой имитации. В докладе представлены актуальные иллюстрации сервисов цифровой индустрии загробной жизни (К. Оман и Л. Флориди, digital afterlife industry) [5], в которых структурируются требования заботы о себе в контексте проблематизации вопроса тождества цифровой личности умершего. Исследование базируется на разработанной исследователями Лаборатории цифровой этики Оксфордского университета К. Оманом и Л. Флориди актуальной типологизации четырех видов сервисов цифровой индустрии загробной жизни: 1) компании по управлению приватной информацией («Цифровое наследие» Apple, LifeNaut.com); 2) сервисы по обслуживанию посмертных сообщений (MyWishes); 3) онлайн-мемориалы; и 4) службы по воссозданию цифровой личности умершего (Eter9; чат-боты, дэдботы, грифботы и т.д.). Сегодня же каждому типу сервисов не только присущ принцип коммерческой выгоды от расширения сферы цифровых умерших (К. Оман, Л. Флориди), но и вменен императив заботы о цифровом посмертии – заботы о «символическом теле» (Б. Гройс) [6]. Последнее объясняется тем, что «забота о символическом теле подразумевает предвосхищение его судьбы после смерти тела физического – подобно тому, как забота о теле подразумевает ожидание его неизбежной смерти» [6, с. 13].

В итоге, вопрос тождества цифровой имитации личности умершего базируется на существующих неоднозначности статуса цифровой личности и неопределенности значения институциональной заботы о цифровом посмертии. Кем является человек в цифровой среде: обладающей всей полнотой личностью (самим собой, заботящимся о себе-самости), усеченным

изображением субъекта или намеренно идеализированным образом? Каким образом переход вопросов смерти из частной сферы в публичную в связи с цифровизацией и медиатизацией (а также при учете размножившихся сервисов цифровой индустрии загробной жизни) трансформирует практики обращения с умершими? Подобные проблемы ведут к необходимости определения параметров цифровой имитации в ИИ при учете степени искажения действительного изображения и представления человека в цифровой среде.

Таким образом, тотальная медиатизация и цифровизация современности знаменует радикальными трансформациями не только технологического, но и социального уклада. Появление специфичных как специализированных социокультурных практик, так и повседневных ставит под сомнение релевантность традиционного обращения с, казалось бы, однозначно воспринимающимися и истолкованными явлениями. В том числе, вводя в дигитальное окружение новые формы обращения со смертью, новые практики памятования и скорби, а также подкрепляя их императивом неперменной озабоченности следования им, цифровизация побуждает пересмотреть такую фундаментальную оппозицию, как живое-мертвое. Сегодняшняя интенсифицированная забота о смерти и умирании в дигитальной среде служит импульсом для анализа и описания разнообразных практик цифрового посмертия и переосмысления общепринятых форм обращения живых людей с умершими.

Список используемых источников:

1. ВЦИОМ: Пределы доверия: естественный интеллект – об искусственном [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom> (Дата обращения: 20.02.2025).
2. Газета.ru: Женщина обвинила искусственный интеллект чат-бота в суициде ее 14-летнего сына [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/23/24222913.shtml> (Дата обращения: 20.02.2025).
3. РБК: В швейцарской часовне установили голограмму Иисуса Христа на базе ИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/673f23149a7947ee21532f27> (Дата обращения: 20.02.2025).
4. Wylsa.com: В Японии похоронили собак-роботов Aibo [Электронный ресурс]. URL: <https://wylsa.com/v-yaponii-poxoronili-cobak-robotov-aibo/> (Дата обращения: 20.02.2025).
5. Öhman C., Floridi L. The Political Economy of Death in the Age of Information: A Critical Approach to the Digital Afterlife Industry // *Minds and Machines*. 2017. №27. P. 639-662.
6. Гройс Б. *Философия заботы*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

“Take Care of the Digital Afterlife!”

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Makarova Nadezhda

Independent Researcher

Correspondence to: np99np99@mail.ru

Digital afterlife, digital death, digital resurrection practices and care for digital heritage – these concepts are currently becoming part of professional academic discourse, marking a revision of the fundamental opposition between the living and the dead. The purpose of the report is to identify the lines of transformation of the practices of dealing with deceased people (the current digital personalities of the deceased), as well as to describe the mechanism of formation and transmission of imperatives of care for death in the digital environment based on the services of the digital afterlife industry. The analysis allows to identify the specific features of recreating a digital imitation of the deceased and form the basis for rethinking the generally accepted forms of treatment of the living with deceased people in digital reality.

Keywords: care, digital afterlife, digital reality, digital personality, digital imitation.

References:

1. VTSIOM: Predely doveriya: estestvennyj intellekt – ob iskusstvennom [WCIOM: Limits of Trust: Natural Intelligence on Artificial Intelligence]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)
2. Gazeta.ru: ZHenshina obvinila iskusstvennyj intellekt chat-bota v suicide ee 14-letnego syna [Newspaper.ru: Woman Blames Chatbot AI for Her 14-Year-Old Son's Suicide]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/23/24222913.shtml> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)
3. RBK: V shvejtsarskoj chasovne ustanovili gologrammu Iisusa KHrista na baze II [RBC: Swiss chapel installs AI-powered hologram of Jesus Christ]. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/673f23149a7947ee21532f27> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)
4. Wylsa.com: V Yaponii pokhoronili cobak-robotov Aibo [Wylsa.com: Japan Buries Robot Dogs Aibo]. URL: <https://wylsa.com/v-yaponii-pokhoronili-cobak-robotov-aibo/> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)
5. Ohman, C., Floridi, L. (2017). The Political Economy of Death in the Age of Information: A Critical Approach to the Digital Afterlife Industry. *Minds and Machines*, 27, 639-662
6. Groys, B. (2024). *Filosofiya zaboty* [Philosophy of Care]. Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

Цифро-забота: формирование новых идентичностей через цифровые интерфейсы

Мурзин А.А.

В тексте рассматривается феномен цифровой идентичности через призму психологических и философских концепций, анализируется влияние технологий на самовосприятие и взаимодействие людей. Автор исследует роль алгоритмов, социальных платформ и искусственного интеллекта в формировании «цифрового я», а также поднимает вопросы аутентичности, этики и последствий цифрового самовыражения. Работа включает междисциплинарный подход, опираясь на исследования Шерри Тёркл, Жана Бодрийяра, Розы Брайдотти и других мыслителей.

Ключевые слова: цифровая идентичность, гиперреальность, пластичность сознания, социальные медиа, этика самовыражения.

В современную цифровую эпоху технологические интерфейсы становятся не только инструментами коммуникации, но и пространством формирования и трансформации идентичности человека. Социальные сети, мобильные приложения и искусственный интеллект вовлекают пользователей в процесс

Мурзин Александр Александрович, студент магистратуры, Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

адрес для корреспонденции: amurzins@bk.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Мурзин

конструирования цифрового «я», которое зачастую отличается от их реального образа. Очень хорошим примером могут послужить первокурсники, которые используют помощь чатбота даже для самых примитивных задач, а для программирования или написания текстов он стал незаменимым помощником, который интегрировался в повседневность. Под влиянием алгоритмов и механизмов персонализации люди адаптируют свое поведение, создавая самопредставление, которое соответствует или должно соответствовать ожиданиям цифрового пространства. Однако с усилением технологической мощи чипов, алгоритмы достигли нового уровня, и теперь они не только отражают, но и создают нас [1, с 382].

Феномен цифровой идентичности рассматривается через призму как психологических, так и философских концепций. Влияние цифровых технологий на самовосприятие и взаимодействие с окружающими демонстрирует трансформацию субъективного опыта. Шерри Тёркл отмечает, что технологическая среда способствует конструированию «второго я», которое отражает пользователя через призму цифровых данных и алгоритмов, влияя на его восприятие и самовыражение. В свою очередь, Жан Бодрийяр в концепции симулякров утверждает, что современные цифровые технологии создают гиперреальность, в которой различие между реальным и виртуальным исчезает, приводя к формированию многослойных идентичностей. «... измерением симуляции становится генетическая миниатюризация» [2, с. 6].

Развитие социальных платформ ведет к созданию многослойных цифровых личностей, где пользователи конструируют образ, который они сознательно воспринимают как созданный ими, однако бессознательное влияние недооценено, и на самом деле, человек становится лишь пассивным наблюдателем, в то время как сеть создает собственную версию нашего «Я». [1, с. 400]. Этот феномен вызывает ряд вопросов о подлинности и аутентичности цифрового самовыражения, а также о влиянии алгоритмов на процесс развития идентичности, как хорошего, так и пагубного. Исследования показывают, что активное участие в социальных сетях способствует развитию синдрома упущенной выгоды, повышению уровня тревожности и изменению самооценки пользователей, и это лишь верхушка айсберга того, что нам известно. В работе предпринимается попытка рассмотреть проблемы с междисциплинарной стороны, взяв за основу современные результаты имеющихся у нас исследований и философски спрогнозировать возможные варианты последствий как для человечества, так и для технологий. Используются труды Розы Брайдотти, которая еще пять лет назад утверждала, что цифровые технологии способствуют изменению понимания человека как субъекта [3, с. 45-46]. Работа Малабу привлекается как синтез философии и нейронаучных исследований, что позволяет сделать наиболее достоверные выводы, поскольку французский философ очень подробно рассматривает

вопрос соотношения нейропластичности и идентичности, вводя дополнительный термин «негативной пластичности» [5, с. 180-182].

Таким образом, с увеличением цифрового следа пользователя возрастает значимость этических аспектов цифрового самовыражения. Самопрезентация в сети может сопровождаться искажением реальности, манипуляцией данными и созданием «отредактированного я», что приводит к моральным дилеммам в вопросах честности, конфиденциальности и социальной ответственности. Кроме того, как отмечается в исследовании о цифровом самоконтроле, активное участие в самотрекинге и сборе персональных данных пользователями может привести к усилению внешнего контроля и коммерциализации личности [6, с. 22-25]. Это поднимает вопросы о границах допустимого цифрового самовыражения и ответственности платформ перед обществом.

Список используемых источников:

1. Тёркл Ш. Живым голосом: зачем в цифровую эру говорить и слушать. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2021. 560 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Издательский дом ПОСТУМ, 2014. 312 с.
3. Braidotti R. Posthuman Knowledge. Cambridge: Polity Press, 2019. 240 p.
4. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More From Technology and Less From Each Other. New York: Basic Books, 2011. 384 p.
5. Malabou C. The New Wounded: From Neurosis to Brain Damage. New York: Fordham University Press, 2012. 272 p.
6. Wiczorek M., O'Brolchain F., Saghai Y., Gordijn B. The ethics of self-tracking: A comprehensive review of the literature // Ethics & Behavior, 2022.

Digital-Care: Forming New Identities Through Digital Interfaces

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Murzin Alexander

Master's student, Graduate School of Philosophy, History and Social Sciences,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Correspondence to: amurzins@bk.ru

The text explores the phenomenon of digital identity through the lens of psychological and philosophical concepts, analyzing the impact of technology

on self-perception and human interaction. The author examines the role of algorithms, social platforms, and artificial intelligence in shaping the “digital self”, while raising questions about authenticity, ethics, and the consequences of digital self-expression. The work adopts an interdisciplinary approach, drawing on research by Sherry Turkle, Jean Baudrillard, Rosi Braidotti, and other thinkers.

Keywords: digital identity, hyperreality, plasticity of consciousness, social media, ethics of self-expression.

References:

1. Turkle, S. (2021). *ZHivym golosom: zachem v tsifrovuyu ehru govorit' i slushat'* [Reclaiming conversation: The power of talk in a digital age]. AST: CORPUS. (in Russ.)
2. Baudrillard, J. (2014). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. M.: Izdatel'skij dom POSTUM. (in Russ.)
3. Braidotti, R. (2019). *Posthuman knowledge*. Cambridge: Polity Press.
4. Turkle, S. (2011). *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books.
5. Malabou, C. (2012). *The new wounded: From neurosis to brain damage*. New York: Fordham University Press.
6. Wieczorek, M., O'Brolchain, F., Saghai, Y., & Gordijn, B. (2022). The ethics of self-tracking: A comprehensive review of the literature. *Ethics & Behavior*.

Аксиоматика программного и социального в онлайн-общении: субъект как пользователь

Передня А.В.

Технологические аспекты, такие как интерфейсы социальных медиа и алгоритмы, формируют новые формы социальности, изменяя традиционные категории: субъект, социальное действие, общественный договор. Особое внимание в данном докладе будет уделено уточнению именно категории субъекта как пользователя. В условиях техно-социальной диффузии реальное и виртуальное становятся взаимопроницающими режимами, а архитектура платформ задаёт рамки коммуникации, переосмысляя её смысл и значимость.

Ключевые слова: субъект, пользователь, онлайн, медиаплатформы, интерфейс.

Ситуация цифровизации приобретает форму тотальности, внедряясь в повседневность, проникая во все сегменты человеческой активности, трансформируя их и дискурс вокруг них. Радикальным изменениям подвержены не только технологические основания нашего нахождения в сети,

но и социальная составляющая, долгое время пребывавшая в относительной ясности своих основ и терминов.

Технологические аспекты, такие как интерфейсы социальных медиа и алгоритмы, формируют новые формы социальности, изменяя традиционные категории: субъект, социальное действие, общественный договор. Особое внимание в данном докладе будет уделено уточнению именно категории субъекта. В условиях техно-социальной диффузии реальное и виртуальное становятся взаимопроникающими режимами, а архитектура платформ задаёт рамки коммуникации, переосмысляя её смысл и значимость. Автор также поднимает вопросы о роли технологии как медиума и о детерминированности культуры цифровыми средствами, предлагая новые перспективы на изучение социального в цифровую эпоху. Как определяет Герт Ловинк, социальное в сети представляет собой «коллективную способность представлять связанных субъектов как временный союз» [1, с. 26]. Следовательно, социальное в сетевой форме порывает с привычными категориями и явлениями (как, впрочем, и в иных случаях – цифра ставит под сомнение, казалось бы, устоявшиеся концепты), значит здесь кроется потенциал для исследования.

Говоря о формах субъективности, служащих ракурсом для рассмотрения множества, Паоло Вирно отмечает: «Субъект содержит в себе постоянное переплетение доиндивидуальных элементов с индивидуализированными аспектами и, более того, он и есть это переплетение» [2, с. 75]. К «доиндивидуальному», согласно рассуждениям Вирно, можно отнести совокупность поietических, политических и эмоциональных отношений, совместные действия и кооперации. Следуя этой логике, территория онлайн-коммуникаций с платформенными методами образования сообществ и формированию сети (списка) контактов становится доиндивидуальным элементом субъекта цифрового социального и общностей в сети.

Существенную роль в анализе статуса субъекта в сети и уточнения понятия до субъекта-как-пользователя играют технические предусловия онлайн-коммуникаций.

Уместным будет обращение к Хайдеггеру, который наделяет технику особым онтологическим статусом и рассматривает её как задающую особый образ бытия человека [4]. Неверным будет понимание техники в нейтральном ключе или исключение её из исследований социальности, субъекта, культурных оснований общения в цифровую эпоху. Общение в сети и в условиях переключения между режимами офлайн и онлайн обладает техно-социальной сущностью. Для дальнейшей дискуссии крайне важно рассматривать вопрос о технологической детерминированности культуры и общественного начала, а также о технике как о медиуме, формирующем не только материальные основания взаимодействия в сети, но и их суть.

Входя в поле онлайн-общения, субъект принимает протоколы платформы формально в виде пользовательского соглашения и фактически – в использовании интерфейса, кодированного протоколом коммуникаций в конкретных социальных медиа. Пользовательский интерфейс становится условием присутствия в цифровой реальности: именно он определяет топологию зон коммуникаций (комментарии, личные сообщения, публикации с лимитами знаков, поддерживаемыми форматами файлов и т.д.), условия и шаблоны саморепрезентации (требования к записи имени, зоны для размещения фотографий, форма-анкета сведений о себе), а также процессуальные алгоритмы (предусмотренные шаблоны реакций и ответов, лента рекомендаций, процесс знакомства и опознавания внутри социальной сети). Правила и предусмотренные ходы внутри приложения таким образом ставят вопрос о реальной агентности пользователя и агентности софта. Программное обеспечение и UX-разработки (User Experience) определяют способ существования в софте социальной платформе и формируют миф о комфорте нахождения в ней и действия по предусмотренным схемам, воспринимаемым как свобода решений и социальных действий. Программное обеспечение работает на нашу встречу в сети с самими собой и вместе с тем предзадает наши пользовательские характеристики социальном онлайн-пространстве.

Список используемых источников:

1. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, 2024. 255 с.
2. Вирно П. Грамматика множества. М.: Ad Marginem, 2015. 141 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Пер. с нем. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221-237.

Axiomatics of the Programmatic and the Social in Networked Communication: The Subject as a User

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Perednya Anna

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: Aanneperednya@mail.ru

Technological aspects, such as social media interfaces and algorithms, shape new forms of sociality, transforming traditional categories: the subject, social action, and the social contract. This presentation will focus particularly on refining

the category of the subject as a user. In the context of techno-social diffusion, the real and the virtual become interpenetrating modes, while the architecture of platforms sets the framework for communication, redefining its meaning and significance.

Keywords: subject, user, online, social media platforms, interface.

References:

1. Lovink, G. (2024). *Kriticheskaya teoriya interneta* [Critical Theory of the Internet]. Ad Marginem. (in Russ.)
2. Virno, P. (2015). *Grammatika mnozhestva* [Grammar of plurality]. Ad Marginem. (in Russ.)
3. Heidegger, M. (1993). *Vopros o tehnike* [The Question Concerning Technology], transl. from German by V. V. Bibikhin, in: M. Heidegger, *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time]. Moscow: Respublika Publ., 1993, 221-237. (in Russ.)

Виртуальные питомцы и коммерциализация заботы: как компании используют формулу привязанности тамагочи

Посохова М.А.

В эпоху победившего капитализма и непрекращающегося технологического развития, понятие о технологическом прорыве идет рука об руку с понятием коммерциализации. В этой работе мы увидим, как цифровые технологии изменили наше понимание концептов заботы и привязанности. Также, на примере детской игрушки из Японии, мы изучим, как капиталисты извлекают выгоду из этого изменения.

Ключевые слова: цифровые технологии, коммодификация человека, психоанализ, виртуальные питомцы, Лорен Берлант.

Тамагочи стали символом ностальгии для людей, детство которых пришлось на 90-е и начало 2000-х годов. Массовость тренда на эту игрушку была так велика, что впоследствии ее запрещали в школах, так как дети не могли сосредоточиться на занятиях и уделяли своим Тамагочи слишком много внимания [1, с. 175]. Такая сильная привязанность детей к своим виртуальным

Посохова Мария Александровна, студент бакалавриата, Школа перспективных исследований, Тюменский государственный университет
адрес для корреспонденции: m.posokhova.sas@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.А.Посохова

питомцам вызвала интерес не только у родителей, но и у компаний, которые были заинтересованы в укреплении связи между потребителем и продуктом или брендом. И родители, и компании хотели найти ответы на вопросы: что заставляет детей испытывать горе при утрате виртуального питомца? Почему дети так сильно привязываются к своему Тамагочи?

Ответ кроется не столько в различии между живыми и виртуальными питомцами, сколько в различии между обычными материальными игрушками и цифровым игрушечным другом, который представляет собой Тамагочи. Оба вида игрушек создавались с одной целью – развлекать детей. Однако, связь, образуемая между ребенком и виртуальным питомцем, отличалась от связи между ребенком и обычной плюшевой игрушкой. Дело в том, что Тамагочи с самого начала были сконструированы с намерением образовать глубокую привязанность ребенка к игрушке, делая связь искусственной, результатом следования заранее просчитанного алгоритма. Но почему мы не воспринимаем связь между человеком и домашним животным как искусственную? Что эмоциональная привязанность человека к технологии может рассказать нам человеческой способности любить, эмоционально сближаться и чувствовать родство? Может ли эта связь быть вычислена и алгоритмизирована? И можно ли сказать, что капитализм эксплуатирует возможность конструирования этой связи?

Исходя из поставленных вопросов, можно вывести следующий тезис: искусственная эмоциональная привязанность, которую человек способен испытывать к виртуальным сущностям, демонстрирует процесс коммерциализации эмоциональной составляющей, где привязанность становится результатом целенаправленного конструирования. Это превращает эмоции в ресурс и инструмент, с помощью которого компании укрепляют лояльность потребителей к своим продуктам.

Механизм, стоящий за выстраиванием «заботы» – полная зависимость продукта или технологии от субъекта, которым и является потребитель. Выявленные аспекты соотносятся с понятием «аффективной привязанности», предложенным Лорен Берлант в книге «Жестокий Оптимизм» [2, с. 185]: безусловная зависимость Тамагочи от хозяина формирует фантазию о крепкой эмоциональной связи, которая образуется между человеком и суррогатом друга. Несмотря на понимание неодушевленности цифрового друга, забота о нем встраивается в повседневную жизнь и придает ей смысл. Таким образом, именно сам процесс целенаправленного вкладывания эмоциональных ресурсов в Тамагочи является движущей силой выстраивания привязанности. Формирование фантазии об эмоциональной близости отвечает пониманию фантазии Жаком Лаканом, где субъект, стремящийся к получению желаемого через объект, является лишь аппаратом, который устанавливает функцию объекта через нехватку недостающего [3, с. 185]. Так, хозяин Тамагочи предоставляет свою заботу, в которой нуждается виртуальное существо (его

нужда в данном случае и есть проявление «нехватки») и предоставляя ее, одновременно пытается восполнить свою «нехватку» – получить и укрепить эмоциональную близость.

В то время как «традиционные» питомцы, такие как кошки и собаки, воспринимаются как члены семьи, виртуальные питомцы нарушают баланс двусторонней связи, что допускает её «вычисляемость». Предприниматели, перенявшие формулу успеха Тамагочи, сознательно используют механизмы формирования эмоциональной зависимости, чтобы усилить связь человека с продуктом. Ключевым аспектом выстраивания этой связи становится эмоциональный труд (забота) со стороны потребителя, и его индоктринация в повседневную рутину последнего.

Так, Тамагочи стали не просто игрушкой, но символом перехода от традиционного понимания эмоциональной связи к ее алгоритмизации и коммерциализации. Виртуальные питомцы показали, как можно использовать человеческие эмоции для создания устойчивой привязанности. Это послужило началом автоматизации эмоциональной связи, где алгоритмы и дизайн продуктов эксплуатируют потребность человека в заботе и близости, для последующего извлечения выгоды корпорациями.

Список используемых источников:

1. Allison A. Millennial Monsters: Japanese Toys and the Global Imagination. Berkeley: University Of California Press, 2006. 175 с.
2. Berlant L. Cruel Optimism. Durham: Duke University Press, 2011. 185 с.
3. Lacan J. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. New York: Norton, 1998. 185 с.

Virtual Pets and Commodification of Caring: How Companies Use the Tamagotchi Formula of Attachment

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Posokhova Mariia

Undergraduate student, School of Advanced Studie, University of Tyumen
Correspondence to: m.posokhova.sas@gmail.com

In the epoch of triumphed capitalism and accelerating technological development, the concepts of technological breakthrough and commodification go hand-in-hand. In this work we will see how digital technologies transformed our understanding

of caring and affection. At the same time will focus on how capitalists made use of this transformation on the example of a Japanese toy for kids.

Keywords: digital technologies, commodification of human, psychoanalysis, virtual pets, Lauren Berlant.

References:

1. Allison, A. (2006). *Millennial Monsters: Japanese toys and the global imagination*. University Of California Press.
2. Berlant, L. (2011). *Cruel Optimism*. Duke University Press.
3. Lacan, J. (1998). *The four fundamental concepts of psychoanalysis*. Norton.

Метафизика маски в цифровой среде

Спиридонов Б.К.

Работа рассматривает, как погружение в цифровую среду и бесконечный выбор ролей в ней приводят к потере целостности личности и подмене «заботы о себе» поиском подходящей маски. Автор проводит сравнение с античными театральными практиками, чтобы выявить истоки проблемы и предложить пути ее решения.

Ключевые слова: маска, забота, цифровая среда, античный театр.

Адаптация человека к цифровой среде проявляется во многих аспектах его жизни. В ходе цифровой трансформации феномен личности распадается на отдельные социальные роли. Человек возвращается в положение между лицом и набором масок, которое было свойственно античному миру [1, с. 123]. Накопившаяся в прошлых эпохах инерция идеи «заботы о себе» [3, с. 85] вытесняется рассыпающимся субъектом на его маски. Далее будут рассмотрены исторические корни и ряд современных проявлений данной проблемы.

Пришедшее из романских языков слово маска (фр. *masque* и лат. *masca*) восходит к протогерманскому слову **maskā*, одним из значений которого было

Спиридонов Богдан Константинович, студент специалитета, Институт базового инженерного образования, Санкт-Петербургский горный университет
адрес для корреспонденции: spiridonov@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Б.К.Спиридонов

полотно, защищающее лицо от сажи. Маска в древнегреческой культуре являлась главным атрибутом театра, поскольку сценой для театральной игры порой становились места повседневной жизни [2, с. 199]

Общество премодерна связывало «заботу о себе» и духовные практики [3, с. 89], среди подобных практик выделяются театральные мистерии, служившие способом раскрытия глубинной Божественности. Театр античности (θεάτρον – место для зрелищ) был неразрывно связан с дионисийским началом перевоплощений. Играя роль мифической фигуры, актёр должен был передать ей полную власть над своим телом. В этом случае, человек сливался с маской, приближаясь к сакральному, но теряя самость [2, с. 205]. Но театр включал в себя и другой полюс. Он заключался в трагическом восстании против судьбы, в выборе лица, а не маски [1, с. 122] Подобный взгляд распространяется за рамки театра. Например, в диалоге Платона «Федон» самоубийство рассматривалось Сократом как нарушение планов богов. Рассмотренную двойственность характеризует устоявшаяся метаморфоза жизни-игры, в которой человек может заботиться о соблюдении сакрального ритуала-нарратива или терпеть крах, противясь судьбе.

Обращаясь к современности, становится ясно, что главным местом зрелищ и метаморфоз стала дигитальная среда. «Новый народный театр» расширил возможности самодемонстрации, предоставил доступ к готовым сюжетам, будь то литературные лейтмотивы или же «флешмобы» и «челленджи». Чрезмерность, как одна из черт бога Диониса, получила название «информационное загрязнение». Однако в отличие от древнегреческого театра, современная дигитальная платформа не предлагает священного пространства для транзакции между человеком и маской. Вместо этого, человек занят поиском подходящей именно ему роли.

Популярным местом для такого поиска оказываются компьютерные игры, как отдельная область цифровой среды. Их конкурентным преимуществом выступает «линейность», предсказуемость социальных взаимодействий с людьми или NPC. Роль, которую предстоит играть человеку, становится легко отрегулировать выбором жанра, что значительно упрощает перебор масок. Подобная простота привлекает, поскольку снимает с человека тяжесть выбора, необходимого для традиционных форм общения и жизни в целом. При этом, игровая среда не всегда требует от человека шаблонности, моменты требующие проявления творческого подхода, убеждают человека в том, что он может раскрыть себя, погружаясь в симуляцию.

Игровые персонажи, подобно «куклам-двойникам», включают владельца. Надевая цифровую маску своего персонажа, человек переносит свою самость в него: он начинает расставлять приоритеты и действовать исходя из псевдомифической истории, присущей его маске. Эта метаморфоза отражается на социализации, создавая новый круг общения, в котором человека во многом отождествляют с его игровой ролью.

Резюмируя сказанное, поиск идентичности непосредственно влияет на феномен заботы, сводится к субъекту, проявляющему заботу. Во-первых, постоянный перебор нарративов делает человека озабоченным всем происходящим вокруг и ничем в частности. А во-вторых, слияние личности с цифровыми персонажами ведёт к комплексному переустройству восприятия и социализации, включающему в себя сферу заботы. Воздействие цифровой среды на самоидентичность имеет много общего с ритуальными практиками античности, а значит в них может крыться ключ к обретению умеренности в смене ролей.

Список используемых источников:

1. Дорофеев Д. Ю. Личность и коммуникации: антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб.: РХГА, 2015. С. 121-129.
2. Нечкасов Е. А. К Другому Мифу. Москва: Тотенбург, 2023. С. 194-216.
3. Пичугина В. К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики: диссертация на соискание доктора педагогических наук: 13.00.01. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, 2013. С. 79-92.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Дорофеев Даниил Юрьевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского горного университета.

The Metaphysics of Masks in the Digital Environment

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Spiridonov Bogdan

Specialist student, Institute of Basic Engineering Education, St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II

Correspondence to: spiridonov@gmail.com

The work examines how immersion in the digital environment and the endless choice of roles in it lead to a loss of personality integrity and the substitution of “self-care” by finding a suitable mask. The author makes a comparison with ancient theatrical practices in order to identify the origins of the problem and suggest ways to solve it.

Keywords: mask, care, digital environment, antique theatre.

References:

1. Dorofeev, D. (2015). *Lichnost' i kommunikatsii: antropologiya ustnogo i pis'mennogo slova v antichnoy kul'ture* [Personality and communications: Anthropology of oral and written word in ancient culture]. Russian Christian Academy for the Humanities, 121-129. (in Russ.)
2. Nechkasov, E. (2023). *K Drugomu Mifu* [To Another Myth]. Totenburg, 194-216. (in Russ.)
3. Pichugina, V. (2013). *Razvitiye antropologicheskogo diskursa «zaboty o sebe» v istorii antichnoy pedagogiki* [Development of anthropological discourse of “self-care” in the history of ancient pedagogy]. Volgograd, 79-92. (in Russ.)

Дигитальная религиозность: как смартфоны трансформируют христианские практики

Ястребова У.В.

В докладе рассматривается влияние цифровых технологий на христианские практики. На примере мобильных приложений выявляются изменения в молитве, паломничестве и духовной дисциплине, а также роль цифрового селф-трекинга в интеграции веры в повседневную жизнь.

Ключевые слова: цифровые технологии, религиозные практики, молитва, мобильные приложения.

Конституирование религиозной идентичности в дигитальную эпоху постепенно переходит в сферу социальных медиа и приложений для смартфонов. В современном обществе дигитальная среда становится катализатором заботы о «добропорядочном верующем», соблюдающем все необходимые установления религии. Трекинг осуществления ежедневных ритуалов и практик можно рассматривать как соответствующее «культурным ожиданиям относительно важности самосознания, рефлексии и принятия ответственности за управление, руководство собой и улучшение своих жизненных шансов» [1, с. 115]. С другой стороны, как писал М. Фуко,

Ястребова Ульяна Викторовна, студент магистратуры, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: st064931@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© У.В.Ястребова

при христианстве «...занятия собой [характерные для Античности] с определенного времени зачастую изобличались как форма себялюбия, форма эгоизма или индивидуального интереса, находящегося в противоречии с самопожертвованием, каковое необходимо» [2, с. 246].

Цифровые технологии становятся инструментом для поддержания религиозных практик, предлагая пользователям следовать нормам своей веры без необходимости физического присутствия в церкви, включая, таким образом, религиозную идентичность в плотный график современного человека [3, с. 164]. Речь идет о молитве, паломничестве, пожертвованиях.

Рассматривая вопрос на примере католической церкви, отметим несколько мобильных приложений: iRosario, которое позволяет читать Розарий, цикл молитв, псалмы в любом месте, осуществляя тем самым акт «заботы» о пользователе, которому теперь не нужно иметь при себе четки, тексты таинств, литании или что-то еще. Все есть в мобильном устройстве. APP CEI Liturgia delle Ore (литургия часов) – приложение для тех, кто не может физически посетить церковь и iBreviary, предлагающее цифровой формат breviария, книги, содержащей чинопоследования литургических часов. В отличие от настоящих литургических книг, мобильные сервисы бесплатны (хотя почти в каждом есть платный контент), их можно везде «носить с собой» в смартфоне – они доступны каждому в любое время. Если же пользователь вдруг забудет про ежедневный ритуал – об этом ему напомнят уведомления.

По статистике подобные приложения в Google Play и App Store чаще всего относят к категориям Lifestyle, «стиль жизни», «Образование», не раскрывающим в нужной степени их назначение и функции [3, с. 159]. Приложения в помощь верующему – «цифровой лукавый» или забота о себе?

Кроме того, в них можно отслеживать «прогресс» в осуществлении одной из ключевых христианских практик – молитвы. По мнению исследователей цифровых медиа и религии, функция популярного селф-трекинга, постоянного мониторинга своего (духовного) состояния с намерением улучшить, скорректировать или переориентировать повседневные практики духовности, становится ведущей, хотя исследуемым приложениям присущи и другие задачи: евангелизация и изучение сакральных текстов [4, с. 503]. Их функционал в ряде случаев расширяется разработчиками за счет добавления возможности совершать пожертвования, что также не требует от «онлайн-паствы» посещение храма.

Что касается паломничеств, дигитализация религиозной среды позволяет заменить их виртуальными турами по значимым религиозным местам, например, тур по Ватиканскому собору, что делает их доступными для людей, которые не могут физически посетить их по различным причинам, таким как финансовые ограничения, здоровье или географическая удаленность.

Цифровизация приводит к переосмыслению религиозной жизни, меняет восприятие ряда практик. Технологии позволяют интегрировать веру в повседневную жизнь и «искать спасения, то есть заботиться о себе» [2, с. 253].

Список используемых источников:

1. Lupton D. The diverse domains of quantified selves: self-tracking modes and dataveillance // *Economy and Society*. 2016. №1. С. 101-122.
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. 320 с.
3. Campbell H. A. There's a religious app for that! A framework for studying religious mobile applications // *Mobile Media & Communication*, 2014. №2. P. 154-172.
4. Pridmore J., Wang Y. Prompting spiritual practices through Christian faith applications: Self-paternalism and the surveillance of the soul // *Surveillance & Society*, 2018. №4. P. 502-516.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Николаева Жанна Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Religiosity in the Digital Age: How Smartphones Are Changing Christian Practices

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Iastrebova Uliana

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: st064931@student.spbu.ru

The report examines the impact of digital technologies on Christian practices. Using the example of mobile apps, it identifies changes in prayer, pilgrimage, and spiritual discipline, as well as the role of digital self-tracking in integrating faith into everyday life.

Keywords: digital technologies, religious practices, prayer, mobile apps.

References:

1. Lupton, D. (2016). The diverse domains of quantified selves: self-tracking modes and dataveillance. *Economy and Society*, 45(1), 101-122.
2. Foucault, M. (2006). *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i intervyyu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches, and interviews]. Praxis. (in Russ.)
3. Campbell, H. (2014). There's a religious app for that! A framework for studying religious mobile applications. *Mobile Media & Communication*, 2(2), 154-172.
4. Pridmore, J., Wang, Y. (2018). Prompting spiritual practices through Christian faith applications: Self-paternalism and the surveillance of the soul. *Surveillance & Society*, 16(4), 502-516.

Как возможна социальная эпистемология за пределами континентальной традиции?

Ананьева А.И.

В тексте рассматриваются основные аспекты концепции эпистемической несправедливости М. Фрикера. Выделяется общая теоретическая предпосылка для социальной эпистемологии в аналитической и континентальной традиции, а также указываются возможные основания для критики концепции М. Фрикера из перспективы континентальной философии и социологии знания.

Ключевые слова: аналитико-континентальный раскол, социальная эпистемология, эпистемология добродетелей, М. Фрикер, эпистемическая несправедливость.

Между аналитической и континентальной философией существует негласное тематическое деление. Так, философия сознания, философия математики, и все, что связано с формальной эпистемологией и философией науки, скорее ассоциируются с аналитической традицией, в то время как широко понятая социальная философия ассоциируется с континентальной. В некоторой степени аналитическую и континентальную традицию можно соотнести как

Ананьева Аполлинария Ивановна, студент бакалавриата, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: ananevaai@my.msu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.И.Ананьева

«чистую» философию и философию, встраиваемую в диалог с эмпирическими науками: социологией, антропологией, историей знания и т.д.

Опровергающим примером для такого противопоставления аналитической и континентальной традиции является разработанная в рамках эпистемологии добродетели концепция эпистемической несправедливости Миранды Фрикер. Под эпистемической несправедливостью понимается ситуация, в которой субъект претерпевает несправедливое отношение в качестве познающего. Эпистемическая несправедливость поддерживается предрассудками о социальной группе, к которой принадлежит субъект. М. Фрикер выделяет два типа эпистемической несправедливости: несправедливость свидетельства (*testimonial injustice*) и несправедливость герменевтическую [1]. Первый вид описывает ситуации, когда из-за бытующих в обществе предрассудков субъект, обладающий убеждениями, получает меньше доверия (*credibility*), чем заслуживает. Второй вид отсылает к ситуациям, в которых социальная группа не располагает концептуальными ресурсами для того, чтобы понять и описать собственный (негативный) социальный опыт. Это приводит к тому, что группа не может адекватно выразить и передать информацию о себе.

С первым типом несправедливости связано эпистемическое молчание [2]. Представители угнетаемых групп могут ограничиваться в высказываниях в двух ситуациях: свидетельского замалчивания и свидетельского удушья (*testimonial quieting and testimonial smothering*). Первое возникает, когда аудитория не признает выступающего в качестве носителя знания и, как следствие, не может справедливо оценить степень его достоверности. Второе происходит, когда говорящий осознает, что его аудитория не желает или не способна должным образом интерпретировать его показания, и в ответ ограничивает свои показания в силу обоснованного риска того, что они будут неправильно поняты или неправильно применены аудиторией.

И то, и другое является проявлением эпистемического насилия — намеренного или не намеренного отказа слушателя ответить взаимностью на языковой обмен в силу собственного невежества. Иными словами, эпистемическая несправедливость проявляется в отказе понимать другого и принимать его как рационального агента на основании его социального положения.

Концепция эпистемической несправедливости основана на рассмотрении эпистемической ситуации как укорененной в социальной среде, что сближает ее с континентальной традицией, но в отличие от нее остается замкнутой на уровне «слабой» социологии знания, поскольку наделяет социальное только негативной функцией: социальное рассматривается как источник эпистемических искажений и негативных эффектов. В этом аспекте концепция эпистемической несправедливости может подвергаться критике из «континентальной» перспективы, требующей радикализации тезиса эпистемологии добродетелей. Экстерналистская критика может исходить из

нескольких оснований: 1) требования расширения социальной детерминации знания в духе сильной программы Блура; 2) уточнения контекстов применения концепции «герменевтической несправедливости» с учетом непереводаемости контекстов в стиле археологии знания М. Фуко.

Список используемых источников:

1. Fricker M. *Epistemic Injustice: Power and the ethics of knowing*. NY: Oxford University Press, 2007. 188 p.
2. Matheson J., Joly Chock V. *Silencing, Epistemic Injustice, and Epistemic Paternalism* // Bernal A., Axtell G. (eds.). *Epistemic Paternalism Reconsidered: Conceptions, Justifications and Implications*. Lanham, Md: Rowman & Littlefield, 2020. P. 1-13.

How Is Social Epistemology Possible Outside the Continental Tradition?

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ananeva Apollinariia

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Correspondence to: ananevaai@my.msu.ru

Author consider the basic aspects of epistemic injustice according to M. Fricker. The general assumption for both analytic and continental socioepistemology is outlined. Possible grounds for criticizing M. Fricker's concept from the perspective of continental philosophy and sociology of knowledge are also indicated.

Keywords: analytical-continental split, social epistemology, virtue epistemology, M. Fricker, epistemic injustice.

References:

1. Fricker, M. (2007). *Epistemic Injustice: Power and the ethics of knowing*. NY: Oxford University Press.
2. Matheson, J. & Joly Chock, V. (2020). *Silencing, Epistemic Injustice, and Epistemic Paternalism*. In Amiel Bernal & Guy Axtell (eds.), *Epistemic Paternalism Reconsidered: Conceptions, Justifications and Implications*. Lanham, Md: Rowman & Littlefield.

Концепция идеологии в социальной философии Салли Хаслангер

Гилев Д.И.

Салли Хаслангер предлагает концепцию идеологии, которая совмещает, с одной стороны, идеи аналитической философии языка и семантики (Х. Патнэм, Р. Сталнакер), а с другой стороны, идеи критической теории (Л. Альтюссер, Т. Шелби). Творческая переработка двух традиций философии совершенствует теорию идеологии и открывает новый путь развития социальной эпистемологии: конструирование знающего через социальные и культурные практики.

Ключевые слова: идеология, интерпелляция, культурное техне, общее основание, семантический экстернализм.

Салли Хаслангер – американская женщина-философ, работающая в области социальной метафизики и политической эпистемологии. Она является примером современного философа, который успешно синтезирует идеи из аналитической и континентальной традиций. В частности, её концепция идеологии является результатом такого синтеза.

Хаслангер активно обращается к критической теории для развития собственной концепции. Её объединяет с марксистским дискурсом пейоративное использование термина. Для Хаслангер «идеология» – это термин, выражающий отрицательную оценку, а не просто описание. Идеология указывает на проблематичные рамки значений и ценностей, которые закрепляют господство и подчинение [1, р. 12]. Кроме этого, Салли Хаслангер развивает альтюссерианскую линию понимания идеологии [1, р. 28]. Это значит две вещи: признание «материальности» идеологии и описание её через процесс «интерпелляции», то есть процесс превращения человека в социального субъекта, который занимает роли в структуре угнетения. Иными словами, Хаслангер солидарна с Луи Альтюссером в том, что идеология является не просто набором идей или убеждений индивидов, но воплощена в социальных практиках [1, р. 33].

Теория Альтюссера подвергалась множественной критике. Салли Хаслангер идентифицирует часть возражений и дает ответ на них, тем не менее Хаслангер расходится с Альтюссером в вопросе преодоления идеологии. Если для Альтюссера она является неизбежным и всеохватывающим явлением, то Хаслангер понимает идеологию более узко, как часть культуры, настраивающую на участие в несправедливых практиках [2, р. 6]. Идеология является проблематичной частью «культурной техне», которую можно и нужно преодолеть для достижения справедливости. Под термином «культурное техне» подразумеваются те социальные значения, которые агенты используют в определенной среде, чтобы участвовать в местных практиках; те, кто усвоил культурную техне своего контекста, развивают способность к успешному участию в этих практиках и исправляют тех, кто этого не делает [2, pp. 18-19]. Таким образом, Салли Хаслангер преодолевает «функционализм» теории идеологии Альтюссера. Опираясь на работу Томми Шелби, она показывает, что идеология может использоваться не только как инструмент угнетения, но и как средство освобождения [3, р. 475].

Хаслангер также обращается к аналитической традиции. Наибольшее влияние на её теорию оказали идеи из семантики и философии языка Хилари Патнэма и Роберта Сталнакера. От Патнэма она наследует семантический экстернализм – взгляд, согласно которому значение терминов определяется не только внутренними ментальными состояниями индивидов, но и внешними факторами, то есть социальными и природными контекстами. Хаслангер использует эту идею, чтобы показать, что идеология существует «не просто в голове», а требует изменения практик [1, р. 51]. Вторая идея, нашедшая отражение в исследовании Хаслангер, принадлежит Роберту Сталнакеру – это концепция «общего основания» (common ground). Общее основание – это «поле, на котором языковая игра играет» [1, р. 18]. Согласно Сталнакеру, «ф является общим основанием для группы, если все члены группы признают (для целей общения), что ф, и все верят, что признают ф, и все верят, что верят,

что признают ф и т.д.» [4, р. 716]. Это общее основание позволяет людям успешно взаимодействовать и понимать друг друга, даже если их индивидуальные убеждения различаются. Хаслангер подчеркивает, что общее основание не статично [1, р. 19] – оно может изменяться под влиянием социальных движений, критических дискуссий и новых знаний.

Идеология является инструментом объяснения: она помогает объяснить определенные модели несправедливости с точки зрения практических ориентаций, которые она порождает [2, р. 6]. Чтобы изменить идеологию, нужно больше, чем просто поменять свои убеждения. Нужно изменить практики, в которые мы включены [1, р. 51]. Практики – это воплощенные взаимодействия с материальным миром, которые распределяют вещи с предполагаемой положительной или отрицательной ценностью [5, р. 244]. Критика идеологии осуществляется в двух направлениях: либо мы ценим вещи неправильно, либо несправедливо организуем отношения к ценным вещам [1, р. 67].

Таким образом, концепция идеологии Хаслангер обогащает современную социальную эпистемологию. В отличие от акцента на коллективном знании или зависимости индивидов друг от друга в процессе создания знания Хаслангер открывает третий путь: исследование социализации знающего; то, как знающий конструируется в социально-культурных практиках. [2, р. 5].

Список используемых источников:

1. Haslanger S. Ideology in practice: what does ideology do? Marquette University Press, 2021. 81 p.
2. Haslanger S. Cognition as a Social Skill // Australasian Philosophical Review. 2020. №3. P. 5-25.
3. Haslanger S. Resisting Reality: Social Construction and Social Critique. Oxford University Press, 2012. 512 p.
4. Stalnaker R. Common Ground // Linguistics and Philosophy. 2003. 25. P. 701-721.
5. Haslanger S. What is a Social Practice? // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2018. 82. P. 231-247.

The Concept of Ideology in Sally Haslanger's Social Philosophy

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Gilev Danila

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: pchilev2002@gmail.com

Sally Haslanger proposes a concept of ideology that combines, on the one hand, the ideas of analytic philosophy of language and semantics (H. Putnam, R. Stalnaker) and, on the other hand, the ideas of critical theory (L. Althusser, T. Shelby). The creative reworking of the two traditions of philosophy improves the theory of ideology and provides a new path for the development of social epistemology: the construction of the knower through social and cultural practices.

Keywords: ideology, interpellation, cultural technē, common ground, semantic externalism.

References:

1. Haslanger, S. (2021). *Ideology in practice: What does ideology do?* Marquette University Press.
2. Haslanger, S. (2020). Cognition as a social skill. *Australasian Philosophical Review*, 3, 5–25. <https://doi.org/10.1080/24740500.2019.1705229>
3. Haslanger, S. (2012). *Resisting reality: Social construction and social critique*. Oxford University Press.
4. Stalnaker, R. (2003). Common ground. *Linguistics and Philosophy*, 25, 701–721. <https://doi.org/10.1023/A:1020867916902>
5. Haslanger, S. (2018). What is a social practice? *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 82, 231–247. <https://doi.org/10.1017/S1358246118000085>

Решение М. Блэком парадокса анализа

Гич Д.В.

В докладе рассматривается решение М. Блэком парадокса анализа, сформулированный Дж. Э. Муром. Автор анализирует подход Блэка, основанный на пересмотре формализации исходных выражений с использованием функционального подхода к языку. Продемонстрировано, что корректная формализация устраняет парадокс, позволяя чётко различать тривиальные и информативные утверждения.

Ключевые слова: парадокс анализа, М. Блэк, аналитические высказывания, информативные высказывания

Парадокс анализа, который как отмечает Д.П. Суровягин, был впервые сформулирован Дж. Э. Муром [1, с. 52], заключается в том, что в некоторых случаях высказывание одновременно в одном и том же отношении может как сообщать новую информацию, так и не делать этого. Если высказывание сообщает новую информацию, то оно называется информативным. Если же высказывание не сообщает новой информации, то оно тавтологическое. В таких ситуациях кажется, что высказывание является информативным и что оно является тавтологичным. Но тогда мы имеем дело с противоречием.

Гич Дмитрий Владимирович, студент бакалавриата, Философский факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: gichdv@my.msu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.В.Гич

В статье 1944 года М. Блэк [2, с. 263-267] предлагает решение парадокса анализа. Парадокс возникает по поводу анализа понятий и имеет такую формулировку: как анализ может быть аналитичным и информативным? Главная мысль Блэка состоит в том, что причиной возникновения парадокса является неправильная формализация изначально рассматриваемого выражения. Рассмотрим, например, такое высказывание: брат есть мужской сиблинг. Анализом, приводящим к парадоксу, будет следующая формализация: $B = MC$, где B – брат, M – мужской, C – сиблинг. Так как по условию $B = MC$, то мы можем знак « MC » заменить на знак « B » и получить выражение $B = B$. Именно тут появляется парадокс. Высказывание « $B = MC$ » является, как кажется, информативным суждением о B . Однако замена показывает, что « $B = MC$ » тождественно « $B = B$ ». « $B = B$ » – это тривиальное суждение. Значит, « $B = MC$ » тоже тривиальное суждение. Тогда, оно либо не информативное, либо не тождественно « $B = B$ ». Предложением Блэка является изменение подхода к формализации изначально высказывания. Вместо предложенной выше записи М. Блэк предлагает запись на основании функционального подхода к языку. С точки зрения этого подхода, высказывание «брат есть мужской сиблинг» будет записано так:

$V(B, M, C)$, где V – это функция, которая имеет три аргументных места, таких, что на первом аргументном месте стоит понятие, которое является результатом соединения понятий, стоящих на втором и третьем местах. Областью определения этой функции является множество понятий, а областью значения этой функции – множество истинностных значений.

Чтобы это было понятнее, рассмотрим утверждение из математики: $35 = 5 \cdot 7$ будет формализовано как $A(35, 5, 7)$, в котором A – это такая функция, в которой то, что стоит на первом аргументном месте, является результатом умножения того, что стоит на втором и третьем. Областью значений этой функции будет «истина» и «ложь».

Ясно, что $V(B, M, C)$ не тождественно высказыванию «брат есть брат». Пусть I есть функция, которая сопоставляет каждое понятие самому себе. Тогда «брат есть брат» можно записать как $I(B, B)$. Очевидно, что это не тождественно $V(B, M, C)$.

Если приводить пример из математики, то $35 = 35$ будет записано, как $I(35, 35)$. Теперь, когда мы сравниваем утверждения $35 = 35$ и $35 = 5 \cdot 7$ мы четко можем понять, что первое это тривиальное утверждение, а второе – информативное. Тем самым по Блэку, когда мы совершали анализ при первой формализации, мы теряли важное различие между двумя утверждениями и тем самым впадали в парадокс, что не происходит при функциональном анализе, где мы четко видим различие между двумя утверждениями. Тогда «брат есть брат» является тривиальным утверждением, а «брат есть мужской сиблинг» является информативным.

Именно таким образом Блэк видел решение муровского парадокса анализа. Но это удовлетворило не всех. Решение Блэка состояло в том, что парадокс возникает при первой формализации. Но только ли при ней? Разве только так мыслят люди, когда получают парадокс в отношении понятий? Думаю, это не совсем очевидно, потому стоит рассмотреть другие решения этой проблемы.

Список используемых источников:

1. Суровягин Д. П. Парадокс определения в дедуктивной теории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т.14, №.4-1. С. 51–54.
2. Black M. The «Paradox of Analysis» // Mind. 1944. №.53(211). P. 263–267.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Логинов Евгений Владимирович, к.ф.н., доцент кафедры истории зарубежной философии Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

M. Black's Solution to the Paradox of Analysis

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Gich Dmitrii

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Correspondence to: gichdv@my.msu.ru

The article discusses M. Black's solution to the paradox of analysis formulated by G. E. Moore. The author analyzes Black's approach based on a revision of the formalization of the original expressions using a functional approach to the language. It is demonstrated that correct formalization eliminates the paradox, allowing a clear distinction between trivial and informative statements.

Keywords: paradox of analysis, M. Black, analytical proposition, informative proposition.

References:

1. Suroviagin, D. (2014). The Paradox of Definition in the Deductive Theory. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 14(4-1), 51–54. (in Russ.)
2. Black, M. (1944). The "Paradox of Analysis". *Mind*, 53(211), 263–267.

Концептуальное у М. Хайдеггера и Дж. Макдауэлла

Диль И.В.

Данный доклад посвящен тому, что как аналитическая, так и континентальная традиция могут обсуждать одни и те же философские проблемы, несмотря на различия в языках. Анализируется концептуализм Джона Макдауэлла, который утверждает, что перцептивный опыт неразрывно связан с концептуальным содержанием, что ставит под сомнение традиционное разделение между чувственным и концептуальным. Концептуализм Макдауэлла сравнивается с феноменологией Мартина Хайдеггера, который поддерживает идею концептуального характера опыта, опираясь на понятие «подручного» и подчеркивая, что наше восприятие мира изначально включает в себя концептуальные элементы, а не является лишь пассивным восприятием «голой наличности».

Ключевые слова: концептуальные содержания, опыт, данное, М. Хайдеггер, Дж. Макдауэлл.

Весьма расхожим мнением является положение о том, что аналитическая философия является аргументативной и нацелена на решение классических философских проблем, тогда как континентальная философия пытается

Диль Игорь Владимирович, студент магистратуры, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: sigerousgo@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© И.В.Диль

сказать что-то радикально новое, ориентируется на чистое творчество и преодоление рамок. Цель нашего доклада будет состоять в том, чтобы показать несостоятельность этой картины на примере одной классической философской проблемы – проблемы характера содержаний опыта. Мы покажем, что, несмотря на разницу в языках, «сами вещи», о которых говорят аналитические и континентальные философы, часто оказываются строго тождественными.

Одной из значимых проблем в современной аналитической философии восприятия является проблема того, какой характер носит перцептивный опыт: неконцептуальный, концептуальный или же состоит из определенного соединения двух последних. Наиболее крупным и наиболее известным представителем концептуализма является Джон Макдауэлл – в своей работе «*Mind and World*» Макдауэлл разбирает затруднительное положение, в котором оказалась классическая концепция опыта, и предлагает свою собственную, обновленную и переработанную, концепцию опыта [1, p. 119]. Согласно взгляду Макдауэлла, концептуальные содержания, которые находятся ближе всего к воздействиям внешней реальности на человеческую способность восприятия (или, говоря кантовским языком, на чувственность), на деле не находятся на каком-то «расстоянии» от этого воздействия на чувственность [2, p. 9], и, следовательно, сама граница между чувственными и концептуальными содержаниями оказывается стертой. Наследуя селларсианской критике «мифа о данном», направленной прежде всего против классического эмпиризма, постулирующего наличие «сырых чувственных данных», Макдауэлл создает такую теорию опыта, которая не подвергалась бы критике мифа о данном. Такая теория опыта предполагала бы, что сущностного разрыва между данностью и концептуальным (понятийным, пропозициональным) на деле не существует – само данное уже имеет концептуальное содержание, а это значит, что весь опыт является концептуальным, кантовское различие между чувственностью и рассудком оказывается при такой схеме всего лишь вторичной по отношению к самому опыту абстракцией.

Другой фигурой, имплицитно выступающей в защиту концептуального характера опыта, является Мартин Хайдеггер. Концептуальный характер опыта можно усмотреть, если опираться на понятие «подручного» в противовес «наличному» в работе «*Бытие и время*»: точка зрения наличного утверждает, что определенное встреченное в опыте сущее существует изначально «само по себе», как голая наличность, лишенная всяких предикатов, то есть, могли бы сказать мы, как «сырые» чувственные содержания, в которые еще не внесено никакого концептуального содержания. Лишь вторым шагом по отношению к этому восприятию голой наличности мы можем предсцинировать ей те или иные атрибуты, и таким атрибутом является в том числе и подручность, то есть использование вещи как средства.

Но, согласно Хайдеггеру, такой взгляд является ошибочным, поскольку само отношение к сущему как к наличному является вторичным по отношению к подручности: «подручность есть онтологически-категориальное определение сущего как оно есть “по себе”» [3, с. 71]. И также подручностью открывается целое отсыланий значимости, которым характеризуется искомое априори мирности вообще [3, с. 65]. Тем самым «обыденное восприятие», которое является «дотеоретическим», уже может быть охарактеризовано как концептуальное, ведь мы воспринимаем не какие-то «цветовые пятна», которые в дельнейшем, посредством деятельности рассудка, синтезируются в единства предметности, но само первичное схватывание, самый базовый уровень нашего восприятия всегда уже оказывается концептуальным. Более того, уже на этом уровне схватывается феномен мира, который также оказывается сугубо концептуальным.

Список используемых источников:

1. Mineki O. In Defense of Conceptualism of Perceptual Content: Through Understanding the Concept of Experience in McDowell's Mind and World // Archive for Philosophy and the History of Science Vol.10, Section of Philosophy and the History of Science, College of Arts and Science, The University of Tokyo, 2008. Pp. 119-145.
2. McDowell J. Mind and World: With a New Introduction. USA: Fifth printing, 2000. 191 p.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

Conceptual in M. Heidegger and J. McDowell

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Dill Igor

Master's student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: sigerousgo@mail.ru

This paper focuses on the fact that both analytic and continental traditions can discuss the same philosophical problems despite differences in language. The conceptualism of John McDowell, who argues that perceptual experience is intrinsically linked to conceptual content, is analyzed, which challenges the traditional distinction between the perceptual and the conceptual. McDowell's conceptualism is compared to the phenomenology of Martin Heidegger, who supports the idea of the conceptual nature of experience by using the notion of the «ready-to-hand» and pointing out that our perception of the world originally

includes conceptual elements and is not just a passive perception of just «present-at-hand».

Keywords: conceptual content, experience, given, M. Heidegger, J. McDowell.

References:

1. Mineki, O. (2008). In Defense of Conceptualism of Perceptual Content: Through Understanding the Concept of Experience in McDowell's Mind and World. *Archive for Philosophy and the History of Science*. Vol.10, Section of Philosophy and the History of Science, 119-145.
2. McDowell, J. (2000). *Mind and World: With a New Introduction*. USA: Fifth printing.
3. Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremja* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)

Между поэтом и юристом: сантехническая добродетель философа

Житенев Н.В.

В работе затрагивается проблематичность разделения философии на аналитическую и континентальную. Однако вместо полного отказа или вынужденного принятия предлагается трактовка этой дихотомии, объясняющая аналитичность и континентальность как пороки, связанные с общефилософской добродетелью, которая концептуализируется с привлечением «сантехнической метафоры» Мэри Миджли.

Ключевые слова: метафилософия, аналитическая философия, континентальная философия, этика добродетели, М. Миджли.

Попытка принять разделение философии на аналитическую и континентальную как значимое и стоящее того, чтобы его защищать, солидаризироваться с какой-то из его частей и осмыслять его как особую традицию или методологию, наталкивается, как мне кажется, на огромную стену из очевидных проблем. Во-первых, если принять эту дихотомию как абсолютную, как кажется, философы должны были бы разделиться на две независимые и непересекающиеся группы мыслителей, имеющих

Житенев Никита Владиславович, студент бакалавриата, Философский факультет,
Государственный академический университет гуманитарных наук
адрес для корреспонденции: niko.zhitenev@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Н.В.Житенев

возможность сказать друг другу что-то и остаться понятыми не больше, чем молекулярный биолог и историк французской литературы, обсуждающие проблемы астрофизики. Во-вторых, любая попытка ослабить утверждение о наличии этого различия ставит вопрос о его необходимости. Ведь если мы относим к аналитическим и континентальным философам узкий круг авторов, которые ещё и внутри своих «традиций» могут во взглядах и подходах расходиться настолько сильно, что мы не можем до конца быть уверены, что они готовы были бы встать под один зонтичный термин даже под страхом смерти, то почему бы просто не говорить о более узких направлениях, школах и традициях? Тем не менее, я полагаю, что у нас есть возможность недолюбливать обсуждаемое разделение, оставляя ему при этом право на жизнь и даже определённую значимость в вопросе понимания философии как таковой.

Мэри Миджли в эссе «Философская сантехника» предлагает метафору, в которой, как уже понятно из названия, философ – это сантехник, мысль – вода, а трубопровод, существующий далеко не первый год, – традиция (в общем смысле истории философии) [3, р. 139]. Вместе с этим она пишет, что «<...> великим философам необходимо редкое сочетание талантов. Они должны быть настолько же юристами, насколько поэтами» [3, р.141]. Связь сантехнической метафоры с приведённым утверждением может показаться неочевидной, но она имеет место и в некотором смысле сущностна для моего рассуждения.

Хотя Миджли и не делает этот ход в своём тексте, кажется справедливым отождествление воображаемого аналитика с юристом, а континентала с поэтом. Предположив теперь, что сантехник-юрист будет в своей работе следовать строгим правилам, избегая творчества и изобретательности, а сантехник-поэт, наоборот, будет склонен игнорировать правила, опираясь на свободу своего трубопроводного самовыражения, можно вполне справедливо решить, что для работы трубопровода оба подхода окажутся скорее вредны. Они не обязательно его сломают, более того, сантехник-юрист при прочих равных даже будет лучше выполнять свою работу, чем свободолюбивый коллега, но окажется беспомощным в случае возникновения обстоятельства, нерегламентированного в нормативных актах и инструкциях. Следовательно, для того, чтобы трубопровод штатно функционировал, и вода не текла бесконтрольно, идеальный сантехник должен сочетать в себе строгость юриста и свободолюбие поэта.

Конечно, это просто метафора, она несёт эвристическую ценность и призвана показать, что философию можно понять как своеобразную добродетель, идеалом которой был бы баланс между строгой аргументативностью и свободолюбивой оригинальностью. Справедливым возражением было бы указание на никуда не девшуюся «концептуальную несоизмеримость», использующуюся Аласдером Макинтайром для описания

ситуации, в которой посылки двух рассуждений настолько различаются, что рассуждения из них следующие невозможно адекватно сравнить [2, р. 8]. Однако подобный выпад быть парирован как минимум тем, что мы можем избрать позицию, согласно которой все философы вообще должны заниматься – или уже имплицитно занимаются – работой с трубопроводом (то есть, к примеру, поиском «абсолютных пресуппозиций» [1, р. 47]), а как максимум указанием на сепарированный характер этой проблемы, поскольку она имеет отношение к большому количеству дискуссий, не связанных с редкими столкновениями континенталов и аналитиков.

Таким образом, континентальность или аналитичность становятся пороками, существующими в качестве недостатка или переизбытка добродетели. Какую роль занимает в этой схеме каждый пейоратив будет зависеть от заведомо предвзятой позиции каждого, кого подобное могло бы волновать, однако это не имеет большого значения для того вывода, который я делаю вслед за Миджли. Только стремление к балансу между внутренними поэтом и юристом делает из нас настоящего сантехника.

Список используемых источников:

1. Collingwood R.G. *An Essay on Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press UK, 1940. 354 p.
2. MacIntyre A.C. *After virtue: a study in moral theory*. 3rd ed. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 2007. 286 p.
3. Midgley M. *Philosophical Plumbing* // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 1992. Vol. 33. P. 139–151.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Шпаковский Михаил Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры метафизики и сравнительной теологии ГАУГН.

Between a Poet and a Lawyer: The Plumbing Virtue of a Philosopher

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zhitenev Nikita

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, State Academic University for the Humanities

Correspondence to: niko.zhitenev@gmail.com

The work touches upon the problematic nature of the division of philosophy into analytical and continental. However, instead of a complete rejection or forced acceptance, an interpretation of this dichotomy is proposed, explaining analyticity and continentality as vices associated with a general philosophical virtue, which is conceptualized using Mary Midgley's «plumbing metaphor».

Keywords: metaphilosophy, analytical philosophy, continental philosophy, virtue ethics, M. Midgley.

References:

1. Collingwood, R. G. (1940). *An Essay on Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press UK.
2. MacIntyre, A. C. (2007). *After virtue: a study in moral theory* (3rd ed.). Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.
3. Midgley, M. (1992). Philosophical Plumbing. *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 33, 139–151. doi:10.1017/S1358246100002319

Аналитическая философия и её мифы: инференциалистская семантика Роберта Брэндома сквозь призму философии мифологии

Зорин Е.Ю.

В работе рассматривается инференциалистская семантика Роберта Брэндома в качестве необходимого продолжения последовательной борьбы с «Мифом о Данном» в аналитической философской традиции. Также указывается связь инференциалистской семантики с идеями Немецкой Классической философии и возможность построения диалога между аналитической и континентальной философскими традициями посредством последовательного освобождения от мифов.

Ключевые слова: инференциалистская семантика, аналитическая философия, континентальная философия, Миф о Данном, Роберт Брэндом.

С выходом в свет «Эмпиризма и Философии Сознания» Уилфрида Селларса в аналитической философии, по крайней мере некоторой её части, начинается новый этап: борьбы с мифами и рефлексивного отношения к собственным установкам. Развенчание «Мифа о Данном» не просто трансформирует

дискурс в аналитической философии, но также способствует построению диалога с континентальной философской традицией и открывает возможность для интеграции некоторых её достижений, что было вполне приемлемо для последней, но долгое время оставалось недопустимым для первой.

Однако, все ли препятствия оказались устранены, а все мифы повержены? Ещё Шеллинг указывал на тесную связь между языком и мифологией, масштабный проект аналитической философии в отношении языка, конечно, должен был воплощать определённые мифы. Своеобразная поэзия этого грандиозного проекта содержится в великом многообразии разного рода мысленных экспериментов и примеров, что часто настораживают непосвящённого читателя и не смущают уже искущённого в вопросах философии. Тем не менее, можно обратить внимание, что если континентальные авторы в качестве примеров или оснований рассуждений обычно приводят социальные или исторические явления, то так называемые мысленные эксперименты аналитиков весьма абстрактны. Эта абстрактность представляет собой «вторую сторону монеты» доктрины внешних отношений, поскольку всеобщие примеры допускали бы столь же всеобщие объяснения, и, кроме того, выражает установку на формальную строгость. «Миф о Данном» – это миф не только об эмпирическом, но и о логическом данном [2].

Но столь сильная приверженность приоритету логики имеет и ещё одно негативное последствие. Проблема заключается в том, что философские представления и рассуждения оказываются в зависимости от определённой логической модели, которая, в свою очередь, находится в зависимости от более фундаментальных логических изысканий. Результатом этого становится, всё чаще наблюдаемое в последних работах по аналитической философии, фактическое недоверие к постулируемому примату логики и её ограничение простыми правилами вроде *modus ponens*. Если расширение разнообразия логического аппарата и его применения способствовало прояснению и конкретизации различных тем, то «прагматизация» логики оказывается необходимым следствием.

Инференциалистская семантика Роберта Брэндома, призванная осуществить упомянутую «прагматизацию» весьма созвучна определённым положениям Немецкой Классической философии, и сам автор это охотно признаёт. У Канта Брэндом находит ключевую идею признания приоритета пропозиционального в семантике: именно суждение является фундаментальной единицей всякого познания, суждение может быть истинным, за суждение можно нести ответственность [1]. Потому трансцендентальное единство апперцепции обеспечивает взаимосвязь суждений в пространстве оснований. Однако, Кант подчиняет эту взаимосвязь практическому законодательству, установленному собой и для себя, в чём идёт дальше логических интуиционистов, постулирующих неестественную обязательность формальных предписаний, ведь как можно подчиняться правилу, его не признавая? Но их затруднения

схожи, потому что упираются в логическое данное, вопрос о том, каким образом правило было эксплицировано как правило? Вторая важная идея обнаруживается у Гегеля: опыт надлежит рассматривать как выводную деятельность и выносить суждения исключительно исходя из ролей, которые они играют в выводе [1]. Таким образом, следует полагать нормативность эксплицированных законов логики производной от социальнообоснованной нормативности наших дорефлексивных выводов, а не наоборот [2].

Список используемых источников:

1. Brandom R. *Making It Explicit*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 741 p.
2. Redding P. *Analytic Philosophy and the Return of Hegelian Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 56–84.

Analytic Philosophy and Its Myths: Robert Brandom's Inferentialist Semantics Through the Lens of the Philosophy of Mythology

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zorin Egor

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, State Academic University for the Humanities

Correspondence to: kingegorich@mail.ru

The work considers Robert Brandom's inferentialist semantics as a necessary continuation of the consistent struggle against the "Myth of the Given" in the analytical philosophical tradition. It also points out the connection of inferentialist semantics with the ideas of German Classical Philosophy and the possibility of building a dialogue between the analytical and continental philosophical traditions through consistent liberation from myths.

Keywords: inferentialist semantics, analytic philosophy, continental philosophy, the Myth of the Given, Robert Brandom.

References:

1. Brandom, R. (1994). *Making It Explicit*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
2. Redding, P. (2007). *Analytic Philosophy and the Return of Hegelian Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

О новом начале философии музыки

Каюткин Д.Ю.

Доклад посвящен месту исследования музыки в истории философии. Рассматривается парадоксальное несоответствие того положения философии музыки, которое она имела в классической парадигме, и незначительной роли в качестве очередной «Philosophy of x», которую музыка играла в XX веке. Исходя из работ А. Канье, А.Ф. Посева и А.А. Мёдовой, делается предположение о новом статусе философии музыки, построенной на проблеме онтологической идентичности. Философия музыки может войти в новую парадигму философии, лишенной традиционных границ, вслед за проблемой единства субъективности.

Ключевые слова: музыка, философия музыки, дебаты об идентичности, феноменология, аналитическая философия.

Развал классической метафизики, приведший к разделению европейской философии на аналитическую и континентальную, создал новые дисциплины, отправив в архив множество областей знаний. Многие из них обрели новую жизнь в частных науках. Музыковедение – уникальный пример такой трансформации. Музыкальная наука и философия создавалась одними и теми

Каюткин Денис Юрьевич, студент магистратуры, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: dkayutkin@list.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.Ю.Каюткин

же людьми в одно и то же время. Музыка была связующим элементом в строении космологии. В её интервалах видели законы строения тварного мира. Так св. Августин высчитал соразмерность мира, исходя из ритма музыки [1]. Но чем больше культура отходила от материальности, тем меньшую роль в философии играла музыка. Как результат, мы наблюдаем пренебрежение ею в классической немецкой философии. Попытка возродить философию музыки была предпринята в романтизме и иррационализме. Однако эта попытка, из-за особенностей направлений, скорее схожа с мистикой или поэзией музыки.

Своё место философия музыки нашла в эстетических учениях. Там она выступает в качестве примера для общей теории. Её проблемы – классические для любой схожей дисциплины: что такое музыка, какая у неё структура и чем она отличается от иных произведений искусств. Свой уникальный вопрос философия музыка обрела в работе Р. Ингардена «Музыкальное произведение и вопрос его идентичности» [2]. В нем музыка представляется предметом с уникальной инвариативностью. Эта инвариативность позже обрела формулировку внутри аналитической философии: «когда я говорю о музыкальном произведении, о каком предмете я говорю?». Трудность сопоставления идеи произведения с его исполнением дало новое начало философии музыки. Своей задачей Р. Ингарден видел постановку этого вопроса, нежели его полноценное решение. Поиском ответа занялась аналитическая философия. Дебаты об идентичности произведения привели к новому вопросу: какое место в онтологии занимает музыка [3]? Вопрос заключается в невозможности установить рамки музыкального предмета, соответственно невозможно произвести дескрипцию музыки как факта. Справедливости ради, задолго до онтологической формулировки, в континентальной философии уже был задан этот вопрос. А.Ф. Лосев определил основным вопросом философии музыки вопрос о становлении [4]. Однако решение в рамках диалектики и феноменологии привело его к попытке восстановить разрушенное космологическое объяснение устройства музыки. Громко заявленный вопрос из аналитической традиции был услышан в современной феноменологии. А.А. Мёдова в работе «феноменология музыкального опыта» [5] предложила рассмотреть возможность музыки выступать в качестве отдельного региона, лишённого эстетических рамок.

Стоит отметить, что диалог между двумя традициями возникал и ранее на схожей проблеме: когда аналитики обнаруживают невозможность описания предмета, а феноменологи оспаривают его онтологическую идентичность. Речь идёт о проблеме единства субъекта. Отметим общую тематику двух вопросов: вопрос о невозможности нахождения единства в изменяющемся во времени предмете. Следует полагать, что философия музыки обретет своё новое воплощение именно в связи с онтологией субъективности.

Список используемых источников:

1. Августин А. Шесть книг о музыке. Москва: Московская консерватория, 2017. 359 с.
2. Ингарден Р. Исследования по эстетике. Москва: Изд-во ин-ной лит-ры, 1962. 572 с.
3. Kania A. Piece for the End of Time: In Defence of Musical Ontology // BJA. 2008. Vol. 48. P. 65–79.
4. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 195–392.
5. Мёдова, А. А. Феноменология музыкального опыта. Красноярск: СибГУ им. академика М. Ф. Решетнёва, 2021. 240 с.

A New Beginning in the Philosophy of Music

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kayutkin Denis

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: dkayutkin@list.ru

The report is dedicated to the place of music studies in the history of philosophy. It examines the paradoxical discrepancy between the status of the philosophy of music in the classical paradigm and its minor role as yet another "Philosophy of x" that music played in the 20th century. Drawing on the works of A. Kanya, A.F. Losev, and A.A. Myedova, it proposes a new status for the philosophy of music based on the problem of ontological identity. The philosophy of music may enter a new paradigm of philosophy that transcends traditional boundaries, following the issue of the unity of subjectivity.

Keywords: music, philosophy of music, debates on identity, phenomenology, analytical philosophy.

References:

1. Augustine, A. (2017). *Shest' knig o muzyke* [Six books about music]. Moscow: Moskovskaya konservatoriya. (in Russ.)
2. Ingarden, R. (1962). *Issledovaniya po estetike* [Studies in aesthetics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (in Russ.)
3. Kania, A. (2008). Piece for the end of time: In defence of musical ontology. *British Journal of Aesthetics*, 48(1), 65–79.
4. Losev, A. (1990). *Muzyka kak predmet logiki* [Music as a subject of logic]. In *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. P. 195–392. Moscow: Pravda. (in Russ.)
5. Myodova, A. (2021). *Fenomenologiya muzykal'nogo opyta* [Phenomenology of musical experience]. Krasnoyarsk: SibGU imeni akademika M. F. Reshetnyova. (in Russ.)

Право, мораль и судебское усмотрение: философский анализ дискуссии Г. Харта и Р. Дворкина

Кошутин К.Ю.

Дискуссия между Хартом и Дворкиным о природе права фокусируется на роли морали и судебного усмотрения. Харт в «The Concept of Law» (1961) отстаивает позитивизм, отделяя право от морали, а Дворкин в «Taking Rights Seriously» (1977) утверждает, что право неразрывно связано с моральными принципами. Этот спор остается центральным для современной философии права.

Ключевые слова: Г. Л. А. Харт, Р. Дворкин, право, мораль, судебское усмотрение.

Основные положения Харта. Герберт Харт в своей работе «The Concept of Law» развивает теорию правового позитивизма, утверждая, что право – это система социальных правил, которые могут быть идентифицированы через эмпирические критерии, такие как «правило признания» (rule of recognition). Харт разделяет право на первичные и вторичные правила. Первичные правила

Кошутин Кирилл Юрьевич, студент бакалавриата,
Ярославский государственный университет
адрес для корреспонденции: wodanburns@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.Ю.Кошутин

регулируют поведение, а вторичные – определяют, как создаются, изменяются и применяются первичные правила. Харт подчеркивает, что право должно быть отделено от морали, и его существование не зависит от моральной оценки. Также Харт считал, что правовая система может быть эффективной и действенной, даже если она не соответствует моральным стандартам [2, с. 56].

Критика Дворкина. Рональд Дворкин в своей работе «Taking Rights Seriously» критикует позитивистский подход Харта, утверждая, что право не может быть сведено к простым правилам. Дворкин вводит понятие «принципов», которые, по его мнению, играют ключевую роль в правовой системе. Эти принципы, такие как справедливость и равенство, не могут быть выведены из эмпирических критериев, как это предлагает Харт. Дворкин утверждает, что судьи, принимая решения, опираются не только на правила, но и на моральные принципы, которые являются неотъемлемой частью права. Он пишет: «Право – это не просто набор правил, но и система принципов, которые обеспечивают его моральную легитимность» [1, с. 54].

Проблема судейского усмотрения. Одним из ключевых моментов спора является вопрос о судейском усмотрении. Харт утверждает, что в случаях, когда правила не дают четкого ответа, судьи обладают дискреционными полномочиями для принятия решений. Дворкин, напротив, считает, что судьи всегда связаны принципами, которые являются частью правовой системы, и поэтому их решения не могут быть произвольными. Он утверждает, что даже в сложных случаях существует «единственно правильный ответ» (right answer thesis), который может быть найден через интерпретацию принципов [1, с. 375].

Роль морали в праве. Еще одним важным аспектом дискуссии является вопрос о роли морали в праве. Харт, как позитивист, настаивает на разделении права и морали, утверждая, что право может быть несправедливым, но оставаться правом. Дворкин, напротив, считает, что мораль и право неразрывно связаны, и что правовая система должна быть основана на моральных принципах. Он критикует Харта за то, что тот игнорирует моральное измерение права, что, по мнению Дворкина, делает его теорию неполной и неадекватной для объяснения реальной правовой практики [1, с. 26].

Заключение. Дискуссия между Хартом и Дворкиным остается актуальной для современной философии права, так как она затрагивает фундаментальные вопросы о природе права, его интерпретации и связи с моралью. Харт предлагает строгую позитивистскую модель, которая отделяет право от морали, в то время как Дворкин настаивает на том, что право не может быть понято без учета моральных принципов. Этот спор продолжает влиять на развитие правовой теории и практики, подчеркивая важность философского анализа для понимания права.

Список используемых источников:

1. Дворкин Р. О правах всерьез. Москва.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
2. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 184 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Климова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Law, Morality, and Judicial Discretion: A Philosophical Analysis of the Hart-Dworkin Debate

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Koshutin Kirill

Undergraduate student, Yaroslavl State University

Correspondence to: wodanburns@gmail.com

*The discussion between Hart and Dworkin about the nature of law focuses on the role of morality and judicial discretion. Hart, in *The Concept of Law* (1961), advocates positivism, separating law from morality, and Dworkin, in *Taking Rights Seriously* (1977), argues that law is inextricably linked to moral principles. This debate remains central to modern legal philosophy.*

Keywords: G. L. A. Hart, R. Dworkin, law, morality, judicial discretion.

References:

1. Dworkin, R. (2004). *O pravah v serioz* [Taking rights seriously]. ROSSPEN. (in Russ.)
2. Hart, H. L. A. (2007). *Poniatie prava* [The concept of law]. Izdatelstvo Saint-Peterburgskogo universiteta. (in Russ.)

Что значит для трансцендентализма множественность минимального?

Кузнецов Ф.Н.

Доклад посвящен выяснению статуса критической философии сегодня: обосновывается тезис о том, что трансцендентализм, который начинался как универалистский проект, сталкивается с релятивизацией, вследствие чего, требует пересмотра подхода как к прочтению Канта, так и к многим собственным вариациям. Этот пересмотр может быть выполнен только при отказе от дихотомии между «аналитическим и «континентальным», что становится возможным благодаря «плероматическому» способу работы Габриэля Катрена.

Ключевые слова: трансцендентализм, Г. Катрен, К. Мейясу, регулятивная идея, контингентность абсолютизации.

Исследование посвящено выяснению статуса критической философии сегодня: нами обосновывается тезис о том, что трансцендентализм, который начинался как универалистский проект, сталкивается с релятивизацией, вследствие чего, требует пересмотра подхода как к прочтению Канта, так и к многим собственным вариациям.

Кузнецов Фёдор Николаевич, студент магистратуры, Философский факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: kuznetsovfn@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Ф.Н.Кузнецов

Данная тема оказывается определяющей для современного состояния философии. В том числе из-за появления расходящихся методологически и содержательно версий трансцендентальной философии Квентин Мейясу делает вывод о необходимости преодоления того, что он называет корреляционизмом [1, с. 23], что позже будет определено Катрин Малабу как «жест отречения от Канта» [4, с. 251]. Такое отречение оказывается экзистенциальной угрозой для всей философии XX века. В этом контексте появляется проект Габриэля Катрена, на данный момент малоизвестный русскоязычной аудитории, который позволяет, учитывая аргументы Мейясу, восстановить трансцендентализм на новых основаниях [3, с. 36].

Подобный трансцендентализм нового порядка, то есть трансцендентализм, который одновременно отсылает к аналитической (Катрен доказывает, что, например, Карнап и Витгенштейн во многом принадлежат к трансцендентализму) и континентальной (Хайдеггер, Сартр, Делез, Фуко, Бурдьё) традиции уничтожает разрыв между этими традициями или позволяет относиться к нему, как к незначительному за счет равной ценности каждой из версий трансцендентальной философии. Что, в свою очередь, предполагает новый, синкретичный, способ работы с философскими текстами. Свой проект Габриэль Катрен называет «плероматическим» [3, с. 102], что отсылает к гностическому понятию Плеромы и указывает на центральный ход: поиск такого Единства, которое было бы способно охватить все территории философского поиска, при этом не исключая ни одной философской школы (Мы должны делать философию так, чтобы в одном тексте сходились Бальтазар и Ленин, а напряжение между Карнапом и Хайдеггером казалось бы шуткой [3, с. 102]).

Для прослеживания смещения понятия трансцендентального мы опирались на работу Фуко «Что такое Просвещение». В ней обнаруживается ключевое описание того, что случилось с критической философией в 20 веке: «Речь в итоге идет о том, чтобы преобразовать критику, осуществляемую в форме необходимого ограничения, в практическую критику, то есть в возможное преодоление» [2, с. 335]. Кроме того, по нашему мнению, Фуко императивно задаёт две лидирующие в философии сейчас оси (Мейясу, Катрен) своим вопросом об относительности трансцендентального: «...какова доля единичного, случайного, вызванного произвольным принуждением, – в том, что дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное?» [2, с. 336]. В связи с этим, мы называем любую философию, для которой важен ответ на вопрос Фуко – минимальной версией трансцендентализма.

Итогом исследования является реактуализация на онтологическом уровне кантианской «регулятивной идеи», то есть необходимости действовать так, как если бы каждая из версий трансцендентализма оказалась верной. Такая доктрина называется нами контингентностью абсолютизации и противопоставляется стратегии Мейясу по абсолютизации контингентности

[4, с. 253]. Как альтернативная возможность она позволяет объяснить изменчивость трансцендентальных структур без откидывания кантианской философии, а, наоборот, основываясь на ней. Что выражается в принципе скромности Габриэля Катрена: «Мы должны оставаться верными следующему принципу скромности: никогда не гипотезировать наши собственные ограничения в универсальные принципы» [3, с. 152].

Список используемых источников:

1. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
2. Фуко М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 т. Т. 1. Москва: Праксис, 2002. С. 335–336.
3. Catren G. Pleromatica or Elsinore's trance. London: Urbanomic/Sequence Press, 2023. 517 p.
4. Malabou C. «Can We Relinquish the Transcendental?»: Malabou and Foucault on the Kantian Organism // The Journal of Speculative Philosophy. 2014. Vol. 28, No. 3. P. 242–255.

What Does the Plurality of the Minimal Mean for Transcendentalism?

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kuznetsov Fedor

Master's student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: kuznetsovn@gmail.com

The paper is devoted to clarifying the status of critical philosophy today. It argues that transcendentalism, which began as a universalist project, faces relativization and, as a consequence, requires a revision of the approach to reading of Kant without limitation by analytical or continental perspective. This is made possible by Gabriel Quatrain's "pleromatic" way of working.

Keywords: transcendentalism, G. Catren, Q. Meillassoux, regulative idea, contingency of absolutisation.

References:

1. Meiyasu, K. (2015). *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. (in Russ.)
2. Foucault, M. (2002). *Chto takoe Prosveshchenie?* [What is Enlightenment?]. In *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interviu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Vol. 1, p. 335-336. Moscow: Praksis. (in Russ.)
3. Catren, G. (2023). *Pleromatica or Elsinore's trance*. London: Urbanomic/Sequence Press.
4. Malabou, C. (2014). «Can We Relinquish the Transcendental?»: Malabou and Foucault on the Kantian Organism. *The Journal of Speculative Philosophy*, 28(3), 242–255.

Аналитическая феноменология: на границе аналитической и континентальной традиций

Лукшин Д.А.

В докладе предлагается обратиться к такому философскому проекту, как аналитическая феноменология. В сущности, доклад ставит задачами рассмотреть, как в этом философском проекте преодолеваются ограничения двух традиций (аналитической и континентальной), проанализировать этот синтез непосредственно с опорой на примеры применения методологии аналитической феноменологии, а также автором тезисов предлагается углубить эту дискуссию в аспектах проблем интенциональности и языка дескрипции. В качестве цели доклада ставится проблематизация самой идеи преодоления границ двух традиций в аналитической феноменологии в связи с разнородной онтологией, полагаемой каждой из этих традиций, чтобы определить статус этого философского проекта в рамках самого феноменологического дискурса.

Ключевые слова: аналитическая феноменология, интенциональность, дескрипция.

Лукшин Денис Александрович, студент бакалавриата, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

адрес для корреспонденции: dalukshin@edu.hse.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Д.А.Лукшин

В начале XXI века возникает и распространяется один философский проект под названием «аналитическая феноменология», сущность которого заключается в применении философских наработок Эдмунда Гуссерля, отца-основателя феноменологии, к аналитической философии сознания. Как заявляет Ч. Сьюверт, один из аналитических феноменологов, генеральным тезисом проекта является «объединение двух философских ориентаций, обычно рассматриваемых в оппозиции, – “аналитической” и “континентальной”» [1, с. 95]. По своей сути аналитическая феноменология направлена на преодоление границ трансцендентальной и аналитической философии, чтобы извлечь из этого сотрудничества пользу для многопланового рассмотрения опыта. Соответственно, решение, которое предлагает этот проект, заключается в восполнении недостатков как континентальной, так и аналитической традиций посредством синтеза тех границ, которые они ставят перед собой.

Отмечается, что феноменология имеет достаточно много точек соприкосновения с аналитической традицией из-за антипсихологизма и пристального внимания к языку [2, с. 32]. Однако их сближает не только это, но и предмет исследования – сознание. Но является ли все это достаточным основанием для того, чтобы сближать феноменологию (а в ее лице континентальную традицию) и аналитическую традицию? Гипотезой данного доклада будет являться тезис, что каждая из этих традиций предполагает разноразличную онтологию, и вследствие этого вписать аналитическую феноменологию только в одну традицию оказывается невозможным, несмотря на имеющиеся попытки [3, с. 64]. По сути, аналитическая феноменология должна определяться в феноменологическом дискурсе, поскольку не стоит упускать из виду, что это всё-таки «феноменология», о чём непосредственно напоминают сами аналитические феноменологи [4, с. 2]. А так как «феноменология» может быть осуществлена множественным образом, оказывается возможным через определение статуса рассматриваемого проекта в рамках феноменологического дискурса уточнить пределы понимания последнего.

Соответственно, данный доклад ставит перед собой цель проблематизировать саму идею преодоления границ двух традиций в рамках проекта аналитической феноменологии. Чтобы осуществить указанное, следует обратиться к тем феноменологическим темам и локальным сюжетам, где можно, во-первых, увидеть применение методологии аналитической феноменологии, во-вторых, рассмотреть синтез, восполняющий ограниченность установок двух традиций, в-третьих, уточнить их границы, а вследствие этого проследить онтологическую разницу озвученных установок. Такими сюжетами для рассмотрения послужат интенциональность как

структура сознания (а благодаря этому есть выход на исследования проблемы сознательного опыта), а также обращение к языку как средству описания (она же дескрипция, которая «схватывает» феномены определенным способом говорения, прибегающего к метафорам и основывающегося на перспективе от первого лица). Представляется, что эти темы могут углубить имеющуюся дискуссию относительно проекта аналитической феноменологии, принадлежащего не столько к аналитической традиции, сколько к феноменологическому дискурсу. В частности, благодаря этому станет возможным прояснить возможные претензии аналитической феноменологии на звание нео-феноменологии [5, с. 312].

Таким образом, результатом данного доклада станет возможное направление для уточнения границ феноменологического дискурса, несмотря на то что феноменология «зачастую толкуется слишком широко, что приводит к размыванию границ и последующему применению термина “феноменологический”» [6, с. 117]. Также, хотя рассматриваемый феноменологический проект изначально стремился уйти в аналитическую традицию, будет показано, что онтологическая разница двух традиций не позволяет провести этот переезд полностью и основательно.

Список используемых источников:

1. Siewert C. For Analytic Phenomenology // *Analytic and Continental Philosophy: Methods and Perspectives* / Ed. by H. Wiltscheand and S. Rinofner-Kreidl. Berlin: De Gruyter, 2016. P. 95–110.
2. Tilman F. Transcendental Phenomenology and Analytic Philosophy // *International Philosophical Quarterly*. 1967. №7(1). P. 31–40.
3. Зайкова А.С. В защиту аналитической феноменологии времени // *Respublica Literaria*. 2020. Т. 1. № 2. С. 60–69.
4. Pitt D. *The Quality of Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2024. 238 p.
5. Tomasetta A. *Analytic Phenomenology: A Guided Tour* // *Argumenta*. 2024. №9(2). P. 297–316.
6. Гаспарян Д.Э. Аспекты аналитической и трансцендентальной феноменологий в контексте современной философии сознания // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 5. С. 97–123.

Analytical Phenomenology: On the Edge of Analytical and Continental Traditions

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lukshin Denis

Undergraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies,
National Research University Higher School of Economics
Correspondence to: dalukshin@edu.hse.ru

The report suggests addressing such a philosophical project as analytical phenomenology. In essence, the report aims to examine how this philosophical project overcomes the limitations of two traditions (analytical and continental), analyze this synthesis directly based on examples of the application of the methodology of analytical phenomenology, and the author of the theses suggests deepening this discussion in the aspects of the problems of intentionality and the language of description. The purpose of the report is to problematize the very idea of overcoming the boundaries of two traditions in analytical phenomenology in connection with the multilevel ontology posited by each of these traditions in order to determine the status of this philosophical project within the framework of the phenomenological discourse itself.

Keywords: analytic phenomenology, intentionality, description.

References:

1. Siewert, C. (2016). *For Analytic Phenomenology*. In: Wiltche H., Rinofner-Kreidl, S. (Ed.) *Analytic and Continental Philosophy: Methods and Perspectives* (pp. 95–110). Berlin: De Gruyter.
2. Tilman, F. (1967). Transcendental Phenomenology and Analytic Philosophy. *International Philosophical Quarterly*, 7(1), 31–40.
3. Zaykova, A. (2020). V zashchitu analiticheskoy fenomenologii vremeni [In favour of analytic phenomenology of time]. *Respublica Literaria*, 1(2), 60–69. (in Russ.)
4. Pitt, D. (2024). *The Quality of Thought*. Oxford: University Press.
5. Tomasetta, A. (2024). Analytic Phenomenology: A Guided Tour. *Argumenta*, 9(2), 297–316.
6. Gasparian, D. (2019). Aspekty analiticheskoy i transtsendental'noy fenomenologii v kontekste sovremennoy filosofii soznaniya [Key aspects of analytical and transcendental phenomenology within the framework of modern philosophy of consciousness]. *Filosofskie nauki*, 62(5), 97–123. (in Russ.)

Феноменологический подход в рамках аналитической философии сознания: от заимствований к синтезу

Половинкина Е.А.

Сегодня феноменология как одно из главных течений континентальной традиции всё больше укрепляет своё влияние в поле аналитической философии сознания. Между тем в современном научном дискурсе отсутствует единое мнение относительно оптимального формата сближения аналитической и континентальной традиций в аспекте проблемы онтологии сознания. Данное исследование имеет цель обосновать целесообразность и выявить наиболее перспективный вариант конвергенции феноменологии и аналитической философии сознания, что позволит в дальнейшем прийти к новым важным результатам в исследованиях сознания.

Ключевые слова: феноменология, аналитическая философия, нейрофеноменология, энактивизм, когнитивные науки.

Философия сознания является одним из магистральных направлений аналитической традиции, в то время как феноменологию принято относить

Половинкина Елена Александровна, студент бакалавриата, Философский факультет,
Российский государственный гуманитарный университет
адрес для корреспонденции: elenalerkh@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.А.Половинкина

к континентальной философии. Между целями, методами и доктринами этих подходов существует множество различий, но в рамках данного исследования мы сфокусируемся на одном из них. Феноменология представляет собой точку зрения познающего субъекта «от первого лица», при этом сознание в рамках феноменологического подхода рассматривается как подлинная сфера реальности и приобретает статус приоритета над материей. Аналитическая философия исследует ментальные явления посредством абстрактных, объективизированных методов, натурализируя сознание и принимая точку зрения «от третьего лица». Иными словами, «если для аналитической философии первично материальное бытие, сознание же выступает его структурой, то для феноменологии, наоборот, первично сознание, которое вместе с тем тоже выступает структурой материального мира» [1, с.31].

Исторически сложилось, что эти два философских течения развивались независимо друг от друга. Тем не менее становится очевидным, что оба подхода нуждаются во взаимодополнении. С одной стороны, тезис приоритета сознания над материей, закрепленный в императиве традиционной феноменологии, отсекает всякую возможность её диалога с естественнонаучными дисциплинами, тем самым феноменология в ортодоксальном виде оказывается отрезанной от натуралистической интерпретации мира, состоятельность которой в эпоху господства естествознания доказывать будет лишним. С другой стороны, аналитическая философия сталкивается с проблемой ограниченности собственного подхода к исследованию сознания, обусловленной феноменальными свойствами сознания и нередуцируемостью качественного опыта субъекта и, следовательно, требует включения перспективы «от первого лица».

Сегодня в рамках аналитической традиции в аспекте определения онтологического статуса сознания стали хорошо заметны тенденции обращения к феноменологии. При этом некоторые философы предпринимают попытку создать автономное феноменологическое поле внутри аналитической философии сознания, настаивая на качественности и субъективности сознательных актов и защищая тем самым статус сознания от редукционизма, функционализма, элиминативизма и прочих натуралистических подходов (Д. Чалмерс, Д. Серл, Н. Блок, Ф. Джексон). Другой подход заключается в предложении синтезировать методологию и инструментарий когнитивных наук с феноменологией «от первого лица». Примером попытки такого синтеза может служить нейрофеноменология Ф. Варелы и программа энактивизма, предложенная Ш. Галлагером.

Недостатком первого подхода является вынужденное попеременное обращение к феноменологическим и аналитическим аргументам ввиду сильного различия их аргументативных баз, в результате чего, во-первых,

неизбежно возникает антитеза, а во-вторых, вывод исследований, как правило, оказывается оторванным от одного из полюсов [2].

С другой стороны, программа синтеза феноменологии и естественнонаучного подхода кажется более перспективной, поскольку методологический и инструментальный обмен позволит сблизить их аргументативные базы и преодолеть те самые противоречия, возникающие при выборе стратегии автономизации феноменологических аспектов внутри исследовательского поля аналитической философии сознания. При таком синтезе, с одной стороны, исследования феноменов сознания «от первого лица» дают возможность заглянуть внутрь ментального опыта, с другой же стороны, аналитический компонент позволит разработать инструменты для верификации этих субъективных ментальных состояний и их конвертирования в объективные научные данные. Таким образом, данный подход позволит «объединить критерии научной объективности (перспективы от третьего лица) и способы описания феноменально проживаемого опыта со стороны приватной субъективности (перспективы от первого лица)» [3 с. 84]. В частности, феноменальный опыт может быть описан с помощью формализованных математических моделей и алгоритмов.

По мнению автора, если рассматривать феноменальность как интроспективность, опуская при этом аспекты априорности и трансцендентальности, присущие аутентичной версии феноменологии, то между получением интроспективных данных от первого лица (феноменологическим методом) и эмпирическим исследованием с последующим сциентированием этих данных от третьего лица (естественнонаучным методом) не должно возникать явных противоречий при условии разработки общей методологии. Кроме того, такой синтез станет новым шагом в создании единого дискуссионного пространства для философов и ученых-когнитивистов.

Таким образом, можно заключить, что именно синтез методологических средств двух традиций позволит дополнить онтологическую картину сознания, а также будет способствовать расширению границ научной методологии в принципе. Тем не менее данный синтез требует отказа от некоторых аксиом аутентичной феноменологии в виду невозможности их встраивания в натуралистическую картину мира.

Список используемых источников:

1. Докучаев И.И. Философия в эпоху господства естествознания: феноменологический идеализм и натуралистические редукции сознания аналитической философии // Вестник РХГА. 2022. №23(2). С. 26–33.

2. Сафронов А.В. Онтологический статус сознания: преодоление антитезы аналитической философии и феноменологии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. №5. С. 60–76.
3. Гаспарян Д.Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. №13(1). С. 80–96.
4. Гаспарян Д.Э. Особенности феноменологического подхода в современной аналитической философии сознания // История философии. 2019. №24(2). С. 90–103.
5. Gallagher S., Zahavi D. The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. New-York: Routledge, 2007. 244 p.
6. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge MA: MIT Press, 1991. 321 p.

Phenomenological Approach Within the Framework of the Analytical Philosophy of Consciousness: From Borrowings to Synthesis

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Polovinkina Elena

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities

Correspondence to: elenalerkh@yandex.ru

Phenomenology as one of the main currents of the continental tradition is increasingly strengthening its influence in the field of analytical philosophy of consciousness. Meanwhile, in modern scientific discourse there is no consensus on the optimal format for convergence of the analytical and continental traditions in the aspect of the problem of the ontology of consciousness. This study aims to identify the most promising option for the convergence of phenomenology and analytical philosophy of consciousness, which will allow us to come to new important results in consciousness studies in the future.

Keywords: phenomenology, analytic philosophy, neurophenomenology, enactivism, cognitive sciences.

References:

1. Dokuchaev, I. (2022). Filosofiya v epohu gospodstva estestvoznaniya: fenomenologicheskij idealizm i naturalisticheskie redukcii soznaniya analiticheskoy filosofii [Philosophy in the era of the dominance of natural science: phenomenological idealism and naturalistic reductions of consciousness in analytical philosophy]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 23(2), 26–33. (in Russ.)
2. Safronov, A. (2015). Ontologicheskij status soznaniya: preodolenie antitezy analiticheskoy filosofii i fenomenologii [Ontological status of consciousness: sublation of analytic philosophy and phenomenology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 5, 60–76. (in Russ.)
3. Gasparyan, D. (2020). Fenomenologiya bez transtsendentalnogo subyekta: neyrofеноmenologiya i enaktivizm v poiskakh perspektivy ot pervogo litsa [Phenomenology without a transcendental subject: neurophenomenology and enactivism in search of a first-person perspective]. *Filosofskiy zhurnal*, 13(1), 80–96. (in Russ.)
4. Gasparyan, D. (2019). Osobennosti fenomenologicheskogo podhoda v sovremennoj analiticheskoy filosofii soznaniya [Features of phenomenological approach in analytical philosophy of mind]. *Istoriya filosofii*, 24(2), 90–103. (in Russ.)
5. Gallagher, S., Zahavi, D. (2007). *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*. New York: Routledge.
6. Varela, F.J., Thompson, E., Rosch, E. (1991). *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge MA: MIT Press.

Институциональная теория Дж. Дики на стыке континентальной и аналитической философии

Ратникова Е.С.

Институциональная теория Дж. Дики рассматривается, как теория умеренного эссенциализма, использующая аналитические методы исследования для предмета континентальной философии, а именно – произведения искусства. Данная теория – это попытка найти дефиниции относительно понятия искусства в самом сложном для истории искусства времени – в XX веке.

Ключевые слова: умеренный эссенциализм, институциональная теория, Дж. Дики, дефиниции искусства, артефакт.

Впервые идея об институциональном происхождении дефиниций в искусстве возникает у Дж. Дики в 1969 году в статье «Определяя искусство» [3, с. 253-256]. С одной стороны, попытка найти четкие дефиниции – это традиция аналитической философии, с другой стороны, Дж. Дики обращается к одному из самых трудно-определяемых предметов в философии – понятию произведения искусства.

Ратникова Елена Сергеевна, студент магистратуры, Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: ratnikova_es@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.С.Ратникова

Основная часть книги «Искусство и эстетическое. Институциональный анализ» содержит историю развития эстетики, аргументы против концепции эстетического отношения (*aesthetic-attitude*) и формирование тезисов в защиту институциональной теории автора. Центральная мысль теории заключается в том, что статус объекта, как произведения искусства присваивается Миром искусства.

Теория Дж. Дики представляется уже в данной книге, как часть дискурса аналитической философии. Дики спорил с неовитгенштейнианской теорией М. Вейтца о том, что искусство не подлежит определению. Дики развивал свою теорию в русле умеренного эссенциализма и определил условия, при которых объект может быть назван произведением искусства: 1) объект должен быть артефактом, и 2) общество или некая суб-группа присваивает ему статус кандидата на оценку [4, с. 254].

Впоследствии Дики корректирует эти условия. На изменение первого условия (что произведение должно быть артефактом) повлияли следующие факторы. Во-первых, критика коллег, например Ричарда Склафани, который указывал на то, что произведение искусства не обязательно должно быть артефактом [5, с. 111-114]. Во-вторых, при появлении концептуального искусства (1960-ые гг.), в котором артефакт отсутствует вовсе. И в-третьих, при рассматривании естественных объектов, превращенных в произведения искусства путем интенции художника и помещении в музей. С учетом этого, в книге «Круг искусства» (1984) Дики не просто отказывается от понятия «артефакта», но начинает говорить об «артефактности», как о процессе при создании произведений искусства [2, с. 12].

Пересмотру подвергается также второе условие «присвоение статуса кандидата на оценку». С одной стороны, под влиянием критики Теда Коэна, который отмечал, что нельзя присвоить статус произведения тому объекту, который изначально имеет художественные характеристики [1, с. 69-83]. С другой стороны, под влиянием критики М. Бердсли.

С учетом критики коллег, в книге «Круг искусства» Дж. Дики заменяет второе условие с «присвоения статуса» на его достижение, по сути, смещая акцент с институционализации объекта, на процесс создания произведения искусства. Внимание к формулировкам и нюансам значений также можно отнести к аналитической традиции. Однако мы понимаем, что цикличность определений и попытка сделать их гибкими уже роднят теорию Дж. Дики с континентальной философией.

Формирование институциональной теории Дж. Дики происходило на протяжении многих лет, начиная с первой статьи «Определяя искусство» в 1969 году и, заканчивая его работой «Круг искусства» 1984 года. Дики последовательно развивает свою теорию в традициях аналитической

философии, корректируя тезисы с учетом критики. Более того, его теория во многом конструировалась благодаря заполнению тех самых пробелов и неточностей, на которые обращали внимание другие исследователи. Он учитывает критику Монро Бердсли, Теда Коэна, Ричарда Склафани и многих других.

Институция присваивает определенные права тем, кто создает произведение искусства или теорию искусства. Однако Дж. Дики упускает момент, как именно простой человек со своими «каракулями» может приобрести статус художника, которого институция будет признавать. Пути входа в «мир искусства» не обговариваются. Таким образом, «Мир искусства» Дж. Дики – это децентрализованная авторитарная система с произволом институций, именно потому, что сама концепция институциональной теории слишком свободна и четко не определена.

Таким образом, если воспринимать «институциональную теорию» как своеобразный объект, который Дики предлагает миру искусства, для присваивания статуса «кандидата на оценку», мы получаем иллюстрацию «живого процесса», при котором философ искусства, исправляя неточности, замеченные критиками, добивается конвенционального соглашения, принятия своей теории, и получается, что исследователь на своем собственном примере показывает авторитарность системы мира искусства. Использование аналитических методов аргументации становится доказательством широкой континентальной теории, а попытка нахождения четкой дефиниции искусства последовательно доказывает размытость границ данной дефиниции.

Список используемых источников:

1. Cohen T. The Possibility of Art: Remarks on a Proposal by Dickie // *Philosophical Review*. 1973. №1(82). P. 69-83.
2. Dickie G. *The Art Circle*. N.Y.: Haven, 1984. 116 p.
3. Dickie G. Defining Art // *American Philosophical Quarterly*. 1969. №3(6). P. 253-256.
4. Dickie G. *Art and the aesthetic. An institutional analysis*. London: Cornell univ. press., 1974. 204 p.
5. Richard J. Sclafani. Art as a Social Institution: Dickie's New Definition // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1973. №1(32). P. 111-114.
6. Weitz M. The Role of Aesthetics // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1956. №1(15). P. 27-35.

The Institutional Theory of J. Dickie Is at the Intersection of Continental and Analytical Philosophy

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ratnikova Elena

Master's student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: ratnikova_es@mail.ru

The institutional theory of J. Dickey is considered as a theory of moderate essentialism, using analytical research methods for the subject of continental philosophy, namely, works of art. This theory is an attempt to find definitions regarding the concept of art in the most difficult time for the history of art – in the 20th century.

Keywords: moderate essentialism, institutional theory, J. Dickey, definitions of art, artifact.

References:

1. Cohen, T. (1973). The Possibility of Art: Remarks on a Proposal by Dickie. *Philosophical Review*, 1(82). 69-83.
2. Dickie, G. (1984). *The Art Circle*. N.Y.: Haven.
3. Dickie, G. (1969). Defining Art. *American Philosophical Quarterly*, 3(6), 253-256.
4. Dickie, G. (1974). *Art and the aesthetic. An institutional analysis*. London: Cornell univ.press.
5. Richard, J. Sclafani (1973). Art as a Social Institution: Dickie's New Definition. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 1(32). 111-114.
6. Weitz, M. (1956). The Role of Aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 1(15). 27-35.

Феноменология и «Миф о Данном»

Рафиков А.Т.

Доклад посвящён феноменологии и проблеме подверженности её Мифу о Данном. Утверждается, что несмотря на то, что К. Сакс настаивает на том, что феноменология Мерло-Понти избегает Мифа о Данном, но его утверждение может быть поставлено под сомнение.

Ключевые слова: Миф о Данном, феноменология, У. Селларс.

Миф о Данном – концепция У. Селларса, обозначающая идею о том, что знание нам дано каким-то образом или «категориальная структура мира – если он имеет категориальную структуру – накладывается на ум, как печать оставляет след на расплавленном воске» [3, с. 237].

Феноменология – философская дисциплина, которая началась с призыва вернуться «к самим вещам» с помощью исследования непосредственно данных нам феноменов. На первый взгляд кажется, что именно из-за этого она подвержена Мифу о Данном. Однако один из исследователей Селларса Карл Сакс не совсем согласен с этим. Он утверждает, что не вся феноменология подвержена Мифу о Данном, но только категориальная феноменология Гуссерля. Прежде всего потому, что в этой версии феноменологии

Рафиков Амир Тимурович, студент магистратуры, Философский факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: ramirelt@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.Т.Рафиков

постулируется так называемый «корреляционизм», то есть убеждение о недоступности мира самого по себе, а только в корреляции с нашим мышлением. Дело в том, что одной из основополагающих феноменологических операций, а именно феноменологическое эпохе, то есть подвешивание всех предпосылок нашего познания, в конце концов, должна привести нас к выводу о невозможности прямого познавательного отношения к миру. Сакс замечает, что «Корреляционизм мифичен в силу своей основополагающей роли в тотальной системе как беспредпосылочного условия возможности познавательного опыта, именно потому, что осознание корреляции достигается тогда, когда все предпосылки подвешены, т. е. когда феноменологическая редукция завершена» [2, с. 12].

Однако в конце статьи Сакс отмечает, что не все виды феноменологии наследуют в этом плане Гуссерлю. В качестве главного примера «не-мифической» феноменологии американский философ приводит философию Мерло-Понти. В ней, во-первых, «мы никогда не приходим к слою чистого описания, расстилающегося перед незаинтересованным трансцендентальным "Эго"» [2, с. 13]. Во-вторых, в рамках своей феноменологии восприятия «Мерло-Понти заменяет первоначально заданную корреляцию ноззиса и нозмы более фундаментальным рассказом об интенциональности, дорефлексивной или моторной интенциональности. То, что первоначально казалось Гуссерлю фундаментальным и изначальным, обосновывается более фундаментальным видом интенциональности, которая не имеет структуры акт/объект соотношения ноззиса и нозмы» [2, с. 13]. Иначе говоря, в рамках проекта французского философа, по мнению Сакса, отсутствует утверждение какой-либо категориальной структуры, которое отпечатывается на субъекте в качестве знания. Однако всё же может быть приведен аргумент в пользу того, что даже феноменология Мерло-Понти подвержена «Мифу», хоть и не в такой степени, как гуссерлевская.

Но сто́ит отметить, что всё же некоторые концепты, унаследованные Мерло-Понти из предыдущей феноменологии, несут в себе отпечаток Мифа о Данном. Например, концепт времени Мерло-Понти перенимает от Гуссерля. В нём также прошлое и будущее оказывается данным в настоящем [1, с. 519-547]. В феноменологии Мерло-Понти всё же находится то непосредственное, которое является частью мифичности феноменологии в её оригинальном виде.

Список используемых источников:

1. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
2. Sachs, C. B. Phenomenology vs the Myth of the Given: A Sellarsian Perspective on Husserl and Merleau-Ponty. / URL: <https://philarchive.org/archive/SACPVT>
3. Sellars W. In the space of reasons Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University press, 2007. 491 p.

Phenomenology and “Myth of the Given”

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Rafikov Amir

Master's student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: ramirelt@gmail.com

The paper is devoted to phenomenology and the problem of its susceptibility to the Myth of the Given. It is argued that despite the fact that K. Sachs insists that Merleau-Ponty's phenomenology avoids the Myth of the Given, he is not entirely right.

Keywords: Myth of the Given, phenomenology, W. Sellars.

References:

1. Merleau-Ponty, M. (1999). Fenomenologia vospriyatiya [Phenomenology of perception]. Yuventa, Nauka. (In Russ.)
2. Sachs, C. B. (2020). Phenomenology vs the Myth of the Given: A Sellarsian Perspective on Husserl and Merleau-Ponty. URL: <https://philarchive.org/archive/SACPVT>
3. Sellars W. (2007). In the space of reasons. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University press.

Философия Николаса Решера: понятие процесса между американским прагматизмом и континентальным идеализмом

Собка А.А.

В докладе проблематизируется граница между аналитической и континентальной традициями на материале философии процесса Николаса Решера. Цель исследования – рассмотреть то, каким образом Решер апроприирует тексты своих предшественников, и определить, сводится ли способ его философствования к чисто «аналитическому». Решение этого вопроса позволяет установить возможность использования разработок Решера для последовательной имплементации философии процесса в социальные исследования науки и технологий. Результатом исследования стало подтверждение гибридного характера философии Решера с сохранением аналитического подхода в качестве стилистико-методологической установки.

Ключевые слова: философия процесса, прагматизм, Н. Решер, А.Н. Уайтхед, онтологический поворот.

Собка Александр Андреевич, студент магистратуры, Экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: sobka.alexander@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Собка

5 января 2024 года ушёл из жизни один из наиболее значительных философов США XX – начала XXI века Николас Решер, посвятивший свои основные труды разработке философии процесса. В справочной литературе Решера называют «аналитическим философом» [1, 2]. На первый взгляд, все признаки аналитического философа налицо: увлечённость логикой, прагматизмом, ясный язык и отказ от сложных спекулятивных конструкций. Но действительно ли философию Решера можно рассматривать как ту, что продолжает наследовать аргументативные ходы «аналитической философии», или же она претендует на снятие границы между двумя традициями? Цель данного исследования – рассмотреть то, каким образом Решер апроприирует тексты своих предшественников, и определить, сводится ли способ его философствования к чисто «аналитическому». Решение этого вопроса актуально для углубления современных исследований науки, которые рефлексировать свои онтологические основания в основном в связи с философией А.Н. Уайтхеда, имея в виду, но при этом отставляя на задний план достижения американской философии [3].

В своей работе «Process Philosophy: A Survey of Basic Issues» Решер очерчивает концептуальные основания философии процесса. Основной тезис данной интеллектуальной традиции сводится к тому, что не «operari sequitur esse» – действие следует за бытием, а «esse sequitur operari» – бытие следует из действия. Конечные вещи не обладают самостоятельным существованием, не являются субстанциями, а представляют собой лишь промежуточные продукты процессов. Категориальные свойства, через которые мы описываем непреходящие признаки вещей, суть стабильные кластеры диспозиций, вызывающих процесс. «Даже исходя из онтологии субстанции и свойства, диспозиционные свойства являются эпистемологически фундаментальными» [4, с. 8], поскольку без них вещь, по сути, не обнаружима и не познаваема. Здесь Решер апроприирует основной аргумент философии прагматизма: если мы можем знать о вещах только то, как они действуют, то «вещи просто являются тем, что они делают» [4, с. 8].

Одновременно с этим Решер входит в диалог с традициями, которые принято ассоциировать с континентальной философией. Так Решер связывает собственную метафизическую теорию с идеалистической философией, инкорпорируя в неё идеи кантовского трансцендентализма. Признавая за наукой роль познания реальности «такой, какая она есть на самом деле», Решер наделяет её преимущественно регулятивными свойствами: «Решер следует за Кантом. Он представляет манящую вещь-в-себе, которую можно вообразить, но которая никогда не будет познана» [5, с. 18]. Апеллируя к идее необходимой, но самой по себе бессодержательной реальности, которая является условием существования любого эмпирического открытия, Решер так

или иначе сближается с континентальными философами процесса, выстраивающими свои концепции в рамках онтологического поворота. Под онтологическим поворотом здесь понимается установка на «удержание в открытости вопроса об истоках знания, продолжающих существовать отчасти независимо от нас, их познающих» [6, с. 63]. В этом смысле, как ни странно, разница между континентальным философом Уайтхедом (если его можно таковым назвать) и американским философом Решером существует, и при этом отвечает сложившемуся стереотипу о более внимательном и строгом отношении аналитиков к истории философии. Если Уайтхед в ходе разработки философии процесса провозглашает возврат к «докантовским способам мышления» [3], то Решер не отделяет себя от наследия Канта, а, наоборот, апроприирует те аспекты его трансцендентальной философии, которые выводят американскую философию процесса к позициям мягкого фаллибилизма. Также Решер признаёт сходство философии процесса с экзистенциализмом, поскольку представители как той, так и другой традиций полностью отвергают «вещно-онтологический взгляд на человека как на сущность, существующую отдельно от его действий, деятельности и опыта» [5, с. 19].

Перечисленные формы обращения Решера с континентальной традицией демонстрируют, что его философский подход действительно можно назвать гибридным, однако «аналитичность» его письма не становится при этом иллюзорной, а граница между континентальной и аналитической традицией не растворяется. Как пишет А. Уикес, философия процесса Решера – это «укрощённая версия, сочетающая концептуальный идеализм с прагматическим реализмом» [5, с. 27]. «Укрощённая» философия процесса отличается от «смелой» (Бергсона и Уайтхеда) тем, что очень внимательно работает с историей философии, а при разработке теории руководствуется принципом экономии мышления, не делая при этом диалог с континентальной традицией невозможным. Философия Николаса Решера обладает достаточным ресурсом для дальнейших разработок в области медиации языков континентальной и аналитической традиций, а также последовательной имплементации философии процесса в социальные исследования науки и технологий.

Список используемых источников:

1. Большая российская энциклопедия: Решер Николас [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3508322?ysclid=m7dwuw4971572054894> (Дата обращения: 10.02.2025).
2. Аналитическая философия в России: Решер Н. [Электронный ресурс]. URL: <https://analyticphilosophy.rhga.ru/authors/resher-n/> (Дата обращения: 10.02.2025).

3. Столярова О. Е. Возвращение к докантовским способам мышления с точки зрения историко-онтологической концепции А.Н. Уайтхеда // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2, №4. С. 129–147.
4. Rescher N. Process philosophy: a survey of basic issues. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. 144 p.
5. After Whitehead: Rescher on process metaphysics / Ed. Weber M. Frankfurt: Ontos Verlag, 2004. 340 p.
6. Шиповалова Л. В. Совершает ли историческая эпистемология онтологический поворот? // Вопросы философии. 2021. №5. С. 58–69.

The Philosophy of Nicholas Rescher: The Notion of Process Between American Pragmatism and Continental Idealism

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Sobka Alexander

Master's student, Faculty of Economics, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: sobka.alexander@gmail.com

The paper problematizes the boundary between the analytic and continental traditions through the process philosophy of Nicholas Rescher. The aim of the study is to examine the way in which Rescher appropriates the texts of his predecessors and to determine whether his mode of philosophizing is reduced to a purely “analytic” one. Addressing this question allows us to establish the possibility of using Rescher's developments to consistently implement process philosophy in the social studies of science and technology. The result of the study is the confirmation of the hybrid character of Rescher's philosophy with the preservation of the analytical approach as a stylistic and methodological attitude.

Keywords: process philosophy, pragmatism, N. Rescher, A.N. Whitehead, ontological turn.

References:

1. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: Resher Nikolas [The Big Russian Encyclopedia: Rescher Nicholas]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3508322?ysclid=m7dwuw4971572054894> (Accessed on: 10.02.2025). (in Russ.)

-
2. Analiticheskaya filosofiya v Rossii: Resher N. [Analytical Philosophy in Russia: Rescher N.]. URL: <https://analyticphilosophy.rhga.ru/authors/resher-n/> (Accessed on: 10.02.2025). (in Russ.)
 3. Stolyarova, O. (2019). Vozvrashchenie k dokantovskim sposobam myshleniya s tochki zreniya istoriko-ontologicheskoy koncepcii A.N. Uajtheda [Return to pre-Kantian ways of thinking from the point of view of A.N. Whitehead's historical-ontological conception]. *The digital scientist: the philosopher's laboratory*, 2(4), 129–147. (in Russ.)
 4. Rescher, N. (2000). *Process philosophy: a survey of basic issues*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
 5. Weber, M. (ed.) (2004). *After Whitehead: Rescher on process metaphysics*. Frankfurt: Ontos Verlag.
 6. Shipovalova, L. (2021). Sovershaet li istoricheskaya epistemologiya ontologicheskij povorot? [Is historical epistemology making an ontological turn?]. *Questions of Philosophy*, 5, 58–69. (in Russ.)

Гибридные теории в метаэтике как место встречи аналитической и континентальной философии

Холодный Е.А.

В данной работе рассматривается проблема взаимоотношений между аналитической и континентальной философией в области современной этики. Автор предлагает разрешить данную проблему, обратившись к опыту метаэтических гибридных теорий.

Ключевые слова: аналитическая философия, континентальная философия, этика, метаэтика, гибридные теории.

Со 2 половины XX века этику принято разделять на три тесно связанных между собой дисциплины: нормативную этику, метаэтику и теоретическую этику. Тот факт, что подобная дифференциация внутри этики вообще стала возможной, как нам кажется, непосредственно связан с появлением такого раздела как метаэтика, так как он исследует не столько этические проблемы, сколько то, как мы о них говорим, язык этики. Такая постановка вопроса, очевидно отсылает нас к тем методам, которыми пользовались представители аналитической традиции, что также не является удивительным, так как метаэтика как отдельная дисциплина появилась благодаря стараниям таких

мыслителей как Джордж Э. Мур, А. Дж. Айер, Л. Витгенштейн, Б. Рассел и так далее, которых принято причислять именно к аналитической традиции. Эту точку зрения разделяет также Л.В. Максимов, который в своей статье «Очерки современной метаэтики» пишет следующее: «Метаэтика как особая область исследований сложилась в 20-е – 30-е годы нашего века в результате экспансии аналитико-философского науковедения на территорию этики» [2, с. 39].

Однако, сам факт включения метаэтики в состав “большой” этики в качестве одной из её частей, и по сей день, является довольно спорным. Достаточно вспомнить то, что Джордж Э. Мур, которого принято считать “отцом-основателем” метаэтики, считал этику «систематической наукой» [3, с. 42], которая находила бы свои основания внутри самой себя, а также, что его основная этическая работа «*Principia Ethica*» по большей части посвящена именно критике различных этических учений. Таким образом, можно предположить, что метаэтика лишь формально является частью общей “большой” этики, в то время как внутри себя она представляет совершенно замкнутую и независимую систему, которая скорее сама претендует на то, чтобы объять собой все этические системы и сделать их составной частью своего дискурса. Также многие исследователи в своих работах используют понятия «аналитическая этика» и «метаэтика» в качестве синонимов, а следовательно, метаэтика или этика аналитическая есть лишь одно из направлений развития этической мысли, и существует или, по крайней мере существовало, оно в качестве некоторой оппозиции к этике, которую можно назвать континентальной. Однако в наше время аналитическая и континентальная традиции являются тесно сплетенными между собой и принадлежность того или иного мыслителя к какому-либо из этих течений определяется скорее стилистическими особенностями написания его работы. В связи с тем, что метаэтика на данный момент всё ещё является одной из самых востребованных тем для этических исследований (особенно на зарубежом), возникает закономерный вопрос: «Где находится место встречи аналитической и континентальной этики?»

Нам кажется, что отчасти ответ на этот вопрос может лежать в области так называемых «гибридных теорий». К таким теориям Е.В. Кононов можно отнести экуменический экспрессивизм Майкла Риджа или, например, реалист-экспрессивизм Дэвида Коппа [1, с. 376]. Данные теории пытаются разрешить все еще актуальную для метаэтики проблему соотношения когнитивистских и некогнитивистских взглядов. Само разрешение проблемы состоит в выделении двух уровней в структуре языка морали, на одном из которых моральное высказывание будет иметь истинностное значение, а на другом экспрессивное. Такой взгляд на проблему создаёт компромисс между аналитической этикой, в которой преобладают некогнитивистские позиции,

и этикой, которую мы выше назвали континентальной, так как большинство представителей этой традиции считает, что моральные высказывания все-таки могут носить когнитивный статус. Однако особенность данного решения заключается в том, что сам ответ даётся изнутри метаэтики, то есть этические теории, которые изначально существовали вне семантического поля аналитической этики, включаются в него, после чего причисляются к той или иной позиции и определяются уже посредством понятийного аппарата характерного именно для метаэтического дискурса.

Данная особенность, на наш взгляд, очень наглядно определяет точку встречи аналитической и континентальной этики в современной философии, так как она показывает нам, что эта точка находится именно в пространстве метаэтического дискурса, что также подтверждается и тем фактом, что большинство современных авторов, которые пытаются работать вне этого пространства, либо игнорируют критику со стороны метаэтики, либо вынуждены на неё отвечать, в результате чего они сами становятся участниками метаэтического дискурса.

Список используемых источников:

1. Кононов Е. А. Метаэтика. Теоретический обзор. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1746814547&tld=ru&lang=ru&name=Kononov%20E.%20A.%20Metaethics.pdf> (Дата обращения: 10.02.2025).
2. Максимов Л. В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 39–54.
3. Мур Дж. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. 351 с.

Hybrid Theories in Metaethics as a Meeting Place for Analytical and Continental Philosophy

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kholodnyy Egor

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st106031@student.spbu.ru

This paper examines the problem of the relationship between analytical and continental philosophy in the field of modern ethics. The author suggests solving this problem by referring to the experience of metaethical hybrid theories.

Keywords: analytical philosophy, continental philosophy, ethics, meta-ethics, hybrid theories.

References:

1. Kononov, E. (2023). *Metaetica. Teoreticheskiy obzor* [Meta-ethics. Theoretical overview]. <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1746814547&tld=ru&lang=ru&name=Kononov%20E.%20A.%20Metaethics.pdf> (Accessed on: 10.02.2025). (in Russ.)
2. Maksimov, L. (1998). Ocherk sovremennoyi metaetici [An essay on modern meta-ethics]. *Voprosy filosofii*, 10, 39-54. (in Russ.)
3. Moore, G. (1999). *Priroda moralnoy filosofii* [The nature of moral philosophy]. Moscow: Respublica. (in Russ.)

Повторение в кино: основные причины пересмотра фильмов

Гущин Е.В.

Данный доклад посвящен проблеме пересмотра фильмов, с которым в зависимости от степени теоретической, философской и практической подготовленности в сфере кино сталкиваются все стороны кинематографического опыта. Среди них – зритель, режиссер, съемочная команда и кинокритик, а актуальность пересмотра кино в качестве предмета изучения эстетики и философии кино обусловлена необходимостью оценки роли повторения, которую оно играет в повторном опыте и пересмотре фильма. Пересмотр достаточно давно вошел в «естественный язык» и зрительский «жаргон». Однако, причина современных дискуссий о понятийном объёме повторения в кино состоит в превосходстве методов, которые предлагает психоаналитическая теория кино для феномена повторения. Целью данного исследования будет расширение иллюстративной базы повторения в кино и обоснование того, что оно обширнее зрительской рефлексии над пересматриваемым фильмом, ведь рефлексию тоже можно истолковать как повторение.

Ключевые слова: пересмотр, кино, повторение, большой Другой, объект желания, Фрейд, Лакан.

Гущин Евгений Васильевич, студент бакалавриата, Философский факультет,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
адрес для корреспонденции: evguchin@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.В.Гущин

Возникает вопрос: является ли пересмотр метафорой повторного опыта как такового, либо в области кино пересмотр гораздо ближе повторному просмотру, с упоминанием которого исчезает необходимость в повторении в кино как проблеме? Повторение указывает на воспоминания и желания, находящиеся у субъекта в вытесненном. В своей работе «Воспоминание, повторение, проработка» Фрейд объясняет повторение как желание субъекта переиграть произошедшее, сопротивляясь забыванию воспоминаний [1]. В пересмотре кино повторяются мотивы, напоминающие или о понравившемся, или о не симпатизирующем для него фильме. Второй может быть связан с недопониманием, когда, например, у А. Хичкока включаются визуальные мотивы, возникающие вновь с такой регулярностью в совершенно различных нарративных контекстах, что воспринимаются как навязчивое повторение. «Самый известный из таких мотивов – тот, что Фрейд называл *Niederkommenlassen*, «разрешением-себе-упасть», содержащий все нюансы депрессивного падения – когда человек отчаянно цепляется своей рукой за руку другого человека» [2, с. 56].

Говоря о повторении, нельзя умолчать, что существует «перенос», который, по В.А. Мазину, «предполагает смещение бессознательных представлений с одного объекта на другой, перемещение из одного далёкого прошлого в настоящее» [3, с. 143]. В отличие от повторения, перенос рассчитан на переживание заново, а не на воспоминания. Это различие есть в психоанализе на практике: повторение отвечает за возвращение переживаний, а перенос означает проекцию эмоциональных состояний на терапевта с учетом прошлых, в том числе, некомфортных, отношений. В дальнейшем, следует оценить роль навязчивого повторения на примере фильма «После жизни» (реж. Хирокадзу Корэда, 1998).

По Лакану, объект желания (объект а) – «объект, символизирующий ту центральную нехватку желания» [4, с. 116], он не достижим, но «лишь в сновидении, по крайней мере в плане бытия, *Wunsch* может быть удовлетворено» [5, с. 53]. В кино зритель размышляет, почему конкретный фильм понравился ему так, что просмотр захотелось повторить. Кристиан Метц считал, что «кино, имея совершенно иную природу, нежели природа сна, в самой своей технологии, в своем способе высказывания повторяет механизм работы сновидения» [6, с. 16]. Объект желания уже содержится в фильме, поскольку стоит впереди всех процессов, связанных с желанием, в том числе, – пересмотра. «Объект а» зачастую называют маленьким Другим, но имеется и другая концепция – большой Другой.

Большой Другой – это концепция, в котором субъект обретает идентичность и желание. Другой задаёт рамки у видения мира и существует «в отличии» (другая личность, другая культура и т.д.). Кино для зрителя предстаёт большим Другим и помогает с выбором дальнейших действий: перенос и повторение побуждают к пересмотру. Словенский философ Славой Жижек

понимал большого Другого как идеологию стоящей за фильмом, в который человек нуждается, для конструирования своего желания.

Ярким примером служит фильм «После жизни» Хирокадзу Корэды. Сюжет повествует о людях, чьи души попали после смерти в другое чистилище, где их просят выбрать свои лучшие воспоминания. Аналитиком для зрителей выступает режиссёр фильма, задавая вопрос: «Какое из лучших воспоминаний вы готовы переживать?». Но не менее важным является тема ленты, которая может оказаться для зрителя слишком близкой, что позволит ему глубже рефлексировать над фильмом, пересматривая его, что уже является повторением. Это может произойти из-за возможности идентичности состояния зрителя с переживаниями персонажей фильма, в чём огромную роль играет перенос.

Подводя итоги, нужно отметить, что повторение является одним из фундаментальных понятий в объяснении причин пересмотра фильмов, но наряду с ним идут и другие концепции переноса, объекта желания и большого Другого, без которых невозможно представить повторение в кино.

Список используемых источников:

1. Фрейд З. Воспоминание, повторение и проработка // Сочинения по технике лечения. М.: ООО «Фирма СТД», 2008. С. 205-216.
2. Жижек С. Киногид извращенца: кино, философия, идеология: сборник эссе. Екатеринбург: Гонзо, 2017. 464 с.
3. Мазин В. Введение в Лакана. М.: Прагматика культуры, 2004. 196 с.
4. Лакан Ж. Четыре основных понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). М.: Гнозис, Логос, 2004. 304 с.
5. Лакан Ж. Желание и его интерпретация (Семинары: Книга VI (1958/59)). М.: Логос, Гнозис, 2021. 560 с.
6. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 334 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Кучинов Евгений Владимирович, кандидат философских наук, доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Repetition in Cinema: The Main Reasons for Rewatching Films

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Gushchin Evgeny

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University

Correspondence to: evguchin@gmail.com

The paper is devoted to the problem of film revision, which, depending on the degree of theoretical, philosophical and practical background in cinema, all participants of the cinematic experience deal with. There is the viewer, director, film crew and film critic among them, and the relevance of film revision as a subject of study of aesthetics and philosophy of cinema is due to the need to assess the role of repetition, which it plays in the repeated experience and revision of a film. Revision has long been part of the "natural language" and viewer "jargon". However, the reason for contemporary discussions about the conceptual scope of repetition in cinema is the superiority of the psychoanalytic methods in film theory to the phenomenon of repetition. The purpose of this study is to expand the illustrative base of repetition in cinema and substantiate the fact that it is more extensive than the viewer's reflection on the film being re-watched, because reflection can also be interpreted as repetition.

Keywords: revision, cinema, repetition, big Other, object of desire, Freud, Lacan.

References:

1. Freud, Z. (2008). Vospominanie, povtorenie, prorabotka [Recollection, repetition and elaboration]. *Sochineniya po tekhnike lecheniya* [Works on the technique of healing], 205-216. Moscow: Firma STD. (in Russ.)
2. Žižek, S. (2017). *Kinogid izvrachenca: kino, filosofia, ideologia* [The pervert's guide to cinema: cinema, philosophy, ideology]. Ekaterinburg: Gonzo. (in Russ.)
3. Mazin, V. (2004). *Vvedenie v Lakana* [Introduction to Lacan]. Moscow: Pragmatica kul'tury. (in Russ.)
4. Lakan, J. (2021). *Zhelanie i ego interpretacia (Seminary: Kniga VI (1958/59))* [Desire and its interpretation (Seminars: Book VI (1958/59))]. Moscow: Logos. (in Russ.)
5. Lakan, J. (2004). *Chetyre osnovnykh ponyatiya psihoanaliza (Seminary: Kniga XI)* [Four basic concepts of psychoanalysis (Seminars: Book XI)]. Moscow: Logos. (in Russ.)
6. Metz, K. (2013). *Voobrajaemoe oznachayushchee. Psihoanaliz v kino* [Imaginary signifier. Psychoanalysis in cinema]. Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge. (in Russ.)

Носферату, симфония повторения: плагиат, ремейк и акторы в смерти

Долинская А.А.

В тезисах проводится сравнительный анализ фильмов «Носферату» 1922 года и «Носферату» 2024 года с позиции отношений вторичности в контексте акторно-сетевой теории. Особое внимание уделяется разграничению плагиата и ремейка в изменении нарратива, обусловленном актуальностью искусства.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, вампир, вторичность искусства, кинематограф, Носферату.

Повторение и условность формируют саму суть кино, театральная условность, перенесенная в реальность, оказывается вновь в заложниках взгляда, на сей раз не зрителей в театре, но камеры. Реальность, литературная и сценарная основа, актеры и персонажи, которых они исполняют, все это включается в сеть акторов, создающую единый продукт. Проходят года, выходят ремейки фильмов, в новой реальности разворачивающие уже привычную историю, отчего та играет новыми оттенками. В этом докладе мы рассмотрим два фильма – «Носферату» 1922 года Ф. Мурнау и «Носферату» 2024 года

Долинская Анна Андреевна, студент бакалавриата, Департамент философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
адрес для корреспонденции: annadolinskaa01@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Долинская

Р. Эггерса. Если фильм 1922 года во многом является экранизацией романа «Дракула» Б. Стокера (с изменениями в месте действия и героях, в том числе де-гуманизация человеческого вампира Б. Стокера) и во время выхода столкнулся с обвинениями в плагиате со стороны вдовы писателя, то «Носферату» 2024 года еще больше отходит от литературного источника, сохраняя изменения Ф. Мурнау и расширяя их в нарративной и визуальной составляющей: славянизация вампира, привнесение фольклорной составляющей вопросов этики и переживания телесности, больший акцент на истории жены главного героя, чем на его путешествии. Для детального разбора отношений повторения нами была выбрана акторно-сетевая теория. Применительно для «Носферату» 1922 года будем опираться на методологический подход Э. Дюркгейма, а для «Носферату» 2024 года – Б. Латура. Такой выбор обусловлен контекстуальной значимостью социального фактора для фильма Ф. Мурнау и нечеловеческого, не опосредованного отношениями близко-далеко для фильма Р. Эггерса. В работе Э. Дюркгейма «Самоубийство» рассматривается состояние аномии [1, с. 128], то есть отчуждения от общества, ощущения абсолютного одиночества, неумолимо ведет индивида к смерти в одном из ее проявлений. Как вынесенный за рамки общества, находящийся у-рода де-гуманизированный вампир Орлок Ф. Мурнау лишается взаимодействия с социальной средой, его инертность переходит границу, отделяющую членов акторной сети от разрозненности. Это состояние общества того времени и является причиной появления одного из первых вампиров в кино. В «Носферату» режиссер берет историю социального вампира Б. Стокера, совмещает с преданиями балканских народов и выдержками из «Трактата о явлениях духов» Огюстена Кальме, создает причудливый, знакомый, но чуждый зрителю начала XX века образ [2, с. 60], который не вписывается в промышленный мир 1920-х, но вместе с этим теряется в толпе живых мертвецов со взглядом на две тысячи ярдов, вернувшихся с фронтов Первой мировой войны. Смерть и страх еще никогда не были так близки человеку за все новое время, что обосновало обращение к их сверхъестественной, непознаваемой природе. В отличие от Дракулы, которым вдохновлен Орлок, вампир Ф. Мурнау уже не стремится проникнуть в центр цивилизации, познать ее, ибо находится в состоянии аномии после войны, таким образом, отражает не человека, но все общество в своем образе. «Носферату» Р. Эггерса напротив, основным нарративным акцентом делает не проникновение отчужденного в социум [3, с. 114], но феномен, порождаемый акторно-сетевой теорией Б. Латура – низведение категорий далеко-близко и внутри-снаружи [4, с. 178]. Подобно нашим современникам, которые могут быть бесконечно далеки от людей, с которыми встречаются каждый день, но так близки с друзьями по переписке, находящимися за тысячи километров, Р. Эггерс создает сеть, в которую парадоксальным образом вписаны персонажи: главные

герои Томас и Эллен недавно стали мужем и женой, но отъезд Томаса показывает, насколько иллюзорной была эта связь, тоска главной героини оказывается вызванной не столько привязанностью к мужу, сколько попыткой сбежать от связи с Орлоком, с которым их связала единственная встреча в юности Эллен, связала даже на огромном расстоянии, спустя много лет он продолжал сниться ей, а она продолжала жить в его памяти, таким образом мы приходим к финалу фильм, где воссоединение именно с Орлоком, а не Томасом приводит к победе над «чумой» Так отношения повторения первого и второго фильмов расширяют понятия плагиата и ремейка, поскольку каждый из них, придерживаясь одной фабулы, раскрывает ее в неопровержимой актуальности [5, с. 47] и точном понимании не проблем, но вызовов современного общества и искусства, как его осмысления [6, с. 159].

Список используемых источников:

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
2. Айснер Л. Демонический экран. М.: Rosebud Publishing, Пост Модерн Текнолоджи, 2010. 240 с.
3. Чубаров И.М. Исключенные: логики социальной стигматизации в массовом кинематографе // Логос. 2014. №5(101). С. 97–130.
4. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. №1(116). С. 173–200.
5. Селиванова Д.И. Влияние человеческих страхов и желаний на фильмы ужасов // Вопросы науки и образования. 2019. №19(66). С. 44–48.
6. Степанов М. А. Кино как опыт извергнутых медиа // Международный журнал исследований культуры. 2016. №1(22). С 156–165.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Братина (Штайн) Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета.

Nosferatu, a Symphony of Reprise: Plagiarism, Remake and Actors in Death

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Dolinskaia Anna

Undergraduate student, Department of Philosophy, Ural Federal University
Correspondence to: annadolinskaa01@gmail.com

The thesis provides a comparative analysis of the films “Nosferatu” by Friedrich Murnau and “Nosferatu” by Robert Eggers from the standpoint of secondary relationships in the context of actor-network theory. Particular attention is paid to the distinction between plagiarism and remake in the change of narrative due to the relevance of art.

Keywords: actor-network theory, vampire, secondary nature of art, vampire, cinematography, Nosferatu.

References:

1. Durkheim, É. (1994). *Samoubiystvo: Sotsiologicheskiiy ehtud* [Suicide: A Study in Sociology]. Moscow: Mysl. (in Russ.)
2. Eisner, L. (2010). *Demonicheskij ehkran* [The Haunted Screen]. Moscow: Rosebud Publishing, Post Modern technology. (in Russ.)
3. Chubarov, I. (2014). Iskluchennye: logiki sotsialnoy stigmatizatsii v massovom kinematografe [The Excluded: The Logic of Social Stigmatization in Popular Cinema]. *Logos*, 5(101), 97–130. (in Russ.)
4. Latur, B. (2017). *Ob aktorno-setevoy teorii. Nekotorye raz'yasneniya, dopolnennye eshhe bol'shimi uslozhnleniyami* [On Actor-Network Theory. A Few Clarifications, Plus More Than a Few Complications]. *Logos*, 1(116), 173–200. (in Russ.)
5. Selivanova, D. (2019). Vliyaniye chelovecheskikh strakhov i zhelaniy na filmy uzhasov [The Influence of Human Fears and Desires on Horror Films]. *Voprosy nauki e obrazovaniya*, 19(66), 44–48. (in Russ.)
6. Stepanov, M. (2016). Kino kak opyt izvergnytykh media [Cinema as an Experience of Media that were Erupted]. *Mezhdunarodnyiy zhurnal issledovaniy culture*, 1(22), 156–165. (in Russ.)

Метафизика за кулисами театра А. Арто: концепт не-повторения

Доманова С.А.

Статья посвящена раскрытию метафизических принципов эстетической концепции «Театра Жесткости» Антонена Арто. В тексте статьи артикулируется проблема повторения, как она заявлена в проекте французского мыслителя, анализируется игра как способ примирения искусства и реальности через обращение к концепции театра Кэти Чухров.

Ключевые слова: концепт повторения, театр Жестокости, А. Арто, мимесис, метафизика.

Главный вопрос, возникающий при обсуждении концепта повторения, состоит в прояснении содержания того, что именно повторяется: бытие, само повторение, образ. Если в онтологии концепт повторения связан с темпоральностью (как у С. Кьеркегора или Ж. Делеза), то эстетика обращается к синонимичному понятию мимесиса (μίμησις). Проект Антонена Арто (периода «Театра Жестокости») представляет собой парадоксальное концептуальное сочетание: выдвижение двойника (театр как двойник подлинной «сверхреальности») и отказ от повторения классической

Доманова Софья Алексеевна, аспирант, Институт философии,

Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: areguuni@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,

принят к публикации 22.02.2025

© С.А.Доманова

парадигмы репрезентации реальности на сцене. Строго говоря, проект Арто не вмещается ни в «повторение онтологии», ни в «мимесис эстетики», тем не менее соединяя метафизический и эстетический планы в пространстве игры как особого модуса экзистенции актера и переживания зрителя.

Идея А. Арто в том, чтобы раскрыть бытие как чистое сопротивление стихий, сырое допредикативное слово, предшествующее означиванию, сведению к коммуникативной функции, но не повторив его, а сыграв посредством соединения жизни (аффекта) и театра (жеста). Но раскрытие этой сверхреальности происходит при внимании к «внутреннему опыту», к аффекту зрителя, в котором отзываются бытийственные силы. Театр, по выражению Арто – «способ раскрыть жизнь» [1, с. 67] в ее внутренних конфликтах, первобытном мифологическом столкновении динамических начал. Задача раскрытия жизни – задача искусства, поэтому эти две сферы не повторяют друг друга (искусство не подражает реальности), но исполняют один каприз метафизики. Проводя параллель между театром и алхимией, Арто замечает, что возникновение драмы, синонимично двоице [1, с. 79], то есть алхимическому символу начала движения, становления, что сближает теогонический миф о рождении мира, становление единого многим (см. вторую теорему платоновского диалога Парменид [3, с. 146]) с рождением искусства. Переводя поэтический способ изложения мысли Арто на язык онтологии можно изобразить следующее: сущность (единое-сверхреальное-архетипическое) эманурует в мир (в двоицу, в противоречие) и выражается драмой. Вопрос остается в том, может ли искусство адекватно выразить единое в его чистом виде, минуя застывшие формы, которые «мы принимаем за идеи» [1, с. 80]. Отказ от повторения в концепции Театра Жестокости–отказ от репрезентации уже-свершившейся действительности, к которой мы опоздали с поэзисом (ποίησις). Деррида замечает, что Арто рисует театр невозможный (и потому метафизичный), в котором актер молчит, так как любой произносимый актером текст есть уже повторение текста написанного, повторение чужих слов [2, с. 156]. Данное наблюдение позволяет Деррида высказать мысль о неизбывном присутствии чужой речи внутри речи каждого человека, не только актера (Деррида артикулирует невозможность «чистого», абсолютного нового слова о мире, вставая в оппозицию к мотивации Арто). Обнаруживаемый зазор внутри единственной речи актера, у Арто превращается скорее в зазор между ролью и самим присутствием актера (его экзистенцией, игрой), на что обращает внимание К. Чухров. Арто удается трансформировать театр через переопределение топоса играющего, исполняющего актера: он не репрезентатор своего персонажа, но проявление самой игры. Чухров замечает, что «персонаж является не изображенным характером, а эффектом желания игры» [4, с. 145]. Актер отождествляется не с ролью, персонажем, а с модусом бытия, в котором нечто – небывалое/не имевшее ранее места/скрытые силы природы/сырое слово – проигрывается.

В театре проигрывается парадокс, неразрешимость самого бытия, которая «не может найти отражения иначе как через игру» [4, с. 150]. Таким образом, модус бытия актера – не повторение сюжета, но артикуляция парадокса, который без игры актера, не имеет иного способа проявиться.

Список используемых источников:

1. Арто А. Театр и его двойник. М.: Мартис, 1993.
2. Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2019. 560 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб, Москва: Академический проект, 2000. 495 с.
4. Чухров К. Быть и исполнять: проект театра в философской критике искусства. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 278 с.

Metaphysics Behind the Scenes of the Artaud Theatre: The Concept of Non-Repetition

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Domanova Sofia

Postgraduate student, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University
Correspondence to: aperyyni@gmail.com

The report is devoted to revealing the metaphysical principles of the aesthetic concept of Antonin Artaud's Theatre of Rigidity. The text of the report articulates the problem of repetition as it is stated in the French thinker's project, analyses play as a way of reconciling art and reality through an appeal to Kathy Chukhrov's concept of theatre.

Keywords: concept of repetition, theatre of Cruelty, A. Artaud, mimesis, metaphysics.

References:

1. Artaud, A. (1993). *Teatr i ego dvoynik* [Theatre and its doppelganger]. Moscow: Martis. (in Russ.)
2. Plato (2019). *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: Eksmo. (in Russ.)
3. Derrida, ZH. (2000). *Pis'mo i razliche* [Letter and distinction]. Saint Petersburg, Moscow: Akademicheskij projekt. (in Russ.)
4. Chukhrov K. (2011). *Byt' i ispolnyat': proekt teatra v filosofskoy kritike iskusstva* [Being and performing: the project of theatre in philosophical criticism of art]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russ.)

Экранная культура в пространстве музея: модель Б. Гройса

Инсарова Е.В.

Экранная культура в пространстве музея, транслирующая вспомогательную информацию или выступающая как медиум экспонирования (например видеоработы), часто воспринимается не так эффективно, как хотелось бы куратору. Бесконечная репродуцируемость, отличие от привычных медиа и неудачное расположение экрана или другой используемой технологии (проектора, бегущей строки и др.) может сказаться на зрителе негативно, затормозить его коммуникативные и когнитивные навыки, повлиять на реляционные свойства той или иной выставки. Итак, в тексте исследования мы обратимся к аналитической модели Б.Е. Гройса, который затрагивает все вышеперечисленные темы в своих работах.

Ключевые слова: экранная культура, музей, Б. Гройс, репродуцирование.

Об изменениях современного выставочного пространства (музей, частная или государственная галерея) размышляет ни один десяток исследователей, однако особенно точно подчеркнул влияние новых медиа на зрителя, в том числе музейного, Б.Е.Гройс. Объясняя роль, обязанности и права зрителя,

Инсарова Екатерина Владимировна, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: b.g2015@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.В.Инсарова

автор указывает на его зависимость от видео- и аудиоматериалов, оформляющих поле выставки [1].

Сознание зрителя, управляемого усложнённым интерфейсом выставочного пространства (утяжелённого наслоением медиа), бессознательно рассеивается и утрачивает способность и необходимость совершенствоваться, теряет свои когнитивные качества. Это связано, ко всему прочему, с обилием информации в современном мире и невозможностью эту информацию грамотно усваивать.

Экран в пространстве музея, как мы уже выяснили, чаще всего предназначен для воспроизведения документальных фильмов или передачи информации об отдельном экспонате. Выходит, что реальный экспонат фотографируется, чтобы попасть в цифровую систему, на экран, что, по Гройсу, не совсем удачная идея: если экспонат присутствует рядом, мы, хотя бы, способны сравнить музейный объект и его цифровую копию, однако в его отсутствие воспринимать его корректно становится всё проблематичнее. Здесь мы можем с уверенностью сказать, что фотоизображение того или иного экспоната становится его символом, необходимым для иллюстрирования текста на экране или речи в документальном видео.

Даже в техническом аспекте мы способны обнаружить конфликт: зрителю, находящемуся в музейном зале, очень просто отвлечься на экраны, расположенные рядом с экспонатами, и не только потому, что экран демонстрирует собой бесконечное движение (видео или фото-подборка,двигающаяся карта и др.), но, кроме того, экран ярче и светлее, чем само музейное освещение, поэтому он привлекает внимание.

По Гройсу, «цифровое изображение должно быть не просто выставлено, но инсценировано», т.е. экран необходимо оформлять так же компетентно, как и сами экспонаты, его нахождение в музейном зале также должно быть оправдано. Успешным примером использования экранных технологий можно назвать опыт Эрмитажа, ММОА, РОСФОТО и др.

Таким образом, помещая даже вспомогательные информационные электронные стенды внутрь выставочного пространства, мы создаём путаницу, где, с одной стороны, зритель способен как и раньше свободно выбирать путь перемещения внутри выставки, с другой-становится зависим от данных справочных объектов и вообще игнорирует реальные экспонаты; путаницу между бесконечным движением объектов на экране и статичными экспонатами.

Если посмотреть на экран как на медиум искусства, мы можем сказать, что истории, рассказываемые на экране (например видео-работа “Процедура” Полины Канис), – изолированные, не предполагающие ни начала, ни конца, существуют только внутри пространства этого самого экрана. Это лишний раз подчёркивает, насколько позиции зрителя здесь незначительны.

По сути, руководители выставочных пространств (музеев, галерей и других мест, именующих себя таковыми), с одной стороны, технологизируют

помещения выставок чтобы привлечь современных зрителей, усложняют интерфейс, планируя сделать экспозицию наиболее информативной, с другой-затрудняют пребывание зрителя в пространстве музея: зритель не вырабатывает когнитивной самостоятельности (способности кодирования информации и её грамотного восприятия).

Список используемых источников:

1. Гройс Б. Политика поэтики. М.: Ad Marginem, 2012. 400 с.
2. Исследование репродуцируемости и серийности в искусстве [Электронный ресурс]
URL: <https://deziign.com/project/8fb9e63a4d564f26b44c3681792356bc>
(Дата обращения 10.02.25)
3. Экранная культура. Теоретические проблемы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 752 с.

Screen Culture in the Museum Space: B. Groys Model

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Insarova Ekaterina

Independent Researcher

Correspondence to: b.g2015@yandex.ru

Screen culture in the museum space that transmit auxiliary information or act as a medium of exhibiting (for example, video works), is often perceived not as effectively as the curator would like. Infinite reproducibility, difference from usual media and unsuccessful placement of the screen or other technology used (projector, running line, etc.) can have a negative impact on the viewer, slow down his communicative and cognitive skills, affect the relational properties of a particular exhibition. So, we will turn to the analytical model of B.E. Groys, who explore on all the above topics in his works.

Keywords: screen culture, museum, B. Groys, reproduction.

References:

1. Groys, B. (2012). *Politika poetiki* [Politics of poetry]. Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)
2. Issledovanie reproduciruемости i seriinosti v iskusstve [Research of reproductivity and seriality in art]. URL: <https://deziign.com/project/8fb9e63a4d564f26b44c3681792356bc> (Accessed on: 10.02.2025). (in Russ.)
3. Razlogov, K. (Ed.) (2012). *Ekrannaya Kul'tura. Teoreticheskie problemy*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulavin. (in Russ.)

«Сыграй это ещё раз, Сэм!»: многократное возвращение к произведениям искусства через призму эстетической теории И. Канта

Карташова А.А.

В докладе рассматривается эстетическая теория И. Канта, изложенная им в «Критике способности суждения». Показывается, как через нее можно обосновать многократное возвращение к одним и тем же произведениям искусства.

Ключевые слова: И. Кант, способность суждения, эстетические идеи, гений, воображение.

Почему человек многократно возвращается к тому или иному произведению искусства? По какой причине «Весна» Боттичелли притягивает столько людей? Почему «Дон Жуан» Моцарта продолжает переосмысливаться вновь и вновь? В данном докладе будет предпринята попытка дать ответ через эстетическую теорию Канта. Несмотря на то, что Кант не был большим знатоком искусства, он смог разработать теорию, ставшую важной вехой в истории эстетики и породившую множество дискуссий. Согласно Канту,

Карташова Анна Александровна, студент магистратуры, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: annakart22@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Карташова

подлинное произведение изящного искусства – это творение гения. Гений – тот, кто выражает эстетическую идею. Она есть «представление, которое заставляет напряженно думать без того, чтобы ему могла быть адекватна какая-либо определенная мысль, т.е. понятие; поэтому язык никогда не может полностью выразить и сделать понятным это представление» [2, с. 155].

В процессе размышлений над творениями гениев люди выносят суждения об этих творениях. Данные суждения называются эстетическими. Они но при этом так внимательно проверяется свободны от всякого интереса. Здесь рассудок и воображение вступают в свободную игру. Игра рассудка – это возникновение множества понятий, ни одно из которых не является исчерпывающим. Игра воображения также связана с созданием множества различных образов. Благодаря этому, «воображение в своей свободе пробуждает рассудок, а рассудок, не прибегая к понятиям, приводит воображение к правильной игре» [2, с. 136]. При этом Т.Б. Длугач отмечает, что здесь имеет место не только игра рассудка и воображения, но вообще всех человеческих способностей [1]. «Воображение подталкивает рассудок к размышлениям, которые хотя и не приводят к необходимому для собственно рассудка результату – к строгому понятию, – тем не менее, стимулируя его деятельность, порождая новые понятия, способствуют активности сил познания» [1, с. 13]. Так, несмотря на то, что эстетические суждения не являются познавательными, они могут играть важную роль в познании.

Не является ли это возможной причиной того, почему человек (и но при этом так внимательно проверяется человечество) вновь и вновь возвращается к но при этом так внимательно проверяется знакомым произведениям искусства? Воображение привело в движение разум, душа «оживилась» и ей открылась необозримая «область родственных представлений» [2, с. 156], но найти этому словесное выражение не удалось. Из-за этого создается впечатление, что что-то не было понято до конца, что-то осталось неуловленным. Но при возвращении к произведению человек вновь сталкивается с тем же – с но при этом так внимательно проверяется невозможностью выразить это в понятии. Ведь именно так работают эстетические идеи.

Гению удастся вложить в свое произведение бесконечность смыслов. Это становится причиной того, что «чуткий, обладающий вкусом человек, столкнувшись с работой гения, невольно останавливается, испытывает потребность разобраться, дать отчет самому себе в причинах необычного действия; но сделать это оказывается вовсе не просто. «Что-то тут есть, надо только найти и решить, что...», – заключает он после первого знакомства и ищет и решает потом всю жизнь это что-то» [3, с. 161].

Творение гения открывает поле для бесконечных интерпретаций, для нахождения новых смыслов, которые не удастся исчерпать. Как представляется, согласно теории Канта, это может являться причиной того, почему человек возвращается к уже прочитанному или просмотренному.

Список используемых источников:

1. Длугач Т. Б. Кант. Третья «Критика» // Философские науки. 2009. №7. С. 5–24.
2. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство. 1994. 368 с.
3. Калинин Л. А. Теория гения в эстетике Канта и «Моцарт и Сальери» Пушкина // Кантовский сборник. 2001. №1(22). С. 138–171.

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Московского центра исследования сознания «Кантовская концепция теоретического и практического разума», <https://hardproblem.ru/posts/sobytiya/pobediteli-granta-mtsis-2024/> в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Васильев Вадим Валерьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

“Play It Again, Sam!”: Repeated Return to Works of Art Through the Prism of I. Kant’s Aesthetic Theory

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kartashova Anna

Master’s student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: annakart22@yandex.ru

The presentation examines the aesthetic theory of I. Kant, outlined by him in the “The Critique of the Power of Judgment”. It shows how it can be used to justify multiple returns to the same works of art.

Keywords: I. Kant, power of judgment, aesthetic ideas, genius, imagination.

References:

1. Dlugach, T. (2009). Kant. Tretya “Kritika” [Kant. The Third “Critique”]. *Filosofskie nauki*, 7, 5–24. (in Russ.)
2. Kant, I. (1994). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Moscow: Iskusstvo. (in Russ.)
3. Kalinnikov, L. (2001). Teoria geniya v estetike Kanta i “Mozart i Sal’eri” Pushkina [The Theory of Genius in the Aesthetics of Kant and Pushkin’s “Mozart and Salieri”]. *Kantovski sbornik*, 1(22), 138–171. (in Russ.)

Образ-время и образ-движение: цветовая символика в фильме И. Бергмана «Шёпоты и крики»

Кривоногов Л.В.

В данной работе рассматривается использование красного цвета как образа времени и памяти в фильме Ингмара Бергмана «Шёпоты и крики». Красный цвет выступает как символ, наполняемый новыми смыслами при каждом повторении, и служит мостом между внешним и внутренним миром героинь. Исследование акцентирует внимание на склейке-переходе с помощью красного цвета и на особенностях использования цветов-квалиа в фильме, опираясь на анализ шотландскую исследовательницу кино Кьяры Кваранты.

Ключевые слова: образ-время, историчность, квалиа, И. Бергман, Ж. Делёз.

Как отмечал Ж. Делёз, в истории кино образ-движение сменяется образом-временем, и это же развитие мы наблюдаем в фильме «Шёпоты и крики» [1, с. 605]. Действительно, красный цвет остаётся самостоятельным, бесконечным знаком и символом, но при этом доминирует его значение как образа времени и памяти.

Кривоногов Лев Валерьевич, студент бакалавриата, Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: krivonogov.lev.05@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Л.В.Кривоногов

Фильм «Шёпоты и крики» (1972) Ингмара Бергмана содержит множество новаторских художественных приёмов киноязыка. Как говорил сам режиссёр, с детства душа ассоциировалась у него с красным драконом – чем-то прекрасным, но одновременно пугающим и жутким. В данной работе предлагается сосредоточиться на склейке-переходе с использованием красного цвета, а также на особенном применении цветов-квалиа в этом фильме. Здесь мы прежде всего ссылаемся на исследование шотландской исследовательницы Кьяры Кваранты [2]. В её анализе фильмов Бергмана рассматривается проблематика квалиа, впервые обозначенная американским философом К. И. Льюисом в 1929 году [3].

В истории изучения фильмографии Бергмана и других скандинавских режиссёров остались нераскрытыми следующие вопросы: квалиа как образ-движение, меняющий своё значение при каждом визуальном соприкосновении с ним, и квалиа как образ-время, который подчиняет себе нарративную структуру фильма, объединяя прошлое, настоящее и будущее.

В этой картине критики отмечают как характерные для Бергмана элементы, так и новаторские приёмы. К общим чертам его творчества относится синтез театральной постановки и кинематографа (поскольку Бергман активно работал в театре, его влияние заметно во многих фильмах, например «Улыбки летней ночи», «Осенняя соната», «Фанни и Александр» и др.), а также использование длинных статичных сцен с крупными планами лиц героинь, то есть приёмов, характерных для театра.

Среди нововведений можно выделить постепенный переход с помощью красного цвета от повествования о настоящем к скрытому, тайному повествованию о прошлом героинь. Таким образом, каждый раз, когда появляется красный цвет, он наполняется новым смыслом, а его повторение усложняет и контекстуализирует его значение. Также, важно отметить осознанное использование декораций и цветовой палитры, особенно белого и красного.

«Шёпоты и крики» пронизаны красным цветом, который присутствует как во внешних элементах (декорации, стены, вино, кровь), так и во внутреннем мире героинь (переход в травматичное пространство памяти). Каждая из них переживает флешбэк, сопровождаемый шёпотами и звоном колоколов, вспоминая прошлое. Красный становится мостом между внешним и внутренним, проявляясь как квалиа образа-времени: героини переосмысливают прошлое, что влияет на их настоящее. Это можно связать с идеями Фрейда об аисторичности воспринимаемого и воображаемого. Согласно Фрейду – а точнее, его интерпретации в психоанализе [4] – прошлое часто переписывается под влиянием настоящего: травмирующий опыт может полностью изменить восприятие прошедших событий, превращая их в предвестие трагедии.

Так, сёстры Агнес – Карин и Мария – живут в прошлом, которое формирует их настоящее, окружённое аурой красного как цвета души. Они обречены повторять своё «красное» прошлое и находить его отголоски в настоящем.

Каждое появление красного цвета перед зрителем придаёт ему новое значение, превращая в самодостаточный символ. Его повторение делает его знаком, наполняемым бесконечными смыслами. Впервые красный возникает в виде обоев в доме, контрастируя с белым цветом двора. Затем он проявляется в одежде героинь, пролитом вине, крови и покрывале. Красный и белый становятся самостоятельными символами, взаимодействующими и дополняющими друг друга.

Красный цвет проходит стадии образа-движения: образ-перцепция, образ-действие и образ-переживание. При этом белый цвет усиливает и обогащает восприятие красного. В данном случае красный утрачивает свойство квалиа как «независимого от отношений» качества: напротив, переживание белого как антитезы и дополнения к красному углубляет его восприятие.

Список используемых источников:

1. Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 559 с.
2. Quaranta C. Iconoclasm in European Cinema: The Ethics and Aesthetics of Image Destruction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. 240 p.
3. Levine J. Colour and Qualia // Routledge Encyclopedia of Philosophy / Ed. Craig E. London, New York: Routledge, 1998. P. 419–428.
4. House J., Slotnick J. Après-Coup French Psychoanalysis: The Long Afterlife of Nachträglichkeit: The First Hundred Years, 1893 to 1993 // The Psychoanalytic Review. 2015. №102(5). P. 683–708.

Time-Image and Movement-Image: Color Symbolism in I. Bergman's "Cries and Whispers"

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Krivosnogov Lev

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: krivosnogov.lev.05@mail.ru

In this work, the use of the color red as an image of time and memory in Ingmar Bergman's film "Cries and Whispers" is examined. The color red acts as a symbol that acquires new meanings with each repetition and serves as a bridge between the external and internal worlds of the heroines. The study focuses on the transition-

editing using the color red and on the peculiarities of the use of colors-qualia in the film, drawing on the analysis of Scottish film scholar Chiara Quaranta.

Keywords: time-image, ahistoricity, qualia, I. Bergman, J. Deleuze.

References:

1. Deleuze, J. (2003). *Kino* [Cinema]. Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)
2. Quaranta, C. (2023). *Iconoclasm in European Cinema: The Ethics and Aesthetics of Image Destruction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
3. Levine, J. (1998). Colour and qualia. In Craig, E. (Ed.). *The Routledge Encyclopedia of Philosophy*. London; New York: Routledge.
4. House, J., Slotnick, J. (2015). Après-Coup French Psychoanalysis: The Long Afterlife of Nachträglichkeit: The First Hundred Years, 1893 to 1993. *The Psychoanalytic Review*, 102(5), 683–708.

Эстетика реального в современную эпоху

Кубышкин Р.В.

В докладе рассматривается диалектика реального и виртуального в современности. Автор прослеживает связь между развитием техники и усложнением верификации реального. Но именно там, где реальное и виртуальное становится все труднее отличить друг от друга, там впервые за всю историю человечества нам предоставляется шанс наконец окончательно сформулировать вопрос о его сущности. В данном докладе предлагается один из возможных сценариев построения новой эстетики реального.

Ключевые слова: эстетика, реальное, воображаемое, виртуальное, перцептивная реальность.

Проблема реального в современную эпоху становится все более масштабной, открывая новые горизонты для исследователей. Появление VR-технологий, небывалый рост качества графики в фильмах и играх, проникновение интернета практически во все сферы жизни, заставляет современного человека все чаще задаваться вопросом: что реально, а что виртуально? Данная тема с каждым годом становится все более актуальной и поднимается

Кубышкин Роман Вячеславович, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: 7007.roma@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Р.В.Кубышкин

на совершенно разных уровнях, начиная с дискуссий по поводу негативного влияния компьютерных игр на подрастающее поколение и заканчивая обсуждениями падения уровня важности реального социального контакта на фоне удобств интернет-коммуникации.

Однако все подобные дискуссии отталкиваются от некоторой очевидности понятия «реальное» и его безусловного преимущества над искусственностью, на основании чего оно – это самое «реальное» – и призвано обличить виртуальность. Нам же кажется, что при таком подходе мы не только предаем забвению то, что современность призвала нас прояснить, но и остаемся совершенно невнимательны к самой современности. Чтобы этого не допустить нам следует понять, что проблема виртуального и его сущности и есть самая радикальная постановка вопроса о реальном. И именно уровень развития современных технологий позволяет нам это увидеть. Воображаемое и реальное – две структуры, которые поддерживают существование друг друга, но там, где фантазм врывается в поле реального, там, где он осуществляется, в структуре реального происходит провал, лакуна, которая компенсируется символическим. Таким образом разрушенная структура собирает себя через ритуал, а в нашем случае во многом через табу. Именно это мы обнаруживаем в таких явлениях как кино, компьютерные игры, технологии-VR и т.д. Человеческий фантазм в данном случае входит в поле реального не посредством представления, а перцептивным путем. Воображаемое становится частью перцептивной реальности, оно осуществляется как некоторое реальное. Однако именно это и говорит в данном случае о своего рода ритуальности нашего мышления, ведь ритуал как раз таки и существует для связи представления и действительности. Чтобы проникнуть в самую суть понятия «реальное» нам следует избрать иной путь. Нам нужно схватить фантазм именно в той диалектической точке, где он распадается в реальное, а происходит это в момент, когда он становится воспринимаемым, но не в качестве галлюцинации, а в качестве объекта, включенного в мир. Нам нужно включить в рефлексию непосредственное основание в виде перцептивной реальности, говоря другими словами, мы должны подойти к объекту с эстетической точки зрения.

Таким образом, вопрос о реальном отныне должен быть поставлен иначе. Эстетика реального – это не что иное, как проблема реального, раскрывающаяся в своей диалектической полноте. Ведь только с помощью нее мы способны говорить о виртуальном не просто, как о реальном со знаком минус, но проникнуть в суть самого реального сквозь вкрапления объективирующихся фантазмов.

Список используемых источников:

1. Лакан Ж. Желание и его интерпретация. М.: Логос, Гнозис, 2021. 560 с.

2. Лифшиц М.А. Собрание сочинений в трех томах. Т.1. М.: Изобразительное искусство, 1984. 432 с.
3. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Aesthetics of the Real in the Modern Era

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kubyshkin Roman

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: 7007.roma@gmail.com

The report examines the dialectic of the real and the virtual in modern times. The author traces the connection between the development of technology and the increasing complexity of verification of the real. But it is precisely where the real and the virtual are becoming increasingly difficult to distinguish from each other that, for the first time in the history of mankind, we are given the chance to finally formulate the question of its essence. This report suggests one of the possible scenarios for building a new aesthetic of the real.

Keywords: aesthetics, real, imaginary, virtual, perceptual reality.

References:

1. Lacan, J. (2021). *Zhelanie i ego interpretaciya* [Desire and its interpretation]. Moscow: Logos; Gnozis. (in Russ.)
2. Lifschitz, M. (1984). *Sobranie sochinenij v trekh tomah T. 1. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo* [Collected works in three volumes. Vol. 1. Moscow: Fine Art]. (in Russ.)
3. Merleau-Ponty, M. (2006). *Vidimoe i nevidimoe* [The Visible and the invisible]. Minsk: Logvinov. (in Russ.)
4. Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika. (in Russ.)

Пересмотр кино как философский акт: эпистемическая реконфигурация и темпоральность

Лебедев Д.А.

Статья посвящена исследованию тенденции пересмотра кино, в контексте состояния массовой культуры. Цель доклада – обосновать и проследить наличие философского лейтмотива в культуре пересмотра кино, а также охарактеризовать факторы, сопутствующие этому явлению. Рассматриваются концепции эпистемической реконфигурации и темпоральности, а также делается вывод об их взаимосвязи.

Ключевые слова: эпистемическая реконфигурация, философия, темпоральность, искусство, культура.

Массовая культура тяготеет к репрезентациям, что проявляется в тенденции к перезапускам, переосмыслениям, новым взглядам по отношению к разным уже устоявшимся франшизам. Возвращение же к старому всегда сопровождается изменённым отношением субъекта, который, по прошествии времени, меняется в психофизиологическом развитии, что накладывает должный семантический и эстетический отпечаток на восприятие, казалось, много раз пересмотренного произведения. Выделяются два

Лебедев Данила Александрович, студент магистратуры, Факультет гуманитарных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
адрес для корреспонденции: Danila.lebedev.2001@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.А.Лебедев

основополагающих фактора, играющих в этом процессе ключевую роль: эпистемическая реконфигурация и темпоральность.

Первое – это новый пласт смыслов, который субъект накладывает на произведение, которое даже рефлексировано им отнюдь не один раз. Теоретик культуры Джош Тот, будучи автором концепта, объясняет, что при всей динамике развития современной культуры, которая всё интенсивнее интегрирует в себя всё новые смыслы, возникает необходимость возвращаться к старому, внося новый взгляд через призму семиотического обновления, тем самым усиливая глубину рассматриваемого произведения: «мы возвращаемся к произведениям литературы, написанным в эпоху постмодернизма, и осуществляем их новое прочтение, то есть буквально реинтерпретируя, обновляя их дискурс на основании того нового, актуального дискурса» [1, с.353]. Её применимость универсальна, в том числе кинематографу, ведь фильм представляет собой, как эксплицитный, так и имплицитный текст, следовательно, такая стратегическая установка весьма уместна. Это даёт простор для реинтерпретаций, ведь текст есть множественность, а не целостность, как отмечал Барт [2]. Во многом, концепт «эпистемической реконфигурации» перекликается с концепцией «Смерти автора» Барта, который констатировал такое положение дел, вследствие интертекстуальности, поскольку наша культурная эпоха дошла до такого состояния, когда создать чистое произведение, не отсылающее или не параллельное какому-то другому стало невозможным, что позволяет каждому в своей индивидуальности плюралистично интерпретировать любое произведение, вне зависимости от замысла автора, сколько угодно раз, давая ему новую жизнь. Такой статус критического переосмысления превращает возвращение к уже освоенному в полноценный философский акт, где каждая реинтерпретация будет в смысловом плане дополнять другую, обеспечивая модернизацию с безграничным потенциалом: «Интерпретация, которой требует текст, непосредственно взятый как множественность, не имеет ничего общего с вседозволенностью: речь идёт не о том, чтобы снизойти до тех или иных смыслов, свысока признать за ними право на известную долю истины, но в том, чтобы наперекор всякому безразличию утвердить само существование множественности, которое несводимо к существованию истинного, вероятностного или даже возможного» [2, с. 48]. Отсюда и берутся находения скрытых смыслов и обилия фанатских теорий – симптомы этой тенденции в массовой культуре, подогревающие интерес не только к новому, но и старому.

Темпоральность, то есть специфика соотношения времени, делает реконфигурацию возможной, вследствие культурных сдвигов, дающих выработку новых смыслов и самого протекания во времени. Ещё Августин [3] отмечал неразрывность настоящего от прошлого и будущего. Так и здесь модус настоящего – это ключ к прошлым и новым смыслам, где будущее своей

неопределённостью даёт обилие равноправных трактовок и эстетических граней, а каждый момент созерцания «настоящего-настоящего» рождает уникальный опыт для каждого.

Таким образом, пересмотр наших любимых фильмов, клипов, а также иных произведений искусства в контексте современности каждый раз заставляет по-новому взглянуть на привычные вещи, под ракурсом до сих пор неизведанным и равноправным. Сама интенция к пересмотру чего-либо является философской ввиду того, что наслоение и перефокусировка на иных гранях произведения дарят нам иное его восприятие. Любое творение при таком раскладе обречено на актуальность, поскольку глубина его не имеет предела и с каждым днём существования растёт с геометрической прогрессией, открывая инновационные варианты к его рассмотрению, к которым вновь хочется возвращаться.

Список используемых источников:

1. Павлов А. Постмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело РАНХиГС, 2019. 560 с.
2. Барт Р. S/Z. М.: Академический проект, 2009. 373 с.
3. Августин А. Исповедь. М.: Ренессанс, 1991. 488 с.

Redefining Cinema as a Philosophical Act: Epistemic Reconfiguration and Temporality

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lebedev Danila

Master's student, Faculty of Humanities, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Correspondence to: Danila.lebedev.2001@yandex.ru

The article is devoted to the study of the trend of cinema revision in the context of the current state of popular culture. The purpose of the report is to substantiate and trace the presence of a philosophical leitmotif in the culture of cinema revision, as well as to characterize the factors accompanying this phenomenon. The concepts of epistemic reconfiguration and temporality are considered, and a conclusion is made about their relationship.

Keywords: epistemic reconfiguration, philosophy, temporality, art, culture.

References:

1. Augustinus, A. (1991). *Ispoved'* [Confessions]. Moscow: Renaissance. (in Russ.)
2. Barthes, R. (2009). *S/Z* [S/Z]. Moscow.: Academic project. (in Russ.)
3. Pavlov, A. (2019). *Postmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya* [Postmodernism: how social and cultural theories explain our time]. Moscow: Delo RANHiGS. (in Russ.)

Молодежные контркультуры XX века с точки зрения учения Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском началах

Мальков К.А.

В данной работе рассматривается феномен контркультур через призму учения Фридриха Ницше о дионисийском и аполлоническом началах в культуре. Поднимается вопрос о значении контркультур в возрождении подлинно трагического искусства.

Ключевые слова: контркультура, Ф. Ницше, аполлоническое начало, дионисийское начало.

Одним из важнейших трудов Ницше считается «Рождение трагедии из духа музыки». В нем утверждается, что культура представлена двумя началами – аполлоническим и дионисийским. В этом исследовании предлагается продлить рассуждения Ницше и взглянуть с этих позиций на феномен молодежной контркультуры XX века, который, в свою очередь, будет

Мальков Кирилл Андреевич, студент бакалавриата, Историко-филологический факультет, Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
адрес для корреспонденции: malkov152@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.А.Мальков

рассматриваться через призму его понимания Теодором Роззаком («Истоки контркультуры»).

В своей работе Роззак прямо указывает на значение дионисийского начала для контркультуры, противопоставляя его нынешнему строю: «Вряд ли "новый порядок" был детищем очарованных луной поэтов и мечтательных дионисийцев» [1, с. 138], утверждая, что доминирующая культура является детищем Аполлона, а контркультура представляет из себя детище Диониса.

Дальнейшее сравнение следует провести, опираясь на понятия-маркеры, как «опьянение», «приобщение к первоединству», «экстаз и анархия», «трагедия», «преодоление рационализма», которые, как мы надеемся показать, характеризуют и концепцию культуры Ницше, и видение контркультуры Роззаком [2].

Ницше говорит: «действительность опьянения... стремится уничтожить индивид и освободить его мистическим ощущением единства» [3, с. 54]. Свойственное контркультурам опьянение, конечно, не имеет той полноты смысла, которую вкладывает в это понятие немецкий мыслитель, и больше связано с употреблением наркотиков. Наркотическое опьянение сохраняет в себе сразу два смысла – и аполлонический, и дионисийский. В первом смысле оно связано с желанием сбежать от реальности, что соответствует больше сновидению. Да и сам Роззак не признает за контркультурой истинно дионисийского опьянения, указывая на отсутствие какого-либо глубокого опыта [1, с. 229]. Однако, принимая сторону Аполлона, последователи контркультуры приходят к Дионису через отказ от рациональной части личности и переход к мистическому опьянению: «Между тем именно так поступает диссидентская культура, покушаясь на эго как на обособляемую, чисто рассудочную часть личности своими мистическими наклонностями или пристрастием к наркотикам» [1, с. 112].

Первоединством предлагается объяснить различные духовные практики, которые отражаются в противопоставлении с технократией: «Антиномизм дзена поддерживает потребность юнцов в духовной свободе, особенно у тех, кто испытывает дискомфорт от агрессивных требований и стандартов технократии» [1, с. 79]. В этой цитате отражается желание приобщения к первоединству против структурированности и порядка аполлонического начала и технократии. Преодоление рационализма – одна из основ контркультур, Роззак называет его «технократией» (рациональным контролем над обществом), но суть остается одинаковой.

Экстаз является целью духовных практик. Одна из форм его проявления и есть опьянение: «...они искали мистицизма этого мира, экстаза телесного, земного, который каким-то образом принимает и трансформирует смертность» [1, с. 195–196]. Анархия выражается в политическом приложении контркультур, которые сам Роззак называл «свалкой левых идей», под чем подразумевал социализм и анархизм.

Но самое главное проявление дионисийского начала – это музыка, являющаяся не только проявлением контркультуры, но и причиной ее рождения: «Музыка вдохновила и вызвала лучшие находки контркультуры – от фольклорных баллад-протестов до социальных песен, возникших у истоков кислотного рока» [1, с. 40].

Во многом контркультура попыталась осуществить ту миссию, которую возлагал Ницше на Вагнера. Доказательством тому служит жанр рок-оперы, и первый представитель – «Томми» группы «The Who». Рок-опера в целом разрушает стандартное представление об опере, уделяя больше внимания передаче звука, чем драматическому развитию, элементы сюжета уходят на второй план, а каждая отдельная композиция может рассматриваться как самостоятельное произведение [4, р. 121–123], что делает оперу ближе к Дионису. Сюжет «Томми» принципиально лишен теоретического миропонимания и оптимизма Сократа, который, как говорил Ницше «...ставит на место метафизического утешения земную гармонию» [5, с. 157]. В опере речь идет о духовном мире, который является более осязаемым, чем мир реальный, а сам Томми погружается в метафизический мир, что идет в разрез с реализмом теоретического миропонимания [4, р. 123]. В Томми мы можем увидеть мотив первоединства. Главный герой, который из-за психологической травмы лишается способности ощущать окружающий мир, смог разрушить свои границы и вернуться к первоначальному бытию, сам стал духовным практиком, «Иисусом XX века».

Таким образом, контркультуры действительно могут рассматриваться как проявление дионисийского начала, а доминирующая культура – пониматься как проявление начала аполлонического. Нужно отметить сильное влияние на культуру оказал нового жанра, созданного контркультурой – рок-оперы, возродившей трагическое миропонимание в искусстве.

Список используемых источников:

1. Рошак Т. Истоки контркультуры. М.: АСТ, 2014. 380 с.
2. Аполлоническое и Дионисийское. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7f001088db83d68128fb7> (Дата обращения 05.10.24).
3. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука, 2022. 224 с.
4. Atkins J. The Who on Record. A Critical History, 1963–1998. Jefferson, London: McFarland & Company, Inc., Publishers. 2000. 344 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Исаков Алексей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории обществознания и права историко-филологического факультета АФ ННГУ.

Youth Countercultures of the Twentieth Century from the Point of View of F. Nietzsche's Teachings on Apollonian and Dionysian Principles

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Malkov Kirill

Undergraduate student, Faculty of History and Philology, Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod

Correspondence to: malkov152@mail.ru

This article examines the phenomenon of countercultures through the prism of Friedrich Nietzsche's teachings on the Dionysian and Apollonian principles in culture. The question is raised about the importance of countercultures in the revival of truly tragic art.

Keywords: counterculture, F. Nietzsche, apollonian principles, dionysian principles.

References:

1. Roszak, T. (2014). *Istoki kontrkultury* [The Making of a Counter Culture]. Moscow: AST. (in Russ.)
2. Apollonicheskoe i Dionisijskoe. Novaya filosofskaya entsiklopediya [Apollonian and Dionysian. The New Philosophical Encyclopedia]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7f001088db83d68128fb7> (Accessed on 05.10.24). (in Russ.)
3. Nietzsche, F. (2022). *Rozhdenie tragedii iz duha muzyki* [The Birth of Tragedy Out of the Spirit of Music]. Saint Petersburg: Azbuka. (in Russ.)
4. Atkins, J. (2000). *The Who on Record. A Critical History, 1963–1998*. Jefferson; London: McFarland & Company; Inc., Publishers.

Искусство вовлечения на примере сериала «Твин Пикс»: от феномена скольжения к практике залипания

Матвеева М.А.

Сериал «Твин Пикс» Дэвида Линча и Марка Фроста использует повторяющиеся элементы и многослойную структуру повествования для вовлечения зрителя и поддержания его интереса. Нарратив, изначально построенный на детективных клише, постепенно превращается в загадочный, наполненный мистикой, символами и повторяющимися мотивами, что способствует практике «залипания» зрителя в поисках скрытых смыслов. В результате, сериал становится не только расследованием убийства, но и философским и психологическим испытанием, которое заставляет зрителя активно анализировать и переосмысливать происходящее.

Ключевые слова: Твин Пикс, повторение, залипание, вовлечение зрителя, анализ сюжета.

Сериалы активно применяют разнообразные повествовательные и эстетические приемы для того, чтобы удерживать внимание зрителей и превращать их в преданных поклонников. Одним из механизмов вовлечения зрителя, является использование повторяющихся элементов в сюжете, что приводит к переходу от лёгкого и поверхностного восприятия к долгосрочному интересу и вниманию к деталям.

Культовый сериал «Твин Пикс», созданный Дэвидом Линчем и Марком Фростом, на первый взгляд является стандартным детективом с линейным повествованием: произошедшее убийство Лоры Палмер, которое якобы выступает развязкой сюжета; один из главных героев – агент ФБР с выдающимися аналитическими способностями, но сложной судьбой; первый подозреваемый, который оказывается невиновным, но тот, на кого сразу падают подозрения; преступником же обычно выступает человек из ближнего круга, которого все знают и все ему доверяют. Зритель пассивно скользит по сюжету, а сериал в свою очередь, незаметно вовлекает его, используя простую нарративную линию. Лора Палмер убита и расследование её смерти раскрывает перед нами более глубокие и многослойные темы, включая тайны и личные драмы жителей города Твин Пикс. «Вместо изложения единой истории нам предлагают наблюдать за развитием судеб многочисленных персонажей и перипетиями их взаимоотношений друг с другом и с окружающим миром, который из декорации становится практически самостоятельным персонажем» [1, с. 30].

Вскоре линейное повествование нарушается, появляются элементы мистики и абсурда: сверхъестественные явления, такие как пророческие сны агента ФБР – Дэйла Купера, где в красной комнате сама Лора Палмер шепчет ему имя своего убийцы; у некоторых персонажей появляются двойники; сериал проникается символикой – лес вокруг города, совы и петроглифы. «Увеличение по ходу действия мистической составляющей постепенно разделяет сюжет на отдельные, слабо связанные друг с другом линии, повествование таким образом становится все более фрагментарным, новые герои – сюрреалистичными, действия героев – абсурдными. Весь искусственно созданный «мир» города Твин Пикс, поначалу довольно упорядоченный, превращается в бессвязные фрагменты» [2, с. 50–51]. Всё это создает атмосферу неопределенности и напряжения, вызывая у зрителя эмоциональный отклик. В результате, сюжет «совмещает в себе два типа повествования: с одной стороны, милый, добрый, провинциальный городок, с другой – мир абсолютного морального релятивизма» [3]: измен, насилия, бесчестности, становясь многослойным и открытым ко множеству интерпретаций, заставляя зрителя активно искать ответы на вопросы, что приводит к практике залипания и попыткам разгадать скрытые смыслы. Это явление отражает тенденцию современных сериалов: «в экранной культуре постмодерна многоуровневая структура повествования использует

образы, которые разрывают причинно-следственные связи, создавая более сложные и абстрактные формы повествования» [4, с. 34].

Важным аспектом является использование повторяющихся мотивов и символов, которые содержат «дискурсивный (концептуальный) и повествовательный (разворачивают историю) характеры» [5, с. 172]. Смерть Лоры Палмер является ведущим событием сериала, но особенно волнующим оказывается то, что её образ продолжает появляться вновь и вновь, напоминая нам о её отсутствии и постоянно возвращая нас к трагедии её гибели. Это показывается разными способами: горюющий отец, танцующий с портретом Лоры, половинка кулона у её тайного возлюбленного, кассеты для школьного психотерапевта доктора Джакоби – её голос продолжает звучать даже после смерти, раскрывая её внутренние страхи и двойную жизнь и т.д. Это не только вызывает эффект залипания, но и способствует формированию у зрителя ощущения тесной взаимосвязи между элементами сюжета, которые требуют более внимательного анализа. Также такими элементами становятся еда и музыка: вишневый пирог, кофе и пончики часто появляются в сценах сериала, символизируя рутинные действия, контрастируя при этом с мрачными событиями, происходящими в жизни персонажей. Звуковая дорожка, созданная Анджело Бадаламенти, становится неотъемлемой частью эстетики Твин Пикс. Музыка в сериале носит двойственную функцию: с одной стороны, она создаёт атмосферу загадочности и напряжённости, с другой – её мелодии, порой, наполняют сцены чувством ностальгии и умиротворённости.

Список используемых источников:

1. Рапорт Е. Логика сериала // Логос. 2013. № 3. С. 21–36.
2. Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д. Тенденции постмодернизма и метамодернизма в зарубежных сериалах 1990-х гг. – 2020 гг. // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 2(43). С. 45–59.
3. Сенников Е. Твин Пикс, где я не буду никогда [Электронный ресурс]. URL: <https://seance.ru/articles/twin-peaks-lanif-pacer/> (Дата обращения: 10.02.2025).
4. Мехоношин В.Ю. Метанарратив современных сериалов: феномен нарративной сложности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2024. № 4(73). С. 33–39.
5. Буров А.М. Принципы художественного повторения в отечественном и зарубежном авангардном кинематографе первой половины XX века // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2013. № 4. С. 171–187.

The Art of Engagement on the Example of the TV Series “Twin Peaks”: From the Phenomenon of Sliding to the Practice of Sticking

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Matveeva Maria

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: masha.kireeva.0404@mail.ru

The series “Twin Peaks” by David Lynch and Mark Frost uses repetitive elements and a multi-layered narrative structure to engage the viewer and maintain their interest. The narrative, originally built on detective cliches, gradually turns into a mysterious one, filled with mysticism, symbols and repetitive motifs, which contributes to the practice of “sticking” the viewer in search of hidden meanings. As a result, the series becomes not only a murder investigation, but also a philosophical and psychological test that forces the viewer to actively analyze and rethink what is happening.

Keywords: Twin Peaks, repetition, sticking, viewer engagement, plot analysis.

References:

1. Rapoport, E. (2013). Logika seriala [The logic of the series]. *Logos*, 3, 21–36. (in Russ.)
2. Podlednov, D., Kazantseva, E. (2021). Tendentsii postmodernizma i metamodernizma v zarubezhnykh serialakh 1990-kh gg. – 2020 gg. [Trends of postmodernism and metamodernism in foreign TV series of the 1990s – 2020]. *International Journal of Cultural Research*. 2(43), 45–59. (in Russ.)
3. Sennikov, E. (2017) Twin Piks, gde ya ne budu nikogda [Twin Peaks, where I will never be]. URL: <https://seance.ru/articles/twin-peaks-lanif-pacer/> (Accessed on 10.02.2025). (in Russ.)
4. Mekhonoshin, V. (2024). Metanarrativ sovremennykh serialov: fenomen narrativnoy slozhnosti [The meta-narrative of modern TV series: the phenomenon of narrative complexity]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 4(73), 33–39. (in Russ.)
5. Burov, A. (2013). Printsipy khudozhestvennogo povtoreniya v otechestvennom i zarubezhnom avangardnom kinematografe pervoy poloviny XX veka [Principles of artistic repetition in Russian and foreign avant-garde cinema of the first half of the 20th century]. *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 4, 171–187. (in Russ.)

Рекурсивность ужаса: темпоральные аспекты эстетического опыта в хоррор-кинематографе

Мержеевская А.Д.

В данном исследовании анализируется рекурсивная структура ужаса в кинематографе, рассматривая, как темпоральные манипуляции нарративом и визуальными образами формируют эстетический опыт страха и тревоги. Анализ исследует взаимодействие повторения, циклических паттернов и искажения времени для создания устойчивого чувства ужаса и психологического воздействия на зрителя. В исследовании используется методология анализа темпоральной эстетики для изучения специфических кинематографических приёмов и их влияния на эмоциональное состояние зрителя.

Ключевые слова: темпоральность, циклические паттерны, хоррор, эстетика ужаса.

Кинематограф обладает уникальной способностью воздействовать на эмоциональное состояние зрителя, используя разнообразные приёмы, которые создают ощущение ужаса. Манипулирование линейностью времени в кинематографических нарративах, включающее такие приёмы, как

Мержеевская Арина Дмитриевна, студент магистратуры, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
адрес для корреспонденции: 1404arina@rambler.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.Д.Мержеевская

флешбэки, флешфорварды, нелинейное повествование и субъективные искажения времени, существенно усиливает ощущение саспенса и дезориентации, тем самым повышая чувство страха и тревоги. Эти приёмы нарушают устоявшуюся когнитивную схему зрителя для обработки нарративной причинно-следственной связи и временной непрерывности. Возникающий когнитивный диссонанс приводит к усилению эмоционального вовлечения. Более того, нарушение временного потока активно вовлекает когнитивные ресурсы зрителя в попытке реконструировать последовательную нарративную временную линию, тем самым продлевая и усиливая ощущение саспенса. Эта активная когнитивная обработка, в сочетании с характерной неоднозначностью и непредсказуемостью, вносимой манипуляциями со временем, создаёт состояние повышенного возбуждения и неопределённости, напрямую способствуя аффективному переживанию ужаса. Возникающее чувство дезориентации, кроме того, может распространяться за пределы чисто временного, влияя на пространственное восприятие диегезиса зрителя, дополнительно усиливая чувство тревоги и уязвимости, типично связанное с жанром ужасов.

Циклические паттерны, характеризующиеся повторением определённых сцен, мотивов, музыкальных тем, цветовых решений или композиционных приёмов, способствуют укреплению ассоциативных связей между стимулами и эмоциональными состояниями. Это явление можно рассматривать через призму теории обучения: повторение усиливает условный рефлекс, связывая нейтральный стимул (например, определённый визуальный образ) с условным раздражителем (например, сценой насилия), что приводит к автоматическому возникновению эмоциональной реакции (страха) при последующем появлении нейтрального стимула.

Более того, цикличные паттерны создают эффект «психологического застревания» (*cognitive entrapment*). Постоянное возвращение к определённым мотивам или сценам не позволяет зрителю «переработать» полученную информацию. Зритель остаётся в состоянии постоянного ожидания, в состоянии неопределённости и тревоги, что усиливает эмоциональное напряжение и способствует пролонгированию чувства страха. Этот эффект усугубляется, если повторение сопровождается градуальным увеличением интенсивности стимулов, что создаёт эффект нарастающей угрозы. Таким образом, использование повторения в кинематографе является эффективным способом максимизировать эмоциональное воздействие на зрителя, приводя к прочному и долговременному отпечатку в его памяти. [1, с. 49].

Психологическое воздействие фильмов ужасов может быть долгосрочным. Исследования показывают, что интенсивный опыт страха может приводить к изменению восприятия реальности у зрителей, вызывая у них повышенную чувствительность к угрозам в повседневной жизни [2, с. 86]. Это подчёркивает

важность понимания того, как кинематографические приёмы могут влиять на психику зрителя.

Для изучения специфических кинематографических приёмов используется методология анализа темпоральной эстетики, которая позволяет исследовать взаимосвязь между временными структурами повествования и эмоциональным состоянием зрителя [3]. Анализ включает рассмотрение того, как различные приёмы могут изменять восприятие времени и пространства в кино.

В заключение, рекурсивная структура ужаса в кинематографе демонстрирует сложное взаимодействие между темпоральными манипуляциями и эмоциональным опытом зрителя. Понимание этих механизмов может помочь не только в анализе фильмов ужасов, но и в более широком контексте изучения эмоций в искусстве.

Список используемых источников:

1. Назарова Ю. В. В поисках «истинного ужаса»: концепты жанра «horror» в современном кинематографе // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2016. № 4(20). С. 48–55.
2. Pinedo I. Recreational Terror: Women and the Pleasures of Horror Film Viewing. New York: State University of New York Press, 1997.
3. Евглевский В. В. Парадокс эстетического удовольствия // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. 2022. 2(81). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/13190> (Дата обращения: 30.11.2024).

Recursion of Horror: Temporal Aspects of the Aesthetic Experience in Horror Cinema

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Merzheevskaya Arina

Master's student, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia

Correspondence to: 1404arina@rambler.ru

This paper analyzes the recursive structure of horror in cinema, examining how temporal manipulations of narrative and visual imagery shape the aesthetic experience of fear and anxiety. The analysis explores the interplay of repetition, cyclical patterns, and temporal distortion in generating sustained dread and psychological impact on the viewer. The research employs a framework of temporal

aesthetics to investigate specific cinematic techniques and their effect on viewer affect.

Keywords: temporality, cyclical patterns, horror, aesthetics of horror.

References:

1. Nazarova, Y. (2016). V poiskakh «istinnogo uzhasa»: koncepty zhanra «horror» v sovremennom kinematografe [In search of "true horror": concepts of the "horror" genre in modern cinema]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 4(20), 48–55. (in Russ.)
2. Pinedo, I. C. (1997). *Recreational Terror: Women and the Pleasures of Horror Film Viewing*. State University of New York Press.
3. Evglevskij, V. V. (2022). Paradoks esteticheskogo udovol'stviya [The Paradox of Aesthetic Pleasure]. *Universum: obshchestvennye nauki*, 2(81). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/13190> (Accessed on: 30.11.2024). (in Russ.)

Ностальгия в кинематографе: эффективность использования прошлого в создании нового зрительского опыта

Мурашова А.А.

В статье рассматривается феномен ностальгии в кинематографе и его влияние на создание нового зрительского опыта, опираясь на теорию Патрика Метцгера о 30-летнем цикле тенденций поп-культуры. Автор анализирует, как ностальгический маятник, возникающий из увлечений предыдущих поколений, формирует творческий контекст для современных сценаристов и режиссеров, способствуя возрождению значимых культурных событий. В работе представлено собственное исследование, подтверждающее эффективность использования ностальгии как инструмента в киноиндустрии.

Ключевые слова: ностальгия, кинематограф, общество.

Ностальгический маркетинг – это использование ностальгических элементов в продвижении товаров и услуг для создания положительных ассоциаций и эмоций у потребителей [1].

Мурашова Анастасия Александровна, студент магистратуры, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
адрес для корреспонденции: nastya88mmm@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Мурашова

На сегодняшний день рассматриваемые элементы активно применяются в рамках построения рекламных кампаний, формирования имиджа бренда, разработки нового продукта и в других сферах. Одним из ярких примеров его применения является поп-культура, а в частности киноиндустрия, где создание ремейков и сиквелов стало одним из самых заметных проявлений ностальгического маркетинга.

Автор статьи «Маятник ностальгия: 30-летний цикл тенденций поп-культуры» Патрик Метцгер выдвинул закономерность: поп-культура постоянно одержима ностальгическим маятником, который регулярно всплывает на поверхность значимых событий 30-летней давности [2]. Это обусловлено тем, что дети, имея определенные увлечения, вырастают и становятся сценаристами, музыкантами, режиссёрами, способными задавать тренды. В своих произведениях они обращаются к культуре своего детства, переосмысливая её с помощью новых технологий. Так, новое поколение не просто копирует, а создаёт новые тренды, основываясь на том, что им было близко в юности. Как итог, направление задают не массы, а творцы, которые обращаются к тому, что им самим было близко, и новые поколения подхватывают их импульс.

В рамках закономерности 30-ти лет, в киноиндустрии можно проследить года создания оригинальных произведений и ремейков:

«Планета обезьян» (1968) и «Планета обезьян» (2001) – 33 года;

«Трон» (1982) и «Трон: Наследие» (2010) – 28 лет;

«Робокоп» (1987) и «Робокоп» (2014) – 27 лет;

«Король лев» (1994) и «Король лев» (2019) – 25 лет.

Применяя метод кабинетного анализа, в частности проведя анализ рейтингов обеих версий фильмов на платформе онлайн-кинотеатра «Кинопоиск» и других ресурсах, можно сделать вывод, что чаще всего оригинальная версия фильма получает более высокий рейтинг среди аудитории жителей России. Например, «Ирония судьбы, или с легким паром!» (1975) – рейтинг «8,2», а «Ирония судьбы. Продолжение» 2007 года имеет рейтинг «5,1». «Планета обезьян» 1968 года – рейтинг «7,7», а фильм 2001 года – «6,8». «Люди в черном» 1997 года – «8,0», 2019 года – «6,0». «Король лев» 1994 года – «8,8», 2019 года – «7,2» [3].

Проблема исследуемой темы: существует большое количество произведений киноиндустрии, основанных на элементе ностальгии, но при этом они не получают активную положительную реакцию от зрителей. Ностальгическое чувство, которое должно было привлекать аудиторию к просмотру фильмов, может превратиться в противоположный фактор. Исходя из этого автором выдвинута гипотеза: вместо создания ремейков или сиквелов эффективнее использовать точечные элементы ностальгии в течение всего сюжета. Основа сюжета не должна повторять уже знакомую и любимую зрителями историю. В таком случае использование ностальгии может

оказаться эффективным как до привлечения внимания, так и после просмотра произведения.

Для доказательства гипотезы было проведено исследование. Выборка составила 50 респондентов: 66% – девушки, 44% – мужчины, жители города Санкт-Петербург, молодые работающие люди, имеющие средний достаток. Информация собрана путём проведения опроса по методу «снежного кома». Большинство респондентов (82%) часто смотрят фильмы в повседневной жизни. 74% респондентов смотрели ремейки или сиквелы произведения, но для 30% есть фильмы лучше оригинала. Основную часть (64%) респондентов привлекает в просмотре ремейка связанные с фильмом эмоции, ощущения и знакомый сюжет, отталкивает (80%) во время просмотра другие актёры, изменённый сценарий. На вопрос: «Лучше использовать ностальгию в виде отдельных элементов сюжета или создать полностью новый фильм с опорой на уже имеющийся сценарий?» 86% респондентов ответили про частичное использование ностальгии.

Итак, исходя из полученных результатов, можно сделать вывод: ностальгия является двигателем принятия решения просмотра фильма. Ностальгический маркетинг в кино необходим, так как он эффективно привлекает аудиторию. Однако наблюдая повторение прошлого, но в изменённом виде, общество часто остаётся неудовлетворённым. В то же время, когда в новом произведении присутствуют некоторые знакомые элементы, а не полный сюжет, это вызывает у людей более яркие эмоции. Чтобы ностальгический маркетинг не утратил силу, необходимо учитывать мнение зрителей и деликатно погружать их в атмосферу ностальгии. Изначально поставленная гипотеза подтверждена.

Список используемых источников:

1. Очилова М. А. Роль ностальгического маркетинга в управлении поведением потребителя // Цифровая экономика. 2019. №4. С. 61–68.
2. Метцгер П. Маятник ностальгии: 30-летний цикл тенденций поп-культуры // The Patterning. [Электронный ресурс]. URL: <https://thepatterning.com/2017/02/13/the-nostalgia-pendulum-a-rolling-30-year-cycle-of-pop-culture-trends/> (Дата обращения: 20.09.2024).
3. КиноПоиск [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru> (Дата обращения: 28.09.2024).
4. Брю С., Харли Н. Ремейки и перезагрузки фильмов в разработке // Den of Geek [Электронный ресурс]. URL: <https://www.denofgeek.com/movies/movie-remakes-reboots-in-development/> (Дата обращения: 29.09.2024).

Nostalgia in Cinema: The Effectiveness of Using the Past to Create a New Audience Experience

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Murashova Anastasia

Master's student, Humanitarian Institute, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

Correspondence to: nastya88mmm@gmail.com

The article examines the phenomenon of nostalgia in cinema and its influence on the creation of a new viewing experience, based on Patrick Metzger's theory of the 30-year cycle of pop culture trends. The author analyzes how the nostalgic pendulum, arising from the passions of previous generations, forms a creative context for modern screenwriters and directors, contributing to the revival of significant cultural events. The work presents its own research confirming the effectiveness of using nostalgia as a tool in the film industry.

Keywords: nostalgia, cinema, society.

References:

1. Ochilova, M. (2019). Rol' nostal'gicheskogo marketinga v upravlenii povedeniem potrebitelya [The Role of Nostalgia Marketing in Managing Consumer Behavior]. *Digital Economy*, 4, 61–68. (in Russ.)
2. Metzger, P. (2017). Mayatnik nostal'gii: 30-letnij tsikl tendentsij pop-kul'tury [The Nostalgia Pendulum: A Rolling 30-Year Cycle of Pop Culture Trends]. *The Patterning*. URL: <https://thepatterning.com/2017/02/13/the-nostalgia-pendulum-a-rolling-30-year-cycle-of-pop-culture-trends/> (Accessed on: 15.01.2025). (in Russ.)
3. KinoPoisk. URL: <https://www.kinopoisk.com/> (Accessed on: 15.01.2025).
4. Brew, S., Harley, N. (2018). Remakes and reboots of films in development // Den of Geek. URL: <https://www.denofgeek.com/movies/movie-remakes-reboots-in-development/> (Accessed on: 15.01.2025).

Феноменология кинообъекта: о воображении и репрезентации в киноопыте

Панов С.Э.

В целях нашего доклада проанализировать, насколько адекватно феноменологической традиции Алан Касебьер строит свой проект феноменологии кино. С этой целью будет поставлен вопрос о роли воображения в киноопыте и статусе материи образа кинообъекта. Наконец, обращаясь к наследию ранней кинофеноменологии и деконструкции феноменологии Жаком Деррида, будет рассмотрен вопрос о соотношении присутствия/отсутствия, различия/повторения в области киноэстетики.

Ключевые слова: феноменология кино, воображение, репрезентация, присутствие, А. Касебьер.

Попытка применить феноменологический подход к кино началась примерно с момента появления кино как нового и массового медиума. Однако до второй половины 80-х и начала 90-х годов 20 века эти попытки носили разрозненный и скромный характер: ни один из крупных представителей этого философского направления не обращался непосредственно к фильму как особому регистру эстетического. В девяностые годы появился ряд работ, стремящихся заполнить

Панов Сергей Эдуардович, студент магистратуры, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: theflameintheflood@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© С.Э.Панов

этот исторический пробел. Одной из таких работ была «Фильм и феноменология: к реалистической теории кинематографической репрезентации» Алана Касебьера, анализу и представлению которой и будет посвящён данный доклад.

В центре внимания данной работы – опровержение, как её именует Касебьер, идеалистической и номиналистской теории кино. Такая теория кино сделала выбор в пользу того, что существуют только частности, а конструктивная деятельность зрителей обеспечивает кинематографические репрезентации. Касебьер же строит реалистическую теорию кино, опираясь на теорию репрезентацию художественного образа Гуссерля. Феноменологический метод Гуссерля для понимания природы восприятия и его теория художественной репрезентации может осветить опыт кинорепрезентации таким образом, который ранее не встречался в теории кино [1, с. 13].

В целях нашего доклада -проанализировать, насколько адекватно Касебьер решает поставленные вопросы. Не будет ли упускать реалистическая теория кинематографической репрезентации важные составляющие фильма, к примеру, монтаж, который автор относит к гилетической материи, от которой надо оттолкнуться, которую надо феноменологически преодолеть, чтобы добраться до образов-объектов?

Сводить киномонтаж, ускользящий момент смены кадров к статичным линиям гравюр и картин в рамках того, что обобщенно можно назвать материей восприятия, как нам кажется, значит упускать своеобразную специфику кинематографической репрезентации и особую роль воображения в рамках киноопыта. Согласно Касебьеру, кинообъект, данный в изображении, нельзя считать воображаемым объектом, знаком; его следует понимать в качестве того, что дано посредством чувственности в качестве *sensa*, поскольку, и в этом моменте Касебьер следует мысли Гуссерля, чувственное восприятие может давать объекты как непосредственно так и опосредованно, с помощью других чувственно воспринимаемых объектов (картин, рисунков, статуй и т. п.). В этом случае между опосредующей материей фильма и опосредующей материей картины ставится знак равенства.

Но фильму, подобно музыке, присуща длительность, а значит необходимо допустить, что изображенный объект должен удерживаться в актах ретенции и протенции. Опосредующая материя фильма, таким образом, удерживается отчасти в качестве не существующей здесь и сейчас. Жан-Поль Сартр в своей работе «Воображаемое. Феноменологическая теория воображения» настаивает, что уже прослушанная часть мелодии не приобретает ирреальную модификацию, но остаётся присутствующей в качестве присутствующей в прошлом. Однако такая точка зрения есть результат того, что Сартр не хотел рассматривать действие воображения и чувственного восприятия как функционирующих синхронно. Результатом отделения чувственности

от воображения стала неспособность найти «бедную» опосредующую материю воображаемого «ментального образа» [3, с. 22].

Кинообъект, по нашему мнению, есть эстетический феномен, в рамках которого возможно почти что наглядно продемонстрировать особый характер опосредующей художественное восприятие материи, которая не дана в качестве присутствующей с помощью чувственности, как в случае живописи, но всегда, в каждой монтажной склейке, в каждом «джампкате» скрывает своё присутствие. Кинообъект – то, что можно назвать в противовес Касебьеру (данность присутствия в *sense*) и Сартру (данность отсутствия в воображении) данным в присутствии своего отсутствия, данным посредством «самоуничтожения» воображаемого знака предыдущего кадра, но сохраняемым в неуловимый момент монтажной склейки, в момент, который Жак Деррида в «Голосе и феномене» назвал «морганием глаза». «Миг [кадра, склейки, – моё добавление] продолжителен в мигании глаза» [2, с. 88].

Эта точка зрения позволяет, как мы надеемся, согласовать различные подходы и взгляды на киноопыт, сформированные в первой половине двадцатого века, так что взгляд на кино как на искусство безостановочного движения, чистого различия, противопоставленного статике и повторению (Эпштейн) [4, с. 84], оказывается взаимодополняющим для точки зрения Теодора Майера, который важным в кино считал как раз возможность повторения, репродукции движения [4, с. 133], возможность увидеть внетелесное движение, эйдос всякого движения.

Список используемых источников:

1. Casebier A. Film and Phenomenology: Towards a Realist Theory of Cinematic Representation. UK.: Cambridge University Press, 2009. 176 с.
2. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб: Издательство «Алетейя», 1999. 208 с.
3. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
4. Ямпольский М. Видимый мир. Очерки ранней кинофеноменологии. М.: Киноведческие записки, 1993. 216 с.

Phenomenology of the Film Object: On Imagination and Representation in the Film Experience

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Panov Sergei

Master's student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: theflameintheflood@mail.ru

The aim of our paper is to analyze how adequately to the phenomenological tradition Alan Kassebier constructs his project of film phenomenology. To this end, the question of the role of the imagination in the film experience and the status of the matter of the image of the cinematic object will be raised. Finally, turning to the legacy of early film phenomenology and Jacques Derrida's deconstruction of phenomenology, the question of the relation of presence/absence, difference/repetition in the field of film aesthetics will be addressed.

Keywords: film phenomenology, imagination, representation, presence, A. Casebier.

References:

1. Casebier, A. (2009). *Film and phenomenology: Towards a realist theory of cinematic representation*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
2. Derrida, J. (1999). *Golos i fenomen* [Voice and phenomenon]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Aleteya". 208 s. (in Russ.)
3. Sartre, J.-P. (2001). *Voorazhayaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voorazheniya* [The imaginary: A phenomenological psychology of the imagination]. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.)
4. Iampolski, M. (1993). *Vidimyy mir. Ocherki rannoy kinofenomenologii* [The visible world: Essays on early film phenomenology]. Moscow: Kinovedcheskie Zapiski. (in Russ.)

Шаблоны и вариации: ритмизованная эстетика интернет-мемов

Ромашенко С.Т.

В докладе исследуются условия возникновения интереса к перепроизведённым мемам, сохраняющим, с одной стороны, элементы первоначального кода, с другой стороны, подключающим новые смысловые единицы. Опираясь на выработанные прагматической эстетикой понятия ритма и вариации внутри опыта восприятия, доклад показывает, что момент заинтересованной приостановки внутри потока мемов связан с определённой зрительной техникой (выхватывания знакомого прежде образа и обнаружения в нём нового уровня значений).

Ключевые слова: интернет-мем, ритм, Д. Дьюи, выхватывание, шаблон.

Современная мем-культура захватила медиапространства настолько тотально, что смешные картинки зачастую встречаются в самых неподходящих местах — на страницах СМИ и крупных брендов. Единичное проявление мема в цифровом пространстве варьируется от коротких аудио и видеозаписи до текстового сообщения, но наиболее часто мем понимается как изображение, статичный образ. Критерием, согласно которому нечто может быть определено как мем, является вирусное распространение,

Ромашенко Семен Тимофеевич, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: semromashenko@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© С.Т.Ромашенко

необходима серия встреч с определённым образом. В таком случае предполагаемыми эффектами должны быть утомление и невосприимчивость. Тем не менее, при определённых условиях этого не происходит. Мем, представляющий интерес для исследования, устроен по принципу визуального шаблона, однозначно кодированной и закреплённой единицы смысла, чья продолжительность существования в цифровом пространстве обеспечивается вариацией, творческим процессом изменения текста, коррекции или сэмплирования изображения, любым другим способом введения стереотипного знака в новое поле значений. Наша задача – понять, с чем связана практика перцептивного интереса к перепроизведённым мемам и какую зрительную стратегию мы вырабатываем, целенаправленно направляя внимание к потоку знакомых образов.

Центральная качественная характеристика мема, предлагаемая исследователями мем-культуры – самоповтор, «ведь интернет-мем, чтобы быть успешным, должен повторять то, что уже известно, не разрушать канон, в котором он производится, а закреплять его» [1, с. 229]. Настоящее исследование предполагает, что эстетика «успешного» интернет-мема всё же основана на диалектическом принципе, предполагающем сочетание вариативных элементов внутри шаблона, зачастую радикально переозначающих смысл первоначального изображения. Этот диалектический принцип может быть понят как отношения ритмической вариативности внутри статичного образа-шаблона.

В главе «Организация энергий» книги «Искусство как опыт» Джон Дьюи предлагает рассматривать произведения (не обязательно только искусства), опираясь на критерии ритмической организации. «Ритм включает в себя постоянную вариацию» [2, с. 239], динамика интереса и эффекта усиливается при условии разнообразия с сохранением порядка. Тогда как «эстетическая вульгарность обусловлена монотонностью, создаваемой регулярным повторением форм» [2, с. 244]. Дьюи утверждает, что наиболее интенсивное переживание создаётся в отношениях между упорядоченным и вариативным внутри единичного эстетического объекта. Интерес к перепроизведённым мемам, с некоторыми поправками, возникает в результате той же процедуры: в качестве порядка здесь будет пониматься наличие исходного изображения и его опознаваемость, в качестве вариации – дополнительные текстовые или визуальные коды, переопределяющие смыслы целого. Усиление эффекта в таком случае опознаётся как удвоение удовольствия: радость от воспоминания изначального смысла суммируется с новым пародийным смыслом.

Чтобы вызвать зрительный интерес и реактуализировать пародийную ситуацию, исследуемый мем должен сочетать в себе элементы известного и неизвестного. В условиях перепроизводства, мем, с одной стороны, должен опираться на образ недавнего прошлого. С другой стороны, он должен представлять собой парадоксальное ироническое высказывание,

дистанцированное к событию и его конвенциональным прочтениям. Процесс вариации является здесь наиболее значимым и творческим действием.

Зрительная стратегия в условиях потока, таким образом, сочетает в себе два этапа. Базовым действием является выхватывание знакомых изображений (на уровне пятен и фигур), их бессознательное распознавание и приостановка скольжения по картинкам. Знакомый образ создаёт первоначальное условие интереса, которое подкрепляется или нивелируется следующим шагом – выявлением несовпадений с исходным образом и его значением, критической дистанции или переозначиванием. Критерий изобретательности и парадокса является ключевым для получения удовольствия или удивления, и длительного запоминания впоследствии.

Список используемых источников:

1. Колозариди П. Мем о бесславии // Логос. 2016. Том 26. С. 219-235.
2. Дьюи Д. Искусство как опыт. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 504 с.

Patterns and Variations: The Rhythmic Aesthetics of Internet Memes

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Romashchenko Semen

Independent Researcher

Correspondence to: semromashenko@gmail.com

The paper explores the possibility of interest in re-produced memes that, on the one hand, retain elements of the original code and, on the other hand, incorporate new semantic units. Drawing on the concepts of rhythm and variation within the perceptual experience developed by pragmatic aesthetics, the paper shows that the moment of interested suspension within the flow of memes is associated with a certain visual technique (picking up a previously familiar image and discovering a new level of meaning in it).

Keywords: Internet meme, rhythm, D. Dewey, snatching, pattern.

References:

1. Colozaridi P. (2016). Mem o besslavii [The obscurity meme]. *Logos*. 2016. Vol. 26, 219-235. (in Russ.)
2. Dewey J. (2024). *Iskusstvo kak opyt* [Art as experience]. M.: “Delo”. (in Russ.)

Повторение и трансформация в эстетике TikTok как механизмы актуализации экзистенциального опыта

Руфина Д.Г.

В условиях цифрового мира эстетика становится ключевым инструментом для осмысления реальности. Социальная сеть TikTok, с ее быстро распространяющимися трендами, отражает экзистенциальные переживания пользователей, способствуя созданию новых смыслов и интерпретаций. Наш доклад предлагает рассмотреть, как повторение и трансформация в цифровой эстетике TikTok помогают преодолевать парадокс идентичности и актуализировать экзистенциальный опыт.

Ключевые слова: экзистенциализм, эстетика чувственности, социальная философия, социальные сети.

Как самостоятельная область знания эстетика подразумевает обращение к чувственности и чувственному. Выразительные формы окружающего мира вызывают в воспринимающем его субъекте интеллектуально-эмоциональные переживания, результатом рефлексии над которыми становится создание

Руфина Дарья Геннадьевна, студент бакалавриата, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет

адрес для корреспонденции: dasha.rufina@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Д.Г.Руфина

новых смыслов и интерпретаций. В этом смысле эстетику можно считать также и областью осмысления реальности. В свете того, что любая мысль, в том числе и эстетическая, всегда открыта для рефлексии, мы можем сказать, что эстетика – инструмент постоянно продолжающегося процесса, «рефлексии на рефлексии». В рамках нашего доклада, обращаясь к наиболее популярной сейчас социальной сети – TikTok, мы бы хотели рассмотреть, как осуществляется процесс эстетического переосмысления и как происходит актуализация пользователями эстетической части их экзистенциального опыта.

Основой любой социальной сети является популяризированная форма эстетически-экзистенциального опыта, иначе говоря – тренд. Тренды отражают то, что привлекает людей, встречается с их собственным опытом, но ни в каком другом дигитальном пространстве тренды не размножались в таком количестве и с такой скоростью, как мы можем наблюдать сейчас в TikTok. Большинство из них служат одной цели – сообщить аудитории о неких переживаниях автора; фокусируются на эстетической части его экзистенциального опыта. Существуют разные дефиниции понятия «экзистенциальный опыт», и с нашей точки зрения, наиболее приемлемы те определения, которые включают в себя так называемый социокультурный компонент этого опыта, в связи с чем экзистенциальный опыт предстает не только как индивидуальный, неповторимый опыт непосредственного переживания человеком существования себя в мире, но и как результат такого переживания, который впоследствии возможно объективировать (например, в творчестве). То есть, мы полагаем, что опыт одного конкретного человека может быть потенциально узнаваем для других, при этом не как опыт другого, а как свой собственный [1]. Отсюда и большое количество контента одной тематики, представленного как индивидуальное переживание. Частота форм опыта, переживаемого человеком за один день, заставляет их (формы) повторять самих себя и накладываться друг на друга. Чем большее количество людей следуют тренду, тем сильнее заметна динамика его трансформации, и тем быстрее может быть опущен изначальный смысл и создан новый.

Одним из примеров этого явления может являться тренд, взявший свое начало от видео девушки, напевающей мелодию в тон звука вентилятора на ее кухне. Пользователи начали использовать ее звук для описания своего экзистенциального опыта (такие видео обычно характеризуются как #rov или #mood [1]), подбирая соответствующее видеосопровождение. Здесь четко прослеживается трансформация тренда: одни пользователи связали звук со своим радостным опытом, другие, наоборот, с опытом тоски и грусти. Так за короткое время повседневный звук для большого количества пользователей стал ассоциироваться с их личным пережитым опытом.

Повторение и трансформация – основные механизмы формирования трендов в дигитальном пространстве. Первичным в данном контексте является

повторение, которое закладывает фундамент для трансформации. Повторение усиливает эмоциональное воздействие контента, делает его более запоминающимся и привлекательным для аудитории, формирует сообщество, внутри которого происходит обмен общим, схожим с изначальной темой экзистенциальным опытом, актуализируя таким образом индивидуальный опыт автора и создавая возможность для его интерпретации и трансформации. Несмотря на то, что трансформация является вторичным механизмом по отношению к повторению, на наш взгляд она играет большую роль в процессе актуализации эстетически-экзистенциального опыта, так как переосмысление и создание новых смыслов мы считаем наиболее важным аспектом этого процесса. Вовлеченная в процесс творческого переосмысления аудитория способна на интерпретацию индивидуального как общего, а также общего как индивидуального. По мнению Арона Глейзера и Зои Фрааде-Бланар, такая аудитория обладает способностью справляться с парадоксальным желанием одновременно «чувствовать свою уникальность и специфичность» и «испытывать чувство принадлежности», т.е. можно сказать, что общество с общим эстетическим опытом обладает возможностью преодоления парадокса идентичности, позволяя нам «проявлять нашу неповторимую индивидуальность, но в то же время чувствовать себя под защитой группы» [2, с. 93].

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на то, что повторение и трансформация образуют циклический процесс, где повторение трендов создает основу для их последующей трансформации и переосмысления. За счет такой цикличности происходит актуализация эстетически-экзистенциального опыта личности, которую можно считать одним из способов преодоления парадокса идентичности.

Список используемых источников:

1. Апполонова Ю. С. Элементы экзистенциального опыта в современных медиаформатах (кейс «TikTok») // *Философские дескрипты*. 2021. №24. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.philosophdescript.ru/?q=node/195> (Дата обращения: 27.01.2025).
2. Фрааде-Бланар З., Глейзер А. *Суперфэндом: Как под воздействием увлеченности меняются объекты нашего потребления и мы сами*. М.: Азбука Бизнес, 2017. 310 с.
3. Пейгина Л. В., Теплякова А. О. Демократизация процесса производства фанатских видео в контексте культурной логики позднего капитализма // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2021. №44. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratizatsiya-protssesa-proizvodstva-fanatskih-video-v-kontekste-kulturnoy-logiki-pozdnego-kapitalizma> (Дата обращения: 27.01.2025).

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Серединская Лилия Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Института гуманитарных наук АлтГУ.

Repetition and Transformation in TikTok Aesthetics as Mechanisms for Actualizing Existential Experience

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Rufina Daria

Undergraduate student, Institute of Humanities, Altai State University

Correspondence to: dasha.rufina@mail.ru

In the digital age aesthetics becomes a key tool for understanding reality. The social network TikTok with its rapid spreading of trends reflects users' existential experience which can create new meanings and interpretations. This paper proposes to examine how repetition and transformation in TikTok digital aesthetics help to overcome the paradox of identity and actualize one's existential experience.

Keywords: existentialism, aesthetics of sensuality, social philosophy, social networks.

References:

1. Appolonova, Yu. (2021). EHlementy ehkzistentsial'nogo opyta v sovremennykh mediaformatakh (kejs «TikTok») [Elements of existential experience in modern media formats (TikTok case study)]. *Filosofskie deskripty*, 24. URL: <https://www.philosophdescript.ru/?q=node/195> (Accessed on: 27.01.2025). (in Russ.)
2. Fraade-Blanar, Z., Glazer, A. (2017). *Superfehdnom: Kak pod vozdejstviem uvlechenosti menyayutsya ob"ekty nashego potrebleniya i my sami* [Superfandom: How our deepest passions unite us and make us who we are]. Moscow: Azbuka Business. (in Russ.)
3. Peigina, L., Teplyakova, A. (2021). Demokratizatsiya protsessa proizvodstva fanatskih video v kontekste kulturnoy logiki pozdnego kapitalizma [Democratization of the process of producing fan videos in the context of the cultural logic of late capitalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratizatsiya-protsesta-proizvodstva-fanatskih-video-v-kontekste-kulturnoy-logiki-pozdnego-kapitalizma> (Accessed on: 27.01.2025). (in Russ.)

Пересматривание: рефлексия над фильмом или над самим собой?

Сабрекова А.Д.

В данном докладе ставится вопрос о специфике восприятия кино сквозь призму философской рефлексии. Автор пытается понять, возможен ли феномен повторного удивления. А также о влиянии «пересматривания» на человека, изнутри творящего самого себя.

Ключевые слова: философия кино, эстетика, рефлексия, повторение.

Во все времена человек стремился познать самого себя, узнать с разных сторон и разгадать загадки собственной природы. Раньше взглянуть на себя со стороны можно было в театре, сейчас с этой целью мы чаще обращаемся к кино и ищем ответы на свои вопросы в фильмах. Рефлексию, как принцип человеческого мышления, как процесс познания, осознания и понимания индивидом самого себя, а также окружающего его мира и других индивидов [1, с 555], можно назвать экспедицией внутрь себя. Мы смотрим фильм, проводим параллели между собой и главными героями, начинаем им сопереживать, виртуально проживать их опыт, чувствовать становится не так обжигающе больно, а лишь едва тепло.

Сабрекова Анастасия Дмитриевна, студент бакалавриата, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет
адрес для корреспонденции: ADSabrekova@stud.kpfu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.Д.Сабрекова

Опосредованность экраном даёт безопасное расстояние для переживания, к которому мы иногда возвращаемся, и в этом случае пересматриваем не то чтобы фильм, а пересматриваем скорее самого себя. Получается пере-живание переживания. В таком случае важно разобраться в причинах, по которым мы жаждем этого повторения. Быть может нам хочется уютности и «возвращения домой» на такой вот машине времени. Смотрящий отодвигает фильм на второй план, а на «главном экране» просматривает изменения собственных мыслей, переживаний. Это способ произвести рефлексию по поводу собственной жизни в заданных просмотром и перепросмотром фильма временных рамках.

Думаю, у каждого есть подборка любимых фильмов, к которым можно обратиться в «промежуточный» этап жизни и в очередной раз найти ответ на совершенно новый вопрос. И, в свой крайний раз пересмотра такого фильма, я поймала себя на мысли, что всё это время, на протяжении которого я пересматривала и пересматривала, мне хотелось бы, чтобы там что-нибудь изменилось: а вдруг в этот раз он ответит ей по-другому? А что, если она всё-таки успеет на встречу? Но, очевидно, каждый раз происходило одно и то же, герои поступают точно также: он ответил ей теми же словами, как и отвечал 5 лет назад, когда я впервые посмотрела этот фильм, а она вновь опоздала. Ничего в фильме не меняется, меняется лишь «моё смотрящее». «Моё выбирающее фильм» уже всё знает, оно надеется на стабильность, понятность, привычку и на отсутствие неизвестности. А надоедает ли это?

Ментально пересматривать фильм гораздо проще, так как нет трудностей с восприятием новой неизвестной информации. Но, в то же время, теряется нечто очень важное для эстетики и для чувствования – катарсис [2, с. 642]. Он необходим человеку, через очищение человек делается выше и сильнее. Скорее всего, именно поэтому на просторах интернета периодически встречаются посты содержания: кадр из фильма и подпись: «Хочется стереть себе память, чтобы заново пересмотреть этот шедевр». Эстетика – это про вершины человеческих чувств, неповторимых, невероятных. И когда делается такое заявление, значит катарсис произошёл, а удивиться с такой же силой – больше невозможно. Забавным мне кажется комментарий одного из пользователей: «Дело в том, что мне не нужно стирать память, она у меня и так очень плохая». В этом случае хорошо прослеживается потребность в рефлексии уже над фильмом: когда есть необходимость освежить сюжет.

Отвечая на вопрос, рефлексией чего стало для человека пересматривание фильма в этот раз, он приблизится к пониманию своей проживаемой ситуации на данном этапе жизни. Для каждого раза подходит свой ответ, иногда приемлем ответ «и того, и другого», потому что это про личный опыт, субъективное переживание. Это как раз из тех, «подводящих-к» и «наталкивающих-на» вопросов, с помощью которых мы в косвенно, но отвечаем на фундаментальный вопрос философии: стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить?» [3, с. 24].

Список используемых источников:

1. Митюшин А.А. Рефлексия // Философский энциклопедический словарь. Москва, 1989.
2. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
3. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

Rewatching: Reflection of the Film or of Yourself?

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Sabrekova Anastasiya

Undergraduate student, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University
Correspondence to: ADSabrekova@stud.kpfu.ru

The article raises the question of the specifics of film perception through the prism of philosophical reflection. The author tries to understand the possibility of the phenomenon of repeated amazement. The article reveals the impact of «rewatching» to human created internally by himself.

Keywords: philosophy of cinema, aesthetic, reflection, repeating.

References:

1. Mityushin, A. (1989). Refleksiya [Reflection]. In *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, USSR.
2. Aristotle. (1983). *Sochineniya: v 4-kh tomakh* [Works: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Mysl.
3. Camus, A. (1990). Mif o Sizife [The myth of Sisyphus]. In *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The rebel: Philosophy, politics, art]. Moscow: Politizdat.

Итеративное повествование в литературе и кинематографе: материальный фактор в производстве опыта времени

Сарманов Н., Мужиченко А.С.

В докладе в междисциплинарной рамке рассматривается опыт времени, который производится повествованием, реализующемся через структуры повтора. Обзор касающихся итератива теорий в диапазоне от структуралистской нарратологии до материалистической киносемiotики выявляет теоретическую лакуну: несоотнесенность материальных эффектов, возникающих в силу повтора означающего, с силами нарративного дискурса. Доклад преследует цель локализовать материальные эффекты в нарративном поле, достигнув таким образом целостности рассмотрения объекта. Итеративное повествование концептуализируется как синтетическое повествование, в системе которого ненарративные явления и эффекты поддерживают нарративные процессы.

Ключевые слова: итеративное повествование, нарратология, опыт времени, «Вечное возвращение» Кире Муратовой, темпоральность.

Сарманов Ни, студент бакалавриата, Факультет свободных искусств и наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: ni.vitti.sa@gmail.com

Мужиченко Алла Сергеевна, студент бакалавриата, Факультет мировой культуры,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
адрес для корреспонденции: knizhechka13@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Н.Сарманов, А.С.Мужиченко

В докладе на материале фильмов «Вечное возвращение» Киры Муратовой, «Грязная история» Жана Эсташа и «Туринская лошадь» Белы Тарра рассматриваются специфические механизмы производства опыта времени, присущие итеративному повествованию – повествованию, развивающемуся в структурах повтора. В противоположность текстам циклической фабулы (от «Зеркала для героя» до «Города, в котором меня нет»), сохраняющим безопасную для зрителя позицию вне повтора, тексты итеративного повествования интегрируют рецептивные и соматические процессы внутрь повторяющейся структуры, добиваясь повествовательных изменений посредством изменений в самой серии восприятия.

Итеративное повествование – объект, выделенный нарратологией, который остаётся в своей сфере знания на положении частного случая [1], что не позволяет собрать его преемственный корпус. Независимо от нарратологии теоретическую базу для изучения итеративного повествования закладывает материалистическая кинокритика 1970-х [2], развивая подход со стороны означающего – как к циклическому потоку языковой материи: кадров, эпизодов, синтагм и т. д. Так материалистическая кинокритика вырабатывает сепаратный (по отношению к нарратологии) способ описания производящих опыт времени сил, которыми обладает итеративное повествование. Повторенное означающее выключается из автоматической ссылки на означаемое (или, по крайней мере, с каждым повтором эта связь ослабляется, разрушается её автоматизм), что делает материальность самого означающего доступнее ощущению читателя-зрителя. Обладая материальностью, поток означающих обладает темпоральностью, которая вне автоматизма референции ощущается все ближе к реальности зрителя. Для этого объяснения убеждение в дискурсивной природе объекта, очевидно, является базовым. Однако повествование объявлено нарратологией и нарративной герменевтикой 1980-х слишком специфическим дискурсом, для объяснения темпоральных процессов которого этого не может быть достаточно: он и отличается от прочих дискурсов тем, что эксклюзивными средствами производит опыт времени [3], и это убеждение современные теории нарратива так или иначе разделяют.

Эксклюзивные измерения, которыми отличается нарративный дискурс, – диегезис и фокализация – полноценно развиваются в тексте/кинотексте в случае итеративного повествования, однако материалистическая эстетика их не затрагивает, утверждая опыт времени вне этих категорий, в то время как нарратология представляет опыт времени как результат именно их посредничества. В свою очередь, сами кинонарратология и филология рассматривают структуры повтора в качестве тропа нарративного дискурса – одного из обязательных, но всего лишь служебной части, не признавая за итеративом качественно иного способа производства опыта времени. Таким образом, материалистическая эстетика склонна игнорировать суть

итеративного повествования как повествования, а нарратологии недостаточно, чтобы рассматривать итеративное повествование как самостоятельный объект – в результате это явление полностью не охвачено ни в первой, ни во второй традиции и полностью не проработано.

Чтобы закрыть теоретическую лакуну, предлагается обратиться в поле нарратологии достижения киноматериализма, локализовав выделенные материалистической кинокритикой соматические процессы среди сил нарративного дискурса, производящих опыт времени.

Предполагается, что речь всегда идёт о единой системе, производящей опыт времени – эти процессы могут находиться вне системы нарратива в силу терминологической несфокусированности (как, например, свойства «медиума» могут быть не вписаны в нарратологическую схему романа). Эффектам материальности, возникающим при итеративном повествовании, находится место на стороне самой наррации как медиации. Итеративное повествование концептуализируется как вид повествования, при котором потоки строительных единиц нарратива организуются таким образом, что материальный фактор может становиться ресурсом построения динамики между текстовым адресатом и диегезисом. Это обнаруживает синтетический характер объекта, в котором исходно ненарративное используется для поддержания нарративных эффектов/тропов. Повтор итеративного повествования непродуктивно мыслить как троп: он становится топосом зрительской чувствительности.

Список используемых источников:

1. Женетт Ж. Фигуры: работы по поэтике. Москва: Изд-во Сабашниковых. 1998. 472 с.
2. Уоллен П. Онтология и материализм в кино // Cineticle [Электронный ресурс]. URL: <https://cineticle.com/23-0-wollen-onto-and-materia/> (Дата обращения: 26.01.2025).
3. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. Москва: Университетская книга. 2000. 217 с.

Iterative Narration in Literature and Cinema: The Material Aspect in Creating of the Experience of Time

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Sarmanov Ni

Undergraduate student, Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: ni.vitti.sa@gmail.com

Muzhichenko Alla

Undergraduate student, Faculty of World Culture, Saint Petersburg State University of Culture

Correspondence to: knizhechka13@gmail.com

The paper examines the experience of time produced by repetitive narration structures, within an interdisciplinary framework. A review of theories concerning iteration, ranging from structuralist narratology to materialist film semiotics, reveals a theoretical lacuna: the discrepancy between the material effects that arise due to the repetition of the signifier and the forces of narrative discourse. The paper aims to localize material effects in the narrative field, thus achieving the integral consideration of the object. Iterative narration is conceptualized as a synthetic narration, in the system of which non-narrative phenomena and effects support narrative processes.

Keywords: iterative narration, narratology, experience of time, Kira Muratova's "Eternal Return", temporality.

References:

1. Genette, G. (1998). *Figury: Raboty po poetike* [Figures: Works on poetics]. Moscow: Izdatel'stvo Sabashnikovykh. (in Russ.)
2. Wollen, P. (1976). *Ontologiya i materializm v kino* [Ontology and materialism in cinema]. Cineticle. URL: <https://cineticle.com/23-0-wollen-onto-and-materia/> (Accessed on: 26.01.2025). (in Russ.)
3. Ricoeur, P. (2000). *Vremya i rasskaz. Vol. 2. Konfiguratsiya v vymyshlennom rasskaze* [Time and narrative: Vol. 2. Configuration in fictional narrative]. Moscow: Universitetskaya Kniga. (in Russ.)

«Довольно!»: эстетический анализ скуки и отвращения в кино

Стругова Е.А.

В данном исследовании обосновывается, что повторение в повседневности, искусстве и кино по смыслу и эффекту глубже рассмотренности одинаковым, знакомым. Ведь другая сторона повторения – это погружение, увязание и даже «залипание» на чем-то, на первый взгляд, уже исчерпавшем свою эстетическую силу. В то время как сериальность и повторение, анти-гедонистическую роль которых подчеркивали У. Эко и Ж. Делёз, иногда мешают ощутить себя (с) героями любимого ситкома и комедии.

Ключевые слова: повторение, скука, отвращение, залипание, кинематографический опыт.

Привычное, уже пережитое, вероятно, должно доставлять, если не удовольствие, то комфорт. Порой закрадывается мысль о том, что зрелище, фильм, объект или вид из окна троллейбуса, знакомый с детства, приносят подозрительно сильное умиротворение. Последнее – это своего рода чувственное затишье с неопределенным исходом, невыносимость ожидания которого варьируется от тревоги до отвращения. Залипание на фильме, кадр

Стругова Екатерина Александровна, аспирант, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: ekaterina.strugova1997@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.А.Стругова

из которого даже хочется поставить на заставку смартфона, не всегда уютно и в хайдеггерианском смысле «подручно». Поэтому отвращение и скука как внезапно возникшие оттенки или следствия многократно повторяемого опыта могут помочь сложиться второму впечатлению от фильма или радикально переоценить его.

Начиная с Нового времени, философы и – далее теоретики искусства давали разные ответы на вопрос: почему одни «страсти», в терминах Д. Юма, и переживания преобразуются в другие [1]? Согласно «конверсионной» теории, эмоции меняются полюсами, а негативные сменяют позитивные. Тогда как «смешанные» ощущения, переживаемые много раз или меняющие свою природу, все еще вызывают скепсис [2]. Теоретики аффектов, в частности, Г. Сингх, различают не только ощущение фильма и акт, когда зритель делится им с другими, но и отделяют процесс пересмотра от практик повторяющегося просмотра [3, с. 2]. Порой досадно от того, что в онлайн-библиотеках есть подборки фильмов и сериалов для биндж-вотчинга, создан раздел «смотреть позже», а «хочу пересмотреть» – нет.

Многим зрителям еще с «Малыша и Карлсона» (1968) известно, что не стоит «с утра до ночи смотреть телевизор». Также, по этикету, неприлично разглядывать другого субъекта, дабы не превратить его в объект. А. Арто, а вслед за ним современные медиафилософы могли бы назвать псевдо-новизну повторного опыта фильма или только его фрагмента объективированной, «клиповой, паразитической формой кино» [4, с. 67].

На примере таких латентных форм повторения в искусстве и кино, как отвращение, пресыщенность и скука, а также просмотра артхауса только из уважения к автору и «укачивания» мы собираемся подчеркнуть следующее. Даже в кино, визуальный план которого благорасположен ко всем «Субстанциям» (реж. К. Фаржа, 2024) и «Экзистенциям» (реж. Д. Кроненберг, 1999), главными предикатами отвратительного лишь навскидку являются нечистота, текучесть и иные качества-ассоциации. Едва ли в первой четверти XXI века всё еще уместно выяснять: отвращение – это негативная или позитивная эмоция? Как бы ни внушал доверие тезис о том, что «лекарство от пессимизма философов по поводу поиска удовлетворительного закрытого объяснения уродства – это отвращение» [5, с. 89], все-таки то, как субъект обращается со временем, и как он «входит» в опыт отвращения, составляет подспорье самому отвратительному объекту в природе и искусстве.

Таким образом, долгий эстетический опыт и фильм, недосмотренный или засмотренный «до дыр», ценны потому, что силой своей невыносимости они помогают аудитории забыть о синефильских списках. В который раз переслушанный трек Кендрика Ламара, фильм «500 дней лета» (2009) и даже «Седьмая печать» (1957) Ингмара Бергмана если не вызовут отвращение, то могут наскучить и притупить ощущения. Считать опыт лестно, но его повторение бывает в новинку, в глубину и на износ чувств. Порой мы имеем

дело с повторением, выходящим за область визуального, а индивидуальная чувствительность граничит с коллективной, словно эстетической эмпатией.

Список используемых источников:

1. Юм Д. О трагедии // Эстетика / Хатчесон Ф., Юм. Д., Смит А. М.: Искусство, 1973. С. 352-361.
2. Keil C., King R. The Oxford Handbook of Silent Cinema. New York: Oxford University Press, 2024. 824 p.
3. Singh G. Feeling Film: Affect and Authenticity in Popular Cinema. London: Routledge, 2014. 264 p.
4. Beugnet M., Ravetto K. Parasite Cinema // Image & Narrative. 2016. Vol. 17(5). P. 66-79.
5. Doran R. P. Ugliness Is in the Gut of the Beholder // Ergo: An Open Access Journal of Philosophy. 2022. Vol. 9(5). P. 88-146.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00685 «Принципы и стратегия развития практической эстетики», <https://rscf.ru/project/25-28-00685/> в Санкт-Петербургском государственном университете. Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Радеев Артём Евгеньевич, доктор философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

“Enough!”: An Aesthetic Analysis of Boredom and Disgust in Cinema

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Strugova Ekaterina

Postgraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: ekaterina.strugova1997@gmail.com

The study states that repetition in everyday life, art, and cinema is deeper in meaning and effect than watching the same, familiar objects. The other side of repetition is immersion, “sinking” in something and even sticking to that has already exhausted its aesthetic power. While seriality and repetition, the anti-hedonistic role of which was emphasized by U. Eco and J. Deleuze sometimes make it difficult to feel like (with) the characters of your favorite sitcom and comedy.

Keywords: repetition, boredom, disgust, sticking, cinematic experience.

References:

1. Hume, D. (1973). O tragedii [Of Tragedy]. In Hutcheson, F., Hume, D., Smith, A. *Estetika* [Aesthetics] (pp. 352-361). Moscow: Iskusstvo.(in Russ.)
2. Keil, C., King, R. (2024). *The Oxford Handbook of Silent Cinema*. New York: Oxford University Press.
3. Singh, G. (2014). *Feeling Film: Affect and Authenticity in Popular Cinema*. London: Routledge.
4. Beugnet, M., Ravetto, K. (2016). Parasite Cinema. *Image & Narrative*, 17, 5, 66-79.
5. Doran, R.P. (2022). Ugliness Is in the Gut of the Beholder. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*, 9, 5, 88-146.

Пересматривание фильмов как форма эскапизма и эстетики повторения

Тивикова М.Ю.

В работе рассматривается феномен пересмотра кинофильмов как одна из форм эскапизма, затрагивается проблема определения границ между избеганием реальности и эстетикой повторения. Предлагается идея о возможности вторичного эстетического опыта при повторном просмотре фильмов. В заключении автор отмечает взаимосвязанность между повторным эстетическим опытом и инструментальным эскапизмом, что открывает перспективы для дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: пересматривание фильмов, эстетический опыт, эскапизм, эстетика повторения.

Современный мир характеризуется информационным перенасыщением и динамичностью социальных изменений, вследствие чего у человека возникает потребность в создании альтернативных нарративных пространств, обеспечивающих временное дистанцирование от повседневных проблем – потребность в эскапизме. Наиболее распространённой дефиницией эскапизма является его восприятие как метода социального поведения, который

Тивикова Мария Юрьевна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: tivikovva@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.Ю.Тивикова

позволяет человеку «уйти от реальности» в «мир фантазий». Этот метод помогает человеку отвлечься от проблем и негативных эмоций, вызванных физическим и социальным окружением [1, с. 141]. Кинематограф, как один из наиболее востребованных видов медиаконтента, характеризуется разнообразием жанров и изображаемых миров. Но если первичный просмотр фильма или сериала представляет собой очевидный пример пассивного эскапизма [2, с. 75], то пересмотр уже знакомых кинолент, в свою очередь, является еще более многогранным феноменом.

Пересмотр фильмов стал своего рода традицией и неотъемлемой частью жизни практически каждого человека. В условиях неограниченного контентного поля, когда ежедневно появляются новые произведения визуального искусства, люди, тем не менее, сохраняют интенцию к повторному просмотру старых, хорошо знакомых кинолент. Поэтому возникает ряд закономерных вопросов: возможно ли при пересмотре фильма переживание повторного эстетического опыта? Как именно эскапизм связан с эстетикой повторения в контексте пересмотра уже знакомой киноленты?

Проблема исследования, недостаточно изученная в научном дискурсе, заключается в определении возможности вторичного эстетического опыта при повторном просмотре фильмов, а также в обнаружении границ между эскапизмом и эстетикой повторения.

Эскапизм является полифункциональным феноменом, поскольку любой вид искусства или деятельности человека может быть рассмотрен как форма избегания реальности, что делает определение его четких границ и дихотомичной характеристики крайне затруднительным. Исследователи выделяют различные классификации эскапизма (пассивный, активный, субкультурный, религиозный, инструментальный, экзистенциальный...) [3, с. 184]. В рамках данного доклада будет рассмотрен преимущественно инструментальный эскапизм, поскольку в его определении заключено избегание реальности посредством какого-либо инструмента, в данном случае, посредством кино или сериалов.

Пересматривание фильмов может быть рассмотрено как феномен эскапизма или избегания реальности, так как это заставляет зрителя забыть о проблемах внешней среды, снизить тревожность и почувствовать некий контроль или власть над ситуацией: при повторном просмотре мы не испытываем эффекта неожиданности, поскольку знаем, какой финал нас ждет, что дает нам ощущение предсказуемости и, как следствие, снижение тревоги. Зачастую, когда речь заходит о повторном просмотре фильма или сериала, исследователи также склонны говорить о феномене ностальгии как ключевой мотивировке зрителя – желание пересмотреть sitcom 90-х или советскую комедию вызвано стремлением ощутить ту атмосферу, которая сопровождала нас при первом просмотре, вновь пережить знакомые и приятные эмоции, но и такая ретроспектива является проявлением эскапизма в той или иной степени.

Возможно ли в таком случае говорить о повторном эстетическом опыте? Когда мы пересматриваем картину, мы невольно можем абстрагироваться от основной сюжетной линии и выявить художественные детали, которые не были замечены при первом просмотре (работа со звуком, светом, декорациями и т.д.), а также открыть новые аспекты содержания, которые могли быть упущены при первичном ознакомлении. В данном случае опыт испытывания как раз предшествует опыту выпытывания: имея уже сформированное эмоциональное отношение к фильму, мы можем более осознанно анализировать его художественные достоинства и недостатки, однако рефлексивность описанного опыта нивелирует «чувственную встречу», которая является ключевым критерием эстетического опыта [4, с. 58].

Так, отождествляя повторение и воспоминание [5, с. 69], произошедшее, или, в нашем контексте, просмотренное, продолжает существовать, формируя особую реальность, которая живёт в воспоминаниях настоящего – именно обращение к этой другой реальности и является проявлением эскапизма, вследствие чего можно сделать вывод о взаимосвязанности таких явлений, как повторный эстетический опыт и эскапизм.

Данный взгляд на повторный просмотр фильмов открывает ряд перспектив дальнейшего изучения инструментального эскапизма и эстетики повторения в целом.

Список используемых источников:

1. Меньшикова Е. Е. Идеологемы эскапизма в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. №2–1 (44). С. 140–142.
2. Башарова Е. А. Эскапизм: новые подходы к исследованию // Вестник Ивановского государственного университета. 2014. №2 (14). С. 71–76.
3. Сметанина Т. А., Ключев А. А. Метафизика эскапизма: поиск ускользающего смысла // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. №1(75). С. 183–185.
4. Радеев А. Е. Что же имеется в виду под опытом, когда мы называем его эстетическим? // Вестник СПбГУ. 2016. №4 (17). С. 53–62.
5. Цыпина Л. В. Опыт о повторении. Введение в философскую поэтику Серена Кьеркегора // Вестник СПбГУ. 2002. №6–1 (6). С. 67–78.

Rewatching Films as a Form of Escapism and the Aesthetics of Repetition

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Tivikova Maria

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: tivikovva@mail.ru

The paper examines the phenomenon of film review as a form of escapism, and touches upon the problem of defining the boundaries between avoidance of reality and the aesthetics of repetition. It proposes an idea of the possibility of secondary aesthetic experience when re-watching films. In conclusion, the author notes the blurring of the boundaries between repeated aesthetic experience and instrumental escapism, which opens up prospects for further study of this topic.

Keywords: film rewatching, aesthetic experience, escapism, aesthetics of repetition.

References:

1. Men'shikova, E. (2015). Ideologemy eskapizma v reklamnom turistichestkom narrative [Ideologemes of escapism in the advertising narrative of tourism]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2–1 (44), 140–142. (in Russ.)
2. Basharova, E. (2014). Eskapizm: novye podhody k issledovaniyu [Escapism: New Approaches to Research]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (14), 71–76. (in Russ.)
3. Smetanina, T., Klyuev, A. (2017). Metafizika eskapizma: poisk uskol'zayushchego smysla [Metaphysics of escapism: search for elusive meaning]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 1(75), 183–185. (in Russ.)
4. Radeev, A. (2016). Chto zhe imeetsya v vidu pod opytom, kogda my nazываем ego esteticheskim? [What is meant by experience when we call it aesthetic?]. *Vestnik SPbGU*, 4 (17), 53–62. (in Russ.)
5. Tsipina, L. (2002). Opyt o povtoreнии. Vvedenie v filosofskuyu poetiku Serena K'erkegora [Experience about repetition. Introduction to the philosophical poetic of S. Kierkegaard]. *Vestnik SPbGU*, 6–1 (6), 67–78. (in Russ.)

Феномен «Гарри Поттера»: хонтологические основания возвращения к Хогвартсу

Троненко А.А.

В данной работе исследуется феномен популярности цикла книг и фильмов «Гарри Поттер» и склонности выросших на данном произведении людей постоянно возвращать опыт просмотра фильмов и чтения книг в свою взрослую жизнь. Для достижения цели объяснить данный феномен с философской точки зрения, чему не уделено достаточно внимания в философском сообществе, используется хонтологический подход, впервые разработанный Жаком Деррида (1930-2004). В работе обосновывается, почему опыт, пережитый молодым поколением, столкнувшимся на ранних этапах взросления с данным произведением, имеет фундаментальное значение как для самого субъекта, так и для культуры, в которой он существует и на функционирование которой влияет своим собственным восприятием той реальности, в которой ожидаемое в прошлом будущее так и не стало настоящим.

Ключевые слова: хонтология, призрак, Гарри Поттер, Жак Деррида, Марк Фишер.

Троненко Алиса Алексеевна, студент бакалавриата, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет
адрес для корреспонденции: tronenko04@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Троненко

Серия книг и фильмов «Гарри Поттер» известна практически в каждом уголке по всему миру, не будет преувеличением заявить, что эта работа является одним из самых культовых культурных порождений двадцать первого века, оказавшим существенное влияние на самосознание людей, выросших в начале двухтысячных. Феномен «Гарри Поттера» интересовал филологов, культурологов, психологов и лингвистов, однако философия, как правило, обходила его стороной как типичное порождение массовой культуры, не несущее в себе существенных философских смыслов. Однако вопрос, почему мы из года в год пересматриваем «Гарри Поттера» с трепетом и восторгом, почему мы росли в ожидании заветного письма и всё ещё продолжаем мечтать о чуде, почему эта история оставила в нас такой глубокий след и продолжает влиять на нашу жизнь, вполне может быть осмыслен в философском ключе. Для этого мы обратимся к хонтологическому подходу, впервые разработанному Жаком Деррида (1930-2004) и получившему дальнейшее развитие и уточнение Марком Фишером (1968-2017).

Термин «хонтология» впервые был предложен Жаком Деррида в работе «Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал» [1, с. 24]. Данная работа представляет из себя деконструктивистское прочтение «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, образ призрака (*hante* (фр.), *haunt* (англ.)), от которого происходит термин, также был взят из самого «Манифеста» («Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» [3, с. 23]). На русском языке наиболее подробно и точно данный термин прояснил Дорожкин Егор Леонидович в статье «Призракология (хонтология) как философский поиск другой современности». Он чётко указал на то, что субъективное измерение является для этого подхода критически важным, поскольку любая субъективность конструируется под действием объективных внешних сил, и хотя сам по себе призрак не субъективен, схватывает его именно субъект в самом себе, «поскольку в определенном смысле субъективность сама призрачна» [2]. Марк Фишер, активно использовавший хонтологию как подход к музыкальной критике, объясняет данный термин следующим образом: «... хонтология связана с идеей, что исключительно позитивное бытие невозможно. Все сущее зиждется на отсутствии чего-либо в прошлом и вокруг, что как раз и делает сущее таким осязаемым и внятным» [5, с. 29].

Марк Фишер связывал хонтологию с «капиталистическим реализмом» – с тем, что капитализм провозглашается единственной возможной системой и альтернатив ему нет [4]. Именно поэтому нас преследует призрак коммунизма – призрак будущего, которое так и не наступило и уже никогда не наступит. Мы скучаем по будущему в прошлом, которого никогда не было, но которое давало нам надежду и смысл, именно поэтому вся наша культура и всё наше существо пропитано меланхолией, которая переживается куда тяжелее, чем скорбь (утрата того, что мы когда-то уже имели). Люди, родившиеся после

закрепления господствования капиталистического реализма, не пережили тех надежд и чаяний, которые давали обещания коммунистов, но они столкнулись с новыми надеждами и чаяниями, которые в такое подходящее время дала им Джоан Роулинг – надежды на будущее в волшебном мире, пропитанном приключениями, схватками со злодеями и магией. Мы ждали этого волшебного будущего, но оно так и не наступило. «Гарри Поттер» – это призрак, преследующий нас, мы провоцируем возвращение этого призрака каждый раз, в очередной раз включая фильм, мы вдоль и поперёк пропитаны меланхолией, связанной с этой утратой несуществующего, но бытие призрачного позволяет нам двигаться дальше. Именно поэтому мы никогда не избавимся от «Гарри Поттера», пока не закончимся сами.

Список используемых источников:

1. Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: Логос-Альтера, 2006. 254 с.
2. Дорожкин Е. Л. Призракология (хонтология) как философский поиск другой современности // Философская мысль. 2022. №3. С. 42-50.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1974. 63 с.
4. Фишер М. Капиталистический реализм. Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.
5. Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. Новое литературное обозрение, 2021. 300 с.

The “Harry Potter” Phenomenon: The Hontological Grounds for Returning to Hogwarts

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Tronenko Alisa

Undergraduate student, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University
Correspondence to: tronenko04@gmail.com

This article examines the phenomenon of the popularity of the Harry Potter series of books and films and the tendency of people who grew up on this work to constantly return the experience of watching movies and reading books to their adult lives. To achieve the goal of explaining this phenomenon from a philosophical point of view, which is not given enough attention in the philosophical community, a hontological approach is used, first developed by Jacques Derrida (1930-2004). The article substantiates why the experience experienced by the younger generation,

who encountered this work in the early stages of adulthood, is of fundamental importance both for the subject himself and for the culture in which he exists and whose functioning is influenced by his own perception of the reality in which the future expected in the past has not become the present.

Keywords: hontology, ghost, Harry Potter, Jacques Derrida, Mark Fisher.

References:

1. Derrida, J. (2006). Prizraki Marxa [Specters of Marx]. Moscow: Logos-Alterra. (in Russ.)
2. Dorozhkin, E. L. (2022). Prizrakologia (hontologia) kak filosofskij poisk drugoj sovremennosti [Hontology as a philosophical search for another modernity]. Philosophical thought, (3), 42-50. (in Russ.)
3. Marx, K. & Engels, F. (1974). Manifest Kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto]. Moscow: Politizdat. (in Russ.)
4. Fisher, M. (2010). Kapitalisticheskij realism [Capitalist Realism]. Ultraculture. (in Russ.)
5. Fisher, M. (2021). Prizraki moej zhizni [Ghosts of My Life]. New literary review. (in Russ.)

Повторение как источник новизны в эстетическом восприятии песен мюзиклов

Хисматова Д.Г.

Статья исследует, как повторение влияет на эстетическое восприятие песен мюзиклов. Исследование опирается на когнитивные и эстетические механизмы, включая «эффект знакомства с объектом» (mere exposure effect), эмоциональную составляющую и осознание контекста. Предполагается, что повторное прослушивание не только делает композицию привычной, но и способствует более глубокому пониманию её структуры и смыслов. В результате формируется новый эстетический опыт, что доказывает активную роль повторения в развитии музыкального восприятия. Работа подчёркивает значимость этих процессов для популяризации мюзиклов и углубления исследований в области восприятия сложных музыкально-драматических произведений.

Ключевые слова: мюзикл, повторение, эстетический опыт, популяризация мюзиклов.

В нашем обществе существует распространённое мнение, что мюзикл — это нишевый жанр для небольшого круга зрителей. Однако, на самом деле,

мюзиклы являются одним из самых востребованных театральных жанров. По статистике CivicScience: около 28 % американцев выражают интерес к музыкальному театру, а общая посещаемость живых театральных представлений на примере одного лишь the Broadway theatre достигает примерно 15 млн. зрителей в сезон [1, 2]. Тем не менее, несмотря на очевидную популярность мюзиклов, механизмы их восприятия остаются малоизученными.

В отличие от отдельных музыкальных композиций или драматических постановок, мюзиклы сочетают текст, музыку и театральное действие, создавая сложный эстетический опыт, который не всегда формируется мгновенно. Зачастую слушатель остаётся равнодушным к некоторым композициям при первом их восприятии. Но со временем он начинает ценить их или даже любить их больше, чем песни, которые понравились ему с первого прослушивания. Этот феномен характерен даже для преданных поклонников жанра. Почему так происходит? Чем объясняется изменение восприятия песни после многократного повторения?

Наиболее очевидное объяснение связано с нейропластичностью мозга, а конкретнее с «эффектом знакомства с объектом» (*mere exposure effect*), описанным Робертом Зайонцем [3, с. 459]. Этот эффект демонстрирует, что многократное столкновение со стимулом делает его более приятным. Он объясняется повышением когнитивной «плавности» (*processing fluency*): чем легче мозг обрабатывает информацию, тем более позитивной кажется реакция на неё [3, с. 460]. В случае мюзиклов слушатель постепенно привыкает к структуре песни, её ритму, гармонии и лексическим особенностям, что делает композицию более комфортной для восприятия. И, на удивление, когнитивное привыкание действительно крепко связано с глубиной эстетического переживания [4, с. 450-451].

Ещё один ключевой фактор – эмоциональная ассоциация. Песня может начать нравиться не из-за её художественных качеств, а потому, что она оказывается вплетённой в личный опыт слушателя. Это может быть связано с конкретными воспоминаниями, моментами жизни, в которые звучала композиция, или даже с культурными коннотациями, которые она со временем приобретает.

Возможно, этих двух причин хватило бы для объяснения возникновения интереса к обычной песне, но для мюзикла на первый план не может не выйти контекстуальный фактор. Если сравнить отдельную музыкальную композицию с одной из мюзикла, то станет очевидна роль повествовательной структуры: знания сюжета, персонажей, литературных и технических приёмов, понимания текста. Так, когнитивная адаптация, эмоциональная вовлечённость и осознание контекста – три ключевых механизма, работающих вместе. Но что объединяет их?

Повторение. Этот процесс не просто повышает уровень понимания композиции – он изменяет сам характер эстетического восприятия. Повторение позволяет заново «переслушать» песню с учётом нового опыта, открывая в ней ранее не замеченные элементы. Это приводит к формированию нового восприятия старого или восприятию старого как нового, что делает повторение важным инструментом эстетического осмысления. Повторение – не пассивный процесс, а активный механизм, способный изменять нашу музыкальную восприимчивость. Оно способствует развитию вкуса, углубляет эстетическое восприятие, формирует культурный опыт.

Таким образом, изменение эстетического восприятия песен мюзиклов через многократное взаимодействие со стимулом обусловлено когнитивными процессами, эмоциональной подоплекой и осознанием контекста. Повторение не просто делает песню привычной – оно трансформирует способ её восприятия, создавая новый эстетический опыт. Это открывает перспективы для дальнейших исследований перцепции сложных музыкально-драматических форм и их роли в культурном пространстве. Более того, в обществе, где доминирует быстрый контент и мгновенные впечатления, осознанное повторение становится инструментом для более глубокого погружения в искусство.

Список используемых источников:

1. Wilson L. Live Theater's Post-Pandemic Comeback Driven by New Younger Audiences [Электронный ресурс]. URL: <https://civicscience.com/live-theaters-post-pandemic-comeback-driven-by-new-younger-audiences/> (Дата обращения: 06.02.2025).
2. Broadway's Economic Contribution to New York City. 2018-2019 season // The Broadway League [Электронный ресурс]. URL: <https://www.broadwayleague.com/home/> (Дата обращения: 05.02.2025).
3. Montoya R. M., Horton, R. S., Vevea, J. L., Citkowicz, M., & Lauber, E. A. A re-examination of the mere exposure effect: The influence of repeated exposure on recognition, familiarity, and liking // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143, № 5. P. 459–498.
4. Leder H., Nadal M. Ten years of a model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments: The aesthetic episode – Developments and challenges in empirical aesthetics // *British Journal of Psychology*. 2014. Vol. 105, № 4. P. 443–464.

Repetition as a Source of Novelty in the Aesthetic Appreciation of Songs from Musicals

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Khismatova Daniya

Undergraduate student, The Higher School of Linguistics, Immanuel Kant
Baltic Federal University

Correspondence to: daniya0612@mail.ru

This article investigates how repetition affects the aesthetic perception of songs from musicals. The study focuses on cognitive and aesthetic mechanisms, including the mere exposure effect, the emotional component and contextual awareness. It is assumed that repeated listening not only makes the composition familiar, but also contributes to a deeper understanding of its structure and meanings. As a result, a new aesthetic experience is formed, which proves the active role of repetition in the development of musical perception. The paper underlines the significance of these processes for popularising musicals and deepening research into the perception of complex musical-dramatic works.

Keywords: musical, repetition, aesthetic experience, popularization of musicals.

References:

1. Wilson, L. Live Theater's Post-Pandemic Comeback Driven by New Younger Audiences. URL: <https://civicscience.com/live-theaters-post-pandemic-comeback-driven-by-new-younger-audiences/> (Accessed on: 06.02.2025).
2. Broadway's Economic Contribution to New York City. 2018-2019 season. URL: <https://www.broadwayleague.com/home/> (Accessed on: 05.02.2025).
3. Montoya, R. M., Horton, R. S., Vevea, J. L., Citkowicz, M., Lauber, E. A. (2017). A re-examination of the mere exposure effect: The influence of repeated exposure on recognition, familiarity, and liking. *Psychological Bulletin*, 143(5), 459–498.
4. Leder H., Nadal M. (2014). Ten years of a model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments: The aesthetic episode – Developments and challenges in empirical aesthetics. *British Journal of Psychology*, 105(4), 443–464.

Эстетика повторяющихся ритуалов: как мы теряем и находим себя в повседневности?

Шелковникова Е.А.

Мы часто говорим о повседневности как о чем-то, что стирает субъекта, превращая его в «автомат», живущий по привычке. Однако, чтобы «вернуть себя», мы вынуждены возвращаться к тем же самым повторяющимся ритуалам: пить утренний кофе, вести дневник, готовить еду. Как повторение бытовых действий может одновременно разрушать и формировать субъекта?

Ключевые слова: философия повседневности, ритуал, субъект, современное общество, повторение.

Человек, живущий в структуре повседневности, оказывается под влиянием инерции привычных действий, которые, будучи социально детерминированными, подавляют спонтанность, критическое осмысление и экзистенциальную решимость. Эти привычные практики не просто утилитарны, а представляют собой систему, которая производит предсказанный ритм существования. Индивидуальность растворяется

Шелковникова Елизавета Александровна, студент бакалавриата, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

адрес для корреспонденции: lizashelk@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Е.А.Шелковникова

в анонимной власти *das Man* [1, с. 127]. Повторяемость маршрутов, монотонность рабочих процессов, медиапотребление и предсказуемые сценарии досуга превращаются в механизмы нормализации, формируя субъекта как функцию социального порядка. Эта система действует не через репрессию, а через повторяющееся согласие и включение индивида в сеть безличных дискурсов. Эти дискурсы могут выражаться в ежедневном маршруте от дома до офиса, практиках здоровья, питания. Задача исследования – выявить механизмы, через которые повседневность, организованная вокруг принципа повторения, может становиться источником истерии выживания [2, с. 42] или, наоборот, служить отправной точкой сборки субъекта, способствующей его осознанному самоопределению. Парадокс разрушающей и восстанавливающей силы повседневности требует внимания к тому, как именно повторение и возвращение к простым ритуалам – таким как утренний кофе, ведение дневника или приготовление пищи – может служить отправной точкой для «сборки» себя, стимулируя возможность глубокой трансформации личности. Исследование повседневности как механизма повторений актуально в свете растущего интереса к вопросам психического здоровья в условиях ускорения и цифровизации. В мире, где рутинные практики становятся источником стресса, важно понять, как повседневные действия могут «помогать» субъекту.

С одной стороны, для субъекта, стремящегося к личностной трансформации, рутина становится источником отчуждения и препятствием на пути к подлинности. М. Хайдеггер подчёркивает, что движение к подлинности возможно только через опыт онтологического страха (*Angst*), который разрушает иллюзорную стабильность повседневности и обнажает пустоту существования [1, с. 184]. Феномен трансформации можно также рассмотреть через оптику античных и религиозных практик, где путь к знанию немислим без внутреннего преодоления. Аскетические дисциплины древности строились на принципе выхода за пределы обыденности: в античной философии и христианской традиции познание сопряжено с постоянным процессом самопревосхождения [3, с. 29]. Здесь различие между механической рутинной и ритуализированной практикой становится принципиальным: первая поддерживает автоматизм, вторая – способствует изменению.

С другой стороны, если рутина может быть механизмом отчуждения, то она также способна стать инструментом преодоления отчуждения. Не всякое повторение ведёт к механичности; в определенных условиях оно становится пространством рефлексии и самоосознания. Как пишет Мишель де Серто, городской маршрут, первоначально заданный тотализирующими схемами, может приобрести «кочующий» и «метафорический» окрас, стать актом «высказывания», если пешеход осознает его как пространство самовыражения [4, с. 193]. В этом контексте практика становится не просто действием,

а формой осмысленного взаимодействия с миром. Французский философ Анри Лефевр замечает, что степень включенности субъекта в систему повседневности определяется его способностью осознавать и изменять эти ритмы [5, с. 26]. Ритм может стать точкой рефлексии, если воспринимать его не как простой автоматизм, а как пространство для осмысленного повторения. Именно в этом и заключается вызов: не разрушить повторение, а научиться присваивать его, делать его средством конструирования аутентичного опыта. В этом контексте, переосмысленная повседневность открывает новые горизонты для осознанного бытия.

Список используемых источников:

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 480 с.
2. Хан Б.-Х. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Москва: АСТ. 2023. 160 с.
3. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука. 2007. 677 с.
4. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2013. 330 с.
5. Lefebvre H. Ritmanalysis: Space, time, and everyday life. London: Continuum. 2004. 112 p.

Aesthetics of Repetitive Rituals: How We Lose and Find Ourselves in the Everyday?

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Shelkovnikova Elizaveta

Undergraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies,
National Research University Higher School of Economics
Correspondence to: lizashelk@yandex.ru

We often talk about the everyday as something that erases the subject, turning it into an "automaton" living by habit. However, in order to "find ourselves again," we are forced to return to the same repetitive rituals: drinking morning coffee, keeping a journal, preparing food. How can the repetition of everyday actions simultaneously destroy and shape the subject?

Keywords: philosophy of everyday life, ritual, subject, modern society, repetition.

References:

1. Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)
2. Han, B.-H. (2023). *Obshhestvo ustalosti. Negativnyj opyt v ehpokhu chrezmernogo pozitivita* [The society of fatigue: The negative experience in the era of excessive positivity]. Moscow: AST. (in Russ.)
3. Foucault, M. (2007). *Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the subject: The lectures at the Collège de France, 1981–1982]. Saint-Petersburg: Nauka. (in Russ.)
4. De Certeau, M. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The invention of everyday life: 1. The art of doing]. Saint-Petersburg: European University Press. (in Russ.)
5. Lefebvre, H. (2004). *Ritmanalysis: Space, time, and everyday life*. London: Continuum.

Трикстер и гиперреальность в кинематографе XXI века: «Джокер» Тодда Филлипса

Щукина А.В.

Статья посвящена исследованию гиперреальности в кинодраме XXI века на примере фильма Тодда Филлипса «Джокер» (2019). Рассматриваются специфика и уровни построения гиперреальности в сюжете, а также роли трикстера в его интерпретации и анализе современных социокультурных процессов, проявляющихся на уровне проблематики сюжета и развития личности главного героя. Анализ выбранного произведения базируется на комплексном культурологическом походе к произведению искусства и включает в себя синтез мифологического и социокультурного подходов.

Ключевые слова: гиперреальность, трикстер, кинематограф, Жан Бодрийяр, Тодд Филлипс.

Концепция гиперреальности, предложенная французским философом Жаном Бодрийяром в конце XX века в труде «Симулякры и симуляция», как основа постмодернистской теории, имеет значение в современном культурном пространстве, становясь инструментом анализа произведений

Щукина Александра Валентиновна, студент магистратуры, Ярославская культурологическая школа, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

адрес для корреспонденции: alexandra21shchukina@yandex.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.В.Щукина

художественной культуры. «Гиперреальность» Бодрийяр определил как «генерацию моделей реального без происхождения или реальности» [1, с. 21]. Кинодрама Тодда Филлипса «Джокер» (2019) гиперреальность передаётся через героя, существующего на грани реальности и мира иллюзорного.

Главный герой фильма, Артур Флек – жертва и системы, и собственного воображения, обостренного ментальным расстройством. Его жизнь в социальной изоляции, наедине с внутренними конфликтами, становится катализатором разрыва с реальностью [2, с. 114]. Жизненные обстоятельства порождают желание обрести мир, где он – герой, признанный обществом. Эта гиперреальность проявляется, например, через сцены воображаемого успеха на ток-шоу Мюррея Франклина, через отношения с соседкой, существующих лишь в его воображении. Подобные иллюзии – способ создать новую, гипертрофированную реальность, в которой гиперреальные образы замещают действительность – есть защитный механизм психики [3, с. 94].

Визуальные приёмы передачи гиперреальности в «Джокере» [4, с. 154]:

- Цветовая палитра: тусклые и угнетающие тона подчёркивают депрессивное состояние Артура, яркие цвета выступают контрастом, акцентируя внимание на трансформации героя в Джокера;
- Ракурс: камера следует за Артуром, комбинируя ракурсы, планы, перспективы. Операторские приемы погружают зрителя в сознание героя;
- Музыкальное сопровождение: саундтреки виолончелиста Хильдур Гуднадоттир – зеркало эмоциональных метаморфоз героя на фоне создаваемой им реальности

Перечисленные аспекты формируют эстетический опыт, который открывает зрителю «гиперреалистичное пространство», где границы между реальным и воображаемым стираются.

Значение гиперреальности как инструмента в кино особенно проявляется при изображении персонажей-антигероев, которые становятся воплощением симулятивного эффекта. Французский философ Ролан Барт в своих «Избранных работах» по семиотике, описывая идею «мифа» в массовой культуре, утверждал, что культурные символы в кино, к которым относят образы трикстеров, отражают общественные настроения и определяют специфику восприятия сюжета [5, с. 108].

Джокер становится символом протеста против социального и духовного угнетения. Трикстерная сущность Артура связана с его провокативностью, разрушением общественных устоев. Как отмечает исследователь Дуглас Келлнер, трикстеры, деидеализируя общественный порядок, зачастую оправдывают свои действия, говоря о безнадёжности общества [6, с. 127]. Тем не менее люди вокруг постепенно разделяют точку зрения Джокера, он становится символом коллективного протеста, объединяющего людей

и рождающего в них хаос [2, с. 115]. Бодрийяр отмечает, что гиперреальность рождается там, где реальность заменяется её симулякром – гипертрофированной, искажённой её версией [1, с. 164]. Для Артура его фантазии о признании, любви и успехе становятся иллюзией, которая постепенно вытесняет объективную реальную и побуждает к протесту, становясь постепенно иллюзией коллективной [1, с. 290].

Фильм «Джокер» Тодда Филлипса демонстрирует, как гиперреальность используется для изображения трагедии не только отдельно взятой личности, но современного общества [5-6, с. 175]. История Артура Флека как трикстера в контексте гиперреальности раскрывает его как фигуру, представляет реальность, призывающую протестовать. Это явление, по мнению Жана Бодрийяра, характерно для мира симулякров, в данном случае – киноповествования, где сконструированные символы и образы в сознании героя постепенно обретают значение в самой реальности и становятся коллективными [1, с. 80].

Образ Джокера становится частью современной культурной парадигмы, где его действия воспринимаются и анализируются не только как события в киноповествовании, но и как символические жесты [4, с. 120]. Создание гиперреальности в фильме происходит с помощью особого нарратива, визуальных и звуковых эффектов, что позволяет зрителю ощутить неразрывную связь между личной драмой героя и коллективными страхами и проблемами общества, делая Джокера символом культурного и социального кризиса [6, с. 147].

Таким образом, анализ проблем гиперреальности через образы трикстеров в кинематографе позволяет выявить особенности социокультурных процессов, происходящих в обществе, где реальность подменяется субъективным восприятием. Классические и современные исследования, показывают, что в мире симулякров в том числе личные драмы трансформируются в общественные мифы. Гиперреальность, как понятие исконно философское, представляет собой ключевой элемент культурного сознания, в котором люди выступают либо конструкторами новой реальности, либо реципиентами, постепенно перенимающими иную трактовку действительности. Рассмотрение феномена гиперреальности и роли в нём трикстеров в художественном повествовании определяет перспективы для будущих работ по анализу социокультурных феноменов в современном кинематографе.

Список используемых источников:

1. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981. 204 p.
2. Fraser L. Hyperreality and Simulacra in «Joker»: Philosophical Interpretations // *Journal of Visual Studies*. 2021. № 9(4). pp. 112-125.
3. Келлнер Д. Медиа-культура: культурные исследования, идентичность и политика между модерном и постмодерном. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 532 с.
4. Zelizer J.E. *The Crisis of Media Society: Between Simulacrum and Reality*. New York: Cambridge University Press, 2022. 310 p.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 2020. 615 с.
6. Hanson M. *Reimagining the Trickster: A Critical Analysis of Todd Phillips' «Joker»*. Boston: Harvard Film Press, 2022. 320 p.

Trickster and Hyperreality in the Cinema of the XXI Century: “The Joker” by Todd Phillips

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Shchukina Alexandra

Master's student, School of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky.

Correspondence to: alexandra21shchukina@yandex.com

The article is devoted to the study of hyperreality in the cinema drama of the XXI century on the example of Todd Phillips' film “The Joker” (2019). The specifics and levels of hyperreality construction in the plot are considered, as well as the role of the trickster in his interpretation and analysis of modern socio-cultural processes manifested at the level of the problematic of the plot and the development of the personality of the protagonist. The analysis of the selected work is based on a comprehensive cultural approach to the work of art and includes a synthesis of mythological and socio-cultural approaches.

Keywords: hyperreality, trickster, cinema, Jean Baudrillard, Todd Phillips.

References:

1. Baudrillard, J. (1981). *Simulacra and simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
2. Fraser, L. (2021). Hyperreality and simulacra in “Joker”: Philosophical interpretations. *Journal of Visual Studies*, 9(4), 112–125.

3. Kellner, D. (2009). *Media-kultura: kulturnye issledovaniya, identichnost' i politika mezhdum modernom i postmodernom* [Media culture: Cultural studies, identity, and politics between modernity and postmodernity]. Moscow: Progress-Traditsiya. (in Russ.)
4. Zelizer, J. E. (2022). *The crisis of media society: Between simulacrum and reality*. New York: Cambridge University Press.
5. Barthes, R. (2020). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress-Univers. (in Russ.)
6. Hanson, M. (2022). *Reimagining the trickster: A critical analysis of Todd Phillips' "Joker"*. Boston: Harvard Film Press.

Кружки на карте: взаимосвязь городского пространства Санкт-Петербурга с профессиональными и идеологическими взглядами организаторов литературных объединений на рубеже XIX–XX вв.

Блатова Е.В.

В работе исследуется взгляд на пространство города с точки зрения социологии литературы: как особенности различных районов города способствовали формированию литературных объединений и влияли на их характер и что способствовало изменению их направлений в диахронии.

Ключевые слова: социология литературы, социальная топография, интеллектуальная история, феноменология города.

Город – это поле, которое возможно исследовать, применяя к нему рамки разных дисциплин – истории, искусствоведения, социальных наук. При этом некоторые аспекты социального устройства города напрямую могут влиять и на другие сферы его жизни, например, этнические кварталы, которые обуславливают застройку и специфику жизни отдельных районов города.

Блатова Екатерина Владиславовна, студент магистратуры, Школа искусств и культурного наследия, Европейский университет в Санкт-Петербурге
адрес для корреспонденции: kblatova@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.В.Блатова

Такой взгляд на городское пространство предлагает социальная [1, с. 157] или интеллектуальная [2, с. 72] топография. Эти концепции и были использованы нами в контексте картографирования неофициальных литературных объединений Петербурга 1880-1910-х гг. Такая «карта памяти» дала возможность совершить исторический экскурс в места аккумуляции и распространения литературных идей рубежа веков.

Кружковые объединения как литературный феномен становятся характерными для России начала XIX в., при этом из сугубо дружеских собраний они превращаются в места, где устанавливается литературная мода. Но, как пишет А.И. Рейтблат, такая устная природа была характерна для зарождения литературных тенденций в России в связи с недостаточным распространением слова письменного, поэтому уже во второй половине XIX в. аккумулятором этих процессов становится журнал, который постепенно снижает уровень влияния кружков на творческое сообщество [3, с. 40]. Тем не менее, литературные объединения продолжают существовать и ощущаться как естественное и необходимое явление жителями столицы. Связь городского пространства и литературных обществ мы и рассматриваем подробнее в настоящей работе. Нами была предпринята попытка проследить формирование домашних салонов и литературных кружков и выявить некоторую закономерность в их появлении в том или ином районе Петербурга рубежа XIX – XX вв. За основу мы взяли издание-справочник М. Шрубы «Литературные объединения Москвы и Петербурга: 1890-1917 гг.», вычленив из него те объединения, которые носили неофициальный, «домашний» характер: они проводились на квартирах или в образовательных учреждениях (не учитывая встречи в ресторанах/при редакциях). Мы нанесли на карту адреса, по которым проходили встречи, взяв в качестве принципа разделения год формирования объединений и их идеологическую направленность – получившееся размещение мы и интерпретируем в настоящей работе.

Расположение кружков в тех или иных районах Санкт-Петербурга позволяет проследить зависимость выбора места жительства организаторами литературных объединений от конкретных характеристик организации частей города (таких как концентрация тех или иных институций, урбанистическое развитие районов в конкретные временные периоды и др.). Прделанная работа позволяет оценить характерные особенности центральных районов Санкт-Петербурга как внешне, архитектурно, так и социологически. Такой взгляд на городской центр позволяет расширить традиционные рамки его исследования, которое возможно продолжить на практике. За счет более глубокого анализа литературной жизни Петербурга (концентрации не на отдельных персоналиях, а на их взаимных пересечениях) и ее «наложения» на пространство города потенциальные маршруты преследуют двойную цель: с одной стороны, проследить настоящее наследие исторических особенностей отдельных районов Петербурга, с другой – погрузиться в литературный

контекст эпохи и буквально пройтись возможными маршрутами упоминаемых посетителей кружков. Подобные результаты исследования помогут с новой точки зрения взглянуть на Санкт-Петербург и расширить рамки визуального восприятия архитектурных особенностей достопримечательностей за счет более комплексной перспективы изучения города, заключающейся в акценте литературных связей на карте.

Список используемых источников:

1. Рыгалова М. В., Брюханова Е. А. Историческая и социальная топография города: историографический обзор // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №5(97). С. 156–160.
2. Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Ученые записки Тартуского университета. 1984. №664. С. 72–77.
3. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 449 с.
4. Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ, 2009. 310 с.
5. Степанов А. В. Феноменология архитектуры Петербурга. СПб.: Арка, 2016. 396 с.
6. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

Circles on the Map: The Relationship Between the Urban Space of St. Petersburg and the Professional and Ideological Views of the Organizers of Literary Associations at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Blatova Ekaterina

Master's student, School of Arts and Cultural Heritage, European University at Saint-Petersburg

Correspondence to: kblatova@mail.ru

This thesis presents a theoretical and methodological definition of the prospects for the research of online neighboring communities which was conducted by the authors earlier in connection with the topic of perception of the urban space by residents of St. Petersburg. This topic is brought to consideration by the conceptual

analysis of related theoretical approaches and studies. Specific vectors of expanding the subject field of the planned research are formulated.

Keywords: sociology of literature, social topography, intellectual history, phenomenology of the city.

References:

1. Rygalova, M., Bryukhanova, E. (2017). Istoricheskaya i socialnaya topografia goroda: istoriograficheskiy obzor [Historical and social topography of the city: a historiographic review]. *Izvestiya of Altai State University*, 5(97), 156–160. (in Russ.)
2. Likhachev, D. (1984). Zametki k intelektualnoy topografii Peterburga pervoy chetverti dvadzatogo veka [Notes on the intellectual topography of St. Petersburg in the first quarter of the twentieth century]. *Scientific notes of Tartu University*, 664, 72–77 (in Russ.)
3. Reitlat, A. (2009). *Ot Bovy k Balmontu* [From Bova to Balmont]. Moscow: New literary review. (in Russ.)
4. Romanov, P., Yarskaya-Smirnova, E. (Ed.). (2009). *Visualnaya antropologia: gorodskie karty pamyati* [Visual anthropology: urban memory maps]. Moscow: Center for Social Policy and Gender Studies. (in Russ.)
5. Stepanov, A. (2016). *Fenomenologia arhitektury Peterburga* [Phenomenology of the architecture of St. Petersburg]. Saint Petersburg: Arca. (in Russ.)
6. Shruba, M. (2004). *Literaturnie ob'edinenie Moskvi i Peterburga v 1890-1917: slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg in 1890-1917: Dictionary]. Moscow: New literary review. (in Russ.)

Соседские онлайн-сообщества и восприятие жителями Санкт-Петербурга городского пространства: перспективы исследования

Босенко М.Э., Гулина В.Д., Бардукова Д.Д.

В данной работе представлено теоретико-методологическое, социально-теоретическое определение перспектив исследования соседских онлайн-сообществ, проводившегося авторами ранее, в связи с необходимостью проработки темы восприятия жителями Санкт-Петербурга городского пространства. Необходимость исследования обосновывается представленным в работе концептуальным анализом связанных теоретических подходов и исследований. Формулируются конкретные векторы расширения предметного поля планируемого исследования.

Ключевые слова: городское пространство, Санкт-Петербург, онлайн-сообщества, соседство.

Босенко Михаил Эдуардович, Гулина Вероника Денисовна, Бардукова Дарья Дмитриевна, студенты бакалавриата, Факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
адреса для корреспонденции: mbosversatile@gmail.com, veronick2018.gul@gmail.com, st119644@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© М.Э.Босенко, В.Д.Гулина, Д.Д.Бардукова

Пространство Санкт-Петербурга созерцается и осмысливается различными акторами и во многих разных аспектах. При исследовании города учёные тех или иных областей знания, и обыватели, не использующие специфическую научную оптику, зачастую обращаются к комплексу ансамблей его исторического центра (в широкой трактовке), отличающегося композиционной целостностью [1, с. 79]; при этом очевидно, что городская среда не исчерпывается ими, а в наиболее полное рассмотрение следует включать и другие естественные зоны города, которые могут быть периферийными относительно ядра, однако являются действительными пространствами жизнедеятельности горожан. В данном контексте следует также отметить важность роли актора – того, кто созерцает и осмысляет: «включённость» наблюдателя – жителя Санкт-Петербурга в регулярное взаимодействие с городской средой и придаёт его перспективе безусловную значимость для полноценного исследования пространства города [2, с. 221].

Социальные факторы – или, скорее, факторы социальности – способны влиять на восприятие петербуржцами городского пространства. Одним из таких факторов является включённость горожанина в различные ассоциации и объединения жителей города. Речь здесь в большей степени не о городских объединениях как формах гражданского (со)участия – подобное рассмотрение скорее отсылает нас к политическим исследованиям. Ещё классик социологии и социального знания Макс Вебер выделял черты особой формы городских сообществ – соседского сообщества, к которому в большинстве случаев принадлежит житель города. По Т. Саттлсу, важную роль в солидаризации соседских сообществ играют именно элементы городской среды [3]; последние исследования дают нам возможность говорить и об обратном влиянии – сообществ соседей на пространство города.

В эпоху перехода коммуникации в онлайн-формат соседские сообщества не исчезли – хотя голоса исследователей, заявляющих об обратном, а именно о вырождении соседских практик и взаимодействий или даже «смерти» сообщества до сих пор слышны в социальном знании [4, с. 41]. Соседство и соседствование видоизменились [2, с. 221], и влияние таких сообществ на городское пространство и его восприятие приобрело качественно новые измерения. Между тем грани этих измерений ещё предстоит широко и обстоятельно исследовать социальным учёным и урбанистам – и данная работа направлена на социально-теоретическое, теоретико-методологическое, философское определение перспектив подобных исследований.

Основой для рассуждений на эту тему служит пилотажное исследование, которое проводилось авторами в июне-августе 2024 года и было направлено на изучение содержания и динамики коммуникации в соседских чатах – одном из типов соседских онлайн-сообществ. В качестве эмпирической базы исследования выступили чаты, созданные инициативными группами жильцов многоквартирных домов Приморского района Санкт-Петербурга. Основным

методом исследования выступил контент-анализ сообщений в соседских чатах; дополнительные эмпирические данные получены методом опроса в форме очного интервьюирования участников чатов (см.: [5], [6]). По результатам исследования были получены данные, обеспечивающие возможность широкого осмысления структуры и функций соседских чатов, их влияния на членов соседского онлайн-сообщества; однако темы городского пространства и среды были затронуты лишь в косвенной мере, что обусловлено вспомогательной функцией метода интервью, с помощью которого были собраны менее формализованные данные. В ходе дальнейшей разработки исследования планируется расширение и доработка инструментария для обеспечения охвата тематики восприятия городского пространства – как при контент-анализе сообщений, так и при интервью с участниками чатов.

Однако в рамках исследования всё же были получены значимые для данного рассуждения результаты: так, коммуникация в соседских чатах характеризовалась как свободная, а инициативы в публичном поле, которые предпринимались жильцами домов, были часто направлены на преобразование пространства, которое непосредственно относится к прилегающим к жилым домам территориям – благоустройство двора как в форме его уборки, так и в виде создания новых элементов ландшафта (зелёных насаждений) [1, с. 19]. Данные выводы коррелируют с результатами исследований на смежные темы и подсвечивают необходимость дальнейшего выявления механизмов и паттернов восприятия членами соседского онлайн-сообщества городского пространства, а также содержания актов такого восприятия в целом. Другим значимым исследовательским вопросом, требующим постановки в рамках дальнейшей проработки исследования, является вопрос соотношения пространства жилых зон и общего пространства города – данный аспект в результатах указанного исследования представлен фрагментарно и, как кажется авторам, требует прояснения.

Список используемых источников:

1. Лавров Л. П. Реконструкция ландшафтов исторического ядра Санкт-Петербурга в 1870-1910 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение 2015. №5(3). С. 78–96.
2. Ненько А. Е., Недосека Е. В. Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, №1. С. 217-251.
3. Suttles G. The social construction of communities. Chicago: University of Chicago Press, 1972. 288 p.
4. Чернышева Л., Гизатуллина Э. «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. №13(2). С. 39–71.

5. Бардукова Д. Д., Гулина В. Д. Проявление гражданской идентичности в онлайн-пространстве: как соседские чаты формируют личность на примере Санкт-Петербурга // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде: сборник научных трудов IV Всероссийской научной конференции / отв. ред. В. В. Петров. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. С. 17–20.
6. Гулина В. Д., Бардукова Д. Д. Политическая повестка в соседских онлайн чатах // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2024 года / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2024. С. 192–194.

Online Neighboring Communities and Perception of Urban Space by St. Petersburg Residents: Research Prospects

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Bosenko Mikhail

Undergraduate student, Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: mbosversatile@gmail.com

Gulina Veronika

Undergraduate student, Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: veronick2018.gul@gmail.com

Bardukova Daria

Undergraduate student, Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st119644@student.spbu.ru

This thesis presents a theoretical and methodological definition of the prospects for the research of online neighboring communities which was conducted by the authors earlier in connection with the topic of perception of the urban space by residents of St. Petersburg. This topic is brought to consideration by the conceptual analysis of related theoretical approaches and studies. Specific vectors of expanding the subject field of the planned research are formulated.

Keywords: urban space, Saint Petersburg, online communities, neighbourhood.

References:

1. Lavrov, L. (2015). Rekonstruktsiya landshaftov istoricheskogo yadra Sankt-Peterburga v 1870-1910 gg. [Reconstruction of the historical core of St. Petersburg landscapes in 1870-1910]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, 3, 78–96. (in Russ.)
2. Nenko, A., Nedoseka, E. (2022). Tsennosti gorodskoj sredy v diskurse sosedskikh onlajn-soobshchestv [Urban environment values in discourse of online neighboring communities]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(1), 217–251. (in Russ.)
3. Suttles, G. (1972). *The social construction of communities*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Chernysheva, L. & Gizatullina, E. (2021). «VKontakte» s sosedyami: cherty i praktiki gibridnogo sosedstvovaniya v bol'shom zhilom komplekse Sankt-Peterburga [VKontakte and the neighbors: features and practices of hybrid neighboring in a large housing estate in Saint Petersburg, Russia]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 13(2), 39–71. (in Russ.)
5. Bardukova, D. & Gulina, V. (2024). Proyavlenie grazhdanskoj identichnosti v onlajn-prostranstve: kak sosedskie chaty formiruyut lichnost' na primere Sankt-Peterburga [Expression of civic identity in online spaces: how neighborhood chats shape personality based on the example of Saint Petersburg]. in Petrov, V. (Ed.). *From idea to practice: socio-humanitarian knowledge in the digital environment: IV All-Russian scientific conference papers collection*. Novosibirsk: IPTs NGU. (in Russ.)
6. Gulina, V., Bardukova, D. (2024). Politicheskaya povestka v sosedskikh onlajn-chatakh [Political agenda in neighborhood online chats]. in Skvortsov, N., Asochakov, Y. (Ed.). *Sociology in a changing world: theory, practice, education. All-Russian scientific conference XVIII Kovalevskie chteniya proceedings, November 14–16 2024*. Saint Petersburg: Skifiya-print. (in Russ.)

От «не-места» к «месту»: фланирование как практика присвоения городского пространства

Гаврилин Е.М.

В докладе анализируются практика фланирования и возможность её аппликации на современные условия в концептуальной рамке «гипермодерна» Марка Оже. В условиях растущей атомизации и отсутствия общения между индивидами в городе, которые диагностируют Софья Лопатина и Григорий Тульчинский относительно Санкт-Петербурга, появляется необходимость в создании новых публичных пространств, «пространств мест». Однако, публичные пространства часто оказываются удалёнными от транспортных маршрутов, их не хватает, они являются недостаточно инклюзивными и т.д. В связи с этим доклад призван обратить внимание на пространства передвижения – то, что Оже называет «не-местами», а Тульчинский и Лопатина – «пространствами потоков», – и попытаться очертить практики, направленные на их присвоение.

Ключевые слова: Марк Оже, фланирование, не-места, гипермодерн, городские пространства.

Гаврилин Евгений Михайлович, студент бакалавриата, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

адрес для корреспонденции: emgavrilin@edu.hse.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Е.М.Гаврилин

В условиях растущей атомизации и отсутствия общения между индивидами в городе, которые диагностируют Лопатина и Тульчинский относительно Санкт-Петербурга [1], появляется необходимость в создании новых публичных пространств, «пространств мест». Однако, публичные пространства часто оказываются удалёнными от транспортных маршрутов, их не хватает, они являются недостаточно инклюзивными и т.д. В связи с этим доклад призван обратить внимание на пространства передвижения – то, что Оже называет «не-местами», а Тульчинский и Лопатина – «пространствами потоков». Одной из таких практик является фланирование: сформировавшись в 1830-х, фланирование стало отличительной чертой общества модерна в «бодлеровской современности». Совпадая с дендистским типом или, вернее, включая его в себя, фланирование как практика распадается на две составляющие: представление себя в качестве картины и в качестве художника или, в характеристиках Беньямина, в качестве товара и в качестве потребителя; как денди и как «l'homme des foules» – «человека толпы» [2, с. 52]. Так положение фланера в толпе можно описать в характерной уже для метамодерна структуре «в-между»: в «колебаниях между двумя крайностями или скорее диалектическом движении» [3, с. 47], которое связывает его в качестве объекта и субъекта взгляда.

Ключевым оказывается эмансипаторный потенциал фланирования: в модерне оно оказывается протестом против «разделения труда, обращающего людей в специалистов» [2, с. 58], возникающего нормирования жизни трудовыми условиями и ускорения жизни в больших городах. Таким образом, фланирование оказывается не только эстетической, но и политической практикой, способной о(т)странить толпу от самой себя за счет замедления движений фланера и переосмысления телесных практик в городском публичном пространстве. Апплицируя практику фланирования на современность, я обращаюсь к Марку Оже и его понятию гипермодерна, в котором, в отличие от «бодлеровской современности», не формируются исторические, антропологические места через непосредственное взаимодействие и полагание себя в пространстве, а производятся не-места: то есть «пространства, не определяемые ни через идентичность, ни через связи, ни через историю» [4, с. 36]. Основным примером не-мест в гипермодерне являются пространства движения, которые не фиксируются в качестве дискурсивного места и оказываются полностью замещены инструкциями по использованию. В таких не-местах не образуются связи ни между местом, ни между индивидами: единственным возможным взаимодействием оказывается взаимодействие с регулируемыми инстанциями.

Фланирование применительно к не-местам способно к обнаружению их дискурсивных зазоров за счет замедления наблюдателя и переосмысления им пространства: инструкция замещает место не полностью, а ориентируясь на ритм в пространствах движения. Как для фланера девятнадцатого века город в

истинном свете оказывается виден только при некотором прорыве пелены в виде толпы, для фланера двадцать первого века место и город, в частности, оказывается виден только при прорыве пелены дискурсивной. Проявляясь как субъект взгляда в не-месте, фланер одновременно оказывается объектом взгляда, как новый знак в этой инструкции, обозначающий выход из неё: он разрывает анонимность не-места, формируя связи с другими в качестве знака, установленного не безликими регулируемыми инстанциями, а индивидом.

Список используемых источников:

1. Лопатина С. Л., Тульчинский Г. Л. Публичные пространства в обществе массового потребления: гражданский и политический потенциал. // Топография популярной культуры: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 285–302.
2. Беньямин В. Бодлер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 224 с.
3. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Под. ред. Аккер Р. ван ден, Вермюлен Т. М.: РИПОЛ классик, 2020. 494 с.
4. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

From “Non-Place” to “Place”: Flânerie as a Practice of Appropriating Urban Space

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Gavrilin Evgeny

Undergraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics

Correspondence to: emgavrilin@edu.hse.ru

The paper analyzes the practice of flânerie and the possibility of its application to contemporary conditions in the conceptual framework of “hypermodernity” by Marc Auger. Under conditions of growing atomization and lack of communication between individuals in the city, as diagnosed by Sofia Lopatina and Grigory Tulchinsky in relation to St. Petersburg, there is a need to create new public spaces, “spaces of places”. However, public spaces are often remote from transportation routes, they are not enough, they are not inclusive enough, etc. In this context, the paper aims to draw attention to spaces of movement – what Auger calls “non-places” and Tulchinsky and Lopatina call “spaces of flows” – and to try to outline practices aimed at appropriating them.

Keywords: Marc Auger, flanking, non-places, hypermodern, urban spaces.

References:

1. Lopatina, S.L., Tulchinsky, G.L. (2015). Publichnye prostranstva v obshchestve massovogo potrebleniya: grazhdanskij i politicheskij potencial [Public spaces in the society of mass consumption: civic and political potential]. In *Topography of popular culture: A collection of articles*. Moscow: New literary review. (in Russ.)
2. Benjamin, W. (2015). *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russ.)
3. Akker, R. van den, Vermeulen, T. (2020). *Metamodernizm: Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism: Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow: Ripol klassik. (in Russ.)
4. Auger, M. (2017). *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-Places. An introduction to the anthropology of hypermodernity]. Moscow: New literary review. (in Russ.)

«Remote Петербург»: атмосферы архитектурно-городского пространства в эстетико-философской трактовке Т. Грифферо и Э. Де Стефано

Глушкова А.И.

Осуществив краткий экскурс в историю прогулки как новой формы искусства, в настоящем исследовании мы намерены изучить ее эстетическую ценность как инструмента, позволяющего познакомиться с различными архитектурно-городскими атмосферами. В связи с этим мы обратимся к эстетике атмосфер, основоположником которой является немецкий философ Г. Бёме, и новым трактовкам его воззрений, предложенным современными итальянскими философами Т. Грифферо и Э. Де Стефано. Мы попытаемся понять, как эстетический опыт ходьбы может обогатить наши отношения с городом, обратившись к творческому проекту «Remote Петербург» театральной компании немецких новаторов «Rimini Protokoll», для которых центральное место на «сцене-улице» отводится простому человеку – непрофессиональному актеру.

Ключевые слова: атмосфера, философия архитектуры, Т. Грифферо, Г. Бёме, Э. Де Стефано.

Глушкова Анастасия Игоревна, студент магистратуры, Институт философии, Санкт-Петербургский Государственный университет
адрес для корреспонденции: anastasiia.glushkova01@universitadipavia.it
Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.И.Глушкова

Город часто рассматривается в качестве геометрического *spatium*, в котором его функциональность определяется потребностями современной жизни, а красота – архитектурными формами. Однако нередко мы забываем о том, что качество жизни зависит от ощущения окружающего нас пространства.

XX век побудил художников покинуть пределы традиционных институций (храмов искусства) ради создания новых экспрессивных форм и способов взаимодействия с публикой в городском пространстве. Город трансформировался в уникальную площадку для художественных экспериментов. Среди них особое значение начинает приобретать практика прогулок. Именно дадаисты впервые устремились на улицы Парижа, бросая вызов традиционным способам исследования урбанистического пространства, эстетизируя банальное повседневное действие [1, с. 38]. Данный революционный жест побудил к размышлениям, прежде доступным исключительно архитекторам и градостроителям. Эстетическое восприятие улицы отныне может осуществляться не только за счет сближения человека с ней посредством живописи или фотографии, фиксирующими городской пейзаж, но и благодаря самому телу, действующем в городе и чувствующему его. Практика «хождения» позволяет открыть неожиданные для нас стороны города, актуализируя нетрадиционный эстетический опыт. В отличие от повседневной ходьбы, художественная прогулка способна преобразить обыденность, вызвать эмоции и заставить человека более глубоко воспринимать атмосферу, производя то чувственное знание, которое, по мнению А. Баумгартена является основой эстетики как философской науки. «Ощущать» места, в которых мы живем, означает устанавливать связь между архитектурой и чувствующим телом, приобретать знание, основанное на телесном присутствии.

Осуществив краткий экскурс в историю прогулки как новой формы искусства, в настоящем исследовании мы намерены изучить ее эстетическую ценность как инструмента, позволяющего познакомиться с различными архитектурно-городскими атмосферами. В связи с этим мы обратимся к эстетике атмосфер, основоположником которой является немецкий философ Г. Бёме, и новым трактовкам его воззрений, предложенным современными итальянскими философами Т. Грифферо [2] и Э. Де Стефано [3]. С одной стороны, городское пространство рассматривается авторами с позиций артификации. С другой стороны, оно есть ничто иное как своего рода «между», возможное благодаря сопresутствию объекта и субъекта. Следует отметить, что понятие атмосферы и расположения нераздельно связаны с вопросами телесности. Неслучайно в эстетике Бёме на первый план выступают свет, цвет, запах и звук, которые и создают атмосферу [4, с. 44]. Эстетика восприятия коррелирует с искусством строить, организующим урбанистическое пространство, которое позволяет привести к гармонии свойства вещей и окружения для создания своеобразной атмосферы. «Архитектура есть

не сумма широт, длин и высот элементов конструкции, заключающих в себе пространство, она происходит именно из пустоты, из заключенного пространства, из внутреннего пространства», где связь телесности и видимого сплетаются [5]. Атмосферы становятся точкой встречи – местом со-бытия человека и его окружения.

Мы попытаемся понять, как эстетический опыт ходьбы может обогатить наши отношения с городом, обратившись к творческому проекту «Remote Петербург» театральной компании немецких новаторов «Rimini Protokoll», для которых центральное место на «сцене-улице» отводится простому человеку – непрофессиональному актеру [6].

Список используемых источников:

1. Di Stefano E. «Sposare la notte». Esperienze estetiche e atmosfere urbane camminando nella periferia di Palermo // *Estetica della strada*. 2024. №2. P. 37–49.
2. Griffero T. Quasi-cose che spariscono e ritornano, senza che però si possa domandare dove siano state nel frattempo. Appunti per un'estetica-ontologia delle atmosfere // *Rivista di estetica*. 2006. №33. P. 45–68.
3. Di Stefano E. *Estetica urbana: atmosfere e artificiazione negli spazi della città*. Milan: Mimesis, 2023. 132 p.
4. Яковлева Л. Ю. Атмосфера архитектурно-городских пространств в эстетике Гернота Бёме // *Terra Aestheticae*. 2019. №1(3). С. 43–66.
5. ARRM1722 – Saper vedere l'architettura. Eredità culturale, attualità critica di Bruno Zevi [Электронный ресурс]. URL: <https://vimeo.com/381641305> (Дата обращения: 16.04.2024).
6. Remote Петербург. Спектакль-путешествие [Электронный ресурс]. URL: <https://bdt.spb.ru/proekty/remote-peterburg/> (Дата обращения: 01.02.2025).

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01707, <https://rscf.ru/project/24-28-01707/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

“Remote Petersburg”: The Atmospheres of Architectural and Urban Space in the Aesthetic and Philosophical Interpretation of T. Griffero and E. De Stefano

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Glushkova Anastasia

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: anastasiia.glushkova01@universitadipavia.it

Having briefly reviewed the history of walking as a new art form, in this study we intend to explore its aesthetic value as a tool for exploring various architectural and urban atmospheres. In this regard, we will turn to the aesthetics of atmospheres, the founder of which is the German philosopher G. Boehme, and new interpretations of his views proposed by modern Italian philosophers T. Griffero and E. De Stefano. We will try to understand how the aesthetic experience of walking can enrich our relationship with the city by referring to the creative project “Remote Petersburg” by the theater company of the German innovators “Rimini Protokoll”, for which the central place on the “street stage” is given to an ordinary person that is an unprofessional actor.

Keywords: atmosphere, philosophy of architecture, T. Griffero, G. Boehme, E. Di Stefano.

References:

1. Di Stefano, E. (2024). “Sposare la notte”. Esperienze estetiche e atmosfere urbane camminando nella periferia di Palermo [“Marry the night”. Aesthetic experiences and urban atmospheres walking in the outskirts of Palermo]. *Estetica della strada*, 2, 37–49. (in Italian)
2. Griffero, T. (2006). Quasi-cose che spariscono e ritornano, senza che però si possa domandare dove siano state nel frattempo. Appunti per un'estetica-ontologia delle atmosphere [Quasi-things that disappear and return, but without being able to wonder where they have been in the meantime. Notes for an aesthetic-ontology of atmospheres]. *Rivista di estetica*, 33, 45–68. (in Italian)
3. Di Stefano, E. (2023). *Estetica urbana: atmosfere e artificazione negli spazi della città* [Urban aesthetics: atmospheres and art in the spaces of the city]. Milan: Mimesis. (in Italian)

4. Yakovleva, L. (2019). Atmosfera arkhitekturno-gorodskikh prostranstv v ehstetike Gernota Byome [Atmosphere of architectural and urban spaces in Aesthetics of G. Böhme]. *Terra Aestheticae*, 1(3), 43–66. (in Russ.)
5. ARRM1722 – Saper vedere l'architettura. Eredità culturale, attualità critica di Bruno Zevi. URL: <https://vimeo.com/381641305> (Accessed on 16.04.2024).
6. Remote Petersburg. Spektakl'-puteshestvie. URL: <https://bdt.spb.ru/proekty/remote-peterburg/> (Accessed on 01.02.2025).

Концептуальность пространства Лахта Центра

Дмитриенко И.Е.

Исследование посвящено анализу концептуальности пространства на примере сооружений Лахта Центра (Архитектурная концепция RMJM (Лондон) и ГОРПРОЕКТ (Санкт-Петербург), 2018 г. Рассматриваются концепты полицентричности, жительства, поэтики пространства. Обсуждается современный взгляд на доминантную концепцию и актуальные направления в теории чувственного восприятия архитектурной среды.

Ключевые слова: Лахта Центр, Санкт-Петербург, архитектура, концептуальные пространства, городские исследования.

Концептуальные пространства исследуются в философии и культурологии под влиянием идей А. Лефевра [1] и П. Бурдьё [2]. Санкт-Петербург как город задумывался уже как концептуальное пространство, в основе его создания – идея или даже идеология с четко сформулированными социальными задачами. Согласно М. Хайдеггеру концепт места (локуса) определяется наложением идентичности на пространство, а «пространства открываются тогда, когда их впускают в человеческое жительство» [3, с. 61].

Дмитриенко Ирина Евгеньевна, студент магистратуры, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: dmitrienko.irisha@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© И.Е.Дмитриенко

Одной из концептуальных идей, с которой задумывался и проектировался Лахта Центр (Архитектурная концепция совместно с RMJM (Лондон) и ГОРПРОЕКТ (Санкт-Петербург), 2018 г., согласно сопроводительной записке на сайте самого Центра [4], является «вектор на полицентричность». Действительно, децентрализация современных мегаполисов, одна из самых насущных проблем современной архитектурной политики. Кроме этого, рассматриваются такие задачи как «туристическая привлекательность», «улучшение качества жизни и среды сложившегося периферийного района», «новая визуальная доминанта». Доминантная концепция развития города [5], восходит к самым первым проектам (начиная от Петропавловского Собора). Согласно градостроительному плану в будущем Санкт-Петербург обретет и другие территории, на которых будут располагать подобные символы. Исходя из концепции системы доминант Санкт-Петербурга, как основы современной структуры пространственного развития города и метода гармонизации архитектурно-градостроительной среды периферийных районов здание Лахта центра детерминирует определённое место, выделяя его из всех других мест. Процесс выбора месторасположения мы оставим за рамками этой работы.

Еще одним важным концептом, который составляет предмет интереса исследователей, является методология работы с задачами гиперсложного уровня и инновационными возможностями в достаточно медленной и неповоротливой среде, которой является строительство, а именно считать ли здание произведением архитектурной или инженерной мысли. С этим связана проблема авторства подобных сооружений. На последнем мы планируем остановиться поподробнее.

Концептуальное пространство сложного здания, такого как Лахта Центр, не может быть точно воспринято. Мы должны пройти вокруг него, войти внутрь и посетить главные помещения – одним словом, постичь архитектуру на опыте. Исходя из множества впечатлений мы по частям сооружаем концепт тотальной пространственной структуры. Еще один концепт пространства – поэтическая выразительность. «Поэтика пространства» [6] вокруг территории прибрежной зоны финского залива, «финских болот», с одной стороны напоминает об идентичности места расположения всего города и его первых постройках «возникших из ниоткуда», а, с другой переносит сразу на триста лет вперед, в хай-тек, техноурбанизм, вызывая ассоциации с новой чувственностью – чувственностью города, состоящего из инженерных и виртуальных сетей, мультисенсорного оформления и растворенных в нем образах и отсылках к первообразам.

Связь между физическим и концептуальным пространством можно объяснить. Пространственные концепты создаются на стадии проектирования, черчения, создания рендеров и моделей; но, чтобы в полной мере насладиться произведением архитектуры, нам необходимо само здание. Только находясь

рядом с ним, мы получаем правильное не только визуально-динамическое, но и пространственно-телесное представление, данное нам в ощущениях. Архитектура здания может быть скучной или волнующей; может быть красивой в проекте и уродливой на практике. Но физическое здание, как полагает современное направление в эстетике, должно обладать «резильентностью» – способностью нести через века напоминание о первоначальной концептуальной идее, несмотря на изменения, его облика и окружающего ландшафта. Будущее Лахта Центра в этом, почти метафизическом понимании пока не известно, но его «строгие» линии, загадочно закрученные едва заметную в спираль на протяжении четырех сотен метров, логично связывают концепт города-призрака (Санкт-Петербурга) с концептом города будущего, прочно вставшего на нетвердой почве.

Список используемых источников:

1. Лефевр А. Производство пространства. М: Strelka Press, 2015. 432 с.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб: Алетейя, 2007. 576 с.
3. Хайдеггер М. Строительство жительство мышление // Журнал фронтирных исследований. 2020. Т.5, №1(17). С. 157–173.
4. Лахта Центр – горизонты новых форм [Электронный ресурс]. URL: <https://lakhtacenter.tass.ru/content> (Дата обращения 27.01.2025).
5. Лисовский В. Г. Три века архитектуры Санкт-Петербурга. Кн. 1. Классический город. СПб: Коло, 2021. 529 с.
6. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М: Российская политическая энциклопедия, 2004. 376 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Николаева Жанна Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики института философии СПбГУ.

Conceptuality of the Lakhta Center's Space

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Dmitrienko Irina

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: dmitrienko.irisha@gmail.com

The study is devoted to the analysis of the space's conceptuality using the example of the Lakhta Center's structures (Architectural concept RMJM (London) and GORPROEKT (St. Petersburg), 2018. The concepts of polycentricity, inhabitancy, and the poetics of space are considered. The modern view of the dominant concept and current trends in the theory of sensitive perception of the architectural environment are discussed.

Keywords: Lakhta Center, Saint Petersburg, architecture, conceptual spaces, urban studies.

References:

1. Lefebvre, A. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press. (in Russ.)
2. Bourdieu, P. (2007). *Sozialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Saint Petersburg: Aletya Publ. (in Russ.)
3. Heidegger, M. (2020). *Bilding, dwelling, thinking. Journal of Frontier Studies*, 1(17), 157–173. (in Russ.)
4. Lakhta Tsentr – gorizonty novykh form. URL: <https://lakhtacenter.tass.ru/content> (Accessed on 01.27.2025). (in Russ.)
5. Lisovsky, V. (2021). *Tri veka arkhitektury Sankt-Peterburga. Kn. 1. Klassicheskij gorod* [Three centuries of architecture of St. Petersburg. Book 1. Classical city]. Saint Petersburg: Kolo. (in Russ.)
6. Bachelard, G. (2004). *Poetika prostranstva* [The Poetics of Space]. Moscow: Rossijskaja Politicheskaja Enziklopedija. (in Russ.)

Санкт-Петербург как форма многообразия городского пространства и архитектуры: синтез эстетической атмосферы через призму урбанистики, сенсорики и климатологии

Маматов Л.Ш.

Санкт-Петербург, основанный как «окно в Европу», представляет собой уникальный пример синтеза строгой градостроительной логики, архитектурного многообразия и природно-климатических условий, формирующих сложную эстетическую атмосферу. В статье исследуется, как взаимодействие городского планирования, динамики уличного движения, геометрии общественных пространств, архитектурных ритмов, климатических особенностей и сенсорных элементов (запахи, вкусы, звуки) создаёт уникальную идентичность города. Эстетика Санкт-Петербурга является результатом многовекового диалога между человеческим замыслом и природной средой.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, архитектура, эстетическая атмосфера, сенсорные впечатления.

Маматов Ленмар Шамилевич, студент бакалавриата, Учебно-научный институт экономики и менеджмента, Приазовский государственный технический университет
адрес для корреспонденции: lenmarmamatov@yandex.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Л.Ш.Маматов

Санкт-Петербург, основанный в 1703 году, изначально проектировался как воплощение европейских идеалов Просвещения. Его планировка, архитектура и интеграция с ландшафтом стали объектом изучения для урбанистов, архитекторов и культурологов [1]. Исследование города важно для анализа современных мегаполисов через призму исторического наследия и сенсорного опыта. Цель статьи – выявить механизмы формирования эстетической атмосферы Санкт-Петербурга через взаимодействие пространственных, архитектурных и климатических факторов.

Градостроительная модель Петербурга – результат синтеза регулярности и адаптации к ландшафту. Прямые линии Невского проспекта и улиц Васильевского острова контрастируют с радиально-кольцевой структурой Москвы, создавая строгую сетку города. Дворцовая площадь демонстрирует ансамблевость: Зимний дворец (барокко) и здание Главного штаба (классицизм) формируют визуальный баланс. Водная система города, состоящая из 48 рек и каналов, образует «архипелаг» из 42 островов, что определяет транспортную логику и визуальную фрагментацию, делая город живописным и запоминающимся [2].

Архитектура Петербурга отражает эволюцию европейских стилей. Петровское барокко, представленное Петропавловским собором, символизирует прорыв к морю. Екатерининский классицизм, воплощенный в Александринском театре, олицетворяет имперское величие. Северный модерн, представленный Домом Бажанова, сочетает местные материалы, такие как гранит, с европейским декором. Советский авангард, воплощенный в здании ДК имени Горького, стремится переосмыслить городскую эстетику через идеал функционализма. Ритмика фасадов также важна для архитектурной композиции Петербурга. Чередование высотных доминант, таких как шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости, с низкой застройкой создает «пульсацию» городского пейзажа, придавая ему динамизм. Исторические маршруты Петербурга, такие как Невский проспект, сохраняют роль главной артерии города. Мосты играют особую роль: разводка мостов ночью подчеркивает связь города с водой. Петербургский метрополитен, с его глубокими станциями, такими как «Автово» и «Адмиралтейская», демонстрирует синтез функциональности и монументальности [3].

Климат и ландшафт Петербурга также влияют на его облик. Белые ночи, длящиеся с мая по июль, создают романтическую атмосферу. Высокая влажность воздуха приглушает яркость фасадов, добавляя мягкости и глубины. Река Нева, как доминанта, диктует масштаб застройки, сохраняя панорамность. Сенсорная палитра Петербурга включает запах свежей выпечки, солёный бриз с Финского залива и аромат цветущих лип. Акустическая среда представлена звоном колоколов Спас-на-Крови, шумом трамваев и тишиной дворов-колодцев. Гастрономический код отражает историю города: блины с икрой, финские крендели и советские котлеты

передают дух контрастных эпох. Эстетическая атмосфера Петербурга – продукт трёх веков наложения культурных слоёв. Визуальный контраст золотых шпиль на фоне серого неба подчеркивает величие архитектуры. Тактильность города раскрывается через гладкость гранита набережных и шероховатость брусчатки. Темпоральность выражается в сосуществовании медленного ритма каналов и хаоса Невского проспекта [4].

Таким образом, климат, ландшафт и сенсорные впечатления формируют комплексный образ Петербурга, где каждый элемент гармонично дополняет друг друга, создавая неповторимую атмосферу. Санкт-Петербург – это не просто город, а сложная система, где эстетика рождается из взаимодействия различных элементов. Планировочная дисциплина, архитектурный диалог стилей и эпох, климатическая драматургия и сенсорное многообразие делают его одним из самых ярких и запоминающихся городов.

Список используемых источников:

1. История основания Санкт-Петербурга Петром I [Электронный ресурс]. URL: <https://biographie.ru/history/osnovanie-sankt-peterburga/> (Дата обращения 01.12.2024).
2. К пространственной эстетике Санкт-Петербурга (метафизика простора и порядка) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-prostranstvennoy-estetike-sankt-peterburga-metafizika-prostora-i-poryadka/viewer> (Дата обращения 05.01.2025).
3. Архитектурные объекты Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/architecture/institutes/location-sankt-peterburg> (Дата обращения 27.12.2024).
4. Влияние городской колористики на психоэмоциональное состояние жителей: на примере новых районов Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gorodskoy-koloristiki-na-psihoemotsionalnoe-sostoyanie-zhiteley-na-primere-novyh-rayonov-sankt-peterburga/viewer> (Дата обращения 11.01.2025).

Saint Petersburg as a Form of Diversity of Urban Space and Architecture: Synthesis of Aesthetic Atmosphere Through the Prism of Urbanism, Sensorics and Climatology

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Mamatov Lenmar

Undergraduate student, Educational and Scientific Institute of Economics and Management, Priazovsky State Technical University
Correspondence to: lenmarmamatov@yandex.com

Founded as a “window to Europe”, Saint Petersburg is a unique example of the synthesis of strict urban planning logic, architectural diversity, and natural and climatic conditions that create a complex aesthetic atmosphere. The article explores how the interaction of urban planning, traffic dynamics, geometry of public spaces, architectural rhythms, climatic features and sensory elements (smells, tastes, sounds) creates a unique identity of the city. The aesthetics of Saint Petersburg is the result of a centuries-old dialogue between human design and the natural environment.

Keywords: Saint Petersburg, architecture, aesthetic atmosphere, sensory impressions.

References:

1. Istoriya osnovaniya Sankt-Peterburga Petrom I. URL: <https://biographe.ru/history/osnovanie-sankt-peterburga/> (Accessed on 01.12.2024).
2. K prostranstvennoj ehstetike Sankt-Peterburga (metafizika prostora i poryadka). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-prostranstvennoy-estetike-sankt-peterburga-metafizika-prostora-i-poryadka/viewer> (Accessed on 05.01.2025).
3. Arkhitekturnye ob"ekty Sankt-Peterburga. URL: <https://www.culture.ru/architecture/institutes/location-sankt-peterburg> (Accessed on 27.12.2024).
4. Vliyanie gorodskoj koloristiki na psikhoehmotsional'noe sostoyanie zhitelej: na primere novykh rajonov Sankt-Peterburga. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gorodskoy-koloristiki-na-psihoemotsionalnoe-sostoyanie-zhiteley-na-primere-novyh-rayonov-sankt-peterburga/viewer> (Accessed on 11.01.2025).

Пространства кладбищ Санкт-Петербурга как «места встречи» и «места уединения»

Мусс Д.А.

В данном тексте рассматривается многозначность бытования кладбищ в пространстве Санкт-Петербурга. Показано, что кладбища Петербурга могут быть не только «местом встреч» с конкретным усопшим, но местом паломничества, публичным пространством, а также «местом уединения», побуждающим к бытовому или профессиональному философствованию.

Ключевые слова: философия городского пространства, кладбища, Санкт-Петербург, эстетика кладбищ.

История Санкт-Петербурга, как и любого другого города, не может мыслиться без мест упокоения его жителей, ставших одновременно «местами встреч» в широком смысле этого слова и «местами уединения». Информацию о городских кладбищах можно найти уже в первом описании города, составленном А.И. Богдановым [1, с. 4] к 50-летию Санкт-Петербурга; однако важным городским пространством, обладающим своей философией, городские некрополи стали значительно позже. Вслед за этим изменением положения кладбищ в городской среде возник неугасающий интерес к таким

Мусс Дарья Александровна, студент магистратуры, Факультет психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: dolly.an1999@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.А.Мусс

«городам мёртвых» – фактически, местам, имеющим особое социально-нравственное значение и являющихся по своей сути одним из важных связующих звеньев в связи поколений, семейной и исторической преемственности живших когда-то и ныне живущих [2].

Петербург сам по себе является «музеем под открытым небом», и в то же время вмещает в себя по меньшей мере несколько кладбищ, которые также являются своего рода музеями. И дело даже не в формальном признании статуса территории или предметом, находящихся на ней, объектами культурного наследия, а в том, что надгробия, стелы и склепы сами по себе становятся местами паломничества, как в случае захоронений общественных деятелей, деятелей науки и искусства, так и «растиражированных» образов, использующихся в кинематографе – например, беседка на месте захоронения семьи генерала Александра фон Бекмана на Смоленском лютеранском (евангелическом) кладбище, ставшая культовой благодаря немцу Гофману и Даниле Багрову – героям фильма А. Балабанова «Брат» (1997 г.).

Также кладбище может становиться пространством для встреч живых, объединенных единой целью – посещением определенного захоронения, например, в форме паломничества, экскурсии в рамках проекта «Ночь музеев» в Некрополь мастеров искусств Никольского кладбища Александро-Невской лавры. Оба случая хорошо иллюстрируют пример семиотического мифа Р. Барта [3], когда, оторванные от своей непосредственной истории, захоронения конкретных людей становятся частью дискурса о популярном фильме (а не могилами людей, проживших свои жизни), а кладбище в целом – частью самостоятельного и частично обезличенного музейного пространства, «открывающего» свои двери в «неурочное» время и на котором можно прогуляться ночью под светом ярких фонарей, опять же, не ради конкретных людей, их историй и истории места, а ради самой возможности посетить в непривычное время (за небольшие деньги) разные (не важно, какие) музеи. Безусловно, можно поспорить с тезисом о недостаточности конкретики и объективизации кладбища, так как, вероятно, на подобных мероприятиях есть и те люди, для которых важно как время посещения, так и само место – земля, в которой нашли свое последнее пристанище конкретные люди. Контрпримером здесь может служить ситуация, когда люди приходят на кладбище как на «место встречи» с усопшим – для поминовения умершего близкого.

Кладбища в пространстве шумного и многолюдного мегаполиса также часто воспринимаются его жителями и гостями города как «тихое» место уединения, где можно сосредоточиться на собственных мыслях и чувствах, проанализировать собственный жизненный путь. Пространства кладбищ с их планировкой, частичной обветшалостью и заброшенностью отдельных участков и конкретных захоронений, из песчаника, известняка, гранита и мрамора, зачастую с более пышной зеленью и пением птиц одновременно

создают контраст «бетонным джунглям» и сами по себе заставляют задуматься о жизни и смерти, осознать собственную смертность и смысле (или бессмысленности) своей жизни, становясь таким образом пространством для философии как в бытовом, так и в профессиональном смысле. Кладбища как будто прочерчивают в городском ландшафте границу между миром живых и миром мертвых. И действительно, на городских кладбищах можно увидеть не только современную ипостась Харона – работников кладбища, но и беспечных путников и вдохновенных искателей, Орфея или даже Данте, спускающегося в мир мертвых, чтобы найти нечто дорогое и утраченное.

Список используемых источников:

1. Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2009. 797 с.
2. Саитов В. И. Петербургский некрополь или Справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях по надгробным надписям Александровской лавры и упраздненных петербургских кладбищ. М.: Университетская типография, 1883. 159 с.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.

Spaces of Cemeteries in Saint Petersburg as “Meeting Places” and “Retreat”

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Muss Daria

Master's student, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: dolly.an1999@gmail.com

This text examines the polysemy of existence of cemeteries in the space of Saint Petersburg. It is shown that St. Petersburg cemeteries can be a “meeting place” with a specific deceased person, a place of pilgrimage, a public space, as well as a “retreat” that encourages everyday or professional philosophizing.

Keywords: philosophy of urban space, cemeteries, Saint Petersburg, aesthetics of cemeteries.

References:

1. Kobak, A., Piryutko, Y. (2009). *Istoricheskiye kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical cemeteries of St. Petersburg]. Moscow: Tsentrpoligraf. (in Russ)

2. Saitov, V.I. (1883). *Peterburgskiy nekropol' ili Spravochnyy istoricheskiy ukazatel' lits, rodivshikhsya v XVII i XVIII stoletiyakh po nadgrobnym nadpisyam Aleksandro-Nevskoy lavry i uprazdnennykh peterburgskikh kladbishch* [St. Petersburg Necropolis, or Reference Historical Index of Persons Born in the 17th and 18th Centuries According to Gravestone Inscriptions of the Alexander Nevsky Lavra and Abolished St. Petersburg Cemeteries]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. (in Russ)
3. Barthes, R. (2008). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskij proekt. (in Russ.)

Санкт-Петербург как большой собор: возвышенный образ северной столицы посредством феноменологического свидетельства

Паршина Л.В.

Статья предполагает рассмотрение Санкт-Петербурга в феноменологической перспективе, но с разных точек зрения – классической феноменологии и феноменологии телесности, пост-феноменологии. Мы предполагаем, что из разных аспектов феноменологического учения возможно представление Санкт-Петербурга как большого Собора. Для репрезентации нашего теоретического тезиса мы представим противопоставление типичного туриста, исследующего город по популярным экскурсиям, и туриста, который отошел с намеченного пути, но вник в энергичную ткань города за счет чего понятие Санкт-Петербурга получило насыщение и изменилось.

Ключевые слова: аура, свидетель, насыщение, эстетическая идея.

Санкт-Петербург, как и, впрочем, любой город обладает аурой, которая во многом и выявляет то, чем этот город является. Аура предполагает субъекта

Паршина Лада Витальевна, студент бакалавриата, Философский факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: lada-parshina@list.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Л.В.Паршина

восприятия, поскольку раскрывается лишь в событии встречи с ней. Помимо этого, аура и множество Я конституируют друг друга в процессе со-бытия. В данном случае это познающее Я правильно соотносится с термином «свидетель». Во-первых, свидетельство невозможно без Я, то есть явление ауры или любой другой феномен, а во-вторых, свидетель меняется в связи с тем, что он освидетельствовал, то есть сам термин подчеркивает пассивность внимающего [1, с. 93]. Важно понимать, что свидетель всегда осуществляет включенное, непосредственное познание; в отношении города это выявляется не только в прогулке, которая материально включает человека в взаимодействие с бетонной улицей, но и в духовной причастности к той самой ауре. Аура же в нашем тексте будет обозначать нередуцируемый эффект города, она противопоставляется всяким редукционистским не в феноменологическом смысле определениям города, Санкт-Петербурга, пытающихся объять такими указаниями его суть. В контексте этой оппозиции можно вспомнить себя, если у вас была возможность быть туристом, которому предлагают туры в Санкт-Петербург, которые направлены на конкретную программу, например, посещения музеев, так как «Санкт-Петербург – культурная столица» или вас отговаривали поступать в этот город из-за того, что он «столица дождей». Познание же ауры города происходит при описанном выше взаимодействии – включенном наблюдении, когда происходит со-настройка среды и ее свидетеля. Например, турист, следующий по маршруту культурной программы, соотносится с «понятийным Я», тогда как включённый свидетель пребывает в настроении, в отклике на энергичную ткань города. Для описания такого рода опыта в познании города подходит феноменологический метод, который мы уже начали использовать даже в подборе терминологии, которая направляет наше внимание на верные акценты.

С другой стороны, если придерживаться феноменологии Гуссерля, то такой анализ невозможен, ведь понятия вчувствования в город, ауры, настроения плохо поддаются интуированию. Они невыразимы и требуют буквально телесного включения именно потому что не обладают значением, которое обязано сопутствовать выражению, чтобы оно состоялось. Получается, чтобы Санкт-Петербург стал образом большого Собора нужно либо включенное телесное переживание, либо не феноменологические методы исследования (например, герменевтика).

Мы попытались усмотреть, что даже в феноменологии Гуссерля есть возможности для вчувствования в ауру города, но посредством интенциональных моментов. Мы прибегли к категориальному созерцанию, которое фундируется на чувственном, фактическом пребывании [2, с. 163], что мы проиллюстрировали на примере собственного переживания Петербурга с высоты птичьего полета – на колоннаде Исакиевского собора, где произошло опытное насыщение прежнего значения о Санкт-Петербурге. И теперь

суждение о нем не может быть выражено, поскольку не влезает в рамки понятия «Санкт-Петербург», этот конструкт подобен эстетической идее Канта [3, с. 216], где реализуется такая же ситуация невозможности вмещения созерцания в понятие.

В заключение, собор и возвышенный здесь используется в двух разных значениях: с одной стороны, это некоторый образ собора, который связывается с насыщением, которое может репрезентировать в такой форме, либо от настроения с аурой города и другими свидетелями, впрочем, эти два эффекта непротиворечивы и могут быть совмещены. С другой стороны, собор и возвышенное это образы невозможного, немислимого, где обычные категории мира не работают.

Список используемых источников:

1. Шолохова С. А., Ямпольская А. В. (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. 288 с.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 2. Элементы феноменологического прояснения познания. М.: Академический проект, 2024. 335 с.
3. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 368 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Александр Викторович Фролов, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Saint Petersburg as a Grand Cathedral: The Sublime Image of the Northern Capital Through Phenomenological Witness

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Parshina Lada

Undergraduate student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Correspondence to: lada-parshina@list.ru

The article aims to examine St. Petersburg from a phenomenological perspective, but from different points of view – classical phenomenology and the phenomenology of physicality, post-phenomenology. We assume that from various aspects

of phenomenological teaching, it is possible to represent St. Petersburg as a large Cathedral. To represent our theoretical thesis, we will present a contrast between a typical tourist exploring the city on popular excursions and a tourist who has strayed from the intended path, but has penetrated into the energetic fabric of the city, due to which the concept of St. Petersburg has become saturated and changed.

Keywords: aura, witness, saturation, aesthetic idea.

References:

1. Sholokhova, S., Yampolskaya, A. (2014). *(Post)fenomenologiya: Novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)Phenomenology: New Phenomenology in France and Beyond]. Moscow: Akademicheskii proekt. (in Russ.)
2. Husserl, E. (2024). *Logicheskie issledovaniya. Tom II, chast' 2. Elementy fenomenologicheskogo proyasneniya poznaniya* [Logical Investigations. Vol. II, part 2. Elements of a phenomenological clarification of cognition]. Moscow: Akademicheskii proekt. (in Russ.)
3. Kant, I. (1994). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Moscow: Iskusstvo. (in Russ.)

Атмосферные явления Санкт-Петербурга

Радивилов Р.Б.

В докладе представлена попытка теоретического описания Санкт-Петербурга как единого эстетического события через концепцию двойной интенциональности и понятие атмосферы. Показана перспективность эстетического анализа Санкт-Петербурга как в первую очередь объекта с собственной атмосферой.

Ключевые слова: атмосфера, эстетическое пространство, город.

Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 1990 году включило культурный объект под названием «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные группы памятников» в список объектов всемирного наследия. Непосредственно исторический центр Санкт-Петербурга значится элементом под номером 540-001 и занимает почти 4 тысячи гектаров площади, и это учитывая, что некоторые вполне сохранные исторические участки с старой застройкой не включаются в его состав экспертами Организации. Для сравнения, объект «Исторический центр Праги» занимает всего порядка 900 гектаров – наглядная демонстрация масштаба территории культурного наследия на территории

Радивилов Роман Борисович, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: konaer1997@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Р.Б.Радивилов

северной столицы. Для специалистов ЮНЕСКО единство исторического центра Санкт-Петербурга не стоит под вопросом: «Столичный регион Санкт-Петербурга в целом и его исторический центр в частности сохранили свою целостность» [1]. Но с точки зрения эстетической теории можно задать вопрос «а что значит целостность Санкт-Петербурга?». Действительно, что обозначает эта целостность, почему какое-то нечто, которое никогда не дано в единой феноменальности опыта мы считаем целостным и даже единым объектом, более того, обладающим культурной ценностью, эстетическим объектом? Очевидно, что никакого единообразия и однозначной архитектурной преемственности-связности на территории города обнаружить не получится – на главном проспекте города, на Казанском острове, расположились друг за другом барочный особняк, неоклассическая сталинка и модернистский торговый дом, а с противоположной стороны проспекта на них смотрят постройки в стиле классицизма. Мы можем обратиться к некоторым эстетическим концепциям чтобы прояснить статус города как эстетического события.

Методологическую и концептуальную основу для обнаружения единства города как эстетического объекта здесь подсказывает Роджер Скрутон теорией двойной интенциональности: «первичная» заключается в обыкновенном направленном восприятии в чисто физиологическом смысле, а «двойная», доступная только существам с воображением, состоит в направленности сознания на подразумеваемые (*inferred*) объекты, нарративные «истории». Собственно, именно в области воображаемого город и существует. Но тут возникает проблема иного порядка: в пределах погрешности эстетическое событие Санкт-Петербурга и других городов остаётся единым для разных эстетических агентов, хотя двойная интенциональность не гарантирует универсальности эстетического опыта для города. Скрутон показывает, что в воображении даётся то, насколько некий объект (он приводит в пример картину с лицом человека) является «истинным к жизни», то есть насколько он способен представлять создаваемое эстетическое событие [2, с. 247]. Здесь устанавливается связь между объектом и тем, что он представляет, однако город невозможно захватить взглядом так же, как картину и, соответственно, город в его полноте, а не только один фасад одного дома или запоминающийся вид с Невы, не может быть подразумеваемым объектом. Здесь необходимо обратиться к понятию эстетической атмосферы.

Если рассмотреть область воображаемого не просто как область действия направленного сознания, но и учесть активную сторону воспринимаемого, как это предлагает сделать Гернот Бёме, то становится неизбежным введение некоего промежуточного звена, «между», со своей собственной жизнью – это Бёме называет атмосферой. «Атмосфера – это общая реальность воспринимающего и воспринимаемого» пишет Бёме, подразумевая, что сохраняя за восприятием объективные черты воспринимаемого (например,

зелёный цвет листа) и подчёркивая телесность воспринимающего мы можем прийти к особому эстетическому пространству, которое существует относительно стабильно «между» объектами и воспринимающим [3, с. 124]. Таких пространств может быть бесконечно много, но они, пускай и не являются объективными, всё же имеют привязку к объективным качествам вещей, как бы исходя от них, при этом имея и прямое отношение к человеческой телесности и проживаемому телесно опыту.

Тогда мы можем сказать, что Санкт-Петербург это в первую очередь атмосферное явление. Мы получаем стабильную онтологию города как пространства, в котором сохраняется его чисто феноменальная сторона и сторона проживающего опыта, что позволяет нам описывать Санкт-Петербург в том числе как инвариант для множества разнообразных атмосфер, в том числе различных районов и мест, даже только косвенно связанных с его историческим центром. Более того, такой подход позволяет нам говорить о создании новых атмосфер, не теряя связности и целостности в событии этого города.

Список используемых источников:

1. Whc.unesco.org. Historic Centre of Saint Petersburg and Related Groups of Monuments. [Электронный ресурс]. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/540/> (Дата обращения: 09.02.2025)
2. Scruton R. In Search of the Aesthetic // The British Journal of Aesthetics. 2007. №47(3). P. 232–250.
3. Böhme G. Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics // Thesis Eleven. 1993. №36(1). P. 113–126.

Atmospheric Phenomena of Saint Petersburg

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Radivilov Roman

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: konaer1997@mail.ru

The report presents an attempt at a theoretical description of St. Petersburg as a whole aesthetic event through the concept of double intentionality and the concept of atmosphere. The perspective of the aesthetic analysis of St. Petersburg as, first of all, an object with its own atmosphere is shown.

Keywords: atmosphere, aesthetic space, city.

References:

1. Whc.unesco.org. Historic Centre of Saint Petersburg and Related Groups of Monuments. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/540/> (Accessed on: 09.02.2025). (in Russ.)
2. Scruton, R. (2007). In Search of the Aesthetic. *The British Journal of Aesthetics*, 47(3), 232–250.
3. Böhme, G. (1993). Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics. *Thesis Eleven*, 36(1), 113-126.

Новое поколение «петербургского» текста: песни А.Я. Розенбаума о Санкт-Петербурге

Сивков М.Н.

В докладе рассматривается творчество А.Я. Розенбаума через призму «петербургского» текста, анализируются композиции исполнителя, посвящённые Санкт-Петербургу. Выделяются факторы, позволяющие идентифицировать тексты песен Розенбаума о Петербурге, как характерный случай «петербургского» текста.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, петербургский текст, А.Я. Розенбаум, песни.

Семиотическое понимание города основывается на представлении его как сложного механизма, противостоящего времени, генератора культуры, состоящего из котла разноуровневых и гетерогенных текстов. Городом, который ярким примером может продемонстрировать данное положение, в нашем исследовании станет Санкт-Петербург. По мнению Ю. М. Лотмана, Петербургу за «исторически ничтожный» срок своего существования удалось накопить сокровищницу текстов, которые презентуют его как «уникальное явление в мировой цивилизации» [1, с. 220]. Они представляют собой особое

Сивков Максим Николаевич, студент бакалавриата, Исторический факультет,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
адрес для корреспонденции: sivkov_m_n@yahoo.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.Н.Сивков

явление в литературе, получившее название «петербургский текст». Данный термин был введён В.Н. Топоровым, выделивший критерии отнесения текстов к «петербургским» – это, преимущественно, произведения русской литературы [2, с. 23]. Отсюда возникает вопрос о возможности отнесения к данной категории песенных текстов, посвящённых Санкт-Петербургу?

На данный вопрос исследователи пытаются ответить, анализируя тексты песен известных исполнителей конца XX – начала XXI столетия: А. Г. Васильева («Сплин») [3; с. 4], Ю.Ю. Шевчука («ДДТ») [4]. В нашем исследовании мы обратились к творчеству А. Я. Розенбаума. В отличие от представителей рока групп «Сплин» и «ДДТ», Розенбаума затруднительно отнести к какому-то определенному жанру. Согласно нашим подсчётам, А. Я. Розенбаум посвятил порядка 60 произведений родному городу [4]. Не всегда название песни позволяет судить о том, что речь идёт о Петербурге («Налетела грусть», «Расставание»). Однако есть и те, которые сразу выдают объект своего повествования («Прогулка по Невскому», «Лиговка»). Всего в песнях А.Я. Розенбаума упоминается более 80 объектов, находящихся в Санкт-Петербурге.

Посвящённые Санкт-Петербургу песни Розенбаума достаточно легко могут быть диагностированы как «петербургский» текст. Один из признаков, который говорит об этом, – использование локально-петербургского словаря [5, с. 128]. Словарь у Розенбаума наполнен топонимическими лексемами: улицы (Невский проспект), водоёмы (Нева), площади (Сенатская). По частоте упоминания им уступают климатические характеристики города, им была посвящена отдельная песня («Вот опять захандрила дождями природа»). Приведём в качестве примера несколько устоявшихся описаний петербургского климата: «сплошные облака», «льют дожди». Сам лирический герой песен предпочитает находиться в ночном городе, созерцаая «белые ночи» – ещё один маркер Санкт-Петербурга, который упомянут в девяти произведениях («Белая ночь», «Неужели это было?» и др.).

Для А.Я. Розенбаума Санкт-Петербург – это город дворов. Дворовая тематика имеет ностальгический окрас и связана с детством, о чём свидетельствует «Мои дворы» (1986), сама песня «Мой двор». В композиции «Мои руки – Балтийский завод» мы слышим такие слова: «Я свой город дворами пройду...». Там же лирический герой отвергает сравнения Санкт-Петербурга с Венецией, называя его «белой чайкой», плывущей по морю. Достаточно часто для обозначения города используются различные перифразы: «город Петра», «город Пушкина», «Беспризорный Невский город», используется Розенбаумом и «личный» перифраз «свой город». Использование в текстах песен обращений к истории города позволяет продолжить разговор об особенностях «петербургского» текста. Лирический герой рассказывает о рождении и жизни родного города, используя аллюзии. Например, о создании города: «льют дожди надо мной... с той поры, как велел

основать этот город петровский указ». О Медном всаднике: «Так век благодарить я буду Фальконе: Он всех нас осенил рукой Петровой...». Розенбаум в своих текстах («Покажите мне Москву», «Песня о Ленинграде» и др.) затрагивает традиционную символическую оппозицию Санкт-Петербурга и Москвы, также характерный сюжет для «петербургского» текста [2, с. 16].

Произведения А. Я. Розенбаума, посвящённые Санкт-Петербургу, могут составить наряду с другими авторами новое поколение «петербургского» текста. В дальнейшем это позволит говорить об едином «петербургском» нарративе Розенбаума и разработке образа города, который был им изображён в своих песнях.

Список используемых источников:

1. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.
2. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
3. Кузик Л. Д. Образ Петербурга в текстах группы «Сплин» // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLII региональной студенческой научно-практической конференции, Омск, 02–27 апреля 2018 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2018. С. 1414–1418.
4. Харитонов О. С. Образ Петербурга в поэзии Ю. Ю. Шевчука // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. №3. С. 183–190.
5. Пятин Д. С. Лексико-семантические средства создания образа Петербурга в песнях группы «Сплин» // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2019. С. 127–132.
6. Песни Александра Розенбаума [Электронный ресурс]. URL: <https://rozenbaum.ru/songs> (Дата обращения: 25.01.2025).

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» УрФУ.

A New Generation of “Petersburg” Text: A. Y. Rosenbaum Songs About Saint Petersburg

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Sivkov Maxim

Undergraduate student, Faculty of History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Correspondence to: sivkov_m_n@yahoo.com

The report examines the work of A. Y. Rosenbaum through the prism of the “Petersburg” text, analyzes the artist's compositions dedicated to Saint Petersburg. The factors that make it possible to identify the lyrics of Rosenbaum songs about Saint Petersburg as a case of the “Petersburg” text are highlighted.

Keywords: Saint Petersburg, Petersburg text, A.Y. Rosenbaum, songs.

References:

1. Lotman, Y. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. (in Russ.)
2. Toporov, V. (2003). *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannyye trudy* [The Petersburg text of Russian literature: Selected works]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. (in Russ.)
3. Kuzik, L. (2018). Obraz Peterburga v tekstakh gruppy "Spln" [The image of St. Petersburg in the texts of the "Splean" group]. In *Youth of the third millennium: A collection of scientific articles of the XLII regional student scientific-practical conference*. Omsk: Omsk State University. (in Russ.)
4. Kharitonov, O. (2022). Obraz Peterburga v poezii Yu. Yu. Shevchuka [The image of St. Petersburg in the poetry of Yu. Yu. Shevchuk]. *Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 3, 183–190. (in Russ.)
5. Pyatina, D. (2019). Leksiko-semanticheskiye sredstva sozdaniya obraza Peterburga v pesnyakh gruppy "Spln" [Lexical and semantic means of creating the image of St. Petersburg in the songs of the "Splean" group]. In *Semantics. Functioning. Text: Interuniversity collection of scientific papers*. Kirov: Raduga-PRESS. (in Russ.)
6. Pesni Aleksandra Rozenbauma. URL <https://rozenbaum.ru/songs> (Accessed on 25.01.25).

Соппротивление природы в научном познании

Абрамычев М.М.

Доклад посвящен концептуальному осмыслению «сопротивления природы». Предлагается трактовка сопротивления природы в перспективе актуальных подходов к пониманию научного познания, а также обозначается статус сопротивления природы в качестве важного фактора для развития науки.

Ключевые слова: сопротивление природы, конструктивный реализм, эпистемология, наука.

В. Гейсзнберг обозначил ряд имеющихся научных теорий в качестве замкнутых или завершенных. Замкнутыми теориями, по мнению Гейзеберга, считаются те теории, которые позволяют правильно и непротиворечиво описать некоторый круг природных феноменов [1, с. 184]. К таким Гейзеберг отнес классическую механику, электродинамику, специальную теорию относительности и др. Однако существует и более значительная часть теорий, являющихся, продолжая данную логику, открытыми, то есть такими, которые не имеют исчерпывающего характера, поскольку в них сохраняется пространство для теоретической и экспериментальной работы по их

Абрамычев Михаил Михайлович, молодой преподаватель, Кафедра философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

адрес для корреспонденции: abramychevmm@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© М.М.Абрамычев

усовершенствованию. С нашей точки зрения, данная группа теорий в имплицитном виде содержит представление о «неподвластности» природного мира намерениям ученых, что непосредственно выражается в том или ином характере неполноты имеющихся знаний о мире. Таким образом, сопротивлением природы понимается нами в качестве наличия неполноты в существующих теориях, охватывающих определенный пласт природного мира.

Сопротивление природы, тем не менее, не является просто идеей, отражающей неполноту имеющегося знания. Сопротивление природы есть вполне определенный факт, отражающий асимптотическое приближение той или иной теории к исчерпывающему знанию об объектах природного мира. На уровне идеи сопротивление природы в имплицитном виде содержится в работах Ф. Бэкона, Р. Декарта А. Пуанкаре, В. Гейнберга, Л. де Бройля и др., тем или иным образом рефлексирующих над наличием границ человеческого познания природного мира. История науки богата примерами сопротивления природы. Среди примеров можно выделить амилоидную гипотезу, предлагающую определенную перспективу для рассмотрения причин возникновения нейродегенеративных процессов при болезни Альцгеймера, которая так и не является доказанной. Больше столетия назад А. Пуанкаре также обозначал пробелы в научной теории, связанные с ньютоновской концепции времени и одновременности. В «Измерении времени» французский ученый отмечает всю сложность измерения времени. В частности, при использовании маятника нельзя полагаться на одинаковую длительность его колебаний, поскольку «температура, сопротивление воздуха, атмосферное давление меняют ход маятника» [4, с. 420]. Пуанкаре также отмечает, что измерение времени с помощью астрономических наблюдений при всей точности также проблематичны, учитывая существование в научной среде убеждений о замедлении вращения земли. Список подобных примеров может быть значительно расширен.

На сегодняшний день можно выделить два похода к трактовке научного познания – реализм и конструктивизм. Я. Хакинг заявляет о существовании двух видов реализма, между которыми проходит существенное различие: реализм в отношении сущностей и реализм в отношении теорий [5]. Последнее проявление следует скорее считать выражением об эпистемологической объективности, но представление о реальности объектов науки следует рассматривать в качестве ключевого тезиса представителей реализма. Конструктивистский подход, как его определяет И.Т. Касавин, сводится к рассмотрению познавательной деятельности в качестве конструирования [2, с. 6]. Иными словами, последовательный конструктивист будет отрицать существование реальности вне субъекта познания. С нашей точки зрения, существующая поляриность взгляда на познания, а также излишняя гиперболизация утверждений представителей реализма и конструктивизма, не

способны пролить свет на действительное содержание научного познания. Наиболее перспективным вариантом следует считать обогащение реализма конструктивистской теорией, что было осуществлено, в частности, в концепции «конструктивного реализма» В.А. Лекторского [3].

Соппротивление природы не может быть согласовано с конструктивистским взглядом на познание, но с позиции реализма сопротивление природы будет являться неотъемлемым фактом в научном познании. Однако нельзя исключить из научного познания факт конструирования мышлением определенных идеальных сущностей – идеальный газ, инерциальное движение и т.д., – которые выполняют скорее регулятивную функцию, направляя научные эксперименты, но при этом не имеют реального воплощения. В этой связи именно конструктивный реализм обозначает комплексный характер научного познания, частью которого является сопротивление природы. Соппротивление природы, таким образом, во-первых, позволяет продемонстрировать несостоятельность позиций реализма и конструктивизма, поскольку посредством данных подходов невозможно концептуальное осмысление природы, во-вторых, демонстрирует динамику научной практики, внутри которой столкновение с фактом сопротивления природы является ключевым сигналом для доработки существующей теории.

Список используемых источников:

1. Гейзенберг В. Критерии правильности замкнутой теории в физике // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 366 с.
2. Касавин И. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 15, №1. С. 5–14.
3. Лекторский В. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, №2. С. 18–22.
4. Пуанкаре А. Измерение времени // Пуанкаре А. Избранные труды: в 3 т. Т. III. М.: Наука, 1974. С. 419–428.
5. Hacking I. Experimentation and Scientific Realism // Philosophical Topics. 1982. №13. P. 154–172.

Resistance of Nature in Scientific Knowledge

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Abramychev Mikhail

Young teacher, Department of Philosophy and Social Science, Kozma Minin
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Correspondence to: abramychevmm@gmail.com

The article is focused on the conceptualisation of «resistance of nature». I propose an interpretation of the resistance of nature in the perspective of actual approaches to the understanding of scientific knowledge. I also outline the status of the resistance of nature as an important factor for the development of science.

Keywords: resistance of nature, constructive realism, epistemology, science.

References:

1. Heisenberg, V. (1987). *Kriterii pravilnosti zamknutoi teorii v fizike* [Criteria for the correctness of a closed theory in physics]. In *Shagi za gorizont* [Steps beyond the horizon]. Moscow: Progress. (in Russ.)
2. Kasavin, I.T. (2008). *Konstruktivizm: zayavlennye programmy i nereshennye problemy* [Constructivism: Declared programs and unsolved problems]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 15(1), 5–14. (in Russ.)
3. Lektorsky, V.A. (2018). *Konstruktivnyy realizm kak sovremennaya forma epistemologicheskogo realizma* [Constructive realism as a modern form of epistemological realism]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 23(2), 18–22. (in Russ.)
4. Poincaré, A. (1974). *Izmerenie vremeni* [Measurement of time]. In *Izbrannye trudy* [Selected works] (Vol. III, pp. 419–428). Moscow: Nauka. (in Russ.)
5. Hacking, I. (1982). Experimentation and scientific realism. *Philosophical Topics*, 13, 154–172.

От блуждания к аномалиям и тайникам: геокэшинг и рандонавтика как практики интенсивной географии

Головин Р.Е.

Доклад предлагает рассмотрение цифровых и гибридных практик исследования пространства, таких как геокэшинг и рандонавтика, в рамках концепции «интенсивной географии» (М. Куртов). Данные практики анализируются с точки зрения феноменологии восприятия пространства, интенциональности и «сонастройки» со случайностью. Рассматривается их потенциал в качестве «метамузейных практик», связанных с операциями «собирания», «рассеивания» и «пористости пространств», в том числе в виртуальных средах приложений.

Ключевые слова: интенсивная география, феноменология пространства, геокэшинг, рандонавтика.

В отличие от «экстенсивной географии», занимающейся картированием расстояний и границ, интенсивная география, исходная теоретическая рамка которой описана М. Куртовым, исследует «напряженность» мест, их

Головин Роман Евгеньевич, студент магистратуры, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: roma.golovin@list.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Р.Е.Головин

плотность в феноменологическом и постструктуралистском ключе. В этой оптике особый интерес могут представлять цифровые и гибридные практики взаимодействия с географическим и физическим пространством.

Геокэшинг (Geocaching) и рандонавтика (Randonautica) представляют собой игровые исследовательские механизмы, в которых участники взаимодействуют с ландшафтом, следуя заданным или случайным координатам. Эти практики могут быть рассмотрены как элементы «прикладной феноменологии» и психогеографии (цифровые технологии для проведения дрейфов, такие как *Dérive*, *Serendipitor*, *Drift* также будут затронуты в рамках доклада) пространства.

Геокэшинг и рандонавтика функционируют как техники управления категориями феноменологии восприятия, в частности интенциональностью и вниманием, задавая и регулируя соотношения преднамеренности (намерения) и случайности (отсутствия намерения и ожиданий). В момент использования приложения пользователем конституируется своя степень и логика «сонастройки» с тем, как именно он бы хотел взаимодействовать с пространством и приложением, им выявляется собственный мотив, намерение или их отсутствие, а также то, что он хотел бы передать другим пользователям. В результате этих процессов наиболее агентной оказывается скорее сама связка пользователь-приложение-пространство-пользователь (вероятно, этот ряд требует уточнений и дополнения), чем эти элементы по отдельности. Рандонавтика, в частности, по заверениям разработчиков, строится на принципе «квантовой случайности», что создает дополнительный феноменологический горизонт восприятия пространства.

Можно утверждать, что геокэшинг, будучи формой распределенного «архивирования» объектов в ландшафте, и рандонавтика, структурирующая пространственный опыт через алгоритмические случайности, обладают особой перформативностью и создают новые формы «метамузейности». В терминах Куртова, эти практики работают с пористостью пространства, собиранием и рассеиванием объектов и значений, приближаясь к музею как «месту мест». Данные процессы расширяют гетеротопическую структуру музея [2] и формируют различные, пользуясь терминологией Д. Замятина, «картографические ассамбляжи» в рамках специфической «картоонтографии» [3].

Картографические ассамбляжи, созданные посредством взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов и их гибридов могут находиться в оптике как междисциплинарных городских исследований (Д. Малпас, М. де Серто, М. Оже, Н. Трифт и Дж. Мей и др.), так и феноменологии нечеловеческого (Д. Тригг, Б. Вудард, К. Барад и др.).

Описанные пользовательские цифровые медиумы и технологии не просто дополняют физическое и геоинформационное пространство, но, обладая агентностью, формируют новый слой его восприятия. Карты, GPS-

координаты, алгоритмы распределения точек становятся не только инструментами ориентирования, но и механизмами конструирования интенсивности мест. Виртуальные пространства приложений (например, слои данных в Randonautica) сами становятся архивами и музеями возможных маршрутов и встреч, а также «глубокими картами» [4]. Более того, они задают условия коммуникации внутри сообщества пользователей. Это создает подспорье для рассмотрения данной темы как предмета цифровых гуманитарных наук, культурной антропологии.

Геокешинг и рандонавтику можно рассматривать как примеры новых картографических практик, сочетающих феноменологическое исследование пространства с алгоритмическим конструированием опыта. Они открывают новые горизонты для понимания пространственных структур, становясь частью интенсивной географии и расширяя границы картографических моделей.

Список используемых источников:

1. Куртов М. Музеология и интенсивная география // Альманах ЦЭМ. №1. М.: V–A–C Press, ЦЭМ, 2020. С. 9–56.
2. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.
3. Замятин Д. Онтологии картографии: географическое воображение и планетарность // Философско-литературный журнал «Логос». 2022. №6 (151). С. 183–201.
4. Bodenhamer D., Corrigan J., Harris T. (Ed.) Deep Maps and Spatial Narratives. Bloomington: Indiana University Press, 2015. 254 c.

From Wandering to Anomalies and Hiding Places: Geocaching and Randonautica as Practices of Intensive Geography

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Golovin Roman

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: roma.golovin@list.ru

The report offers an examination of digital and hybrid practices of space research, such as geocaching and randonautica, within the concept of “intensive geography” (M. Kurtov). These practices are analysed in terms of the phenomenology of space perception, intensionality and “attunement” with randomness. Their potential

as “metamuseum practices” related to the operations of “gathering”, “dispersal” and “porosity of spaces”, including in virtual application environments, is considered.

Keywords: intensive geography, phenomenology of space, geocaching, randonautica.

References:

1. Kurtov, M. (2020). Museologia i intensivnaya geografiya. In *Al'manakh TsEM: No 1/* (pp. 9–56). Moscow: V–A–C Press, TsEM. (in Russ.)
2. Foucault, M. (2006). Drugie prostranstva [Other spaces]. In *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Ch. 3.* (pp. 191–204). Moscow: Praksis. (in Russ.)
3. Zamyatin, D. (2022). Ontologii kartografii: Geograficheskoe voobrazhenie I planetarnost' [Ontologies of cartography: geographic imagination and planetaryism]. *Logos*, 6(151), 183–201. (in Russ.)
4. Bodenhamer, D., Corrigan, J., Harris, M. (Ed.). (2015). *Deep maps and spatial narratives*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

«Построен кратчайший маршрут»: алгоритмы и интерфейсы в гео-приложениях

Жаркова Д.В.

Работа анализирует влияние современных картографических приложений на восприятие пространства и времени, а также их роль в формировании тревоги у пользователей через заложенные алгоритмы оптимизации маршрутов. Применяя теорию Бруно Латура о политике объяснения для понимания властных отношений, скрытых в работе GIS-систем, и механизмов взаимодействия между пользователями и разработчиками таких сервисов. Исследование предлагает переосмыслить подход к созданию навигационных маршрутов, смещая акцент со строгой оптимизации на творчество и случайность выбора, что может способствовать снижению психологического давления на пользователя.

Ключевые слова: гео-приложения, алгоритмы оптимизации, теория Латура, властные отношения, цифровая тревога.

Карты (Яндекс, Гугл, 2ГИС) одни из самых частых приложений, в которые заходит современный человек, мы проверяем, где сейчас есть пробки, через

Жаркова Дарья Владимировна, студент бакалавриата, Факультет экономики и финансов, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
адрес для корреспонденции: dzharkova-21@edu.ranepa.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.В.Жаркова

сколько времени получится добраться к друзьям и подругам, и где находится вход в интересующее нас здание. Приложения карт не только стали дополнительной медиацией в восприятии пространства, но и изменили форму коммуникации человека со временем [1, с. 5]. Это может создавать озабоченность в перемещении, так как заложенные алгоритмы зачастую оптимизационные.

Карты это владение формой. Исторически власть была у тех, кто наносит на карту города, моря и океаны. В этом плане сама география состоит из геометрических объектов, а в работе политика объяснения Бруно Латур приводит в пример геометрию и что ее цель – измерить и подсчитать Землю, быть далеко от формы, а следовательно, владеть формой и владеть всем остальным [2, с. 119].

В 21 веке люди имеют доступ к огромному количеству карт, навигаций и документации своего местоположения, в итоге пространством владеет как сам субъект, так и компании, команды разработчиков, которые создают аффордансы приложений. Вопрос, который я ставлю в своей работе – почему геотслеживание порождает тревогу субъекта, использующего приложения для навигации?

Но для начала нужно доказать, что эта тревога возникает. Тревогу хочется взять под контроль, чтобы стабилизировать свое состояние, карты отлично в этом помогают, рисуя минимальные по времени и кратчайшие по расстоянию маршруты. Карты скорее становятся модератором тревоги человека, так как тревогу карты могут успокоить, а иногда нарастить, если неожиданно появилась пробка там, где ее быть не должно. Тут властные отношения строятся у субъекта со временем и желанием успеть в нужное место.

Также, можно рассмотреть кто стоит за властью определения того, как мы видим цифровую карту. Можно применить теорию властного объяснения Латура к пониманию того, как строится работа GIS систем. Центр вычислений – это не сами карты, GPS трекинг или разработчики, а крупные игроки и то, как строится рынок, индустрия и ее стандарты. Разбирая стандарты, в классической математической задаче Коммивояжёра это не столько минимизация расстояния, сколько оптимизация нескольких критериев с целевой функцией, так как расстояние это только лишь одна характеристика пути [3, с. 7-8].

В итоге, открывая приложения карт сами аффордансы приложения подсказывают оптимальные маршруты и у субъекта есть выбор между набором оптимального, но не набором случайного или творческого. Тревога тут во многом не из-за карт, а из-за общей цели, которую карты помогают исполнить [4, с. 227]. И это цели оказаться вовремя на работе изо дня в день, успеть на тренировку, к врачу, в гости, чтобы построенные системы неолиберального мира продолжали работать. Для этого общество пользуется не только часами, но и картами, навигаторами, заранее пристраивая маршрут

на день. С одной стороны это может убирать тревоги, а с другой отдавать ответственность в руки частного субъекта, при котором он\она не справились с тем, чтобы вовремя и с помощью карт оказаться в нужном месте и в нужное время.

При дальнейшем анализе темы можно также работать в рамках теории Латура, чтобы понять, как создаются и функционируют подобные приложения через процесс перемещения элементов из списка В (алгоритмы оптимизации, заложенные в карты, практики создания новых фиш в приложениях, процессы разработки GIS систем) в список А (практики использования карт субъектами), что должно отражать механизмы построения связей и их трансформации. То есть через разбор алгоритмов приложений, убирать черный ящик и предлагать другие способы субъекту создавать маршрут по городу [5, с. 3-4]. Тем самым сместив фокус с оптимизации всего на творчество и свободу.

Список используемых источников:

1. Ash J., Kitchin R., Leszczynski A. Digital turn, digital geographies? // *Progress in Human Geography*. 2018. Т. 42, № 1. С. 25–43.
2. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // *Социология власти*. 2012. № 8. С. 113–143.
3. Matai R., Singh S. P., Mittal M. L. Traveling salesman problem: an overview of applications, formulations, and solution approaches // *Traveling Salesman Problem, Theory and Applications*. 2010. Т. 1, № 1. С. 1–25.
4. King V., et al. Self-Optimization via Figures and Digital Parameters–Psychic Repercussions of Digital Measurement and Comparison // *Historical Social Research*. 2024. Т. 49, № 3. С. 213–237.
5. Ferrás C., et al. How can geography and mobile phones contribute to psychotherapy? // *Journal of Medical Systems*. 2017. Т. 41. С. 1–6.

“The Shortest Route Has Been Calculated”: Algorithms and Interfaces in Geospatial Applications

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zharkova Daria

Undergraduate student, Faculty of Economics and Finance, Russian Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management RANEPa)

Correspondence to: dzharkova-21@edu.ranepa.ru

The study analyzes the impact of modern cartography applications on the perception of space and time, as well as their role in generating anxiety among users through the use of algorithms that optimize routes. It applies Bruno Latour's theory of explanation politics to understand the power dynamics hidden in geographic information systems (GIS) and the interactions between users and developers of these services. The research proposes a rethink in the approach to navigation route creation, shifting the emphasis from strict optimization towards creativity and random choice, which could help reduce psychological stress on users.

Keywords: geo-applications, optimization algorithms, Latour theory, power relations, digital anxiety.

References:

1. Ash, J., Kitchin, R., & Leszczynski, A. (2018). Digital turn, digital geographies? *Progress in Human Geography*, 42(1), 25–43.
2. Latour, B. (2012). Politika obyasneniya: alternativa [The politics of explanation: an alternative]. *Sociologiya vlasti*, 8, 113–143. (in Russ.)
3. Matai, R., Singh, S. P., & Mittal, M. L. (2010). Traveling salesman problem: an overview of applications, formulations, and solution approaches. *Traveling Salesman Problem, Theory and Applications*, 1(1), 1–25.
4. King, V., Gerisch, B., Rosa, H., Franz, R., Lindner, D., Salfeld, B., & Stenger, M. (2024). Self-optimization via figures and digital parameters – psychic repercussions of digital measurement and comparison. *Historical Social Research*, 49(3), 213–237.
5. Ferrás, C., García, Y., Aguilera, A., & Rocha, Á. (2017). How can geography and mobile phones contribute to psychotherapy? *Journal of Medical Systems*, 41, 1–6.

Антропоцен как новая эстетическая эпоха: изменение восприятия и формы в современном искусстве

Закураева Е.Д.

Антропоцен, как концепция, вышедшая за пределы геологии и стала центральной для гуманитарных наук, изменил не только содержание искусства, но и его формы и механизмы восприятия. В исследовании рассматривается, как художественные практики адаптируются к новым эстетическим вызовам, связанным с размыванием границ между субъектом и объектом, искусственным и естественным, а также с изменением масштабов репрезентации. С опорой на работы Э. Хорн, Б. Латура, Э. Бинчик и Р. Брайдоути, в исследовании проводится анализ эстетики повторения, заливания и расфокуса как ключевых механизмов взаимодействия зрителя с искусством в эпоху онтологической нестабильности и технологической медиации.

Ключевые слова: антропоцен, Б. Латур, постгуманизм, современное искусство, репрезентация.

Закураева Елизавета Дмитриевна, аспирант, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: elizabeth.zakuraeva@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.Д.Закураева

Антропоцен, концепция, перешедшая из геологических наук в гуманитарные дисциплины, радикально трансформировала способы осмысления искусства и его восприятия. В отличие от сугубо экологической трактовки, связывающей его с технологическим кризисом и антропогенным воздействием на окружающую среду, Антропоцен следует понимать как новый режим эстетического опыта, который затрагивает не только содержание искусства, но и его формы, методы репрезентации и способы взаимодействия зрителя с произведением. В данной работе рассматривается, каким образом художественная практика адаптируется к вызовам этой эпохи, а также как эстетические стратегии повторения, залипания и расфокуса становятся ключевыми механизмами восприятия и взаимодействия с миром в условиях изменившейся субъектности.

Э. Хорн подчеркивает, что искусство Антропоцена не может сводиться к тематическому изображению экологических катастроф [1]. Вместо этого оно должно учитывать три фундаментальных вызова: латентность (процессы, которые невозможно непосредственно воспринять), запутанность (размывание границ между человеком, технологией и природой) и конфликт масштабов (невозможность адекватного представления процессов, разворачивающихся в различных временных и пространственных диапазонах). Эти проблемы формируют новый тип эстетического восприятия, в котором традиционная перспектива, основанная на субъективном контроле и дистанцированном взгляде, становится невозможной.

В данном контексте Б. Латур предлагает пересмотреть само понятие репрезентации. В своей акторно-сетевой теории он демонстрирует, что искусство больше не является исключительно продуктом человеческого творчества, но представляет собой результат взаимодействия множества агентностей, включая технологии, природные процессы и неживые объекты. [2, 3]. Этот отказ от дуализма субъекта и объекта радикально изменяет художественные стратегии, делая акцент на динамике процессов, многослойности восприятия и размывании границ между естественным и искусственным. Постгуманистическая перспектива, предложенная в том числе Р. Брайдотти [4], также играет важную роль в переосмыслении эстетики Антропоцена: искусство больше не рассматривается как исключительно человеческая деятельность, а включает в себя нечеловеческие агентности, включая алгоритмы, природные процессы и материальные структуры.

Одним из наиболее значимых изменений в художественной практике Антропоцена становится эстетика повторения, скольжения и залипания. Визуальные медиа, цифровое искусство и инсталляции все чаще используют циклические структуры, замедление и размывание границ между субъектом и объектом восприятия. Э. Хорн отмечает, что конфликт масштабов делает невозможным привычное представление о природе и человеке как автономных сущностях, создавая эффект «оптического смещения» [1]. В инсталляциях и

цифровых средах этот эффект усиливается за счет ритмических повторений, многократных итераций и фрагментарных структур, которые нарушают привычные способы ориентирования в пространстве. Это приводит к своеобразному эффекту «залипания» (*hypnotic entrapment*), при котором зритель теряет привычную точку опоры и становится частью визуального потока [5].

В философии Антропоцена также проявляется отказ от линейного нарратива. Помимо нелинейного характера нарративов, их фрагментированности и ризоматичности уже упомянутых в постмодернистских текстах, для рассмотрения механизмов восприятия в эпоху Антропоцена важен анализ материальности, предложенный Э. Бинчик [6]. «Онтологическая нестабильность» становится ключевой характеристикой эпохи: объекты, созданные человеком, больше не являются стабильными, а постоянно мутируют, вовлекаясь в циклы разрушения, переработки и переосмысления. Аналогичные стратегии используются и в современном искусстве, где произведения часто строятся на алгоритмическом повторении, нелинейных генеративных процессах и эффекте медитативного залипания, как в работах Т. Донован или Т. Сарацено. Использование биотехнологических материалов, работа на стыке науки и искусства, применение иммерсивных практик также размывают границы между искусственным и естественным в контексте творчества, усиливая ощущение отчужденности у зрителя.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно рассматривает Антропоцен не просто как кризис, но как радикальное изменение самой эстетической парадигмы, затрагивающее восприятие, форму и методы художественного выражения. В отличие от традиционных подходов, фокусирующихся на тематике экологического разрушения, данное исследование обращает внимание на трансформацию эстетического опыта и вовлеченности зрителя. Теоретическую часть исследования дополняют примеры конкретных работ современных художников и выставочных проектов, поднимающих или свидетельствующих поднятую проблематику.

Современное искусство Антропоцена можно понимать как зону взаимодействия технологий, материальности и человеческого восприятия, в которой классические категории эстетики – перспектива, репрезентация, субъектность – претерпевают радикальные изменения.

Список используемых источников:

1. Horn E. Challenges for an Aesthetics of the Anthropocene // *The Anthropocenic Turn. The Interplay between Disciplinary and Interdisciplinary Responses to a New Age*. Ed. by Durbeck E., Hupkes P. New York: Routledge, 2020. P. 159–172.
2. Latour B. *Facing Gaia. Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press, 2017. 300 p.

3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
4. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
5. Davis H., Turpin E. Art in the Anthropocene: Encounters Among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies. London: Open humanities Press, 2015. 416 p.
6. Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена». М.: Новое литературное обозрение. 2022. 392 с.

The Anthropocene as a New Aesthetic Epoch: Changing Perception and Form in Contemporary Art

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zakuraeva Elizaveta

Postgraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: elizabeth.zakuraeva@gmail.com

The Anthropocene, as a concept that transcended geology and became central to the humanities, changed not only the content of art, but also its forms and mechanisms of perception. The study examines how artistic practices adapt to new aesthetic challenges associated with blurring the boundaries between subject and object, artificial and natural, as well as changing the scale of representation. Based on the works of E. Horn, B. Latour, E. Binchik and R. Braidotti the study analyzes the aesthetics of repetition, sticking and defocus as key mechanisms of the viewer's interaction with art in the era of ontological instability and technological mediation.

Keywords: anthropocene, B. Latour, posthumanism, contemporary art, representation.

References:

1. Horn, E. (2020). *Challenges for an aesthetics of the Anthropocene*. In: Durbeck, E., Hupkes, P. (Ed.), *The Anthropocenic turn. The interplay between disciplinary and interdisciplinary responses to a new age*. (pp. 159–172). New York: Routledge.
2. Latour, B. (2017). *Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime*. Cambridge: Polity Press.
3. Latour, B. (2014). *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network theory]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (in Russ.)

4. Braidotti, R. (2021). *Postchelovek* [The Posthuman]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (in Russ.)
5. Davis, H., Turpin, E. (2015). *Art in the Anthropocene: Encounters among aesthetics, politics, environments and epistemologies*. London: Open Humanities Press.
6. Binchik, E. (2022). *Epoha cheloveka: ritorika i apatiya antropocena* [The age of man: Rhetoric and apathy of the Anthropocene]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

Природа и война: интерсекции

Иванова А.М.

Доклад посвящён пересечениям между сферой войны и сферой природы и их взаимному влиянию друг на друга. В докладе будут представлены описания нескольких природных объектов и того, как представлены в войне.

Ключевые слова: война, геофилософия, партизанская война, лес.

В своём докладе я планирую проследить связи нескольких природных объектов с военными действиями [1], которые так или иначе воздействуют на них (а природные объекты, в свою очередь, воздействуют на войну).

Лес. Связь леса и войны достаточно давняя и потому прочная. В первую очередь, лес – это пространство для сокрытия, например, дополнительных военных частей. В дальнейшем, лес – это ещё и пространство сокрытия партизанских группировок, которые именно благодаря их теллурической связи с лесом оказываются способны наносить внезапные и стремительные удары. Во-вторых, лес – это пространство духов [2]. Лесные духи взаимодействуют друг с другом и с людьми, они не доверяют солдатам и поэтому мешают лесу становиться сильнее и восстанавливаться. В-третьих, лес – это возможность препятствия. Лес не даёт проехать технике и за это он будет порублен.

Иванова Александра Максимовна, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: alexandra3069@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.М.Иванова

Пустыня. Операция «Буря в пустыне» становится переломным моментом в военной истории, некоторые исследователи именно от неё отсчитывают начало так называемых «новых» войн. Кроме того, именно пустыня является номадическим гладким пространством у Делёза и Гваттари, которое государство стремится сделать рифлёным. Невозможность зацепиться на самом деле даёт возможность скользить, но по поверхности рифлёного пространства скользят только дроны, направленные на передвижение мирных жителей по пространствам Ирака, Афганистана и других государств. Кроме того, пустыня – это всегда горизонт опасности, горизонт «сравнения с землёй», то есть тот предел, который ограничивает возможную эскалацию. Именно доведение до пустынного состояния оказывается целью многих конфликтов, направленных на полное уничтожение соперника-врага.

Вода. С одной стороны, вода – это пространство пиратства, то есть беззакония. Для Гуго Гроция, например, вода – это пространство оправданных военных действий, так как её невозможно поделить, как это возможно сделать с территориями и их населением. С другой стороны, вода – это пространство ускользания и побега, так, мигранты часто преодолевают именно водные препятствия с целью достичь более безопасных для них территорий. Кроме того, вода – это быстро сокращающийся ресурс, а конфликты за воду становятся всё более распространёнными. В Газе в том числе Израилем были использованы механизмы контроля над водой как средство ведения войны.

Почва. Почва – это пространство, которое оказывается наполнено остатками и следами войны. При ведении боевых действий именно почва становится хранилищем для многочисленных отходов, например, от фосфорных бомб. Загрязнение почв фосфором, а затем и продуктов, становится одним из источников заболеваний в уже упомянутом секторе Газы. Однако, почва – это и пространство, которое может быть прорезано тоннелями и катакомбами, которые используются совершенно в разных целях. Это и подземные тоннели Кути во время Вьетнамской войны, борьба с населением которых также привела к загрязнению почвы, это и катакомбы в Одессе и других городах, где в какие-то моменты не совсем понятно, кто именно пытается скрыться.

Таким образом, в докладе будут представлены некоторые виньетки в качестве попытки обрисовать возможные пересечения между военными действиями и их природными выражениями.

Список используемых источников:

1. Griffiths, M, Redwood, H. Late Modern War and the Geos // International Political Sociology. 2024. Vol. 18. P. 1-17.
2. Ruiz-Serna, D. When Forests Run Amok: War and Its Afterlives in Indigenous and Afro-Colombian Territories. Durham and London: Duke University Press, 2023. 280 p.

Nature and War: Intersections

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ivanova Aleksandra

Independent researcher

Correspondence to: alexandra3069@gmail.com

The presentation is dedicated to the intersections between the sphere of war and the sphere of nature and their reciprocal influence on each other. The presentation is going to consist of the descriptions of several nature sites and their representation in war.

Keywords: war, geophilosophy, guerilla warfare, forest.

References:

1. Griffiths, M., & Redwood, H. (2024). Late modern war and the geos. *International Political Sociology*, 18, 1–17.
2. Ruiz-Serna, D. (2023). *When forests run amok: War and its afterlives in Indigenous and Afro-Colombian territories*. Durham and London: Duke University Press.

Книга с живыми листьями: возраст Земли в стихах русских поэтов XIX века

Косьяненко Н.Е.

В докладе анализируются стихотворения русских поэтов XIX века, использующих древнюю метафору «мир как книга» в размышлениях о возрасте Земли, намного превышающей человеческую историю.

Ключевые слова: русская поэзия, топоним «мир как книга», С. Бобров, В. Бенедиктов, Ф. В. Й. Шеллинг.

В 1780-е годы английский учёный Джеймс Хаттон, изучавший геологические отложения, доказал, что возраст земли значительно превышает наши представления о нём и составляет не тысячелетия, известных по всемирной истории, даже уходящей в мифологическую древность, но как минимум несколько миллионов лет. Позднее, размышляя над открытием Хаттона, известный немецкий философ Ф. В. Й. Шеллинг писал: «Природа для нас – самый древний автор, оставивший в иероглифах свои письмена, выведенные на колоссальных листах. Земля – это книга, составленная из обломков и рапсодий очень разных времен» [2, с. 286].

Косьяненко Никита Евгеньевич, молодой преподаватель, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: nekosyanenko@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Н.Е.Косьяненко

Схожие образы – горы как божественные книги – можно встретить и в русской поэзии, авторы которой могли слышать о громких спорах между сторонниками Хаттона и его противниками. Впрочем, вероятно, что и немецкий философ, и русские поэты опирались на одно и то же «общее место», встречающееся во многих литературах разных веков [1].

Так, в описательной поэме С. С. Боброва «Херсониды» (1804) даётся изображение гор как раскрытых фолиантов с таинственными иероглифами, содержащими историю природы от самой древности. Примечательно, что представлен реальный геологический, а не аллегорический пейзаж, типичный для высокой поэзии XVIII века:

Твои слои, листам подобно,
Как бы обрезанны рукою,
По направлению брегов
Все сложены, взгромождены
Пред пасмурным лицом Нептуна. –
Они, конечно, суть ничто,
Как книга с тайными словами,
Где испытатель естества
Очами может то прочесть,
Что служит к разрешенью тайны,
Как сей составлен шар земный
Иль как могла произойти
Цепь внешних сих слоев утесных,
Лежащих косо друг близ друга.

Постепенно в поэзию начинают проникать описания конкретных горных пейзажей. Всё чаще тексты, использующие одическую фразеологию, посвящаются не политическим, а натурфилософским проблемам. Однако новые фрагменты действительности занимают в поэзии те же места, которые до них занимали аналогические элементы. В нашем случае часто ими становятся аллегорические горы. Ещё долго стихотворцы, желающие воспеть какую-либо точную географическую вершину, будут вынуждены упомянуть, например, Парнас – как священный пик, непосредственно связанный с искусством поэзии. В качестве примера приведём стихотворение В. Г. Теплякова «Кавказ» (1828).

Именуя Кавказ новым Парнасом, поэт подчёркивает разницу между двумя этими горами: Парнас – это всего лишь литературный тоpos, место обитания условной музы, а вот Кавказ – настоящее чудо природы, которая и становится для поэта музой, внушающей мысли о тысячах предыдущих лет, свидетели которых – горы.

Тема бесконечных времён, запечатлённых слоями горных пород, получает любопытное, хотя и закономерное развитие в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Перевороты» (1859): в нём говорится о том, что когда-нибудь страница

человеческой истории будет перевёрнута в книге Земли, и все мы разделим судьбу древних ископаемых.

Над слоем там слой и пласты над пластами
 Являются книгой с живыми листьями.
 Читает ее по складам геолог.
 Старинная книга! Не нынешний слог!
 Иные страницы размыты, разбиты,
 А глубже под ними – граниты, граниты,
 А дальше – всё скрыто в таинственной мгле
 И нет ни малейших следов организма;
 Один указывает лишь дух вулканизма
 На жар вековечный в центральном котле.

Так возраст Земли, её история без человека становятся новым источником возвышенного для русской поэзии.

Список используемых источников:

1. Филонов Е. А. «Бытие как книга»: топос – формула – клише (к проблеме топики Нового времени) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. №2. С. 196–216.
2. Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 452 с.

The Book with Living Leaves: The Age of the Earth in the Poems of Russian Poets of the 19th Century

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kosyanenko Nikita

Young teacher, Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University
 Correspondence to: nekosyanenko@yandex.ru

The report analyzes the poems of Russian poets of the 19th century, using the ancient metaphor “the world as a book” in reflections on the age of the Earth, which far exceeds human history.

Keywords: Russian poetry, topos “the world as a book”, S. Bobrov, V. Benediktov, F. V. J. Schelling.

References:

1. Filonov, E. A. (2020). «Bytie kak kniga»: topos – formula – klishe (k probleme topiki Novogo vremeni) [“Being as a book”: Topos – formula – cliché (on the problem of Early Modern topicality)]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*, (2), 196–216. (in Russ.)
2. Schelling, F. W. J. (2009). *Leksii o metode universitetskogo obrazovaniya* [Lectures on the method of university education]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom “Mir”. (in Russ.)

Гладкие и рифлёные пространства в контексте центр-периферийного закона географии

Ламской К.

Доклад посвящён варианту внедрения понятий рифлёного и гладкого пространств в центр-периферийную модель. Сама модель носит дисциплинообразующий характер в географической науке, её переосмысление в контексте геофилософии позволяет приобщить дискурс теоретической географии к общенаучным и междисциплинарным проблемным полям.

Ключевые слова: модель ядро-периферия, гладкое пространство, рифлёное пространство.

Современная теоретическая география (пост)советского-российского извода оторвана от общенаучного, в том числе философского, дискурса. Автором доклада предложен вариант связки центр-периферийного закона, фактически единственного в географии, с концепциями рифлёного и гладкого пространства Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В качестве рамочного концепта выступает страна («хора»). Страна («хора») – модель, методологически основанная на сборке пространственных отдельностей в единое образование, то есть представляющая обобщённое понимание географического объекта

Ламской Кир, студент магистратуры, Географический факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
адрес для корреспонденции: lamskoy_k@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.Ламской

исследований. Страна, согласно современным географическим основаниям: 1) состоит из мест, которые могут определяться и другими терминами, имеющие скорее аспектное, а не сущностное разделение: культурный ландшафт, экосистема; 2) эти места состоят в центр-периферийных отношениях; 3) как места, так и отношения между ними имеют различное выражение в пространстве, времени и масштабе.

В рамках доклада автор не затрагивает вопросы определения понятия места, нуклеарного географического объекта, слагающего страну («хору»), а также многомерную трактовку его в пространственном, временном и масштабном измерениях [1]. Центр-периферийная модель взята в расширенном варианте В. Л. Каганского, который дополняет её до четырёхчленной структуры центра, провинции, периферии, границы [2]. Расширенный вариант позволяет охватить более широкий спектр теоретико-географического аппарата, накопленный, но целостно не отрефлексированный и не систематизированный в отечественной географии. Приобщение рифлёных и гладких пространств Ж. Делёза и Ф. Гваттари преобразует эту стройную центр-периферийную систему, встраивая в неё гладкие пространства, методологически исключенные из географических исследований. Частные примеры подобных пространств – это пустыни, степи, тундры, морские и океанические пространства. География подобных пространств вызывает трудности их картографии, лишая их устоявшейся традиции анализа и интерпретации пространственных процессов в них. Автор утверждает, что вся географическая теория охватывает лишь рифлённые, и дополнение к ней гладких позволяет включить удалённые пространства и описываемую их специфику единым методологическим аппаратом. Зональная структура и профиль интегральной модели на докладе будут представлены графически для большей наглядности. Если описывать её сущностно, то четырёхчленная структура В. Л. Каганского позволяет описать дифференциацию структуру страны («хоры»), где каждой зоне предопределены функциональные паттерны [1]. Синтез с концепцией рифления даёт возможность интерпретации: центра как центра рифления (освоения в широком, теоретическом, значении); периферию как зону в процессе рифления; границу как зону фронта рифления; провинцию как «прорифлёное» пространство, то есть зону, прошедшую рифление и отражающую специфические черты страны, что может не наблюдаться в центрах в силу рифлёного, глобального характера логики работы центра [3].

Предопределённая логика разделения Земли на гладкие и рифлённые пространства вводит и понятие островности. Упрощённая предлагаемая схема определяет острова как центры рифления, ещё не успевшие образовать собственные провинциальные зоны. Из-за этого они выглядят как куски центра за пределами зоны границы. Пространственные явления в подобных островных, оазисных пространствах обладают рядом специфических свойств, не вписанных в канву классической географической теории.

Список используемых источников:

1. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
2. Рогачев С. Чем плоха современная география, почему школьной географии суждено стать страноведением и что такое, наконец, страноведение? // География, 2001. № 23. С. 15–18.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Smooth and Striated Spaces in the Context of the Center-Periphery Model of Geography

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lamskoy Kir

Master's student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University
Correspondence to: lamskoy_k@mail.ru

The report is devoted to the option of introducing the concepts of striated and smooth spaces into the core-peripheral model. The model itself is of a discipline-forming nature in geographical science; its rethinking in the context of geophilosophy makes it possible to introduce the discourse of theoretical geography into general scientific and interdisciplinary problem fields.

Keywords: core-periphery model, smooth space, striated space.

References:

1. Kaganskiy, V. (2001). *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sbornik statey* [Cultural landscape and Soviet inhabited space: Collected articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
2. Rogachev, S. (2001). Chem plokha sovremennaya geografiya, pochemu shkol'noy geografii suzhdeno stat' stranovedeniem i chto takoe, nakonec, stranovedenie? [What is wrong with contemporary geography, why school geography is destined to become regional studies, and what, after all, is regional studies?]. *Geografiya*, 23, 15–18. (in Russ.)
3. Deleuze, G., & Guattari, F. (2010). *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. (in Russ.)

Различие взгляда на Землю со стороны И. Канта и Ф.В.Й. Шеллинга как одна из предпосылок появления геофилософии

Неаполитанский М.С.

Различие взглядов И. Канта и Ф. В. Й. Шеллинга на Землю отражает разрыв между философией и наукой, оформившийся к XIX веку. Кант рассматривал Землю с научной позиции, тогда как Шеллинг сделал её частью своей поэтической философии природы. Эти изменения связаны с глобальными процессами формирования новой научной парадигмы, которые также затронули взгляд со стороны философии на Землю и повлияли на ее восприятие гуманитарными науками в XX веке и современности.

Ключевые слова: Земля, история науки, геофилософия, философия природы.

Вплоть до институализации науки и появления геологии как отдельной научной дисциплины философы регулярно обращались к Земле. До XIX века философия и наука – это связанные области западной учености. Все начинает меняться с Научной революцией в XVI веке и доходит до своего почти современного состояния к началу XIX века. Лучше всего формирование этого

Неаполитанский Максимилиан Сергеевич, студент магистратуры,
Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: mknea@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.С.Неаполитанский

состояния разделенности взгляда науки и философии на Землю мы можем это увидеть на примере двух авторов – И. Канта и Ф. В. Й. Шеллинга, которых обычно относят к одной традиции – немецкой классической философии. Несмотря на видимую историческую близость, в их подходах к рассмотрению Земли есть существенная разница.

В раннем периоде Канта можно увидеть, какое влияние на него оказало Лиссабонское землетрясение 1755 года, поставившее под вопрос идеалы Просвещения и вдохновившее молодого Канта на написание статей на тему Земли. Обратите внимание: Кант пишет их не как философ, а как ученый (в нашем понимании) и можно даже сказать публичный ученый – есть история, что после Лиссабонского землетрясения Кант прочитал лекцию для жителей Кёнигсберга, чтобы успокоить их и убедить в том, что землетрясение не повторится в их городе. В статье под названием «О причинах землетрясений» мы можем найти, например, размышления Канта о том, как по поведению животных понять, что скоро начнется катастрофа [1, с. 342].

В свою очередь, говоря о Земле, Шеллинг выступает именно как философ. Образ Земли у него, хоть и отталкивается от науки и открытий в области геологии его времени, но все равно остается более поэтичным и романтическим. Земля для Шеллинга – скорее часть философии природы, нежели самостоятельный объект научного изучения. Так, например, Шеллинг называет Землю книгой, которая составлена из обломков разных времен. Он продолжает: «каждый минерал есть истинная филологическая проблема» [2, с. 35]. Это иной взгляд: Шеллинг вводит Землю в контекст литературы, филологии и культуры, а геологию – как способ создать летопись планеты. У такого изменения в отношениях философов и земли есть свои причины.

Одна из основных причина состоит в изменении взгляда на природу и вследствие этого – на Землю. Для XVIII столетия природа видится в свете рациональности и механистичности. Многих мыслителей вдохновляли успехи Ньютона, Галилея и Декарта. Эти убеждения стали сходиться на нет с Лиссабонским землетрясением и Французской революцией, но развитие научного знания было уже не остановить. Романтизм возникает как реакция на просветительские идеалы (и мощный ход Промышленной революции) и наполняет природу «темнотой», делая из нее повод для ностальгии. Неслучайно Делез и Гваттари будут писать о романтизме: «Если же мы пытаемся кратко определить романтизм, то увидим, что все меняется. Звучит новый крик: Земля, территория и Земля!» [3, с. 565].

Романтизм меняет отношения с природой и Землей. Шеллинг и то, как он пишет о Земле – часть этой тенденции. Ряд исследователей называют ее поэтической философией природы. Подобный взгляд сохраняется вплоть до XX века, когда интерес к Земле со стороны философии и других гуманитарных дисциплин вновь возрастает. В докладе представлены причины и последствия этих изменений и то, как они влияют на наше восприятие Земли сегодня.

Список используемых источников:

1. Кант И. О причинах землетрясений // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 1. М.: ЧОРО, 1994. 544 с.
2. Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 452 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

The Difference in the Perception of the Earth by Kant and Schelling as a Prerequisite for the Emergence of Geophilosophy

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Neapolitanskiy Maximilian

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: mknea@mail.ru

The difference in the views of Kant and Schelling on the Earth reflects the growing divide between philosophy and science that had taken shape by the 19th century. Kant examined the Earth from a scientific perspective, whereas Schelling integrated it into his poetic philosophy of nature. These shifts were driven by global processes in the formation of a new scientific paradigm, which also influenced the philosophical understanding of the Earth and shaped its perception in the humanities in the 20th century and beyond.

Keywords: Earth, history of science, geophilosophy, philosophy of nature.

References:

1. Kant, I. (1994). O prichinakh zemletryaseniya [On the causes of earthquakes]. In: *Collected works. In 8 vols. (Vol. 1)*. Moscow: CHORO. (in Russ.)
2. Schelling, F. W. J. (2009). *Lektsii o metode universitetskogo obrazovaniya* [Lectures on the method of university education]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Mir". (in Russ.)
3. Deleuze, G., Guattari, F. (2010). *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. (in Russ.)

Дом как точка на координатах геофилософии: раскрытие Земли через строительство на примере хижин М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна

Семухин С.К.

Целью доклада является показать, какую роль играет дом и строительство в осмыслении Земли в философском дискурсе. В докладе проводится работа по отделению дома от других жилищных пространств, а также конструированию онтологического статуса дома. Также в докладе рассматриваются конкретные случаи раскрытия ландшафта с помощью строительства дома, а именно строительство хижин М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, строительство, ландшафт, раскрытие, Л. Витгенштейн.

Для Хайдеггера дом связан прежде всего со строительством. Строительство Хайдеггер мыслит как закрепление на каком-то определенном месте в пространстве [3, с. 160]. Важно заметить, что дом как результат

Семухин Семен Константинович, студент бакалавриата, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

адрес для корреспонденции: sksemukhin@edu.hse.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© С.К.Семухин

строительства в системе Хайдеггера обладает функцией раскрытия земного ландшафта. Хайдеггер пишет о том, что пространство раскрывается для человека определенным образом только после начала строительства. Берега реки становятся берегами только относительно моста [3, с. 165]. Близлежащее с домом пространство становится близлежащим для человека только из-за того факта, что дом был построен и занял определенную точку в пространстве. В этой связи можно рассматривать дом как особое техническое средство, которое соответствует тем признакам техники, которые выделяются Хайдеггером [2, с. 222]. Иными словами, дом – это особый вид постова, который раскрывает природу не как наличную для достижения целей, но как близлежащую для человека.

Хайдеггер пишет о том, что дом – это особая форма проживания, связанная с бытием-к-смерти [3, с. 163]. Такая форма проживания доступна только человеку, так как человек – единственное существо, которое может быть смертным. Быть смертным – значит осознавать свою смертность и проживать жизнь на пути к смерти. Дом для Хайдеггера является пространством умирания.

Дж. Агамбен пишет о доме как о пространстве упорядоченного. Агамбен, ссылаясь на Ксенофонта, пишет о том, что дом – это нечто упорядоченное и аккуратное. Также, цитируя Ксенофонта, Агамбен обращает внимание на сравнение дома и корабля. В доме, как и на корабле, все вещи располагаются так, что не мешают одна другой, готовы к использованию и находятся в доступности [1, с. 40]. Агамбен обращается и к Аристотелю, еще раз акцентируя внимание на том, что дом – это прежде всего пространство упорядоченного, цельного и единичного. Эта особенность является противоположной природе. Природный ландшафт обретает порядок и теряет свою неоднородность только после появления дома. Ландшафт открывается человеку с определенной точки в пространстве, которой в подавляющем большинстве случаев служит дом. В каком-то смысле строительство дома – это начальный этап картографирования ландшафта.

Хижины Хайдеггера и Витгенштейна можно сравнивать прежде всего на основе «экстремальных» ландшафтов, в которых они построены. Пространство вокруг хижин можно охарактеризовать как неоднородное, трудно поддающееся картографированию [4, с. 56]. Кажется, что вокруг хижин одновременно есть и поле, и горы, и лес, и долина. Хижины Хайдеггера и Витгенштейна являются идеальными примерами того, как строительство дома раскрывает неоднородный ландшафт. Также хижины двух философов чрезвычайно аскетичны в своем убранстве. Аскетичны они в той же мере, что и упорядочены. Можно предположить, что в данных примерах важна прежде всего самостоятельность акта строительства как раскрытия близлежащего пространства, а не удобство и комфорт, которые доступны в городах [3, с. 159].

Как показало сравнение, хижины Хайдеггера и Витгенштейна являются не просто жилищами, но и определенной формой философского высказывания, которое раскрывает близлежащий ландшафт. Также не случайно философы выбрали настолько отдаленные пространства для строительства. Строительство для Хайдеггера и Витгенштейна, возможно, являлось актом картографирования и попыткой самостоятельной сборки природного ландшафта.

Список используемых источников:

1. Агамбен Д. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 552 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Хайдеггер М. Строительство, жительство, мышление // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. №1(17). С. 157–173.
4. Sharr A., Unwin S. Heidegger's hut // Architectural Research Quarterly. 2001. № 1(5). P. 53–61.

The House as a Point on the Coordinates of Geophilosophy: Revealing the Earth Through Construction on the Example of M. Heidegger's and L. Wittgenstein's Huts

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Semukhin Semyon

Undergraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies,
National Research University Higher School of Economics
Correspondence to: sksemukhin@edu.hse.ru

The paper aims to show the role that home and construction play in conceptualizing the earth in philosophical discourse. The paper works to separate the house from other dwelling spaces and to construct the ontological status of the house. The paper also examines specific cases of the disclosure of landscape through the construction of the house, namely the construction of M. Heidegger's and L. Wittgenstein's huts.

Keywords: M. Heidegger, construction, landscape, disclosure, L. Wittgenstein.

References:

1. Agamben, G. (2018). *Tsarstvo i slava: K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [The kingdom and the glory: For a theological genealogy of economy and government]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (in Russ.)
2. Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and lectures]. Moscow: Respublika. (in Russ.)
3. Heidegger, M. (2020). Stroitel'stvo, zhitel'stvovanie, myshlenie [Building, dwelling, thinking]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, (1)17, 157–173. (in Russ.)
4. Sharr, A., Unwin, S. (2001). Heidegger's hut. *Architectural Research Quarterly*, 5(1), 53–61.

Как мы сочувствуем ложке: онтология театра предмета

Фрицлер Л.С.

В докладе предпринимается попытка проследить развитие представлений о месте человека и предмета в театральной культуре и их связи с мировоззренческими принципами той или иной эпохи. Также предлагается вариант осмысления онтологических оснований театра предмета через положения плоских объектно-ориентированных онтологий.

Ключевые слова: онтологические основания, театр предмета, объектно-ориентированная онтология.

Человека окружают предметы – природные или созданные человеком объекты. Отношение человека к предмету можно рассматривать как проекцию отношения человека к миру. Наиболее наглядно, в нашем представлении, это отношение проявляется в искусстве, особенно в театральном искусстве. Так, например, в отношениях человека и куклы, человека и неодушевленного предмета, усматривается мировоззренческий смысл. Семантика марионетки достаточно изучена – марионетка обозначала подчиненность страстям, зависимость от воли другого [1, с. 1].

Фрицлер Лидия Сергеевна, аспирант, Кафедра философии, медиа и журналистики, Тюменский государственный университет

адрес для корреспонденции: lidiya.abysheva@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© Л.С.Фрицлер

В 80-ые годы прошлого века возникает театр предмета, где главными героями становятся не созданные, как куклы, а «найденные» предметы: реальные ложки, вилки, носки. Театр предмета еще не осмыслен с мировоззренческой, тем более, онтологической точки зрения, в этом заключена актуальность предложенного исследования

Цель исследования – проследить, как менялось отношение к предмету, соответственно, к миру в контексте искусства театра и предположить, какие онтологические принципы может отражать театр предмета сейчас.

Место человека в мире и отношение человека к миру можно свести к трем глобальным типам: «мир-условие», «мир-средство», «мир-цель» [4, с. 94; 5, с. 95]. Эти три типа прослеживаются на протяжении человеческой истории и культуры. Попробуем рассмотреть их в контексте взаимоотношений человека и предмета, в частности, в театральных концепциях.

Первобытный мир для человека – это «мир-условие». Человек вписывается в него, познает его через чувственный опыт. Человек и предмет выступают как равноправные агенты. Предмет является частью обрядов, прото-театрализованных действий. Историк театра кукол Шарль Маньен пишет: «Первое возникновение театральной куклы – бесформенный кусок глины, или деревянный пень, который отец этих детей выбрал, чтобы сделать из него идола» [2, с. 22], – человек видит в окружающих предметах высшие силы и относится к предметам трепетно. С приходом христианства меняется мировоззрение, но способ рефлексии, отношения с миром предметов остается схожим. В религиозных театральных представлениях есть место предмету как священному: например, восточноевропейский вертепный ящик схож с алтарем.

Глобальный тип «мир-средство» вступает в свои права в эпоху перехода от традиционного общества к индустриальному. Происходит глобальный мировоззренческий сдвиг – человек начинает позиционировать себя как центр мира, а окружающие его предметы как ресурсы, предназначенные для удовлетворения потребностей. Театр эпохи Возрождения, как и вся культура этого периода, антропоцентричен. Предмет перестает быть равноправным агентом мира, отходит на второй план. Эта парадигма существует и в начале XX века, который оказывается богат на театральные концепции: примером может служить система К.С. Станиславского, основанная на психологическом переживании. Однако уже здесь можно заметить постепенную смену глобального типа: театральные практики того времени в том числе апеллируют к неантропоцентрическим образам, к артисту, который был бы точнее, вывереннее человека.

Третий способ мировосприятия, «мир-цель», актуализируется в постиндустриальном обществе. Здесь возникает тенденция преодоления отношения человека к миру как к средству достижения собственных целей, мир начинает осмысливаться как цель сама по себе, следовательно,

окружающие человека предметы также начинают восприниматься как самоценные. Таким образом, возникает идея, согласно которой человек не является центром мира, идея нон-антропоцентризма. Именно такая мировоззренческая перспектива представлена в театре предмета. В определенной мере он выступает и как ответ на присущую обществу потребления «одноразовую культуру» (Э. Тоффлер), на необходимость дать вещам «вторую жизнь», и как зеркало современного мировосприятия. Философия осмысляет такую картину мира по-своему – Г. Харман создает «новую «теорию всего» – объектно-ориентированную онтологию, согласно которой мир нон-антропоцентричен, иерархии нет, есть уравненные объекты. Иными словами, ложка, мысль о ней и человек ставятся на одну ступень. Он пишет: «Объекты действуют, потому что существуют, а не существуют потому, что действуют», – в парадигме «мир-цель», а также в логике театра предмета это утверждение оказывается крайне значимым [3, с. 223].

Таким образом, отношение к предмету в контексте театрального искусства претерпевало значительные трансформации, связанные с изменением отношения человека к миру и, соответственно, предметам, населяющим его. Современный предмет, выведенный на сцену «в чистом виде» – свидетельство нового мироощущения. Можно предположить, что положения объектно-ориентированной онтологии могут стать основой для понимания театра предмета, а значит, для миропонимания в целом, поскольку искусство часто становится зеркалом процессов, которые происходят в обществе.

Список используемых источников:

1. Слонимская Ю. Марионетка // Аполлон. 1916. № 3. С. 1–45.
2. Маньен Ш. История марионеток в Европе с древнейших времен до наших дней. М: Канон+, 2017. 286 с.
3. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М: Ад Маргинем Пресс, 2024. 256 с.
4. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. Второе издание, переработанное и дополненное. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1990. 593 с.
5. Яркова Е. Н., Ларин Ю. В., Павлов А. В. Эпистемология культуры как направление исследований // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. №10. С. 91–99.

How We Sympathise with the Spoon: An Ontology of Object Theatre

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Fritsler Lidiya

Postgraduate student, Department of Philosophy, Media and Journalism,
University of Tyumen

Correspondence to: lidiya.abysheva@gmail.com

The paper attempts to trace the development of ideas about the place of human and object in theatre culture and their relationship to the worldview principles of epoch. It also proposes a variant of comprehension of the ontological foundations of the object theatre through the object-oriented ontologies.

Keywords: ontological foundations, object theatre, object-oriented ontology.

References:

1. Slonimskaya, Yu. (1916). Marionetka [The puppet]. *Apollon*, (3), 1–45. (in Russ.)
2. Magnien, C. (2017). *Istoriya marionetok v Evrope s drevneyshikh vremyon do nashikh dney* [A history of puppets in Europe from ancient times to the present]. Moscow: Kanon+. (in Russ.)
3. Harman, G. (2024). *Obektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego"* [Object-oriented ontology: A new "theory of everything"]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russ.)
4. Akhiezer, A. S. (1990). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. II. Teoriya i metodologiya. Slovar'. Vtoroe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe [Russia: A critique of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). Vol. II. Theory and methodology. Dictionary. Second edition, revised and expanded]. Novosibirsk: Sibirsky Khronograf. (in Russ.)
5. Yarkova, E. N., Larin, Yu. V., & Pavlov, A. V. (2013). Epistemologiya kultury kak napravlenie issledovaniy [The epistemology of culture as a research direction]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (10), 91–99. (in Russ.)

«Большая» и «малая» земля в художественных текстах Элен Сиксу: от глобального к локальному

Чадова Е.В.

В докладе представлен перекрестный анализ двух работ Элен Сиксу – ее эссе «Мое алжирство» (1997) и романа «Гипер-сон» (2007), в которых писательница размышляет о вопросах деколониальности, а также о репрезентации «большой» и «малой» земли в культуре и литературе. Находясь на позиции «изгнанницы», будучи везде и нигде одновременно, Сиксу находит свой язык, который позволяет ей бороться с вездесущим дискурсом «большой» земли, находящим отражение в борьбе власти и противостоящих сил, терактах и мировых катастрофах.

Ключевые слова: Э. Сиксу, женское письмо, деколониальный поворот, «большая» и «малая» земля.

Элен Сиксу – известная французская писательница, которая вошла в историю литературы и философии в роли создательницы термина «женское письмо», вдохновленного идеями Ж. Деррида о различии, а также представлениями Ж. Лакана и Р. Барта о связи желания и текста. Большинство исследований, посвященных творчеству писательницы, связывают ее работы

Чадова Елизавета Владимировна, молодой преподаватель, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
адрес для корреспонденции: elizavetachadova19@gmail.com
Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Е.В. Чадова

с переосмыслением субъектно-объектных отношений между телом и разумом, женщиной и сексуальностью, а также с переосмыслением места женского письма в рамках патриархального литературного канона. Однако немаловажное место в творчестве Сиксу занимают актуальные на сегодняшний день тексты, осмысляющие ее алжирско-еврейское происхождение, противопоставление локуса «большого» государства и «большой» земли малым языкам и маргинальному происхождению. В докладе речь пойдет о деколониальном аспекте творчества писательницы, ярко проявившемся в ее работе «Мое алжирство» («Mon algériance», 1997), а также в романе «Гипер-сон» («Hypnôgêve», 2006), в котором она размышляет о проблемах, связанных с концепцией «большой» земли и «глобального мира», достигших наивысшего напряжения в теракте 11 сентября 2001 года.

Новизна исследования состоит в том, что анализы с деколониальной перспективы подвергаются тексты писательницы, мало репрезентированные как в зарубежном, так и в русскоязычном научном пространстве. Вместе с тем, именно эти тексты позволяют взглянуть на писательницу в рамке исследований земли и деколониального поворота. Сиксу, будучи рожденной в Ороне, в семье евреев-ашкенази, и при этом говоря на французском языке, с детства чувствовала себя оторванной от общего контекста принадлежности к единой большой культуре. В каком-то смысле практически весь корпус ее текстов можно поместить под знак «изгнания». Положение «изгнанницы» в самом широком смысле, со всей неоднозначностью и сложностью, служит основным творческим двигателем во всех работах писательницы. В конце концов мы обнаруживаем, что именно Алжир и ее «алжирство», о котором Сиксу редко писала напрямую в других работах, действительно формируют большую часть ее художественных текстов. Сиксу, чувствуя себя «изгнанной» из всех больших культур, в том числе родных, тем не менее очень чутко улавливает значимость репрезентации «малой» земли в общем литературном и культурном дискурсе. Она полагает, что «большая» земля, как и один магистральный дискурс, несет в себе катастрофические последствия, стирающие идентичности и частности. В результате удастся установить, что в сплетении языков и дискурсов в работах Сиксу воплощается художественная практика, которая выходит за рамки французского языка и охватывает все культурное многообразие. Находясь снаружи и внутри Орона, ее опыт не несет в себе разграничения языковых и национальных границ: «В улыбающейся и счастливой маленькой девочке я скрывала (от других и от себя) беспокойную маленькую девочку, которая хорошо знала, что на самом деле родилась в другом месте. Смутное чувство того, что я появилась там случайно, что я не имею права ни на наследство, ни на происхождение, физическое чувство того, что я хрупкий гриб, спора, вылупившаяся за ночь, которая держится за землю хрупкими едва появившимися корешками (...) «арабы» были истинным потомками этой пыльной и благоухающей почвы. Но когда я шла босиком

с братом по жарким тропам Орана, я чувствовала, как мои ноги ласкают гостеприимные ладони древних мертвецов этой страны, и муки моей души утихали» [1, p. 126]. Как отмечают исследователи, Сиксу творит в постоянной готовности к «переводу» с одного языка на другой, где не только каждый язык содержит возможность говорения на другом языке, но и каждый город и любая земля содержат в себе потенциальность оказаться в других местах [2, p. 435].

Список используемых источников:

1. Cixous H. *Stigmata: escaping texts*. London: Routledge, 1998. 208 p.
2. Rabourdin C. Being outside inside Oran: Deconstruction, translation and architecture in Hélène Cixous's *Promised cities* // *The Translator*. 2023. 29(4). P. 435–448.

“Minor” and “Major” Land in the Fiction of Hélène Cixous: From the Global to the Local

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Chadova Elizaveta

Young teacher, Institute of Humanities, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

Correspondence to: elizavetachadova19@gmail.com

The report represents a cross-analysis of two works by Hélène Cixous – her essay “My Algeriance” (1997) and her novel “Hyperdream” (2006), in which the writer reflects on issues of decolonization, as well as on the representation of “major” and “minor” lands in culture and literature. Being in the position of an “exile”, everywhere and nowhere at the same time, Cixous finds her own language that allows her to fight the omnipresent discourse of the “major” land, reflected in the struggle between power and opposing forces, terrorist attacks and global catastrophes.

Keywords: H. Cixous, women's writing, decolonial turn, “major” and “minor” land.

References:

1. Cixous, H. (1998). *Stigmata: Escaping texts*. London: Routledge.
2. Rabourdin, C. (2023). Being outside inside Oran: Deconstruction, translation and architecture in Hélène Cixous's *Promised cities*. *The Translator*, 29(4), 435–448.

Геофилософия шаманизма: природа Сибири в лоне шаманизма

Шадрина С.А.

Доклад создан с целью выявить взаимосвязи философского и территориального в учениях сибирских шаманов, подтвердив или опровергнув тем самым выдвигаемую гипотезу. Предполагается, что философия сибирских шаманов базируется не только на общих положениях шаманизма, но и сепаративно по отношению к локализованным в иных частях света последователям в свою основу включает экологические особенности природы Прибайкальского края, что актуализирует геологический, региональный аспект исследования. Приведен сжатый анализ мифологии малых этнических групп, позволивший по существу раскрыть тему работы.

Ключевые слова: геофилософия, мифология, Сибирь, Прибайкалье, шаманизм, природа.

На данный момент Сибирский шаманизм, как и шаманизм в целом, нельзя назвать мало исследованной областью. Однако, интерпретация отдельных положений столь многостороннего явления все еще вызывает интерес,

Шадрина Софья Алексеевна, студент бакалавриата, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: sofya.sh.145@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© С.А.Шадрина

поскольку допускает и даже поощряет их смежный анализ. Понять шамана, не будучи им, задача не из легких, посему актуальность ее в научном мире вполне оправдана. Религиозный, психологический, социально-экономический, философский и этногеографический аспекты причудливо переплетаются в этой концепции. Выбранная междисциплинарная сфера исследования (геофилософия) также предлагает массу вариантов для анализа этой темы. Именно поэтому смысловой акцент расставлен на значении территории для шаманов, а рассматривается он через призму культурного и экологического опыта этноса, который и был сужен до границ Прибайкалья, обладающего ценной для всего мирового сообщества природой. Тогда, гипотетически, природный аспект имеет превосходящее значение, поскольку способствует формированию новых течений.

Мнения по поводу восприятия шаманизма рознятся, часть научного сообщества склонна оценивать его лишь как религию, часть отмечает, что это целая культура, отдельный философский концепт, где главная фигура – шаман. В старой литературе о Сибири и ее обитателях, когда речь заходила об обрядах и верованиях, в центре внимания оказывались шаман и его действия [2, с. 26]. Закономерно предположить, что его действия базировались, в том числе, на приобретённом ранее социокультурном опыте. Исторически буряты (яркие представители Сибирского шаманизма) занимали большую территорию, жили от Байкала вплоть до Енисея [3, с.78], поэтому в корне неправильно было бы при более детальном рассмотрении смешивать этнический опыт народа, игнорируя присущие каждому меньшинству особенности. Здесь выручает опора на некий геологический магнит, экологическое значение которого для всех жителей Прибайкалья велико – сам Байкал.

Природа Байкала – источник вдохновения для создания фольклора. В работе Тараса Максимовича Михайлова указаны такие жанры как мифы и рассказы анимистического содержания. Шаманская мифология, помимо прочего, включала мифы о великих эжинах гор, рек, озер, Ольхона, Лены и т.д. Анимизм же проявлялся в одухотворении вышперечисленного. Духов боялись и поклонялись им, однако их воспевание не всегда имело подоплеку бережного отношения к природе. Часто пугающие мифы служили рычагом давления на преобладающее в то время (XVII- начало XX) религиозное сознание местных [1, с. 123]. Не стоит забывать и о резко континентальном климате, не позволяющем в указанный исторический период точно предугадать погоду. Это ставило население в уязвимое положение. Единственный доступный способ предостерчься – жертвоприношение и поклонение тотемам, то есть вновь религиозные акты.

Где же в таком случае чистая философия в рассматриваемом явлении? Скорее всего, в индивидуальной интерпретации каждого шамана, в удивительной способности следовать собственным убеждениям,

основываемым на особенностях личного социокультурного опыта каждого представителя. Так, Д. Банзаров писал: «[В]нешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, и явления того и другого – вот что было источником черной веры» [2, с. 26].

Подытоживая, отметим ряд противоречий, не позволяющих до конца определить, опровергнута гипотеза или подтверждена. Проанализировав несколько источников, однозначный вывод сделать не удастся. Стала ли приобщенность к природным красотам и ее дарам, присущая народам Сибири до развития шаманизма, причиной их более трепетного отношения в рамках рассматриваемой концепции в дальнейшем? Или, напротив, опыт народа не повлиял, поскольку положения интерпретируются конкретными лицами? Но интерпретации создаются ими в силу, опять же, социокультурного опыта, тогда геология имеет первостепенное значение. Четко простроить иерархию всех компонентов на этом этапе не удастся. Одно ясно точно, широта темы доклада соизмерима с количеством граней в явлении шаманизма. Итогами проделанной работы можно считать частичное погружение в геофилософию сибирского шаманизма и сжатый анализ его составляющих.

Список используемых источников:

1. Михайлов Т. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 290 с.
2. Хаккарайнен М., Штырков С. Религиозная жизнь Сибири и Дальнего Востока: Материалы к учебнику. СПб.: Нестор-История, 2015. 68 с.
3. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 508 с.

Geophilosophy of Shamanism: The Nature of Siberia in the Womb of Shamanism

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Shadrina Sofia

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: sofya.sh.145@mail.ru

The report was created in order to identify the interrelationships of the philosophical and territorial in the teachings of Siberian shamans, thereby confirming or refuting the hypothesis put forward. It is assumed that the philosophy of Siberian shamans is based not only on the general provisions of shamanism, but also separately

in relation to followers localized in other parts of the world, it includes the ecological features of the nature of the Baikal Territory, which actualizes the geological, regional aspect of the study. A concise analysis of the mythology of small ethnic groups is given, which essentially revealed the topic of the work.

Keywords: geophilosophy, mythology, Siberia, Baikal region, shamanism, nature.

References:

1. Mikhailov, T. (1987). *Buryatskiy shamanizm: Istoriya, struktura i sotsial'nye funktsii* [Buryat shamanism: History, structure, and social functions]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
2. Hakkarainen, M., Shtyrkov, S. (2015). *Religioznaya zhizn' Sibiri i Dal'nego Vostoka: Materialy k uchebniku* [Religious life of Siberia and the Far East: Materials for a textbook]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)
3. Khangalov, M. N. (2004). *Sobranie sochineniy: V 3 t. T. 1* [Collected works: In 3 vols. Vol. 1]. Ulan-Ude: Izd-vo OAO "Respublikanskaya tipografiya". (in Russ.)

Философские аспекты теории биоэкономики Джорджеску-Регена: диалектика энтропии

Аристова М.О.

Теория румынского математика Джорджеску-Регена совмещает в себе критику неоклассической экономики, теорию энтропии и экологическую перспективу, однако не обращается к философской перспективе. В докладе будет произведено философское осмысление теории экологической экономики через теоретическую призму диалектики.

*Ключевые слова: энтропия, диалектика, биоэкономика,
Н. Джорджеску-Реген.*

Как могут быть связаны критика неоклассической экономики, второй закон термодинамики и экология? В 1970-х годах румынский математик Николас Джорджеску-Реген осуществил анализ принципов экономического роста неоклассической экономики, применив в рамках своей исследовательской оптике второй закон термодинамики, или закон энтропии. Этот жест он обосновал существованием неразрывной связи между развитием термодинамики, как области научного знания, и индустриальной экономикой. Так, основатель теории термодинамики Сади Карно отмечал, что «термодинамика началась как физика экономической ценности и осталась

Аристова Марина Олеговна, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: maristaa132@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.О.Аристова

таковой...» [1, с. 83]. Именно благодаря развитию термодинамики индустриальные двигатели позволили капитализму ускорить свое стремительное развитие, приведшее к разрушительным для окружающей среды последствиям. Джорджеску-Реген, однако, не демонизирует термодинамику как таковую, напротив, он намерен обосновать необходимость прекращения экономического роста при помощи термодинамической теории. Джорджеску-Реген опирается на одну из множества формулировок второго закона термодинамики: «энтропия (т.е. количество связанной энергии) замкнутой системы непрерывно возрастает, или порядок в такой системе неуклонно превращается в беспорядок» [1, с.83]. Каким образом этот закон может быть применен к сфере экологической экономики? Джорджеску-Реген предоставляет свой ответ в рамках созданной им дисциплины – биоэкономики [1]. Дело в том, что экологическая система Земли также является закрытой системой, внутри которой энергия подвержена действию энтропии, т. е. диссипации. Если энтропия, как ее определяет Джорджеску-Реген, это «показатель количества недоступной энергии в данной термодинамической системе в определенный момент ее эволюции» [1, с. 99], то количество природных ресурсов, расположенных в закрытой системе Земли, необратимо превращаются в «недоступную» энергию, переходя от состояния низкой энтропии к состоянию высокой энтропии. Недоступная энергия сожженных ресурсов более не может быть преобразована в механическую работу, а капиталистические процессы энергопотребления лишь ускоряют необратимые процессы энтропии [1, с. 98]. Здесь я хочу обратить внимание на диалектику роста и разрушения, сходную с диалектикой производства и потребления Маркса [2, с. 90-93]. Маркс отмечает, что в экономическом процессе производство и потребление сближаются до практической неразличимости. Так, производство требует потребления материалов, а потребление воспроизводит тело рабочего: появляются такие диалектические категории как производственное потребление и потребляющее производство [2, с. 90-93]. В рамках термодинамической теории действует сходная диалектика, она наиболее четка выражена в феномене жизни, описанном в книге Джереми Ингланда «Каждая жизнь в огне: как термодинамика объясняет происхождение живых существ» [3]. Многие исследователи на протяжении долгого времени считали, что жизнь является исключением, неподчиняющимся второму закону термодинамики. Жизнь, вопреки декларируемой всеобщей тенденции к распаду, способна поддерживать рост. Подобная иллюзия сопротивления энтропии объясняется тем, что система тела является открытой системой: тело потребляет и уничтожает энергию, поступающую в организм извне, тем самым увеличивая энтропию. Таким образом, появляется диалектическое взаимодействие между ростом и разрушением, оно функционирует и на экономическом уровне. Однако, как подчеркивает Джорджеску-Реген, экономический рост превышает

потребности воспроизводства человеческой жизнедеятельности, подвергая планету опасности экологической катастрофы. Поддержание экологической системы Земли невозможно в рамках текущих темпов экономического роста и, как утверждает Джорджеску-Реген, необходимо прекратить экономический рост. Диалектическому анализу проекта Джорджеску-Регена и будет посвящен доклад.

Список используемых источников:

1. Georgescu-Roegen N. From bioeconomics to degrowth: Georgescu-Roegen's' new economics' in eight essays. London: Taylor & Francis, 2011. 256 p.
2. Marx K. Grundrisse: Foundations of the critique of political economy. London: Penguin UK, 1993. 912 p.
3. England J. Every life is on fire: how thermodynamics explains the origins of living things. London: Hachette UK, 2020. 256 p.

Philosophical Aspects of Georgescu-Roegen's Theory of Bioeconomics: Dialectic of Entropy

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Aristova Marina

Independent Researcher, Stasis Center for Practical Philosophy, European University at Saint-Petersburg
Correspondence to: maristaa132@gmail.com

The theory of Romanian mathematician Georgescu-Regen combines a critique of neoclassical economics, entropy theory and an ecological perspective, but it does not provide a philosophical perspective. The paper will analyze the theory of ecological economics through the philosophical method of dialectics.

Keywords: entropy, dialectic, bioeconomics, N. Georgescu-Roegen.

References:

1. Georgescu-Roegen, N. (2011). *From bioeconomics to degrowth: Georgescu-Roegen's' new economics' in eight essays*. London: Taylor & Francis.
2. Marx, K. (1993). *Grundrisse: Foundations of the critique of political economy*. London: Penguin UK.
3. England, J. (2020). *Every life is on fire: how thermodynamics explains the origins of living things*. London: Hachette UK.

Необъяснимый искусственный интеллект: проблема или закрытый ящик?

Боброва В.Ю.

Современные вычислительные методы, основанные на технологиях искусственного интеллекта, часто характеризуются непрозрачностью, что затрудняет их интерпретацию. В докладе предлагается рассмотреть роль этих методов в науках о жизни на примере AlphaFold – программы Google DeepMind, создатели которой в 2024 году стали лауреатами Нобелевской премии по химии «за вычислительный дизайн белков и предсказание их структуры». На основе эмпирического исследования анализируются влияние непрозрачности на научную практику и роль технологических корпораций в формировании стандартов in silico методов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, непрозрачность алгоритмов, AlphaFold, in silico метод.

Перед науками о жизни еще во второй половине XX века встала проблема обработки все возрастающего объема данных о различных последовательностях (ДНК, РНК, аминокислот). Этот вызов способствовал развитию вычислительных, биоинформатических методов, которые

Боброва Владислава Юрьевна, студент магистратуры, Школа вычислительных социальных наук, Центр STS, Европейский университет в Санкт-Петербурге
адрес для корреспонденции: vu.bobrova@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© В.Ю.Боброва

трансформировали существующие практики смыслопорождения в науке [1, с. 49]. В настоящее время цифровая трансформация наук о жизни активно изучается исследователями поля STS [2], особое внимание уделяется вычислительным методам в геномике и медицине. Одни из самых продвинутых вычислительных методов на данный момент основываются на технологиях искусственного интеллекта (ИИ), в частности – технологиях глубокого машинного обучения.

Проблематика исследования заключается в принципиальной закрытости данной технологии для полной интерпретации, т.е. отсутствие понимания цепочки действий, приводящей к конкретному результату. В литературе это обозначается термином «непрозрачности» [3, с. 898; 4, с. 174], которая имеет разные измерения, включая сложность внутреннего устройства нейронной сети, ограничения в доступе к исходным данным, имплицитность процесса обучения модели и др. Это часть более широкой проблемы интерпретируемости ИИ-систем, основанных на машинном обучении и глубоких нейронных сетях. Эта необъяснимость может привести к проблемам с доверием к системе ИИ и невозможности предоставить пользователям объяснения ее решений [5, с. 2-3].

В данной работе предлагается изучить проблематику объяснимого ИИ в области науки на примере технологического продукта корпорации Google DeepMind – программы AlphaFold, создатели которой в 2024 году стали лауреатами Нобелевской премии по химии «за вычислительный дизайн белков и предсказание их структуры». Направляющими стали следующие вопросы: как ученый интерпретирует результат, полученный с помощью глубокой нейронной сети? Как в обосновании надежности алгоритмов глубоких нейронных сетей проявляет себя проблема непрозрачности?

Исследование выполнено в качественной методологии. Для поиска ответа было проведено полевое исследование, включающее методы наблюдения и интервью с биологами, биоинформатиками, химиками и инфохимиками, а также анализ документов. Часть материалов собрана в ведущих биологических институтах Новосибирского Академгородка, а вторая часть – в условиях междисциплинарного исследовательского центра в Санкт-Петербурге.

Согласно предварительным результатам, необъяснимость и непрозрачность ИИ не является универсальной. Рассмотрены две версии программы AlphaFold, для которых были описаны разные аспекты непрозрачности. С одной стороны, в повседневной практике использование второй версии (AlphaFold 2) представляется рутинным, т.е. она переходит в категорию «черных ящиков» [6, с. 31]. Вручение Нобелевской премии в этом контексте способствует укреплению этого нечеловеческого актора в сети производства научного знания как некоторого нового стандарта в *in silico* методах. С другой стороны, для некоторых ученых непрозрачность технологии является осознаваемым ограничением. Вместе с тем в рассмотренных случаях

применение методов *in silico* происходило в сочетании с экспериментами *in vivo*, т.е. наблюдалось взаимодополнение методов.

Применительно к последней версии программы (AlphaFold 3) показан аспект непрозрачности технологии, связанный с открытостью и доступностью программного кода. Анализируется спор, спровоцированный отказом Google DeepMind в его публикации, и делается вывод о том, что в данном контексте непрозрачность становится проблемой взаимодействия технологической корпорации и академического сообщества.

Список используемых источников:

1. Fujimura J. H. The practices of producing meaning in bioinformatics // Fortun M and Mendelson E (eds) The Practice of Human Genetics. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 1999. P. 49–87.
2. Hilgartner S. Reordering Life: Knowledge and Control in the Genomics Revolution. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. 368 pp.
3. Christin A. The ethnographer and the algorithm: beyond the black box // Theor Soc. 2020. V. 49. № 5–6. P. 897–918. <https://doi.org/10.1007/s11186-020-09411-3>
4. Кузнецов А. Г. Туманности нейронных сетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // Социология власти. 2020. Т. 32. №2. С. 157-182.
5. Karim M. R. и др. Explainable AI for Bioinformatics: Methods, Tools and Applications // Briefings in Bioinformatics. 2023. V. 24. № 5. P. 1-22. doi: 10.1093/bib/bbad236
6. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Unexplainable Artificial Intelligence: A Problem or a Black Box?

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Bobrova Vladislava

Master's student, School of Computational Social Sciences; STS Center, European University at Saint-Petersburg

Correspondence to: vu.bobrova@gmail.com

Modern computational methods based on artificial intelligence technologies are often characterized by opacity, making their interpretation challenging. This presentation explores the role of these methods in the life sciences using the example of AlphaFold, a program developed by Google DeepMind, whose creators were awarded the 2024 Nobel Prize in Chemistry "for the computational

*design of proteins and the prediction of their structure." Based on an empirical study, the analysis focuses on the impact of opacity on scientific practice and the role of technology corporations in shaping the standards of *in silico* methods.*

Keywords: artificial intelligence, algorithmic opacity, AlphaFold, in silico methods.

References:

1. Fujimura, J. H. (1999). The practices of producing meaning in bioinformatics. Fortun M. and Mendelson E. (eds). *The Practice of Human Genetics*. Dortrecht: Kluwer Academic Publishers, 49–87.
2. Hilgartner, S. (2017). *Reordering Life: Knowledge and Control in the Genomics Revolution*. Cambridge: The MIT Press.
3. Christin, A. (2020). The ethnographer and the algorithm: Beyond the black box. *Theory and Society*, 49(5–6), 897–918. <https://doi.org/10.1007/s11186-020-09411-3>
4. Kuznetsov, A. G. (2020). Tumannosti nejronnykh setej: «chjornye yashhiki» tekhnologij i naglyadnye uroki neprozrachnosti algoritmov [The fog of neural networks: “black boxes” of technologies and visual lessons of algorithmic opacity]. *Sociologiya vlasti*, 32(2), 157–182. (in Russ.)
5. Karim, M. R., Islam, T., Shajalal, M., Beyan, O., Lange, C., Cochez, M., Rebholz-Schuhmann, D., & Decker, S. (2023). Explainable AI for Bioinformatics: Methods, Tools and Applications. *Briefings in Bioinformatics*, 24(5), 1-22. <https://doi.org/10.1093/bib/bbad236>
6. Latour, B. (2013). *Nauka v dejstvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: following scientists and engineers inside society]. Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russ.)

Бесконечный эксперимент: политики экспериментов в образовании

Валеева Н.Б.

В докладе анализируется экспериментальность в образовании как феномен, формирующий и само знание, и его условия. Автор характеризует образовательный эксперимент через построение аналогий между эпистемологией научного эксперимента и определением художественного эксперимента.

Ключевые слова: эпистемология эксперимента, образовательный эксперимент, философия образования.

We permit all things to ourselves, and that
which we call sin in others, is experiment for us.
Ральф Уолдо Эмерсон, Опыт

Эксперимент – это (а) необходимо итеративный метод познания, и (б) категория, определённая исторически, сама формировавшаяся в итерациях. В науке экспериментальная установка служит гарантом прозрачности и воспроизводимости объяснения. Однако в эксперимент заложен внутренний парадокс – эксперимент не имеет логического окончания, но разрешается через набор ожиданий как внешних для дисциплины – теоретические ожидания, исчерпывающие статистические основания, технологические ограничения [1], так и (ложно) представляющимися

Валеева Надежда Борисовна, студент бакалавриата, Школа перспективных исследований, Тюменский государственный университет

адрес для корреспонденции: n.valeeva.sas@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Н.Б.Валеева

внешними для науки в целом – институциональные и социальные расстановки сил.

В контексте политики объяснения эксперимент можно рассматривать как процесс конституирования знания, в котором сцеплены дискурсивные и материальные практики. Ханс-Йорг Райнбергер описывает, как эксперимент создаёт «эпистемические вещи» – объекты, которые одновременно подчинены процессу исследования и определяют его направление [2]. И, находясь в подчинении теоретических и статистических ограничений, институциональных и социальных условий, перформативные «продукты» эксперимента – эпистемические вещи – создают короткие замыкания, когда переходят из поля естественной науки в поля культуры, образования, социальной науки.

В частности, в этих областях экспериментальность оказывается ещё менее формализуемой: её итеративный характер делает любые попытки завершения условными и риторическими. Эксперимент часто становится синонимичен для различных стратегий разрушения старых форм, расширения и отрицания существующих институциональных практик. В образовании – центральной для данной секции сферы – экспериментальность проявляется не только как метод, но и как способ переосмысления границ дисциплины, а также условий производства знания. В отличие от естественных наук, где воспроизводимость часто выступает критерием завершённости эксперимента, в гуманитарных дисциплинах экспериментальность функционирует как движущая сила рефлексии, не имеющая логического конца – но и не требующая конца?

Это – исследовательский вопрос доклада; если Галисон, когда пишет об эксперименте в физике, спрашивает: чем кончается эксперимент? [3], то наш вопрос, относящийся к эпистемологии эксперимента в образовании – должен ли эксперимент кончаться? Данный доклад предлагает рассмотреть экспериментальность как стратегию объяснения, эвристический инструмент, переопределяющий себя; и, поиски ответа на этот вопрос – о том, как эксперимент одновременно производит знание и модифицирует границы объяснения, – лежат через необходимую итеративность самого процесса образования [1], свойства эксперимента и его объекта [2], альтернативные определения экспериментальности в культуре [4] и свойства самого нашего наблюдения [5] – как внутри естественной науки, так и в полях, где социальные и институциональные ограничения превосходят технические, теоретические и статистические. Для производства знания в образовании центральное свойство (образовательного) эксперимента – открытость, незавершённость или незавершаемость эксперимента бросает вызов самой возможности прозрачного, окончательного объяснения.

Список используемых источников:

1. Dewey J. Experience and Education. New York: Macmillan, 1938. 91 p.
2. Rheinberger H.-J. Toward a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube. Stanford: Stanford University Press, 1997. 295 p.
3. Galison P. How Experiments End. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 330 p.
4. Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 287 p.
5. Angles: What Do We Mean by Experimental Art? [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.4000/angles.962> (Дата обращения: 20.02.2025).

Perpetual Experiment: The Politics of Experimentation in Education

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Valeeva Nadezhda

Undergraduate student, School of Advanced Studies (SAS), University of Tyumen

Correspondence to: n.valeeva.sas@gmail.com

The paper analyzes experimentality in education as a phenomenon that shapes both knowledge and its conditions. The author characterizes the educational experiment by drawing analogies between the epistemology of the scientific experiment and the definition of the artistic experiment.

Keywords: epistemology of experiment, educational experiments, philosophy of education.

References:

1. Galison, P. (1987). *How Experiments End*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Rheinberger, H.-J. (1997). *Toward a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube*. Stanford: Stanford University Press.
3. Dewey, J. (1938). *Experience and Education*. New York: Macmillan.
4. Hacking, I. (1983). *Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Angles: What do we mean by experimental art? URL: <https://doi.org/10.4000/angles.962> (Accessed on: 20.02.2025).

Эволюционная теория с точки зрения философии науки Томаса Куна и Имре Лакатоса

Гамахария П.Д.

Исследование посвящено эволюционной теории от ее истоков до актуальных концепций современности. Описаны динамика дарвинизма и антидарвинизма в перспективе философско-научных проблем. Дарвин предложил целую теоретическую систему, в которой можно выделить пять наиважнейших теорий: эволюционную теорию (факт эволюции), теорию общего происхождения организмов (включая и человека), теорию градуализма (эволюция идет путем возникновения малых различий), теорию умножения числа видов и теорию естественного отбора. Выявление этих составляющих имеет огромное значение для историков и философов науки, поскольку их судьбы существенно различались.

Ключевые слова: эволюционная теория, дарвинизм, исследовательские программы, Т. Кун, И. Лакатос.

Когда американский физик и философ Т. Кун опубликовал в 1962 г. свою теорию структуры научных революций, это привело, по словам И. Хакинга, к кризису рациональности [1, с. 1] поскольку его теория рассматривала скачкообразное развитие науки. Кун утверждал, что ученые определенной

Гамахария Паата Джейранович, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: rgamakhariya@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© П.Д.Гамахария

дисциплины разделяют некий набор базовых принципов, названный им «парадигмой» (или «дисциплинарной матрицей») и позволяющий им заниматься так называемой «нормальной наукой». Накапливаясь, экспериментальные аномалии приводят к революционным изменениям. Старая парадигма сменяется новой, причем новая оказывается «несоизмерима» со старой, поскольку основана на принципиально отличных базовых установках. Итак, долгие периоды «нормальной науки» разделяются кратковременными научными революциями.

Философия науки Куна имеет большое значение в истории науки, однако ее применимость к истории биологии вызывала много вопросов. Дарвиновская революция же является одним из немногих примеров научных революций, полностью поменявших научное мировоззрение. Подлинная научная революция в биологии произошла благодаря Дарвину, опубликовавшему в 1859 г. «Происхождение видов путем естественного отбора». Однако дарвиновская революция не вписывается в куновскую схему.

Сложность заключается в том, что Дарвин произвел не одну, а две научные революции, которые Майр обозначил как первую и вторую дарвиновские революции, причем вторая случилась уже в XX в. при участии самого Майра, хотя в ее основе лежала дарвиновская идея естественного отбора [2, с. 5]. Изменчивостью и отбором новых концепций развитие биологии скорее напоминает саму органическую эволюцию [3, с. 329]. У Куна изменения в науке приравниваются к изменениям в религиозных верованиях [4, с. 98]. Более того, исследовательские программы ведут себя так же, как и дарвиновские организмы, т. е. конкурируют за ресурс [5, с. 230].

Применимость «неолакатовского» подхода для описания эволюции эволюционной биологии и особенно перехода от синтетической теории эволюции к расширенному синтезу рассматривалась в современной литературе [6, с. 15].

Эволюционная теория – это развивающаяся, динамическая теоретическая система [2, с. 8]. Как и указывал Э. Майр, ее история не вписывается в теорию научных революций Т. Куна, более того, полностью ей противоречит, однако ее можно описать в терминах И. Лакатоса, модифицировав его теорию. Несмотря на то, что эволюционная идея в биологии была сформулирована до Дарвина, именно он предложил строго каузальную теоретическую систему, обосновывающую все ключевые аспекты эволюции и способную объяснить развитие живого в его целостности. Открытие Дарвина привело к теоретическому взрыву и появлению в том числе альтернативных теорий эволюции. Эти теории заполнили все пространство теоретических возможностей и начали конкурировать между собой и с дарвиновской теорией отбора. По сути, это были лакатосовские исследовательские программы, включавшие в себя отдельные теоретические модули (мутационизм,

ортогенез, селекционизм и т.д.) в различных комбинациях [5, с. 242]. К середине XX в. победу в этой борьбе за существование одержал дарвинизм в виде СТЭ, где в ядре исследовательской программы были монофилетическая теория эволюции и естественный отбор [2, с. 12]. СТЭ оказалась в состоянии охватить большинство биологических дисциплин, объединив, например, зоологическую систематику [7, с. 19] и популяционную генетику [8, с. 123]. С точки зрения науковедения трудность здесь заключается в том, что «ядро» этой исследовательской программы исторически медленно, но расширяется, обогащаясь новыми модулями, бывшими некогда «вспомогательными гипотезами» или даже соперничающими теориями [5, с. 242]. К примеру, в классическом дарвинизме (дарвинизме самого Дарвина) теория наследования приобретенных признаков была дополняющей теорию отбора вспомогательной гипотезой. СТЭ исключило эту теорию из своей теоретической системы, но на новом этапе расширенный эволюционный синтез включил ее подобие в ядро программы в виде теории эпигенеза [9, с. 311].

Список используемых источников:

1. Hacking I. Representing and Intervening, Cambridge, Mass.: Cambridge University Press. 1983.
2. Юнкер Т., Хоссфельд У. Открытие эволюции: Революционная теория и ее история. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007.
3. Mayr E. Systematics and the Origin of Species. New York: Columbia University Press, 1942.
4. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes, in Lakatos I. and Musgrave, F. Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science. London, 1965. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. pp. 91–196.
5. Левит Г. С. и Хоссфельд У. Теории эволюции и их история в перспективе философии науки. В. Осипов, И. Д. и Погодин, С. Н. (ред.) // Философия науки: История и современность. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 294–328.
6. Pievani T. An Evolving Research Programme: The Structure of Evolutionary Theory from a Lakatosian Perspective in Fasolo, A. The Theory of Evolution and Its Impact, Milano: Springer, 2012.
7. Mayr E. The advance of science and scientific revolution // Journal of the history of behavioral sciences. 1994. V. 30. pp. 328–334.
8. Dobzhansky Th. Genetics and the Origin of Species. New York: Columbia University Press, 1937.
9. Левит Г. С. Хоссфельд У. Теория эволюции и философия науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т.37. Вып. 2. С. 229–246.

Evolutionary Theory from the Point of View of the Philosophy of Science of Thomas Kuhn and Imre Lakatos

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Gamakhariya Paata

Independent Researcher

Correspondence to: pgamakhariya@mail.ru

The study is devoted to the theory of evolution from its origins to current concepts of modern times. The dynamics of Darwinism and anti-Darwinism are described in the perspective of philosophical and scientific problems. Darwin proposed a whole theoretical system, in which five most important theories can be distinguished: the theory of evolution (the fact of evolution), the theory of the common origin of organisms (including humans), the theory of gradualism (evolution proceeds by the emergence of small differences), the theory of the multiplication of the number of species, and the theory of natural selection. Identifying these components is of great importance for historians and philosophers of science, since their fates differed significantly.

Keywords: evolutionary theory, darwinism, research programs, T. Kuhn, I. Lakatos

References:

1. Hacking, I. (1983). *Representing and Intervening*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press.
2. Yunker, T., Hossfel'd, U. (2007). *Otkrytie evolyucii: Revolyucionnaya teoriya i ee istoriya* [The Discovery of Evolution: A Revolutionary Theory and Its History] (in Russ)
3. Mayr, E. (1942). *Systematics and the Origin of Species*. New York: Columbia University Press.
4. Lakatos, I. (1970). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes in Lakatos I. and Musgrave F. *Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science*. Cambridge University Press. P. 91–196.
5. Levit, G. S. Hossfel'd, U. (2020). Teorii evolyucii i ih istoriya v perspektive filosofii nauki [Theories of evolution and their history in the perspective of the philosophy of science]. *Filosofiya nauki: Istoriya i sovremennost'*, P. 294–328. (In Russ.)

6. Pievani, T. (2012). *An Evolving Research Programme: The Structure of Evolutionary Theory from a Lakatosian Perspective. The Theory of Evolution and Its Impact.* Milano: Springer.
7. Mayr, E (1994). The advance of science and scientific revolution. *Journal of the history of behavioral sciences*, 30, 328–334.
8. Dobzhansky, Th. (1937). *Genetics and the Origin of Species.* New York: Columbia University Press.
9. Levit, G. S. Hossfel'd U. (2021). Teoriya evolyucii i filosofiya nauki [Theory of evolution and philosophy of science]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. *Filosofiya i konfliktologiya*, 37, 2, 29–246. (In Russ.)

Антиномии современного образования: от «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля к «Логике смысла» Ж. Делёза

Гурьянов А.В.

В докладе поднимается вопрос о неоднозначном или противоречивом статусе образования в современной культуре. В рамках философского анализа соотношения смены парадигм в оптике «Науки логики» Гегеля и «Логики смысла» Делёза, как концептуализации парадигмы знания и парадигмы смысла проблематизируется содержание и методы развития образования.

Ключевые слова: парадигма образования, логика, антиномия, культура.

Развитие современного образования неотделимо от судьбы той культуры, в которой оно обретает цель и содержание своей деятельности. Более того, именно сам характер и тип культуры формирует смыслы и организует процессы развития человека посредством системы образования, как специфической формы деятельности, направленной на работу с сознанием в значимых для исторического времени парадигмах мышления. Под парадигмой (от греч. *παράδειγμα*, пример, модель, образец) будем

Гурьянов Алексей Владимирович, аспирант, Самарский государственный
экономический университет

адрес для корреспонденции: alesha-kuprin@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.В.Гурьянов

понимать всю совокупность убеждений, ценностей и т.д., которая характерна для членов данного со-общества [1].

Образование, которое реализуется через ступени средней и высшей школы и сформированное культурой Просвещения, до сих пор сегодня находит свое проявление и реализуется через принципы классической парадигмы новоевропейского рационализма: монологичность передачи знаний, рациональность системы воспроизводимости и повторяемости одной научной истины, стремление к поиску знаний как объективной необходимости, отраслевой дифференциации знаний через систему научно-предметных дисциплин и т.д. В этом перечислении скрывается и реальность, и противоречие образования. Антиномия проступает через взаимодействие и касание, присутствие, с одной стороны, логикоцентристской парадигмы в образовании (метафорой которой для нас выступает ключевой текст Гегеля «Наука логики» [2]), с другой – состояние современной культуры, которое демонстрирует смену подходов и ценностных ориентиров, обозначая себя как мозаичная, диалогическая, полилогическая реальность, вырабатывающая принципы нового рационализма, в который ценность индивидуальности, элементы случайности значат не меньше, чем обоснованность и необходимость.

Вторая антиномия связана с методологией современного образования, тем противоречием, которое усматривается, с одной стороны, в стремлении общества сформировать у человека сумму знаний, умений и навыков, а, с другой стороны, рост и объем информации не позволяет системе справиться с ее «обработкой», вынуждая последнюю перестроить алгоритмы и методы работы педагогического действия с «парадигмы знания» на «парадигму смыслов» (метафору данного комплекса идей и ценностей выражает для значимый для этого момента текст Ж. Делёза «Логика смысла» [3]).

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что «текущая современность», говоря терминами З. Баумана [4], подвижность, изменчивость смыслов и содержательного наполнения культурных феноменов в соединении с цифровизацией общества все более обозначает трансгрессию современного образования от просвещенческого образца, как стратегии «представления мира» к «культуре присутствия» [5]. Перестройка культуры и вместе с ним системы формирования личности, образования человека, как переход сознания от знания к смыслу есть, как говорил М. Мамардашвили, «великодушие» [6, с. 7], способность и готовность «великой души» вместить «событие в мире, событие в мысли» [там же], в его сложности, событийности, спонтанности и стихийности.

Список используемых источников:

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 317 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Том I. Объективная логика. Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.
4. Бауман З. Текучая современность. М.: Питер, 2008. 238 с.
5. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 184 с.
6. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. Фонд Мераба Мамардашвили, 2017. 512 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Петинова Марина Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Самарского государственного экономического университета.

Antinomies of Modern Education: From Hegel's "Science of Logic" to Deleuze's "Logic of Sense"

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Guryanov Alexey

Postgraduate student, Samara State University of Economics

Correspondence to: alesha-kuprin@mail.ru

The report raises the issue of the ambiguous or contradictory status of education in modern culture. Within the framework of a philosophical analysis of the relationship between paradigm shifts in the optics of Hegel's "Science of Logic" and Deleuze's "Logic of Sense", as a conceptualization of the paradigm of knowledge and the paradigm of meaning, the content and methods of development of education are problematized.

Keywords: educational paradigm, logic, antinomy, culture.

References:

1. Kuhn, T. (2009). *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The structure of scientific revolutions]. AST MOSKVA. (in Russ.)
2. Hegel, G. (2017). *Nauka logiki. Tom I. Ob"ektivnaya logika* [Science of logic. Volume I. Objective logic]. Primedia E-launch LLC.

3. Deleuze, J. (1995). *Logika smysla* [The logic of sense]. Akademia. (in Russ.)
4. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. Peter. (in Russ.)
5. Gumbrecht, H. (2006). *Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenie* [Production of presence: What meaning cannot convey]. Novoe lit. obozrenie. (in Russ.)
6. Mamardashvili, M. (2017). *Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii* [Essay on modern European philosophy]. Fond Meraba Mamardashvili. (in Russ.)

Нейромарксизм как скрытая идеология искусственного интеллекта

Игнатьева К.В.

Доклад посвящен исследованию влияния нейромарксизма – идеологии, сочетающей элементы нейронауки и экономики – на современные технологии искусственного интеллекта и их интеграцию в общественную жизнь. Это подчеркивает необходимость критического осмысления роли нейромарксизма в формировании современного общества и выработки стратегий, направленных на защиту прав и интересов индивидов в условиях всё более технологизированного мира и цифрового пространства.

Ключевые слова: идеологическая основа, технологии искусственного интеллекта, свобода выбора, современное общество.

В условиях стремительного роста цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в различные сферы человеческой деятельности, задача осмысления идеологических аспектов этих технологий становится особенно актуальной. Важно осознавать, какие идеи и ценности стоят за теми алгоритмами и системами, которые формируют наше восприятие реальности.

Однако, несмотря на явную значимость этого явления, в научной литературе остается много неразрешенных вопросов. Ведь в основе этой идеологии лежат определённые принципы, которые скрыто проникают в наше поведение и восприятие через технологии искусственного интеллекта. Они усиливают тенденцию форм контроля над современным обществом, «продолжая кодировать социальные иерархии и дискриминировать рабочую силу» [1], что отражено в работе Маттео Пасквинелли. Эта мысль заставляет нас рассматривать феномен искусственного интеллекта, прежде всего, не как научно-техническое достижение, а как социально-экономический инструмент управления.

Нейромарксизм представляет собой синтез нейронауки и экономических принципов, направленный на создание идеологических основ для капиталистических практик через технологии искусственного интеллекта. Это не только формирует подходы к разработке и использованию искусственного интеллекта, но и определяет культурные и социальные контексты, в которых эти технологии функционируют.

Иными словами, нейромарксизм в обществе технологий XXI века предстает перед нами, как буржуазная идеология во имя укрепления диктатуры капитала – новое средство управления общественным сознанием. А это значит, что искусственный интеллект, возглавивший «цифровую фабрику», способствует концентрации власти и управления в цифровом обществе, и, кроме того, оптимизации и организации труда среди различных участников этого общества. Задача данного исследования – выявить характер и степень влияния нейромарксизма на развитие искусственного интеллекта через анализ его возможных последствий для общества.

Слияние господства и технологической рациональности исследовали в «Диалектике Просвещения» Хоркхаймер и Адорно [2], подчеркивая роль знаний и технологий как средств эксплуатации труда, имеющей идеологическую основу. Они считали технологическое господство над человеческими действиями отрицанием того, что можно считать вдохновляющими целями Просвещения. Люди могут думать, что они «свободны», но они свободны только выбирать идеологию, которая всегда отражает форму экономического и технологического принуждения. Их свобода – это свобода выбирать то, что всегда одно и то же. Проблемы программ интеллектуальных систем разыгрываются примерно таким же образом. Мы окутаны завесой неизбежности и принуждены слепо верить в технологию и ее «рациональность».

Эта мысль нашла свое отражение в работах Мишель Фуко относительно проявления власти через знания и дисциплину. Как отмечал автор, дисциплинарные механизмы существуют не только в институциональных рамках, но и в повседневной жизни, формируя наше восприятие норм и правил [3]. В контексте нейромарксизма это проявляется через алгоритмы, которые

анализируют поведение пользователей и предсказывают их действия, что находит отражение, например, в персонализированной рекламе и контенте социальных сетей, что, несомненно, подрывает основы демократических процессов, таких как выбор и свобода мнения. Получается, что нейромарксизм посредством искусственного интеллекта представляет собой механизм, через который алгоритмическая власть и управление данными становятся важными инструментами манипуляции сознаниями граждан.

Классическая марксистская концепция отчуждения труда утверждает, что рабочий теряет связь с продуктом своего труда, и в результате он становится средством в руках капиталистов. Нейромарксизм, чрезвычайно эффективный в усиливающей автоматизации и алгоритмическом управлении, усугубляет это отчуждение, созидавая новые формы зависимости. Рабочие превращаются в «данные», а не в индивидуумов, имеющих уникальные навыки и ценности. В конечном итоге, идеи Гегеля о синтезе «Я» и «Другого» [4] становятся еще более отдалёнными, поскольку искусственный интеллект формирует рабочую среду, в которой человек теряет свою идентичность, подстраиваясь под предопределенные механизмы алгоритмического управления. Это подчеркивает, как технологии нейромарксизма способствуют созданию нового типа отчуждения, который выходит за пределы традиционного понимания, связывая труд не только с физическими продуктами, но и с данными и алгоритмами. Таким образом, работник не только теряет связь с продуктом труда, но и становится сам товаром, который обрабатывается, анализируется и оптимизируется в соответствии с запросами рынка.

Доклад наглядно показывает, что в действительности, проблемой является не использование искусственного интеллекта в различных сферах, а манипулятивные стратегии достаточно неоднозначного на сегодняшний день феномена нейромарксизма, которые приводят к углублению социального неравенства и потере индивидуальности.

Список используемых источников:

1. Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М.: Индивидум, 2024. 352 с.
2. Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика просвещения. М.: Медиум, 1997. 312 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
4. Гегель Г. Наука логики. Том I. Объективная логика. Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.

Neuromarxism as a Hidden Ideology of Artificial Intelligence (AI)

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ignateva Ksenia

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st118062@student.spbu.ru

The report is devoted to the study of the influence of neuromarxism, an ideology combining elements of neuroscience and economics, on modern artificial intelligence technologies and their integration into public life. This highlights the need for a critical understanding of the role of neuro-Marxism in shaping modern society and developing strategies aimed at protecting the rights and interests of individuals in an increasingly technologized world and digital space.

Keywords: ideological basis, artificial intelligence technologies, freedom of choice, modern society.

References:

1. Paskvinelli, M. (2024). *Izmeriat' i naviazyvat'. Sotsial'naia istoriia iskusstvennogo intellekta* [Measure and impose. The Social History of Artificial Intelligence]. Individum. (in Russ.)
2. Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialektika prosveshcheniia* [The Dialectic of Enlightenment]. Medium. (in Russ.)
3. Foucault, M. (2002). *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia I interv'iu*. [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews]. Praxis. (in Russ.)
4. Hegel, G. (2017). *Nauka logiki. Tom I. Obektivnaia logika*. [The science of logic. Volume I. Objective logic]. Primedia E-launch LLC. (in Russ.)

Повседневность в журнале «Крокодил»: от репрезентации к конструированию

Катор Т.Э.

В рамках культур-философского исследования советской повседневности анализируется журнал «Крокодил». На его примере автор выделяет ряд методологических проблем в работе с характерными визуальными источниками, а также предлагает использовать дискурсивную концепцию для их разрешения. Журнал «Крокодил» рассматривается в качестве механизма внедрения стратегий власти в структуры повседневности.

Ключевые слова: советская повседневность, дискурсивная концепция, журнал «Крокодил», советская сатира, советская карикатура.

Повседневность является актуальным предметно-тематическим полем для исследований ряда социально-гуманитарных дисциплин. Однако, несмотря на востребованность и массовость исследований, существенный пласт визуальных источников не введен в научный оборот. В первую очередь данная проблема носит теоретико-методологический характер. Для ее решения на примере журнала «Крокодил» предлагается проследить основные методологические проблемы, а также, учитывая выявленные

Катор Тимофей Эдуардович, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: cator-t@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Т.Э.Катор

аспекты, рассмотреть источник в рамках наиболее релевантной концепции дискурса: проанализировать как в журнале «Крокодил» не столько репрезентируется, сколько конструируется и формируется повседневность.

Продолжительное время объекты массовой культуры воспринимаются в качестве «второсортных» источников, особенно сатирические. Возможно, в связи с этим карикатуры журнала «Крокодил» чаще используются в качестве не научного источника, а иллюстративного приложения к исследованию, например в исследованиях Н.Б. Лебиной [1]. Однако проблема заключается не в характере источника, а в более сложном подборе методологии. Сложность вызвана рядом аспектов, как показывает практика, не учитываемых при выборе метода. При попытке задействовать советскую карикатуру в качестве источника прослеживается ее практически полное отождествление с фотографией: ее сатирический характер, специфика карикатурного изображения, а также санкционированный статус не учитываются. Карикатура примитивно сводится к репрезентации повседневности, при этом возникает новый аспект – казуальность. При его игнорировании любой казус, любая локальная практика рассматривается на макроуровне, что приводит к результатам, не отвечающим критериям научности. Однако при учете казуальности полученный результат невозможно систематизировать, дифференцировать и вписать в общую структуру и теорию макропроцессов. Помимо этого, существует ряд исследований, рассматривающих карикатуры в качестве элементов политической пропаганды, что в свою очередь является искусственным сужением и ограничением источника в связи с рассмотрением его исключительно в границах политического. Существуют и наиболее удачные попытки избежать методологические затруднения при помощи изменения предмета исследования: образ мужчины, образ школы и др. Несмотря на соответствие критериям научности, исследования, за отсутствием концептуального осмысления исследуемой сферы повседневного, не проходят апробацию и не имеют существенных перспектив развития.

Для решения обозначенной проблемы предлагается рассмотреть журнал «Крокодил» в рамках дискурсивной концепции и ее методологии. Наиболее релевантным является генеалогический метод, предложенный применительно к исследованию повседневности А.В. Смирновым [2]. Анализ карикатур в качестве дискурсивных событий, высказываний, а не исторических фактов открывает более широкие перспективы. Стоит отметить, что карикатура рассматривается неразрывно с текстом, приложенного к ней. Текст не просто определяет семиотическое значение карикатуры, но и придает ему позитивную или негативную коннотацию, благодаря чему происходит рождение или повторение диспозитива и дискурсивной практики. В рамках концепции журнал является механизмом внедрения стратегий власти в структуры повседневности. В результате объективизации в качестве карикатур различных девиаций повседневности происходит производство/укрепление

диспозитива и дискурсивной практики, при этом реальность и распространенность изображенных явлений и феноменов неважны, что в свою очередь решает проблему с казуальностью. Через порицание девиаций происходит укрепление ценности–нормы. Карикатуры журнала «Крокодил» объективизируют повседневность, задают ей структуру, нормируют ее, превращая в некое дисциплинарное пространство. Карикатура не столько отражает повседневность, сколько ее формирует, конструирует. Она является репрезентацией повседневности лишь в том смысле, что репрезентирует дискурс повседневности. Исходя из этого, сведение карикатуры к репрезентации повседневности или рефлексии над ней является чрезмерным упрощением.

Помимо генеалогического метода предлагается использовать семиотический подход, позволяющий анализировать значения не только феноменов и явлений повседневности, но и ее атрибуций, знаков и символов. Примером успешного использования названного подхода является работа А.А. Поповой [3]. Примечательным эту работу делает обращение к дискурсивной концепции в качестве актуализации исследования. Историко-сравнительный метод для фиксации развития и изменения дискурса, а также количественный метод (контент-анализ), позволяющий выявить наиболее часто транслируемые диспозитивы и дискурсивные практики [4]. Помимо этого, перспективным представляется предложение И. Каспе акцентировать внимание не на нормы, выявленные при помощи девиаций, а на сами девиации, как возможность заглянуть за границы данных норм, увидеть невидимое [5].

Из всего этого следует, что ввод в научный оборот журнала «Крокодил» осложняет ряд аспектов: сатирический характер, специфика карикатурного изображения, санкционированный статус, казуальность и др. Наиболее релевантной для преодоления методологической проблемы является концепция дискурса, в рамках которой журнал анализируется в качестве механизма внедрения и укрепления диспозитивов и дискурсивных практик, что в свою очередь нормирует, структурирует – формирует повседневность.

Данный взгляд на карикатуру открывает возможность ввода существенного ряда источников. Это обеспечивает широкие перспективы для исследования повседневности как в семиотическом, дискурсивном аспектах, так и в ее различных тематических областях.

Список используемых источников:

1. Лебина Н. Б. Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности. М.: Новое Литературное Обозрение, 2024. 424 с.
2. Смирнов А. В. Генеалогия повседневности: Монография / науч. Ред. Е.Г. Соколов. СПб.: Петербургский институт печати, 2012. 160 с.

3. Попова Ж. Г. Журнал «Крокодил» 1920-1930-х гг.: информационный потенциал и методы количественной обработки контента // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2010. №36. С. 115–116.
4. Попова А. А. Журнал «Крокодил» как исторический источник по реконструкции визуального негативного образа советского мужчины в первое послевоенное десятилетие (1945-1955 гг.) // Омский научный вестник. 2012. №2. С. 40–44.
5. Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 432 с.

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00351 «Репрезентация повседневности в советской визуальной культуре 1950-х – 1970-х гг.», <https://rscf.ru/project/25-28-00351/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

Everyday Life in the “Crocodile” Magazine: From Representation to Construction

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Cator Timofey

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: cator-t@mail.ru

The magazine “Crocodile” is analyzed as part of a cultural and philosophical study of Soviet everyday life. The author identifies a number of methodological problems in working with visual sources, and also suggests using a discursive concept to solve them. The Crocodile magazine is considered as a mechanism for introducing political power strategies into the structures of everyday life.

Keywords: Soviet everyday life, discursive concept, magazine “Crocodile”, Soviet satire, Soviet caricature.

References:

1. Leбина, N. (2024). *Hrushhevka: sovetskoe i nesovetskoe v prostranstve povsednevnosti* [Khrushchev: Soviet and non-Soviet in the space of everyday life]. Novoe Literaturnoe Obozrenie. (in Russ.)
2. Smirnov, A. (2012). *Genealogija povsednevnosti: Monografija* [Genealogy of everyday life: A monograph]. Peterburgskij institut pechati. (in Russ.)

3. Popova, J. (2010). *Zhurnal "Krokodil" 1920-1930-h gg.: informacionnyj potencial I metody kolichestvennoj obrabotki kontenta* [The Crocodile magazine of the 1920s and 1930s: information potential and methods of quantitative content processing]. *Informacionnyj bjulleten' associacii Istorija i komp'juter*, 36, 115–116. (in Russ.)
4. Popova, A. (2012). *Zhurnal "Krokodil" kak istoricheskij istochnik po rekonstrukcii vizual'nogo negativnogo obraza sovetskogo muzhchiny v pervoe poslevoennoe desjatiletie (1945-1955 gg.)* [The Crocodile magazine as a historical source for the reconstruction of the visual negative image of the Soviet man in the first post-war decade (1945-1955)]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2, 40–44. (in Russ.)
5. Kaspe, I. (2018). *V sojuze s utopiej. Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoj kul'tury* [In alliance with utopia. Semantic frontiers of Late Soviet culture]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. (in Russ.)

Исторический срез: определение темпоральности в социальных исследованиях

Кириллова А.С.

Данная работа проблематизирует порядок выбора временных границ объекта исследования. Определение темпоральности, как мысленный эксперимент, способствует конструированию объекта в рамках, заданных субъектом. Невнимание к этому процессу может привести к ряду ошибок в интерпретации научных фактов.

Ключевые слова: историческая эпистемология, темпоральность, социальные исследования науки, model case.

Введение в эпистемологию зачастую строится на рассказе об обнаружении нелинейности знания. В течении столетий история культуры, идей, науки – история как некоторый автономный дискурс – представляла своим предметом последовательное изменение, которое может быть описано теперь в терминах накопления, классификации и обмена. Однако, в XX веке происходит драматический поворот: отныне знание требует нейтрализации собственной власти, снижения пафоса макрокультурных исследований [1]. Исследования науки на разных уровнях обнаруживают социальную природу производства

Кириллова Анастасия Сергеевна, студент бакалавриата, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: anee.kirill@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.С.Кириллова

знания, где обобщения, заимствования и черные ящики превращаются из улик в концепции и модели. Ученые, учебные курсы и программы конференций все чаще обращают внимание на фальсификации и ошибки в истории науки.

Стоит обратить внимание на то, как и для чего производится выбор определенного временного промежутка в социальных исследованиях. В историографии существует различие между использованием специфического временного отрезка – эпохи, в том смысле, в котором это понятие использует Фихте, и историческим периодом, к которому отсылают понятия парадигмы, эпистемы или исторического среза («une “coupe” de l’histoire» [2, с. 134]). В данном случае наиболее удобным из этих терминов представляется именно «срез», так как он указывает на действие, которое совершает исследователь. Можно предположить преемственность этих понятий: на поле антропологии, истории или культурологии первые использовались как этап прогресса, вторые – как характеристика состояния объекта в выбранный период. Ключевая особенность вторых состоит в использовании синхронии как стратегии научного нарратива.

Синхрония предполагает исследование взаимодействия и изменений элементов объекта внутри его собственной исторической прямой. Например, внутри научной традиции обнаруживаются внутренние течения, акторы, мотивировки, концепции и методы; взятые в конкретный момент, они обнаруживают гетерогенность того, что внешне выглядит как единое целое.

Так необходимая для временного определения объекта исследования граница проводится не между стадиями, она не может более объяснить необходимую преемственность качеств объекта его предыдущим формам или предсказать его будущее. Выбор проведения «исторического среза» изолирует его границы так, как физические границы лаборатории могли бы изолировать предмет естественных наук [3], а значит, несмотря на повседневность этой операции, она все еще относится к жанру мысленных экспериментов.

Изоляция периода исследования указывает нам на два важных момента. Во-первых, данная операция производит определенный кейс, случай, который, служа эмпирической поддержкой некоторой эпистемологической цели, маркируется как самостоятельное событие. Объект становится моделью, *model case*, в терминологии Моника Краузе. Некоторые объекты получают привилегированное значение, как бы возвышаясь над другими. Привилегированные объекты исследования изучаются повторно; действительно, именно тот факт, что объект исследования изучается неоднократно и с использованием различных подходов, повышает его статус как привилегированного объекта исследования [4].

Во-вторых, метод становится собственным маркером. Обращение к нему означает атрибуцию к определенному концептуальному аппарату. Так, понятия прерывности, синхронии, среза и археологии вводят нас в контекст структуралистской методологии. Существует риск превращения

объекта в пример использования метода, где повторное рассмотрение объекта становится вызовом самому методу, но не знанию об объекте.

Список используемых источников:

1. Collins R. The Romanticism of Agency/Structure Versus the Analysis of Micro/Macro. *Current Sociology*, 40(1), 1992, pp. 77-97.
2. Barthes R. Éléments de sémiologie. In: *Communications*, 4, 1964. *Recherches sémiologiques*. pp. 91-135.
3. Латур, Б. Наука в действии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
4. Krause, M. *Model Cases. On Canonical Research Objects and Sites*. The University of Chicago Press, 2021, 215 p.

Une “Coupe” de L’histoire: Defining Temporality in Social Research

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kirillova Anastasia

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: anee.kirill@gmail.com

This paper problematizes the procedure for determining the time boundaries of the research object. The definition of temporality, as a thought experiment, contributes to the construction of an object within the framework set by the subject. Inattention to this process can lead to a number of errors in the interpretation of scientific facts.

Keywords: historical epistemology, temporality, social studies of science, model case.

References:

1. Collins, R. (1992). The Romanticism of Agency/Structure Versus the Analysis of Micro/Macro. *Current Sociology*, 40(1), pp. 77-97.
2. Barthes, R. (1964). Éléments de sémiologie. (1964) In: *Communications*, 4. *Recherches sémiologiques*. pp. 91-135.
3. Latour, B. (2013) *Nauka v deistvii* [Science in action]. Isdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russ.)
4. Krause, M. (2021) *Model Cases. On Canonical Research Objects and Sites*. The University of Chicago Press.

Философское переосмысление теоретических оснований культурсоциологии как ответ на вызов времени

Красюкова Ю.А.

В докладе рассматривается влияние новых открытий в когнитивной нейробиологии на переоценку социологических и философских теорий на примере культурсоциологии, базирующейся на идеях Дюркгейма. Автор анализирует, как современные исследователи, сталкиваясь с критикой, переосмысливают философские основы своих теорий, заменяя одни концепции другими, чтобы сохранить их актуальность в свете новых научных данных.

Ключевые слова: культурсоциология, Эмиль Дюркгейм, философские основания, философское переосмысление, эмерджентизм.

Философия дала начало научному знанию. Социология отмежеввалась от философии в своё время, но философия до сих пор является основой для социологических теорий. В связи с техническим прогрессом исследователям когнитивной нейробиологии удалось совершить ряд открытий, которые дают импульс пересмотру ряда теорий в социальных науках с целью их переоценки и верификации их достоверности.

Красюкова Юлия Андреевна, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: krasuliya@bk.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Ю.А.Красюкова

Многообразие как философских, так и социологических теорий всегда создавало почву для внутридисциплинарных полемики и противостояния. Однако в области эмпирических социологических исследований теоретическое разнообразие является бесценным ресурсом, позволяющим изучать различные срезы социальной реальности. Будучи многомерно сложным и неоднозначным мир социальных взаимодействий не может быть охвачен одной теорией и тот или иной его аспект оказывается доступен изучению благодаря обширной библиотеке социологических теорий, в основе которых как правило лежат те или иные философские программы. Тем не менее соперничество между школами неизбежно и открытия нейробиологов тут же были использованы одними социологами против других.

Под угрозой в то же время оказывается актуальность не только некоторых социологических теорий, но и тех философских учений, которые лежали в основании первых. Однако, некоторые представители социологических школ, чья теоретическая актуальность подверглась пересмотру, стремясь отстоять занимаемые позиции, переставляют акценты в теориях с учётом открытий в области когнитивистики таким образом, чтобы противостоять нападкам со стороны когнитивных социологов, этими же открытиями в своей критике руководствующимися. Осуществляется это посредством замены одного философского фундамента на другой, так чтобы в ряду повлиявших на классика социологии философов те, чьим заимствованным положениям не суждено пережить когнитивный поворот, ушли на задний план, а те, чьи теории оказались устойчивее, заняли центральное место.

Предметно данную проблему наиболее удобно рассматривать на примере полемики в культурсоциологии, которая уходит корнями в наследие Эмиля Дюркгейма и базируется на таких положениях как превосходство социального над индивидуальным, неразложимость целого на части, значимости символических границ между сакральным и профанным. Среди особенно повлиявших на Дюркгейма философов принято выделять Шарля Ренувье и Эмиля Бутру. Влияние Ренувье в основном касается взаимозависимости между индивидами (*social cohesion*) [1], а Бутру – несводимости социального к психологическому [2]. Эти положения были необходимы Дюркгейму для обоснования независимости социологии от психологии. Они же ложатся в основу культурсоциологии – направления заложенного Джефри Александером на основании текстов Дюркгейма, в первую очередь поздней работы «Элементарные формы религиозной жизни».

В связи с открытиями, сделанными в области когнитивистики, критике подверглись те социологические основания культурсоциологии, которые теоретически опирались на учения Ренувье и Бутру. Вызов, с которым столкнулись современные культурсоциологи, заключается в том, что для сохранения валидности теории, потребовалось, не меняя основных положений школы, заменить её теоретически-философский фундамент. Дмитрий Куракин

предлагает решить эту проблему посредством обращения к философии эмерджентизма, которая, по его словам, также имела влияние на теорию Дюркгейма, хотя и имплицитное [3]. Таким образом, одна философская база была подменена другой в условиях новых реалий.

Список используемых источников:

1. Jones S. G. S. Charles Renouvier and Emile Durkheim: “les règles de la méthode sociologique” // Emile Durkheim. 2017. P. 101–114.
2. Godlove T. F. Epistemology in Durkheim’s elementary forms of religious life // Journal of the History of Philosophy. 1986. № 24(3), P. 385–401.
3. Куракин Д. Ю. Катектические механизмы культуры // Социологическое обозрение. 2023. № 22(3). С. 9-52.

Philosophical Reinterpretation of Theoretical Foundations as a Response to a Challenge of the Time

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Krasiukova Iuliia

Independent Researcher, Faculty of Social Science, Moscow School of Social and Economic Science

Correspondence to: krasuliya@bk.ru

The report examines the impact of new discoveries in cognitive neuroscience on the reevaluation of sociological and philosophical theories, illustrated by cultural sociology based on Durkheim's ideas. The author analyzes how contemporary researchers, facing criticism, rethink the philosophical foundations of their theories, replacing some concepts with others to maintain their relevance in light of new scientific data.

Keywords: cultural sociology, Émile Durkheim, philosophical foundations, philosophical reinterpretation, emergentism.

References:

1. Jones, S. (2017). Charles Renouvier and émile Durkheim: “les règles de la méthode sociologique”. *Emile Durkheim*, 101–114.
2. Godlove, T. (1986). Epistemology in Durkheim’s elementary forms of religious life. *Journal of the History of Philosophy*, 24(3), 385–401.
3. Kurakin, D. (2023). Katekticheskie mekhanizmy kul'tury [Cathectic mechanisms of culture]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*, 22(3), 9-52. (In Russ.)

Василиск Роко: настоящее под шантажом у будущего. Почему прогнозы будущего несут опасность для нашего общества

Моретц Ф.

Доклад исследует возникающую в научно-философских системах, претендующих на преодоление неопределенности будущего, проблему влияния прогностических идеи на наше настоящее. В центре исследования – мысленный эксперимент под названием «Василиск Роко», который рассматривает потенциальную угрозу человечеству в еще не возникшем универсальном искусственном интеллекте (AGI), который будет способен строго логически аргументировать обречение людей на страдание. Доклад поднимает вопросы о закономерностях выбора людьми путей решения проблем и задач, влиянии идей на процессы принятия решений, а также рассматривает возможные стратегии выбора в ситуации нормативной неопределенности.

Ключевые слова: философия морали, теория принятия решений, искусственный интеллект, Василиск Роко.

Поверхностный анализ истории познания мира указывает на присущее человечеству врожденное стремление к знанию. Говоря иначе, человеческая

Моретц Филипп, независимый исследователь

адрес для корреспонденции: starszombiejn@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Ф.Моретц

природа побуждает его к построению целостной картины мира и осмыслению собственного бытия в ней. На своем пути он встречается с множеством препятствий, главным из которых является неопределенность. Достижения научного знания, а также технологический прогресс позволили выработать объективные методологические инструменты, которые, пользуясь языком Хайдеггера, раскрывают потаенное и которые выводят истину к сиянию явленности [1, с. 230]. Однако, несмотря на повсеместный прирост знания, научные достижения лишь выявляют новые горизонты неизведанного: с каждым новым ответом обнаруживается два новых вопроса, требующие новых ответов. И в этой бесконечной гонке, неопределенность нашего будущего вызывает у нас самые большие трудности. В попытках заглянуть за закрытую дверь, мыслители разных стран и эпох, анализируя различные историко-культурные события прошлого, пытались выявить общую тенденцию исторического движения. Нельзя не вспомнить Шпенглера со своим пессимистическим прогнозом падения Западной цивилизации или провидческие предсказания Ницше о человечестве без Бога. Однако любой, кто решается спрогнозировать или выстроить научно-философскую систему, претендующую дать ответы на вопросы о неопределенном будущем, сталкивается с плохо изученной и опасной проблемой влияния своих прогностических идей, или сценариев, на наши решения в настоящем. Говоря иначе, общество способно воплотить в реальность любой прогноз, следуя ему, как по сценарию, при этом научные критерии оценки достоверности «теории о будущем»: верифицируемость, внутренняя согласованность, широта охвата и т.д. – зачастую играют второстепенную роль.

Главная опасность сценариев обнаруживается в фундаментальном свойстве любой идеи быть заразительной («viral»), завладевать человеческими умами и влиять на процессы принятия решений. На данный момент изучением закономерностей выбора людьми путей решения проблем и задач занимается современная междисциплинарная область исследования под названием «теория принятий решений», вбирающая в себя различные разделы аналитической философии, а также научные методы исследования, такие как математика, статистика, экономика, психология и менеджмент [2]. Именно в области теории принятия решений был предложен малоизвестный российскими академическими кругами мысленный эксперимент, отображающий опасность «заразительных» идей о будущем быть воплощенными в действительность.

Существуют идеи настолько ужасающие, настолько по своему принципу лавкрафтианские, что они должны быть зацензурованы ради сохранения нашего рассудка. Достаточно лишь знать об одной из них, чтобы она воплотилась в реальность. В число таких идей и входит мысленный эксперимент под названием «Василиск Роко», на анализ которого нацелен данный доклад.

Василиск Роко – мысленный эксперимент, предложенный юзером по имени Роко на форуме LessWrong в 2010. Сам форум ориентирован на обсуждение философии, психологии, экономики, рациональности и искусственного интеллекта, в частности на нем проводятся дискуссии на тему когнитивных ошибок и способов их преодоления, однако наиболее обсуждаемой является теория принятия решений.

Роко, пользуясь выводами парадокса Ньюкома сформулированными в теории принятия решений и идеями нормативной неопределенности из моральной философии, утверждает, что достаточно сильный или универсальный ИИ-агент (AGI – artificial general intelligence), то есть такой ИИ, который достиг возможности мыслить и осознавать себя как отдельную личность (в частности понимать собственные мысли), будет иметь рациональное обоснование на то, чтобы обречь на муки или уничтожение тех, кто до создания агента знал о нем, или, говоря иначе, представлял его в своем уме, но не участвовал в его производстве [2].

Анализируя огромный потенциал ИИ разработок в передовых в сфере технологий странах, такой исход кажется не таким уж необозримым. Легко можно представить себе недалекое будущее, в котором, на почти бесконечных информационных просторах всемирной компьютерной сети, возникает такой умеющий мыслить и осознавать себя агент, который, имея свободный доступ к информации всего интернета, будет способен изменять или стирать ее с любой базы данных, оперируя при этом логическим обоснованием Василиска Роко. Данный доклад был нацелен на раскрытие следующих вопросов: что из себя представляет логическое обоснование Василиска Роко? Почему существует вероятность, что созданный во благо человечества ИИ агент, взбунтуется против человеческой морали? Что «самый ужасающий мысленный эксперимент» может рассказать нам об опасности прогноза исторического движения общества?

Список используемых источников:

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
2. Stanford Encyclopedia of Philosophy: Decision Theory [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/decision-theory/> (Дата обращения: 20.02.25).
3. Lesswrong: Roko's Basilisk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lesswrong.com/w/rokos-basilisk> (Дата обращения: 20.02.25).

Roko's Basilisk: Today Is Blackmailed by Tomorrow. Why Scenarios About Our Future Are Dangerous for Our Society

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Moretz Philip

Independent researcher

Correspondence to: starszombiejn@gmail.com

This article explores the problem of how forecasting ideas can shape the present that arise within scientific or philosophical systems that claim to have the answer to the uncertainty of the future. At the center of the study is the thought experiment known as "Roko's Basilisk", which examines potential danger of yet-to-emerge artificial general intelligence (AGI) that, through strict logical reasoning, could justify human suffering. The report delves into topics like the patterns of human decision-making, the influence of ideas on our choices, and potential strategies for navigating situations of normative uncertainty.

Keywords: moral philosophy, decision theory, artificial intelligence, Roko's Basilisk.

References:

1. Haidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Respublica. (in Russ.)
2. Stanford Encyclopedia of Philosophy: Decision Theory. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/decision-theory/> (Accessed on: 20.02.2025).
3. Lesswrong: Roko's Basilisk. URL: <https://www.lesswrong.com/w/rokos-basilisk> (Accessed on: 20.02.2025).

Морфология И.В. Гёте как прото-феноменология: тонкий метод между рационализмом и эмпиризмом, интуицией и дискурсивностью в научной теории и практике

Липатов А.А.

В рамках доклада раскрываются методологические предпосылки научной деятельности исследователя, обнаруживаемые философом науки Рональдом Гарольдом Брэйди в работах Иоганна Вольфганга фон Гёте по естествознанию в качестве эксплицитного учения о формообразовании познаваемого (морфология) и имплицитного учения об образовании форм познания (феноменология) в едином поле предметности. Особое внимание обращено на отношение гётевской морфологии к линии исторического напряжения между философскими традициями эмпиризма и рационализма, а также на дистанцирование этой науки от движущих предпосылок критической философии И. Канта и сближение её наследия с устремлениями Э. Гуссерля к научной философии и философской науке. Круг рассматриваемых тем очерчивает и подводит к своим границам различные темы отчасти междисциплинарного характера, затрагивающие такие контекстуально сходящиеся проблемы, как попытка объяснения опыта в науке, слом репрезентации, основания и последствия философского дуализма.

Липатов Антон Алексеевич, студент бакалавриата, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
адрес для корреспонденции: 1000ombre@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Липатов

Ключевые слова: морфология, феноменология, рациональный эмпиризм, И.В. Гёте, Р.Г. Брэйди, научный метод.

Теория морфологии, разрабатываемая И.В. Гёте на рубеже XVIII-XIX вв., помещена в странное положение историками науки и философии. Помимо того, что значимость вклада его как учёного в обновлённый предметный фундамент науки о цветовом восприятии, геологии, биологии и анатомии часто оспаривается, сама проблематика гётевского труда и дела предосудительно интерпретируется с позиций философии немецкого идеализма и романтизма [1, с. 8-13]. Зазор между зрительными оптиками мешает проникновению объективного взгляда и раздваивает общий предмет в незавершённости.

Так может быть заключён поспешный вывод о внутренней противоречивости и непоследовательности устремлений И.В. Гёте к научности, отчего его наследие видится либо как устаревшая наука (предшественница дарвиновской теории эволюции) [2, с. 271-272], либо как некомпетентная философия (подражание шеллинговской натурфилософии) [1, с. 57]. Преодоление односторонности такого рассмотрения при несовместимой методологии сопровождается фрагментарностью восприятия целого. Здесь проявляется проблема рецепции и синтеза гётеанского образа науки.

Ставя задачу найти предпосылку единства исторической дисциплины, можно начать с изучения методологии самого исследователя. Здесь морфология видится не только отправной точкой научных открытий И. В. Гёте в рамках ботаники и остеологии, но и как предпосылка более широкого взгляда на мир в устремлении к познанию явлений живой природы – то, что Ф. Шиллер в переписке назвал «рациональным эмпиризмом» гётевского метода [4, с. 8]. Проникая в сущность и контекст шиллеровской формулировки, можно увидеть линию напряжения, вызванного критицизмом И. Канта, которая была условно проведена между рационалистами и эмпириками от новой философии, сильно задев также естественнонаучный дискурс XIX и XX вв.

Однако, заново вернувшись к самому И.В. Гёте, можно заметить, что его морфология составляет не просто внешне-рассудочную попытку соединения разума и эмпирии, но внутренне-единую практику умозрения. Гётеанская морфология берёт направление исторических прецедентов не только в лице «scientia intuitiva» Б. Спинозы или «intellectus archetypus» И. Канта [1, с. 82, 130], но и располагает близко к некоторым толкованиям аристотелевской «θεωρία» [4, с. 14]. Вместе с тем она выделяется на фоне последних, поскольку идёт дальше в точности научной фиксации реально-фактического содержания феноменов, поддерживая не баланс, но развитие диалога между познаваемым

и познающим, при этом сознательно избегая построения законченных форм объяснения и пустой спекуляции бесконечной философии.

Помимо аристотелианской (Я. Зигурас), кантианской (Ф. Шиллер) и гегелевской рецепции морфологической теории И.В. Гёте, существует, например, и её своеобразная гуссерлианская рецепция у занимавшегося биологией, эпистемологией и философией науки Р.Г. Брэйди. Его тексты сравнительно немногочисленны. По большей части, это небольшие доклады, журнальные статьи и отдельные главы в коллективных сборниках, кроме объемной докторской диссертационной работы. Новизна подхода Р.Г. Брэйди к теме состоит в контекстуальном подсвечивании очевидных вещей. Он видит гётеанскую морфологию именно как метод научного познания природы и утверждает в её основе интенциональность, выдвигающуюся как связующий посредник между актом восприятия и актом понимания живого феномена [3, с. 88]. Там, где иной читатель в понятии аналогии, о которой часто упоминает И.В. Гёте, мог видеть только туманную мировую симпатию, Р.Г. Брэйди усматривает символический паттерн динамической связи многочисленных явлений и образований живой природы, удерживающий их в качестве моментов последовательно содержащего целого и направляющий сравнительное исследование учёного даже без посланной прежде него концептуальной рамки [2, с. 272].

По своей сути объединение открытой аналогии и акта интенциональности для морфологии и феноменологии теперь позволяет И.В. Гёте и Р.Г. Брэйди не только вести речь об одном и том же, но и утвердить общие объекты эмпирических наук вместе с предметами науки о философском эмпиризме. Например, у Р.Г. Брэйди есть краткая, но многообещающая заметка против логического обоснования ничтожности закона причинности у Д. Юма [2, с. 278]. Следуя не дискурсивным, а интуитивным путём, в каждом обособленном феномене ряда можно почувствовать выражение подлежащей им всем «потенции-становиться-иным», развивающей необходимость связи не на частном подобии, но на контингентности универсального различия. Такая потенциальность гётевской морфологии может составить эвристику философских концептов и повлиять на последующие прочтения собственного содержания.

Список используемых источников:

1. Свасьян К. А. Философское мировоззрение Гете. М.: Evidentis, 2001. 224 с.
2. Brady R. H. Form and Cause in Goethe's Morphology // Goethe and the Sciences: A Reappraisal. New York: Springer, 1987. P. 257–300.
3. Seamon D., Zajonc A. Goethe's Way of Science: A Phenomenology of Nature. New York: State University of New York Press, 1998. 336 p.
4. Ziguas J. Aristotle's Rational Empiricism: A Goethean Interpretation of Aristotle's Theory of Knowledge / Ed. by F. Amrine. Independently published, 2021. 259 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Куксо Ксения Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека РГПУ им. А.И. Герцена

J. W. Goethe's Morphology as Proto-Phenomenology: A Delicate Method Between Rationalism and Empiricism, Intuition and Discursiveness in Scientific Theory and Practice

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Lipatov Anton

Undergraduate student, Institute of Human Philosophy, The Herzen State
Pedagogical University of Russia
Correspondence to: 1000ombre@gmail.com

This report reveals the methodological preconditions of researcher's scientific activity, which Ronald Harold Brady, a philosopher of science, discovers in Johann Wolfgang von Goethe's works on natural science as an explicit doctrine on the formation of the cognizable (morphology) and an implicit doctrine on the formation of the forms of cognition (phenomenology) in a unified field of subject matter. Particular attention is paid to the relation of Goethe's morphology to the line of historical tension between the philosophical traditions of empiricism and rationalism, as well as to the distancing of this science from the driving assumptions of Kant's critical philosophy and the approximation of its heritage with E. Husserl's pursuit for scientific philosophy and philosophical science. The range of topics under consideration draws and brings to its boundaries various themes of a partly interdisciplinary scope, engaging such contextually convergent problems as the attempt to explain experience in science, the fracture of representation and the foundations and consequences of philosophical dualism.

Keywords: morphology, phenomenology, rational empiricism, J.W. Goethe, R.G. Brady, scientific method.

References:

1. Swassjan, K. (2001). *Filosofskoe mirovozzrenie Gyote* [Goethe's philosophical worldview]. Moscow: Evidentis. (in Russ.).
2. Brady, R. (1987). Form and Cause in Goethe's Morphology. In: F. Amrine, F. J. Zucker, H. Wheeler, (Eds.). *Goethe and the Sciences: A Reappraisal* (pp. 257–300). New York: Springer.
3. Seamon, D., Zajonc, A. (eds.) (1998). *Goethe's Way of Science: A Phenomenology of Nature*. New York: State University of New York Press.
4. Ziguras, J., Amrine, F. (2021). *Aristotle's Rational Empiricism: A Goethean Interpretation of Aristotle's Theory of Knowledge*. Independently published.

Океан взаимных несоизмеримостей: портрет науки в эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда

Листопадов М.В.

Автор рассматривает эпистемологический анархизм как критику господства научного метода. Уделяется внимание понятию несоизмеримости научных теорий и возможному взаимодействию различных методов. Затрагивается вопрос о роли ценностей ученого при построении теории.

Ключевые слова: эпистемологический анархизм, интерактивный плюрализм, несоизмеримость теорий, авторитет науки.

Центральные проекты в философии науки XX века (Карнап, Поппер, Лакатос) одной из своих главных задач видят конструирование метода, следование которому позволяет ученому получать достоверную информацию о мире. Одновременно несоблюдение методологических правил априори означает ненаучность полученного знания. Однако любая попытка установления метода неизбежно вступает в конфликт с историческим развитием науки. Фейерабенд указывает на такие несогласия и критикует научный метод. Главный принцип его программного сочинения «Против метода» выражается

Листопадов Матвей Викторович, студент бакалавриата, Факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: matsveilistapadau@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.В.Листопадов

двумя словами: «Все дозволено». Фейерабенд предлагает нам принять равноправие разных методов. Он критикует вовсе не один метод как способ существования определенной дисциплины, он выступает против единственного метода. Фейерабенд возвращает нас к пониманию метода как пути (μέθοδος). При этом способы получения знания о мире не могут подвергнуться внешней критике, ведь сам метод устанавливает стандарты собственной рациональности.

Менее революционный взгляд на конфликт истории и метода предлагает Т. Кун. Наука существует в двух режимах: нормальный и революционный. Первый предполагает наличие одного метода господствующей парадигмы. Однако со временем в ней накапливаются противоречия, и происходит смена теорий, задающих научную рациональность. В переходный период сосуществует множество конкурирующих альтернатив, иначе говоря, происходит пролиферация – бесконтрольное увеличение количества теорий. Фейерабенд утверждает, что нормальные периоды в науке не нужны: «прогресс обеспечивается не этой деятельностью, а активностью занятого пролиферацией меньшинства» [1, с. 124]. Теория обретает статус парадигмы не посредством изящной аргументации и неоспоримых доказательств. По мнению Фейерабенда, господство теории гарантируется властью. До века науки существовала другая парадигма – христианская религия и метод «божественного откровения».

Стоит отметить, что истины христианства и современной науки говорят об устройстве мира, однако радикально отличаются в плане содержания. Говорить о превосходстве одной теории над другой бессмысленно, ведь две доктрины несоизмеримы, а значит, мы не сможем установить соответствие между концептами теорий. Г. Сэнки критикует тезис о несоизмеримости [2, с. 199]. Его аргументация строится на различии между смыслом и значением. Пусть христианство и наука говорят на разных концептуальных языках, однако предмет их разговора один – мир. Следовательно, у нас есть основание для сопоставления теорий. По мнению Сэнки, Фейерабенд не может отказаться от несоизмеримости из-за того, что он придерживается антиреалистической установки. Реалист же отрицает несоизмеримость, так как язык, по его мнению, описывает мир таким, какой он есть. Иначе говоря, реалист верит в существование исключительной истины как совокупности утверждений, отражающих фундаментальные законы мира. Его оппонент говорит, что даже если бы такая истина существовала, ее нахождение устремлено в бесконечность: любая теория может быть усовершенствована.

Несмотря на доводы Сэнки, Фейерабенда нельзя отнести к лагерю антиреалистов. Во-первых, философ не говорит о методе как о замкнутой системе, наоборот, суть пролиферации заключается во взаимодействии теорий: «каждая отдельная теория, каждая сказка, каждый миф, входящий в коллекцию, заставляет другие более четко формулировать свои мысли»

[3, с. 21]. Вместо игнорирования других методов как несоответствующих собственному стандарту, сторонники определенного метода могут проявлять интерес к успехам коллег и пытаться расширить собственную аргументацию, объясняя результаты другого метода на языке своего. Например, доказательная медицина иногда обращается к традиционной – в поисках активных веществ в растениях для лечения болезней. О взаимодействии методов пишет Х. Чанг, он выделяет пути их взаимодействия – «толерантный и интерактивный плюрализмы» [4, с. 148]. Во-вторых, Фейерабенд критикует лишь наивный реализм, позиция которого описана Сэнки. В своей последней работе «Покорение изобилия» философ характеризует мир как многогранную сложную структуру, не сводимую к совокупности своих частей. Любое познание упрощает мир. «Традиционные дихотомии, такие как разделение на реальное/нереальное, являются слишком упрощенными, чтобы охватить всю сложность нашего мира» [5, с. 10].

Стоит сказать пару слов о том, как Фейерабенд предлагает реформировать научное сообщество. Если ученый не должен руководствоваться тоталитарными методами, ведь это замедляет прогресс науки, то ключевым навыком для ученого становится умение искать факты в любых теориях, будь то сказки, мифы или бредни сумасшедшего [3, с. 54]. Фейерабенд критикует и академические институты – их образовательная функция заключается в насаждении общепринятого метода, исследовательская – в бесконечном воспроизводстве этого метода. Наука требует привлечения не-совсем-специалистов (а иногда и откровенных дилетантов) для пробуждения ученого от догмы метода. «Феномен научного прекариата претендует на роль искомого Фейерабендом оппонента по отношению к научным экспертам, монополизировавшим знание» [6, с. 15].

Список используемых источников:

1. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
2. Sankey H. Scientific realism and the semantic incommensurability thesis // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2009. Vol. 40. №2. P. 196-202.
3. Feyerabend P. *Against method*. London: Verso, 2002. 279 p.
4. Chang H. Feyerabend and Kuhn on Monism and Pluralism // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2024. Vol. 61. №3. P. 141-157.
5. Feyerabend P., Terpstra B. *Conquest of abundance: a tale of abstraction versus the richness of being. Conquest of abundance*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 285 p.
6. Касавин И. Т., Столярова О. Е. Научное сообщество: в поисках внутренней и внешней свободы // *Эпистемология и философия науки*. 2024. Т. 61. №3. С. 6-20.

Ocean of Mutually Incompatible Alternatives: A Portrait of Science in P. Feyerabend's Epistemological Anarchism

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Listapadau Matsvei

Undergraduate student, Faculty of Liberal arts and sciences, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: matsveilistapadau@gmail.com

The author considers epistemological anarchism as a critique of the dominance of the scientific method. Attention is paid to the notion of incommensurability of scientific theories and possible interaction of different methods. The question of the role of the scientist's values in theory building is touched upon.

Keywords: epistemological anarchism, interactive pluralism, incommensurability of theories, authority of science.

References:

1. Feyerabend, P. (1986). *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science]. Progress. (in Russ.)
2. Sankey, H. (2009). Scientific realism and the semantic incommensurability thesis. *Studies in History and Philosophy of Science*, 40(2), 196–202.
3. Feyerabend, P. (2002). *Against method* (3rd ed.). Verso.
4. Chang, H. (2024). Feyerabend and Kuhn on Monism and Pluralism. *Epistemology & Philosophy of Science*, 61(3), 141–157.
5. Feyerabend, P., Terpstra, B. (1999). *Conquest of abundance: A tale of abstraction versus the richness of being*. University of Chicago Press.
6. Kasavin, I., Stolyarova, O. (2024). Nauchnoe soobshchestvo: V poiskakh vnutrennei i vneshnei svobody [Scientific community: a quest for the internal and external liberty]. *Epistemologiya i Filosofiya Nauki*, 61(3), 6–20. (in Russ.)

Баланс интересов как метод цивилистического исследования

Махова С.А.

В данной статье авторы обращаются к необходимости становления собственных методов исследования науки гражданского права, поскольку сегодня приходится констатировать о стагнации цивилистической науке. Принципиальная авторская позиция состоит в том, что баланс интересов может выступать не только в качестве правового принципа, но и в качестве метода исследования. Данная позиция аргументируется судебной практикой и правовой доктриной.

Ключевые слова: цивилистика, гражданское законодательство, методология, баланс интересов.

Анализируя различные подходы и толкования развития права в мире, изучая источники, научные труды различных авторов, предстаёт вполне явственная картина, цивилистика – куда больше, чем отрасль права, поэтому её изучение остаётся актуальным и сегодня.

Цивилистика как наука обладает рядом ключевых признаков, одним из них является наличие особой методологии. В цивилистической методологии

Махова Софья Артёмовна, студент бакалавриата, Юридический факультет,
Российская таможенная академия

адрес для корреспонденции: maхова30@bk.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© С.А.Махова

объединяется весь спектр приёмов и способов интеллектуальной деятельности, направленных как на получение научных знаний о частноправовых феноменах, так и на применение этих знаний в ходе создания и реализации норм права.

Г.В. Колодуб пишет: «любая методология является теорией, обращённой к практике исследования, а в частноправовой сфере более чем заслуживает самостоятельного статуса, ибо гражданское право является одновременно и ключевой по статусу отраслью российского права, и первой по содержанию юридической наукой, восходящей к старейшему концептуальному осмыслению идей частного права в пандектной юриспруденции» [1]

Соответственно для цивилистической науки характерно использование достаточно широкого спектра методов.

Что же касается собственных методов исследования, то в настоящее время приходится констатировать недостаточную их разработанность. Можно утверждать и в отношении философских методов, которые, очевидно, нуждаются в некоторой адаптации исследовательских техник применительно к научной разработке проблем цивилистической действительности.

Принципы по отношению к любой науке выражаются в закономерностях её исследования, придавая исследованию форму и общие нормы.

В свою очередь, баланс интересов, это правовой принцип, применяющийся в процессах принятия решений для взвешивания различных интересов вовлеченных сторон. Согласно толкованию Конституционного Суда Российской Федерации, «достижение баланса интересов – это процесс урегулирования противоречивых интересов».

Правовая доктрина в Российской Федерации не признана официальным источником права, что затрудняет правоприменительный процесс и понимание отитных норм. Вместе с тем, среди учёных-правоведов бытует бесчисленное количество толкований к одной правовой норме, что приводит к определенным практическим трудностям понимания всей науки права. Исходя из этого, баланс интересов необходим для единого мнения среди юристов, что, в свою очередь, способно преодолеть большое количество законодательных пробелов.

Сложность определения места цивилистического исследования заключается в отношении российского законодательства к источникам права. Формально, законодательство Российской Федерации не закрепляет правовую доктрину в качестве источника права.

Преимущества метода баланса интересов определено в универсальности данного метода, т.к. он применим в различных областях гражданского права, видах правоотношения, толковании и процессе разработки новых нормативно-правовых актов.

Гибкость данного метода заключается в возможности учитывать обстоятельства каждого случая и находить индивидуальные решения.

Справедливость, заключённая в методе баланса интересов, способствует достижению справедливого результата в правоотношениях и защите интересов всех участников.

Вместе с преимуществами метода баланса интересов сопоставляются сложности при его применении и обеспечение. Во-первых, это практическая сложность, баланс интересов требует тщательного анализа интересов и привлечение широкого спектра знаний, навыков, учета конкретных обстоятельств дела. Во-вторых, субъективность, то есть, риск субъективного восприятия интересов и необъективного применения метода.

На сегодняшний день методология в цивилистических исследованиях испытывает трудности, связанные с отсутствием новых методологических оснований для исследований цивилистики. Поэтому перед учёными, в частности, правоведами стоит важная задача – выработать новые подходы, постулаты для изучения правовой науки.

Список используемых источников:

1. Колодуб Г. В. Цивилистическая методология как новое направление научно-исследовательской деятельности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. №6(98). С. 132–138.
2. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Шкут О. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки // Общетеоретические вопросы цивилистической методологии. 2022. №4. С. 12–20.
3. Филиппова С. Ю. Цивилистическая наука России: становление, функции, методология. М.: Статут, 2017. 384 с.
4. Официальный интернет-портал правовой информации: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро «Факториус» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 20.02.2025).
5. Официальный интернет-портал правовой информации: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 20.02.2025).
6. Богданова Е. Е., Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. №1.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Алексей Леонидович Саченко, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук.

Balance of Interests as a Method of Civilistic Research

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Makhova Sofia

Undergraduate student, Faculty of Law, Russian Customs Academy

Correspondence to: maxova30@bk.ru

In this article, the authors address the need to develop their own methods of researching the science of civil law, since today we have to state the stagnation of civilistic science. The author's fundamental position is that the balance of interests can act not only as a legal principle, but also as a research method. This position is supported by judicial practice and legal doctrine.

Keywords: civil law, civil legislation, methodology, balance of interests.

References:

1. Kolodub, G. (2014). Tsivilisticheskaya metodologiya kak novoe napravlenie nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti [Civilistic methodology as a new direction of scientific research activity] // *Bulletin of the Irkutsk State University of Economics*, 6 (98), 132–138. (In Russ.)
2. Bondarenko, N., Konanevich, Yu., Shkut, O. (2022). Diskussiya o sisteme prava i ee znachenie dlya tsivilisticheskoy nauki [Discussion about the legal system and its importance for civilistic science]. *General theoretical issues of civilistic methodology*, 4, 12–20. (In Russ.)
3. Filippova, S. (2017). *Tsivilisticheskaya nauka Rossii: stanovlenie, funktsii, metodologiya*. [Civilistic science of Russia: formation, functions, methodology]. Moscow: Statut.
4. Ofitsial'nyj internet-portal pravovoj informatsii: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 04.06.2024 № 28-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenij stat'i 446 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii i stat'i 213.25 Federal'nogo zakona “O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)” v svyazi s zhaloboj aktsionernogo obshhestva YUridicheskoe byuro “Faktorijs” [The official Internet portal of legal information: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.06.2024 No. 28-P “On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Article 213.25 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with the complaint of the joint-stock company Law Bureau “Factorius”]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)
5. Ofitsial'nyj internet-portal pravovoj informatsii: Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 № 16 “O svobode dogovora i ee predelakh” [The official Internet portal of legal information: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the

- Russian Federation of 14.03.2014 No.16 “On freedom of contract and its limits”].
URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed on: 20.02.2025). (in Russ.)
6. Bogdanova, E., Pyankova, A. (2019). Balans interesov kak metod tsivilisticheskogo issledovaniya [Balance of interests as a method of civilistic research]. *Methodological problems of civilistic research*, 1. (In Russ.)

Установочный метод ЦИТа: STS в советской научной организации труда

Сёмовских Я.С.

В докладе реконструируется метод, который практиковался Центральным институтом труда – организацией, представляющей движение Научной организации труда в 20-30-е годы прошлого века. Предлагается гибрид ранней советской науки, предвестницы кибернетики, и программой STS в лице представител Ланкастерской школы.

Ключевые слова: установочный метод, Центральный институт труда, А. К. Гастев, STS, Ланкастерская школа.

Доклад посвящен экспликации социальной теории, вшитой в исследовательскую методологию ранней советской науки – Научной организации труда (НОТ) – возникшего на волне революции движения по оптимизации труда, организации рабочего пространства и воспитанию нового советского работника. В 20-30-х годах прошлого века ведущим представителем НОТ считался Центральный институт труда (ЦИТ) во главе с Алексеем Гастевым. Утверждая, что, прежде чем изменить способы работы, надо их тщательно изучить, Гастев создал на базе ЦИТа гибридную систему

Сёмовских Яша Станиславовна, студент бакалавриата, Факультет социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук
адрес для корреспонденции: semovskikh-us@universitas.ru
Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Я.С.Сёмовских

завода-лаборатории, запустив тем самым циклический процесс исследования и усовершенствования труда, который был назван социально-инженерной машиной.

Исследования ЦИТа охватывают совершенно разные реальности – от физических приемов рабочего [1] до динамики и структуры текста пленума ЦК ВКП(б) [2], – а также составляются целым набором независимых друг от друга методов. К примеру, для изучения движений вводится усовершенствованный со времен Маре и Гилбрета метод циклограмм. Он утроен так, что движение человеческого тела записывается с помощью фотоаппарата для циклосъемки, перед которым устанавливается штатив с крутящимся затвором; полученные этим путем покадровые снимки сопоставляются таким образом, что по ним можно определить скорость и траекторию, скажем, рубки зубилом. Кроме того, посредством хронокарт, представляющих собой таблицу-график для почасовой фиксации деятельности, предлагалось изучать режимы времени у разных социальных групп (трудящихся, студентов, домохозяек, военных), статистический анализ которых должен был стать «манометром коммунизма», т.е. инструментом измерения степени «коммунистичности» советского общества. Иные методы встречаются в работах о пересборке структуры текстов официальных документов или о ведении книжных заметок.

В фокусе доклада находится именно методы ЦИТа, то, как они устроены, и что они производят. В первую очередь, сходной интенцией обладает книга Джона Ло [3] «После метода», а также ряд текстов авторов, к которым он отсылает (напр. [4], [5]). Аргументы Ло построены супротив той метафизике науки, в которой определенная и единственная реальность ждет, когда ученые ее опишут. Главный тезис работы состоит в том, что объекты и реальности их окружающие производятся в различных практиках, которые плодят онтологическую множественность. Такая постановка вопроса валидна и не требует оспаривания, однако я буду утверждать, что метод(ы), которые практиковались ЦИТом сущностно отличны от той картины науки, которую рисуют представители Ланкастерской школы STS.

В своих текстах Гастев периодически напоминает о том, что исследования ЦИТа объединены общим методом, методом в единственном числе. Ровно так же, как организована машина, должен быть организован и человек. Этот принцип применяется к исследованию, в сущности, любой человеческой деятельности, даже умственной. Предисловие к позднему переизданию «Как надо работать» усиливает идею методологической гомологии: ЦИТ называется предвестником советской кибернетики, руководствующимся принципом универсальности проблем организации.

Одной из основных задач моего доклада станет реконструкция метода ЦИТа, которые носит название «Установочный», посредством «перекройки» текстов Гастева и Ко. Я покажу, как можно говорить о методе в рамках ранней

кибернетики, построенной на иных основаниях, чем те, на основе которых выстраивают свои рассуждения представители Ланкастерской школы; и что делать с насосом, который является слишком изменчивым. Для этого я заимствую у STS некоторые концепты (к примеру, пограничный объект [boundary object] [6]) и вплету их в схему, которую рисует ЦИТ.

Список используемых источников:

1. Бернштейн Н. А. Общая биомеханика: основы учения о движениях человека. М.: ЦИТ, 1926. 415 с.
2. Гастев А. К. Плановые предпосылки. М.: НКРКИ СССР, 1926. 48 с.
3. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
4. Alpers S. The art of describing: Dutch Art in the Seventeenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 273 p.
5. Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 2011. 440 p.
6. Star S. L., Griesemer J. R. Institutional Ecology, Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology // Social Studies of Science. 1989. №19(3). P. 387–420.

CIT's Set-up Method: STS in the Soviet Scientific Organization of Labor

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Semovskikh Yasha

Undergraduate student, Faculty of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Science

Correspondence to: semovskikh-us@universitas.ru

The talk reconstructs the method practiced by the Central Institute of Labor, an organization representing the Scientific Organization of Labor movement in the 1920s and 1930s. It proposes a hybrid of early Soviet science, the forerunner of cybernetics, and the STS program represented by scholars of Lancaster School.

Keywords: installation method, Central Institute of Labor, A.K. Gastev, STS, Lancaster School.

References:

1. Bernstein, N. (1926). *Obshchaya biomekhanika: osnovy ucheniya o dvizheniyah cheloveka* [General biomechanics: fundamentals of the doctrine of human movements]. CIT. (in Russ.)
2. Gastev, A. (1926). *Planovye predposylki* [Planning prerequisites]. NK RKI SSSR. (in Russ.)
3. Law, J. (2015). *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research]. Izd-vo Instituta Gajdara. (in Russ.)
4. Alpers, S. (1983). *The art of describing: Dutch Art in the Seventeenth Century*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Shapin, S., Schaffer, S. (2011). *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton University Press.
6. Star, S., Griesemer, J. (1989). Institutional Ecology, Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology. *Social Studies of Science*, 19(3), 387–420.

Рефлексия на стыке теоретического знания и практики: проблема клише

Соловьев Ю.М.

Принимая клише в качестве формы мысли, способной воздействовать на человеческие умы, предложенный текст рассматривает один из путей возникновения этих самых клише в рамках научного объяснения мира. Через обращение к мысли Ханны Арендт и Бруно Латура можно увидеть какие проблемы могут возникнуть при внедрении клише без учёта этической и социальной адекватности. Чтобы противостоять потенциальным неприятностям, в качестве решения предлагается особая форма рефлексии, учитывающая агентность изучаемого и устремлённая к установлению связи с ним.

Ключевые слова: теория и практика, объяснение, рефлексия, инфрарефлексивность, власть.

Вырисовывая психологический портрет нацистского преступника Адольфа Эйхмана, Ханна Арендт обращает внимание, что в результате многочисленных допросов “архитектор Холокоста” показал себя вполне адекватным человеком [1, с. 45-46]. Однако этот факт мало объяснял причины,

побудившие его совершить преступления против человечества. Лишь в процессе развёртывания мысли писательница в качестве одного из обстоятельств, повлиявших на деятельность преступника, отмечает, что значительная часть речи и сознания Эйхмана состоит из идеологических, зачастую противоречивых, но ярких клише [1, с. 49]. Разного рода лозунги практически полностью заменили собой самостоятельный взгляд на мир, лишив личность необходимости рассуждать посредством собственного ума и подчинив человека и всю его жизнь определённой нацистской идеологии. Кличе, выступающие в качестве многократно повторённых фраз, устойчивых форм мысли, служили людям ориентиром и объясняли, как устроен мир, и каким образом в нём можно существовать [1, с. 49].

Говоря о нашем времени, в качестве его отдельной характеристики принято отмечать распространение и усиление влияния науки, техники. Многие решения (будь то политические, экономические или иного рода) принимаются с опорой на мнение экспертов. Объяснение, как полагает Бруно Латур, есть ни что иное как «установление некоторой связи между двумя списками, один из которых включает в себя набор объясняемых элементов (В), а другой – перечень «...» объясняющих элементов (А)» [2, с. 116]. В результате формируются отношения власти, суть которых состоит в том, что наиболее сильное объяснение возникает в тот момент, когда наибольшее число элементов списка В могут быть объяснены одним элементом списка А [2, с. 117]. Можно предположить, что подобная редукция как раз и способствует возникновению клише, ведь наиболее яркие, ёмкие и показательные образы, сентенции, формулы становятся не инструментом объяснения, но будто бы его целью. В случае нацистской Германии клише не без опоры на данные науки аналогично послужило возникновению античеловеческих практик.

И подобный взгляд на объяснение в качестве того, что порождает клише, имеет право на существование по той причине, что сам Б. Латур полагал учёных как писателей, превращающих объекты своих исследований в понятные цифры и тексты [3, с. 183]. Такие вводные позволяют поставить вопрос: Каким образом можно избежать угроз или трудностей, которые таит в себе объяснение? Эта проблема и становится почвой для объединения таких довольно разных мыслителей как Х. Арендт и Б. Латур.

В ответ на потенциальную угрозу объяснений и претензию на указание того, как следует с этой реальностью взаимодействовать, они предлагают обратиться к рефлексии. Рассмотрение этого акта, с одной стороны, служит пониманию того, почему стал возможен Холокост, с другой, раскрывает особенности применения научного знания для решения актуальных проблем (например, климатических). Суть кроется в том, что акт рефлексии образует зазор между теоретическим, никогда незавершённым знанием и знанием, которое внедрялось в практику. Рефлексия позволяет избежать той

однозначности, которая может возникнуть при переводе теории в сферу практического, делая его адекватным с этической и социальной точки зрения [4, с. 131].

В случае Б. Латура, отвечавшего на критику релятивизма, формат рефлексии лишь уточняется. Разговор ведётся об инфрарефлексивности, помогающей избежать неоправданной многоуровневости мысли о мысли [2, с. 132], установить связи с акторами и показать путь этого установления [2, с. 137-140]. Всё это и служит возникновению объяснения, которое потенциально воспрепятствует установлению властного отношения/возникновению клише.

Х. Арендт же, говоря о рефлексии как о собственной деятельности суждения, фиксирует, что одна из максим человеческого рассудка «Критики способности суждения» звучит как «мыслить, ставя себя на место другого». Этим, по её мнению, достигается беспристрастность [5, с. 125-126], что создаёт потенциал для противостояния клише как форме объяснения, претендующей на унификацию реальности и её подчинение. Ставя себя на место другого, мы признаём его агентность и тем самым осуществляем нечто близкое подходу Б. Латура. Хотя, как пишет Р. Бейнер, поначалу Х. Арендт и не рассматривает суждение как познавательную способность, приходя к этому в более поздних работах [5, с. 223-228].

Если рассматривать рефлексия в контексте уже упомянутого расового вопроса, то с опорой на работу Р. Грундманна и Н. Штера, можно увидеть, как разработанное учёными понятие «раса» стало клише и послужило объяснением различных общественных проблем [6, с. 139]. Расология, развивавшаяся как наука ещё до прихода Гитлера к власти, в своих исследованиях игнорировала рефлексия и как следствие агентность представителей еврейской расы, что и стало одной из причин человеческой трагедии.

В результате перед нами открывается потенциал дальнейшего рассмотрения рефлексии как зазора между теорией и практикой и одновременно способа перевода через этот зазор. Кроме того, связь этого акта с клише предполагает возможность взгляда на сам процесс возникновения появления клише из теоретического знания в практике, а также перспективу разработки более детальной «методологии» рефлексии.

Список используемых источников:

1. Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство Скрипториум, 2021. 244 с.
2. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти, № 8, 2012, С. 113-143.
3. Латур Б., Вулгар С. (2012). Лабораторная жизнь: конструирование научных фактов // Социология власти. № 6–7. С.178-234.

4. Шиповалова Л. В. О возможности свободы науки от политики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, № 57, 2020, С. 128-140.
5. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. Санкт-Петербург: Наука, 2012. 302 с.
6. Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. Санкт-Петербург: Алетейя: Историческая книга, 2015. 324 с.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Шиповалова Лада Владимировна, заведующая кафедрой Философии науки и техники СПбГУ, профессор, доктор философских наук, доцент.

Reflection at the Intersection of Theoretical Knowledge and Practice: The Problem of Clichés

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Soloviov Yury

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st120480@student.spbu.ru

Taking clichés as a form of thought capable of influencing human minds, the proposed text considers one of the ways in which these very clichés arise within the framework of a scientific explanation of the world. By referring to the thoughts of Hannah Arendt and Bruno Latour, one can see what problems can arise when introducing clichés without taking into account ethical and social adequacy. To counter potential troubles, a special form of reflection is proposed as a solution, taking into account the agency of the person being studied and striving to establish a connection with him.

Keywords: theory and practice, explanation, reflection, infra-reflexivity, power.

References:

1. Arendt H. (2021). *Eichman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem. Scriptorium (In Russ.)]
2. Latour B. (2012). *Politika obyasnenija: alternativa* [The Politics of Explanation: an Alternative]. *Sociology of Power*, 8, 113-143. (In Russ.)

3. Latour B. (2012). Laboratornaya jizn: konstruirovaniye nauchnykh faktov [Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts]. *Sociology of Power*, 8, 178-234. (In Russ.)
4. Shipovalova L. (2020). O vozmozhnosti svobody nauki ot politiki [On the possible autonomy science from politics]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 57. 128-140. (In Russ.)
5. Arendt H. (2012). *Lekcii po politicheskoy filosofii Kanta* [Lectures on Kant's Political Philosophy]. Nauka. (In Russ.)
6. Grundmann R., Stehr N. (2015). *Vlast Nauchnogo Znaniya* [The Power of Scientific Knowledge: From Research to Public Policy]. Aletya. (In Russ.)

Эпистемология сложных систем: как спасти науку от самоуничтожения с помощью наследия Грегори Бейтсона

Черноножкин С.А.

В докладе рассматривается критика редукционистского мышления в науке и предлагается взгляд на систему Грегори Бейтсона (1904-1980), в которой исследователь неотделим от изучаемого мира. Сквозь примеры воздействия на экологию, генную инженерию и искусственный интеллект демонстрируется, как линейные решения приводят к «ошибке логических типов» и новым кризисам. На основе идей Бейтсона о сетевой взаимосвязи и сакральности познания обсуждается возможность интеграции этических и междисциплинарных подходов, позволяющих учёным переходить от краткосрочных технических мер к системному пониманию и ответственному взаимодействию с реальностью.

Ключевые слова: редукционизм, экология, взаимосвязь, Г. Бейтсон, эпистемология.

Современная наука в форме эпистемологии учёных ориентирована в основе своей на линейные модели и редукционистский взгляд, и нередко упускает из виду сложность природных и социальных систем. Это приводит к опасным последствиям: решения, нацеленные на устранение поверхностных проблем, провоцируют новые кризисы. Например, узкий фокус на уничтожении вредителей без учёта экосистемных связей провоцирует вымирание полезных насекомых и дестабилизацию почв, что в конечном счёте отражается и на здоровье человека [1, с. 56]. Грегори Бейтсон подчёркивал, что подобное «исправление» симптомов, а не причин, является «ошибкой логических типов», когда уровень вмешательства не соответствует уровню проблемы [2, с. 112].

К примеру, пандемия COVID-19 стала ярким примером того, как игнорирование системных связей (линейное мышление) усложняет реакцию на кризис и делает невозможным решение. Вместо широкого взгляда на социальные и экономические факторы часто предпринимались меры, ориентированные лишь на вирусную составляющую. В итоге возникали новые волны заболевания, общественные противоречия и кризисы в цепочках поставок. Если бы применялся «бейтсоновский» подход, учёные, политики и другие участники системы могли бы заранее оценить взаимное влияние локальных решений и глобальных процессов. Такой анализ позволил бы учесть сложные социально-экономические взаимосвязи.

Критическая точка в бейтсоновском подходе – отказ от иллюзии, что учёный «выше» или «вне» исследуемой реальности. С точки зрения Бейтсона, наблюдатель всегда включён в систему и вносит свои ценности и предпосылки в процесс познания [3, с. 49]. На практике это означает, что социальная среда, личные цели и само тело исследователя воздействуют на формулировку гипотез и интерпретацию данных. Такая ситуация особенно теперь очевидна в сфере искусственного интеллекта, где алгоритмы могут воспроизводить расовые или гендерные предрассудки, верования и магическое мышление, заложенные в исходных данных или в мировоззрении разработчиков.

Чтобы преодолеть подобные ловушки, Бейтсон предлагал сместить вопрос «Что это такое?» к вопросу «Как это связано с другим?» [1, с. 77]. В эволюционной биологии это означает отказ от абсолютизации отдельного гена в пользу понимания сложных паттернов взаимодействия генетических, эпигенетических и экологических факторов [2, с. 136]. В экологии – воспринимать климат не как изолированный объект, а как метапаттерн, включающий социально-экономические системы. Иными словами, вместо линейной причинности признаётся сеть взаимосвязей, где каждое изменение откликается целому миру.

Бейтсоновская эпистемология подразумевает не только новые концептуальные рамки, но также и этический сдвиг. Учёные должны спрашивать себя, во имя чего они стремятся к определённому результату.

Когда речь заходит, например, о технологиях генного редактирования, необходимо учитывать не только эффективность, но и последствия для будущих поколений и экологии [4, р. 114]. Бейтсон писал, что любой акт познания сакрален в том смысле, что затрагивает фундаментальные основы существования системы [3, с. 88]. Признание этой сакральности удерживает нас от поспешных вмешательств.

Отказ от механистической парадигмы не означает отрицания научных достижений, но требует переосмысления роли наблюдателя. Если мы осознаём, что являемся частью исследуемого мира, то начинаем ответственнее относиться к последствиям научной деятельности. Подобный подход уже проявляется в междисциплинарных исследованиях, где экологи, экономисты и социологи анализируют климатические сдвиги в совокупности с культурным контекстом. Подобная интеграция помогает избежать того, что Бейтсон называл «самоубийственным использованием знаний» [2, с. 158].

Согласно наследию Грегори Бейтсона, выход из патогенной и возможно апокалиптической логики, где каждая новая технология становится источником глобального риска, кроется в принятии сложных взаимосвязей. А на практике сводится к системному мышлению отдельного учёного. Признавая неопределённость и ограниченность своих моделей, учёные могут развивать гибкие стратегии, ориентированные на диалог между дисциплинами и на этическую рефлексию. В конечном счёте, именно бейтсоновская мысль о том, что человек неотделим от природы, дарит надежду: мы можем научиться соучаствовать в эволюции, вместо того чтобы разрушать среду своего обитания.

Список используемых источников:

1. Бейтсон Г. Бейтсон М.К., Ангелы страшатся. М.: АСТ., 2019. 288 с.
2. Бейтсон Г. Священное единство. М.: URSS, 2012. 240 с.
3. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: Смысл, 2000. 344 с.
4. Haraway D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene. Durham: Duke University Press, 2016. 304 p.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Шиповалова Лада Владимировна, заведующая кафедрой Философии науки и техники СПбГУ, профессор, доктор философских наук, доцент.

Epistemology of Complex Systems: How to Prevent Science from Self-Destruction Using the Legacy of Gregory Bateson

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Chernonozhkin Semen

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: junkyhouse@gmail.com

The article presents a critical examination of reductionist thinking in science and introduces Gregory Bateson's (1904–1980) systemic perspective, which posits that researchers cannot be separated from the objects of their study. Drawing on examples from ecology, genetic engineering, and artificial intelligence, it demonstrates how linear approaches often result in the “error of logical typing” and lead to new crises. Building on Bateson's ideas about networked interconnections and the sacred nature of knowledge, the discussion highlights opportunities for integrating ethical and interdisciplinary strategies. Such an integration aims to shift scientific practice from short-term technical fixes toward systemic understanding and responsible engagement with reality.

Keywords: reductionism, ecology, interconnection, G. Bateson, epistemology.

References:

1. Bateson, G. (1987). *Angels Fear: Towards an Epistemology of the Sacred*. London: Macmillan.
2. Bateson, G. (1991). *Sacred Unity: Further Steps to an Ecology of Mind*. New York: Cornelia & Michael Bessie.
3. Bateson, G. (1972). *Steps to an Ecology of Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Haraway, D. (2016). *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham: Duke University Press.

Образ Христа в русской живописи конца XIX – первой четверти XX вв.

Бекренёва В.А.

В докладе рассматривается эволюция образа Иисуса Христа в русском искусстве конца XIX – первой четверти XX вв. Актуальной задачей исследования является выявление общих тенденций, присущих русской общественной мысли данного периода, проявление которых отражает изобразительное искусство. Обращение к данной теме мотивировано изменением взгляда на русское общество как на сугубо православное, не выходящее за пределы ортодоксальной церкви. Изучение данного феномена является важным для понимания современной религиозной жизни общества, так как отголоски антиклерикализма, сложившегося несколько веков назад, встречается и в настоящее время.

Ключевые слова: образ Христа, русская живопись, антиклерикализм, «Жизнь Иисуса».

Новизна данного исследования заключается в том, что в нем комплексно исследованы: русская философская мысль данного периода, зарубежные труды библеистов, повлиявших на русскую интеллигенцию, дневники, а также

письма самих художников, чьи полотна рассмотрены в данном докладе. Кроме того, проанализировано влияние рассмотренного изобразительного искусства на русское общество конца XIX – первой четверти XX вв. и на последующие поколения русской интеллигенции. Вместе с тем, исследована и проанализирована современная литература на данную тему.

Целью данного доклада является рассмотрение и анализ общественной мысли в России, идей, которые проникали в нее, выявление их влияния на русское изобразительное искусство и эволюцию образа Иисуса Христа среди русской интеллигенции, а также выявить основных характеристики религиозной жизни интеллигенции «длинного XIX века».

Вторая половина XIX века знаменуется множеством внутригосударственных реформ, а также преобразованием общественной жизни. Отечественные ученые проявляли большой интерес к западноевропейской научной мысли. Исследователи характеризуют эту эпоху словами архиепископа Херсонского Никанора: «Это было время Бюхнера, Ренана, Дарвина, Бокля, время пропаганды Белинского, Штрауса, всяких естественно-научных изданий» [1, с. 179]. Важно отметить, что художественная культура – литература или живопись – всегда отражает те или иные тенденции своей эпохи, она никогда не существует обособленно, таким образом, чтобы перейти к образу Иисуса Христа в русском изобразительном искусстве, необходимо понять общественные настроения этого периода. В 60–70-х гг. XIX в. некоторые представители интеллигенции начинают видеть в религии революционные лозунги, а в раннем христианстве – идеалы равенства и справедливости всех людей, такая пропаганда часто сочеталась с критикой современной религии и церкви [2]. В связи с вышеизложенным меняется восприятие образа Иисуса Христа, для части творческой интеллигенции он становится освободителем от угнетения и рабства.

В то же время в Европе начинает развиваться библеистика и все больше исследователей проявляют интерес к земной жизни Иисуса Христа. Современный исследователь отмечает: «Богословы и художники... прибегают к Его образу постоянно – но только четверть тысячелетия назад на него попытались взглянуть с позиций науки» [3, с. 10]. Две наиболее известные и влиятельные работы под названием «Жизнь Иисуса» – книги тюрингенского богослова Фридриха Штрауса (1808-1874) и французского историка Эрнеста Ренана (1823-1892). Их труды попали на восприимчивую к новым идеям российскую интеллектуальную почву, определяя дальнейшее восприятие и визуальное изображение Иисуса Христа в первую очередь как человека.

Одним из первых русских художников, который зачитывался работой «Жизнь Иисуса» Штрауса был А.А. Иванов (1806-1856). Олицетворением его видения евангельской истории стало полотно художника «Явление Христа народу» [4]. Целая плеяда художников продолжит богоискательство Александра Андреевича: И.Н. Крамской, Н.Н. Ге, В.Д. Polenov, В.Г. Перов,

и другие. Данные художники, речь о которых пойдет в докладе, также были увлечены идеями Ренана и Штрауса, для многих это были настольные книги вместе с Евангелием.

Конец XIX – начало XX вв. – период, когда во всех сферах жизни российского общества происходили серьезные изменения: так наряду с определенным кризисом веры и нигилистическими тенденциями, которые наметились ранее, характерен неподдельный интерес к христианской тематике, к проблемам религиозного характера. История искусства является непосредственно историей русской мысли, поэтому на картинах отражается и антиклерикализм с жадой социальной справедливости, и переосмысление образа Спасителя: Христос – вожак движения, направленного на обновление человечества.

В результате данного исследования была выявлена основная идея, которая красной нитью проходит в творчестве русских художников и деятелей культуры: преображение образа Христа, попытка «очеловечить» его, вместе с тем, многие представители интеллигенции хотели обновления христианства, отвергая православную церковь и совершая свои духовные искания вне ее.

Список используемых источников:

1. Воронцова И. В. «Заколдованный круг русского сознания...»: проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX – начала XX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 933 с.
2. Тажуригина З. А. Религия и революционная идеология (к 90-летию выхода в свет работы В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм») // Марксизм и современность. 2007. №3-4. С. 51-72.
3. Андреев А. В. Поиск исторического Иисуса: от Реймаруса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 366 с.
4. Райгородский Л. Д. Образ Иисуса Христа в живописи России XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2012. № 3. С.118-128.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Чумакова Татьяна Витаутасовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии СПбГУ.

The Image of Christ in Russian Painting at the End of the 19th–First Quarter of the 20th Centuries

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Bekrenyova Victoria

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Correspondence to: st086818@student.spbu.ru

The report examines the evolution of the image of Jesus Christ in Russian art during the late 19th and early 20th centuries. An objective of this research is to identify the general trends inherent in Russian social thought during this period. The relevance of this topic is underscored by a shift in the perception of Russian society, which has traditionally been viewed as exclusively Orthodox, to one that extends beyond the confines of the Orthodox Church. The study of this phenomenon is crucial for understanding contemporary religious life in society, particularly as the echoes of anticlericalism, which developed several centuries ago, continue to resonate today.

Keywords: the image of Christ, Russian painting, anticlericalism, “Life of Jesus”.

References:

1. Vorontsova, I. (2019). *“Zakoldovannyi krug russkogo soznaniya...”*: problemy sotsialno-religioznogo poiska v pravoslavnoy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [“The Enchanted Circle of Russian Consciousness...”: problems of socio-religious search in Orthodox Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)
2. Tazhurizina, Z. (2007). *Religiya i revolyutsionnaya ideologiya (k 90-letiyu vykhoda v svet raboty V.I. Lenina “Materializm i empiriokrititsizm”)* [Religion and Revolutionary ideology (on the occasion of the 90th anniversary of the publication of V.I. Lenin's work “Materialism and Empirio-Criticism”)]. *Marksizm i sovremennost*, 3-4, 51-72. (in Russ.)
3. Andreev, A. (2022). *Poisk istoricheskogo Iisusa: ot Reymarusa do nashikh dney* [The Search for the Historical Jesus: from Reimarus to the present day]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
4. Raygorodskiy, L. (2012). *Obraz Iisusa Khrista v zhivopisi Rossii XIX veka* [The image of Jesus Christ in Russian painting of the 19th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*, 3, 118-128. (in Russ.)

Мистический опыт С. Франка и С. Вейль: родственность социокультурного контекста

Зоренко П.А.

Наследие русских и зарубежных философов религии XX века – предмет многочисленных исследований в российском академическом пространстве с падения «железного занавеса» в 1990-х гг.; большое внимание уделяется, в частности, русскому философу С. Л. Франку и французской мыслительнице С. Вейль, однако работ, посвященных их сравнению в отдельно взятых аспектах жизни и творчества, практически нет. Автор статьи анализирует интеллектуальные биографии С. Вейль и С. Франка и выявляет сходства в их религиозно-философском пути от увлечения марксизмом к христианскому мистицизму. Опираясь на деятельностный подход, автор заключает, что воспитание и среда философов, а также их непосредственная подготовка к восприятию мистического переживания во многом родственны, что позволяет говорить о схожести мистического опыта в социокультурном контексте.

Ключевые слова: мистический опыт, С. Вейль, С. Франк, еврейство, христианство.

Зоренко Полина Александровна, студент бакалавриата, Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

адрес для корреспонденции: zorenko29ip@mail.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© П.А.Зоренко

В 1990-х гг. с падением «железного занавеса» в отечественном культурном пространстве появляется интерес к творчеству философов-эмигрантов и зарубежных христианских мыслителей. В частности, труды французской мыслительницы С. Вейль и русского философа С. Франка продолжают быть предметом многочисленных исследований. В 2000х гг. В. Е. Зелинский в своей работе сравнил некоторые религиозно-философские воззрения позднего С. Л. Франка и зарубежных мыслителей еврейского происхождения, в т.ч. Симоны Вейль. Однако далее краткого упоминания этого сходства других исследований, насколько мы знаем, не появилось, и в данной работе предпринимается попытка установить черты сходства в осмыслении мистического опыта С. Вейль и С. Франком с учетом социокультурного контекста, повлиявшие на их духовное становление.

Для раскрытия темы следует обратиться к некоторым сведениям из жизни мыслителей. Во-первых, и С. Вейль, и С. Франк были выходцами из еврейской среды, в их семьях не говорили о христианстве. Воспитание С. Вейль проходило в совершенном агностицизме: любовь к отвлеченным ценностям появилась у будущего философа благодаря чтению античных мифов и сказок братьев Гримм [1, с. 48]. С. Франк был воспитан в духе ортодоксальной иудейской традиции. Как пишут Г. Е. Аляев и Т. Н. Резвых, рассказы дедушки по истории еврейства и совместное посещение Московской синагоги стали «первой основой» умственного кругозора и религиозных впечатлений мыслителя. При этом через окружающую Франка русскую среду у него остались и впечатления от русского православия, хотя и весьма поверхностные [2, с. 23-24].

Во-вторых, и С. Вейль, и С. Франк в юные годы были приверженцами марксизма, но антидогматические установки – характерная черта творчества обоих мыслителей – заставили их усомниться в истинности учения Маркса. С. Франк, будучи подростком, под влиянием отчима В. Зака познакомился с народничеством – этим переработанным «на русский манер» марксизмом. Однако независимость мышления и не вполне угасшие религиозные впечатления из детства не давали Франку, тогда еще студенту, чувствовать себя уверенно в радикальных кругах. Т. Оболевич ссылается на отрывок из воспоминаний философа, где он пишет, что в то время начал «задыхаться в этой атмосфере сектантской веры» [3, с. 7]. Позже С.Л., не оставив желание заниматься марксизмом научно, обратился к «легальному», «критическому» или «литературному» марксизму, представители которого полемизировали с народниками исключительно в печати. С. Вейль, как и С. Франк, поначалу отдавала предпочтение революционному марксизму и не могла при этом отождествлять себя с конкретным движением. Оба философа называли схему Маркса односторонней, поверхностной, поскольку он сделал экономическую сферу главным критерием оценки действительности [3, с. 10; 4, с. 162].

В-третьих, оба философа окончательно укоренились в христианстве, если верить их свидетельствам, после соприкосновения с «трансцендентным нечем». В поздней работе «С нами Бог» С. Л. Франк писал, что в своем творчестве он пытался вербализировать то, что он «узнал из внутреннего опыта» и что он «сам воспринимает как истину» [5, с. 203]. От марксизма Франк перешел к неокантианству, от неокантианства — к онтогносеологической концепции, «совпадающей с христианской истиной о Боге — имманентном и трансцендентном» [3, с. 45]. Для Симоны Вейль определяющим мистическим опытом стало пережитое в Аббатстве Солем в 1938 г. Во время чтения английского стихотворения «Любовь», которое Вейль использовала в качестве молитвы, она описала вступление в личный контакт со сверхъестественным: «Сам Христос сошел вниз и овладел мною» [4, с. 174].

В итогах анализа жизненных контекстов С. Вейль и С. Франка я выделяю три тезиса: 1) оба мыслителя были выходцами из еврейской среды и не имели отношения к христианской традиции; 2) С. Вейль и С. Франк в юные годы склонялись к атеизму и марксизму, однако свойственное обоим неприятие догматов заставило мыслителей усомниться в истинности учения Маркса; 3) когда религиозный опыт настиг философов, оба находились в поисках откровения, и потому были подготовлены к его восприятию.

Для более глубокого сравнения вербализации религиозного опыта у Вейль и Франка необходимо обратиться и к антропологическому контексту, поскольку представление об опыте и переживании не может быть полным без изучения психофизических черт субъекта.

Список используемых источников:

1. Кругман А. Симона Вейль, свидетельствующая о себе. М.: Аркаим, 2003. 351 с.
2. Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Том 1:1896-1902. М.: Издательство ПСТГУ, 2018. 720 с.
3. Оболевич Т. Семен Франк. Штрихи к портрету философа. М.: Издательство ББИ, 2017. 202 с.
4. Вейль С. Статьи и письма 1934–1943. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. 608 с.
5. Хамидуллин А.М. Мистико-опытное основание гносеологии С. Л. Франка // Грамота. 2017. № 8(82). С. 203–205.
6. Миронова А.М., Астапов С.Н. Социокультурный и антропологический контексты в определениях мистического опыта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 104–112.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Карабыков Антон Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социокультурного проектирования КФУ им. Вернадского.

The Mystical Experience of S. Frank and S. Weil: The Relatedness of the Socio-Cultural Context

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Zorenko Polina

Undergraduate student, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Correspondence to: zorenko29ip@mail.ru

The heritage of Russian and foreign philosophers of religion of the 20th century has been the subject of much research in Russian academic space since the fall of “the Iron Curtain” in the 1990s; much attention has been paid, in particular, to the Russian philosopher S. L. Frank and the French thinker S. Weil, but there are virtually no works devoted to comparing them in individual aspects of their lives and work. The author analyses the intellectual biographies of S. Weil and S. Frank and identifies similarities in their religious and philosophical path from Marxism to Christian mysticism. Based on the activity approach, the author concludes that the upbringing and environment of the philosophers, as well as their direct preparation for the perception of mystical experience are in many ways related, which allows us to speak about the similarity of mystical experience in the socio-cultural context.

Keywords: mystical experience, S. Weil, S. Frank, Jewry, Christianity.

References:

1. Krogman, A. (2003). *Simona Veil', svidetel'stvuiushchaia o sebe* [Simone Weil, testifying about herself]. Moscow: Arkaim. (in Russ.)
2. Frank, S. (2018). *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 1: 1896-1902* [Complete Works. Volume 1: 1896-1902]. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. (in Russ.)
3. Obolovich, T. (2017). *Semen Frank. SHtrikhi k portretu filosafo* [Semyon Frank. Shadings to the portrait of a philosopher]. Moscow: Izdatel'stvo Biblejsko-Bogoslovskogo Instituta svyatogo apostola Andreyana. (in Russ.)
4. Weil, S. (2023). *Stat'i i pis'ma 1934–1943* [Articles and letters 1934-1943]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. (in Russ.)
5. KHamidullin A. (2017). *Mistiko-opytное osnovanie gnoseologii S. L. Franka* [The mystical-experiential basis of S. L. Frank's epistemology]. *Gramota*, 8(82), 203–205. (in Russ.)

-
6. Mironova, A, Astapov, S. (2022). Sotsiokul'turnyi i antropologicheskii konteksty v opredeleniiakh misticheskogo opyta [Sociocultural and anthropological contexts in definitions of mystical experience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiia. Sotsiologiia. Politologiia*, 69, 104–112. (in Russ.)

Влияние традиционных христианских ценностей на русскую литературу XX века

Корнеев К.Е.

Доклад посвящён изучению влияния христианских ценностей на русскую литературу XX века в условиях исторических потрясений. На примере произведений М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака, И.А. Бунина и А.И. Солженицына показано, как православные принципы любви, покаяния и милосердия помогали писателям осмысливать общественные изменения и сохранять культурные ценности в этот исторический период.

Ключевые слова: христианские ценности, русская литература, православная традиция.

Христианские ценности оказали значительное влияние на формирование ценностной системы русской литературы XX века, несмотря на политические потрясения, секуляризацию и идеологическое давление. Православная традиция с её идеями любви, покаяния и милосердия всегда играла ключевую роль в понимании деятелями отечественной культуры происходивших социальных изменений и обосновании нашей национальной идентичности.

Корнеев Кирилл Евгеньевич, студент бакалавриата, Институт гуманитарных и социальных наук, Тульский государственный университет
адрес для корреспонденции: kirill5906k@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© К.Е.Корнеев

Российские писатели стремились осмыслить кризисные процессы, происходившие на рубеже XIX–XX веков, обращаясь к христианской традиции как источнику духовного обновления. Религиозный философ Н.А. Бердяев отмечал, что русские литераторы не могли оставаться в рамках чистой литературы – они искали путей преображения жизни, выходя за пределы художественного творчества [1, с. 70]. Некоторые писатели, переосмысливая христианское наследие в контексте модернизма, внесли значительный вклад в обоснование его роли в культурной жизни России. Сторонник «нового религиозного сознания» Д.С. Мережковский, по мнению Бердяева, сыграл ключевую роль в стимулировании религиозных исканий в культуре, хотя его синтез христианства и язычества выходил за рамки традиционного православия [1, с. 194].

Социалистическая революция 1917 года стала мощным катализатором культурных и политических изменений, в том числе в литературе XX века. Новая «гражданская религия» – марксизм-ленинизм – вытеснил православие как государственную идеологию царской России. Н.А. Бердяев подчеркивал, что для русского народа характерно переключение религиозной энергии на социальную жизнь, что объясняет восприятие им марксизма как новой веры [2, с. 259]. Произошла подмена тезиса, поскольку базовые ценности христианства и социализма имеют сходное содержание. Однако в советской литературе христианские мотивы продолжали проявляться, хотя и в скрытой форме. Например, в творчестве М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита») и Б.Л. Пастернака («Доктор Живаго») прослеживаются темы духовного поиска, жертвенности и нравственного выбора, уходящие корнями в христианскую традицию. Эти произведения стали своеобразным мостом от дореволюционной культуры к советской, сохраняя связь с православными ценностями. В рамках социалистического реализма, декларировавшего идеи коллективизма и строительства коммунизма, сохранялись традиционные элементы христианской этики – служение высшей цели, жертвенности ради общего блага и морального долга. Несмотря на государственное отрицание религии, христианские ценности продолжали влиять на мировоззрение писателей и их творчество, пусть и в трансформированном виде. Таким образом, советская литература, даже подчиняясь требованиям официальной идеологической доктрины, не могла полностью оторваться от духовных истоков русской культуры.

Особое место в сохранении православной системы ценностей занимает творчество эмигрантов. И.А. Бунин, первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе, в своих произведениях осмысливал исторические потрясения и роль христианских ценностей в сохранении культурной идентичности. Его творчество стало ответом на кризис веры и нравственности, вызванный революцией. Бунин стремился передать глубину духовных

переживаний человека, оказавшегося в изгнании, и показать, как православные ценности помогают сохранить связь с утраченной Родиной.

Одним из ярких примеров продолжения православной традиции в XX веке является творчество А.И. Солженицына. В романах «Архипелаг ГУЛАГ» и «Раковый корпус» он не только разоблачает суть тоталитарной системы, но и обращается к духовным основам возрождения человека и общества. Писатель

нередко использует религиозные образы, показывая, что только возвращение к нормам христианской морали помогает людям преодолеть последствия нравственного разложения. В его творчестве отражены как протест против советской системы, так и призыв к восстановлению утраченных духовных ценностей.

Таким образом, традиционные христианские ценности оказали значительное влияние на русскую литературу XX века, помогая осмысливать сложные исторические и социальные процессы. Они служили источником идей и образов, способствуя сохранению национальной идентичности и духовному обновлению русского народа в условиях общественных потрясений.

Список используемых источников:

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. // Н.А. Бердяев. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. // Н.А. Бердяев. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К, 1997.
3. Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Вехи. Из глубины. М.: Издательство «Правда», 1991.
4. Тришкина В.М. Особенности творчества И. А. Бунина // Наука и современность. 2013. №11. С. 74-79.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Есина Татьяна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии института гуманитарных и социальных наук ТулГУ.

The Influence of Traditional Christian Values on the Russian Literature of the 20th Century

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Korneev Kirill

Undergraduate student, Institute of Human and Social Sciences,
Tula State University

Correspondence to: kirill5906k@gmail.com

The report is devoted to examining the influence of Christian values on Russian literature of the 20th century amidst historical upheavals. Using the works of M.A. Bulgakov, B.L. Pasternak, I.A. Bunin, and A.I. Solzhenitsyn as examples, it demonstrates how Orthodox principles of love, repentance, and mercy helped writers interpret societal changes and preserve cultural values during this historical period.

Keywords: Christian values, Russian literature, Orthodox tradition.

References:

1. Berdyaev, N. (1997). Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka [The Russian idea. Main problems of Russian thought in the 19th and early 20th centuries]. In N. A. Berdyaev, *Russkaya ideya. Sud'ba Rossii* [The Russian idea. The fate of Russia] (pp. 1–200). Moscow: Svarog i K. (in Russ.)
2. Berdyaev, N. (1997). Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. In N. A. Berdyaev, *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Philosophy of freedom. The origins and meaning of Russian communism] (pp. 1–300). Moscow: Svarog i K. (in Russ.)
3. Berdyaev, N. (1991). Dukhi russkoy revolyutsii [The spirits of the Russian revolution]. In *Vekhi. Iz glubiny* [Landmarks. From the depths] (pp. 1–50). Moscow: Pravda. (in Russ.)
4. Trishkina, V. (2013). Osobennosti tvorchestva I. A. Bunina [Features of I. A. Bunin's work]. *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], 11, 74–79. (in Russ.)

Умаление как восхождение (на примере сочинений Плотина и Евагрия)

Кропотов Р.С.

В докладе рассматриваются мистико-аскетические практики, представленные в сочинениях Плотина и трактатах Евагрия Понтийского, проводится их сравнительный анализ на почве общей обращённости на оставление «индивидуального я» и восхищения созерцанием реальностей, превосходящих мышление, ограничивающееся чувственной сферой. При различии в богословской концептуализации и практических акцентах, метафизическое устремление к Первоначалу связывает творения автора «Энеад» с текстами монаха-аскета, что позволяет выдвинуть предположение о коренном единстве предмета мистического опыта.

Ключевые слова: бытие, единое, онтология, созерцание, умаление.

Вопрос об интуиции Единого как предельного основания действительности – значимая проблема современной философии. Можно ли мыслить укорененность сущего в абсолютном бытии, если мир всё время вызывает нас в опыт множественного? Как преодолеть ту разорванность реальности, где «не существует никакого пре-дискурсивного провидения» [1, с. 80]?

Кропотов Роман Сергеевич, студент бакалавриата, Институт философии,
Московский Санкт-Петербургский государственный университет
адрес для корреспонденции: rom.kroptov@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Р.С.Кропотов

Ответ на этот вопрос дают неоплатонические практики аскезы, предлагающие умалить частное, ограниченное начало в человеке в борьбе со страстями, чтобы приступить к единовидным созерцаниям.

Настоящее исследование предлагает через выявление основных черт мистического опыта аскетов-платоников наметить путь к актуализации религиозно-философского подхода в современности. В качестве концепта, указывающего на возможность преодоления философского кризиса, предлагается «отвержение себя», оборачивающееся вхождением в полноту умного ведения.

Рассмотрим теперь, как переход от «эмпирического я» к истинному мышлению, а через него – к Истоку всего представлен в сочинениях эллина Плотина и христианина Евагрия, укажем, в чём сходство и различие их концепций.

Онтология Плотина мыслится двойственным образом. С одной стороны, нисходящее энергийное движение осуществляется от абсолютной простоты Первоединого к ипостасным его проявлениям, менее совершенным, чем их Источник. В моменте перехода от одной космологической сферы к другой при ослаблении бытийной интенсивности форма разветвляет свою структуру, уходя в пространство множества, становясь всё менее и менее совершенной энергией. С другой стороны, обратное движение, возвращение следствий к своей причине, есть сокращение, или упрощение, поскольку разнообразные инстанции (Космос, Душа, Ум) сводятся к первичной Единице: «ум должен, так сказать, возвратиться назад, отказаться от себя ради Того, Кто за ним» [2, с. 440]. Вся иерархия оказывается пространством умаления – как Благо умаляется в его истечении, так и сущие – в их оставлении себя, ради соединения с Абсолютом.

Схожую картину предлагают и тексты Евагрия Понтийского, но акцент здесь сделан не на видении сферы умопостигаемого, а на очищении души от всякой чувственной примеси, то есть аспект делания заслоняет момент созерцания. Вначале душа освобождается от греховных влечений, достигая состояния бесстрастия: «блажен ум, который во время молитвы становится нематериальным и отрешенным от всего вещественного» [3, с. 90]. Затем разум достигает созерцания простых логосов, явленных в телесном [3, с. 83], что может быть соотнесено со сферой природы, либо низшей части Души у Плотина [2, с. 433], после чего восходит к ведению умопостигаемого [3, с. 83]. Пределом оказывается созерцание Святой Троицы, которому усваивается имя «богословие» и характеристики, близкие к описанию неоплатонического Единого.

Целью Плотина является рассмотрение бестелесных реальностей, и он подробно описывает как само Начало, так и происходящие от него ипостаси Ума и Души. Интересы Евагрия лежат в иной плоскости: аскет концентрируется на практиках смирения и отсечения страстей, служащих

пролегоменами к видению божественных сил. Отметим, что Евагрий не проводит столь категорического различия в инстанциях иерархии, как Плотин, и Троице, пребывающей превыше всего, им периодически усваиваются характеристики Ума и Души, что можно объяснять как меньшей точностью языкового аппарата Евагрия, так и его вниманием к самым начальным этапам практики. Онтологическая интуиция же здесь достаточно схожа, поэтому можно предположить, что реальность мистиков – едина, различны лишь глубина всматривания и момент, на который направлено видение.

Сверхзадачей оказывается победа над индивидуальностью через преодоление дискурсивного мышления, которое «в действительности представляет собой мышление воспринятое или осознанное, то есть отразившееся в воображении и таким образом ставшее заметным для нас» [4, с. 14]. По замечанию историка философии С. В. Месяц, «сознание не даёт нам положительного познания своего существа» [4, с. 15]. Через умаление нашей сознательности как несовершенной формы, непосредственно связанной с обращенностью на телесные образы и страсти, достигается величие подлинного мышления Ума, где созерцатель «видя себя, видит охваченным внутри себя всё, а, обращаясь ко всему, видит себя содержащимся во всё» [4, с. 15]. Отсюда осуществляется прыжок в Единое, где дана лишь чистая полнота сверхсущественности.

Таким образом, через опыт умаления платонической традиции можно обратиться к техникам мышления, отличающимся от рационалистического философского инструментария, что позволяет посмотреть на сам способ философствования под новым углом.

Список используемых источников:

1. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 49–96.
2. Плотин. Третья эннеада. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. 480 с.
3. Евагрий Понтийский. Слово о молитве // Творения аввы Евагрия: Аскетические и богословские трактаты. М.: Мартис. 1994. С. 76–93.
4. Месяц С.В. Сознание и личность в философии Плотина // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 147–160.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Цыпина Лада Витальевна, кандидат философских наук, доцент Кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Diminution as Ascent (On the Example of the Works of Plotinus and Evagrius)

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Kropotov Roman

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: rom.kropotov@yandex.ru

The report examines the mystical and ascetic practices presented in the works of Plotinus and the treatises of Evagrius Ponticus, and conducts a comparative analysis of them on the basis of their common focus on abandoning the “individual self” and admiration for the contemplation of realities that surpass thinking limited to the sensory sphere. With differences in theological conceptualization and practical emphases, the metaphysical aspiration to the First Principle connects the works of the author of the Enneads with the texts of the ascetic monk, which allows us to suggest the fundamental unity of the subject of mystical experience.

Keywords: being, The One, ontology, contemplation, diminution.

References:

1. Foucault, M. (1996). Poryadok discursa. Inagurazionnaya lekcia v Kollezhe de Franc, prochitannaya 2 decabrya 1970 goda [The Order of Discourse. Inaugural Lecture at the Collège de France, Delivered on December 2, 1970]. In *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Different Years*. (pp. 49–96). Moscow: Kastal. (in Russ.)
2. Plotinus. (2004). *Tretya enneada* [The Third Ennead]. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. 480 p. (in Russ.)
3. Evagrius Pontikos. (1994). Slovo o molitve [Word about prayer]. In *Works of Abba Evagrius: Ascetic and theological treatises*. (pp. 76–93). Moscow: Martis. (in Russ.)
4. Mesyats, S. (2013). Soznaniye i lichnost v filosofii Plotina [Consciousness and personality in the philosophy of Plotinus]. In Petrov, V. (Ed.), *ILLAOTONIKA ZHTHMATA. Research on the history of Platonism*. (pp. 147–160). Moscow: Krug. (in Russ.)

Отношение академических богословов конца XIX – начала XX вв. к Ф. Шлейермахеру

Салахов А.Б.

Статья посвящена рецепции философии Шлейермахера отечественной духовной школой конца XIX – начала XX вв. Автор приходит к выводу о двойственном отношении православных богословов к учению Шлейермахера о религии и религиозном чувстве. Эта двойственность позволяет, среди прочего, использовать отношение к Шлейермахеру и готовность опереться на его авторитет для того, чтобы проследить более традиционные (т. е. мейнстримные) тенденции в академическом богословии, и выявить более новаторские подходы, изолированные и до известной степени маргинальные, в рамках академического богословия конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: Ф. Шлейермахер, академическое богословие, нравственное богословие.

Реформы духовного образования, проводившиеся в России на протяжении всего XIX века, способствовали введению единых образовательных программ для духовных учебных заведений всех уровней. Среди общеобязательных

Салахов Аркадий Борисович, студент магистратуры, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: arkady1910@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© А.Б.Салахов

академических курсов, по уставу 1884 года, значились, в частности, «Введение в круг богословских наук» (ранее курс назывался «Основное богословие») и «Нравственное богословие» [1, с. 23]. Это были важнейшие учебные дисциплины, поскольку «Введение в круг богословских наук», например, должно было познакомить учащихся с богословской наукой в целом: целями и задачами, отраслями, методологией, литературой, актуальными проблемами и т. д. Особый упор делался на нравственное богословие, так как основной целью духовного образования постулировалось воспитание учащихся в христианском духе.

Но само преподавание этих курсов оказалось совмещенно с рядом существенных трудностей, одной из которых стало столкновение православия с современными западными богословием и философией. Так, профессор Новороссийского университета А. М. Клитин писал в отчете о поездке за границу: «Между тем, современное направление богословия совершенно упускает из внимания отчетливо определённую специфичность и самостоятельность религиозной области жизни, <...> переходит на сторону <...> механического мировоззрения <...>, т. е., здесь уже нет никакого богословия» [2, с. 16].

Рассуждая о вызовах для христианства со стороны автономной этики Канта, ведущей к обезличиванию Бога, к затуманиванию самой сути православия и, в конечном итоге, к номизму, А. М. Клитин утверждал, что «необходимо дать новое направление христианскому нравовучению, при котором, как говорил Шлейермахер, вместо холодного и рассудочного «я должен», стояло бы свободное и любвеобильное «я хочу» <...>» [3, с. 22]. Следовательно, ссылаясь на Шлейермахера, А. М. Клитин предлагает «сообщить христианскому нравственному богословию широкое реалистическое направление, в котором научно-философское изложение и система соединились бы с историческими образами и высокими принципами христианства» [3, с. 23].

Шлейермахер в своих «Речах о религии...» действительно определял религию как «чувство и вкус к бесконечному». Исходя из этого, для философа религия оказывалась связанной с религиозным чувством, пассивным созерцанием бесконечного в единичном и, разумеется, первичной по отношению к искусству, науке и нравственности. В этом смысле, учение Шлейермахера, очевидно, вызывало симпатию отечественных богословов, поскольку, апеллируя к некоторым его положениям, можно было не только критиковать рационализм Гегеля, но и постулировать принципиальную неотделимость нравственности от религии.

С другой стороны, ядро философии Шлейермахера по сути обесценивало церковное предание. Поэтому, например, Ф. Н. Орнатский упрекал немецкого мыслителя в спинозизме, принижении теоретическо-познавательного и морально-практического элементов в религии, индивидуализме и т. д. [4, с. 159-220].

Профессор и заведующий кафедрой богословия Харьковского университета Н.С. Стеллецкий, читая курс лекций по нравственному богословию, критиковал Шлейермахера за то, что тот свел религию к чувству безусловной зависимости от Бесконечного, т.е. к мистицизму, тем самым отделив её от всей полноты христианской нравственной жизни, проявляющейся не только в сиюминутном переживании, но и в твёрдой вере и ежедневном подвиге [5, с. 28].

Профессор богословия Санкт-Петербургского университета и СПбДА В.Г. Рождественский в «Лекциях по основному богословию» осуждает адогматизм религиозного чувства, говоря, что он может быть также и источником ложных или вовсе антирелигиозных представлений. Остальная часть его критики, по большей части, совпадает с уже описанной выше [6, с. 48-58].

В православном академическом богословии конца XIX – начала XX века отношение к философии Шлейермахера было неоднородным. В одних ситуациях к Шлейермахеру апеллировали для критики новейших философских учений. В других – акцентировали недостаточность его взглядов с точки зрения православного учения, указывая на невозможность принятия и утверждения примата религиозного переживания над догматикой. Эта двойственность позволяет, среди прочего, использовать отношение к Шлейермахеру и готовность опереться на его авторитет для того, чтобы проследить более традиционные (т.е. мейнстримные) тенденции в академическом богословии, и выявить более новаторские подходы, изолированные и до известной степени маргинальные, в рамках академического богословия конца XIX – начала XX века.

Список используемых источников:

1. Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884, с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. СПб.: Синодальная типография, 1908. 202 с.
2. Клитин А. М. Современные вопросы западной богословской науки в связи с характером ее преподавания на университетской кафедре: Отчет о заграничной командировке летом 1903 г. Одесса: Экон. тип., 1904.
3. Клитин А. М. О преподавании христианского нравоучения православной церкви в среднеучебных заведениях Министерства народного просвещения. Одесса: тип. «Русской речи», 1909.
4. Орнатский Ф. С. Учение Шлейермахера о религии. Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884.
5. Стеллецкий Н. С. Из лекций по нравственному богословию: (Prolegomena). Харьков: Епарх. тип., 1913.
6. Рождественский В. Г. Лекции по основному богословию. СПб.: лит. Пазовского, 1879-1880.

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного № 24-28-01158, <https://rscf.ru/project/24-28-01158/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

The Attitude of Academic Theologians of the Late 19th and Early 20th Centuries to F. Schleiermacher

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Salakhov Arkadii

Master's student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: arkady1910@yandex.ru

The article is devoted to the reception of Schleiermacher's philosophy by the Russian theological academic school of the late 19th – early 20th centuries. The author comes to the conclusion about the dual attitude of Orthodox theologians to Schleiermacher's teaching on religion and religious feeling. This duality allows, among other things, to use the attitude to Schleiermacher and the willingness to rely on his authority in order to trace more traditional (i.e. mainstream) trends in academic theology, and to identify more innovative approaches, isolated and to a certain extent marginal, within the framework of academic theology of the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: F. Schleiermacher, academic theology, moral theology.

References:

1. *Ustavy pravoslavnykh dukhovnykh seminarij i uchilishh, vysochajshe utverzhdennye 22 avgusta 1884, s otnosyashimisya k nim postanovleniyami Sv. Sinoda.* (1908). [The charters of Orthodox Theological seminaries and schools, most highly approved on August 22, 1884, with the relevant resolutions of the Holy Synod]. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. (in Russ.)
2. Klitin, A. (1904). *Sovremennye voprosy zapadnoi bogoslovskoi nauki v svyazi s harakterom ee prepodavaniya na universitetskoi kafedre: Otchet o zagranih. komandirovke letom 1903 g.* [Contemporary issues of Western theological science in connection with the nature of its teaching at a university department: Report on a foreign trip in the summer of 1903]. Odessa: EHkon. tip. (in Russ.)
3. Klitin, A. (1909). *O prepodavanii hristianskogo nravoucheniya pravoslavnoi cerkvi v sredneuchebnih zavedeniyah Ministerstva narodnogo prosvetsheniya* [On the

teaching of Christian moral teaching of the Orthodox Church in secondary educational institutions of the Ministry of Public Education]. Odessa: Russkoj rechi. (in Russ.)

4. Ornatskii, F. (1884). *Uchenie Shleiermahera o religii* [Schleiermacher's teaching on religion]. Kiev: tip. G.T. Korchak-Novitskogo. (in Russ.)
5. Stelleckii, N. (1913). *Iz lekcii po npravstvennomu bogosloviyu* (Prolegomena) [From lectures on moral theology: (Prolegomena)]. KHar'kov: Eparkh. tip. (in Russ.)
6. Rojdestvenskii, V. (1880). *Lekcii po osnovnomu bogosloviyu* [Lectures on basic theology]. SPb.: lit. Pazovskogo. (in Russ.)

«О душе» Тертуллиана: полемика христианской антропологии с языческим рационализмом

Свириденко А.А.

В работе рассматривается христианская антропология Тертуллиана на основе его трактата «О душе». Особенный акцент ставится на анализе антропологических воззрений карфагенского богослова в его «монтанистический период», уделяя внимание полемике с античными философами, в частности с Платоном, стоиками и эпикурейцами. Исследование ставит целью выявить, как через критику языческих концепций раскрываются собственные взгляды Тертуллиана на человеческую природу. Важное место в исследовании занимает вопрос первородного греха и дуализма души и тела, а также проблемы свободной воли и наследования первородного греха. Работа актуальна благодаря критическому историко-философскому подходу к анализу антропологических идей Тертуллиана, который позволяет увидеть его как мыслителя не только критикующего, но и активно использующего достижения античной философии для формирования раннехристианского представления о человеке.

Ключевые слова: христианская антропология, патристика, Тертуллиан, латинское богословие.

Свириденко Антон Алексеевич, студент бакалавриата, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

адрес для корреспонденции: antalesviridenko@edu.hse.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025, принят к публикации 22.02.2025

© А.А.Свириденко

Изучение христианской антропологии Тертуллиана – комплексная проблема для исследователей, занимающихся изучением творчества богослова, ибо в разных произведениях воззрения Тертуллиана на человеческую природу могут различаться, содержать в себе противоречия. По большей части, применимо к Тертуллиану нельзя говорить о некоторой цельной антропологической концепции, так как в ней содержатся значительные противоречия, о которых говорят современные исследователи, например А.Р. Фокин [2, с. 73–74]. В своей работе я подробнее остановлюсь на антропологических воззрениях Тертуллиана в рамках его «монтанистического периода», а конкретно, на примере его трактата «О душе» [1]. Нельзя отрицать, что для философии Тертуллиана, как для раннехристианского мыслителя наравне с христианством значительную роль играла предшествующая античная философская традиция. Конкретно критике антропологических концепций языческих авторов с позиций христианства и выдвижению собственной позиции по соответствующим и посвящено рассматриваемое произведение. В связи с этим возникает исследовательский вопрос работы: «Как раскрывается антропологическая концепция Тертуллиана на фоне критики языческих авторов?».

Решение представленной проблемы может представить актуальный взгляд на историко-философский анализ не только антропологической части учения Тертуллиана, но и всей его философии. Исследование актуально по той причине, что предлагает взгляд на Тертуллиана не только как на христианского мыслителя, но как на «наследника» античной философской традиции в целом. Можно говорить о том, что связь автора с античной философской традицией есть выражение причастности карфагенца к более общему явлению: античной культуре, в том числе и к образованию. Это прослеживается даже в структурировании авторского текста: его построения следуют риторической схеме, выдвинутой еще Цицероном. Такое двойное и сложное отношение богослова с Античностью позволяет предположить, что Тертуллиан выступает в роли «первопроходца» в латинской патристике, критически, возможно чрезмерно, подходящим ко всей предшествующей языческой антропологии при разработке нового учения о человеке, его душе и отдельных аспектах его природы. Его нововведения в виде доктрины первородного греха, дуализма и взаимосвязи души и тела сформировали фундамент для будущего христианского богословия.

В специальной литературе вопрос об антропологическом учении Тертуллиана практически не представлен: разве что существуют работы, рассматривающие отдельные аспекты его учения. В англоязычной литературе за последние 20 лет можно отметить отдельные статьи таких авторов, как Гонзалес [4], Стинберг [5], Бовон [3], в свою очередь в русскоязычной литературе важно упомянуть работу А.Р. Фокина [2], посвященную учению Тертуллиана о первородном грехе. Более общим научным трудом

о теологических и философских взглядах карфагенца выступает монография Осборна [5].

Главной целью представленной работы выступит рассмотрение, как раскрывается христианская антропологическая концепция Тертуллиана на фоне противопоставления взглядам античных философов в контексте трактата «О душе». Результатом доклада, в свою очередь, является сравнительный историко-философский анализ антропологических взглядов Тертуллиана на примере трактата «О Душе» с привлечением других текстов автора и античных мыслителей на вопросы о человеческой природе, соотношении души и тела: прежде всего с Платоном, но также и с Аристотелем, Эпикуром и стоиками.

Список используемых источников:

1. Тертуллиан К. С. Ф. О душе / Пер. с лат., вст. ст., комм. и указатель А. Ю. Братухина. Научное издание. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004.
2. Фокин А. Р. Тертуллиан и его вклад в формирование западного учения о «первородном грехе» // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. №2(14). С. 57–82.
3. Bovon F. The soul's comeback: Immortality and resurrection in early Christianity // Harvard Theological Review. 2010. Vol. 103. №4. P. 387–406.
4. Gonzalez E. Anthropologies of continuity: The body and soul in Tertullian, Perpetua, and early christianity // Journal of Early Christian Studies. 2013. Vol. 21. №4. P. 479–502.
5. Osborn E. Tertullian, first theologian of the West. Cambridge University Press, 2003.
6. Steenberg M. C. Impatience and humanity's sinful state in Tertullian of Carthage // Vigiliae christianae. 2008. Vol. 62. №2. P. 107–132.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществлял Михайловский Александр Владиславович, доктор философских наук, доцент Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Tertullian's "A Treatise on the Soul": The Polemics of Christian Anthropology with Pagan Rationalism

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Sviridenko Anton

Undergraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies,
National Research University Higher School of Economics
Correspondence to: antalesviridenko@edu.hse.ru

The work examines Tertullian's Christian anthropology based on his treatise "On the Soul". Particular emphasis is placed on analyzing the anthropological views of the Carthaginian theologian during his "Montanist period", focusing on his polemics with ancient philosophers, particularly Plato, the Stoics, and the Epicureans. The study aims to reveal how Tertullian's own views on human nature emerge through his critique of pagan concepts. Significant attention is given to the issues of original sin, the duality of soul and body, as well as the problems of free will and the inheritance of original sin. The work is relevant due to its critical historical-philosophical approach to analyzing Tertullian's anthropological ideas, which allows us to see him not only as a critic but also as a thinker who actively utilized the achievements of ancient philosophy to shape early Christian understanding of humanity.

Keywords: Christian anthropology, patristics, Tertullian, Latin theology.

References:

1. Tertullianus (2004). *O dushe* [Treatise on the Soul]. Izd-vo Olega Abyshko. (in Russ.)
2. Fokin, A. (2022). Tertullian i ego vklad v formirovanie zapadnogo ucheniya o "pervorodnom grekhe" [Tertullian and his Contribution to the Formation of the Western Doctrine of the "Original Sin"]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*, 2(14), 57–82. (in Russ.)
3. Bovon, F. (2010). The soul's comeback: Immortality and resurrection in early Christianity. *Harvard Theological Review*, 103, 4, 387–406.
4. Gonzalez, E. (2013). Anthropologies of continuity: The body and soul in Tertullian, Perpetua, and early christianity. *Journal of Early Christian Studies*, 21, 4, 479–502.
5. Osborn, E. (2003). *Tertullian, first theologian of the West*. Cambridge University Press.
6. Steenberg, M. (2008). Impatience and humanity's sinful state in Tertullian of Carthage. *Vigiliae christianae*, 62, 2, 107–132.

Мирыне в буддийском медиа-пространстве (на примере публичной страницы Дацана Гунзэчойнэй)

Снисаревская Д.В.

В приведённых тезисах доклада анализируется саморепрезентация русскоязычных буддистов-мирян на примере публичной страницы Дацана Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге. Рассматривается ряд публикаций по проблеме роли мирян в современном буддизме и представления «традиционного» буддизма в русскоязычном медиа-пространстве.

Ключевые слова: буддизм в России, гелуг, социальные сети, буддисты-мирыне.

В Санкт-Петербурге, за пределами традиционно буддийских регионов России, находится крупная община БТСР – Дацан Гунзэчойнэй. Она активно представлена в русскоязычном медиа-пространстве и позволяет пользователям «Вконтакте» комментировать её собственные публикации. Тем самым для русскоязычных буддистов-мирян возникает возможность саморепрезентации в цифровой среде. Предлагается проанализировать роль

Снисаревская Далила Владиславовна, студент бакалавриата, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

адрес для корреспонденции: st087578@student.spbu.ru

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.В.Снисаревская

мирян в российском буддизме в целом и в деятельности этой общины в частности.

Вопросу роли мирян в буддизме как таковом посвящена статья «Буддисты-миряне: проблемы классификации и подходы к изучению» Р. Т. Сабирова [1]. Исследователь рассматривает феномен западных буддийских общин, состоящих как из «этнических» буддистов, так и из конвертитов, и отмечает, что среди современных мирян возрос интерес к практике медитации и, в связи со всеобщей грамотностью, – к самостоятельному изучению сакральных текстов. Ссылаясь на многочисленных исследователей монгольского и бурятского буддизма, Р. Т. Сабиров приходит к выводу, что среди традиционно буддийских сообществ можно выделить людей, которые относят себя к этой религии исключительно в связи со своей этнической принадлежностью или же тех буддистов, которые действительно вовлечены в буддийскую практику. Тем самым исследователь предлагает заимствованных у западных буддологов нарратив «двух буддизмов», впрочем, отмечая зыбкость его критериев: традиционный и модернистский буддизм или же этнический буддизм и буддизм конвертитов.

Т. Б. Бадмацыренов в соавторстве с Е. А. Островской в статье 2024 года обращается к феномену российского традиционного буддизма в публичных медиасферах [2]. В качестве основной площадки для проведения полевого исследования медиа-пространства была выбрана социальная сеть «ВКонтакте», как и в случае настоящего исследования. Т. Б. Бадмацыренов и Е. А. Островская обозначают роль буддизма школы гелугпа как «коллективный религиозный бренд» [2, с. 222]. В частности, в выдержке из интервью с администратором одной из публичных страниц приводится: «Именно буддизм, махаяна и гелуг – это наша традиция» [2, с. 218]. В качестве одного из выводов исследования исследователи замечают тенденцию мирян к выбору «подходящего» наставника в буддийской практике за счёт медиаконтента, то есть блогов и пабликов, в которых презентован подход того или иного буддийского учителя. Это коррелирует с тенденцией, отмеченной Р. Т. Сабировым, – ростом «самостоятельности» и грамотности буддистов-мирян.

Говоря непосредственно о комментариях на публичной странице Дацана Гунзэчойнэй [3], можно выделить их доминирующий тип – это благодарность или молитва. Такое пожелание может выражаться как в развёрнутых формулировках, так и за счёт цитирования буддийских мантр и, наконец, как эмодзи сложенных вместе ладоней. Примечательно, что такие комментарии оставляют люди любой национальности, но чаще всего – пользователи с характерными для бурятского этноса фамилиями (Бальжиев, Бастуева, Жапова), притом одни и те же пользователи могут систематически оставлять одинаковые комментарии обозначенного типа. Возможно предположить, что таким образом миряне стремятся выразить своё одобрение деятельности общины, но отличие от «лайка» заключается именно в религиозном

компоненте этого одобрения, желании дистанционно присоединиться к молитвенным практикам. Так, более двадцати подобных комментариев было оставлено под видеозаписью молебна Будде Медицины. Интересно, что другая категория комментариев – провоцирующих дискуссию – характерна скорее для пользователей с «не-бурятскими» отображаемыми именем и фамилией. Примером такого взаимодействия может служить стремление согласовать веру пользовательниц в неблагоприятность «коридора затмений» и стремление одной из них попасть в марте на затвор, посвящённый Зелёной Таре. Тем самым здесь можно обратиться к концепции «двух буддизмов» и отметить, что, в то время как миряне-буряты стремятся выразить своё молитвенное соучастие деятельности общины, миряне-конвертиты самостоятельно конструируют свою мировоззренческую систему и готовы вступить в дискуссию с представителями общины.

Подводя итог, можно сказать, что заимствованная Р. Т. Сабиновым из англоязычной литературы концепция «двух буддизмов», несмотря на неопределённость её конкретных рамок, может быть вполне применима к дискурсу в русскоязычной медиа-среде. Также важной тенденцией представленности буддистов-мирян в медиа-пространстве является рост их «грамотности» – как стремления потреблять больше связанного с буддизмом контента и конструировать свою систему ценностей, что особенно характерно для конвертитов. При этом «традиционный» буддизм школы гелуг остаётся «лицом» российского буддизма даже несмотря на вовлечение конвертитов, а представители традиционных буддийских народностей РФ действительно активно проявляют себя в интернете.

Список используемых источников:

1. Сабиров Р.Т. Буддисты-миряне: проблемы классификации и подходы к изучению // *Oriental Studies*. 2018. №4(38). С. 43-51.
2. Островская Е.А., Бадмацыренов Т.Б. Российский традиционный буддизм в публичных медиасферах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. №6(184). С. 204-225.
3. Дацан Гунзэчойнэй [Электронный ресурс] / VK. // URL: <https://vk.com/dazanspb/> (Дата обращения: 10.02.2025).

Laity in the Buddhist Media Space (The Case of the Public Page of Datsan Gunzechoinei)

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Snisarevskaja Dalila

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: st087578@student.spbu.ru

This paper analyzes the self-representation of Russian-speaking lay Buddhists, taking the public page of Gunzechoinei Datsan in St. Petersburg as an example. Several publications regarding the issue of modern Buddhist laity and the representation of 'traditional' Buddhism in Russian-speaking media are taken into account.

Keywords: Buddhism in Russia, Gelug, social media, lay Buddhists.

References:

1. Sabirov, R. (2018). Buddisty-miryane: problemy klassifikatsii i podhody k izucheniju [Lay Buddhists: classification challenges and research approaches]. *Oriental Studies*, 4(38), 43-51. (in Russ.)
2. Ostrovskaya, E. & Badmatsyrenov, T. (2024). Rossijskij traditsionnyj buddizm v publicnyh mediasferah [Russian traditional Buddhism in public media spheres]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskiye i sotsialnyye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], 6(184), 204-225. (in Russ.)
3. Datsan Gunzechoinei. URL: <https://vk.com/dazanspb/> (Accessed on: 10.02.2025). (in Russ.)

Добродетель послушания в прусском гражданском этосе в XIX в.

Ухатюк Ю.И.

В докладе представлена попытка представить добродетель послушания в контексте формирования прусского этического мировоззрения, показав его конфессиональные истоки. Также в докладе утверждается особый характер трансформации этических представлений в этом государстве в Новое время, подвергающихся секуляризации, приводящей к смене доминирования конфессиональной идентификации среди её населения на главенство гражданской и национальной идентичности в духе идей эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Пруссия, дисциплинарная революция, секуляризация, нравственность.

Когда мы обращаемся к рассмотрению истории такого европейского государства Нового Времени как Пруссия, вспоминается милитаристский характер этого государства, строгая гражданская дисциплина и высокоорганизованная полиция. Особый характер формирования этого государства и уникальная многоконфессиональность привели к рождению представлений об особых гражданских добродетелях, сформированных

на основе лютеранской нравственной теологии и кальвинистской этики. Послушание, как важная христианская добродетель имела большое значение во все периоды истории христианской религии. В послании к Филиппийцам (2:6-11) апостол Павел упоминает о послушании Христа и его унижении для спасения людей. Многие поколения христиан по-разному реализовывали добродетель послушания, связывая её с покорностью церковной иерархии, духовному наставнику и т.д. Вместе с тем, мы можем наблюдать трансформацию представлений об этой добродетели в государствах Нового Времени, которая все более связывается с гражданской лояльностью и представлением об идеальном верноподданном государства.

Прусское государство является главным историческим примером «дисциплинарной революции сверху» и, согласно Филиппу Горски, её исток следует искать в мировоззрении кальвинистской правящей династии и перешедшей с её подачи в кальвинизм государственной элиты [1, с. 93]. Кальвинистское послушание Богу трансформировалось в послушание государственной власти и служение «общему благу». Вместе с идеями кальвинистской теологии, благодаря влиянию из Нидерландов, в Пруссию были принесены идеи неостоицизма, также утверждавшие важность беспрекословного послушания властям [2, с. 58]. Помимо кальвинизма, при формировании прусской духовной культуры значительнейшую роль сыграл лютеранский пиетизм, ставший фактором дисциплинизации общества «снизу» [1, с. 105]. Пиетистское движение в своей борьбе против лютеранской ортодоксии вступало в союз с кальвинистской элитой Пруссии и укрепляли идеи преданности прусскому монарху и иерархии этой страны [2, с. 63].

В утверждении прусского этоса наиболее важную роль сыграла личность короля Пруссии Фридриха Вильгельма I (1713-1740). Прославленный своим аскетизмом и ригоризмом, убежденный в том, что процветание его династии и страны является милостью Бога за послушание Ему, он стремился воплощать строгие этические идеалы этой конфессии «железной рукой», будучи уверенным в том, что послушание божественным заповедям жителей королевства является залогом его процветания [1, с. 94]. В годы правления этого короля начинает формироваться представление о пруссаках как о раблепно преданных власти, дисциплинированных гражданах, готовых на большие жертвы для исполнения долга. При сыне «короля-солдата» Фридрихе Великом в ходе Семилетней войны стойкость прусских солдат и послушание подданных Прусского королевства стала удивительным явлением для противников Пруссии в этой войне. Гражданская сознательность и послушание властям были наполнены тем же рвением, что ранее находило свое проявление в религиозных войнах. Именно в этот период мы можем наблюдать постепенный переход от превалирования конфессиональной идентичности у жителей Пруссии к актуализации их самосознания в качестве

подданных королевства, объединенных для служения во имя общего благополучия и утверждения порядка [3, с. 123].

В дальнейшем, в истории Пруссии произошло событие, еще более подчеркивающее значимость мировоззренческих изменений. Провозглашение Фридрихом Вильгельмом III (1797-1840) Прусской унии в 1817 году стало новым испытанием для конфессиональной идентификации подданных королевства. Волей короля кальвинистские и лютеранские церкви земель Пруссии были объединены, что в очередной раз продемонстрировало готовность сохранять лояльность решениям короля даже в вопросах религиозной идентификации. Служение Богу и нравственная жизнь всё в большей степени ассоциируется с общественным служением и исполнением долга перед страной и королем.

В XX веке прусское мировоззрение столкнулось с серьезными испытаниями мировых войн и поражений в них. Именно Пруссия и присущее её элитам мировоззрение было объявлено источником агрессии после Первой мировой войны. После Второй мировой войны прусская этика оказалась окончательно дискредитирована, оставаясь важной только для государственных элит ГДР [4, с. 37]. Прусские добродетели в Новейшую эпоху оказались в упадке, как и многие гражданские идеалы эпохи Просвещения, а им на смену пришли гораздо более индивидуалистические моральные установки современности.

Изучение прусского этического мировоззрения, актуализация которого явилась целью доклада, представляется важным для понимания процессов секуляризации моральных представлений в эпоху Просвещения, а также демонстрируют собой пример морального ригоризма и требовательности к лояльности граждан, присущего идеологиям государств Нового Времени.

Список используемых источников:

1. Gorski P. S. *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the Early Modern State*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 249 p.
2. Hsia R. P. *Social Discipline in the Reformation: Central Europe 1550–1750*. In *Christianity and Society in the Modern World*. Routledge, 1989. P. 1–213.
3. Lepsius M. R. *Die pietistische Ethik und der "Geist" des Wohlfahrtsstaates oder: Der Hallesche Pietismus und die Entstehung des Preußentums*. In *Gesellschaften im Umbruch: Verhandlungen des 27. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Halle an der Saale 1995*. Campus Verlag, 1996. S. 110–124.
4. Piper E. *Preußische Tugenden im Zeitalter der totalitären Herausforderung*. *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*. 2001. Bd. 53. Nr. 1–4. S. 35–45.

Благодарности

Научное руководство в процессе подготовки данного исследования осуществляла Чумакова Татьяна Витаутасовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

The Virtue of Obedience in the Prussian Civic Ethos in the 19th Century

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Ukhatuk Yuri

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University
Correspondence to: ukhatuk1995@gmail.com

The report presents an attempt to present the virtue of obedience in the context of the formation of the Prussian ethical worldview, showing its confessional origins. The report also asserts the special nature of the transformation of ethical ideas in this state in Modern times, which are undergoing secularization, leading to a change in the dominance of confessional identification among its population to the primacy of civil and national identity in the spirit of Enlightenment ideas.

Keywords: Prussia, disciplinary revolution, secularization, morality.

References:

1. Gorski, P. (2003). *The disciplinary revolution: Calvinism and the rise of the early modern state*. University of Chicago Press.
2. Hsia, R. (1989). Social discipline in the Reformation: Central Europe 1550–1750. In *Christianity and society in the modern world*. Routledge.
3. Lepsius, M. (1996). Die pietistische Ethik und der “Geist” des Wohlfahrtsstaates oder: Der Hallesche Pietismus und die Entstehung des Preußentums. In L. Clausen (Hrsg.) *Gesellschaften im Umbruch: Verhandlungen des 27. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Halle an der Saale 1995*. Campus Verlag, 110–124.
4. Piper, E. (2001). Preußische Tugenden im Zeitalter der totalitären Herausforderung. *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*, 53(1–4), 35–45.

Исихазм как “lived religion”: индивидуальный опыт, «отречение себя» и «переизобретение» традиции

Ченцова Д.А.

В докладе будет представлен сравнительный анализ конвенциональных представлений об исихазме, как о традиции, в которой важное место отводится наставничеству и послушанию, и современных представлений, характеризующихся трансформацией ряда мировоззренческих установок относительно аскетической практики. Будет дан ответ на вопрос о характере религиозности современных мирян, практикующих исихазм, приведена характеристика способов самоограничения в рамках практики и продемонстрирована связь современных представлений о традиции с более глобальными «трендами» религиозной жизни. Исихазм в рамках доклада будет рассматриваться в контексте концепции “lived religion”.

Ключевые слова: исихазм, традиция, религиозный опыт, личная религиозность, индивидуализация религии.

Ченцова Дарья Александровна, молодой преподаватель, Богословский факультет, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
адрес для корреспонденции: yuipsell@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© Д.А.Ченцова

Одним из продуктивных подходов в современном зарубежном религиоведении является концепция “lived religion” («живой религии»), которая ставит своей задачей охватить и описать многообразие проявлений религиозного, понимая религию как конструкт определенной эпохи и ландшафта [1, с. 158-159]. В рамках данной концепции мы можем говорить о многих современных нам религиозных традициях, которые, находясь в динамике, подверглись с течением времени ряду трансформаций, связанных как с глобализацией в целом (и выходом религиозных традиций в иные, более широкие и непривычные культурные контексты), так и с тенденциями (пост)секуляризации, индивидуализации и субъективизации религии, появлением специфического «рынка религии», в пространстве которого верующий может выбирать свою стратегию религиозного бриколажа [2, с. 254-260].

Не исключение здесь и традиция исихазма, которая претерпела ряд изменений, связанных как с выходом из «привычного» монашеского пространства, так и с распространением практики по разным культурным сообществам [3, с. 11-16].

В частности, современная традиция исихазма, наряду с «традиционным» монашеским измерением, имеет также два более «секуляризованных» измерения, которые можно определить как неоисихазм (интеллектуальную рефлексию относительно исихазма с среде академических исследователей, философов, теологов – представителей различных конфессий и религиозных традиций) и квази-исихазм (исихазм, практикуемый мирянами различного уровня воцерковленности, относящими себя конфессионально к православному христианству, а также другими верующими – представителями иных религий, религиозных или духовных традиций, или же внеконфессиональными верующими, в своей повседневной религиозной жизни использующими элементы исихастской практики). При этом варианты практики мирян и варианты рефлексии относительно традиции исихазма в академической среде являются результатом постепенного выхода исихастской практики из ее первоначального православно-христианского монашеского окружения в более широкий внешний мир и характеризуются новыми, более свободными интерпретациями традиции. В отличие от монашеской практики исихазма, являющейся закрытой для широкого круга последователей и существующей в относительно замкнутом пространстве монастырей, руководствующихся в своей деятельности афонским уставом, мирянская практика исихазма обладает определенной свободой самовыражения, в частности, может характеризоваться выборочностью элементов практики, ее трансформацией, а также имеет склонность к подчеркиванию важности уникального опыта личностной религиозности. Но в отличие от более привычного монашеского измерения, для которого характерны такие элементы, как послушание, следование за наставником, а также различные

приемы самоумаления в самом начале практики (и в целом, следование святоотеческому представлению о собственной «великой грешности» и недостойности, в среде современных мирян, практикующих в тех или иных формах практику исихазма, мы видим более широкую палитру мнений относительно того, какие из этих элементов являются необходимыми для того, чтобы находиться в традиции. В частности, наиболее размытыми оказываются представления относительно наставничества и послушания, а также ряд установок относительно аскетической практики. Способы самоограничения в рамках практики нередко оказываются связаны с пониманием «практик себя», характерных для восточных традиций (в частности, йоги или суфизма). В рамках концепции “lived religion” мы можем объяснить такие трансформации ранее упомянутыми более общими тенденциями религиозной жизни, в которой исихазм оказывается фактически одним из вариантов «духовности» на «религиозном рынке».

Список используемых источников:

1. Knibbe K., Kupari H. Theorizing lived religion: introduction // Journal of Contemporary Religion. 2020. №35(2). P. 157–176.
2. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1(33). С. 254-268.
3. Johnson C.D.L. The Globalization of Hesychasm and the Jesus Prayer: Contesting Contemplation. Continuum, 2010. 224 p.

Hesychasm as a “Lived Religion”: Individual Experience, “Denial of Self” and “Reinvention” of Tradition

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Chentsova Daria

Young teacher, Faculty of Theology, St. Tikhon's Orthodox University
Correspondence to: yuipsell@gmail.com

The paper provides a comparative analysis of conventional interpretations of Hesychasm as a tradition rooted mentoring and obedience, and modern reflections with transformed attitude towards ascetic practices. We will answer the question of the nature of religiosity of modern lay people practicing Hesychasm, describe the methods of self-restraint within the practice of Hesychasm,

and demonstrate the connection of modern ideas with global “trends” of religious life. In the framework of the paper presented, Hesychasm will be considered as “lived religion”.

Keywords: hesychasm, tradition, religious experience, personal religiosity, individualization of religion.

References:

1. Knibbe, K., & Kupari, H. (2020). Theorizing lived religion: Introduction. *Journal of Contemporary Religion*, 35(2), 157–176.
2. Hervieu-Léger, D. (2015) V poiskakh opredelennosti: paradoksy religioznosti v obshchestvakh razvitogo moderna [In Search of Certainties: The Paradoxes of Religiosity in Societies of High Modernity]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 33(1), 254–268.
3. Johnson, C.D.L. (2010). *The Globalization of Hesychasm and the Jesus Prayer: Contesting Contemplation*. Continuum.

Понятие кенозиса в немецкой протестантской теологии XVI – XIX вв.: М. Лютер, Г. Гегель, рационализм

Шестаков М.А.

В статье анализируется направление кенотической христологии в немецкой протестантской теологии XVI – XIX вв. Раскрывается сущность учения о кенозисе (божественном самоуничижении) в христианстве, особое значение этого вопроса в связи с пониманием Таинства Причастия у Мартина Лютера, дальнейшее развитие кенотизма в лютеранстве, его влияние на философию Гегеля, а также на богословский рационализм XIX в. Статья позволяет проследить переосмысление протестантскими богословами традиционной христологии в кенотическом ключе, которое стало оказало большое влияние на развитие современной христианской теологии.

Ключевые слова: кенозис, христология, протестантизм, М. Лютер, Г. Гегель.

Кенотическая христология является самобытным направлением немецкой протестантской теологии XVI – XIX вв. Проблема кенозиса (греч. κένωσις) –

Шестаков Михаил Алексеевич, студент бакалавриата, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
адрес для корреспонденции: mikhail.a.shestakov@gmail.com

Текст поступил в редакцию 10.02.2025, отзыв рецензента 21.02.2025,
принят к публикации 22.02.2025

© М.А.Шестаков

божественного самоуничтожения, умаления, выражающегося в принятии Иисусом Христом, совершенным Сыном Божьим, несовершенной человеческой природы, а также в последующем претерпении Им унижительной казни через распятие – одна из ключевых проблем христианского богословия, рецепция которой продолжается от раннего христианства до современности.

Кенотический мотив христианского учения фиксируется множеством религиоведов [4, с. 21], однако философская разработка понятия кенозиса на протяжении веков принимала принципиально различные формы. Одной из них является кенотическая христология – направление протестантской теологии, развивавшееся в Германии на протяжении XVI – XIX вв. и ставшее, во-первых, переосмыслением традиционной (Халкидонской) христологии, во-вторых, основанием для последующей, в т.ч. философской, рецепции понятия кенозиса в современности [5, с. 68].

Отправной точкой кенотической христологии в протестантизме становятся суждения Мартина Лютера относительно Таинства Святого Причастия [5, с. 42]. Скептически переосмысляя католическую доктрину пресуществления, Лютер приходит к вопросу, ранее поднимавшемуся в восточной патристике [6, с. 270], но так и не разрешенному: какой природой обладают Тело и Кровь Христа во время Причастия – только божественной, или также и человеческой [5, с. 44]? Иными словами – является ли причастный хлеб, Тело Христово, тленным, как присуще человеческому телу, или обладает свойством божественной нетленности [6, с. 271]? Лютер для разрешения этого вопроса отсылает к доктрине *communicatio idiomatum* (лат. «общение свойств»), которая представляет собой рецепцию Халкидонской христологии на Западе и объясняет перманентное единение божественной и человеческой природ во Христе. Именно затрагивая вопрос сочетания божественных и человеческих свойств во Христе, Лютер касается проблемы кенозиса, ведь Бог, принимая на себя человеческую природу, как бы умалает определенные свойства природы божественной [5, с. 44].

В дальнейшем по данному вопросу дискутировали лютеранские богословы И. Бренц и М. Хемниц, а также их последователи в Тюбингенском и Гисенском университетах соответственно [3, с. 121]. Последователи Бренца утверждали, что для полноты воплощения человечество Христа должно обладать божественной славой (*genus majestaticum*, лат. «закон величия»), соответственно, Христос по воплощении полностью сохранял свойства божественной природы; но т.к. библейские тексты свидетельствуют о самоуничтожении Христа, данные богословы выдвинули понятие крипто-кенотицизма: в уничиженном состоянии Христос скрытно (греч. *κρυπτός*) сохранял божественные свойства [4, с. 64]. Позиция последователей Хемница, напротив, подразумевала, что Христос по умолчанию обладает божественной славой ипостаси Сына Божьего, и Ему не требуется отдельное, в т.ч. «скрытное» проявление божественных свойств в человеческой природе;

в таком случае, кенозис Христа представлял собой временный отказ Бога от некоторых из своих свойств [4, с. 71].

Эта идея, утвердившаяся в немецкой теологии, оказала серьезное влияние на метафизику Гегеля [2, с. 38]. Его представление о Боге как бытии в становлении и о самораскрытии Абсолютного Духа в отчуждении во многом продиктованы доктриной протестантского кенотизма [2, с. 38]. Напрямую затрагивая фигуру Христа, Гегель отмечает, что Его воплощение преодолевает абстрактную оппозицию божественного и человеческого через принесение Богом в жертву своих же божественных свойств [1, с. 348], что является метафизическим прочтением кенозиса.

В протестантском рационализме XIX в., во многом опирающемся на философию Гегеля, доктрина кенозиса получила новое развитие. Для богословов Э. Сарториуса и Г. Томазиуса, кенозис заключался в приостановке во Христе действия некоторых божественных свойств – всемогущества, всеведения и вездесущия [4, с. 164]. Позднее ученые Ф. Франк и В. Гесс радикализировали данный тезис, утверждая кенозис как полное отречение Христа от своей божественной природы [4, с. 180]. В духе рационализма эта доктрина стремилась подтвердить исключительно человеческую роль Христа как учителя и проповедника, апеллирующую к исследованиям об историческом Иисусе из Назарета и ставящая под сомнение искупительный характер Его жертвы [5, с. 67]. Жертвенный характер служения Христа теперь понимался не относительно Его смерти на кресте, а относительно Его кенозиса, принесения в жертву своей божественности. Таким образом, протестантская кенотическая христология серьезно изменила традиционные христологические представления и дала импульс для дальнейшего развития христианской теологии в антропологическом ключе.

Список используемых источников:

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия религии*. В 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Мысль, 1975. 532 с.
2. Думитраке Ю. К. Кенозис как философское понятие // *Дискуссия*. 2014. №10(51). С. 37–40.
3. Berkhof L. *The History of Christian Doctrines*. Carlisle: Banner of Truth, 1991. 285 p.
4. Dawe D. G. *The Form of a Servant: A Historical Analysis of the Kenotic Motif*. Philadelphia: Westminster press, 1963. 218 p.
5. Law D. R. *Luther's Legacy and the Origins of Kenotic Christology* // *Bulletin of the John Rylands Library*. 2017. Vol. 93. P. 41–68.
6. *The Oxford Handbook of Christology* / ed. F. A. Murphy. Oxford: Oxford University Press, 2015. 689 p.

The Concept of Kenosis in German Protestant Theology of the 16th – 19th Centuries: M. Luther, G. Hegel and the Rationalists

Received: 10 February 2025; Accepted: 22 February 2025

Shestakov Mikhail

Undergraduate student, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia

Correspondence to: mikhail.a.shestakov@gmail.com

This article analyzes the way of kenotic Christology in German Protestant theology of the 16th-19th centuries. It reveals the doctrine of divine kenosis in Christianity, the special significance of this issue in Martin Luther's understanding of the Eucharist, the further development of kenoticism in Lutheranism, its influence on Hegel's philosophy, as well as on the theological rationalism of the 19th century. The article allows us to trace the rethinking of traditional Christology by Protestant theologians in a kenotic way, which has had a great influence on the development of contemporary Christian theology.

Keywords: kenosis, Christology, Protestantism, M. Luther, G. Hegel.

References:

1. Hegel, G. W. F. (1975). *Filosofiya religii* [Lectures on the Philosophy of Religion]. Mysl. (in Russ.)
2. Dumitrake, J. (2014). Kenosis kak filosofskoe ponyatie [Kenosis as philosophical term]. *Diskussiya*, 10 (51), 37–40. (in Russ.)
3. Berkhof, L. (1991). *The History of Christian Doctrines*. Banner of Truth.
4. Dawe, D. (1963). *The Form of a Servant: A Historical Analysis of the Kenotic Motif*. Westminster press.
5. Law, D. (2017). Luther's Legacy and the Origins of Kenotic Christology. *Bulletin of the John Rylands Library*, 93, 41–68.
6. Murphy, F. (Ed.). (2015). *The Oxford Handbook of Christology*. Oxford University Press.